А. Чехов

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/anyexob0000unse

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двенадцати томах

Под общей редакцией
В. В. ЕРМИЛОВА, К. Д. МУРАТОВОЙ,
З. С. ПАПЕРНОГО, А. И. РЕВЯКИНА

Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1964

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том двенадцатый

ПИСЬМА

1893—1904

Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1964

Примечания *Н. И. Гитович*

Оформление художника
Н. ШИШЛОВСКОГО

ЧЕХОВ
1901

301

Л. Я. ГУРЕВИЧ

9 января 1893, Петербург

9 января 1893 г., М. Итальянская, 18.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

Я каждый день собираюсь к Вам, но я слаб, как утлая ладья, и волны носят меня не туда, куда нужно. Я приду к Вам, чтобы поговорить и извиниться, а главное, попросить у Вас позволения не давать Вам обещаний. Нет ничего тяжелее, как обманывать надежды и раздражать людей своею неисправностью. Я положительно не умею писать к сроку. Все, что я писал осенью, мною забраковано, а теперь я ничего не пишу, в ожидании, когда посетит меня добрая муза и встряхнет мою вялую душу. Из всех беллетристов я самый ленивый и самый ненадежный. Простите за сей кающийся тон, но Вы писали мне искренно, и я тоже отвечаю Вам искренно.

Если Михаил Нилович приехал, то поклонитесь ему.

Преданный *А. Чехов.*

302

В. Г. ЧЕРТКОВУ

20 января 1893, Петербург

20 янв. 93.

Многоуважаемый Владимир Григорьевич! Я сказал г. Хирьякову, что буду писать Вам из дому, но так как я отложил свой отъезд еще на несколько дней, то пишу Вам из Петербурга.

Если г. Хирьяков писал Вам, что я обиделся, то он немножко преувеличил, в чем, впрочем, я не вижу большой беды; у нас с ним происходил деловой разговор, и я выражал ему скорее удивление, чем неудовольствие. Я удивлялся, что «Посредник», давно уже популярный, крепко ставший на ноги в смысле доверия и симпатий общества, не хочет пользоваться своей популярностью и медлит, медлит... Старые издания уже пригляделись, а новых нет, обещаете Вы скупо, и нет надежды, что развитие дела, по своим размерам, будет соответствовать задачам. Похоже на то, как будто Вы утомились или разочаровались. Вот что я говорил г. Хирьякову. Говорил я ему также, что если авторы еще живы, то нельзя издавать их сочинений без их корректуры. Я посылал Вам свои рассказы в неисправленном виде (исключая, впрочем, «Именины») в расчете, что Вы непременно пришлете мне корректуру. На издание каждой книжки уходит больше 1—2 года, а в такой срок можно успеть прочесть корректуру не один раз. Что же касается «Жены», то я писал Вам, что в том виде, в каком она есть, печатать ее нельзя и что необходимо переделать ее. Во всяком случае, чтение корректуры — обычай очень хороший и пренебрегать им не следует. Если бы я был издателем, то, приобретая сочинения, ставил бы непременным условием авторскую корректуру. Вот и все. Больше, кажется, я ничего не говорил.

Обе книжки — «Жену» и «Именины» я получил [1]. Вы спрашиваете, нравится ли мне издание с внешней стороны. Мне кажется, что для 20-копеечной книги это слишком большой формат. Книжка займет много

места на выставке в окне и в магазине. Чем компактнее книжка, тем она легче укладывается, переплетается и тем солиднее на вид. Надпись в круге: «для интел. читателей» совсем неудобна. Она несерьезна, хотя и передает серьезную мысль. Я бы упразднил ее или перенес в объявление о книгах, где она не резала бы так глаза.

Вы пишете о сплетнях. Уверяю Вас, до сих пор о «Посреднике» и о Вашей деятельности я слышал только одно хорошее. И литераторы и общество относятся к Вам с полным сочувствием. Круг моих наблюдений и знакомств не широк. Я отвечаю только за тех, кого знаю, но думаю, что если бы что-нибудь похожее на сплетню носилось в воздухе, то оно достигло бы до моих ушей. Но, повторяю, я ничего не слышал такого, что могло бы не понравиться Вам. Все обстоит благополучно.

И. И. Горбунова я не видел. Мне говорили, что он заболел и не выходит из дому.

С Вашим расчетом (240 р.) я соглашаюсь, но о деньгах я не говорил с г. Хирьяковым. Вы пришлите мне их в Серпухов, где они будут нужнее, здесь же в Петербурге я боюсь истратить их зря. Мой адрес для простых писем: ст. Лопасня Моск.-Курск. д., а для заказных и страховых — г. Серпухов Моск. губ.

«Палата № 6» входит в сборник, который теперь печатается и выйдет через неделю [2]. Уступить Вам этот рассказ значило бы остаться без сборника, который даст мне по меньшей мере тысячу рублей. Деньги же мне теперь адски нужны, так как пишу я мало и живу одной только литературой. Простите мне этот расчет.

Уеду я домой через 3—4 дня и буду жить безвыездно до конца мая.

Желаю Вам всего хорошего и прошу Вас верить в мое искреннее уважение и сочувствие. Я по-прежнему рад быть полезным Вашему делу, и если до сих пор был мало полезен, то это зависело не от желания, а от размеров сил моих.

Преданный

А. Чехов.

303

И. Е. РЕПИНУ

23 января 1893, Петербург

23-го янв.

Многоуважаемый Илья Ефимович, посылаю Вам свой больничный рассказ, о котором я говорил [1].

С Вашего позволения, с вопросом насчет того, была ли луна в Гефсиманском саду [2], я обращался к молодому священнику-богослову, изучавшему древнееврейскую литературу и проч. Третьего дня у меня с ним был разговор, и он, как на важнейший литературный источник, указал мне на книгу Исход, глава XII, а сегодня я получил от него письмо, которое при сем прилагаю. В этом письме есть два-три указания, которые, быть может, сгодятся. Сочинения Дидона, о котором идет речь в письме, можно достать у Суворина.

Автор письма — ученый и толковый человек. Если вопрос для него неясен, то, значит, он неясен для всех богословов. Что касается астрономов, то и они едва ли скажут Вам что-нибудь определенное.

Во всяком случае, надо думать, что была луна. Пишет же почему-то Ге с луной [3]. Очевидно, подробное изучение предмета (если, конечно, таковое было) склонило его в пользу луны.

Я вижу Вашу картину ясно во всех подробностях. Значит, она произвела на меня сильное впечатление. А вы говорили — скучный сюжет.

У меня был Л. Л. Толстой, и мы сговорились ехать вместе в Америку [4].

Желаю Вам всего хорошего и еще раз благодарю.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

304

А. С. СУВОРИНУ

5 февраля 1893, Мелихово

5 ф.

Отец болен: у него сильная боль в спине и онемение пальцев — не всегда, впрочем, а припадками, на манер грудной жабы. Он философствует и ест за десятерых, нет никаких сил убедить его, что лучшее для него лекарство — воздержание. Вообще я в своей практике и в домашней жизни заметил, что когда старикам советуешь поменьше есть, то они принимают это чуть ли не за личное оскорбление. Нападки на вегетарианство и, в частности, буренинские походы на Лескова кажутся мне очень подозрительными в этом смысле [1]. Если бы Вы стали проповедовать рис, то Вас подняли бы на смех. И, я думаю, смеялись бы только обжоры.

У меня, голубчик, беда — у сестры что-то вроде тифа. Бедняга заболела в Москве. Когда я привез ее домой, она совсем осипла, захирела, 40°, боль во всем теле, тоска... Я возился с ней две ночи. Она стонала: «Я умираю!» — и это приводило в ужас всю мою фамилию, особенно мать. Была минута, когда казалось, что Маша сейчас умрет. А теперь у нее вот уже четвертые сутки сильно болит голова, так что пошевелиться больно. Нет ничего тяжелее, как лечить своих. Делаешь все, что нужно, а каждую секунду кажется, что не то делаешь...

Аттестат мой — не знаю где, а паспорт у меня дома. Когда понадобится, могу прислать удостоверение, что я лекарь. Но погодите до конца марта. В душу мою вкралась нерешительность. Между прочим, мне кажется теперь, что название «Чайка» не годится. Блеск, Поле, Молния, Сундук, Штопор, Панталоны... это не годится. Назовем так: Зима. Можно и Лето. Можно Месяц. А не назвать ли просто Двенадцать? [2]

В янв. книжке «Труда» напечатана пьеса Мережковского «Прошла гроза». Если не хватит времени и охоты прочесть всю пьесу, то вкусите один только

конец, где Мережковский перещеголял даже Жана Щеглова. Литературное ханжество самое скверное ханжество.

Зачем Вы так суровы к Лессепсу и К°? Французы жестокий народ; у них есть гильотина и из их тюрем выходят расслабленными идиотами; у них система устрашения, но и они находят приговор не в меру суровым или, по крайней мере, из чувства деликатности говорят, что приговор им кажется суровым. Лессепс и К° слетели с высоты, уже осуждены и поседели в одну ночь [3]. Помоему, лучше снести упреки в излишнем сентиментализме и в неполитичности, чем рисковать быть жестоким. У Вас проскочила одна телеграмма воистину жестокая. 5 лет тюремного заключения, лишения прав и проч. — это высшая мера наказания, удовлетворившая даже прокурора, а в телеграмме: «Мы находим это слишком снисходительным». Силы небесные, что же нужно? И для кого нужно?

Солнце светит вовсю. Пахнет весной. Но пахнет не в носу, а где-то в душе, между грудью и животом. Ночью холодно, а днем с крыш каплет.

Астрономка в Петербурге, с чем и имею честь Вас поздравить. Желаю, чтобы она пришла к Вам и просидела восемь часов. Она хочет куда-то поступить учиться, и подруга ее, докторша, верит, что из нее выйдет большой толк [4].

Если в самом деле поедете за границу и увидитесь там с Плещеевым, то скажите ему, чтоб он купил мне полдюжины стульев. Не отстану, пока не купит. Стулья мне не нужны, а нужно, чтоб он чувствовал [5]. Наведите также справку насчет девственности.

Я, живучи у Вас, пополнел и окреп, а здесь опять расклеился. Раздражен чертовски. Не создан я для обязанностей и священного долга. Простите сей цинизм. Прав тот доктор, мой товарищ по гимназии, мною забытый, который неожиданно прислал мне из кавказской глуши письмо; он пишет: «Все лучшие интеллигенты приветствуют переход Ваш от пантеизма к антропоцентризму» [6]. Что значит антропоцентризм? Отродясь не слыхал такого слова.

Я продолжаю курить сигары.

Непременно скажите Анне Ивановне, что я ей кланяюсь, а то она говорила, что в своих письмах к Вам я обыкновенно отделываюсь общим местом — «поклон всем Вашим». Ей нижайший поклон и благодарность за гостеприимство, которого я никогда не забуду. Отлично я у Вас пожил.

Да хранят Вас небо, солнце, луна и звезды. Пишите. Нового ничего нет. Всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

305

В. М. ЛАВРОВУ

9 февраля 1893, Мелихово

9 февр.

Ваша телеграмма [1], дорогой Вукол Михайлович, разбудила меня в 3 часа утра. Я думал, думал и ничего не надумал, а уже 9 часов и пора посылать Вам ответ. «Рассказ моего пациента» — не годится безусловно: пахнет больницей. «Лакей» — тоже не годится: не отвечает содержанию и грубо. Что же придумать?

1) В Петербурге.

2) Рассказ моего знакомого.

Первое — скучно, а второе — как будто длинно. Можно просто «Рассказ знакомого». Но дальше:

3) В восьмидесятые годы.

Это претенциозно.

4) Без заглавия.

5) Повесть без названия.

6) «Рассказ неизвестного человека».

Последнее, кажется, подходит [2]. Хотите? Если хотите, то ладно.

Но что цензура? Я побаиваюсь.

Масленица прошла у меня хуже чем невесело. Дома были больные. Теперь лучше.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

306

И. И. ОСТРОВСКОМУ

11 февраля 1893, Мелихово

11 февр. Ст. Лопасня Моск.-Курск. д.

Многоуважаемый Иосиф Исаевич! Вернувшись на днях из Петербурга, я получил Ваше письмо. Оно было прислано мне из Москвы, куда было адресовано и где я уже не живу с весны прошлого года. Стало быть, не я виноват в том, что наша запоздалая медицинская помощь оказалась ненужною [1]. Больная теперь, слава богу, здорова. У нее был один мой товарищ, отличный человек и такой же врач [2], я передал ему Ваше поручение, и он исполнил его с большим удовольствием. Сам же я не мог побывать у г-жи Раковской, так как живу у себя в имении в Серпуховском уезде; главная же причина — у меня в доме больные, которых я не могу оставить.

Вы спрашиваете о моем брате Николае. Увы! Он в 1889 г. умер от чахотки. Это был талантливый и уже популярный художник и подавал солидные надежды. Смерть его — большой минус в моей жизни. О других гимназических товарищах я имею самые ничтожные сведения. Савельев земским врачом где-то на Дону; Зембулатов тоже врачом на Курской дороге; Эйнгорн поет в петербургской опере под фамилией Чернова; Сергеенко живет в Москве и работает в местных газетах — не без успеха; Уманов (но не Оманов, как писали в газетах) умер от холеры. Кукушкин ведет бродячую жизнь опереточного певца. Братья Волкенштейны — адвокаты. Марк Крассо — врач в Ростове. А еще кто? больше ни о ком не слышал. Зиберов, говорят, умер.

Мое curriculum vitae*, так сказать, Вам известно в главных чертах. Медицина — моя законная жена, литература — незаконная. Обе, конечно, мешают друг другу, но не настолько, чтобы исключать друг друга. Кончил я в университете (Моск.) в 1884 г. В 1888 г. получил Пушкинскую премию. В 1890 г. ездил на Саха-

* краткое жизнеописание (*лат.*).

лин, о котором хочу выпустить целую книгу. Вот и весь мой послужной список. Впрочем, еще одно: в 1891 г. путешествовал по Европе. Холост. Не богат и живу исключительно заработком. Чем старее становлюсь, тем меньше и ленивее работаю. Старость уже чувствую. Здоровье неважное. Что же касается пантеизма, о котором Вы написали мне несколько хороших слов, то на это я Вам вот что скажу: выше лба глаза не растут, каждый пишет, как умеет [3]. Рад бы в рай, да сил нет. Если бы качество литературной работы вполне зависело лишь от доброй воли автора, то, верьте, мы считали бы хороших писателей десятками и сотнями. Дело не в пантеизме, а в размерах дарования.

Я Рахмана Захара (в гимназии звали его Зельманом?) очень хорошо помню. Передайте ему поклон и пожелание успехов.

За приглашение приехать к Вам благодарю. Когда буду на Кавказе, воспользуюсь им. А пока позвольте поблагодарить Вас за память обо мне, за добрые чувства и пожелать всего хорошего. В случае если Вы опять вздумаете дать мне какое-нибудь поручение, то я весь к Вашим услугам.

Ваш *А. Чехов.*

307

А. С. СУВОРИНУ

13 февраля 1893, Мелихово

13 февр.

Вас пугают материалистические идеи Вагнера? Тоже, нашли материалиста! Это баба, кисель, и уж если говорить об его направлении, то скорее всего он ярый спиритуалист и толстовец даже. Я в миллион раз больше материалист, чем он. Впрочем, дело не в этом. Если журнал не по душе, то издавать его не следует [1]. Я вполне сочувствую Вам, хотя не знаю, как Вы отделаетесь от Вагнера. Нельзя же сказать в самом деле: «Пошли вон, дураки!» Надо придумать какую-нибудь причину, хотя бы такую. Свалите все на меня. «Чехов, мол, обещал быть вице-редактором (или секретарем) журнала, а теперь отказался, без него же я издавать журнал

не согласен, ибо сам я по горло занят, чтобы вести внешнюю часть дела... и проч.». Отдайте меня естествоиспытателям на растерзание, и это будет справедливо, так как знакомство с Вагнером началось у меня[2].

У меня нет никаких новостей. Вы про бразильского атташе написали мне, а у нас нет ни атташе, ни даже любовниц [3]. За все время, пока я тут, был только один скандал: баран избил рогами телку. Вот и все, что я могу послать Вам в обмен...

Вам понравилось «Двенадцать»? [4] Ага, сударь! Но позвольте Вас огорчить и лишить 75 тыс. в год дохода. Журнал сей я нахожу преждевременным, т. е. не журнал сей, а свое редакторство. От редакторства я безусловно отказываюсь. Работать 3 зимних месяца буду в нем, буде пожелаете, но редакторствовать не могу. Жилки нет, да и лень, вероятно.

У нас была оттепель и пахло весной, а теперь опять трескучие морозы и пахнет черт знает чем. Птица и скоты страдают.

Написал в управу медицинский отчет за прошлый год и, кроме цифр, подпустил несколько великих мыслей. Отчет не полный, так как в прошлом году у меня было больше тысячи больных, а я успел зарегистрировать только 600 [5].

В среду, когда я принимал на пункте, привезли 3-летнего мальчика, который сел в котел с кипящей водой. Ужасное зрелище. Больше всего досталось заднице и половым органам. Спина обварилась всплошь.

Сестра повеселела, но у ней все-таки 38°. Стало быть, не инфлуэнца, а брюшной тиф.

Наши читают Писемского, взятого у Вас, и находят, что его тяжело читать, что он устарел. Я читаю Тургенева. Прелесть, но куда жиже Толстого! Толстой, я думаю, никогда не постареет. Язык устареет, но он все будет молод. Впрочем, предоставим судить о сем Венгерову, а сами перейдем к более насущным вопросам. Как Ваше ухо? Квартира в Царском? Когда уезжаете за границу?

Лейкин пишет, что у него был посланец от Петровского и взял за наличные 1600 книг. Чертков пишет, что хочет издать мой «Страх» (рождественский рассказ)

и еще штук восемь рассказов [6]. Кн. Урусов телеграфирует, что скоро будет литературный вечер, и просит меня участвовать, и я плачу за доставку телеграммы 1 рубль. Становой требует недоимки 4 руб. 16 коп. и т. д. и т. д. Корреспонденция громадная.

Отец постничает, как схимник. Всю неделю ничего не ел, а только чай пил по утрам.

Ах, я не писал Вам еще насчет сигар! Они совершенно уже овладели мной, и я не понимаю для себя другого курева. Но выкуриваю не 3 сигары в день, а 4, так как утро здесь необыкновенно длинное.

Пишу-с повесть-с [7]. Послал в переселенческий сборник рассказ [8]. Вот и все. Пишите, пожалуйста, и простите, что я стал так скверно писать письма. У меня такое чувство в голове, как будто прачка взяла и выполоскала мой мозг в щелоке.

Да хранит Вас бог. Будьте счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

Есть два журнала теперь, которые весело читать: «Исторический вестник» и книжки «Недели». В первом интересны Дуров, Полторацкий, Жудра, статья про Сабинину, Ясинский и проч. [9]. Во втором даже Вам, занятому человеку, не мешает прочесть очерк «На холере», и рассказ «В надежде славы и добра», написанный, повидимому, московским адвокатом, большим насмешником [10]. Примечание: «На холере» написано доктором, живущим за границей. Там много шпилек по адресу наших докторов. Манассеин полемизировал [11].

Скажите в телефон в магазин, чтобы распорядились напечать объявление о «Палате № 6» в «Русских ведомостях». Обещали ведь.

308

А. С. СУВОРИНУ

24 февраля 1893, Мелихово

24 февр.

Я «Русской мысли» еще не видел [1], но предвкушаю. Протопопова я не люблю: это рассуждающий, тянущий жилы из своего мозга, иногда справедливый, но сухой

и бессердечный человек. Лично я с ним незнаком и никогда его не видел; он писал обо мне часто, но я ни разу не читал. Я не журналист: у меня физическое отвращение к брани, направленной к кому бы то ни было; говорю — физическое, потому что после чтения Протопопова, Жителя, Буренина и прочих судей человечества у меня всегда остается во рту вкус ржавчины и день мой бывает испорчен. Мне просто больно. Стасов обозвал Жителя клопом; но за что, за что Житель обругал Антокольского [2]. Ведь это не критика, не мировоззрение, а ненависть, животная, ненасытная злоба. Зачем Скабичевский ругается? Зачем этот тон, точно судят они не о художниках и писателях, а об арестантах? Я не могу и не могу.

Не отвечайте, пожалуйста, Протопопову; во-первых, не стоит, во-вторых, Лавров и Гольцев в писаниях Протопопова столько же виноваты, как Вы в писаниях Буренина, и, в-третьих, Вы с самого же начала становитесь на неверную точку зрения. Вы пишете мне и негодуете, что бранят Вашего сына, но ведь бранят не сына, а А. А. Суворина, журналиста, который написал Палестину [3], пишет в «Новом времени», сам когда-то бранил Мартенса, говорил в Париже от имени русской печати и напечатал за своею подписью фельетон о своей поездке[4]. Он самостоятельная величина и может сам за себя постоять. Из Вашего письма выходит так, как будто Алексей Алексеевич особняком стоит от «Нового времени» и несет кару за грехи, не будучи причастен к газетному делу. Нет, не отвечайте, а то ответы, потом вопросы и опять ответы заведут Вас в такой лес, что пока из него выберетесь, у Вас раз десять будет болеть голова. Клеветническая или, говоря мягче, неразборчивая статья Протопопова ничего не прибавит и не убавит; количество друзей и врагов останется у Вас все то же. А я понимаю Ваше настроение, сильно понимаю... Ну да бог с ними!

Кстати об Алексее Алексеевиче. Передайте ему, что рукопись, которую он прислал мне, все еще у меня, и я не знаю, что сделать из нее; но что-то, кажется, сделаю [5]. Пусть не сердится за промедление. Да хранит

его небо. Пусть только не учится курить. У меня и от сигар бронхит.

Моя повесть будет кончена в мартовской книжке. «Продолжение» вместо «окончание» — моя ошибка [6], ибо я читал последнюю корректуру и вместо одного подмахнул другое. Окончание Вам не пондравится, ибо я его скомкал. Надо бы подлиннее. Но длинно писать было бы тоже опасно, ибо героев мало, а когда, на протяжении 2—3 листов, мелькают все те же два лица, то становится скучно, и сии два лица расплываются. Впрочем, что о нас, стариках, говорить. Вот Вы-то когда пришлете мне Ваш роман? Алчу, чтобы написать Вам длинную критику.

Боже мой! Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи. Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички? А Кукшина? Это черт знает как сделано. Просто гениально. «Накануне» мне не нравится все, кроме отца Елены и финала. Финал этот полон трагизма. Очень хороша «Собака»; тут язык удивительный. Прочтите, пожалуйста, если забыли. «Ася» мила, «Затишье» скомкано и не удовлетворяет. «Дым» мне не нравится совсем. «Дворянское гнездо» слабее «Отцов и детей», но финал тоже похож на чудо. Кроме старушки в Базарове, т. е. матери Евгения и вообще матерей, особенно светских барынь, которые все, впрочем, похожи одна на другую (мать Лизы, мать Елены), да матери Лаврецкого, бывшей крепостной, да еще простых баб, все женщины и девицы Тургенева невыносимы своей деланностью и, простите, фальшью. Лиза, Елена — это не русские девицы, а какие-то Пифии, вещающие, изобилующие претензиями не по чину. Ирина в «Дыме», Одинцова в «Отцах и детях», вообще львицы, жгучие, аппетитные, ненасытные, чего-то ищущие — все они чепуха. Как вспомнишь толстовскую Анну Каренину, то все эти тургеневские барыни со своими соблазнительными плечами летят к черту. Женские отрицательные типы, где Тургенев слегка карикатурит (Кукшина) или шутит (описание балов), нарисованы замечательно и удались ему до такой степени, что, как говорится,

комар носа не подточит. Описания природы хороши, но... чувствую, что мы уже отвыкаем от описания такого рода и что нужно что-то другое.

Сестра поправляется. Отец тоже. Ждем холеры, но не боимся, ибо готовы, но не умирать, нет, а тратить земские деньги. Если будет холера, то она много отнимет у меня времени.

Будьте живы, здравы, покойны. Анне Ивановне поклон особенный.

Ваш весь

А. Чехов.

Нам прислали много хохлацкого сала и колбас. Вот блаженство!

Что же Вы ни слова не написали об обеде беллетристов? Ведь я эти обеды выдумал [7].

309

А. С. СУВОРИНУ

4 марта 1893, Москва

4 März. Moskau*.

Я сейчас в Москве, а завтра еду домой. Ваш роман [1] высылайте заказною бандеролью в Серпухов. Вообще если Вам случится пересылать мне заказные письма и ценные бумаги, облигации, акции и проч., то направляйте их именно в Серпухов. Так как этот город составляет центр служебной деятельности податного инспектора [2], то сообщение установилось довольно прочно. Передайте об этом и Алексею Алексеевичу, которому я вчера послал две рукописи. Статью Бацевича о сахалинской нефти придется Вам или Алексею Алексеевичу прочесть в корректуре [3]. Уж очень по-канцелярски написано.

Вчера я обедал у Лаврова. Увы, когда-то и я писал ему ругательные письма, а теперь я ренегат!! [4] У Лаврова приятно бывает обедать. Чисто московская помесь культурности с патриархальностью — сборная селянка, так сказать. Выпили по пяти рюмок водки, и Гольцев

---

* 4 марта. Москва (*нем.*).

предложил тост за единение художественной литературы и университетской науки. О Вас и Вашем письме — ни слова [5]. Выпили мадеры, белого, красного, игристого, коньяку и ликеру, и Лавров предложил тост за своего дорогого, хорошего друга А. П. Чехова и облобызался со мной. Курили толстые сигары.

Вчера на обеде я познакомился с литератором Эртелем, учредителем воронежских столовых [6]. Впечатление очень хорошее. Умный и добрый человек. Он просил сходить вместе к Толстому, который стал ко мне благоволить особенно, но я отклонил сие предложение, ибо мне некогда, а главное — хочется сходить к Толстому solo*.

Сейчас еду в «Русскую мысль» просить 500 руб. Нужно на семена. Кажется, после выхода мартовской книжки оная мысль будет должна мне именно столько. А после этих 500 р. придется заговеться, так как нового я еще ничего не начал, а богатой невесты все нет и нет. Вот если б Вы потеряли на улице 50 тысяч, а я бы их нашел! Если сегодня возьму денег, то куплю себе шикарную шляпу и летнее пальто. Пора запасаться летним платьем. Шляпу куплю удивительную и вообще намерен франтить.

Не знаю, что Вы скажете насчет конца моей повести. Кажется, напряжения нет, и действие течет плавно и закономерно. Спешил очень, вот что скверно. Наверно, в спешке проскользнула какая-нибудь подлость, которую заметишь уже потом, когда не вырубишь топором. Хотел я дать маленький эпилог от себя, с объяснением, как попала ко мне рукопись неизвестного человека, и написал этот эпилог, но отложил до книжки, т. е. до того времени, когда эта повесть выйдет отдельной книжкой [7]. А печатать книжку можно уже в апреле. В повести больше 5 листов, т. е. почти вдвое, чем в «Палате № 6». Стало быть, книга выйдет толстая, и не придется обманывать публику. Только книжку едва ли пустит цензура. Впрочем, там видно будет.

Сестра уже поправилась.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

---

* одному (*итал.*).

310

А. И. ЭРТЕЛЮ

11 марта 1893, Мелихово

11 март.

Распутица полнейшая, нельзя ни ездить, ни ходить, и я не знаю, когда это письмо пойдет на станцию. Но мне хочется писать к Вам, уважаемый Александр Иванович, и я не откладываю этого приятного занятия. Прежде всего большое Вам спасибо за Ваше хорошее письмо. Расположение таких людей, как Вы, я умею ценить и дорожу им. Вас я давно уже знаю и давно уважаю.

Во-вторых, посылаю Вам свой адрес. Для простых писем он такой: ст. Лопасня Моск.-Курск. д. А для заказных и посылок г. Серпухов, А. П. Чехову, без всяких дальнейших подробностей. Стало быть, Гардениных направляйте в Серпухов. «Гардениных» я уже читал, но книги у меня нет, и я буду ей очень рад [1]. Будет рада и та публика, которая пользуется моей библиотекой.

Вот уже неделя, как я живу дома, но не написал ни одной строчки и принял только трех больных. До уныния обескуражен неприятными письмами [2].

Вы воронежский уроженец? Моя фамилия тоже ведет свое начало из воронежских недр, из Острогожского уезда. Мои дед и отец были крепостными у Черткова, отца того самого Черткова, который издает книжки.

Желаю Вам всего хорошего. Говорят, что это письмо может пойти завтра, так как работник Федор завтра утром отправляется пешком на станцию.

Ваш *А. Чехов.*

311

Ал. П. ЧЕХОВУ

4 апреля 1893, Мелихово

4 апр.

Ты, сын А ла тремонта́на [1], спрашиваешь, в каком положении у нас весна. Отвечаю: в руце лето. Снег, ветры, нет проезда, по ночам морозы и скворцы было прилетели, но подумали и опять улетели. Препаскуд-

ная погода. Жалею, что я не пьяница и не могу нализаться, как стелька. Очевидно, весна будет холодная, аспидская. Кроме поэтических соображений насчет весны, волнуют еще и хозяйственные: скот кормить нечем, так как земля покрыта снегом. Продаем солому по небывалой цене, чуть ли не по 35 к. за пуд. Сена ни крошки — ни у нас, ни у соседей. А лошадям и коровам кушать нада. Вследствие распутицы никто не едет в Серпухов, и я продолжаю сидеть без паспорта.

Я собирался писать Суворину, но не написал ни одной строки, и потому письмо мое, которое так возмутило дофина и его брата, есть чистейшая выдумка [2]. Но раз идут разговоры, значит, так тому и быть: старое здание затрещало и должно рухнуть. Старика мне жалко, он написал мне покаянное письмо; с ним, вероятно, не придется рвать окончательно; что же касается редакции и дофинов, то какие бы то ни было отношения с ними мне совсем не улыбаются. Я оравнодушел в последние годы и чувствую свою animam* настолько свободной от забот суетного света, что мне решительно все равно, что говорят и думают в редакции. К тому же по убеждениям своим я стою на 7375 верст от Жителя и К°. Как публицисты они мне просто гадки, и это я заявлял тебе уже неоднократно.

Но к чему я никогда не могу оравнодушеть, так это к тем передрягам, которые тебе volens-nolens** приходится переживать чуть ли не каждый месяц. Чем глубже погружаюсь я в старость, тем яснее вижу шипы роз, коими усеян твой жизненный путь, и тем грубее представляется мне материя, из которой сшиты подштанники нашей жизни. Детство отравлено у нас ужасами, нервы скверные до гнусности, денег нет и не будет, смелости и уменья жить тоже нет, здоровье скверное, настроение хорошее для нас почти уже недоступно — короче говоря, не будьте благомысленны, как говорил [...] Мишка Черемис.

На пасху к нам приезжали Иван и Алексей Долженко. Первый женится и привозил показывать свою

---

* душу (*лат.*).
** волей-неволей (*лат.*).

невесту, костромскую дворяночку, которой он робко говорил «ты», второй, представь, прекрасно играет на скрипке. Он играет в оркестрах и дает уроки. Кто б мог предположить, что из нужника выйдет такой гений!

У соседа родит баба. При каждом собачьем взлае вздрагиваю и жду, что пришли за мной. Ходил уже три раза.

Егорушка пишет, что отец его, т. е. наш дядя, сильно поддается глаголу времен: [3] ослабел, поседел и тихо говорит. Отец Павел, настоятель Михайловской церкви, донимает его своим характером. Помнишь отца Павла? Вот его бы в редакцию.

Будь здрав и пиши почаще. Наталии Александровне низко кланяюсь и христосуюсь с ней. Детей заочно секу.

Нового ничего нет.

Твой *А. Чехов.*

312

А. С. СУВОРИНУ

26 апреля 1893, Мелихово

26 апр.

Здравствуйте, с приездом. Не писал я Вам в Берлин, потому что по милости распутицы на станцию я посылал не часто, и Ваше венецианское письмо было получено мною, когда, по расчету, Вы должны уже были быть в Берлине.

Ну, буду писать прежде всего о своей особе. Начну с того, что я болен. Болезнь гнусная, подлая. Не сифилис, но хуже — геморрой, [...], боль, зуд, напряжение, ни сидеть, ни ходить, а во всем теле такое раздражение, что хоть в петлю полезай. Мне кажется, что меня не хотят понять, что все глупы и несправедливы, я злюсь, говорю глупости; думаю, что мои домашние легко вздохнут, когда я уеду. Вот какая штука-с! Болезнь мою нельзя объяснить ни сидячею жизнью, ибо я ленив был и есмь, ни моим развратным поведением, ни наследственностью. У меня когда-то было воспаление брюшины;

надо думать, что просвет кишки у меня уменьшился от воспаления и где-нибудь перетяжка сдавила сосуд. Резюме: надо делать операцию.

Во всем прочем все обстоит благополучно. Холодная весна, кажется, кончилась; гуляю без калош по полю и греюсь на солнце. Читаю Писемского. Это большой, большой талант! Лучшее его произведение — «Плотничья артель». Романы утомительны подробностями. Все то, что имеет у него временный характер, все эти шпильки по адресу тогдашних критиков и либералов, все критические замечания, претендующие на меткость и современность, и все так называемые глубокие мысли, бросаемые там и сям,— как все это по нынешним временам мелко и наивно! То-то вот и есть: романист-художник должен проходить мимо всего, что имеет временное значение. Люди у Писемского живые, темперамент сильный. Скабичевский в своей «Истории» обвиняет его в обскурантизме и измене [1], но, боже мой, из всех современных писателей я не знаю ни одного, который был бы так страстно и убежденно либерален, как Писемский. У него все попы, чиновники и генералы — сплошные мерзавцы. Никто не оплевал так старый суд и солдатчину, как он. Кстати: прочел я и «Космополис» Бурже [2]. У Бурже и Рим, и папа, и Корреджио, и Микель Анжело, и Тициан, и дожи, и красавица в 50 лет, и русские, и поляки — но как все это жидко и натянуто, и слащаво, и фальшиво в сравнении с нашим хотя бы все тем же грубым и простоватым Писемским.

Ну-с, теперь прямо страница из романа. Это по секрету. Брат Миша влюбился в маленькую графиню [3], завел с ней жениховские амуры и перед пасхой официально был признан женихом. Любовь лютая, мечты широкие... На пасху графиня пишет, что она уезжает в Кострому к тетке. До последних дней писем от нее не было. Томящийся Миша, прослышав, что она в Москве, едет к ней и — о чудеса! — видит, что на окнах и воротах виснет народ. Что такое? Оказывается, что в доме свадьба, графиня выходит за какого-то золотопромышленника. Каково? Миша возвращается в отчаянии и тычет мне под нос нежные, полные любви письма графини, прося, чтобы я разрешил сию психологичес-

кую задачу. Сам черт ее решит! Баба не успеет износить башмаков, как пять раз солжет. Впрочем, это, кажется, еще Шекспир сказал.

Еще новость, но не из романа, а из психиатрии. Ежов, кажется, сходит с ума. Я его не видел, но сужу по письмам: он раздражен и некстати извозчицки бранится в письмах, чего с ним никогда не бывало, ибо он робок, кроток и мещански чист. Цинизм самый грубый. Он пишет мне, что послал в одну редакцию похабный рассказ, и, чтобы облегчить душу, угрызаемую совестью, просит меня прочесть этот рассказ в копии. Рассказ о том, что идут две дамы-филантропки и встречают оборванного ребенка. «Ты где живешь?» Мальчик отвечает: в [...]. Книга совсем расстроила ему нервы. Надо бы поехать в Москву, полечить его, направить к докторам, но у меня геморрой, ехать нельзя, а можно только ходить.

В Америку я, вероятно, не поеду, потому что денег нет [4]. За весну я ничего не заработал: болел и злился на погоду. Как хорошо, что я уехал из города! Скажите всем Фофановым, Чермным et tutti quanti*, живущим литературою, что жить в деревне неизмеримо дешевле, чем в городе. Это я испытываю теперь каждый день. Мне семья уже ничего не стоит, ибо квартира, хлеб, овощь, молоко, масло, лошади — все свое, не покупное. А работы так много, что не хватает времени. Из всей фамилии Чеховых только один я лежу или сижу за столом, все же прочие работают с утра до вечера. Гоните поэтов и беллетристов в деревню! Что им нищенствовать и жить впроголодь? Ведь для бедного человека городская жизнь не может представлять богатого материала в смысле поэзии и художества. В четырех стенах живут, а людей видят только в редакциях и в портерных.

Ходит много больных. Почему-то много чахоточных. Одначе будьте здоровы, голубчик.

Началась засуха.

Ваш *А. Чехов.*

---

* и всяким прочим (*итал.*).

313

А. С. СУВОРИНУ

28 июля 1893, Мелихово

28 июль. Мелихово.

Я немедленно прикатил бы к Вам в Петербург — такое у меня теперь настроение, но в 20 верстах холера, а я участковый врач и обязан сидеть на одном месте безвыездно. Можно бы удрать дня на 2—3, но фельдшерица моя жрет морфий и уже на три четверти отравлена — и не на кого мне бросить участок и больных. Остается одно — вообразить, что Вы приехали ко мне в Мелихово, которое Вам так противно. Воображу, что Вы приехали и привезли с собой сигар от Тен-Кате, сотню за 6 р. 50 к., «тех, которые курит Атава».

В самом деле, весной жилось мне противно. Я уже писал Вам об этом. Геморрой и отвратительное психопатическое настроение. Я злился и скучал, а домашние не хотели простить мне этого настроения — отсюда ежедневная грызня и моя смертная тоска по одиночеству. А весна была мерзкая, холодная. И денег не было. Но подул зефир, наступило лето — и все как рукой сняло. Лето было удивительное, очень редкое. Изобилие ясных теплых дней и целое богатство влаги — такое счастливое сочетание бывает, должно быть, один раз в сто лет. Урожай диковинный. Просо редко вызревает в Моск. губ., но теперь оно по пояс. Если бы всегда были такие урожаи, то можно было бы кормиться одним только имением, даже одним сеном, которого у меня, при некотором усилии, можно накосить до 10 тысяч пудов. Прошлою осенью я выкопал пруд и обсадил его деревьями. Теперь в нем плавают уже целые тучи мелких карасей. И купанье довольно сносное. Весной я не курил вовсе и вовсе не пил, а теперь выкуриваю в день по 1—2 сигары и нахожу, что не курить очень здорово. Вы хорошо бы сделали, если бы бросили курить. Впрочем, это пустяки и мелочь. Пьесы из сибирской жизни я не писал и забыл о ней [1], но зато сдал

в печать свой «Сахалин» [2]. Рекомендую Вашему вниманию. То, что Вы когда-то читали у меня, забудьте, ибо то фальшиво. Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока наконец не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудаком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко и работа моя закипела, хотя и вышла немножко юмористической. Первые главы появятся в октябрьской книжке «Русской мысли».

Написал я также повестушку в 2 листа «Черный монах». Вот если бы Вы приехали, то я дал бы Вам прочесть. Да-с. А приехать не так трудно. Экипажи и лошади теперь у меня сносные, дорога ничего себе; тесно, и одиночества нет, но от сих зол можно уйти в лес. Пьесу писать совсем не хочется.

Мой брат Иван женился, а Михаил грозит то в отставку подать, то в провинцию перевестись.

Михаил Александрович Левитский, бывший судебный пристав в Серпухове, человек честнейший, многосемейнейший и утопающий в долгах, писал пермскому губернатору прошение о назначении его в земские начальники в одном из уездов названной губернии. Если Вы знакомы и встретитесь с каким-нибудь тайным советником из министерства внутренних дел, то окажите протекцию. Не извиняюсь за сие беспокойство, ибо сам постоянно оказываю протекцию и уже не раз попадал впросак.

В воскресенье у меня будет бог скуки — Потапенко [3].

Бывала летом астрономка, хохотала, недосказывала, пересказывала, ничего не ела и в общем утомляла. Но человек она не ничтожный, и это украшает ее весьма, так что с ней не скучно.

У меня новость: две таксы — Бром и Хина, безобразной наружности собаки. Лапы кривые, тела длинные, но ум необыкновенный.

Медицина утомительна и мелочна порой до пошлости. Бывают дни, когда мне приходится выезжать из

дому раза четыре или пять. Вернешься из Крюкова, а во дворе уже дожидается посланный из Васькина. И бабы с младенцами одолели. В сентябре бросаю медицинскую практику окончательно.

Вам хочется кутнуть? А мне *ужасно* хочется. Тянет к морю адски. Пожить в Ялте или Феодосии одну неделю для меня было бы истинным наслаждением. Дома хорошо, но на пароходе, кажется, было бы в 1000 раз лучше. Свободы хочется и денег. Сидеть бы на палубе, трескать вино и беседовать о литературе, а вечером дамы.

Не поедете ли Вы в сентябре на юг? Конечно, русский юг, так как на заграничный у меня не хватит денег. Поехали бы вместе, буде Вам не противно.

Нам надо поговорить насчет Вагнера, а главное, уговориться заранее, чтобы не петь из разных опер. Когда я попытался отклонить его от намерения издавать с Вами журнал, то раскаялся: это повело к неприятной переписке [4].

Чтобы покупать большое имение, надо быть большим хозяином, иначе оно разорит. Весь секрет успеха в хозяйстве — это глядеть денно и нощно в оба. Если Алексей Алексеевич не думает жить зимою в именье, то я его не поздравляю: ему тяжело придется, особенно на первых порах. В первое время расходы страшные и все страшно. По-моему, самое лучшее имение то, которое имеет усадьбу и не больше 30 десятин земли.

Если захотите смиловаться и приехать ко мне, то телеграфируйте так: «Лопасня Чехову. Приеду вторник утренним поездом». Вместо утренним почтовым или девятичасовым... Но лучше, если бы написали. Разве встретиться с Вами в Москве? Телеграфируйте *наверное*, когда Вы будете в Москве, так как остановиться мне негде и гулять по Москве в ожидании Вас было бы скучно. Я приеду с таким расчетом, чтобы переночевать в *«Славянском базаре»*, а утром в 9 ч. выехать в Мелихово.

Всех благ!! Пишите!!!

Ваш *А. Чехов.*

314

А. С. СУВОРИНУ

7 августа 1893, Мелихово

7 авг. 93.

Я хотел быть у Толстого, и меня ждали, но Сергеенко подстерегал меня, чтобы пойти вместе, а идти к Толстому под конвоем или с нянькой — слуга покорный. Семье Толстого Сергеенко говорил: «Я приведу к вам Чехова», и его просили привести. А я не хочу быть обязанным Сергеенку своим знакомством с Толстым [1]. Сергеенко, кстати сказать, был у меня вместе с Потапенко. Он говорил, что писал Вам насчет денег, и говорил, что уже не должен Вам, так как писал рассказы и был командирован Алексеем Алексеевичем по делу Дрейфуса [2], но что счетов еще не подводил с конторой и потому боится, что Вы имеете превратное понятие о его финансовых отношениях к Вам; что же касается 300 р., то он имеет в виду погасить их повестью, которая уже написана, посылается и т. д. Это он говорил мне, а я передаю Вам. Он легкомысленный и нудный хохол, но, кажется, не лгун. Выражение «бог скуки» беру назад. Одесское впечатление обмануло меня [3]. Не говоря уже об остальном прочем, Потапенко очень мило поет и играет на скрипке. Мне с ним было очень нескучно, независимо от скрипки и романсов.

У меня уже два дня болит голова. Сейчас вернулся из фабрики, куда ездил на беговых дрожках по грязи и где принимал больных. Утром до обеда меня возили к младенцу, страждущему поносом и рвотой. Одним словом, о литературе и подумать некогда. Вы рады, что я могу пить вино на Ваш счет, но когда это случится, т. е. когда я буду пить на Ваш счет вино? Обидно, что Вы уезжаете за границу. Когда я прочел об этом в Вашем письме, то у меня в нутре точно ставни закрыли. В случае беды или скуки ка́мо пойду? К кому обращусь? Бывают настроения чертовские, когда хочется говорить и писать, а кроме Вас я ни с кем не переписываюсь и ни с кем долго не разговариваю. Это не значит, что Вы лучше всех моих знакомых, а значит, что

я к Вам привык и что только с Вами я чувствую себя свободно. По крайней мере сообщайте мне свой адрес. Буду писать Вам и присылать оттиски — если не подохну от холеры или дифтерита. Но, вероятно, последнее не случится, и глубокою осенью я уже буду обедать и ужинать с петербургскими декадентами.

Так как я не знаю, кто теперь у Вас в магазине командует и к кому мне обращаться, то возьмите на себя труд узнать: сколько я еще должен из тех пяти тысяч, которые взял на покупку имения? В январе, в уплату сего долга, я внес наличными 500 р. и просил белобрысую особу женского пола вручить Полине Яковлевне 2000 р., которые мне приходились по книжному счету. Всего мне приходилось больше 5000, но около 3 тыс. пошло на типографию. Узнайте, голубчик, и сообщите мне. Книги мои, кажется, идут не шибко, ибо уже не продаются на станциях; должен я, вероятно, еще много.

Пароход «Чехов», должно быть, остроумная выдумка, если уже достигла Петербурга [4]. Щеглов во Владимире: боится женщин, пишет о народном театре и живым лезет на небо [5].

Ваше маленькое письмо насчет немцев и нашего необразования написано прекрасно. Хорошие мысли у Вас оправлены в живой темперамент, а язык — точно масло льется [6].

Про какой роман Вы спрашиваете? Про тот, который еще не написан, или про роман вообще с женщиной? И почему Вы думаете, что я не ответил бы на этот вопрос? На какие вопросы я не отвечал?

Еще об армии спасения [7]. Я видел процессию: девицы в индусских платьях и в очках, барабан, гармоники, гитары, знамя, толпа черных [...] мальчишек сзади, негр в красной куртке... Девственницы поют что-то дикое, а барабан — бу! бу! И это в потемках, на берегу озера.

Пишите, пожалуйста.

Ваш *А. Чехов.*

P. S. Толстой Вас очень любит. Любил бы Вас и Шекспир, если бы был жив. Привезите мне из-за границы десяток сигар!!

На днях один пациент поднес мне, в знак благодарности, 10 сигар ценою в 5 руб. и рюмку с надписью: «Его же и монаси приемлют».

Где старик Плещеев? Где его деньги?[8]

315

Л. С. МИЗИНОВОЙ

13 августа 1893, Мелихово

13 авг.

Милая Лика, не пишу Вам, потому что не о чем писать: жизнь до такой степени пуста, что только чувствуешь, как кусаются мухи — и больше ничего. Приезжайте, милая блондиночка, поговорим, поссоримся, помиримся; мне без Вас скучно, и я дал бы пять рублей за возможность поговорить с Вами хотя бы в продолжение пяти минут. Холеры нет, но есть дизентерия, есть коклюш, есть плохая погода, с дождем, с сыростью и с кашлем. Прите к нам, хорошенькая Лика, и спойте. Вечера стали длинные, и нет возле человека, который пожелал бы разогнать мою скуку.

В Петербург я поеду, когда буду иметь право, т. е. после холеры. Вероятно, в октябре уже водворюсь там. Помышляю о постройке в том участке и мечтаю о переселении. Но все это пошло. Не пошла одна только поэзия, которой мне недостает.

Денег! Денег! Будь деньги, я уехал бы в Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересные письма [1]. Надо иметь цель в жизни, а когда путешествуешь, то имеешь цель.

У нас поспели огурцы. Бром влюбился в m-elle Мерилиз [2]. Живем мирно. Водку уже не пьем и не курим, но почему-то все-таки после ужина всякий раз сильно хочется спать и в комнате пахнет сигарой. Гладков похудел, князь [3] потолстел. У Вареникова, по его словам, клевер хорошо взялся. Недотёпа Иваненко продолжает быть недотёпой и наступать на розы, грибы, собачьи хвосты и проч. Будет он служить у Ивана в школе? Что Вам известно на этот счет? Мне его беско-

нечно жаль, и, если бы это было принято и не было бы дурно понято, я подарил бы ему кусок земли и построил бы ему дом. Ведь он уж старик!

Я тоже старик. Мне кажется, что жизнь хочет немножко посмеяться надо мной, и потому я спешу записаться в старики. Когда я, прозевавши свою молодость, захочу жить по-человечески и когда мне не удастся это, то у меня будет оправдание: я старик. Впрочем, все это глупо. Простите, Лика, но, право, писать больше не о чем. Мне нужно не писать, а сидеть близко Вас и говорить.

Пойду ужинать.

У нас поспели яблоки. Я сплю по 17 часов в сутки. Лика, если Вы влюбились в кого-нибудь, а меня уже забыли, то по крайней мере не смейтесь надо мной. Маша и Миша ездили в Бабкино к Киселевым и разочаровались — это новость. Больше же писать не о чем. Были у нас Потапенко и Сергеенко. Потапенко произвел хорошее впечатление. Очень мило поет.

Будьте здоровы, милая моя Лика, и не забывайте меня. Если Вы увлеклись каким-нибудь Тишей, то все-таки черкните хоть строчку.

Ваш *А. Чехов*.

316

Л. С. МИЗИНОВОЙ

1 сентября 1893, Мелихово

1 сент.

Милая Лика, Вы выудили из словаря иностранных слов слово «эгоизм» и угощаете им меня в каждом письме. Назовите этим словом Вашу собачку.

Я ем, сплю и пишу в свое удовольствие? Я ем и сплю, потому что все едят и спят; даже и Вы не чужды этой слабости, несмотря на Вашу воздушность. Что же касается писанья в свое удовольствие, то Вы, очаровательная, прочирикали это только потому, что не знакомы на опыте со всею тяжестью и с угнетающей си-

лой этого червя, подтачивающего жизнь, как бы мелок он ни казался Вам.

Мне все удается? Да, Лика, все, кроме разве того, что в настоящее время у меня нет ни гроша и что я не вижу Вас. Впрочем, не буду спорить с Вами. Пусть по-Вашему. Не могу только не поделиться с Вами, друг мой, изумлением: что это Вам ни с того ни с сего вздумалось продернуть меня? [1]

Едучи в Петербург, непременно побываю у Вас, но рассчитываю на милость судьбы: авось Вы побываете еще раз в Мелихове до моей поездки в Петербург.

В один из зимних месяцев поселюсь в Москве и проживу дней 10—15.

Холодно, Лика, скверно.

Ваш *А. Чехов.*

В Москве я буду, вероятно, около 10-го сентября.

317

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

24 октября 1893, Мелихово

Воскресенье.

Дорогой Виктор Александрович, я приеду в среду и привезу с собой корректуру. Мне хочется еще раз прочитать в корректуре IV и V главы «Сахалина», читанные мною в прошлом месяце, а посему, буде возможно, до среды не пускайте их в печать.

Погода адская. Спасибо, из Москвы приехали гости, а то бы можно окоченеть от скуки. Сие письмо повезет в Москву завтра блондинка, которую Вы называли «интеллигентной особой» и которая теперь гостит у нас [1].

Желаю всего хорошего. Поклон Вуколу Михайловичу и Митрофану Ниловичу.

Ваш *А. Чехов.*

318

М. И. ЧАЙКОВСКОМУ[1]

27 октября 1893, Москва

Известие поразило меня. Страшная тоска... Я глубоко уважал и любил Петра Ильича, многим ему обязан. Сочувствую всей душой.

Чехов.

319

А. С. СУВОРИНУ

11 ноября 1893, Мелихово

Мелихово. 11/XI.

Если мое последнее письмо помечено 24 авг., то, очевидно, Вы не получили тех, которые я послал Вам за границу [1]. А может, получили и забыли? Впрочем, все равно.

Насчет сонаследницы Плещеева припоминаю разговор свой с адвокатом, помощником Плевако. Этот адвокат сказал мне, что существует-де еще одна наследница, но от той откупились деньгами. Мне почему-то тогда показалось, что адвокаты сами постарались отыскать эту сонаследницу, чтобы напугать Плещеева и побольше содрать с него.

Я жив и здоров. Кашель против прежнего стал сильнее, но думаю, что до чахотки еще очень далеко. Курение свел до одной сигары в сутки. Летом безвыездно сидел на одном месте, лечил, ездил к больным, ожидал холеры... Принял 1000 больных, потерял много времени, но холеры не было. Ничего не писал, а все гулял в свободное от медицины время, читал или приводил в порядок свой громоздкий «Сахалин». Третьего дня я вернулся из Москвы, где прожил две недели в каком-то чаду. Оттого, что жизнь моя в Москве состояла из сплошного ряда пиршеств и новых знакомств, меня продразнили Авеланом [2]. Никогда раньше я не чувствовал себя таким свободным. Во-первых, квартиры нет — могу жить где угодно, во-вторых, паспорта

все еще нет и... девицы, девицы, девицы... Все лето меня томило безденежье, я изнывал, теперь же, когда расходы стали меньше, я успокоился. Чувствую свободу от денег, т. е. мне начинает казаться, что больше двух тысяч в год мне уже не нужно и я могу писать и не писать.

Паскаль сделан хорошо, но что-то нехорошее есть в нутре этого Паскаля [3]. Когда у меня ночью бывает понос, то я кладу себе на живот кошку, которая греет меня, как компресс. Клотильда или Ависага — это та же кошка, греющая царя Давида. Ее земной удел — греть старца, и больше ничего. Эка завидная доля! Жаль мне этой Ависаги, которая псалмов не сочиняла, но, вероятно, была перед лицом бога чище и прекраснее похитителя Уриевой жены. Она человек, личность, она молода и, естественно, хочет молодости, и надо быть, извините, французом, чтобы во имя черт знает чего делать из нее грелку для седовласого купидона с жилистыми, петушьими ногами. Мне обидно, что Клотильду употреблял Паскаль, а не кто-нибудь другой помоложе и крепче; старый царь Давид, изнемогающий в объятиях молодой девушки,— это дыня, которую уже хватил осенний утренник, но она все еще думает созреть, всякому овощу свое время. И что за дичь: разве половая способность есть признак настоящей жизни, здоровья? [...] Все мыслители в 40 лет были уже импотентами, а дикари в 90 лет держат по 90 жен. Крепостные помещики сохраняли свою производительную силу и оплодотворяли Агашек и Грушек вплоть до той минуты, когда их в глубокой старости хватал кондрашка. Я морали не читаю, и, вероятно, моя старость тоже не будет свободна от попыток «натянуть свой лук», как говорит в «Золотом осле» Апулей. Судя по человечности, дурного мало, что Паскаль спал с девицей — это его личное дело; но дурно, что Зола похвалил Клотильду за то, что она спала с Паскалем, и дурно, что это извращение он называет любовью.

Астрономка бедствует. Постарела, похудела, темные круги под глазами, нервы... Начинает, бедняга, терять веру в себя. А это уж хуже всего. Блажен, кто не верит и раньше не веровал. Были попытки помочь

ей, но все они разбивались об ее страшное самолюбие.

В последнее время мною овладело легкомыслие и рядом с этим меня тянет к людям, как никогда, и литература стала моей Ависагой, и я до такой степени привязался к ней, что стал презирать медицину. Но в литературе я люблю не те романы и повести, которые Вы ждете или перестали ждать от меня, а то, что я в продолжение многих часов могу читать, лежа на диване. Для писанья же у меня не хватает страсти.

Драмы я не думаю писать. Не хочется. Виделся много раз с Потапенко. Одесский Потапенко и московский — это ворона и орел. Разница страшная. Он нравится мне все больше и больше.

«Сахалин» высылается в Главное тюремное управление не в корректуре, а уже в листах, хотя, когда меня отпускали на Сахалин, поставили в условии корректуру. Я получил из управления пошлое чиновницкое письмо: «Впоследствие письма вашего и т. д.». Выставлен номер. Не вследствие, а впоследствие. Экая духота.

Слышал, что Вы пишете новую пьесу. Очень рад.

Но, однако, до свиданья. При свидании поговорим о рассказах. Ведь Вы будете в Москве в ноябре или декабре?

Желаю всего хорошего. Я, когда приедете, тоже остановлюсь в «Славянском базаре». В Москве Ясинский.

Ураааа!

Ваш *А. Чехов.*

320

В. М. ЛАВРОВУ

13 ноября 1893, Мелихово

13 ноябрь.

Спасибо за приглашение, дорогой Вукол Михайлович. В момент, когда я получил Ваше письмо, я не мог даже пожелать Вам приятного аппетита, так как Вы уже пообедали. Вы написали Ваше письмо и опустили в

почтовый ящик 11-го числа; вынуто оно было из ящика того же дня, а отправлено 12-го. Почтовый поезд, выходящий из Москвы в 3, приходит на Лопасню в $5^3/_4$. Мне было доставлено письмо в седьмом часу.

Прочел «Без догмата» с большим удовольствием [1]. Вещь умная и интересная, но в ней такое множество рассуждений, афоризмов, ссылок на Гамлета и Эмпедокла, повторений и подчеркиваний, что местами утомляешься, точно читаешь поэму в стихах. Много кокетства, и мало простоты. Но все-таки красиво, тепло и ярко, и когда читаешь, хочется жениться на Анельке и позавтракать в Плошеве.

Если Дмитрий Васильевич еще не уехал из Москвы, то передайте ему мой поклон.

У нас выпал снег и начался санный путь. А сани у меня великолепные: с коврами и позолотой.

Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

321

А. С. СУВОРИНУ

18 декабря 1893, Москва

18 дек.

Вы как-то спрашивали в письме насчет «Графа Монте-Кристо» Дюма. Он давно уже сокращен, так сокращен, бедняга, что покойный Свободин, увидев, ужаснулся и нарисовал карикатуру [1]. Вам привезти сей роман или прислать через магазин?

Пьеса Потапенко прошла со средним успехом [2]. В пьесе этой есть кое-что, но это кое-что загромождено всякими нелепостями чисто внешнего свойства (например, консилиум врачей неправдоподобен до смешного) и изречениями в шекспировском вкусе. Хохлы упрямый народ; им кажется великолепным все то, что они изрекают, и свои хохлацкие великие истины они ставят так высоко, что жертвуют им не только художественной правдой, но даже здравым смыслом. Есть даже такое изречение: «факел истины обжигает руку, его несу-

щую». Больше всего имел успеха второй акт, в котором житейской пошлости удается пробиться на свет сквозь изречения и великие истины.

При покупке имения я остался должен бывшему владельцу 3 тысячи и выдал ему закладную на сию сумму. В ноябре я получил письмо: если уплачу по закладной теперь, то мне уступят 700 р. Предложение выгодное. Во-первых, имение стоит не 13 тыс., а 12 300, а во-вторых, процентов не платить. Я понатужился и вчера погасил закладную, уплатив то, что нужно, с чем искренно себя поздравляю. Этот долг томил меня. Теперь на имении лежит только банковский долг, 5800 р., но это пустяки. Быть должным банку приятно даже, так как просрочить платеж процентов можно на 6 месяцев. Одним словом, я могу считать себя теперь так, как будто я ничего не должен.

В январской книжке «Русской мысли» печатается мой рассказ — «Бабье царство». Описание одной девицы. В январской книжке «Артиста» найдете изображение одного молодого человека, страдавшего манией величия; называется эта повесть так: «Черный монах». Засим я хочу наградить русскую публику еще многими произведениями, но так как они еще не написаны или же только что еще начаты, то пока умолчу о них. Хочу писать, как Потапенко, по 60 листов в год.

В московском книжном магазине давно уже нет моих книжек. Похоже на то, как будто я ликвидировал свои дела. Перед рождеством самая-то настоящая торговля, а книжки мои или не изданы, или же лежат в складе, изображая из себя камень, под который вода не течет.

Завтра утром уезжаю домой в деревню и буду жить там до 12 января. А потом, должно быть, в Петербург.

Ваш сын приезжал, хотел поговорить со мной, ел устриц со мной и с Потапенко и уехал, не поговорив ни о чем.

Я уже имею паспорт. Медицинский департамент прислал мне отставку, в которой сказано, что я холост и в походах и сражениях не был [3].

На днях я был у Сытина и знакомился с его делом. Интересно в высшей степени. Это настоящее народное

дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею. Сытин умный человек и рассказывает интересно. Когда случится Вам быть в Москве, то побываем у него в складе, и в типографии, и в помещении, где ночуют покупатели. 2300 р. я взял у него, продав ему несколько мелочей для издания.

Город утомил меня. Уезжаю в деревню с наслаждением.

Напишите же насчет «Монте-Кристо». Адрес попрежнему: Лопасня. Оставайтесь живы, здоровы, благополучны и милостивы, и да хранят Вас все святые. Анне Ивановне и детям нижайший поклон.

Ваш *А. Чехов.*

Вчера в глупейшей пьесе [4] видел Заньковецкую. И жаль было, и стыдно.

322

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

28 декабря 1893, Мелихово

28 дек. Мелихово.

Сейчас приехали Потапенко и Лика. Потапенко уже поет. Но как грустно, что ты не можешь приехать! Погода прекрасная, и вино есть, но главное — отдохнуть можно от московских впечатлений, которые тебе, по-видимому, жестоко прискучили. Да и потолковать бы не мешало о том о сем, например хоть о корректуре, которая ожидала тебя и, не дождавшись, легла спать; пришлю ее, впрочем, не позже нового года [1].

Ах, мой рассказ в «Русских ведомостях» постригли так усердно, что с волосами отрезали и голову. Целомудрие чисто детское, а трусость изумительная. Выкинь они несколько строк — куда бы ни шло, а то ведь отмахнули середку, отгрызли конец, и так облинял мой рассказ, что даже тошно [2].

Ну допустим, что он циничен, но тогда не следовало его вовсе печатать, или же было бы справедливо ска-

зать хоть слово автору, или списаться с автором, тем более ведь, что рассказ не попал в рождественский номер, а был отложен на неопределенное время. Впрочем, все сие не интересно. Прости за скуку.

Потапенко кланяется, он благодушествует и восклицает: наконец-то я попал в страну, где не дают авансов! (Писано под его диктовку.)

Напиши, когда приедешь. Ведь, кроме Нового года, у нас осталось еще крещение.

Поговорили бы насчет пьесы, которую, пожалуй, и написали бы, коли тебе хочется. Мне хочется. Подумай-ка.

А денег нет и нет и не скоро будут, анафемские. Рассчитывал на январское жалованье из «Русских ведомостей», но после казуса с рассказом у меня пропал всякий аппетит к этому жалованью. Ты Саблину ничего не говори. Будет всего удобнее и покойнее, если я, уклоняясь от дальнейшего сотрудничества, сошлюсь на недосуг, как на главную причину.

Привези с собой дочку. У нас ощенилась такса — мы, если захочет, подарим ей одного щенка. На санях покатаем.

31-го в полночь помяни меня в твоих святых молитвах, как я помяну тебя. Будь здоров, голубчик.

И Лика запела.

Твой *Antoine*.

323

А. С. СУВОРИНУ

2 января 1894, Мелихово

2 янв. 94 г.

Вы смеетесь над моею основательностью, сухостью, ученостью и над потомками, которые оценят мой труд [1], я же добром плачу за зло: с восхищением читаю Ваше последнее письмо о расколе и воздаю Вам великую хвалу. Великолепное письмо, и успех его вполне понятен. Во-первых, оно страстно, во-вторых, либерально и, в-третьих, очень умно [2]. Либеральное Вам всегда чрез-

вычайно удается, а когда пытаетесь проводить какие-нибудь консервативные мысли или даже употребляете консервативные выражения (вроде «к подножию трона»), то напоминаете тысячепудовый колокол, в котором есть трещинка, производящая фальшивый звук.

Мой «Сахалин» — труд академический, и я получу за него премию митрополита Макария. Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантством. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат. Пусть висит! Печатать «Сахалин» в журнале, конечно, не следует, это нежурнальная работа, книжка же, я думаю, пригодится на что-нибудь. Во всяком случае, Вы напрасно смеетесь. Хорошо смеется тот, кто последний смеется. Не забывайте, что скоро я буду видеть Ваш новый водевиль [3].

Сергеенко пишет трагедию из жизни Сократа [4]. Эти упрямые мужики всегда хватаются за великое, потому что не умеют творить малого, и имеют необыкновенные, грандиозные претензии, потому что вовсе не имеют литературного вкуса. Про Сократа легче писать, чем про барышню или кухарку. Исходя из этого, писание одноактных пьес я не считаю легкомыслием. Да и Вы сами не считаете, хотя и делаете вид, что все это легкомысленно и пустяки. Если водевиль пустяки, то и пятиактная трагедия Буренина пустяки [5].

Поздравляю Вас и Анну Ивановну с Новым годом, с новым счастьем; хотел послать Вам поздравительную телеграмму, но жалко было гонять работника на станцию. Вы обещали прислать мне через московский магазин Ваш роман в хорошем переплете [6]. Вы не ответили мне на два вопроса: что делать с «Графом Монте-Кристо» [7] и можно ли через московский магазин возвратить Вам Писемского, который все еще у меня? У меня нет книжных шкафов со стеклами, и я боюсь, как бы не попортились от пыли дорогие переплеты.

Одолели меня гости. Впрочем, был и приятный гость — Потапенко, который все время пел. Сегодня жду Немировича-Данченко, драматурга. В столовой астро-

номка пьет кофе и истерически хохочет. С нею Иваненко, а в соседней комнате жена брата. И т. д. и т. д.

Грустно, что Гайдебуров умер [8]. Книжки «Недели» мне нравились, а без него их некому вести. И платил он, как говорят, хорошо. Я с ним мало был знаком и печатался у него только один раз.

Едут на станцию. Желаю всех благ, земных и небесных. Анне Ивановне нижайший поклон. Хотел было написать ей в ответ на письмо стихи, но ничего не вышло.

Как скучно быть министром! Мне так кажется.

Ваш *А. Чехов.*

324

А. С. СУВОРИНУ

10 января 1894, Мелихово

10 янв. 94 г.

Насчет Потапенко Вы положительно ошибаетесь: в нем криводушия ни на грош. Что же касается несчастной астрономки, которой я всегда от души симпатизировал, то не знаю, что сказать Вам. Она зря болтает постольку, поскольку она душевнобольная. Ее и в уезде считают сплетницей, по-моему же это не сплетница, а просто утомительная особа. В последнее время у нее наблюдалось что-то вроде паралича воли: она потеряла всякую способность к труду, по-видимому, навсегда. Теперь куда-то уехала.

Насчет академической премии митрополита Макария я писал Вам, право, в шутку, совсем не рассчитывая, что Вы ответите мне так серьезно. Все мои материальные расчеты, о которых Вы пишете, уже сведены: я истратил на поездку и на работу [1] столько денег и времени, сколько не получу назад и в 10 лет, а то, что уже получил, давно уже прожито. Все праздники я сидел без денег, ибо неоткуда было получать и ибо в декабре, живя в Москве, я много денег ухлопал на рестораны.

Вы сердиты на Виктора Крылова. А Вы возможно внимательнее посмотрите ему в оловянные глаза. Это

животное, с примесью лисьей крови. Он на каждого человека смотрит, как на добычу. И как бы Вы ни сердились на него и как бы ни воевали с ним, он все будет видеть в Вас только добычу.

В марте буду писать пьесу. Летом постараюсь вылечиться от кашля, который становится у меня все crescendo*. Осенью засяду писать роман тысяч на пять, как Маша Крестовская. А зимою приеду в Петербург. В эту же зиму в Петербург я не поеду, так как, мне кажется, теперь там все не в духе, а у меня между тем самое вакхическое настроение. В конце марта, если будут деньги, поеду недели на три на юг и буду просить у Вас позволения остановиться в Вашем феодосийском доме.

Я уже не курю больше одной сигары в день, по-прежнему могу выпить много, без всяких видимых последствий для здоровья. 12-го янв. придется, вероятно, пить во славу науки, если будет подходящая компания[2].

Да хранят Вас небеса.

Ваш *А. Чехов.*

325

А. С. СУВОРИНУ

25 января 1894, Мелихово

25 янв.

Потребуйте 1 и 2 №№ «Врача» и прочтите там «К вопросу о половых сношениях». Статья написана каким-то благодушным человеком, не подписавшим своей фамилии «вследствие весьма законного и справедливого требования жены» [1]. Это в Вашем вкусе, т. е. в статье Вы найдете несколько любезных Вам мыслей. Тут речь идет о той печати, какую кладут на молодость и человеческий гений половые сношения. Вы, создавший девицу, которая поблекла и потухла после совокупления, должны послать этому благодушному автору воздушный поцелуй. Непременно и пожалуйста прочтите.

Кажется, я психически здоров. Правда, нет особенного желания жить, но это пока не болезнь в настоящем смысле, а нечто, вероятно, переходное и житейски есте-

---

* сильнее (*итал.*).

ственное. Во всяком разе, если автор изображает психически больного, то это не значит, что он сам болен. «Черного монаха» я писал без всяких унылых мыслей, по холодном размышлении. Просто пришла охота изобразить манию величия [2]. Монах же, несущийся через поле, приснился мне, и я, проснувшись утром, рассказал о нем Мише [3]. Стало быть, скажите Анне Ивановне, что бедный Антон Павлович, слава богу, еще не сошел с ума, но за ужином много ест, а потому и видит во сне монахов.

Все забываю Вам написать: прочтите в декабрьской «Русской мысли» рассказ Эртеля «Духовидцы». Есть поэзия и что-то страшное в старинно-сказочном вкусе. Это одна из лучших московских новостей. Если еще хотите чего-нибудь нового, то вот Вам: Ив. Ив. Иванов назначен членом театрально-литературного комитета. У «Новостей дня» громадная подписка, «Московский листок» упал... и те, которые давали обед приезжавшему Григоровичу, говорят теперь: как много мы лгали на этом обеде и как много *он* лгал! [4]

Беллетристы напрасно назвали свои ежемесячные обеды «Арзамасом» [5]. Это фальшиво.

Сейчас еду в Серпухов на санитарный совет, где буду адски скучать, так как рассуждения будут лишь о текущих делах [6].

Если послушаетесь и будете читать «Врача», то в тех же №№ найдете и речь Эрисмана о вегетарианстве [7]. Не понимаю, кому мешает это бедное вегетарианство!

Да хранят Вас ангелы и архангелы, херувимы и серафимы.

Ваш *А. Чехов.*

326

А. С. СУВОРИНУ

16 февраля 1894, Мелихово

16 февр.

N женится на г-же Z и потом с нею разводится формальным порядком: г-жа Z берет на себя вину, и г. N получает право жениться во второй раз. Через пять

лет после развода г. N и г-жа Z мирятся, опять сходятся и любят друг друга. Как прикажете считать их теперь — супругами или любовниками? Это мне нужно для рассказа [1]. И вот что мне нужно для пьесы, если я буду писать ее в Крыму: пришлите мне через московский магазин книжку Людвига Берне [2], холодного жидовского умника. Я хочу вывести в пьесе господина, который постоянно ссылается на Гейне и Людвига Берне. Женщинам, которые его любят, он говорит, как Инсаров в «Накануне»: «Так здравствуй, жена моя перед богом и людьми!» Оставаясь на сцене solo или с женщиной, он ломается, корчит из себя Лассаля, будущего президента республики; около же мужчин он молчит с таинственным видом, и, при малейших столкновениях с ними, делается у него истерика. Он православный, но брюнет и по фамилии Гинзельт. Хочет издавать газету.

Я получил от литератора Дедлова письмо. Он любит путешествовать; весною собирается на Волгу. «Я взглянул, пишет он, на нее только в щелочку из Нижнего и в высшей степени заинтересовался ею. Там есть культура, русская культура! Кто бы ожидал этого!» Собирается он ехать с художником, на свой счет; хочет по 150 р. за лист по напечатании. В конце концов: «Возможно ли сделать подобное предложение А. С. Суворину и не согласились бы Вы сообщить ему эту мысль?» И вот я сообщаю Вам, хотя мысль эта для меня самого недостаточно ясна. Что он хочет? Чтобы Вы печатали его корреспонденции в газете или издали книгу с рисунками? Свою поездку он называет экспедицией. Будьте добры, ответьте мне, и я напишу ему. Корреспонденции его интересны.

Уезжаю в Крым не в половине, а первого марта. Тороплюсь, потому что кашель донимает, особенно на рассвете, и надоел этот кашель чертовски. Серьезного пока нет еще ничего, и беспокоит меня кашель не нравственно, а, так сказать, механически. Курить я бросил окончательно; силы воли для этого не понадобилось, а как-то мало-помалу оравнодушел и отстал.

Когда же мы увидимся? Осенью? Зимой? Или, быть может, в апреле побываете в Феодосии? Мой крымский

адрес Вам будет известен; если поедете на юг, то телеграфируйте, выеду навстречу. Свидание с Вами для меня было бы истинным праздником.

Будьте здравы и покойны. Еду завтра в Москву — на два дня. Благо, останавливается на нашей станции курьерский поезд. Миша выхлопотал себе перевод в Углич. Не сидится ему. Службу свою ненавидит.

Анне Ивановне нижайший поклон.

Ваш *А. Чехов.*

327

А. С. СУВОРИНУ

27 марта 1894, Ялта

27 март. Ялта.

Здравствуйте!! Вот уже почти месяц, как я живу в Ялте, в скучнейшей Ялте, в гостинице «Россия», в 39 №, а в 38 живет Ваша любимая актриса Абаринова. Погода весенняя, тепло и светло, море как море, но люди в высочайшей степени нудные, мутные, тусклые. Я сделал глупость, что весь март отдал Крыму. Надо было поехать в Киев и там удариться в созерцание святынь и хохлацкой весны.

Кашель у меня не прошел, но 5 апреля я все-таки двину на север к пенатам. Дольше оставаться здесь не могу. Да и денег нет. Я взял с собою только 350 р. Если вычесть дорожные расходы туда и сюда, то останется 250 р., а на эти деньги не разъешься. Будь у меня тысяча или полторы, я бы в Париж поехал, и это было бы хорошо по многим причинам.

В общем я здоров, болен в некоторых частностях. Например, кашель, перебои сердца, геморрой. Как-то перебои сердца у меня продолжались 6 дней, непрерывно, и ощущение все время было отвратительное. После того как я совершенно бросил курить, у меня уже не бывает мрачного и тревожного настроения. Быть может, оттого, что я не курю, толстовская мораль перестала меня трогать, в глубине души я отношусь к ней недружелюбно, и это, конечно, несправедливо. Во мне течет

мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродетелями. Я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная. Я любил умных людей, нервность, вежливость, остроумие, а к тому, что люди ковыряли мозоли и что их портянки издавали удушливый запах, я относился так же безразлично, как к тому, что барышни по утрам ходят в папильотках. Но толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6—7, и действовали на меня не основные положения, которые были мне известны и раньше, а толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода. Теперь же во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса. Война зло и суд зло, но из этого не следует, что я должен ходить в лаптях и спать на печи вместе с работником и его женой и проч. и проч. Но дело не в этом, не в «за и против», а в том, что так или иначе, а для меня Толстой уже уплыл, его в душе моей нет, и он вышел из меня, сказав: се оставляю дом ваш пуст. Я свободен от постоя. Рассуждения всякие мне надоели, а таких свистунов, как Макс Нордау, я читаю просто с отвращением [1]. Лихорадящим больным есть не хочется, но чего-то хочется, и они это свое неопределенное желание выражают так: «чего-нибудь кисленького». Так и мне хочется чего-то кисленького. И это не случайно, так как точно такое же настроение я замечаю кругом. Похоже, будто все были влюблены, разлюбили теперь и ищут новых увлечений. Очень возможно и очень похоже на то, что русские люди опять переживут увлечение естественными науками и опять материалистическое движение будет модным. Естественные науки делают теперь чудеса, и они могут двинуться, как Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандиозностью. Впрочем, все сие в руце божией. А зафилософствуй — ум вскружится.

Один немец из Штутгарта прислал мне 50 марок за перевод моего рассказа [2]. Как это вам нравится? Я за конвенцию, а какая-то свинья напечатала в газетах

будто в разговоре я высказался против конвенции. И мне приписаны такие фразы, каких я даже выговорить не могу [3].

Пишите мне в Лопасню. Если же захотите телеграфировать, то телеграмма еще застанет меня в Ялте, так как я проживу здесь до 5-го апреля.

Будьте здоровы и покойны. Как Ваша голова? Болит чаще или реже прежнего? У меня стала болеть реже — оттого, что не курю.

Анне Ивановне и детям нижайший поклон.

Ваш *А. Чехов.*

328

Л. С. МИЗИНОВОЙ

27 марта 1894, Ялта

27 март. Ялта.

Милая Лика, спасибо Вам за письмо. Хотя Вы и пугаете в письме, что скоро умрете, хотя и дразните, что отвергнуты мной, но все-таки спасибо. Я отлично знаю, что Вы не умрете и что никто Вас не отвергал.

Я в Ялте, и мне скучно, даже весьма скучно. Здешняя, так сказать, аристократия ставит «Фауста», и я бываю на репетициях и наслаждаюсь там созерцанием целой клумбы черных, рыжих, льняных и русых головок, слушаю пение и кушаю; у начальницы женской гимназии я кушаю чебуре́ки и бараний бок с кашей; в благородных семействах я кушаю зеленые щи; в кондитерской я кушаю, в гостинице у себя тоже. Ложусь я спать в 10 часов, встаю в 10 и после обеда отдыхаю, но все-таки мне скучно, милая Лика. Не потому скучно, что околь меня нет «моих дам», а потому, что северная весна лучше здешней и что ни на одну минуту меня не покидает мысль, что я должен, обязан писать. Писать, писать и писать. Я того мнения, что истинное счастье невозможно без праздности. Мой идеал: быть праздным и любить полную девушку. Для меня высшее наслаждение — ходить или сидеть и ничего не делать; любимое мое занятие — собирать то, что не нужно (листки,

солому и проч.) и делать бесполезное. Между тем я литератор и должен писать даже здесь, в Ялте. Милая Лика, когда из Вас выйдет большая певица и Вам дадут хорошее жалованье, то подайте мне милостыню: жените меня на себе и кормите меня на свой счет, чтобы я мог ничего не делать. Если же Вы в самом деле умрете, то пусть это сделает Варя Эберле, которую я, как Вам известно, люблю. Я до такой степени измочалился постоянными мыслями об обязательной, неизбежной работе, что вот уже неделя, как меня безостановочно мучают перебои сердца. Отвратительное ощущение.

Свою лисью шубу я продал за 20 рублей! Стоит она 60 руб., но так как из нее уже вылезло меху на 40 р., то 20 руб. — цена не дешевая. Крыжовник здесь еще не поспел, но тепло, светло, деревья распускаются, море смотрит по-летнему, девицы жаждут чувств, но север все-таки лучше русского юга, по крайней мере весною. У нас природа грустнее, лиричнее, левитанистее, здесь же она — ни то ни се, точно хорошие, звучные, но холодные стихи. Благодаря перебоям я уже неделю не пью вина, и от этого здешняя обстановка кажется мне еще беднее. Как-то Вы в Париже? Что французы? Нравятся? Ну что ж, валяйте.

Миров давал здесь концерт и получил чистого дохода 150 рублей. Ревел, как белуга, но успех имел громадный. Ужасно жалею я, что не учился петь; я тоже мог бы реветь, так как горло мое изобилует хрипящими элементами и октава у меня, говорят, настоящая. Имел бы заработок и успех у дам.

В июне не я приеду в Париж, а Вы в Мелихово; Вас погонит тоска по родине. Без того, чтобы раз поехать в Россию хотя на день, дело не обойдется. Вы столкуйтесь с Потапенко. Летом он тоже поедет в Россию. С ним дорога обойдется дешевле. Пусть он купит билет, а Вы забудьте ему заплатить (Вам это не впервой). Но если Вы не приедете, то приеду я в Париж. Но я убежден, что Вы приедете. Трудно допустить, чтобы Вы не повидались с дедушкой Саблиным.

Будьте, Лика, здоровы, покойны, счастливы и довольны. Желаю Вам успеха. Вы умница.

Если захотите побаловать меня письмом, то адресуйтесь в Мелихово, куда я скоро уеду. Буду отвечать на письма аккуратно. Целую Вам обе руки.

Ваш *А. Чехов.*

В. А. Эберле нижайший поклон.

329

А. С. СУВОРИНУ

9 мая 1894, Мелихово

9 май.

Когда же в Киев и на Волгу? Не дождавшись Вас, я придумал себе работу и теперь раньше 20-го уезжать не согласен. Это во-первых. Во-вторых, в Лопасню мне не телеграфируйте, так как я запретил доставлять мне телеграммы с нарочным: уж очень беспокоят и днем и ночью. Присылайте письма, человека же за почтой посылаю я на станцию почти каждый день. В-третьих, если Вы поедете не раньше 25-го, то лучше ехать на Волгу, ибо на оной реке в ту пору будет уже не холодно. С Волги, подумавши, поедем еще куда-нибудь.

У меня никаких новостей. Погода чудеснейшая, и около дома в зелени завелся соловей, который кричит не переставая. В 17 верстах от меня есть село Покровское-Мещерское; тут в старой барской усадьбе теперь губернское земское психиатрическое заведение; директор д-р Яковенко. 4-го мая сюда съехались врачи земские со всей Московской губернии, числом около 75 [1]. Был и аз. Больных много, но все это материал интересный для психиатра, а не для психолога. Один больной, мистик, проповедует, что Троица святая сошла на землю во образе митрополита киевского Иоанникия. «Было дано сроку нам десять лет; прошло уже восемь, осталось только два года. Если хотите, чтоб Россия не провалилась, как Содом, то идите крестным ходом всей Россией в Киев, как Москва шла к Троице, и умоляйте там божественного страдальца в сане митрополита

Иоанникия». Этот чудак убежден, что в лечебнице доктора отравляют его и что спасается он чудом, вмешательством Христа в сане Иоанникия. Он все время молится на восток и поет и, обращаясь к богу, непременно прибавляет слова «в сане митрополита Иоанникия». Выражение лица у него прекрасное.

Тихонов, редактор «Севера», перестал быть редактором и теперь бедствует. Это немножко кутила и немножко Хлестаков, но честный, справедливый и добрый парень, а редактором он был очень недурным. Не найдется ли у Вас в редакции или в магазине для него какого-нибудь места? Я прошу за него очень охотно. Сегодня я получил от него письмо, в котором он пишет, что стесняется сам заговорить с Вами о своем бедственном положении и возлагает это на меня. Его адрес: Николаевская, 73, кв. 6.

Из сумасшедшего дома я возвращался поздно вечером на своей тройке. Две трети дороги пришлось ехать лесом, под луной, и самочувствие у меня было удивительное, какого давно уже не было, точно я возвращался со свидания. Я думаю, что близость к природе и праздность составляют необходимые элементы счастия; без них оно невозможно.

Я здоров совершенно, чего и Вам желаю.

Пишите ответ: когда и куда едем?

Жарко. Да хранит Вас бог!

Ваш *А. Чехов.*

830

А. С. СУВОРИНУ

15 августа 1894, Мелихово

15 авг. Мелихово.

Наша поездка на Волгу в конце концов оказалась довольно странной. Я и Потапенко поехали в Ярославль, чтобы оттуда плыть до Царицына, потом в Калач, отсюда по Дону в Таганрог. Путь от Ярославля до Нижнего красив, но я раньше уже видел его. К тому же

в каюте было очень жарко, а на палубе по физиономии хлестал ветер. Публика неинтеллигентная, раздражающая своим присутствием. В Нижнем нас встретил Сергеенко, друг Льва Толстого. От жары, сухого ветра, ярмарочного шума и от разговоров Сергеенко мне вдруг стало душно, нудно и тошно, я взял свой чемодан и позорно бежал... на вокзал. За мной Потапенко. Поехали обратно в Москву. Но было стыдно возвращаться несолоно хлебавши, и мы решили ехать куда-нибудь, хоть в Лапландию. Если бы не жена, то выбор наш пал бы на Феодосию, но — увы!.. В Феодосии у нас живет жена [1]. Подумали, поговорили, сосчитали свои деньги и поехали на Псел, в знакомые Вам Сумы.

Проезжая мимо Лопасни, получил я пакет со счетами из магазина. В счетах я заметил один неверный итог, несогласие с прежними счетами, также пропуски. Например, пропущены 400 р., которые Вы уплатили в «Северный вестник» г-же Гуревич. Кое-что неясно. Так:

«Выдано из С. П. Б. магазина «Нового времени» согласно расчета на 9 июля 1894 г. — 10 688 р.».

«Выдано из С. П. Б. магазина 2244 р.».

Но ведь и вторая сумма выдана тоже «согласно расчета», зачем же ее выделять? (Замечу в скобках, что с февраля 1892 г. до июля сего года, если не считать помянутых 400 р., я не брал ни копейки, и все то, что «выдано», пошло в погашение долга.)

Как бы ни было, долг мой с августа прошлого года увеличился больше чем вдвое. По сохранившимся у меня прошлогодним счетам, к 13 авг. 1893 г. я состоял должным 5159 р.; надлежало мне выдать 1669 р. Если вычесть 1669 из 5159, то останется *3490* р. Вот что я был должен год назад. Но прошел год, было продано немало моих книг, взято мной было только 300 р. (не считаю 400, не попавших в счет), а к долгу прибавилось 4077 рублей!! Стало быть, с 1892 г., когда я взял 5000 р. на покупку имения, я успел погасить только 600 р.! В самом деле: в 1892 г. был я должен 8170 р., а теперь должен 7567 р. Другими словами, с февраля 1892 г. книги дали мне только 600 р. дохода. Все сие пишу я Вам в надежде, что бухгалтерия ошиблась и что мои денеж-

ные дела не так уж плохи. Не разрушайте этой моей смутной надежды до моего приезда к Вам, когда мы вместе рассмотрим счета и познаем вместе истину. Во всяком случае, не смущайте бухгалтера выражением недоверия, так как я не крепко уверен в ошибке, бухгалтер же Ваш новый человек [2].

Ну-с, Псел великолепен. Это такая поэзия, что хоть отбавляй. Тепло, просторно, масса воды и зелени и прекрасные люди. Прожили мы у Псла 6 дней, ели, пили, гуляли и ничего не делали. Мой идеал счастья, как Вам известно, праздность. Теперь я опять в Лопасне, в Мелихове... Холодный дождь... Свинцовое небо... Грязь. Получено из Таганрога грустное письмо. Дядя, по-видимому, безнадежен [3]. Надо ехать к нему и к его семье, чтобы лечить и утешать.

Из Таганрога я приеду к Вам, но с условием, что Вы не повезете меня в гости к Айвазовскому [4]. Напишите в Таганрог, какая у Вас погода. Впрочем, не пишите, мы обменяемся телеграммами.

Иногда бывает: идешь мимо буфета III класса, видишь холодную, давно жаренную рыбу и равнодушно думаешь: кому нужна эта неаппетитная рыба? Между тем, несомненно, рыба эта нужна и ее едят, и есть люди, которые находят ее вкусной. То же самое можно сказать о произведениях Баранцевича. Это буржуазный писатель, пишущий для чистой публики, ездящей в III классе. Для этой публики Толстой и Тургенев слишком роскошны, аристократичны, немножко чужды и неудобоваримы. Публика, которая с наслаждением ест солонину с хреном и не признает артишоков и спаржи. Станьте на ее точку зрения, вообразите серый, скучный двор, интеллигентных дам, похожих на кухарок, запах керосинки, скудость интересов и вкусов — и Вы поймете Баранцевича и его читателей. Он не колоритен; это отчасти потому, что жизнь, которую он рисует, не колоритна. Он фальшив («хорошие книжки»), потому что буржуазные писатели не могут быть не фальшивы. Это усовершенствованные бульварные писатели. Бульварные грешат вместе со своей публикой, а буржуазные лицемерят с ней вместе и льстят ее узенькой добродетели.

Одначе до свиданья, Ваше превосходительство, будьте здоровы. Анне Ивановне передайте нижайший поклон и пожелание всех благ.

Ваш *А. Чехов.*

Откуда Вы взяли, что я пью много водки? Я не в состоянии выпить зараз больше 3 рюмок.

331

Л. С. МИЗИНОВОЙ

18 сентября 1894, Вена

Воскресенье. Вена.

Вы упорно не отвечаете на мои письма, милая Лика, но я все-таки надоедаю Вам и навязываюсь со своими письмами. Я в Вене. Отсюда поеду в Аббацию, потом на озера. Потапенко говорил мне как-то, что Вы и Варя Эберле будете в Швейцарии. Если это так, то напишите мне, в каком именно месте Швейцарии я мог бы отыскать Вас. Я повидался бы с Вами, разумеется, с восторгом. Пишите по адресу: Abbazia, poste restante*. Если же Вы дали слово не писать мне, то пусть напишет Варвара Аполлоновна.

Умоляю Вас, не пишите никому в Россию, что я за границей. Я уехал тайно, как вор, и Маша думает, что я в Феодосии. Если узнают, что я за границей, то будут огорчены, ибо мои частые поездки давно уже надоели.

Я не совсем здоров. У меня почти непрерывный кашель. Очевидно, и здоровье я прозевал так же, как Вас.

Поклон Варваре Аполлоновне. Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

---

* Аббация, до востребования (*франц.*).

332

М. П. ЧЕХОВОЙ

22 сентября 1894, Милан

22 сент. Милан.

Милая Маша, я в Италии, в Милане. Был в Лемберге (Львове), где видел польскую выставку и нашел ее, к стыду Сенкевича и Вукола Лаврова, очень жидкой и ничтожной, был в Вене, где ел очень вкусный хлеб и купил себе новую чернильницу, а также жокейский картуз с ушами, был в Аббации на берегу Адриатического моря и наблюдал здесь хороший дождь и скуку, в Фиуме, в Триесте, откуда ходят громадные пароходы во все части света. Затем, не говоря дурного слова, был я в Венеции; тут напала на меня крапивная лихорадка, не оставляющая меня и до сегодня. В Венеции я купил себе стакан, окрашенный в райские цвета, а также три шелковых галстука и булавку. Теперь я в Милане; собор и галерея Виктора Эммануила осмотрены, и ничего больше не остается, как ехать в Геную, где много кораблей и великолепное кладбище. (Кстати: в Милане я осматривал крематорию, т. е. кладбище, где сжигают покойников; пожалел, что не жгут здесь и живых, например еретиков, кушающих по средам скоромное.)

Из Генуи я поеду, вероятно, в Ниццу, а из Ниццы прямо домой. Очевидно, дома я буду в октябре, этак числа 12—15. Во всяком случае, о дне приезда буду телеграфировать. Воображаю, какая у нас теперь грязь!

Если увидишь Гольцева, то передай ему, что для «Русской мысли» я пишу роман из московской жизни [1]. Лавры Боборыкина не дают мне спать, и я пишу подражание «Перевалу»[2]. Но пусть Гольцев и Лавров не ждут раньше декабря, ибо роман большой, листов 6—8.

Вероятно, у тебя нет или очень мало денег. Потерпи с недельку; в Ницце я получу подробный расчет из книжного магазина «Нового времени» и тогда прикажу выслать вам денег. Надо еще в банк 180 р. заплатить.

Что поделывает Потапенко? Где он? Поклон ему нижайший.

За границей пиво удивительное. Кажется, будь такое пиво в России, я спился бы. Удивительные также актеры. Этакая игра нам, россиянам, и не снилась.

Я был в оперетке, видел в итальянском переводе «Преступление и наказание» Достоевского, вспоминал наших актеров, наших великих образованных актеров и находил, что в игре их нет даже лимонада. Насколько человечны на сцене здешние актеры и актрисы, настолько наши свиньи.

Вчера был в цирке. Был на выставке.

Поклон папе и мамаше. Всем поклон. В октябре буду дома.

Я кашляю, почесываюсь от лихорадки, но в общем здоров.

Слышу, как учатся петь. Здесь в Милане много иностранок à la Лика и Варя, обучающихся пению в расчете на богатство и славу. Бедняжки, голосят с утра до вечера.

Сегодня тащусь в Геную.

Будь здорова.

Твой *А. Чехов.*

Если собраться большой компанией и поехать за границу, то обойдется очень дешево.

333

А. С. СУВОРИНУ

27 ноября 1894, Мелихово

27 ноябрь.

На сих днях я был в Серпухове, и там один одессит клялся мне, что И. А. Казаринов, угощавший меня и Вас пением приютских девочек, умер этой осенью.

В Серпухове я был присяжным заседателем. Помещики-дворяне, фабриканты и серпуховские купцы — вот состав присяжных. По странной случайности я попадал во все без исключения дела, так что в конце концов эта случайность стала даже возбуждать смех. Во всех делах я был старшиной. Вот мое заключение: 1) присяжные заседатели — это не улица, а люди, вполне

созревшие для того, чтобы изображать из себя так называемую общественную совесть; 2) добрые люди в нашей среде имеют громадный авторитет, независимо от того, дворяне они или мужики, образованные или необразованные. В общем, впечатление приятное.

Я назначен попечителем школы в селе, носящем такое название: Та́леж. Учитель получает 23 р. в месяц, имеет жену, четырех детей и уже сед, несмотря на свои 30 лет. До такой степени забит нуждой, что о чем бы Вы ни заговорили с ним, он все сводит к вопросу о жалованье. По его мнению, поэты и прозаики должны писать только о прибавке жалованья; когда новый царь переменит министров, то, вероятно, будет увеличено жалованье учителей и т. п.

Брат Александр был у меня, прожил дней пять и уехал 21 ноября. Это больной, страдающий человек; когда он пьян, с ним тяжело, когда же трезв — тоже тяжело, так как ему стыдно за все то, что он говорил и делал, когда был пьян.

Итак, я должен 1004. Значит, это решено и подписано. Принимаю сию цифру и предлагаю Вам следующую комбинацию: чтобы очистить меня от долга и начать с 1 января счет снова, не найдет ли Ваш магазин возможным приобрести 5000 «Пестрых рассказов» за наличные с уступкой 40%? Если это возможно, то магазин к 1 января погасил бы и остальные 1004 и мой долг лично Вам. Тороплюсь уплатить последний долг, так как имею в виду взять у Вас еще.

Если Вам по сердцу идея — издавать мои рассказы томиками, то нет надобности осуществлять эту идею непременно теперь, можно подождать еще 1—2 года, нужно только сказать, чтобы печатание «Сумерков» и «Хмурых людей» было прекращено.

Снега нет, нет и дорог. Для деревенской публики это такая беда, что Вы и представить не можете.

Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон. Напишите мне: что нового? Получила ли что-нибудь печать, или получит ли? [1] Неужели предостережения так и останутся.

Ваш *А. Чехов.*

334
Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

28 ноября 1894, Мелихово

28 ноябрь.

Я буду в восторге, если Вы приедете ко мне, но боюсь, как бы не вывихнулись Ваши вкусные хрящики и косточки. Дорога ужасная, тарантас подпрыгивает от мучительной боли и на каждом шагу теряет колеса. Когда я в последний раз ехал со станции, у меня от тряской езды оторвалось сердце, так что я теперь уже не способен любить.

Говорят, что Ваша повесть будет напечатана в «Неделе». Радуюсь за Вас и от души поздравляю. «Неделя» — солидный и симпатичный журнал [1].

До свиданья, милый дружок.

Ваш *А. Чехов.*

335
Е. М. ШАВРОВОЙ

4 декабря 1894, Мелихово

4/XII. Ст. Лопасня.

Исполняю Ваше желание: посылаю фотографию работы Асикритова — лучшей у меня нет.

Буду теперь ждать Вашего портрета. Если пошлете его заказным письмом, то адресуйте в редакцию «Русской мысли».

Я совершенно здоров. В январской книжке «Русской мысли» будет моя повесть — «Три года». Замысел был один, а вышло что-то другое, довольно вялое и не шелковое, как я хотел, а батистовое. Вы экспрессионистка, Вам не понравится.

Надоело все одно и то же, хочется про чертей писать, про страшных, вулканических женщин, про колдунов, но увы! требуют благонамеренных повестей и рассказов из жизни Иванов Гаврилычей и их супруг.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

336

А. С. СУВОРИНУ

12 декабря 1894, Мелихово

12/XII.

Только что составил «сведения» для министерства земледелия, написал почти целую корреспонденцию [1], а теперь пишу Вам на лиловой бумажке.

Вы спрашиваете в последнем письме: «Что должен желать теперь русский человек? Вот мой ответ: желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент. Надоело кисляйство.

Итак, с нового года мы начинаем новый счет. Попросите Вашего бухгалтера, чтобы он понатужился и, несмотря на недосуг, устроил бы так, чтобы к 1-му января не было никаких saldo*. Жду от него почтенного письма, им обещанного.

100 р., оставшиеся после расчета за «Пестрые рассказы» (если не желаете взять в счет 1200 р.), велите прислать в «Русскую мысль» для передачи мне, или же, еще лучше, разрешите получить их в московском магазине.

Засим обещаю Вам о счетах больше не писать.

На днях я сделался крестным папашей. Крестил маленькую княжну Наташу.

Как быстро идет время! Боже мой! Мои товарищи по университету уже статские советники. Один только я дослужился... до кукиша с маслом. Даже коллежским регистратором не был.

Низко кланяюсь Анне Ивановне, Насте, Боре и Эмили. Да хранят небеса Ваш Эртелев пер., Ваш дом и даже типографию.

Я здоров. Мне снилось, будто я прикладывал припарку на живот Шабельской. Она очень симпатична, и я рад, что был полезен ей хотя во сне.

Ваш *А. Чехов.*

---

* остатков (*итал.*).

337

Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

24 декабря 1894, Москва

Сегодня в 9 часов утра, сидя в холодной классной комнате на Новой Басманной [1], я прочел Ваше «Одиночество» [2] и простил Вам все Ваши прегрешения. Рассказ положительно хорош, и, нет сомнения, Вы умны и бесконечно хитры. Меня больше всего тронула художественность рассказа.

Впрочем, Вы ничего не понимаете.

Ваш *А. Чехов.*

Однако Вы не удержались и на странице 180 описали Софью Петровну [3].

338

И. И. ГОРБУНОВУ-ПОСАДОВУ

31 декабря 1894, Мелихово

31 дек.

Многоуважаемый
Иван Иванович!

«Рассказ старшего садовника» отдаю в полное Ваше распоряжение. По-моему, он не подходит для народного издания и замена одних слов другими не сделает его понятным. Но дело Ваше. Корректуру пришлите вместе с проектом поправок — и я исполню Ваше желание [1].

«Русские ведомости» — замечу à propos * — ради страха иудейска выбросили в начале речи садовника следующие слова: «Веровать в бога нетрудно. В него веровали и инквизиторы, и Бирон и Аракчеев. Нет, Вы в человека уверуйте!» [2]

С первого по третье января (включительно) я буду дома. Четвертого поеду в Москву, где проживу неделю.

---

* кстати (*франц.*).

23-го декабря я собирался к Льву Николаевичу, но задержали «Русские ведомости», которые усадили меня за рассказ. Рассчитываю побывать у него до 10 января.

Судя по тому, что письмо написано не Вашим почерком, у Вас болят глаза. Отчего Вы не полечитесь? Глаза лечат теперь превосходно, медицина в этом отношении далеко ушла. По крайней мере от лечения не бывает хуже.

Желаю Вам всяких благ, земных и небесных.

Ваш *А. Чехов.*

Спасибо Вам за Тищенко [3].

339

А. С. СУВОРИНУ

10 января 1895, Москва

10 янв. 95. Больш. моск. гостиница № 5.

Большое спасибо за то, что пристали к нашей компании и притом так щедро. Оной особе мы помогаем так: мы выдаем ей по 40 руб. в месяц и обманываем ее, говоря, что эти деньги мы взяли для нее взаймы у богатого купца и что потребуем этот долг не раньше, как через 3 года. Помощи от *нас* она не принимает, кого-то стесняется, так что поневоле приходится врать [1].

Я приеду в Петербург в великом посту, не раньше, так как работы у меня по горло, а денег нет. Если приедете до 20-го января в Москву, то я буду очень рад; после 20-го я уеду домой. Теперь в Москве не особенно скучно, и, быть может, Вы не пожалеете, что приехали.

Под адресом я непременно подпишусь [2]. В нем нет ничего такого, что оскорбляло бы мое достоинство, и есть только одно слово, которое немножко режет, — это «профессия»... Но как же иначе выразиться? А отказываться нет резона. Жаль, что не меня послали к Вам с адресом, я постарался бы убедить Вас если не подписаться, то по крайней мере снисходительно отнестись к этой затее.

Я немножко похварываю, простудился, должно быть. Чертовский кашель создал мне репутацию человека нездорового, при встрече с которым непременно спрашивают: «Что это Вы как будто похудели?» Между тем в общем я совершенно здоров и кашляю только оттого, что привык кашлять.

Вчера я был у Корша и смотрел «Sans Gêne» [3]. Пьеса поставлена роскошно и идет недурно. Главную роль играет Яворская — очень милая женщина.

Благодарю Вас за письмо. Черкните мне еще о чем-нибудь. Если приедете, то поговорим о хлебном кризисе. По-моему, этот кризис сослужит России большую службу. Лошади сыты, свиньи сыты, девки веселы и ходят в резиновых калошах, скот дорог, мужики даже телят не продают — одним кулакам плохо, что и требовалось [4].

Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

340

В. В. БИЛИБИНУ

18 января 1895, Москва

18 янв. 95.

Милый Виктор Викторович, извините, я сделал кляксу.

Ваше последнее письмо не застало меня в Москве и было препровождено этапным порядком по месту моего жительства в г. Серпухов, откуда, неделю спустя, сотский (цоцкай) принес его в волостное правление, последнее прислало мне его, когда уже меня не было дома; в конце концов его привезла мне сестра в Москву.

Вы поздравляете меня с Новым годом. Прекрасно. Я делаю то же самое. Тысяча самых сердечных пожеланий Вам, Анне Аркадьевне и Вашим августейшим наследникам. Желаю счастья, а главное, здоровья, на которое Вы, помнится, не переставали жаловаться.

Я не пишу пьесы, да и не хочется писать. Постарел, и нет уже пыла. Хочется роман писать длинный в сто

верст. Когда пьеса будет готова, напишите мне, нужна ли Вам протекция у Корша? [1]

Я живу в деревне, изредка наведываюсь в Москву, где ем устрицы. Старею. Денег нет. Орденов нет. Чинов нет. Долги есть.

Почитываю Вас и вспоминаю былое, и когда на пути своем встречаю какого-нибудь юного юмориста, то читаю ему «Бородино» и говорю: «Багатыри не вы»!.. Мы с Вами когда-то были очень либеральны, но меня почему-то считали консерватором. Недавно я взглянул в старые «Осколки», уже наполовину забытые, и удивился задору, какой сидел тогда в Вас и во мне и какого нет теперь ни у одного из новейших гениев.

Отчего бы нам не переписываться, хотя бы раз в месяц? Душа моя по-прежнему лежит к Вам, а с тех пор, как Вы так мудро и великодушно решили Ваш семейный вопрос, к моему уважению к Вам стала примешиваться еще маленькая зависть, но, конечно, не гнусная зависть актерская, а зависть лирика.

Пишите мне на ст. Лопасню... Пока кланяюсь Анне Аркадьевне и благодарю ее за поклон.

Будьте здоровы.

Весь Ваш *А. Чехов.*

341

Ал. П. ЧЕХОВУ

19 января 1895, Москва

Владыко!

Я имею полное основание не курить твоих сигар и бросить их в нужник, так как я до сих пор еще не исполнил ни одного твоего поручения.

1) Насчет «Русских ведомостей». Главный редактор Соболевский, мой хороший знакомый, уехал за границу. Осталось 11 неглавных, от которых трудно добиться какого-нибудь толку. Если пришлешь корреспонденцию, то она будет утеряна, ее не найдут, и ты не будешь знать, к кому обратиться. Из Петербурга в «Русские ведомости», кроме Буквы, пишут еще *несколько* человек.

Повторяю: единственное, что пока возможно для тебя в «Русских ведомостях» — это давать беллетристику, которая оплачивается, кстати сказать, недурно. Когда Соболевский вернется, я поговорю с ним [1].

2) Рассказ твой *очень* хорош, кроме заглавия, которое положительно никуда не годится[2]. Меня растрогал рассказ, он весьма умен и сделан хорошо, и я пожалел только, что ты засадил своих героев в сумасшедший дом. То, что они делают и говорят, могли бы они делать и говорить и на свободе, и последнее было бы художественнее, ибо болезнь, как болезнь, имеет у читателя скорее патологический интерес, чем художественный, и больному психически читатель *не* верит. Вообще ты прогрессируешь, и я начинаю узнавать в тебе ученика V класса, который не мог бы, а уже может лучше. Твою повесть я отдам в «Русскую мысль» или в «Артиста», а если не боишься деления, то в «Русские ведомости». Придумай новое заглавие, менее драматическое, более короткое, более простое. Для ропщущего попа (в финале) придумай иные выражения, а то ты повторяешь Базарова-отца [3]. Повесть будет лежать у меня в портфеле до 27-го, затем я сдам ее. Январская, февральская и мартовская книжки уже абонированы, и ты все равно не успеешь попасть в них.

Я уезжаю в деревню, где проживу до 27 января.

Ты прочел мне длинную рацею насчет «протекции». А по-моему, это очень хорошее, довольно выразительное слово. Даже дачи бывают с протекцией. И почему не оказать протекции, если это полезно и притом никого не оскорбит и не обидит? Протекция лишь тогда гадка, когда она идет рядом с несправедливостью [4].

Одним словом, ты пуговица.

Пиши и будь здрав, как бык.

Упрекающий тебя брат твой

А. Достойнов-Благороднов.

19 янв.

342

А. С. СУВОРИНУ

19 января 1895, Москв

19 янв.

Я написал Васильевой. Мелкие рассказы, потому что они мелкие, переводятся, забываются и опять переводятся, и потому меня переводят во Франции гораздо чаще, чем Толстого.

Не дождавшись Вас, уезжаю в деревню. 27-го я опять буду в Москве; если бы Вы приехали, то, пожалуй, я поехал бы с Вами в Петербург. Но Вы не приедете.

Когда уляжется всеобщее ликованье по случаю великих радостных событий [1], напишите мне. Интересно бы понаблюдать, каково будет похмелье, то состояние перегара, когда человек чувствует себя разбитым и виноватым и смутно сознает, что накануне он вел себя оскорбительно. Напишите мне подробно и поязвительнее, и это для Вас тем легче, что Вы теперь volens nolens наблюдаете каждый день и, вероятно, уже чувствуете раздражение.

Приближается весна, дни становятся длиннее. Хочется писать, и кажется, что в этом году я буду писать так же много, как Потапенко. И деньги нужны адски. Мне нужно 20 тысяч годового дохода [...] К тому же, когда у меня есть деньги, я чувствую себя как на облаках, немножко пьяно, и не могу не тратить их на всякий вздор. Третьего дня я был именинник, ожидал подарков и не получил ни шиша.

Князек Аргутинский бывал у меня каждый день. Он хочет заниматься литературой, но все никак не соберется начать. Январская книжка «Русской мысли» была арестована, потом помилована. Из моего рассказа цензура выкинула строки, относящиеся к религии [2]. Ведь «Русская мысль» посылает свои статьи в предварительную цензуру. Это отнимает всякую охоту писать свободно; пишешь и все чувствуешь кость поперек горла.

Был я у Левитана в мастерской. Это лучший русский пейзажист, но, представьте, уже нет молодости. Пишет уже не молодо, а бравурно. Я думаю, что его

истаскали бабы. Эти милые создания дают любовь, а берут у мужчины немного: только молодость. Пейзаж невозможно писать без пафоса, без восторга, а восторг невозможен, когда человек обожрался. Если бы я был художником-пейзажистом, то вел бы жизнь почти аскетическую: употреблял бы раз в год и ел бы раз в день.

Кундасова обеспечена до сентября [3].

Будьте здоровы и благополучны. Нижайший поклон Анне Ивановне. Жажду повидаться с ней.

Ваш *А. Чехов.*

343

А. С. СУВОРИНУ

21 января 1895, Мелихово

21.

Буду непременно телеграфировать Вам. Приезжайте, но не целуйте «ступни ног у Куперник». Это талантливая девочка, но едва ли она покажется Вам симпатичной. Мне жаль ее, потому что досадно на себя: она три дня в неделе бывает мне противна. Она хитрит, как черт, но побуждения так мелки, что в результате выходит не черт, а крыса. Яворская же — другое дело. Это очень добрая женщина и актриса, из которой, быть может, вышло бы что-нибудь, если бы она не была испорчена школой. Она немножко ха́лда, но это ничего. Кундасовой я и не думал изображать, Христос с Вами; во-первых, Кундасова относится к деньгам совсем иначе, во-вторых, она не знала семейной жизни, в-третьих, она, как бы ни было — больная. Старик купец тоже не похож на моего отца, так как отец мой до конца дней своих останется тем же, чем был всю жизнь,— человеком среднего калибра, слабого полета [1]. Что же касается религии, то молодые купцы относятся к ней с раздражением. Если бы Вас в детстве секли из-за религии, то Вам это было бы понятно. И почему это раздражение — глупость? Оно, быть может, глупо выражено, но само по себе оно не так глупо, как Вам кажется. Оно меньше нуждается в оправдании, чем, например, идиллическое

отношение к религии, когда любят религию по-барски, с прохладцей, как любят метель и бурю, сидя в кабинете. Астрономке напишу, что Вы хотите видеть ее. Она будет тронута и, вероятно, постарается свидеться с Вами.

Я послал Андреевскому книгу[2] потому что получил 1—2 года назад его речи [3]. А так как Вы не прислали мне своей «Любви» в переплете[4], как обещали, то я имел полное право не посылать Вам своей книги. К тому же я знал, что Вы нашего брата, «молодых писателей», недолюбливаете (и даже изволили недавно выразиться, что не знаете, «знают ли они что-нибудь»), сам я к своим книжкам оравнодушел — и потому посылать их нет охоты; да и Сытин прислал пока только 10 экз. Не знаю, удачно ли я оправдался?

Фю, фю! Женщины отнимают молодость, только не у меня. В своей жизни я был приказчиком, а не хозяином, и судьба меня мало баловала. У меня было мало романов, и я так же похож на Екатерину, как орех на броненосец. Шелковые же сорочки я понимаю только в смысле удобства, чтобы рукам было мягко. Я чувствую расположение к комфорту, разврат же не манит меня, и я не мог бы оценить, например, Марии Андреевны.

Мне для здоровья надо уезжать куда-нибудь подальше месяцев на 8—10. Уеду в Австралию или в устья Енисея. Иначе я издохну. Хорошо, я приеду в Петербург, но будет ли у меня комната, где я мог бы спрятаться? Это вопрос весьма важный, ибо весь февраль я должен буду писать, чтобы заработать на свое путешествие. Ах, как надо уехать! У меня хрипит вся грудь, а геморрой такой, что чертям тошно — надо операцию делать. Нет, шут с ней, с литературой, следовало бы медициной заниматься. А впрочем, не мое дело рассуждать об этом. Литературе я обязан счастливейшими днями моей жизни и лучшими симпатиями.

Нижайший поклон Анне Ивановне, Насте и Боре.

Весь Ваш

А. Чехов.

26-го буду в Москве. Б. московская гостиница.

344

Л. В. СРЕДИНУ

14 февраля 1895, Петербург

Петербург. Эртелев пер., 6. 14 февр.

Большое Вам спасибо, дорогой Леонид Валентинович, за письмо и за фотографию. Ваша «Березань» напомнила мне о многом [1]. Ведь я пробыл на ней 50 дней! Когда я теперь закрываю глаза, то вспоминаю все до мельчайших подробностей, даже выражение глаз у нашего пароходного ресторатора, отставного жандарма. По пути от Гонг-Конга до Сингапура нас страшно валяло; груза не было, и думали, что пустой пароход опрокинется.

Я жив и, кажется, здоров. Кашляю, иногда донимают перебои сердца, но к этому я уже привык, как привыкают к бородавкам. Работаю, старею, понемножку тупею. Книга моя еще не вышла, лежит в складе типографии, иначе Вы давно бы уже получили ее [2].

В Крым, вероятно, попаду я не скоро, не тянет. Думаю, что приеду к Вам лет через пять, не раньше.

Миров оставил сцену и идет в чиновники.

Желаю Вам всего хорошего, а главное — здравия и отличного настроения. Вашей семье и нашим общим знакомым нижайший поклон.

Через неделю уезжаю к себе в деревню встречать весну. Скоро март.

Ваш *А. Чехов.*

345

Л. А. АВИЛОВОЙ

15 февраля 1895, Петербург

15 февр.

Несмотря даже на то, что в соседней комнате пели Маркони и Батистини, оба Ваши рассказа я прочел с большим вниманием. «Власть» милый рассказ, но будет лучше, если Вы изобразите не земского начальника, а

просто помещика. Что же касается «Ко дню ангела», то это не рассказ, а вещь, и притом громоздкая вещь. Вы нагромоздили целую гору подробностей, и эта гора заслонила солнце. Надо сделать или большую повесть, этак листа в четыре, или же маленький рассказ, начав с того момента, когда барина несут в дом.

Резюме: Вы талантливый человек, но Вы отяжелели, или, выражаясь вульгарно, отсырели и принадлежите уже к разряду сырых литераторов. Язык у Вас изысканный, как у стариков. Для чего это Вашей героине понадобилось ощупывать палкой прочность поверхности снега? И зачем прочность? Точно дело идет о сюртуке или мебели. (Нужно плотность, а не прочность.) И поверхность снега тоже неловкое выражение, как поверхность муки или поверхность песку. Затем встречаются и такие штучки: «Никифор отделился от столба ворот», или: «крикнул он и отделился от стены».

Пишите роман. Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте его, а потом печатайте. Вы мало отделываете, писательница же должна не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, медлительным.

Простите за сии наставления. Иногда приходит желание напустить на себя важность и прочесть нотацию. Сегодня я остался, или, вернее, был оставлен, завтра непременно уезжаю. Желаю Вам всего, всего хорошего.

Искренно преданный

А. Чехов.

346

А. С. СУВОРИНУ

25 февраля 1895, Мелихово

25 февр.

Вы превосходно отчитали Циона [1]. Да и г. Витте, министру, следовало бы сделать внушение, хотя бы словесно, за то, что он раньше так свысока третировал печать вообще и русскую в особенности — печать, которая теперь так дружно вступилась за него. Во всяком

случае, он должен быть признателен. Только что я написал последнее слово, как вбегает мать со словами: «Заяц перед моим окном!» Пошел посмотреть, в самом деле на сажень от окна сидит большой заяц и размышляет о чем-то; посидел и спокойно поскакал по саду.

У меня стали часто повторяться головные боли с мерцанием в глазах. Болезнь эта называется так: мерцающая ското́ма. Не скотина, а скотома. И теперь вот то лежу, то брожу и не знаю, что делать со своей особой. Лечиться же нечем. По-прежнему всюду преследует меня звон, и по-прежнему мне никто никогда не дарит ни подушек, ни брелок, ни галстуков. Вероятно, и не женат я до сих пор только по той причине, что жены имеют привычку дарить мужьям туфли. Но жениться я не прочь, хотя бы на рябой вдове. Становится скучно.

Как-то странно, что мы уже никогда не увидим Лескова [2]. Когда я виделся с ним в последний раз, он был весел и все смеялся: «А Буренин говорит, что я бифштексы лопаю» [3], и свое здоровье он характеризовал так: «Это не жизнь, а только житие». И напрасно он в завещании своем написал, что доктора не знали, что делается с его сердцем [4]. Доктора отлично знали, но скрывали от него. А как себя чувствует бедный Атава? Должно быть, смерть Лескова подействовала на него угнетающим образом. Если увидите Елизавет Воробей [5], то скажите ей, что мне хотелось повидаться с ней, но помешали обстоятельства. Надо бы изобразить ее в какой-нибудь повести или в рассказе, проект которого я изложил Вам в одном из последних писем. Посоветуйте ее мужу поступить в трагические актеры.

Нехорошо голова болит.

Желаю Вам всяких благ, денег и хороших закусок. У нас тепло, но снегу еще очень много.

Ваш *А. Чехов.*

С таким философом, как Нитче, я хотел бы встретиться где-нибудь в вагоне или на пароходе и проговорить с ним целую ночь. Философию его, впрочем, я считаю недолговечной. Она не столь убедительна, сколь бравурна.

347
Е. М. ШАВРОВОЙ

28 февраля 1895, Мелихово

28 февраля. Ст. Лопасня.

Вы правы: сюжет рискованный. Не могу сказать Вам ничего определенного, посоветую лишь запереть рассказ в сундук и продержать его там целый год, а потом прочесть. Тогда Вам виднее будет, я же боюсь решать, боюсь, чтобы не ошибиться [1].

Рассказ написан несколько жидковато: тенденция так и прет, подробности расплываются, как пролитое масло, лица же едва намечены. Есть лишние лица; например, брат героини, мать героини. Есть лишние эпизоды; например, события и разговоры перед свадьбой, да и все, что свадьбы касается. Но если это недостатки, то не важные. Важнее, по-моему, то, что Вам не удалось справиться с формальной стороной. Чтобы решать вопросы о вырождении, психозах и т. п., надо быть знакомым с ними научно. Значение болезни (назовем ее из скромности латинской буквой S) Вами преувеличено. Во-первых, S излечим, во-вторых, если врачи находят у больного какое-нибудь тяжелое заболевание, например спинную сухотку (tabes) или цирроз печени, и если это заболевание произошло от S, то они ставят сравнительно благоприятное предсказание, так как S поддается лечению. В вырождении, в общей нервности, дряблости и т. п. виноват не один S, а совокупность многих факторов: водка, табак, обжорство интеллектуального класса, отвратительное воспитание, недостаток физического труда, условия городской жизни и проч. и проч. И, кроме S, существуют еще другие болезни, не менее серьезные. Например, бугорчатка. Также мне кажется, не дело художника бичевать людей за то, что они больны. Разве я виноват, что у меня мигрень? Разве Сидор виноват, что у него S, что он к этой болезни имеет большее предрасположение, чем Тарас? Разве Акулька виновата, что кости у нее страдают бугорчаткой? Никто не виноват, а если и есть виноватые, то касается это санитарной полиции, а не художников.

Врачи в Вашем рассказе ведут себя прескверно. Вы заставляете их забыть о врачебной тайне; мало того, они тяжело больного, паралитичного посылают в город! Уж не на тарантасе ли потрепыхалась в город эта несчастная жертва таинственного S? А дамы в Вашем рассказе относятся к S, как к жупелу. Это напрасно. S есть не порок, не продукт злой воли, а болезнь, и больные S также нуждаются в теплом, сердечном уходе. Нехорошо, если жена бежит от больного мужа, ссылаясь на то, что болезнь заразная или скверная. Она, впрочем, может относиться к S, как ей угодно, но автор должен быть гуманен до кончика ногтей.

Кстати: Вы знаете, что influenza также производит в организме разрушения, весьма не безразличные во всех смыслах? О, в природе очень мало такого, что не было бы вредно и не передавалось бы по наследству. Даже дышать вредно. Лично для себя я держусь такого правила: изображаю больных лишь постольку, поскольку они являются характерами, или поскольку они картинны. Болезнями же я боюсь запугивать. «Нашего нервного века» я не признаю, так как во все века человечество было нервно. Кто боится нервности, тот пусть обратится в осетра или в корюшку; если осетр сделает глупость или подлость, то лишь одну: попадется на крючок, а потом в селянку с расстегаем.

Мне хотелось бы, чтобы Вы изобразили что-нибудь жизнерадостное, ярко-зеленое, вроде пикника. Предоставьте нам, лекарям, изображать калек и черных монахов. Я скоро начну писать юмористические рассказы, ибо весь мой психопатологический репертуар уже исчерпан.

Строю баню.

Желаю Вам всяких благ земных и небесных. Присылайте еще «деловые бумаги» [2]. Я люблю читать Ваши рассказы. Только позвольте поставить Вам непременное условие: как бы ни была сурова моя критика, это не значит, что рассказ не годится для печати. Моя придирчивость сама по себе, а печатание и гонорар сами по себе.

Ваш *А. Чехов.*

348

А. В. ЖИРКЕВИЧУ

10 марта 1895, Мелихово

Ст. Лопасня, М.-К. д., 95 10/III.

Многоуважаемый Александр Владимирович!

Невзирая на Ваше доброе расположение и внимание, которым я так дорожу, я, к великому моему огорчению, вынужден отказать Вам по всем пунктам.

Во-первых, фотографии моей у меня нет; в феврале я был в Петербурге и снимался у Шапиро, уехал, не дождавшись, когда карточки будут готовы. Если Шапиро пришлет мне, то и я пришлю Вам (конечно, в обмен на Ваш портрет), а пока простите.

Во-вторых, написать откровенно свое мнение о Вашей поэме, написать так, как бы Вы желали, мне решительно не под силу [1]. То есть я могу много наговорить Вам, но все это будет околесица, на которую Вы только рукой махнете. Стихи — не моя область, их я никогда не писал, мой мозг отказывается удерживать их в памяти, и их, точно так же как музыку, я только чувствую, но сказать определенно, почему я испытываю наслаждение или скуку, я не могу. В прежнее время я пытался переписываться с поэтами и высказывать свое мнение, но ничего у меня не выходило, и я скоро надоедал, как человек, который, быть может, и хорошо чувствует, но неинтересно и неопределенно излагает свои мысли. Теперь я обыкновенно ограничиваюсь только тем, что пишу: «нравится» или «не нравится». Ваша поэма мне понравилась.

Что же касается рассказа, который Вы пишете, то тут другое дело, я готов критиковать его хоть на двадцати листах, и если Вы со временем пришлете мне его и пожелаете узнать мое мнение, то я с большим удовольствием и прочту и напишу Вам более или менее определенно и буду при этом чувствовать себя свободно.

Письмо покойного Крестовского, напечатанное в «Историческом вестнике», хорошее письмо, и, думаю, оно будет иметь успех в литературных кругах. В этом

письме чувствуется литератор, и притом очень умный, доброжелательный литератор [2].

Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас и крепко пожать руку.

Искренно преданный *А. Чехов.*

349

А. С. СУВОРИНУ

16 марта 1895, Мелихово

16 марта.

Вы писали, что будете в Москве, я все ждал от Вас телеграммы или письма, рассчитывая повидаться, но, очевидно, Вы изменили Ваши планы насчет Москвы. Вместо Вас небо послало мне Лейкина, который приезжал ко мне с Ежовым и Грузинским — двумя молодыми тюфяками, которые не проронили ни одного слова, но нагнали на всю усадьбу лютую скуку. Лейкин обрюзг, опустился физически, облез, но стал добрее и душевнее; должно быть, скоро умрет. Моя мать, заказывая мяснику мясо, сказала, что нужно мясо получше, так как у нас гостит Лейкин из Петербурга. «Это какой Лейкин?— изумился мясник.— Тот, что книги пишет?»— и прислал превосходного мяса. Стало быть, мясник не знает, что я тоже пишу книги, так как для меня он всегда присылает одни только жилы.

Приезжал ко мне из Москвы доктор, почитатель Нитче, очень милый и очень умный человек, с которым приятно было провести два дня [1]. Иваненко, флейтист, которого Вы у меня видели, заболел горловой чахоткой. Вот и все новости.

Итак, «Сахалин» мы выпускаем, не дожидаясь разрешения. Книга выходит толстая, с массою примечаний, анекдотов, цифр... [2] Авось пройдет. А не пройдет, то так тому и быть — все равно умирать.

Читали ли Вы в февральском «Историческом вестнике» «Таинственную корреспондентку»? Не знаете ли, кто эта особа? Вот бы рассказ написать! Жаль, не знаю истории, а то написал бы. Удивительная особа, если только она не сочинена [3].

Ваше маленькое письмо насчет физических игр для студентов принесет пользу, если Вы будете настойчиво и часто говорить на эту тему [4]. Игры положительно необходимы. Это и здорово, и красиво, и либерально, либерально в том смысле, что ничто так не служит к слиянию сословий и проч., как уличные и общественные игры. Игры дали бы нашей молодежи, живущей одиноко, знакомых; молодые люди чаще бы влюблялись. Но игры должны быть учреждены не раньше, как студент российский перестанет быть голодным. Натощак никакой крокет, никакие коньки не заставят студиоза быть бодрым.

Да хранят Вас небеса, видимые с земли и видимые с Сириуса. Помяните меня в своих святых молитвах и напишите мне хоть 2—3 строки. Была ли у Вас астрономка?

Ваш *А. Чехов.*

850

А. С. СУВОРИНУ

23 марта 1895, Мелихово

23 март.

Я говорил Вам, что Потапенко очень живой человек, но Вы не верили. В недрах каждого хохла скрывается много сокровищ. Мне кажется, что когда наше поколение состарится, то из всех нас Потапенко будет самым веселым и самым жизнерадостным стариком.

Извольте, я женюсь, если Вы хотите этого. Но мои условия: все должно быть, как было до этого, то есть она должна жить в Москве, а я в деревне, и я буду к ней ездить. Счастье же, которое продолжается изо дня в день, от утра до утра,— я не выдержу. Когда каждый день мне говорят все об одном и том же, одинаковым тоном, то я становлюсь лютым. Я, например, лютею в обществе Сергеенко, потому что он очень похож на женщину («умную и отзывчивую») и потому что в его присутствии мне приходит в голову, что моя жена может быть похожа на него. Я обещаю быть великолеп-

ным мужем, но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день: от того что я женюсь, писать я не стану лучше.

Вы уезжаете в Италию? Прекрасно, но если Вы берете с собой Михаила Алексеевича с лечебными целями, то едва ли ему станет легче оттого, что он будет по 25 раз в час ходить по лестницам, бегать за fokino и проч. Ему нужно покойно сидеть где-нибудь у моря, купаться; если же это не поможет, то пусть попробует гипнотизм. Поклонитесь Италии. Я ее горячо люблю, хотя Вы и говорили Григоровичу, будто я лег на площади св. Марка и сказал: «Хорошо бы теперь у нас в Московской губернии на травке полежать!» Ломбардия меня поразила, так что, мне кажется, я помню каждое дерево, а Венецию я вижу, закрывши глаза.

Мамин-Сибиряк очень симпатичный малый и прекрасный писатель. Хвалят его последний роман «Хлеб» (в «Русской мысли»); [1] особенно в восторге был Лесков. У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается нисколько не хуже, чем в «Хозяине и работнике» [2]. Я рад, что Вы познакомились с ним хоть немножко.

Вот уже четвертый год пошел, как я живу в Мелихове. Телята мои обратились в коров, лес поднялся на аршин и выше. Мои наследники отлично поторгуют лесом и назовут меня ослом, ибо наследники никогда не бывают довольны.

Не уезжайте за границу очень рано; там холодно. Погодите до мая. Я тоже, быть может, поеду; где-нибудь встретимся...

Напишите мне еще. Нет ли чего нового из области мечтаний бессмысленных и благомысленных?[3] Почему Вильгельм отозвал генерала В.?[4] Не будем ли мы воевать с немцами? Ах, мне придется идти на войну, делать ампутации, потом писать записки для «Исторического вестника»*.

Весь Ваш *А. Чехов.*

---

* Нельзя ли взять у Шубинского аванс в счет этих записок? (*Прим. А. П. Чехова.*)

851

Е. М. ШАВРОВОЙ

25 марта 1895, Мелихово

25 март.

Ваш cher maître* виноват перед Вами адски. Я давно уже прочел рассказ[1], и он мне очень понравился, но я медлил отвечать, медлил вместе со снегом, который не спешил таять и наводил на меня уныние.

В Вашем последнем рассказе очень много действующих лиц; это и достоинство и недостаток. Лица интересны, но они толпятся, разбивают на 1000 частей внимание читателя и, расплывшись на пространстве одной небольшой «деловой бумаги», не оставляют в памяти одного читателя резкого следа. Что-нибудь из двух: или меньше персонажей, или пишите роман. Выбирайте. По-моему, надо писать роман. Очевидно, сама судьба гнет к роману, если при всяком желании написать рассказ Вас начинает искушать целая масса образов и Вы никак не можете отказать себе в удовольствии втиснуть их всех в одну кучу.

Поручаю себя Вашим святым молитвам.

Преданный и готовый к услугам по гроб жизни.

А. Чехов.

852

А. С. СУВОРИНУ

30 марта 1895, Мелихово

30/III. Мелихово.

Панова 5—6 лет назад, когда я знал ее, была недурна собой, но актриса она неважная; в «Ганнеле»[1] она будет играть вяло и кисло, не обнаруживая никаких качеств; впрочем, хвалить ее будут. На святой в Петербурге будет оперировать труппа Корша. Сей тенором говорящий антрепренер, вероятно, приедет приглашать Вас. Побывайте на «Madame Sans Gêne» и посмотрите Яворскую. Если хотите, познакомьтесь: она интеллигентна и порядочно одевается, иногда бывает умна. Это дочь киевского полицмейстера Гибенета, так что в артериях ее течет кровь актерская, а в венах поли-

---

* дорогой учитель (*франц.*).

цейская. О преемственности сих двух кровей я уже имел удовольствие высказывать Вам свое психиатрическое мнение. Московские газетчики всю зиму травили ее, как зайца, но она не заслуживает этого. Если бы не крикливость и не некоторая манерность (кривляние тож), то это была бы настоящая актриса. Тип, во всяком случае, любопытный. Обратите внимание. Если интересуетесь пьесами, то поглядите у Корша первый акт «Романтиков»[2].

У нас уже весна, но снегу целые горы, и неизвестно, когда он растает. Чуть солнце спрячется за облако, как от снега начинает дуть холодом и становится отвратительно. Маша уже работает в парниках и цветнике, утомляется и постоянно сердится, так что ей не нужно читать фельетона Смирновой[3]. Хороший совет дает Софья Ивановна, девицы прочтут и спасутся; одно только неизвестно: куда сбывать яблоки и капусту, если имение далеко от города, и из какой материи шить платье, если рожь вовсе не продается и у хозяйки нет ни гроша. В имении трудом рук своих и в поте лица прокормиться можно только при одном условии: если будешь работать сам, как мужик, невзирая ни на звание, ни на пол. На рабах теперь не выедешь, надо самому браться за косу и топор, а если не умеешь, то никакие сады не помогут. Успех в хозяйстве, даже маленький, в России дается ценою жестокой борьбы с природой, а для борьбы мало одного желания, нужны силы телесные и закал, нужны традиции — а есть ли все это у барышень? Советовать барышням заниматься сельским хозяйством — это все равно что советовать им: будьте медведями и гните дуги.

Христос воскресе! Вас, Анну Ивановну, Настю, Борю и всех Ваших поздравляю и от всей души шлю пожелания счастья. Это письмо придет к Вам на пасху.

У меня уже нет денег. Фюйть! Но живу в деревне, ресторанов нет, извозчиков нет — и деньги как будто бы не нужны.

Алексей Петрович прислал мне великолепные часы.

Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

Сестра кланяется.

853

А. В. ЖИРКЕВИЧУ

2 апреля 1895, Мелихово

95 2/IV. Ст. Лопасня, М.-К. д.

Многоуважаемый Александр Владимирович, на нашей станции не выдают заказной корреспонденции, и потому Ваше письмо все это время лежало в Серпухове, и если бы не выручил сотский, который по субботам ходит в город, то Вам долго бы еще пришлось ожидать от меня критики[1].

Ваш рассказ мне очень понравился. Это хорошая, вполне интеллигентная, литературная вещь. Критиковать по существу положительно нечего, разве только по мелочам можно сделать несколько неважных замечаний. Сегодня первый день праздника, около меня толчется народ, писать приходится урывками, и потому разрешите для легкости излагать эту критику по пунктам:

1) Название рассказа «Против убеждения...» — неудачно. В нем нет простоты. В этих кавычках и трех точках в конце чувствуется изысканная претенциозность, и я подозреваю, что это заглавие дал сам г. Стасюлевич [2]. Я бы назвал рассказ каким-нибудь одним словом: «Розги», «Поручик».

2) Рутинны приемы в описаниях природы. Рассказ должен начинаться с фразы: «Сомов, видимо, волновался», все же, что раньше говорится о туче, которая улеглась, и о воробьях, о поле, которое тянулось,— все это дань рутине. Вы природу чувствуете, но изображаете ее не так, как чувствуете. Описание природы должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитав и закрыв глаза, сразу мог вообразить себе изображаемый пейзаж, набор же таких моментов, как сумерки, цвет свинца, лужа, сырость, серебристость тополей, горизонт с тучей, воробьи, далекие луга — это не картина, ибо при всем моем желании я никак не могу вообразить в стройном целом всего этого. В таких рассказах, как Ваш, описания природы тогда лишь уместны и не портят дела, когда они кстати, когда помогают Вам сообщить читателю то или другое настроение, как музыка в мелодекламации. Вот когда

бьют зорю и солдаты поют «Отче наш», когда возвращается ночью командир полка и затем утром ведут солдата наказывать, пейзаж вполне кстати, и тут Вы мастер. Вспыхивающие зарницы — эффект сильный; о них достаточно было бы упомянуть только один раз, как бы случайно, не подчеркивая, иначе ослабляется впечатление и настроение у читателя расплывается.

3) Рутинность приемов вообще в описаниях: «Этажерка у стены пестрела книгами». Почему не сказать просто: «этажерка с книгами». Томы Пушкина у Вас «разъединяются», издание «Дешевой библиотеки» «прижато». И чего ради все это? Вы задерживаете внимание читателя и утомляете его, так как заставляете его остановиться, чтобы вообразить пеструю этажерку или прижатого «Гамлета»,— это раз; во-вторых, все это не просто, манерно и, как прием, старовато. Теперь уж только одни дамы пишут «афиша гласила», «лицо, обрамленное волосами».

4) Провинциализмы, как «подборы», «хата», в небольшом рассказе кажутся шероховатыми, не только провинциализмы, но даже редко употребляемые слова, вроде «разнокалиберный».

5) Детство и страсти господни изображены мило, но в том самом тоне, в каком они изображались уже очень много раз.

Вот и все. Но это все такая мелочь! По поводу каждого пункта в отдельности Вы можете сказать: «это дело вкуса» — и будете правы.

Ваш Сомов, несмотря на воспоминание о страстях господних, несмотря на борьбу, все-таки наказывает солдата. Это — художественная правда. В общем рассказ производит то впечатление, какое нужно. «И талантливо, и умно, и благородно» *.

За фотографию и за лестную надпись приношу Вам мою сердечную благодарность. Свой портрет вышлю Вам, когда сам получу.

Погода отвратительная.

Желаю Вам всего хорошего, поздравляю с праздником.

Ваш *А. Чехов.*

---

* Это из одной моей повести[3]. Когда меня ругают, то обыкновенно цитируют эту фразу с «но». (*Прим. А. П. Чехова.*)

854

А. С. СУВОРИНУ

13 апреля 1895, Мелихово

13 апр.

Вы спрашиваете: получил ли я то письмо? Да, получил и говорил Вам об этом в Петербурге. В нем Вы неблагонадежны вдвойне, так как относитесь критически и к настоящему и к прошедшему. Вспомните-ка, что Вы писали об Екатерине II и шелковых сорочках! Отыскивая это письмо, я кстати просмотрел мельком все Ваши письма и привел их в некоторый порядок. Сколько в них хорошего! Особенно ярко то время, когда Вы ставили «Татьяну Репину», а я «Иванова»[1]. Заметно некоторое кипение жизни.

Одолеваю «Семью Поланецких» Сенкевича. Это польская творожная пасха с шафраном. Если к Полю Бурже прибавить Потапенку, попрыскать варшавским одеколоном и разделить на два, то получится Сенкевич. «Поланецкие», несомненно, навеяны «Космополисом» Бурже, Римом и женитьбой (Сенкевич недавно женился); тут и катакомбы, и старый чудак-профессор, вздыхающий по идеализму, и иже во святых Лев XIII с неземным лицом, и совет возвратиться к молитвеннику, и клевета на декадента, который умирает от морфинизма, поисповедавшись и причастившись, т. е. раскаявшись в своих заблуждениях во имя церкви. Семейного счастья и рассуждений о любви напущена чертова пропасть, и жена героя до такой степени верна мужу и так тонко понимает «сердцем» бога и жизнь, что становится в конце концов приторно и неловко, как после слюнявого поцелуя. Сенкевич, по-видимому, не читал Толстого, незнаком с Нитче, о гипнотизме он толкует как мещанин, но зато каждая страница у него так и пестрит Рубенсами, Боргезе[2], Корреджио, Боттичели — и это для того, чтобы щегольнуть перед буржуазным читате-

лем своею образованностью и показать кукиш в кармане материализму. Цель романа: убаюкать буржуазию в ее золотых снах. Будь верен жене, молись с ней по молитвеннику, наживай деньги, люби спорт — и твое дело в шляпе и на том и на этом свете. Буржуазия очень любит так называемые «положительные» типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно и капитал наживать и невинность соблюдать, быть зверем и в то же время счастливым.

У нас какая-то жалкая весна. Снег все еще лежит в полях, и нет езды ни на санях, ни на колесах, а скотина скучает по траве и воле. Вчера пьяный мужик-старик, раздевшись, купался в пруде, дряхлая мать била его палкой, а все прочие стояли вокруг и хохотали. Выкупавшись, мужик пошел босиком по снегу домой, мать за ним. Как-то эта старуха приходила ко мне лечиться от синяков — сын побил. Откладывать просвещение темной массы в далекий ящик — это такая низость!

Яворская не живет с Коршем, но это правда, что он ее ревнует.

Как прошел спектакль в литературно-артистическом кружке?[3]

Желаю Вам всяких благ. Поздравляю Вас с японско-китайским миром[4] и желаю скорейше приобрести незамерзающую Феодосию на восточном берегу и провести к ней железную дорогу. Не было у бабы хлопот, так она купила порося. И мне кажется, что с этим незамерзающим портом мы наживем себе массу хлопот. Он обойдется нам дороже, чем если бы мы вздумали завоевать всю Японию. Впрочем, futura sunt in manibus deorum *.

Приезжал Миша и говорил, что он получил Станислава 3 степени.

Ваш *А. Чехов.*

---

* будущее в руках богов (*лат.*).

855

А. С. СУВОРИНУ

18 апреля 1895, Мелихово

18 апр.

В доказательство, что и я тоже не чужд японского вопроса, посылаю Вам вырезку из своего «Сахалина»[1]. Про Невельского я писал в октябрьской книжке «Русской мысли» 1893 г. и, подобно дочери, рекомендовал его читателю, как личность исключительную.

Если бы Вы приехали в Москву в конце апреля или в начале мая, то мы поездили бы по кладбищам, монастырям, подгородным рощам, поехали бы, пожалуй, к Троице[2]. Раз в письме Вы проговорились, что хотели бы посидеть и походить со мной, молча и лениво перекидываясь фразами, то я и предлагаю Вам Москву. Если будет хорошая погода, то скитания наши по Москве и около удадутся настолько, что будет приятно вспомнить о них под старость.

Ваш отзыв об Яворской мне не показался резким.

Перерыв. Ходил в деревню к чернобородому мужику с воспалением легкого. Возвращался полем. По деревне я прохожу не часто, и бабы встречают меня приветливо и ласково, как юродивого. Каждая наперерыв старается проводить, предостеречь насчет канавы, посетовать на грязь или отогнать собаку. В поле поют жаворонки, в лесу кричат дрозды. Тепло и весело.

Мише напишу. Пьесы писать буду,но не скоро. Драмы писать не хочется, а комедии еще не придумал. Пожалуй, засяду осенью за пьесу, если не уеду за границу.

Я очень рад успеху «Ганнеле». Это успех литературно-артистического кружка, успех частной затеи. Теперь Вы смело можете начать войну с макао, и если Вы не охладеете, то кружок может сделаться богатым. Успех пьес и концертов и популярность дадут больше денег, чем штрафы, которые платят картежники. В Москве нет кружка, но несколько литераторов собираются нанять на один вечер театр Корша и дать любительский спектакль с благотворительной целью. Играть будут только одни литераторы и дамы, имеющие отно-

шение к литературе. Это моя затея. Выпишем Потапенку и Мамина. Поставим, вероятно, «Плоды просвещения», я буду играть мужика. Когда-то я хорошо играл, теперь же, кажется, у меня не хватит голоса. Во всяком разе пора перестать быть очень серьезным, и если мы усмотрим дурачество монстр, то это шокирует только старых психопаток, воображающих, что литераторы гипсовые.

Астрономка в Петербурге. Я высылаю ей ежемесячно по 40 р. Если увидите, то ни слова об этом, так как мы одурачили ее, уверив, что эти деньги высылает ей Сытин, который будто бы дал ей взаймы на три года. Денег хватит у нас до сентября[3]. Если хотите, вот ее адрес: Шлиссельбургский проспект, 89, кв. 3. Ларисе Аполлоновне Беклемишевой для передачи О. П. Кундасовой. Видаться с ней можете, но денег ей *не* давайте, ибо эти деньги она отошлет своим сестрицам. Иначе ей нельзя помочь, как выдачами раз в месяц в виде жалованья — и притом через Сытина. В случае, если она захочет на Кавказ «окисляться», то мы фонд тревожить не будем, а сделаем особый сбор.

Конечно, в мое дешевое имение Вы не приедете... А у меня в усадьбе все стало необыкновенно смешно. Даже серьезный бык смешон.

Мне снилось, что я женат. Благоволите написать, ждать ли Вас в Москву.

Ваш *А. Чехов*

Вырезку пришлите обратно, а то журнал будет испорчен.

356

Н. А. ЛЕЙКИНУ

5 июля 1895, ст. Тройца

5 июль.

Дорогой Николай Александрович, сестра уже вернулась, но я все еще не знаю, куда я поеду, на север или на юг, и не знаю, что ответить Вам. Я все сидел дома, ходил за розами, наведывался на сенокос, не зная, куда

направить стопы свои, и склоняя стрелу сердца моего то к северу, то к югу, как вдруг — трах! Пришла телеграмма, и я очутился на берегу одного из озер в 70—90 верстах от ст. Бологое[1]. Проживу я здесь неделю или полторы и поеду назад в Лопасню.

Здесь на озере погода унылая, облачная. Дороги кислые, сено паршивое, дети имеют болезненный вид. У нас же в Серпуховском уезде тепло и дождь в последние 1½—2 недели бывал только по вечерам. Сенокос начался благополучно, а как он кончится, не знаю. Но сена мы собрали уже достаточно.

Представьте мое недоумение. В моем саду росло зелье, которое все мы и знакомые называли так: herba sibirica ignota *. Называли мы это зелье sibirica, потому что нам говорили, будто оно из Сибири. Оказалось в конце концов, что это сахалинская греча. Каков сюрприз!

Розы у меня цветут необыкновенно. Простите, тороплюсь писать, ибо гонят в шею. Завтра в 6 часов утра уходит почта и domestique** стоит над душой.

Поклон нижайший всем Вашим. О том, куда я поеду и где буду, узнаете своевременно из моих писем.

Ваш *А. Чехов.*

857

Н. А. ЛЕЙКИНУ

29 августа 1895, Мелихово

Милый Николай Александрович, давно уже я не писал вам, между тем пора уже написать, что Хина, которую я запирал весною с Бромом, родила настоящих таксов: одного живого, другого — дохлого, живой — сучка, очень красивая, прозвана Селитрой, теперь уже ей второй месяц, и на будущей неделе она будет отправлена на ферму к гр. Орлову-Давыдову.

Теперь огородные дела. Из бамий взошла только одна, и та засохла. Тыквы ваши грандиозны, так что

---

* неведомая сибирская трава (*лат.*).

** слуга (*франц.*).

трудно поднять; посолили в них огурцы. Репа тоже большая, какой мы никогда не видали. Теперь я понимаю, почему на выставках вам дают медали. Сестра вас благодарит и низко кланяется. Лето вообще было удачное, у нас все дозрело, даже баклажаны, не говоря уже о томатах и кукурузе. Яблоки были обильные и великолепные. Розы цвели буйно все лето и цветут до сих пор.

Я не совсем здоров. 8 августа я был у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и, вероятно, простудился у него или на обратном пути; 9 августа у меня заболели волосы и кора правой половины головы, затем боль шла все crescendo, и 15—16-го у меня начались сильные нервические боли в правом глазу и в правом виске. Поехал я в Серпухов, вырвал зуб, принял чертову пропасть антипирина, фенацетина, хины и проч. и проч.— и ничего не помогло. Только после 20-го боль стала сдаваться, и вот я уже могу писать и чувствую только боль в коре головы и в волосах, когда до них дотрагиваешься. Такое свинство. В результате: хохлацкая лень и эта болезнь сделали то, что летние месяцы у меня прошли прахом, я ничего не писал ни великого, ни малого, и если бы не те два рассказа, которые я написал весной, то пришлось бы начинать сезон с пустыми руками. Впрочем, ленился я только для литературы. Все-таки немножко полечивал, немножко возился в саду и — наконец — победил трудности французского языка, пройдя весь курс его. Теперь я уж не буду чувствовать себя в Париже дураком. Все-таки сумею спросить помощь и поблагодарить гарсона.

Урожай у нас хороший. Болезней летом не было, и было похоже, точно тифы и дифтерит стали вырождаться.

Поклон нижайший Прасковье Никифоровне и Феде. Желаю Вам всяких благ, наипаче же здоровья. В Петербург приеду зимой или к зиме. Так как буду жить долго, то остановлюсь не у Суворина, а где-нибудь поближе к Невскому, в номерах. Никак не могу придумать, в каких номерах мне остановиться.

Фамилия моя шлет вам привет и приглашает в Мелихово.

Ваш *А. Чехов.*

858

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

6 октября 1895, Мелихово

Пятница.

Вчера на ночь глядя прочел Вашу «Губернаторскую ревизию»[1]. По тонкости, по чистоте отделки и во всех смыслах это лучшая из всех Ваших вещей, какие я знаю. Впечатление сильное, только конец, начиная с разговора с писарем, ведется в слегка пьяном виде, а хочется piano*, потому что грустно. Знание жизни у Вас громадное и, повторяю (я это говорил как-то раньше), Вы становитесь все лучше и лучше, и точно каждый год к Вашему таланту прибавляется по новому этажу.

Где Вы? Я Вашей новой квартиры не знаю, а Вы мне не пишете. Кланяйтесь Екатерине Николаевне. Дома я проживу до 20 октября. Пишите.

Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

859

А. С. СУВОРИНУ

21 октября 1895, Мелихово

21 окт.

Спасибо за письмо, за теплые слова и приглашение. Я приеду, но, вероятно, не раньше конца ноября, так как дела у меня чертова пропасть. Во-первых, весною я буду строить новую школу в селе, где попечительствую;[1] зáгодя нужно составить план, сметы, съездить то туда, то сюда и проч. Во-вторых, можете себе представить, пишу пьесу[2], которую кончу тоже, вероятно, не раньше как в конце ноября. Пишу не без удовольствия, хотя страшно вру против условий сцены. Комедия, три женских роли, шесть мужских, четыре акта, пейзаж (вид на озеро); много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви.

---

* Здесь: сдержанно (*итал.*).

Читал я о провале Озеровой и пожалел, ибо нет ничего больнее, как неуспех. Воображаю, как эта жидовочка плакала и холодела, читая «Петербургскую газету», где ее игру называли прямо нелепой[3]. Читал об успехе «Власти тьмы» в Вашем театре[4]. Конечно, хорошо, что Анютку играла Домашева, а не «маленькая крошка»[5], которая (по Вашим словам) Вам так симпатична. Этой крошке нужно Матрену играть. Когда я был в августе у Толстого, то он, вытирая после умыванья руки, сказал мне, что переделывать свою пьесу он не будет. И теперь, припоминая сие, думаю, что он уже тогда знал, что пьеса его будет in toto* разрешена для сцены. Я прожил у него $1^1/_2$ суток. Впечатление чудесное. Я чувствовал себя легко, как дома, и разговоры наши с Львом Николаевичем были легки. При свидании расскажу подробно.

В «Русской мысли» в ноябре пойдет «Убийство», в декабре другой рассказ «Ариадна».

А я в ужасе — и вот по какому поводу. В Москве издается «Хирургическая летопись», великолепный журнал, имеющий успех даже за границей. Редактируют известные хирурги-ученые: Склифосовский и Дьяконов. Число подписчиков с каждым годом растет, но все еще к концу года — убыток. Покрываем сей убыток был все время (до января будущего 1896 г.) Склифосовским; но сей последний, будучи переведен в Петербург, практику свою утерял, денег у него не стало лишних, и теперь ни ему и никому на свете не известно, кто в 1896 г. покроет долг, в случае ежели он будет, а судя по аналогии с прошлыми годами, надо ожидать 1000—1500 р. убытка. Узнав, что журнал погибает, я погорячился; такая нелепость, как гибель журнала, без которого нельзя обойтись и который уже через 3—4 года будет давать барыш, гибель из-за пустой суммы — эта нелепость ударила меня по башке, я сгоряча пообещал найти издателя, уверенный вполне, что найду его. И я усердно искал, просил, унижался, ездил, обедал черт знает с кем, но никого не нашел. Остался один Солдатенков, но он за границей, вернется не раньше декабря,

---

* в целом (*лат.*).

а вопрос должен быть решен к ноябрю. Как я жалею, что Ваша типография не в Москве! Тогда я не сыграл бы такую смешную роль маклера-неудачника. При свидании я изображу Вам в картине верной пережитые волнения. Если бы не постройка школы, которая возьмет у меня тысячи полторы, то я сам взялся бы издавать журнал за свои деньги — до такой ступени мне больно и трудно мириться с явной нелепостью. 22-го октября я поеду в Москву и предложу редакторам, как последнее средство, просить субсидию, 1½—2 тысячи в год. Если они согласятся, то я прикачу в Петербург и стану хлопотать. Как это делается? Вы меня научите? Чтобы спасти журнал, я готов идти к кому угодно и стоять в чьей угодно передней, и если мне удастся, то я вздохну с облегчением и с чувством удовольствия, ибо спасти хороший хирургический журнал так же полезно, как сделать 20 000 удачных операций. Во всяком случае, посоветуйте, что мне делать.

После воскресенья пишите мне в Москву. Большая московская гостиница, № 5.

Как пьеса Потапенко?[6] Вообще что Потапенко? Жан Щеглов прислал мне унылое письмо. Астрономка бедствует. Во всем остальном пока все обстоит благополучно. В Москве буду ходить в оперетку. Днем буду возиться с пьесой, а вечером — в оперетку.

Низко Вам кланяюсь. Пишите, умоляю.

Ваш *А. Чехов.*

360

А. С. СУВОРИНУ

26 октября 1895, Москва

26 окт. Б. московская гостиница, № 8.

Что Фингал есть Потапенко[1], Москве уже поведал Станюкович, бывший здесь проездом. Да, Вы это справедливо изволите говорить, что в писаниях Фингала нет «нерва». Потапенко человек простодушный, и мне кажется, что длинные рассуждения ему совсем не подобают, он должен писать образами, и чем раньше в своих

фельетонах он перейдет к беллетристике или полубеллетристике на манер Атавы, тем скорее попадет он в ту именно жилу, в какую хочет попасть.

Нет, не искушайте меня без нужды, раньше ноября я не могу приехать. Не поеду, не кончивши пьесы[2]. А приехав, остановлюсь не у Вас, а на Б. Морской во «Франции», ибо работы у меня по горло; остановившись у Вас, я буду только ходить да искать, с кем бы побеседовать, и уже через неделю начну гнать себя из Петербурга, испугавшись своего ничегонеделания. Я имею намерение прожить в Петербурге не меньше месяца. Если Вы настойчиво пожелаете, чтобы я остановился у Вас, то я приеду в Петербург тайно от Вас и проживу во «Франции» три недели, потом перееду к Вам с таким видом, как будто с вокзала, и проживу у Вас неделю.

Дочери Толстого очень симпатичны. Они обожают своего отца и веруют в него фанатически. А это значит, что Толстой в самом деле великая нравственная сила, ибо если бы он был неискренен и небезупречен, то первые стали бы относиться к нему скептически дочери, так как дочери те же воробьи: их на мякине не проведешь... Невесту и любовницу можно надуть как угодно, и в глазах любимой женщины даже осел представляется философом, но дочери — другое дело.

Вы пишете: «По этой записке возьмите для нее сто рублей из книжного магазина»[3]. Но этой записки при письме не оказалось. Да и самой астрономки я не вижу; говорят, что она уехала к своей сестре в Батум. Что касается «Хирургической летописи», то она сама, все хирургические инструменты, бандажи, бутыли с карболкой кланяются Вам до земли. Радость, конечно, великая. Мы решили так: если мысль о субсидии осуществима, то ехать мне и хлопотать и по получении субсидии возвратить Вам полторы тысячи[4]. В ноябре я повидаюсь с Склифосовским и в самом деле, если это возможно, поеду к Витте спасать сих наивнейших людей. Это дети. Трудно сыскать менее практичных людей. Как бы ни было, полторы тысячи рано или поздно мы возвратим Вам. Мне в благодарность за мои хлопоты бесплатно вырежут геморроидальные узлы — операция, для меня неизбежная и уже начинающая волновать меня. А Вас

будут славословить и, когда приедете в Москву, покажут Вам новые клиники около Ново-Девичьего монастыря. Клиники сто́ит посещать так же, как кладбище и цирки.

Пишите. Полторы тысячи пришлите на мое имя и, если можно, не почтой, а через магазин. Как прошла пьеса Потапенко?[5] Что Анна Ивановна, Настя и Боря? Воображаю, как вырос Боря. Поклон всем, m-lle Эмили также.

Ваш *А. Чехов.*

361

А. С. СУВОРИНУ

21 ноября 1895, Мелихово

21 ноябрь.

Ну-с, пьесу я уже кончил[1]. Начал ее forte* и кончил pianissimo** — вопреки всем правилам драматического искусства. Вышла повесть. Я более недоволен, чем доволен, и, читая свою новорожденную пьесу, еще раз убеждаюсь, что я совсем не драматург. Действия очень коротки, их четыре. Хотя это еще только остов пьесы, проект, который до будущего сезона будет еще изменяться миллион раз, я все-таки заказал напечатать 2 экземпляра на ремингтоне (машина печатает 2 экземпляра сразу) — и один пришлю Вам. Только Вы никому не давайте читать.

Вашего «Честного слова» я не получал, быть может, потому, что оно послано заказною бандеролью и по этой причине лежит теперь в Серпухове.

Какая-то дама, мне неизвестная, думая, что это я пишу о наводнении[2], прислала мне в «Новое время» в простом письме 5 р., прося отдать эти деньги потерпевшим. Ваша редакция препроводила письмо это ко мне на Лопасню, и вот я не знаю, что мне делать с этими деньгами. Будьте великодушны, пошлите прилагаемое

---

* сильно (*итал.*).
** очень тихо (*итал.*).

письмо Александру и приложите к нему 5 р.; я бы сам послал ему это письмо, но не уверен, есть ли у него теперь деньги, а послать деньги по почте ему не могу, ибо почты у меня нет. Пять же рублей я возвращу Вам при свидании, если Вы не распорядитесь ранее отдать их, например, погорельцам или в другое какое-нибудь учреждение, ведающее сирых и убогих. В последнем случае я привезу Вам расписку.

В Вашем письме актрисы изображены художественно. Я прочел и только крякнул: да-а. Я бы не хотел быть на Вашем месте. Возобновленный «Иванов» даст в первый раз 280 р. сбору, во второй 116, а в третий раз Вы уже не поставите его[3]. Таково мое мнение. Я бы ставил декадентские пьесы, а по воскресеньям и праздникам днем ставил бы для народа «Парашу Сибирячку», «Белого генерала»[4] и всякие занимательные феерии, поставил бы для оного же народа «Гамлета» и «Отелло», напирая главным образом на декорации. Можно для народа (по очень дешевой цене за вход) поставить «Власть тьмы» и «Женитьбу». Это тоже даст 116 р. сбора, но все же это лучше, чем возвращать из ссылки таких господ, как «Иванов». Вы скажете: советовать издали легко. Это правда.

Будьте здоровы и благополучны. Когда у меня бессонница, мне помогает стакан пива. Скоро приеду. Должно быть, все-таки не раньше начала декабря.

Ваш *А. Чехов.*

Ваше маленькое письмо о Горбунове великолепно[5]. В настоящее время только Вам одному удается этот тон.

362

В. Г. КОРОЛЕНКО

19 февраля 1896, Мелихово

19 февр. 96. Лопасня, Москов. губ.

Дорогой Владимир Галактионович, видите — я дома; и когда Вы писали Ваше последнее письмо, я был уже далеко от Петербурга. На вечер в пользу семьи

Г. И. Успенского едва ли попаду[1], так как выбраться из дому теперь мне нелегко и так как, вообще говоря, на вечерах я не читаю. Достаточно мне почитать 3—5 минут, как во рту у меня сохнет, голос сипнет, и я начинаю непрерывно откашливаться.

У Вукола я не праздновал[2]. Проездом через Москву был у Льва Толстого и с удовольствием провел у него часа два[3].

«Русское богатство» получаю. Большое Вам спасибо.

Крепко жму Вам руку. Ваш душой

А. Чехов.

Когда захотите ехать в Москву, дайте мне знать.

868

Д. Л. МАНУЧАРОВУ

5 марта 1896, Мелихово

Ст. Лопасня, Моск.-Курск. д.

Милостивый государь Давид Львович!

На Сахалине не осталось уже никого из моих знакомых, но все-таки я постараюсь похлопотать о вашем брате при первой возможности[1]. Когда буду в Петербурге, то, быть может, встречу человека, имеющего власть, влияние или связи на Сахалине, и тогда поговорю с ним. Письмо, если понадобится, пошлю сам, а вас своевременно уведомлю.

Брата успокойте, напишите, что и на Сахалине есть добрые люди, которые не откажут ему и в совете и в помощи.

Желаю вам всего хорошего.

Готовый к услугам

А. Чехов.

96 5/III

364

Д. Л. МАНУЧАРОВУ

21 марта 1896, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 96 21/III

Милостивый государь Давид Львович!

Отвечаю на ваши вопросы:[1]

1) Бывший приамурский ген.-губ. барон Корф разрешил мне посещать тюрьмы и поселения с условием, что я не буду иметь никакого общения с политическими — я должен был дать честное слово[2]. С политическими мне приходилось говорить очень мало, и то лишь при свидетелях — чиновниках (из которых некоторые играли при мне роль шпионов), и мне известно из их жизни очень немногое. На Сахалине политические ходят в вольном платье, живут не в тюрьмах, несут обязанности писарей, надзирателей (по кухне и т. п.), смотрителей метеорологических станций, один при мне был церковным старостой[3], другой был помощником смотрителя тюрьмы (негласно), третий заведовал библиотекой при полицейском управлении и т. д. При мне телесному наказанию не подвергали ни одного из них. По слухам, настроение духа у них угнетенное. Были случаи самоубийства — это опять-таки по слухам.

2) Если вы техник, то на Сахалине вы можете занять место старшего надзирателя и работать в местной мастерской, где в мое время чрезвычайно нуждались в опытных руководителях. Старшие надзиратели получают 50—60 рублей в месяц и даже больше. Место это вы можете получить, подав прошение начальнику острова или побывав в Петербурге в Главном тюремном управлении. Мне кажется, что если Вы обратитесь с просьбой к начальнику этого Управления, представите ему свои документы, объясните ему, что желаете жить и служить на Сахалине по семейным обстоятельствам, то он к Вашей просьбе отнесется вполне доброжелательно.

Желаю Вам всего хорошего.

Готовый к услугам *А. Чехов.*

365

А. А. ТИХОНОВУ (ЛУГОВОМУ)

29 марта 1896, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 96 29/III.

Многоуважаемый Алексей Алексеевич!

Напрасно Вы мне завидуете[1]. Никакой весны нет. Снег, сугробы, шубы, и термометр по утрам показывает —11. Скворцы еще не прилетели, а грачи шагают по дорогам уныло, точно факельщики. По замечаниям мужиков, в этом году грачи необыкновенно тощи; очевидно, пока они летели, им нечего было есть. Значит, и на юге холодно.

Спасибо «Ниве» за гостеприимство, которое она предлагает мне, но увы! я уже начинаю испытывать угрызения совести. Очень уж долго я обещаю, обещаю неопределенно, а это немножко похоже на «выжидательную политику» или попросту на обман. Но, право, я не хотел и не хочу Вас обманывать; напротив, мне очень хочется попечататься в «Ниве» — и вся беда в том, что, во-первых, я медлитель по натуре (я хохол) и пишу туго, через час по столовой ложке, и, во-вторых, я все поджидаю сюжета посимпатичнее, покрасочнее, чтобы не наскучить читателю «Нивы». Ну да что, весна и лето будут длинные, еще многое успеется, коли будем живы и здоровы, и как только моя работа перевалит через 2—3 листа, то я не премину уведомить Вас.

Где Владимир Алексеевич? Как он поживает? В последний раз я видел его зимой 94 года[2], когда он вообразил, что у него «истерия». Если увидите его, то поклонитесь ему, пожалуйста.

Правда ли, что Маркс купил на вечные времена сочинения Фета?[3] Если правда (и если не секрет), то за сколько? Полонский издан недурно[4].

Засим позвольте пожелать Вам всего хорошего. Так как святая неделя еще не кончилась, то можно и с праздником Вас поздравить.

Крепко жму руку. Ваш *А. Чехов.*

366

И. Н. ПОТАПЕНКО

8 апреля 1896, Мелихово

Прекрасный Игнациус! Что и как моя пьеса? Если черновой экземпляр освободился[1], то пришли мне его заказной бандеролью по адресу: Лопасня, Моск. губ. Пишу тебе сие в понедельник, в 5 часов утра; солнце восходит за моей спиной, поют скворцы. Нового нет ничего, все по-старому. И скука старая. 3—4 дня поплевал кровью, а теперь ничего, хоть бревна таскать или жениться. Смотрю в бинокль на птиц. Пишу роман для «Нивы»[2].

Ну, будь здоров и благополучен. Поцелуй своего друга Фидлера.

Твой *Antonius*.

P. S. Где автор «Сократа»?[3] Про него ничего не слышно.

367

Е. М. ШАВРОВОЙ

18 или 19 апреля 1896, Мелихово

Многоуважаемая Елена Михайловна, отвечаю Вам по пунктам.

1) «Бабье лето»[1] я и читал и другим давал читать. Хорошая вещь! Но не пора ли Вам, сударыня, расширить поле Ваших наблюдений? Вы почти в каждом рассказе повторяете так или иначе мотивы «Бабьего лета», между тем мирок, Вами изображаемый, давно уже исчерпан, хотя бы, например, Салтыковым в его переписке офицера с маменькой (см. «Благонамеренные речи»), рассказ «Еще переписка». В самом деле, Вам в Австралию бы проехаться! Со мной!!

2) Присылайте Ваш новый рассказ. Буду ждать его. Так как у нас уже открыта почта, то можете прислать его заказною бандеролью. Прочту с большим удовольствием.

3) На оттиске я не нашел Вашего автографа, который Вы должны были сделать хотя бы из почтения к cher maîtr'у. Пришлите другой[2].

4) «Русская мысль» заплатила Вам не много, но и не мало. Это обычная плата. «Корифеи» получают 150—250 р. за лист, а начинающие по 50—75.

5) Бумага эта никак не называется и, конечно, уступает «sporty». Но куплена она на Rue de la Paix*, пусть же будет она бумагой мира! Если в Петербурге я показался Вам «очень недобрым», то пусть сей яркий, резкий цвет исторгнет из Ваших очей слезы прощения[3].

6) Здоровье мое не ахти. Вчера был на земском собрании (я гласный) и чувствовал себя там «Неуважай-Корытом»[4].

7) Про чердак пора бы забыть[5].

8) Угадайте-ка: кто подарил мне эту бумагу?

Желаю всяких благ, а главное, побольше энергии. Пишите без конца, а то Вы все будете начинающей.

У нас весна, снегу совсем нет. Весело.

Преданный Вам

cher maître

А. Чехов.

868

Е. М. ШАВРОВОЙ

28 апреля 1896, Мелихово

28 апр.

Никиша, Тополев, Кошеварова и проч. и проч.[1] — ведь все это mouches volantes**, мешающие ясно видеть. На чердак их!![2] Я отправил бы туда же барышню Горленко, которая иначе не представляется мне, как с пуговкой вместо носа. Заняться одной семьей Мессеров — разве это не благодарная, не приятная задача? А Мусенька, если допустить, что на Кавказе она не была жертвой случайности, а увлеклась серьезно, и если не

---

* улица Мира (*франц.*).

** мелькающие мошки (*франц.*).

бросать ее к концу рассказа — разве это не интересное лицо? Ох, не загромождайте! Говорил Вам — не загромождайте Ваших рассказов!

Степочка живое лицо, но написан несколько трафаретно. Я бы сделал его порядочным человеком, и тогда бы резче выражалась его предрассудочность.

Бррр! Холодно чертовски. Дует лютый норд-ост. А вина нет, нечего пить. В одном заштатном городе полицейский надзиратель сказал мне: «Хорош наш город, только любить здесь нечего!» Так и я скажу: хорошо в деревне жить, только в дурную погоду пить нечего!

Завтра поеду в Москву, повезу с собой Ваш рассказ. Быть может, успею еще раз прочесть. Из него бы маленький роман сделать. Как Вы думаете?

Желаю Вам всего хорошего. Холодно!!!

Ваш cher maître

А. Чехов.

За оттиск и за Елизавет Воробья кланяюсь в ножки [3]. У нас уже открыто почтовое отделение, можно посылать заказные письма, адрес такой: Лопасня, Моск. губерн.

369

А. С. СУВОРИНУ

20 июня 1896, Мелихово

20 июня.

«Пастор Санг» [1] — трогательная и интересная вещь и читается, как умная, хотя перевод безобразный и пьеса написана небрежно, очевидно в один-два присеста. Но для театра она не годится, потому что играть ее нельзя, нет ни действия, ни живых лиц, ни драматического интереса. Не имеет она значения ни как драма, ни как вообще литературное произведение, главным образом потому, что мысль не ясна. Конец прямо-таки смутен и кажется странным. Нельзя заставлять своих действующих лиц творить чудеса, когда сам не имеешь резко определенных убеждений относительно чуда.

«Карл Бюрин»[2] — другое дело. Это совсем пьеса — и живая, и свежая, и легкая, и умная,— кроме, впрочем, последнего акта, который сделан по-бабьи, à la С. И. Смирнова. Если хотите и если будете в Феодосии, то давайте переделаем вместе на русские нравы. Но достаточно только трех действий. Название «Женщины» претенциозно и тенденциозно; оно заставит зрителя ожидать от пьесы то, чего в ней нет и чего она дать не может. Лучше назвать ее «Скрипачка» или «У моря». Дать побольше моря и назвать так. Давать пощечину не надо, достаточно брани — негодяй, лжец. Русская публика любит драку, но не терпит оскорблений, более или менее резких, вроде пощечин, пускания публично подлеца и т. п. И к тому же еще наша публика не особенно верит в благородство, раздающее пощечины.

Пьесу посылаю заказною бандеролью.

Был в Москве и шатался там по Ярам и Эрмитажам, не ложился спать две ночи и теперь испытываю недомогание. Когда не спишь долго, то представление о времени путается, и мне теперь кажется, что те сыроватые, серые утра, которые я провел около Москвы, были шесть лет назад.

У меня пышно цветут розы и масса клубники, но все-таки хочется уехать куда-нибудь. Хочется двигаться. В Нижнем, говорят, блестящая выставка[3], поражающая своею роскошью и серьезностью, не скучно на ней, потому что совершенно отсутствует пошлость,— таковы отзывы всех моих знакомых, побывавших на выставке, но все же не тянет в Нижний. Боюсь, что встречусь там с Сергеенко, который станет убеждать меня, что я обязан позавтракать у Баранова.

Поклон Анне Ивановне, Насте и Боре. Все Вы мне снились, и во сне я разговаривал с Анной Ивановной и с Настей.

Строю колокольню. Посылаем во все стороны воззвания о пожертвованиях. Мужики подписываются на больших листах и прикладывают тусклую грязную печать, а я посылаю по почте. Ну-с, желаю Вам всяких благ, побольше ершей и поменьше дождя, который бывает в Тверской губ. почти каждый день и надоедает страшно.

Ваш *А. Чехов.*

370
И. Н. ПОТАПЕНКО

11 августа 1896, Мелихово

Милый Игнациус, пьеса посылается[1]. Цензор наметил синим карандашом места, которые ему не нравятся по той причине, что брат и сын равнодушно относятся к любовной связи актрисы с беллетристом. На странице 4-й я выбросил фразу «открыто живет с этим беллетристом» и на 5-й «может любить только молодых». Если изменения, которые я сделал на листках, будут признаны, то приклей их крепко на оных местах — и да будешь благословен во веки веков и да узриши сыны сынов твоих! Если же изменения сии будут отвергнуты, то наплюй на пьесу: больше нянчиться с ней я не желаю и тебе не советую.

На странице 5-й в словах Сорина: «Кстати, скажи, пожалуйста, что за человек ее беллетрист?» — можно зачеркнуть слово *ее*. Вместо слов (там же): «Не поймешь его. Все молчит» — можно поставить: «Знаешь, не нравится он мне» или что угодно, хоть текст из талмуда *.

Что сын против любовной связи, видно прекрасно по его тону. На опальной 37 странице он говорит же матери: «Зачем, зачем между мной и тобой стал этот человек?» На этой 37 странице можно вычеркнуть слова Аркадиной: «Наша близость, конечно, не может тебе нравиться, но». Вот и все. Подчеркнутые места зри в синем экземпляре.

Когда же в Мелихово?

Значит, то, что можно, зачеркни, буде Литвинов скажет предварительно, что этого достаточно.

Благодарю за шоколад mignon. Я ем его.

6—17 уезжаю на юг, буду в Феодосии, поухаживаю за твоей женой. Во всяком разе пиши мне. После 20-го мой адрес такой: Феодосия, дом Суворина.

Ведь еще комитет!!

---

* или слова: «В ее годы! Ах, ах, как не стыдно!» (*Прим. А. П. Чехова.*)

Если зимой отыщешь мне квартиру, то всю зиму проживу в Петербурге. Достаточно одной комнаты и ватерклозета.

Не проехаться ли нам вместе куда-нибудь? Времени ведь еще много. В Батум или в Боржом. Здорово попили бы винца.

Крепко сжимаю тебя в своих объятиях.

Твой должник *Antonio.*

11 авг.

Наклеить придется по одному листку в каждом экземпляре на 4-й стр. На 5-й же и на 37-й только зачеркивай. Впрочем, поступай как знаешь. Прости, что я так нагло утомляю тебя.

С своей стороны я подчеркнул зеленым карандашом то, что можно зачеркнуть и что, если стать на точку зрения цензора, наиболее зловредно.

371

А. А. ТИХОНОВУ (ЛУГОВОМУ)

13 сентября 1896, Феодосия

Феодосия. 96 13/IX.

Многоуважаемый Алексей Алексеевич, я послал Вам исправленную корректуру — первые четыре листа. Остальные пришлю из дому (Лопасня), куда уезжаю завтра.

Я телеграфировал Вам название повести: «Моя жизнь». Но это название кажется мне отвратительным, особенно слово «моя». Не лучше ли будет «В девяностых годах»? Это в первый раз в жизни я испытываю такое затруднение с названием[1].

В первых числах октября я буду в Петербурге и тогда дам подробный ответ на Ваше последнее письмо;[2] теперь же, должно быть от объедения, голова у меня плохо работает, я туго мыслю и ленюсь. Скажу пока только, что литературные приложения к «Ниве» в текущем году имели успех благодаря главным образом статьям серьезного содержания. Статья Соловьева даже

прошумела[3]. Вы правы, говоря, что надо иметь в виду «пестрого» читателя, и правы, что печатаете Эрисмана[4], потому что русский пестрый читатель если и не образован, то хочет и старается быть образованным; он серьезен, вдумчив и неглуп.

Итак, завтра опять меняется мой адрес. До 5 октября адресуйтесь в Лопасню. В Феодосии уже становится холодно. Когда лезешь в воду, то испытываешь ужас.

Желаю Вам всяких благ, будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

372

А. С. СУВОРИНУ

23 сентября 1896, Мелихово

23 сент.

Вероятно, я не попаду ни к Толстому, ни на выставку[1], так как погода у нас чудесная и выехать из дому очень трудно. Впрочем, осень уже дает себя чувствовать, становится уныло. Вечера длинные-предлинные, по ночам кричат совы, каждый день от Лугового приходят письма... Одним словом, прощай лето!

Прочитав Ваше последнее письмо, я остановился на таком распределении ролей: Треплев — Аполлонский, Сорин — Писарев, Заречная — Савина, управляющий— Варламов, Маша — Читау, беллетрист Тригорин — Сазонов, доктор — Давыдов. А кто будет играть актрису? Дюжиковой я не знаю, отродясь ее не видел; если Вы думаете, что роль подходит для нее, то пусть она играет актрису, буде ей угодно. Тогда Абариновой — роль жены управляющего, влюбленной в доктора. Если послушаться Потапенка и эту роль отдать Левкеевой, то, пожалуй, публика станет ждать от этой роли чего-нибудь смешного и разочаруется. Ведь Левкеева пользуется славой прекрасной комической актрисы, и эта слава может задавить роль. А роль учителя хорошо бы отдать какому-нибудь бытовому актерику с комическим оттенком[2].

Миша спрашивает, пойдет ли его водевиль «За двадцать минут до звонка»? Он написал еще один водевиль[3] и хочет послать его Вам; он просит позволения написать в прошении, чтобы цензурованный экземпляр послали Вам.

Хочу приняться за Лауру Маргольм[4]. На всякий случай нужно заручиться разрешением переводчицы.

Велите отыскать августовскую книжку (№ 80) «Театрала» и прочтите там на стр. 45 корреспонденцию из Петербурга,— Вы узнаете, кто с кем живет. Из этой корреспонденции, написанной откровенно и обстоятельно, я узнал, что Карпов живет с Холмской[5].

До свиданья! Желаю Вам всяких благ. Анне Ивановне, Насте, Боре и Эмили нижайший поклон.

Ваш *А. Чехов.*

До 1-го октября, вероятно, пробуду дома. Когда же пришлете посылку? Я возвращу Вам ее немедля.

373

Е. М. СЕМЕНКОВИЧ

29 сентября 1896, Мелихово

96 29/IX.

Многоуважаемая Евгения Михайловна, у Вашего работника такого рода повреждение, что необходимо отправить его в больницу — сегодня же.

Обрезать розы не нужно. Нужно только оторвать листки, пригнуть к земле и, укрепив рогульками (или, иначе выражаясь, вилочками <—>), покрыть сухим листом. Покрывать розы еще рано, надо подождать мороза.

Обрезка производится весной. Теперь необходимо поискать и удалить те побеги, которые пошли от дичка или подвоя *.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

См. на обороте.

---

* Ибо весной будет трудно отличить их от благородных. (*Прим. А. П. Чехова.*)

Тому, кто повезет Вашего пострадавшего в сражснии работника в больницу, прикажите справиться: в каком положении находится наш пастушонок Андрей? Если оный Андрей уже выздоровел, то нельзя ли будет Вашему посыльному взять его с собой или, взявши, доставить на станцию или на почту, где будет сегодня вечером наш Александр. Простите, что беспокою Вас этой просьбой, но, говорят, мальчик тоскует, плачет, а послать за ним некого.

374

М. П. ЧЕХОВОЙ

12 октября 1896, Петербург

Милая Маша, где ты — в Москве или в Мелихове? Пишу в Москву.

Остановился я в доме Суворина, Эртелев, 6[1]. Был у Александра. Живет он хорошо. Постарел. Наталья Александровна завела себе собаку, которую прозвали Селитрой и с которой нежничают, как с дочкой. Дети здоровы.

Был у Потапенко. Он на новой квартире, за которую платит 1900 р. в год. На столе у него прекрасная фотография Марии Андреевны. Сия особа не отходит от него; она счастлива до наглости. Сам он состарился, не поет, не пьет, скучает. На «Чайке» он будет со всем своим семейством, и может случиться, что его ложа будет рядом с нашей ложей — и тогда Лике достанется на орехи.

Пока «Чайка» идет неинтересно. В Петербурге скучно, сезон начнется только в ноябре. Все злы, мелочны, фальшивы, на улице то весеннее солнце, то туман. Спектакль пройдет не шумно, а хмуро. Вообще настроение неважное. Деньги на дорогу я пошлю тебе сегодня или завтра, но ехать не советую.

По-моему, лучше отложить поездку в Петербург до зимы, когда здесь будет не так уныло. Полагаю решение сего вопроса на твое благоусмотрение. Если решишь ехать, то телеграфируй так: «Петербург, Эртелев, 6, Чехову. Едем». Если же поедешь одна, без Лики, то

телеграфируй «еду». Тогда приготовлю помещение и встречу на вокзале.

Будь здорова. Поклон всем.

Твой *А. Чехов.*

12 окт.

375

М. П. ЧЕХОВОЙ

18 октября 1896, Петербург

Я уезжаю в Мелихово; буду там завтра во втором часу дня. Вчерашнее происшествие [1] не поразило и не очень огорчило меня, потому что я уже был подготовлен к нему репетициями[2], и чувствую я себя не особенно скверно.

Когда приедешь в Мелихово, привези с собой Лику.

Твой *А. Чехов.*

376

М. П. ЧЕХОВУ

18 октября 1896, Петербург

Пьеса шлепнулась и провалилась с треском. В театре было тяжелое напряжение недоумения и позора. Актеры играли гнусно, глупо.

Отсюда мораль: не следует писать пьес.

Тем не менее все-таки я жив, здоров и пребываю в благоутробии

Ваш папаша *А. Чехов.*

377

А. И. СУВОРИНОЙ

19 октября 1896, Мелихово

Милая Анна Ивановна, я уехал не простившись. Вы сердитесь? Дело в том, что после спектакля мои друзья были очень взволнованы; кто-то во втором часу ночи

искал меня в квартире Потапенки; искали на Николаевском вокзале[1], а на другой день стали ходить ко мне с девяти часов утра, и я каждую минуту ждал, что придет Давыдов с советами и выражением сочувствия. Это трогательно, но нестерпимо. К тому же у меня заранее было предрешено, что я уеду на другой день независимо от успеха или неуспеха. Шум славы ошеломляет меня, и я после «Иванова» уехал на другой день[2]. Одним словом, у меня было непреодолимое стремление к бегству, а спуститься вниз, чтобы проститься с Вами, было бы нельзя без того, чтобы не поддаться обаянию Вашего радушия и не остаться.

Крепко целую Вам руку, в надежде на прощение. Вспомните Ваш девиз![3]

Всем низко кланяюсь. Приеду в ноябре.

Весь Ваш *А. Чехов.*

19 окт.

378

А. С. СУВОРИНУ

22 октября 1896, Мелихово

22 окт.

В Вашем последнем письме (от 18 окт.) Вы трижды обзываете меня бабой и говорите, что я струсил. Зачем такая диффамация? После спектакля я ужинал у Романова[1], честь честью, потом лег спать, спал крепко и на другой день уехал домой, не издав ни одного жалобного звука. Если бы я струсил, то я бегал бы по редакциям, актерам, нервно умолял бы о снисхождении, нервно вносил бы бесполезные поправки и жил бы в Петербурге недели две-три, ходя на свою «Чайку», волнуясь, обливаясь холодным потом, жалуясь... Когда Вы были у меня ночью после спектакля, то ведь Вы же сами сказали, что для меня лучше всего уехать; и на другой день утром я получил от Вас письмо, в котором Вы прощались со мной. Где же трусость? Я поступил так же разумно и холодно, как человек, который сделал пред-

ложение, получил отказ и которому ничего больше не остается, как уехать. Да, самолюбие мое было уязвлено, но ведь это не с неба свалилось; я ожидал неуспеха и уже был подготовлен к нему, о чем и предупреждал Вас с полною искренностью.

Дома у себя я принял касторки, умылся холодной водой — и теперь хоть новую пьесу пиши. Уже не чувствую утомления и раздражения и не боюсь, что ко мне приедут Давыдов и Жан говорить о пьесе. С Вашими поправками я согласен [2]— и благодарю 1000 раз. Только, пожалуйста, не жалейте, что Вы не были на репетиции. Ведь была, в сущности, только одна репетиция, на которой ничего нельзя было понять; сквозь отвратительную игру совсем не видно было пьесы.

Получил телеграмму от Потапенко: успех колоссальный [3]. Получил письмо от незнакомой мне Веселитской (Микулич), которая выражает свое сочувствие таким тоном, как будто у меня в семье кто-нибудь умер,— это уж совсем некстати. А впрочем, все это пустяки.

Сестра в восторге от Вас и от Анны Ивановны, и я рад этому несказанно, потому что Вашу семью люблю, как свою. Она поспешила из Петербурга домой, вероятно думала, что я повешусь.

У нас теплая, гнилая погода, много больных. Вчера у одного богатого мужика заткнуло калом кишку, и мы ставили ему громадные клистиры. Ожил. Простите, я стащил у Вас «Вестник Европы» — умышленно, и «Сборник Т. Филиппова» — неумышленно. Первый возвращаю, а второй возвращу по прочтении.

Дело, которое увез Стахович, пришлите мне посылкой — и я тотчас же возвращу Вам[4]. Еще просьба: напомните Алексею Алексеевичу, что он обещал мне «Всю Россию».

Желаю Вам всяких благ, земных и небесных, и благодарю от всей души.

Ваш *А. Чехов.*

379

П. Ф. ИОРДАНОВУ

23 октября 1896, Мелихово

23 окт. Лопасня, Москов. губ.

Многоуважаемый Павел Федорович, я опять пишу Вам. Я исполнил Ваш заказ, но, кроме того, не устроить ли нам при библиотеке «справочный отдел» en grand?* Этот отдел мог бы привлечь в библиотеку деловую, серьезную публику (ведь таковая есть в Таганроге?) и всех нуждающихся в разного рода справках и практических указаниях. В этот отдел вошли бы: календари общие и специальные; словари по языкознанию, энциклопедические, сельскохозяйственные, медицинские, технические; уставы воинский, морской, устав о наказаниях, о находящихся под стражей, таможенный, вексельный и проч. и проч.; казенные издания, относящиеся к личному составу всех ведомств; уставы известнейших благотворительных и ученых обществ; отчеты этих обществ; библиографические указатели; программы всех учебных заведений; спутники и путеводители; «Вся Россия»; сведения по финансовой и торговой части, тиражи и проч.; поваренные книги, модные журналы; спорт и игры; каталоги, прейскуранты и объявления известных торговых и хозяйственных фирм. Всего не перечислишь. К декабрю мы могли бы устроить этот отдел, а в декабре Вы публиковали бы в «Таганрогском вестнике», что вот-де публика приглашается получить бесплатно сведения и справки и что в библиотеке имеются такие-то и такие-то справочные издания и что библиотека намерена пополнять этот отдел непрерывно, новейшими изданиями. Если пожелаете, чтобы библиотека принимала подписку на журналы и газеты и принимала бы на себя всякие поручения по выписке книг, нот, пиес и т. п., то я к Вашим услугам, я устрою Вам бесплатно агентуру. Конечно, на выписке изданий библиотека заработала бы немного, но важно не это, а то, что библиотека с течением времени приохотила бы к себе публику и стала бы для нее необходимой.

---

* на широкую ногу (*франц.*).

До половины ноября я буду жить дома, а потому адресуйтесь в Лопасню Московск. губ.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

Только, пожалуйста, никому не говорите о моем участии в делах библиотеки. В «Новостях дня» недавно опять был напечатан вздор, довольно неприятный [1].

380

В. В. БИЛИБИНУ

1 ноября 1896, Мелихово

Милый Виктор Викторович, большое Вам спасибо за письмо [1]. Я, конечно, рад, очень рад, но все же успех 2-го и 3-го представления не может стереть с моей души впечатления 1-го представления. Я не видел всего, но то, что видел, было уныло и странно до чрезвычайности. Ролей не знали, играли деревянно, нерешительно, все пали духом; пала духом и Коммиссаржевская, которая играла неважно. И в театре было жарко, как в аду.

Казалось, против пьесы были все стихии. Но все-таки тем не менее я могу служить примером для юношества: после спектакля я ужинал у Романова, ночь спал крепко, утром рецензий не читал (у газет был зловещий вид) и в полдень укатил в Москву.

Что Вы делали в Москве? Понравились ли Вам московские репетиции? Ели ли у Тестова расстегаи? Виделись ли с нашими приятелями Грузинским и Ежовым?

Я утерял Ваш адрес. Посылаю сие письмо по месту Вашего служения.

Поклонитесь Анне Аркадьевне и будьте здоровы, а главное, перестаньте думать, что у Вас болит сердце. Вы — как бы не сглазить — очень здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

Лопасня, Московск. губ. 96. 1 ноября.

№ «Осколков» с карикатурой получил[2]. Посылаю Вам на память свою книгу — pour les enfants *. Когда Ваш старший сын научится читать, то пусть прочтет, буде пожелает[3].

381

Т. Л. ТОЛСТОЙ

9 ноября 1896, Мелихово

Лопасня, Москов. губ. 96 9/XI.

Многоуважаемая Татьяна Львовна, видите, когда я собрался отвечать Вам. Ваше письмо получил я по возвращении из Крыма, во второй половине сентября[1]. Погода была прекрасная, настроение — тоже, и я не торопился отвечать Вам, так как был уверен, что не сегодня-завтра поеду в Ясную Поляну. Но стали приходить письма и телеграммы, настоятельно требовавшие меня в Петербург, готовилась к постановке моя пьеса[2]. Я поехал, пьеса, по-видимому, успеха не имела — и вот я опять дома. На дворе снег, ехать в Ясную Поляну уже поздно.

В своем письме Вы спрашивали, нет ли у меня чего-нибудь конченого и не привезу ли я прочесть. К концу лета у меня была готова повесть в 5 листов, «Моя жизнь» (другого названия я не сумел придумать), и я рассчитывал привезти ее с собой в Ясную Поляну, в корректурных листах. Теперь она печатается в «Приложениях Нивы», и я чувствую к ней отвращение, так как по ней проехала цензура и многие места стали неузнаваемы[3].

В Петербурге я виделся с Д. В. Григоровичем. Он поразил меня своим мертвенным видом. Лицо желто-зеленого цвета, как у раковых больных. Говорит, что замучился на нижегородской выставке.

Позвольте поблагодарить Вас за письмо и за Ваше доброе отношение, которое, верьте мне, я ценю выше, чем могу выразить это на словах. Льву Николаевичу и всей Вашей семье кланяюсь и желаю всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

---

* для детей (*франц.*).

382

И. Я. ПАВЛОВСКОМУ

9 ноября 1896, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 96 9/XI.

Милый Иван Яковлевич,

Иорданов пишет, что он в восторге. Привожу дословно самую важную часть его письма: «Относительно того, как отнесется город к устройству музея, я могу сказать, что пока я буду заведовать городской библиотекой, я могу гарантировать и сочувствие городского управления музею, и материальную помощь ему. Так же точно я принимаю на себя и ответственность за вещи, направленные сюда. А заведовать библиотекой я, по всей вероятности, буду долго. Что касается издержек по пересылке вещей, то, конечно, библиотека с удовольствием примет их на свой счет; сообщите только г. Павловскому, что, если ему придется высылать громоздкие предметы, пусть не посылает их по железной дороге, а направляет их морским путем через Марсель; доставка морем стоит гораздо дешевле и даже может нам ничего не стоить, если отправлять вещи на пароходах кого-нибудь из наших таганрогских негоциантов».

Прибавляю от себя: если мы с Вами понатужимся и в самом деле устроим некоторое подобие музея, то будем иметь в старости нашей великое утешение. Я уже отправил в Таганрог около 500 книг (названий), из коих около половины снабжены автографами. Всего послано мною 600—700 томов.

Ну-с, шла в Петербурге моя «Чайка». Играли так скверно, что сквозь игру не видно было пьесы, и я уехал из Петербурга, не зная, что хуже — пьеса или игра, или и то и другое вместе. Говорят, что теперь играют гораздо лучше и что пьеса имеет успех [1].

На днях было земское собрание (у нас в уезде), на котором я присутствовал в качестве гласного. Решено провести шоссе от станции Лопасня почти до Мелихова. Теперь будет очень хорошая дорога, так что я могу ку-

пить себе в рассрочку карету или ландо. Я назначен помощником предводителя дворянства по школьному делу, и мне предстоит теперь объездить все школы уезда и написать о них отчет. Всех школ 59, а отчет нужно приготовить к будущему собранию.

В «Русскую мысль» я написал. Ответ получу через 2—3 дня и тотчас же напишу Вам [2].

Все мои Вам кланяются. Повторяю: в 1897 г. будем ожидать Вас к себе. Если бы наверное сказали, что будете с семьей жить в России, в будущем июне — июле — августе, то я нанял бы для Вас дачу у своего соседа, ту самую дачу, в которой мы останавливались на минутку, когда со станции ехали в Мелихово. Помните? Там великолепный пруд, полный рыбы.

Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

383

А. Ф. КОНИ

11 ноября 1896, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 96 11/XI.

Многоуважаемый Анатолий Федорович, Вы не можете себе представить, как обрадовало меня Ваше письмо [1]. Я видел из зрительной залы только два первых акта своей пьесы, потом сидел за кулисами и все время чувствовал, что «Чайка» проваливается. После спектакля, ночью и на другой день, меня уверяли, что я вывел одних идиотов, что пьеса моя в сценическом отношении неуклюжа, что она неумна, непонятна, даже бессмысленна и проч. и проч. [2]. Можете вообразить мое положение — это был провал, какой мне даже не снился! Мне было совестно, досадно, и я уехал из Петербурга, полный всяких сомнений. Я думал, что если я написал и поставил пьесу, изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я утерял всякую чуткость и что, значит, моя машинка испортилась вконец. Когда я был уже дома, мне писали из Петербурга, что 2-е и 3-е представления имели успех; пришло несколько писем, с подписями и анонимных, в которых хвалили

пьесу и бранили рецензентов; я читал с удовольствием, но все же мне было совестно и досадно, и сама собою лезла в голову мысль, что если добрые люди находят нужным утешать меня, то, значит, дела мои плохи. Но Ваше письмо подействовало на меня самым решительным образом. Я Вас знаю уже давно, глубоко уважаю Вас и верю Вам больше, чем всем критикам, взятым вместе,—Вы это чувствовали, когда писали Ваше письмо, и оттого оно так прекрасно и убедительно. Я теперь покоен и вспоминаю о пьесе и спектакле уже без отвращения.

Коммиссаржевская чудесная актриса. На одной из репетиций многие, глядя на нее, плакали и говорили, что в настоящее время в России это лучшая актриса; на спектакле же и она поддалась общему настроению, враждебному моей «Чайке», и как будто оробела, спала с голоса. Наша пресса относится к ней холодно, не по заслугам, и мне ее жаль.

Позвольте поблагодарить Вас за письмо от всей души. Верьте, что чувства, побуждавшие Вас написать мне его, я ценю дороже, чем могу выразить это на словах, а участие, которое Вы в конце Вашего письма называете «ненужным», я никогда, никогда не забуду, что бы ни произошло.

Искренно Вас уважающий и преданный

А. Чехов.

384

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

20 ноября 1896, Мелихово

Милый Владимир Иванович, видишь, и я не сразу отвечаю на письма. Маша живет там же, где и в прошлом году: Сухаревская-Садовая, д. Кирхгоф.

Да, моя «Чайка» имела в Петербурге, в первом представлении, громадный неуспех. Театр дышал злобой, воздух сперся от ненависти, и я — по законам физики — вылетел из Петербурга, как бомба. Во всем этом виноваты ты и Сумбатов, так как это вы подбили меня написать пьесу.

Твою нарастающую антипатию к Петербургу я понимаю, но все же в нем много хорошего; хотя бы, например, Невский в солнечный день или Коммиссаржевская, которую я считаю великолепной актрисой.

Здоровье мое ничего себе, настроение тоже. Но боюсь, что настроение скоро будет опять скверное. Лавров и Гольцев настояли на том, чтобы «Чайка» печаталась в «Русской мысли» [1],— и теперь начнет хлестать меня литературная критика. А это противно, точно осенью в лужу лезешь.

Опять надоедаю просьбой: в Таганрогской городской библиотеке открывают справочный отдел. Вышли мне для сего отдела программу и уставы вашего филармонического общества, устав литературной кассы и вообще все, что найдешь под рукой и что, по твоему мнению, имеет справочный характер. Извини за сие веселое поручение.

Кланяйся Екатерине Николаевне и будь здоров.

Твой *А. Чехов.*

96 20/XI.

Напиши мне что-нибудь.

385

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

26 ноября 1896, Мелихово

Лопасня, 96 26/XI.

Милый друг, отвечаю на главную суть твоего письма — почему мы вообще так редко ведем серьезные разговоры [1]. Когда люди молчат, то это значит, что им не о чем говорить или что они стесняются. О чем говорить? У нас нет политики, у нас нет ни общественной, ни кружковой, ни даже уличной жизни, наше городское существование бедно, однообразно, тягуче, неинтересно — и говорить об этом так же скучно, как переписываться с Луговым. Ты скажешь, что мы литераторы и что это уже само по себе делает нашу жизнь богатой.

Так ли? Мы увязли в нашу профессию по уши, она исподволь изолировала нас от внешнего мира — и в результате у нас мало свободного времени, мало денег, мало книг, мы мало и неохотно читаем, мало слышим, редко уезжаем... Говорить о литературе? Но ведь мы о ней уже говорили... Каждый год одно и то же, одно и то же, и все, что мы обыкновенно говорим о литературе, сводится к тому, кто написал лучше и кто хуже; разговоры же на более общие, более широкие темы никогда не клеятся, потому что когда кругом тебя тундра и эскимосы, то общие идеи, как не применимые к настоящему, так же быстро расплываются и ускользают, как мысли о вечном блаженстве. Говорить о своей личной жизни? Да, это иногда может быть интересно, и мы, пожалуй, поговорили бы, но тут уж мы стесняемся, мы скрытны, неискренни, нас удерживает инстинкт самосохранения, и мы боимся. Мы боимся, что во время нашего разговора нас подслушает какой-нибудь некультурный эскимос, который нас не любит и которого мы тоже не любим; я лично боюсь, что мой приятель Сергеенко, ум которого тебе нравится, во всех вагонах и домах будет громко, подняв кверху палец, решать вопрос, почему я сошелся с N в то время, как меня любит Z. Я боюсь нашей морали, боюсь наших дам... Короче, в нашем молчании, в несерьезности и в неинтересности наших бесед не обвиняй ни себя, ни меня, а обвиняй, как говорит критика, «эпоху», обвиняй климат, пространство, что хочешь, и предоставь обстоятельства их собственному роковому, неумолимому течению, уповая на лучшее будущее.

А за Гольцева я, конечно, рад и завидую ему, ибо в его годы я уже буду не способен [2]. Гольцев мне очень нравится, и я его люблю.

За письмо благодарю тебя от всего сердца и крепко жму тебе руку. Увидимся после 12-го декабря, а до этого времени тебя не сыщешь. Кланяйся Екатерине Николаевне и будь здоров. Пиши, буде придет охота. Отвечу с превеликим удовольствием.

Твой *А. Чехов.*

386

М. П. ЧЕХОВУ

27 ноября 1896, Мелихово

26-го ноября в 6-м часу вечера у нас в доме произошел пожар. Загорелось в коридоре около материной печи. С обеда до вечера воняло дымом, жаловались на угар, вечером в щели между печью и стеной увидели огненные языки. Сначала трудно было понять, где горит: в печи или в стене. В гостях был князь[1], который стал рубить стену топором. Стена не поддавалась, вода не проникала в щель; огненные языки имели направление кверху, значит, была тяга, между тем горела не сажа, а, очевидно, дерево. Звон в колокол. Дым. Толкотня. Воют собаки. Мужики тащат во двор пожарную машину. Шумят в коридоре. Шумят на чердаке. Шипит кишка. Стучит топором князь. Баба с иконой. Рассуждающий Воронцов. В результате: сломанная печь, сломанная стена (против ватера), содранные обои в комнате матери около печи, сломанная дверь, загаженные полы, вонь сажей — и матери негде спать. А еще, кроме всего, новый повод известному тебе лицу [2] нести чепуху и орать.

Заявляю убытков на 200 руб.

У нас Лика. Кланяюсь.

Ваш папаша *А. Чехов.*

Печка была сделана ужасно глупо.

96. 27/XI.

387

А. С. СУВОРИНУ

2 декабря 1896, Мелихово

2 дек.

Если весной война [1], то я пойду. В последние 1½—2 года в моей личной жизни было столько всякого рода происшествий (на днях даже пожар был в доме), что мне ничего не остается, как ехать на войну, на манер

Вронского — только, конечно, не сражаться, а лечить. Единственным светлым промежутком за эти 1½—2 года было пребывание у Вас в Феодосии, а все остальное хоть брось, так скверно. Какой Дучинский написал пьесу? На Сахалине я встретил некоего Дучинского, родственника Скальковского, почтового чиновника, который писал стихи и прозу. Он писал «Сахалино» — пародию на «Бородино», всегда таскал в кармане брюк громадный револьвер и сильно зашибал муху. Это был сахалинский Лермонтов. Не он ли прислал пьесу?

Прилагаемую корреспондецию[2], если можно, напечатайте хотя петитом. Из Серпухова. Это насчет дороги, которую хотят и могут отнять у нас. Автор корреспонденции В. Н. Семенкович, племянник Фета, мой сосед.

Мои пьесы печатаются с изумительной медленностью, не быстрее рассказов. Мне присылают корректуру по таким маленьким кусочкам, что ничего больше не остается, как обвинять почту. До сих пор я прокорректировал только «Иванова» и водевили; остались еще не набранными две большие пьесы: известная Вам «Чайка» и не известный никому в мире «Дядя Ваня»[3]. Говорят, что потому задержка, что я требую и в полосах и в листах. Но ведь «Хмурые люди» присылаются мне только в листах, почему же их я читаю уже третий месяц?[4] Ну-с, теперь об условии. Условия не посылайте в контору. Карпов вовсе не говорил мне, чтобы я шел и условился; он послал меня только подписать условие[5], и когда я пошел для этого в контору, там служили молебен по случаю 17 октября,— было не до условий, я стушевался, а 18-го октября уже обедал в Любани[6] Пожалуйста, больше ничего не пишите и не говорите Карпову. Я убежден, что он получал по 10%. Все всегда так получали, это вошло почти в закон.

Что Потапенко? Уехал ли он в Херсон, как рассчитывал? Вы хотите одноактовых пьес;[7] вот возьмите у него «Букет» — пьесу, которая в Петербурге, кажется, не шла еще на казенной сцене и которая шибко идет в провинции. Возьмите «Горящие письма» Гнедича. У Ежова есть «Енотовый мопс». Поставьте, только очень

хорошо, «На реке» покойного Горбунова,— с Михайловым, Орленевым, Домашовой; это чудесная пейзажная вещица, когда-то в Москве на Малой сцене она имела большой успех, так что даже фотографии были сняты с групп.

Пишите мне ради небес.

Ваш *А. Чехов.*

388

Е. М. ШАВРОВОЙ

2 декабря 1896, Мелихово

Многоуважаемая коллега! Вы пишете, что хотите славы гораздо больше, чем любви; а я наоборот: хочу любви гораздо больше, чем славы. Впрочем, это дело вкуса. Кто любит попа, а кто попову наймичку.

Возвращаю Вам святочный рассказ. Мне кажется, ввиду святочности, следовало бы сделать его несколько живее. Доктор и Катя все время как-то киснут около елки. Вот Вы собираетесь написать огромный роман, где «будет одна любовь, взятая со всех сторон и во всех видах». Так нельзя ли один вид какой-нибудь уделить доктору и Кате. А то их любовь не имеет ни сторон, ни вида.

Когда начнете писать роман? Буду ждать.

Я пошел со своими часами к Буре, хотел отдать в починку. Буре заглянул в часы и, повертев их в руках, улыбнувшись, сказал сладковатым голосом: — Вы, месье, забыли их завести...

Я завел,— и часы опять пошли. Так иногда причину своих бедствий ищешь в мелочах, забыв о главном.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш верный cher maître

А. Чехов.

96 2/XII.

389

А. С. СУВОРИНУ

14 декабря 1896, Мелихово

14 дек.

Получил Ваши два письма насчет «Дяди Вани» — одно в Москве, другое дома. Не так давно получил еще письмо от Кони, который был на «Чайке» [1]. Вы и Кони доставили мне письмами немало хороших минут, но все же душа моя точно луженая, я не чувствую к своим пьесам ничего, кроме отвращения, и через силу читаю корректуру [2]. Вы опять скажете, что это не умно, глупо, что это самолюбие, гордость и проч. и проч. Знаю, но что же делать? Я рад бы избавиться от глупого чувства, но не могу и не могу. Виновато в этом не то, что моя пьеса провалилась; ведь в большинстве мои пьесы проваливались и ранее, и всякий раз с меня как с гуся вода. 17-го октября не имела успеха не пьеса, а моя личность. Меня еще во время первого акта поразило одно обстоятельство, а именно: те, с кем я до 17-го октября дружески и приятельски откровенничал, беспечно обедал, за кого ломал копья (как, например, Ясинский),— все эти имели странное выражение, ужасно странное... Одним словом, произошло то, что дало повод Лейкину выразить в письме соболезнование, что у меня так мало друзей [3], а «Неделе» вопрошать: «что сделал им Чехов» [4], а «Театралу» поместить целую корреспонденцию (95 №) о том, будто бы пишущая братия устроила мне в театре скандал [5]. Я теперь покоен, настроение у меня обычное, но все же я не могу забыть того, что было, как не мог бы забыть, если бы, например, меня ударили.

Теперь просьба. Пришлите мне обычную ежегодную взятку — Ваш календарь [6], и не найдете ли Вы возможным через какое-нибудь лицо, близко стоящее к Главному управлению, навести справку, по какой причине до сих пор еще не разрешен нам журнал «Хирургия»? Будет ли разрешен? Прошение подано мной еще 15 октября от имени проф. Дьяконова. Время не ждет, убытки терпим громадные[7].

Сытин купил имение под Москвой за 50 тысяч, в 14 верстах от станции, близ шоссе.

Вы делите пьесы на играемые и читаемые. К какой категории — читаемых или играемых — прикажете отнести «Банкротов»[8], в особенности то действие, где Далматов и Михайлов, на протяжении всего акта, говорят вдвоем только о бухгалтерии и имеют громадный успех? Я думаю, что если читаемую пьесу играют хорошие актеры, то и она становится играемой.

Я готовлю материал для книги, вроде «Сахалина», в которой изображу все 60 земских школ нашего уезда, взявши исключительно их бытовую хозяйственную сторону. Это земцам на потребу [9].

Желаю Вам земных и небесных благ, хорошего сна и доброго аппетита.

Ваш *А. Чехов.*

390

Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

18 декабря 1896, Мелихово

Милый Франц Осипович, очевидно, у Вас есть невеста, которую Вам хочется поскорее сбыть с рук; но извините, жениться в настоящее время я не могу, потому что, во-первых, во мне сидят бациллы, жильцы весьма сумнительные; во-вторых, у меня ни гроша, и, в-третьих, мне все еще кажется, что я очень молод. Позвольте мне погулять еще годика два-три, а там увидим,— быть может, и в самом деле женюсь. Только зачем Вы хотите, чтобы жена меня «растормошила»? Ведь и без того тормошит сама жизнь, тормошит шибко.

Когда мы увидимся? Вы вернетесь 7-го января; около 10-го у нас перепись, в которой я участвую и которая, по-видимому, протянется до февраля[1]. Весь февраль мне придется провести в поездках по школам (в качестве усердного земца). Когда вернетесь, черкните строчку-другую, я урву денек и примчу в Москву. Мне нужно и очень, очень хочется повидаться.

Вы пишете: «Ваша посланница узнала мой новый адрес». Позвольте, какая посланница? Я никого не по-

сылал к Вам (клянусь!) и теперь недоумеваю. Если она еще раз придет, то задержите ее и отправьте в участок.

Счастливой Вам дороги!! Но я Вам не завидую, потому что за границей теперь, особенно в отелях, холодно.

Крепко жму руку и благодарю за письмо тысячу раз.

Ваш *А. Чехов.*

96. 18/XII. Лопасня, Моск. губ.

Вы будете в Мюнхене? Там превосходные оптики. Если случится Вам быть в оптическом магазине, то возьмите прейскурант * поподробнее, со зрительными трубами, телескопами и микроскопами — и потом подарите мне[2].

Теперь о здоровье. Во мне бациллы, я постоянно покашливаю, но в общем чувствую себя недурно и пребываю в непрерывном движении.

Ходят слухи, что Левитан серьезно болен.

391

Е. М. ШАВРОВОЙ

1 января 1897, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 97 1/I.

Откуда Вы взяли, что я забыл Вас, почтенная коллега?[1] О нет, мысль моя следует за Вами так же неотступно, как тот московский офицер, который влюблен в Вас. Дело в том, что я занят, занят по горло: пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю[2], а тут еще разные «обчественные дела», перепись in spe** [3], поездки, пациенты и тьма-тьмущая гостей... Голова кружится! При этакой обстановке мудрено писать письма.

Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем, с новыми надеждами и желаю Вам двести тысяч до-

* иллюстрированный, конечно. (*Прим. А. П. Чехова.*)
** в будущем (*лат.*).

хода в неделю. А главное, желаю того, что Вы забыли пожелать мне в Вашем письме,— желания жить.

Что нового и хорошего в Петербурге?

Будут ли любители играть «Чайку»? Если будут, то где и когда?

Итак, будьте здоровы и играйте в любительских спектаклях, слушайте звон и наслаждайтесь жизнью, как говорится, вовсю. Впрочем, потолкуйте на этот счет с офицером.

Ваш cher maître

А. Чехов.

392

А. С. СУВОРИНУ

4 января 1897, Мелихово

4 янв.

Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем и желаю здоровья, покоя и тьму-тьмущую денег. Поздравляю и с новыми газетами. Мне прислали первый № «Руси». Да, бездарно и снаружи и внутри. Ни ума, ни нерва, а лишь одна благонамеренность чиновника-молокососа, авторитетно изрекающего пошлости и дрянности («потребности правительства»). Гайдебуров звал меня к себе в газету, но я ответил уклончиво, ссылаясь на недосуг и на отсутствие публицистической жилки,— и откуда он взял, что я хочу попробовать себя в новом роде, ведомо одному аллаху.

Ваше письмо от 1-го янв. пришло лишь вечером 3-го, и когда я распечатывал его и читал, то мне казалось, что его читали. Получил от Ахмылова расчет. Торговали моими книгами так же добропорядочно, как и в 1895 г., но в итоге минус 400: в минувшем году пришлось больше заплатить в типографию и взять в феврале аванс. Ссуда в 1500 осталась in statusquo *.

Я не забыл о том, что обещал Анне Ивановне посвятить «Чайку», но воздержался от посвящения умышленно. С этой пьесой у меня связано одно из неприят-

* без изменений (*лат.*).

нейших воспоминаний, она отвратительна мне, и посвящение ее не вяжется ни с чем и представляется мне просто бестактным.

О «Хирургии» до сих пор ни слуху ни духу[1].

Продолжительный обморок — это нехороший симптом, и если бы я встречал у Вас Новый год, то дал бы Софье Ивановне совет сидеть по вечерам дома, не бывать в театре, не ужинать и рано ложиться спать. Фенацетин тут ни при чем. Сытин, известный Вам книгоиздатель, тоже близок к продолжительному обмороку. Он купил имение у кн. Свияжского за 49 тыс. и уже мается. Его так запугали, застыдили и забранили, что он нервничает, не спит и уже продает свою покупку. Вчера он приезжал ко мне, и я отговаривал его и убеждал не слушать советчиков.

Ваше письмо о Гринмуте превосходно и имело в наших палестинах громадный успех[2]. Вообще конец 96 года был счастливой полосой в истории маленьких писем. Я без меры люблю, когда Вы бываете либеральны, т. е. пишете то, что хотите. Письмо насчет студенческих беспорядков тоже очень хорошо[3].

Когда Вы приедете в Москву? У меня весь январь перепись, среди счетчиков я буду на манер ротного командира. Дня по два, по три я буду урывать и уезжать в Москву.

Низко кланяюсь Анне Ивановне, Насте, Боре и поздравляю с Новым годом.

Ваш *А. Чехов.*

393

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ-ЩЕГЛОВУ

5 января 1897, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 97 5/I.

Милый Жан, здравствуйте! Я и моя фамилия благодарим Вас за поздравление и в свою очередь шлем Вам новогодний привет и пожелание всего лучшего.

После 10-го мне необходимо быть в Москве, но, представьте, около 10-го начинается перепись, а я при

здешних счетчиках состою чем-то вроде боцмана. Перепись продолжится до 28-го. Трудно будет уехать, но я все-таки постараюсь урвать два-три дня, этак около 12—15-го, и поехать в Москву, чтобы кутнуть с Вами.

Вы опять в мрачном «Кокоревском подворье»[1]. Это Эскориал[2], и Вы кончите тем, что станете Альбой[3]. Вы юморист по натуре, человек жизнерадостный, вольный. Вам бы нужно жить в светленьком домике, с хорошенькой голубоглазой актрисой, которая весь день пела бы Вам тарарабумбию, а Вы, наоборот, выбираете все унылые места вроде Кокоревки или Студеной горы[4], которая почему-то представляется мне Шлиссельбургом, и водите компанию с такими инквизиторами, как Соловьев или рыжий Фудель.

Сытин был у меня и обещал еще раз приехать после 10-го. Вот приезжайте-ка! Все мы будем Вам очень, очень рады. Мать Вас помнит и любит, и бережет масленку (с купидоном на крышке), которую Вы подарили ей.

Что пишете? Вам бы надо перекочевать в «Вестник Европы» — туда, где Вы начали. Это лучший журнал из всех толстых.

Будьте здоровы, милый Жан, крепко жму Вам руку и еще раз сердечно благодарю за письмо.

Ваш *А. Чехов.*

Переезжайте жить в Серпухов!

394

П. Ф. ИОРДАНОВУ

6 января 1897, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 97 6/I.

Многоуважаемый Павел Федорович, посылаю два ящика книг.

Из заказанных Вами книг посылаются:

1) Зола. Рим. Gratis.

2) Венгеров. Русские книги, в. I—VI. Ц. 2 р. 10 к. С цены № 2 сделана скидка 10%.

Посылаю кусочек справочного отдела. На первое время, конечно, придется ограничиться пустяками, никто и не заглянет в наш справочный отдел, но в 4—5 лет из пустяка мало-помалу выработается нечто серьезное и полезное. Справочные издания, кроме словарей и календарей, я делю на отделы: 1) Административный и юридический. 2) Домашнее хозяйство (куда относятся: строительный материал, одежда, обувь, украшения и т. п.). 3) Сельское хозяйство. 4) Техника и машины. 5) Торговля, страхование. 6) Печать, образование. 7) Театр и музыка. 8) Спорт и игры. 9) Медицина и естественные науки.

Нет надобности иметь для справочного отдела особое помещение или отделение. На виду должны быть только календари и словари, все же остальное может пребывать под спудом или в одной куче с другими книгами; нужно только, чтобы заведующая знала в точности, что есть в библиотеке по каждому отделу, и чтобы к услугам обывателя был список всего, что есть. Справочный отдел обойдется очень недорого, но он может утомить и надоесть; зато он, если развить его, мало-помалу привлечет в библиотеку обывателей и сделает для многих библиотеку необходимой в их практической жизни. Я посылаю Вам лишь малую часть, надо в сто раз больше.

Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем и желаю всего лучшего.

Искренно Вас уважающий и преданный

А. Чехов.

Венгерова я буду продолжать покупать.

395

А. С. СУВОРИНУ

11 января 1897, Мелихово

11 янв.

У нас перепись. Выдали счетчикам отвратительные чернильницы, отвратительные аляповатые знаки, похожие на ярлыки пивного завода, и портфели, в которые

не лезут переписные листы — и впечатление такое, будто сабля не лезет в ножны. Срам. С утра хожу по избам, с непривычки стукаюсь головой о притолоки, и как нарочно, голова трещит адски; и мигрень и инфлюэнца. В одной избе девочка 9 лет, приемышек из воспитательного дома, горько заплакала от того, что всех девочек в избе называют Михайловнами, а ее, по крестному, Львовной. Я сказал: «Называйся Михайловной». Все очень обрадовались и стали благодарить меня. Это называется приобретать друзей богатством неправедным.

«Хирургия» разрешена[1]. Начинаем издавать. Будьте добры, окажите услугу — велите напечатать прилагаемое объявление на первой странице и записать в мой счет[2]. Журнал будет очень хороший, и сие объявление не может принести ничего, кроме осязательной существенной пользы. Ведь большая польза, если людям режут ноги.

Кстати по медицинской части. Найдено средство от рака. Вот уже почти год, как с легкой руки русского врача Денисенко пробуют сок чистотела, или бородавника (chelidonium), и приходится теперь читать о поразительных результатах. Рак болезнь тяжкая, невыносимая, смерть от него — страдальческая; можете же судить, как человеку, посвященному в тайны эскулапии, приятно читать об этих результатах[3].

Прислал мне Алексей Петрович до праздника столовые часы в кожаном футляре. Можете себе представить, в дороге все внутренности у часов превратились в кашу, стрелки отскочили, и теперь часовые мастера говорят, что починить их стоит дорого, дороже, чем стоят сами часы. Только не говорите об этом Алексею Петровичу.

Дни прибавляются. Скоро весна.

Нижайший поклон и привет Анне Ивановне, Насте и Боре. Да хранит Вас господь бог.

Ваш *А. Чехов.*

Что с «Лучом»?[4]

Я уже запечатал это письмо и приклеил марку, как пришло письмо из конторы Петербургских император-

ских театров: требуют условие[5]. Оно у Вас, пошлите, пожалуйста, плюс 1 р. 25 к., которые я послал Вам марками. Простите за эти скучные поручения, ради создателя.

396

А. С. СУВОРИНУ

17 января 1897, Мелихово

17 янв.

Сегодня я именинник!!

В Панаевском театре, конечно, нельзя оставаться[1], но театр нужен и нужен, и если Вы не построите его, то его построят другие, и Вы потом всю жизнь будете сердиться на себя и бранить в газете этот новый театр. В постройке театра нет никакого риска.

Вы спрашиваете, когда я приеду. Дело в том, что я занят теперь ужасно[2]. Никогда еще у меня не было столько работы, как теперь. Отлучиться трудно, но все же до весны мне придется побывать в Петербурге по очень важному делу — важному прежде всего для меня[3].

Книжная торговля в «Русской мысли» идет шибко. Громадный спрос из провинции на серьезную научную литературу. Книжный магазин устроен в комнате при редакции, рядом с конторой, торгуют интеллигентные люди. А у Сытина шибко пошли его новые издания по самообразованию, на английский манер, в серых переплетах.

Насчет чумы, придет ли она к нам, пока нельзя сказать ничего определенного. Если придет, то едва ли напугает очень, так как и население и врачи давно уже привыкли к форсированной смертности благодаря дифтериту, тифам и проч. Ведь и без чумы у нас из 1000 доживает до 5-летнего возраста едва 400, и в деревнях и в городах на фабриках и задних улицах не найдете ни одной здоровой женщины. Чума будет тем страшна, что она явится через 2—3 месяца после переписи; народ истолкует перепись по-своему и начнет лупить вра-

чей, отправляют-де лишних, чтобы господам больше земли было. Карантины мера не серьезная. Некоторую надежду подают прививки Хавкина, но, к несчастью, Хавкин в России не популярен: «Христиане должны беречься его, так как он жид».

Напишите мне что-нибудь. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

Часы, присланные Алексеем Петровичем, приказали долго жить. Павел Буре объявил мне вчера, что починить их нельзя — и часы пошли в лом.

397

Н. М. ЕЖОВУ

23 января 1897, Мелихово

23 янв. Лопасня, Моск. г.

Милый Николай Михайлович, прилагаемое письмо прислано мне моим приятелем доктором Николаем Ивановичем Коробовым (Б. Полянка, д. Подземщикова). Речь идет о благотворительном обществе при первой городской больнице. Мораль:

1) В городских больницах в Москве лечится главным образом голь, которая, выписавшись, заболевает вновь и погибает, так как не имут одежды, достаточно не дырявой, чтобы можно было жить на морозе и в сырости. Ослабленные болезнью дети и выпущенные из больниц дохнут по той же причине. Отсюда: необходимы благотворительные учреждения при больницах — общества, ясли и проч. и проч.

2) Благотворительные общества существуют, но висят на волоске, ибо каждое из них питается подаяниями, выпрашиваемыми у 2—3 лиц, живы эти лица — живо и общество. Умрут или закапризничают они — и общества нет. Отсюда: необходимо, чтобы почтенные москвичи обеспечили эти общества постоянным и обязательным участием всех и каждого. Богатый москвич тратит сотни и тысячи на то, чтобы из меньшей братии

создать побольше проституток, рабов, сифилитиков, алкоголиков,— пусть же дает он хотя гривенники для лечения и облегчения порой невыносимых страданий этой обобранной и развращенной им братии.

Я жалею, что письмо моего приятеля коротко. Не найдете ли Вы возможным и нужным повидаться с ним? Он мог бы дать Вам много материала бытового и цифрового. Он очень умный человек.

Бывает дома после двух. Кстати сказать, лечит прекрасно.

Как живете? В феврале буду в Москве — увидимся.

Будьте здоровы. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

398

В. И. ЯКОВЕНКО

30 января 1897, Мелихово

Лопасня, Моск. г.

Многоуважаемый Владимир Иванович, прочитав Ваше письмо во «Враче» [1], я написал в Москву, чтобы Вам выслали мой «Остров Сахалин». Там Вы найдете немножко о телесных наказаниях и ссылку, между прочим, на Ядринцева [2], которого рекомендую Вам. Если бы Вы списались с сенатором Анатолием Федоровичем Кони, то, мне кажется, он не отказался бы сообщить Вам, какими литературными источниками он пользовался, когда писал биографию известного филантропа д-ра Гааза (тюремного врача) [3]. Рекомендую также исследование о смертной казни Кистяковского — это история мучительств, каким когда-либо наказующие подвергали наказуемых [4].

Кстати сказать, юристы и тюремщики разумеют под телесными наказаниями (в узком, физическом смысле) не одни только розги, плети или удары кулаком, но также оковы, «холодную», школьное «без обеда», «на хлеб и на воду», стояние на коленях, битье поклонов, привязывание.

Замучила перепись. Никогда еще мне не было так некогда.

Желаю Вам всего хорошего и крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

97 30/I.

Поклон нижайший Надежде Федоровне и д-рам Генике и Васильеву.

О том, как телесные наказания действуют на физическое здоровье, видно из протоколов врачей, которые найдете в процессах об истязаниях.

Адрес Кони: Анатолий Федорович Кони, Петербург. Невский, 100.

399

М. П. ЧЕХОВУ

4 февраля 1897, Мелихово

Заливай искусал Шарика, последний не выдержал и издох, не дожив таким образом одного месяца до юбилея (5-го марта исполнится пятилетие мелиховского сидения).— Повторяю, «Лешего» нельзя играть. Конечно, играть доктора нужно мягко, благородно, соображаясь с словами Сони, которая во втором акте называет его прекрасным и изящным [1].

Некую особу поздравляю с кофейной гущей.

Ваш папаша *А. Чехов.*

97 II. 4.

400

А. С. СУВОРИНУ

8 февраля 1897, Москва

8 февр.

Больш. москов. гостиница № 2.

Перепись кончилась. Это дело изрядно надоело мне, так как приходилось и считать, и писать до боли в

пальцах, и читать лекции 15 счетчикам. Счетчики работали превосходно, педантично до смешного. Зато земские начальники, которым вверена была перепись в уездах, вели себя отвратительно. Они ничего не делали, мало понимали и в самые тяжелые минуты сказывались больными. Лучшим из них оказался пьющий и привирающий á la И. А. Хлестаков — все-таки характер по крайней мере, хоть с точки зрения комедии, остальные же черт знает как бесцветны, и как досадно иметь с ними дело.

Я в Москве, в Больш. москов. гостинице. Поживу немного, дней 10, и уеду домой. Весь пост и потом весь апрель придется опять возиться с плотниками, с конопатчиками и проч. Опять я строю школу [1]. Была у меня депутация от мужиков, просила, и у меня не хватило мужества отказаться. Земство дает тысячу, мужики собрали 300 р.— и только, а школа обойдется не менее 3 тысяч. Значит, опять мне думать все лето о деньгах и урывать их то там, то сям. Вообще хлопотлива деревенская жизнь. Ввиду предстоящих расходов уместно будет поставить вопрос: послали ли Вы условие в театральную контору? [2]

У меня бывает... кто? Как бы Вы думали? — Озерова, знаменитая Озерова-Ганнеле. Придет, сядет с ногами на диван и глядит в сторону; потом, уходя домой, надевает свою кофточку и свои поношенные калоши с неловкостью девочки, которая стыдится своей бедности. Это маленькая королева в изгнании.

А астрономка воспрянула. Она бегает по Москве, дает уроки и ведет дебаты с Ключевским. Немножко поздоровела и, по-видимому, начинает входить в свою колею. У меня на сохранении 250 р., которые мы собрали для нее,— и она вот уж 1½ года не трогает их.

У Черткова, известного толстовца, сделали обыск [3], отобрали все, что толстовцы собрали о духоборах и сектантстве — и таким образом вдруг, точно по волшебству, исчезли все улики против г. Победоносцева и аггелов его. Горемыкин был у матери Черткова и сказал: «Вашему сыну предоставляется на выбор — или прибалтийские губернии, где уже живет в ссылке князь Хилков, или заграница». Чертков выбрал Лондон. Уез-

жает он 13-го февр. Л. Н. Толстой поехал в Петербург, чтобы проводить его; и вчера повезли Л. Н. теплое пальто. Едут многие провожать, даже Сытин. И я жалею, что не могу сделать то же. К Черткову я не питаю нежных чувств, но то, что проделали с ним, меня глубоко, глубоко возмущает.

Не побываете ли Вы до Парижа в Москве? Это было бы хорошо.

Ваш *А. Чехов.*

401

А. С. СУВОРИНУ

1 марта 1897, Мелихово

1 март.

В Москве я прожил дней двадцать и истратил все авансы, теперь же я дома, веду жизнь трезвую и целомудренную. Если на третьей неделе поста Вы приедете в Москву, то и я приеду. Я занят в настоящее время постройкой (не своей, а земской [1], но уехать могу, только телеграфируйте в Лопасню дня за два. На съезде актеров [2] Вы, вероятно, увидите проект громадного народного театра, который мы затеваем. *Мы*, т. е. представители московской интеллигенции (интеллигенция идет навстречу капиталу, и капитал не чужд взаимности). Под одной крышей, в красивом, опрятном здании помещаются театр, аудитории, библиотека, читальня, чайные и проч. и проч. План готов, устав пишется, и остановка теперь за пустяком — нужно ½ миллиона. Будет акционерное общество, но не благотворительное. Рассчитывают, что правительство разрешит сторублевые акции. Я так вошел во вкус проекта, что уже верю в дело и удивляюсь, отчего Вы не строите театра. Во-первых, это нужно, и во-вторых, это весело и займет два года жизни. Театр, как здание, если он выстроен не нелепо, не похож на Панаевский, ни в каком случае не даст убытка.

Недавно я устраивал в Серпухове спектакль в пользу школы. Играли любители из Москвы. Играли

солидно, с выдержкой, лучше актеров. Платья из Парижа, бриллианты настоящие, но отчислилось всего 101 р.

Новостей нет, или есть, но неинтересные или печальные. Много говорят о чуме и войне, о том, что синод и министерство просвещения сливаются воедино. Художник Левитан (пейзажист), по-видимому, скоро умрет. У него расширение аорты.

А мне не везет. Я написал повесть[3] из мужицкой жизни, но говорят, что она не цензурна и что придется сократить ее наполовину. Значит, опять убытки.

В Москве, если будет хорошая весенняя погода, съездим на Воробьевы горы и в монастырь. Из Москвы вместе поедем в Петербург, где мне придется хлопотать по одному делу.

Я писал Вам, Вы мне не отвечали, и я уполномочил брата побывать у Вас и узнать, в чем дело. Я просил его также узнать, где условие, которое прислала мне и теперь требует театральная контора.

Ушел ли Давыдов из Александринского театра? Экий капризный бегемот.

Итак, до скорейшего свидания. А пока черкните строчки две. Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон.

Будьте счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

402

Ф. О. ШЕХТЕЛЮ

7 марта 1897, Мелихово

Милый Франц Осипович, в понедельник я был в Москве, был у Левитана; сей последний сообщил мне, что П. М. Третьяков уже сговорился насчет моего портрета с художником Бразом и что теперь остановка за мной. Я должен написать Бразу, когда я приеду в Петербург (на 5 неделе поста или во второй половине мая), но я не знаю адреса Браза и не знаю, как и у кого навести справки. Не знаете ли Вы, или не можете ли узнать у кого-нибудь, где он живет, как его имя и отчество и

проч.? Получив ответ на сей вопрос, я тотчас же бы написал в Питер.

Я выслушивал Левитана: дело плохо. Сердце у него не стучит, а дует. Вместо звука тук-тук слышится пф-тук. Это называется в медицине — «шум с первым временем».

Как Вам понравился Свенцицкий? Это хороший эскулап.

Приеду на третьей неделе, чтобы повидаться кое с кем на съезде[1], забегу к Вам, а пока жму Вам крепко руку и желаю всяких благ — земных и небесных.

Ваш *А. Чехов.*

97. 7/III.

403

Л. А. АВИЛОВОЙ

18 марта 1897, Мелихово

18 март.

Сердитая Лидия Алексеевна, мне очень хочется повидаться с Вами, очень — несмотря даже на то, что Вы сердитесь и желаете мне всего хорошего «во всяком случае». Я приеду в Москву до 26 марта, по всей вероятности в понедельник, в 10 часов вечера; остановлюсь в Большой московской гостинице, против Иверской. Быть может, приеду и раньше, если позволят дела, которых у меня — увы! — очень много. В Москве я пробуду до 28-го марта и затем, можете себе представить, поеду в Петербург.

Итак, до свиданья. Смените гнев на милость и согласитесь поужинать со мной или пообедать. Право, это будет хорошо. Теперь я не надую Вас ни в коем случае; задержать дома меня может только болезнь.

Жму Вам руку, низко кланяюсь.

Ваш *А. Чехов.*

Последняя фраза Вашего письма: «Я конечно поняла». Что Вы поняли?

401

Г. М. ЧЕХОВУ

18 марта 1897, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 97. 18/III.

Милый Жоржик, получил я от тебя из Анапы два письма, но не ответил тебе ни разу; причина тому, во-первых, недосуг: много всякой работы, много хлопот, ибо от юности моея мнози борют мя страсти; и во-вторых, не о чем было писать. Жизнь проходит однообразно, и нечем похвастать.

У нас снег; грачи прилетели, но скворцов еще нет; погода промозглая, дорога портится, одним словом, скверно. Зато небось в Таганроге уже настоящая весна! Завидую тебе и буду завидовать до середины апреля, когда, вероятно, и у нас будет хорошо.

На шестой неделе поста уезжаю в Петербург, куда вызывают меня, чтобы писать с меня портрет для Третьяковской галереи. Возвращусь к страстной неделе и проживу дома до конца мая. У меня и в этом году постройка: строю школу в селе Новоселках (на середине пути от станции до Мелихова).

Новостей нет никаких. Хина ощенилась, привела на свет рыженького щенка, которого мы за его солидность прозвали Майором. На днях этот Майор издох. Была у нас, если помнишь, большая дворовая собака Шарик. И этот Шарик тоже издох. Ему перегрыз горло Заливай, гончий, которого подарили нам. Вот и все наши новости.

Теперь просьба. Недавно таганрогская гимназия праздновала 100-летний юбилей, и директор издал историческую записку — об этом я читал во «Всемирной иллюстрации». Будь благодетелем, так или иначе достань эту историю и пришли мне в Лопасню заказной бандеролью. Лучше всего, если бы ты повидался с директором и лично попросил у него для меня его великое произведение; и кстати узнал бы ты у него, освобожден ли от платы Вениамин Евтушевский. Скажу тебе *по секрету*: за Вениамина внес я плату за первое полугодие с условием, что благотворительное общество (при

гимназии) взнесет за второе. Это условие передано мною в совет гимназии через М. Н. Псалти, и если оно принято, то я буду держаться его и во все последующие годы — так передай директору. Андрею же Павловичу и своей маме ничего не говори; я тогда обманул их, сказав, что был у директора.

Что Володя? Как его дела и успехи? Напиши поподробнее. Тете и сестрам низко кланяюсь, а тебе крепко жму руку. Будь здоров и прости своего брата за неаккуратность.

Твой *А. Чехов.*

405

Л. А. АВИЛОВОЙ

22 марта 1897, Москва

Большая Московск. гост. № 5.
Суббота.

Я приехал в Москву раньше, чем предполагал. Когда же мы увидимся? Погода туманная, промозглая, а я немного нездоров, буду стараться сидеть дома! Не найдете ли Вы возможным побывать у меня, не дожидаясь моего визита к Вам?

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

406

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

23 марта 1897, Москва

Милый Виктор Александрович, если шехтелевский проект [1] у тебя, то пришли мне его на одни сутки, нужно показать одному богатому человеку.

Вчера вечером со мной случился скандал: только что сел обедать, как из легкого пошла кровь, которую я унял только к утру. И ночевать пришлось не дома[2].

Будь здоров и богом храним.

Твой *А. Чехов.*

Воскресенье.

407

Л. А. АВИЛОВОЙ

24 марта 1897, Москва

Вот Вам мое преступное curriculum vitae:

В ночь под субботу я стал плевать кровью. Утром поехал в Москву. В 6 часов поехал с Сувориным в «Эрмитаж» обедать и, едва сели за стол, как у меня кровь пошла горлом форменным образом. Затем Суворин повез меня в «Славянский базар»; доктора; пролежал я более суток — и теперь дома, т. е. в Больш. моск. гостинице.

Ваш *А. Чехов.*

Понедельник.

408

Н. И. ЗАБАВИНУ

27 марта 1897, Москва

Многоуважаемый
Николай Иванович!

Когда я приехал в Москву, у меня пошла кровь по-настоящему; доктора заарестовали меня и засадили в темницу, сиречь в клиники. Теперь адресуйтесь так; Девичье поле, университетские клиники, отделение проф. Остроумова, А. П. Чехову [1].

Если случится быть в Москве, то навестите болящего. Ко мне никого не пускают, но Вас пустят, если Вы будете настаивать и покажите записку, которую при сем посылаю. Кстати, привезите мне марок 2, 3 и 5-копеечного достоинства и 30 бланков для открытых писем — всего на 2 рубля.

Пишу Вам, лежа на спине.

Выпустят меня отсюда не раньше пятницы страстной недели. В Петербург не пускают.

Идите на тягу и знайте, что я Вам адски завидую.

Уважающий Вас *А. Чехов.*

27 марта.

Черкните два слова, а то скучно. Никому не говорите о клиниках, а то слух дойдет до моей матери; испугается.

[*Записка*]

Прошу впустить ко мне подателя сего Н. И. Забавина.

А. Чехов.

409

Р. Ф. ВАЩУК

27 марта 1897, Москва

Милостивая государыня!

Ваш рассказ «В больнице» я прочел в клинике, где я теперь нахожусь. Отвечаю Вам лежа. Рассказ очень хорош, начиная с того места, которое я отметил красным карандашом. Начало же банально, не нужно. Продолжать Вам следует, конечно, при условии, что писание доставляет Вам удовольствие,— это во-первых, во-вторых, при условии, что Вы еще молоды и что Вы научитесь правильно и литературно ставить знаки препинания.

Что касается «Сказки», то, мне кажется, это не сказка, а набор таких слов, как гномы, фея, роса, рыцари,— все это фальшивые бриллианты, по крайней мере на нашей русской почве, по которой никогда не ходили ни рыцари, ни гномы и на которой едва ли сыщете человека, могущего представить себе фею, обедающую росой и лучами. Бросьте это; надо быть искренней художницей, писать только то, что есть или что, по Вашему мнению, должно быть, надо писать картины.

Возвращаюсь к первому рассказу: не следует много писать о себе; Вы пишете о себе, впадаете в преувеличения и рискуете остаться на бобах; Вам или не поверят, или холодно отнесутся к Вашим излияниям.

Желаю всего хорошего.

А. Чехов.

97 27/III.

Девичье поле, Клиника проф. Остроумова.

410

Р. Ф. ВАЩУК

28 марта 1897, Москва

Вместо того чтобы сердиться[1], Вы повнимательнее прочтите мое письмо. Я, кажется, ясно написал, что Ваш рассказ *очень хорош*, кроме начала, которое производит впечатление лишней пристройки. Позволять Вам писать или не позволять — не мое дело; я указал Вам на молодость, потому что в 30—40 лет уже поздно начинать; указал на необходимость выучиться правильно и литературно ставить знаки препинания, потому что в художественном произведении знаки зачастую играют роль нот, и выучиться им по учебнику нельзя; нужны чутье и опыт. Писать с удовольствием — это не значит играть, забавляться. Испытывать удовольствие от какого-нибудь дела — значит любить это дело.

Простите, мне трудно писать, я все еще лежу.

Прочтите еще раз мое письмо и перестаньте сердиться. Я был вполне искренен, и вот пишу Вам опять, потому что искренно желаю Вам успеха.

А. Чехов.

28 марта.

411

Л. А. АВИЛОВОЙ

28 марта 1897, Москва

Ваши цветы не вянут, а становятся все лучше. Коллеги разрешили мне держать их на столе. Вообще Вы добры, очень добры, и я не знаю, как мне благодарить Вас[1].

Отсюда меня выпустят не раньше пасхи; значит, в Петербург попаду я не скоро. Мне легче, крови меньше, но все еще лежу, а если пишу письма, то лежа.

Будьте здоровы. Крепко жму Вам руку.

Ваш *А. Чехов.*

97 28/III.

412

А. С. СУВОРИНУ

1 апреля 1897, Москва

Доктора определили верхушечный процесс в легких и предписали мне изменить образ жизни. Первое я понимаю, второе же непонятно, потому что почти невозможно. Велят жить непременно в деревне, но ведь постоянная жизнь в деревне предполагает постоянную возню с мужиками, с животными, стихиями всякого рода, и уберечься в деревне от хлопот и забот так же трудно, как в аду от ожогов. Но все же буду стараться менять жизнь по мере возможности, и уже через Машу объявил, что прекращаю в деревне медицинкую практику. Это будет для меня и облегчением и крупным лишением. Бросаю все уездные должности, покупаю халат, буду греться на солнце и много есть. Велят мне есть раз шесть в день и возмущаются, находя, что я ем очень мало. Запрещено много говорить, плавать и проч. и проч.

Кроме легких, все мои органы найдены здоровыми. [...] До сих пор мне казалось, что я пил именно столько, сколько было не вредно; теперь же на поверку выходит, что я пил меньше того, чем имел право пить. Какая жалость!

Автора «Палаты № 6» из палаты № 16 перевели в № 14. Тут просторно, два окна, потапенковское освещение, три стола. Крови выходит немного. После того вечера, когда был Толстой[1] (мы долго разговаривали), в 4 часа утра у меня опять шибко пошла кровь.

Мелихово здоровое место; оно как раз на водоразделе, стоит высоко, так что в нем никогда не бывает лихорадки и дифтерита. Решили общим советом, что я никуда не поеду и буду продолжать жить в Мелихове. Надо только покомфортабельнее устроить помещение. Когда надоест в Мелихове, то поеду в соседнюю усадьбу, которую я арендовал для братьев, на случай их приезда.

Ко мне то и дело ходят, приносят цветы, конфекты, съестное. Одним словом, блаженство.

Про спектакль в зале Павловой читал в «Петербургской газете»[2]. Передайте Насте, что если бы я был на спектакле, то непременно поднес бы ей корзину цветов. Анне Ивановне нижайший поклон и привет.

Я пишу уже не лежа, а сидя, но, написав, тотчас же ложусь на одр свой.

Ваш *А. Чехов.*

97 1/IV.

Пишите, пожалуйста, умоляю.

413

И. Э. БРАЗУ

4 апреля 1897, Москва

Многоуважаемый Иосиф Эммануилович.

У меня, по определению докторов, процесс в легочных верхушках. Крови уже нет, я хожу свободно и 10 апреля уеду к себе в Лопасню, но будущее мое неопределенно. Возможно, что во второй половине мая меня пошлют на кумыс, а осенью куда-нибудь на юг. Во всяком случае, буду изо всех сил гнуть к тому, чтобы быть в Петербурге 5—10 мая. Если это не удастся и если я летом буду здоров (относительно), то поеду на родину в Таганрог. Из Таганрога рукой подать в Херсонскую губернию, где Вы будете находиться. Если Вы будете расположены работать летом, то сообщите мне Ваш херсонский адрес — и я приеду.

Пейзажист Левитан серьезно болен. У него расширение аорты. Расширение аорты у самого устья, при выходе из сердца, так что получилась недостаточность клапанов. У него страстная жажда жизни, страстная жажда работы, но физическое состояние хуже, чем у инвалида [1].

От всей души благодарю вас за письмо и ваше сочувствие. Желаю всего хорошего и крепко жму руку.

Искренно вас уважающий и преданный

А. Чехов.

414

А. С. СУВОРИНУ

4 апреля 1897, Москва

4 апр.

Брать Солодовниковский театр я Вам решительно не советую. Во-первых, это один из самых непопулярных театров в Москве, и, во-вторых, чтобы заставить консервативных москвичей ходить в новый театр, нужно раскачивать их лет десять. Малый театр усердно посещается, потому что он симпатичен. Корш перебивается с хлеба на квас, потому что его театр лишь терпят, но не любят. Театров для интеллигенции и средней публики в Москве пока достаточно, и если в чем чувствуется недостаток, так это только в народном театре. Вы могли бы создать хороший народный театр, и это дело вполне удовлетворило бы Вас, мне кажется, но Солодовниковский театр не годится для народного, и, чтобы вести это дело в Москве, надо безвыездно жить в Москве. Так я думаю.

После 10-го апр. уезжаю в Мелихово. Буду стараться много есть и ежедневно взвешивать себя на весах — препротивное дело. Если не буду прибавляться в весе, то придется ехать на кумыс.

Третьего дня я послал Вам письмо с подробным (относительно) описанием своей болезни. Крови уже нет.

Если, по соображениям, Ваше письмо придет в клиники до 10-го апреля, то пишите мне в клиники, если же позже 10-го, то — в Лопасню.

О театре хорошо бы поговорить поподробнее. Не приедете ли Вы в Москву в конце апреля или в начале мая? Мне кажется, что и Станиславский отсоветует Вам брать Солодовниковский театр. Это важный симптом, что сам Станиславский не берет этого театра[1]. По-моему, принять в соображение следует и то, что судьбу театра устраивает факторша, та самая, которая подошла к Вам в «Славянском базаре». Если имение продает или сдает в аренду не сам хозяин, а фактор, то уж значит имение не без изъянов.

Желаю всяких благ и низко кланяюсь.

Ваш *А. Чехов.*

415

А. С. СУВОРИНУ

7 апреля 1897, Москва

7 апр.

Если верить самочувствию, то я здоров совершенно, и мне кажется, что от лежанья и ничегонеделанья я распух. В четверг в полдень меня выпускают из клиник, я уезжаю домой и буду там жить, как жил. Около 5—10 мая приеду в Петербург, о чем уже и написал художнику[1]. Вы пишете, что мой идеал — лень. Нет, не лень. Я презираю лень, как презираю слабость и вялость душевных движений. Говорил я Вам не о лени, а о праздности, говорил притом, что праздность есть не идеал, а лишь одно из необходимых условий личного счастья.

Если опыты с новым Коховским препаратом дадут благоприятные результаты, то, конечно, я поеду в Берлин. Еда мне положительно не на пользу. Вот уж две недели, как меня кормят форсированным маршем, но толку мало, весу не прибавляется.

Надо жениться. Быть может, злая жена сократит число моих гостей хотя наполовину. Вчера ко мне ходили целый день сплошь, просто беда. Ходили по двое — и каждый просит не говорить и в то же время задает вопросы.

Итак, после четверга адресуйтесь опять в Лопасню. Что сборник моих пьес?[2] Словно он застрял где-то. Спасибо за письмо, дай бог Вам здоровья.

Ваш *А. Чехов.*

416

П. Ф. ИОРДАНОВУ

15 апреля 1897, Мелихово

15 апр. 97 г.

Многоуважаемый Павел Федорович, вернувшись домой, первым делом спешу поблагодарить Вас за память и участие. Дежурный ординатор в клиниках показывал

мне Вашу телеграмму[1], и я не ответил Вам тотчас же, потому что был занят своей болезнью.

У меня подгуляли легкие. 20 марта я поехал в Петербург, но на пути у меня началось кровохарканье, эскулапы заарестовали меня в Москве, отправили в клиники и определили у меня верхушечный процесс. Будущее мое неопределенно, но, по-видимому, придется жить где-нибудь на юге. Крым скучен до безобразия, а на Кавказе лихорадка. За границей меня всякий раз донимает тоска по родине. Для меня, как уроженца Таганрога, было бы лучше всего жить в Таганроге, ибо дым отечества нам сладок и приятен, но о Таганроге, об его климате и проч. мне известно очень мало, почти ничего, и я боюсь, что таганрогская зима хуже московской.

Я все жду, когда заведующая библиотекой пришлет мне список полученных от меня книг (в последнее время). У меня уже набралось несколько десятков книг. На досуге займусь ими и вышлю.

Отчего Вы не даете мне поручений? Теперь я нашел книжника, который обещает делать нам 15% скидки.

Поздравляю Вас с праздником и желаю всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

Лопасня, Москов. губ.

417

А. С. СУВОРИНУ

15 апреля 1897, Мелихово

15 апр. 97 г.

Я уже дома и оба Ваши письма получил своевременно. Все обстоит благополучно, самочувствие у меня великолепное и, если бы не надзор за мной и не ветер, который дует уже третий день, то было бы совсем хорошо. Мои бациллы поуспокоились, по-видимому, и дают себя знать только по утрам, когда я кашляю, а больше ничего.

Миша убедительно просит, чтобы Вы прислали ему его водевиль «Ваза». Он теперь у меня, стало быть, адресуйте «Вазу» в Лопасню. Говорит, что экземпляр, имеющийся у Вас, это единственный.

Когда Вы уезжаете за границу? Застану ли я Вас в Петербурге, если приеду в первых числах мая? Если не застану, то не поеду, подожду до осени.

В 17 верстах от меня есть небольшой театр, освещаемый электричеством. Это в Покровском-Мещерском. Сюда 4-го июня соберутся доктора со всей губернии, около 100 человек, не считая членов их семейств[1]. Я, ввиду электричества, решил поставить «Ганнеле»: пьеса совсем подходящая для публики, которая на $^1/_8$ будет состоять из психиатров и на ½ из добрых чувствительных людей. В клиниках была у меня Озерова, и я попросил ее сыграть 4-го июня Ганнеле. Она тотчас же согласилась, но как великая артистка не замедлила поставить непременное условие: чтобы играла музыка М. М. Иванова, к которой она привыкла. Придется обратиться к другой актрисе, менее великой, так как возиться с музыкой совсем неохота. Вот что: не сохранились ли у Вас какие-нибудь бутафорские вещи, которые Вы могли бы одолжить мне для спектакля? Например, одеяния и крылья ангелов... Это все стоит недорого, но среди моих знакомых на 50 верст нет ни одного человека, который сумел бы скроить и слепить эти штуки, а в готовом виде они нигде не продаются.

Поздравляю Вас, Анну Ивановну, Настю и Борю с праздником и желаю всех благ.

Ваш *А. Чехов.*

418

М. О. МЕНЬШИКОВУ

16 апреля 1897, Мелихово

16 апр.

Дорогой Михаил Осипович, у меня немножко подгуляли легкие. 20-го марта я поехал в Петербург, но на пути у меня началось кровохарканье, пришлось задер-

жаться в Москве и лечь в клинику на две недели. Доктора определили у меня верхушечный процесс и запретили мне почти все интересное.

Лидии Ивановне и Яше передайте мой сердечный привет и благодарность. Я дорого ценю и внимание, и дружеское участие.

Сегодня голова болит. Испорчен день, а погода прекрасная, в саду шумно. Гости, игра на рояле, смех,— это внутри дома, а снаружи скворцы.

Из «Мужиков» цензура выхватила порядочный кусок[1].

Спасибо Вам большое. Крепко жму руку и желаю счастья. Сестра шлет Вам поклон.

Ваш *А. Чехов.*

Нет худа без добра. В клинике был у меня Лев Николаевич, с которым вели мы преинтересный разговор, преинтересный для меня, потому что я больше слушал, чем говорил. Говорили о бессмертии. Он признает бессмертие в кантовском виде; полагает, что все мы (люди и животные) будем жить в начале (разум, любовь), сущность и цель которого для нас составляет тайну. Мне же это начало или сила представляется в виде бесформенной студенистой массы, мое я — моя индивидуальность, мое сознание сольются с этой массой — такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его, и Лев Николаевич удивлялся, что я не понимаю.

Отчего до сих пор не вышло Вашей книги?[2] В клинике у меня был И. Л. Щеглов[3]. Он стал лучше, точно выздоравливает. Переезжает в Петербург.

419

А. И. ЭРТЕЛЮ

17 апреля 1897, Мелихово

Лопасня, Москов. губ. 97 17/IV.

Милый друг Александр Иванович, я теперь дома. До праздника недели две я лежал в клинике Остроумова, кровохаркал; доктор определил верхушечный

процесс в легких. Самочувствие у меня великолепное, ничего не болит, ничто не беспокоит внутри, но доктора запретили мне vinum *, движения, разговоры, приказали много есть, запретили практику — и мне как будто скучно.

О народном театре ничего не слышно. На съезде[1] говорили о нем глухо и неинтересно, а кружок, взявшийся писать устав и начинать дело, по-видимому, немножко охладел. Это, должно быть, благодаря весне. Из кружка видел одного только Гольцева, но не успел поговорить с ним о театре.

Нового ничего нет. В литературе затишье. В редакциях пьют чай и дешевое вино, пьют невкусно, походя — очевидно, от нечего делать. Толстой пишет книжку об искусстве[2]. Он был у меня в клинике и говорил, что повесть свою «Воскресение» он забросил[3], так как она ему не нравится, пишет же только об искусстве и прочел об искусстве 60 книг. Мысль у него не новая; ее на разные лады повторяли все умные старики во все века. Всегда старики склонны были видеть конец мира и говорили, что нравственность пала до nec plus ultra**, что искусство измельчало, износилось, что люди ослабели и проч. и проч. Лев Николаевич в своей книжке хочет убедить, что в настоящее время искусство вступило в свой окончательный фазис, в тупой переулок, из которого ему нет выхода (вперед).

Я ничего не делаю, кормлю воробьев конопляным семенем и обрезываю по одной розе в день. После моей обрезки розы цветут роскошно. Хозяйством не занимаюсь.

Будь здоров, милый Александр Иванович, спасибо тебе за письма и дружеское участие. Пиши мне, немощи моей ради, и мою неаккуратность в переписке не ставь мне в большую вину. Я буду впредь стараться отвечать на твои письма тотчас же по прочтении.

Крепко жму тебе руку.

Твой *А. Чехов*.

---

* вино (*лат.*).

** предела (*лат.*).

420

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

21 апреля 1897, Мелихово

21 апрель 1897 г. Лопасня, Московск. губ.

Милостивый государь Федор Дмитриевич!

Вы собирались ко мне во вторник, а телеграмма [1] Ваша пришла в среду утром. Полагая, что Вас уже нет в Москве, я не телеграфировал Вам, а стал поджидать письма от В. А. Гольцева, которое Вы обещали мне в Вашей телеграмме и которого я, кстати сказать, еще не получил.

От всей души благодарю Вас за приглашение и вообще за Ваше письмо [2]. Я непременно пришлю рассказ для «Cosmopolis'а», но — когда? Право, не знаю. В последнее время я считаюсь больным, врачи предписали мне праздность — и я стараюсь следовать этому предписанию, стараюсь не писать. Мне гораздо лучше, чем было в марте, но все же в смысле здоровья будущее мое неопределенно, и потому не могу пообещать Вам ничего определенного. Прошу Вас подождать до осени. Если же случится, в течение лета напишу рассказ, то я не замедлю прислать его Вам. Рассказ, по всей вероятности, не превысит полулиста. Пишу я вообще мало, компактно (не более 10 листов в год при счастливых условиях, обыкновенно же не более 5—7), и потому volens-nolens приходится брать подороже.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего. Если будете писать мне еще раз, то кстати напишите, кто такой г. Ортманс, издатель «Cosmopolis'а», т. е. идейный он человек или просто так? «Cosmopolis» может иметь успех в России, но небольшой в первые годы. Чем солиднее, серьезнее, литературнее поведете это дело, тем лучше, и, признаюсь, я рад, что Вы ученый. В руках Сигмы русский отдел не имел бы никакого успеха ни у публики, ни у литераторов, у Вас же он пойдет [3], только придется потерпеть и не смущаться, когда Вас будут упрекать, что журнал скучен, сух и т. п., и если г. Орт-

манс идейный человек, а не просто издатель, то в течение 4—5 лет «Cosmopolis» станет крепко на ноги.

Еще раз желаю Вам успеха и всего хорошего и еще раз благодарю.

А. Чехов.

421

Н. А. ЛЕЙКИНУ

24 апреля 1897, Мелихово

Лопасня, Москов. губ. 97. 24/IV.

Дорогой Николай Александрович! Ваши подарки — «Записки Полкана» и «В гостях у турок»[1] получил и посылаю Вам искреннюю, сердечную благодарность. Кстати заодно посылаю и запоздалое поздравление с праздником.

У меня ничего нового, жизнь течет по-старому. По-прежнему я не богат, не женат, пишу мало. В марте хворал, лежал в клинике, теперь же чувствую себя недурно и считал бы себя совершенно здоровым, если бы не медикаменты, которые мне прописаны. Погода у нас чудесная, жаркая, изредка перепадают дожди; цветут гиацинты, тюльпаны, завтра будем сажать картофель (в поле); овес посеяли еще до праздника. Береза уже зеленеет.

Как Вы поживаете и что у Вас нового? Когда я лежал в клинике, мне присылали каждый день много газет, в том числе и «Петербургскую газету», и я с живым интересом следил за выборами;[2] читал Ваши рассказы — одним словом, был в курсе Ваших дел, теперь же я опять серпуховской обыватель и в качестве обывателя не слежу за новостями, так как приходится читать главным образом только московские газеты.

Бром и Хина блаженствуют и жиреют от праздной жизни. Был у меня дворняга Шарик, заслуженный пес, сторож; недавно гончий перегрыз ему горло, он околел, и теперь я без сторожевой собаки.

Нет ли чего нового в литературном мире?

Не состоите ли Вы членом писательского союза?[3] Если да, то напишите мне, какие формальности я дол-

жен соблюсти, чтобы тоже стать членом оного союза; идее его я весьма сочувствую. Сочувствую и суду чести.

Позвольте поблагодарить Вас еще раз и пожелать Вам, Прасковье Никифоровне и Феде всего хорошего. Крепко жму Вам руку и прошу не забывать меня.

Ваш *А. Чехов.*

Теперь у меня 36 Ваших книг.

422

В. Н. АРГУТИНСКОМУ-ДОЛГОРУКОВУ

28 апреля 1897, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 97 28/IV.

Я завидую Вам, многоуважаемый Владимир Николаевич,— завидую, что Вы в Англии и говорите по-английски, что Вы еще молоды и здоровы.

Ваш рассказ мне нравится, но ведь это не Ваше произведение, это перевод с английского. В нем нет ни одной русской фразы — ни одной! Я прочел его с большим удовольствием и спешу исполнить Ваше желание — возвращаю Вам его, но с тем, однако, чтобы Вы поскорее прислали мне другой рассказ. Мне хочется проследить, как Вы начнете и к чему наконец придете. Только, пожалуйста, пишите побольше, а то ведь малописание ни к чему не ведет. Надо спешить, надо скорее набить руку, чтобы к 30 годам определиться и завоевать себе некоторое положение на литературном рынке.

В марте и в начале апреля я лежал в клинике. Было кровохарканье. Теперь ничего. Весна великолепная, но нет денег — просто беда.

Итак, жду от Вас рассказа и письма. Будьте здоровы; жму крепко руку и желаю всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

Поклонитесь Бальмонту и его жене.

423

Н. М. ЛИНТВАРЕВОЙ

1 мая 1897, Мелихово

97, V, 1.

Многоуважаемая Наталия Михайловна, отвечаю подробно на Вашу телеграмму. 20 марта я поехал в Петербург, на пути у меня началось кровохарканье, в Москве эскулапы заарестовали меня и отправили в клиники. Там пролежал я 15 дней. Теперь я дома, чувствую себя хорошо и, несмотря на верхушечный процесс (притупление и хрипы), кашляю только по утрам. К зиме, вероятно, уеду куда-нибудь — в Египет или в Сочи, теперь же нет особенной надобности уезжать, так как общее мое состояние недурно, температура нормальна и в весе я прибавляюсь. По предписанию уважаемых товарищей, веду скучную, трезвую, добродетельную жизнь, и если эта история продлится еще месяц-другой, то я обращусь в гуся.

Если бы Вы знали, как мне хочется на Луку! Весь май я буду занят; во-первых, до 25 мая должен впрыскивать в себя мышьяк, во-вторых, до июня придется возиться с одной земской постройкой [1]. Если удастся урвать 2—3 дня между 25 мая и июнем, то непременно приеду в мае же. Июнь, июль и август у меня свободны. Будет грустно, если, приехавши на Луку после мая, я уже не застану Александры Гавриловны. Пожалуйста, передайте ей, что я ей низко кланяюсь и благодарю за память и участие.

У меня гостит в настоящее время глазной врач [2] со своими стеклами. Вот уже два месяца, как он подбирает для меня очки. У меня так называемый астигматизм,— благодаря которому у меня часто бывает мигрень, и, кроме того, еще правый глаз близорукий, а левый дальнозоркий. Видите, какой я калека. Но это я тщательно скрываю и стараюсь казаться бодрым молодым человеком 28 лет, что мне удается очень часто, так

как я покупаю дорогие галстуки и душусь Vera-Violetta.

Все наши здравствуют. Маша, быть может, поедет в Крым в июне, теперь она в Москве. Пишет красками и делает громадные успехи. Мы, т. е. я и моя фамилия, каждый день собираемся писать Вам и просить Вас, чтобы Вы приехали. У нас такая хорошая погода, Вы не соскучились бы скоро. А Ваш приезд был бы для всех нас, особенно для меня, настоящим праздником. Всем Вашим сердечный привет и пожелание всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

Наш адрес почтовый: Лопасня, Моск. губ., для телеграмм: Лопасня Чехову.

424

А. С. СУВОРИНУ

2 мая 1897, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 97 2/V.

Для телеграмм мой адрес короче; нужно просто так: Лопасня Чехову.

Я согласен насчет «Мужиков»[1], но ведь в них гораздо менее 10 листов, придется считаться с цензурой. Не прибавить ли еще рассказов из мужицкой жизни? У меня найдется кое-что, наприм., «Убийство», где изображены раскольники, или нечто вроде.

Приехать в Петербург могу не раньше конца мая или июня, так как все еще я не вошел в колею и есть кое-какие неотложные дела, требующие моего присутствия. Я телеграфировал Вам, что женюсь на богатой вдове. Увы, это лишь сладкая мечта! Теперь за меня ни одна дура не пойдет, так как я сильно скомпрометировал себя тем, что лежал в клинике.

Куда Вы надумали уехать? Где проведете лето? Не поедете в Феодосию? Я решительно не знаю, что с собой делать и что полезно для моего здоровья: конституция или севрюжина с хреном[2]. Хочу до августа пожить дома — при условии, что будет сносная, сухая погода, потом поеду на русский юг, потом к зиме за границу

или в Сочи (на Кавказе), где, как говорят, зимою тепло и не бывает лихорадок.

Самочувствие у меня ничего себе, в весе не убавляюсь, на будущее взираю с упованием. Погода чудесная. Денег почти нет.

Кто такой Апокриф? [3]

Напишите или телеграфируйте мне что-нибудь, а то скука такая, что даже в ушах гудит. Нижайший поклон Анне Ивановне, Насте и Боре. Да хранят Вас небеса.

На днях я видел беллетриста Короленко: страшно расстроены нервы[4]. Приезжал ко мне Щеглов. Говорил о своей жене, о водевилях и о своем патриотизме. Печатает пьесу в «Русском вестнике» [5]. Пьеса из жизни русских литераторов. Проникнута идейно-ненавистническим духом и фальшива, и такое впечатление, будто пьесу писал не юморист Щеглов, а кот, которому литератор наступил на хвост.

Получаю много писем по поводу своего здоровья и «Мужиков».

Ваш *А. Чехов.*

Не будете ли в мае в Москве?

425

Л. В. СРЕДИНУ

2 мая 1897, Мелихово

Лопасня, Москов. губ. 97 2/V.

Дорогой Леонид Валентинович, запаздываю ответом, потому что Ваше письмо (15/IV) прислали мне из клиник только вчера.

Я каждый март понемногу плевал кровью, в этом же году кровохарканье затянулось — и так как в Москве у меня нет настоящей квартиры, то пришлось лечь в клиники. Здесь эскулапы вывели меня из блаженного неведения: нашли у меня в обеих верхушках хрипы, выдых и притупление в одной правой. Лежал я в клинике 15 дней, кровь шла около 10 дней. Теперь я

у себя дома, в деревне. Общее состояние удовлетворительно, температура нормальна, аппетит хороший, в весе прибавляюсь, кашель только по утрам. Врачи (ординаторы и ассистенты Остроумова, который меня не видел, так как уехал в Сухум) не настаивают на том, чтобы я уехал куда-нибудь тотчас же; говорят, что лето могу провести в деревне, а после лета видно будет, что и как. Я думаю, что, если мне не станет вдруг хуже, до августа буду слушаться докторов, потом поеду на съезд в Москву [1] и повидаюсь там с Остроумовым, потом — на Кавказ (в Кисловодск), или к Вам в Ялту, потом на зиму за границу или при безденежье в Сочи. Говорят, что в Сочи хорошая зима и нет лихорадок. Вот и все. Пока стараюсь побольше есть и впрыскиваю в себя мышьяк.

Со студентом Константиновым я познакомился в клинике и даже вчера получил от него письмо[2]. Положение его не безнадежно. Я читал историю его болезни и вынес такое впечатление: в Крыму он поправится или по крайней мере проживет не один год — при благоприятных условиях, конечно. Остроумов демонстрировал его на лекции и поставил удовлетворительную прогностику, ссылался на то, что у больного организм крепкий, выносливый, способный бороться с бациллами, что достаточно было Константинову пожить в Ялте несколько месяцев, как здоровье его круто изменилось к лучшему.

Не знаю, как мне благодарить за Ваше доброе, воистину целебное письмо. Крепко жму Вам руку и — чем богат, тем и рад — посылаю оттиск своего последнего рассказа [3]. Этим летом побываю в Ялте и зайду к Вам, наговорю Вам разных хороших слов, письмо же Ваше сохраню.

Вашей жене и детям сердечный привет и пожелание всего хорошего.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

Почтовый адрес: Лопасня, Москов. губ.

426

Е. М. ШАВРОВОЙ

17 мая 1897, Мелихово

17 май.

Многоуважаемая коллега! Дня 2—3 назад я послал Вам рукопись [1], а теперь в расчете, что Вы уже вернулись в Москву, посылаю письмо. Степочка, Мусенька, Горленко для меня не новы, они уже встречались в одной из прежних рукописей, но тем не менее все-таки Вашу повесть я прочел с большим удовольствием. Вы заметно мужаете и крепнете и с каждым разом пишете все лучше и лучше. Повесть мне понравилась вся, кроме финала, который показался мне немного жидковатым и где Степочка теряет свое благодушие и превращается в Bel-Ami *.

Впрочем, сие дело вкуса, сие неважно. Если говорить о недостатках, то придираться к мелочам не следует. Недостаток у Вас один, крупный, по-моему, недостаток, это то, что Вы не отделываете, отчего Ваши вещи местами кажутся растянутыми, загроможденными, в них нет той компактности, которая делает живыми короткие вещи. В Ваших повестях есть ум, есть талант, есть беллетристика, но недостаточно искусства. Вы правильно лепите фигуру, но не пластично. Вы не хотите или ленитесь удалить резцом все лишнее. Ведь сделать из мрамора лицо, это значит удалить из этого куска то, что не есть лицо.

Точно ли я выражаюсь? Понятно? Есть 2—3 неловких выражения, которые я подчеркнул. Попы ни во всенощной, ни в обедне не читают апостола. «Страсть к графомании» не годится, потому что само слово «графомания» содержит уже в себе понятие — страсть. И т. д. и т. д.

Ездил экзаменовать мальчишек [2], приехал и чувствую себя разбитым, как Геркулес после одного из своих самых пикантных подвигов. Курсистка бы сказала: околеваю!

* Милого друга (*франц.*).

Писать больше, извините, не могу. Выбор пьес одобряю. «Перчатка»[3] весьма подходит для Серпухова, ибо Вас приедут смотреть интеллигенты.

Желаю Вам всего хорошего.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

Насчет повести надо бы поговорить.

Хорошая вещь.

427

Ал. П. ЧЕХОВУ

20 мая 1897, Мелихово

20 май.

Любезный Никанор Гаврилович!

Все это хорошо [1], но прежде чем ехать на Аландские острова, мне кажется, следовало бы написать Вукову и даже Гризодубову [2]. Я согласен и верую, что польза выйдет огромная и даже ты можешь получить серебряную медаль на Станиславской ленте для ношения на шее, но при условии, что вопроса ты не бросишь на полдороге, а упрямо будешь возиться с ним всю жизнь, так сказать, до гробовой доски. Это любопытный вопрос, ибо вытекает из него доброе, а главное — умное дело, которое, пожалуй, одобрил бы даже Алфераки, если бы узнал. Для «Русской мысли» пиши, я попрошу, чтобы сжалились над тобой (жена, дети) и приняли твою статью;[3] но я не буду в редакции говорить, что ты мне брат, а то неловко, подумают, что я простого звания.

Книжку твою [4] об алкоголизме, бешенстве, собаколожстве и недоумении пришли мне заказною бандеролью, я повешу ее на гвоздь возле кулька, чтобы желающие отрывали по листку и читали.

Гонорара из театральной конторы я еще не получал и, вероятно, никогда не получу, хотя уже посылал телеграмму. [...]

Если Н. И. Свешников еще раз скажет тебе, что собирается ко мне, то удержи его.

Что слышно про Суворина? Куда он собирается на лето?

Вместо того чтобы нанимать пароход, ты бы лучше эти деньги положил в банк и купил бы себе новые брюки.

Поклон твоему семейству.

Твой благодетель *А. Чехов.*

428

А. С. СУВОРИНУ

20 мая 1897, Мелихово

97 20/V.

Одну школу я построил в прошлом году; счета по этой постройке уже погашены и сданы в земский архив. В этом году я строю другую школу, которая будет готова к концу июня[1]. И эта школа уже обеспечена; во всяком случае, если не хватит, то гораздо менее, чем полторы тысячи. Предполагаются еще постройки в недалеком будущем, и если Вы ничего не будете иметь против и если я буду жив и здоров, то из Вашего пожертвования я буду выдавать на каждую вновь строящуюся школу по сто рублей, и таким образом Вы окажете помощь не один, а пятнадцать раз. Согласны?

Куда, наконец, Вы решили уехать? И когда? Сиденье на одном месте до такой степени надоело мне и так (выражаюсь по-южному) набрыдло, что я охотно бы проводил Вас до самого Вержболова, если Вы поедете за границу и найдете лишнее место в купе. Билет бы я взял прямо из Лопасни. Хочется двигаться, ужасно хочется. Если Вы до заграницы рассчитываете побывать в Москве, то, повторяю, пришлите телеграмму, чтобы я мог выбраться из дому зáгодя. Экзаменовать школьников буду не 21, а 24-го мая, потом же свободен.

У Вашего нового сотрудника Энгельгардта несомненно бьется публицистическая жилка, но какая это уже немолодая, неясная голова. Принадлежит он к той же категории, что и Розанов — так сказать, по тембру дарования. У этой категории нет определенного миро-

созерцания, есть лишь громадное, расплывшееся донельзя самолюбие и есть ненавистничество болезненное, скрываемое глубоко под спудом души, похожее на тяжелую могильную плиту, покрытую мохом.

Что же Малый театр? Вчера я прочел в «Новом времени», что все слухи насчет него оказались ложными [2]. А я-то трезвоню в своих письмах!

Ничего не делаю, обленился дурацки, как П. П. Петух [3]. А сюжетов тьма, и все они киснут в голове. Идет дождик, гулять нельзя... Получил письмо от Коммиссаржевской: поехала в Астрахань играть [4]. Получил письмо от Александра: поехал на Аландские острова [5].

«Александра I» я еще не получил [6].

Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон и пожелание богатства и славы. Низко кланяюсь Вам. Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

429

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ

20 мая 1897, Мелихово

Лопасня, Москов. губ. 20 мая 97 г.

Большое Вам спасибо, Вера Федоровна, что вспомнили и прислали письмо. Недавно приезжала ко мне наша общая знакомая Д. М. Глебова (урожд. Мусина-Пушкина) и говорила, что Вы очень больны и собираетесь за границу на воды, а теперь оказывается, что Вы плывете в Астрахань. Вы здоровы или по крайней мере не серьезно хвораете и даже работаете, а я аплодирую Вам из своей трущобы. Я радуюсь, что у Вас благополучно, но не завидую, что Вы путешествуете по Волге. На Волге всегда ветер, пахнет нефтью, пейзажи однообразны и публика на пароходах скучная — все картузы и дешевые цепочки на жилетах, не с кем поговорить и не бывает интересных встреч. На морских пароходах куда интереснее.

Я ведь ехал в Петербург, рассчитывая совершить там много всяких дел и повидаться с Вами, но по пути в Москве заболел и пятнадцать дней пролежал в клинике. У меня подгуляли легкие. Теперь чувствую себя

недурно, бациллы сидят спокойно, но осенью, вероятно, придется удирать куда-нибудь. Доктора запретили работать, и я теперь изображаю нечто, похожее на театрального чиновника: ничего не делаю, никому не нужен, но стараюсь сохранить деловой вид.

Вы спрашиваете насчет жетона [1]. Когда он надоест Вам, то пришлите его по адресу: Лопасня, Моск. губ.

Пришлите мне астраханскую афишу «Чайки» [2]. Конечно, успеха Вам желаю громадного, постоянного, такого же крепкого и прочного, как моя вера в Ваш славный симпатичный талант. Только не болейте, пожалуйста. Позвольте пожать Вам руку и пожелать всего хорошего.

Еще раз благодарю.

Преданный Вам *А. Чехов.*

Этим летом не будете ли играть где-нибудь на юге? Например, на Дону, в азовских и черноморских городах? На Кавказе? Я буду там к августу.

430

Н. А. ЛЕЙКИНУ

21 мая 1897, Мелихово

Лопасня, Моск. губ. 97 21/V.

Дорогой Николай Александрович, оставляйте мне и девочку [1], коли на то милость Ваша. У меня у самого мелькала мысль — попросить для развода парочку, но думал, что это уже слишком, вроде как бы «не по чину берешь», и не дерзнул написать Вам.

Я, кажется, совсем уже поправился, так как не чувствую себя больным, знакомые мои при встрече не всматриваются мне в лицо и бабы не причитывают, когда я хожу по деревне. Кашля почти нет, и похоже, будто бациллы ушли в другое место. Не знаю, что будет осенью, а пока жаловаться не на что.

В. В. Билибин прислал мне свою книгу. Она издана изящно, не дорого, жаль только, что на обложке нет настоящей фамилии автора; говорю — жаль, потому что Диогена никто не знает и похоже, будто книгу соста-

вили два автора: И. Грэк и какой-то Диоген. Ведь «Новостей» в России не читают, это петербургская газета, и все, что в ней печатается, не делает авторам славы, так как не идет дальше Петербурга. В Москве «Новости» можно увидеть только в редакциях, а Диогена не знают даже в редакциях [2].

Погода у нас продолжает быть великолепной! Жарко, были дожди, червей на деревьях очень мало; вишен — тьма-тьмущая. Пионы отцветают.

Во второй половине мая ездил кое-куда экзаменовать школьников, теперь совершенно свободен, ничего не делаю и лишь изредка наведываюсь на постройку новой школы, которая строится по моему плану. Я теперь в уезде что-то вроде архитектора. Вот уже вторую школу строю, строил колокольню. Будьте здоровы и благополучны. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде.

Ваш *А. Чехов.*

431

А. С. СУВОРИНУ

21 июня 1897, Мелихово

21 июнь.

Здравствуйте! Я, нижеподписавшийся, все время сижу дома, у себя в Мелихове, и постепенно обращаюсь в помещика Коробочку. Бываю в Москве, но всякий раз ненадолго. На днях был в имении миллионера Морозова; дом, как Ватикан, лакеи в белых пикейных жилетах с золотыми цепями на животах, мебель безвкусная, вина от Леве, у хозяина никакого выражения на лице — и я сбежал [1].

Вероятно, после 15-го июля поеду в Боржом, потому что, по-видимому, больше некуда ехать. Из Боржома в Аббас-Туман. Поехал бы за границу, да денег нет и одному ехать скучно.

С книгой («Мужики») вышла маленькая заминка. Первую корректуру прислали лишь 12-го июня, когда книга по-настоящему должна бы быть уже готова; прислали с рассказами, которые ничего общего с «Мужиками» не имеют (наприм., «Дом с мезонином»). Я рассердился и написал в типографию, чтобы прекратили

печатание. Но вчера пришло письмо от Константина Семеновича — и дело, по-видимому, уладилось[2].

У нас холодно; новостей нет, и не скоро они будут. Живется скучно и глуповато, так как все еще считаюсь больным, нахожусь под надзором и должен во многом себе отказывать. Если приедете в Россию (как Вы пишете), то телеграфируйте мне из Вержболова или из Границы (Лопасня Чехову); я встречу Вас. До отъезда на зимовку мне нужно повидаться с Вами и поговорить — не о делах, а так кое о чем. Кстати попрошу Вас принять в Ваш театр актрису Шаврову (сестру писательницы), которая приезжала к нам в Серпухов играть и играла очень хорошо. Что-то есть в ней сюсюкающее, но не в голосе, а в выражении, в носе, кажется, но она интеллигентна, одевается с большим вкусом и играет, как актриса, по-настоящему. То, что она дебютировала у Вас в «Ганнеле» и неудачно, не должно идти в счет.

Урожай будет неважный; цена на хлеб и на сено растет. Болезней нет. Водку трескают отчаянно, и нечистоты нравственной и физической тоже отчаянно много. Прихожу все более к заключению, что человеку порядочному и не пьяному можно жить в деревне только скрепя сердце, и блажен русский интеллигент, живущий не в деревне, а на даче.

Вы ничего мне не пишете об Анне Ивановне и о Насте. Что они поделывают, как поживают? С Вами ли Боря? Пожалуйста, поклонитесь и скажите им, что я вспоминаю о них каждый день. Поклонитесь и Эмили.

В Кисловодск я не поеду. Маша в Крыму.

Будьте здоровы и благополучны и, пожалуйста, не забывайте помещика Коробочку.

Ваш *А. Чехов.*

432

Н. М. ЕЖОВУ

21 июня 1897, Мелихово

21 июня.

Милый Николай Михайлович, статьи Южина [1] я еще не читал, но скоро прочту, и, когда приедете, мы поговорим о ней. С 25-го июня по 1-е июля я буду отсут-

ствовать [2], и потому приезжайте ко мне 25-го или после 1-го. Буду очень рад видеть Вас.

Вы пишете, что живете «чрезвычайно» плохо. Что за пессимизм? Вероятно, Вам досадили болезни, Вы раздражены — и если это так, то нужно отдохнуть и полечиться, а главное — отдохнуть.

О земских школах и вообще о земстве поговорим. Могу дать Вам, буде пожелаете, много материала[3].

Итак, жду Вас к себе. Если приедете после 1-го июля, то черкните об этом, я вышлю лошадей и постараюсь после 1-го быть дома.

Ну-с, будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего.

Ваш

А. Чехов.

433

В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

24 июня 1897, Мелихово

24 июнь.

Дорогой Василий Михайлович, обращаюсь к Вам с большой просьбой, очень большой, какой Вы, конечно, не ждали. Не ждали, потому что, по нынешним временам, у Вас и без того много хлопот и забот и всяких передряг. Дело вот в чем. У нас в приходе был священник, о. Николай Некрасов, личность почтенная и заслуженная. Это был симпатичный человек, население его любило, и в земстве считался он одним из лучших законоучителей. За усердие ему дали повышение, перевели в город, в Серпухов. Но это повышение оказалось не в пользу. Некрасов заболел в городе, чувствует себя там отвратительно — и теперь рыдает навзрыд, просится назад в деревню. Пока не назначили нового священника, его могут перевести опять к нам — и мне кажется, тут мог бы оказать нам протекцию староста Успенского собора Михаил Абрамович Морозов. Он мог бы посоветовать, что делать, к кому обратиться и проч., и в случае надобности замолвить словечко. Самому же Некрасову подавать прошение неловко — это не принято, да и, пожалуй, упрекнут в привередничестве и оставят за штатом. Будьте добры, спишитесь с Михаи-

лом Абрамовичем, узнайте, может ли он принять о. Некрасова, чтобы поговорить с ним, и если может, то когда и где? Его адрес мне неизвестен. Сделайте милость, окажите протекцию; мне так жаль этого бедняка! Я могу дать ему медицинское свидетельство и собрать в его пользу сотни подписей.

Если М. А. нет в Москве или если он откажется протежировать, то не найдется ли среди Ваших знакомых другого какого-либо доброго человечка, близко стоящего к духовному ведомству?

На сих днях получу ответ насчет овчарки и пошлю его в Клин. Рассказ пришлю. Как дела? Мне еще не привозили газет со станции, и я нахожусь в неизвестности. Будьте здоровы, крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

431

А. С. СУВОРИНУ

12 июля 1897, Мелихово

12 июль.

Художник меня пишет и все пишет [1], и не думаю, чтобы он кончил меня 14-го, как было обещано. Провозится еще, пожалуй, с неделю. Как бы ни было, я все же поеду в Петербург; я решил это окончательно, и от поездки в Петербург меня может удержать только Ваше письмо, извещающее, что Вы опять уезжаете за границу.

Сегодня я возвращаю корректуру «Моей жизни». Итак, до сих пор мне неизвестно, на чем остановились, т. е. из каких рассказов будет состоять книга [2]. Неупокоев на днях писал мне, по Вашему поручению, о корректуре; спрашивал, как мне ее высылать — в полосах и листах, или только в полосах. Я рассчитываю прочесть и в полосах и в листах (в сверстанном виде). Этак лучше.

Здоровье мое великолепно, ибо жара и засуха продолжаются.

Читаю Метерлинка. Прочел его «Les aveugles», «L'intruse», читаю «Aglavaine et Sélysette» *. Все это

* «Слепые», «Непрошенная», «Аглавена и Селизетта» (*франц.*).

странные, чудные штуки, но впечатление громадное, и если бы у меня был театр, то я непременно бы поставил «Les aveugles». Тут кстати же великолепная декорация с морем и маяком вдали. Публика наполовину идиотская, но провала пьесы можно избежать, написав на афише содержание пьесы, вкратце конечно; пьеса-де соч. Метерлинка, бельгийского писателя, декадента, и содержание ее в том, что старик, проводник слепцов, бесшумно умер, и слепые, не зная об этом, сидят и ждут его возвращения.

В «Мировых отголосках» читаю каждый день о «Новом времени»[3], а в «Новом времени» об Яворской [4]. Очевидно, она бывает гениальной ежедневно.

У меня тьма гостей, Александр подбросил мне своих мальчиков, не оставив ни белья, ни верхнего платья, они живут у меня, и неизвестно никому, когда они уедут; кажется, будут жить до конца лета и, быть может, даже останутся навсегда. Это очень любезно со стороны их родителей. Приехал с юга кузен.

Ежов (не фельетонист) пишет, что собирается ко мне, и т. д. и т. д.

Давно уже я не получал от Вас писем. Где Вы? Здоровы ли? Как себя чувствует Алексей Алексеевич? Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

435

Л. С. МИЗИНОВОЙ

18 сентября 1897, Биарриц

18 сент.

Милая Лика, Ваше письмо получил вчера и, конечно, был очень порадован. Вы спрашиваете, тепло ли мне здесь, весело ли. Пока мне хорошо. По целым дням я сижу на солнышке, думаю о Вас и о том, почему Вы так любите говорить и писать о кривобоких; и, подумавши, я решаю, что это Вы оттого, по всей вероятности, что у Вас у самой бока не в порядке. Вы хотите дать понять это и понравиться.

Здесь очень тепло, жарко даже, но это будет продолжаться не долго, и не сегодня-завтра я почувствую себя

как в Мелихове, т. е. не буду знать, куда мне уехать. Всем сердцем моим стремлюсь в Париж, но там скоро начнется сырая осень, меня погонят оттуда, и, должно быть, придется ехать в Ниццу или в Больо, что возле Ниццы. Если будут деньги, то из Ниццы через Марсель поеду в Алжир и в Египет, где я еще не был. А Вы когда же в Париж? Когда бы Вы ни приехали, во всяком случае дайте мне знать, я приеду на вокзал встретить Вас. Встречу Вас очень любезно и буду стараться не замечать Вашего кривого бока и, чтобы доставить Вам истинное удовольствие, буду говорить с Вами только о сыроварении.

Для упражнений на французском языке я завел себе здесь француженку, 19 лет. Зовут ее Марго. Извините меня за это, пожалуйста.

Вы правы, письма доставляют здесь не малую радость — и потому, прошу Вас, пишите мне побольше. Почтовые расходы я возвращу Вам, если Вы этого пожелаете. Верьте, что я ценю в женщинах не одну только Reinheit*, но также и доброту. До сих пор Вы, насколько мне известно, были очень добры: Вы писали моим друзьям нежные, длинные письма; распространите же и на меня эту Вашу доброту. У моих друзей, по прочтении Вашего письма, обыкновенно являлось неудержимое желание писать о сыроварении и купать детей в цинковой ванночке; не знаю, чем объяснить это! Что касается меня, то Ваше последнее письмо подействовало на меня самым облагораживающим образом: я почувствовал себя чистым.

Пишите же. Что нового? Что Сашечка Филе? [1] Что Володя с бакенами (с у....ми) [2] и со своей визгливо-хихикающей супругой? Бываете ли у Вашей подруги, пожирательницы молодых художников? [3] Удивительно, как действует постоянное пребывание под каланчой! Очевидно, близость пожарной команды горячит кровь, и от увлечений не спасают даже седины. Лика, берегитесь каланчи! О. П. Кундасова может Вам порассказать кое-что на этот счет; она слышала кое-что от д-ра Флоринского.

---

* чистоту (*нем.*).

Итак, позвольте ждать от Вас длинного, длинного письма. Кланяйтесь Маше, Виктору Александровичу.

Жму Вашу руку и остаюсь Вашим неизменным почитателем и поклонником.

А. Чехов.

436

А. С. СУВОРИНУ

1 октября 1897, Ницца

1 окт.

Относительно Горева Вы не совсем правы. Из пяти раз один он играет очень хорошо, даже замечательно. У него нехорошая манера поднимать плечи и выстреливать фразы, но у него способность — иногда, в некоторых пьесах, возвышаться до такого нервного подъема, на какой не способен ни один русский актер: бывает он хорош особенно при хорошем ансамбле, когда около него и другие играют хорошо.

В Ницце я живу в русском пансионе. Комната довольно просторная, с окнами на юг, с ковром во весь пол, с ложем, как у Клеопатры, с уборной; обильные завтраки и обеды, приготовляемые русской поварихой (борщ и пироги), такие же обильные, как в Hôtel Vendôme, и такие же вкусные. Плачу по 11 франков в день. Здесь тепло; даже по вечерам не бывает похоже на осень. Море ласково, трогательно. Promenade des Anglais весь оброс зеленью и сияет на солнце; я по утрам сижу в тени и читаю газету. Много гуляю. Познакомился с Максимом Ковалевским, бывшим моск. профессором, уволенным по 3-му пункту. Это высокий, толстый, живой, добродушнейший человек. Он много ест, много шутит и очень много работает — и с ним легко и весело. Смех у него раскатистый, заразительный. Живет в Beaulieu в своей хорошенькой вилле. Тут же и художник Якоби, который Григоровича называет мерзавцем и мошенником, Айвазовского — сукиным сыном, Стасова — идиотом и т. д. Третьего дня обедали я, Ковалевский и Якоби и весь обед хохотали до боли в жи-

воте — к великому изумлению прислуги. Часто ем устриц.

Морозова пишет, что в Биаррице холодно: был даже мороз. В Париже прекрасная погода — судя по «Figaro». Если Вы поедете в Париж, то и я туда поеду. Только, по-моему, Вам следовало бы сначала приехать в Ниццу погреться, а потом уж вместе поехали бы в Париж. В Ницце, повторяю, тепло и очень хорошо. Сидеть на набережной, греться и смотреть на море — это такое наслаждение.

Поклон и привет от всего сердца Анне Ивановне, Насте и Боре. Всего хорошего! На странное ощущение в ногах не обращайте внимания. У Вас организм очень здоровый.

Nice, Pension Russe *.

Ваш *А. Чехов.*

Скучно без русских газет и без писем.

437

Л. А. АВИЛОВОЙ

6 октября 1897, Ницца

6 окт.

Ваше письмо пошло из Лопасни в Биарриц, оттуда прислали мне его в Ниццу. Вот мой адрес: France, Nice, Pension Russe. Фамилия моя пишется так: Antoine Tchekhoff. Пожалуйста, напишите мне еще что-нибудь; и если напечатали что-нибудь свое, то пришлите. Кстати сообщите Ваш адрес. Это письмо посылаю через Потапенко.

Вы сетуете, что герои мои мрачны. Увы, не моя в том вина! У меня выходит это невольно, и когда я пишу, то мне не кажется, что я пишу мрачно; во всяком случае, работая, я всегда бываю в хорошем настроении. Замечено, что мрачные люди, меланхолики пишут всегда весело, а жизнерадостные своими писаниями нагоняют тоску. А я человек жизнерадостный; по крайней

* Ницца, Русский пансион (*франц.*).

мере первые 30 лет своей жизни прожил, как говорится, в свое удовольствие.

Здоровье мое сносно по утрам и великолепно по вечерам. Ничего не делаю, не пишу, и не хочется писать. Ужасно обленился.

Будьте здоровы и счастливы. Жму Вам руку.

Ваш *А. Чехов.*

За границей проживу, вероятно, всю зиму.

438

В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

17 октября 1897, Ницца

17 окт.

Дорогой Василий Михайлович, посылаю Вам рассказ, плод моей праздной музы [1]. Здешняя бумага (papier écolier) имеет такой аппетитный вид и так приятно покупать здесь перья, что трудно удержаться, чтобы не писать.

Если сгодится рассказ, то напечатайте его. Если он покажется длинным и не поместится в один фельетон, то отдайте его Гольцеву, а я пришлю Вам другой, который начну писать завтра.

Погода чудесная, летняя; только по утрам, около 8 час., бывает свежо, но изредка. В Монте-Карло давно уже не был и не знаю, как часто выходит теперь там первая дюжина.

Живу все в том же Pension Russe, все так же тихо и мирно, как и при Вас. Впрочем, была и революция. До моего сведения дошло, что живущие в том же пансионе шпион (варшавский молодой человек оказался таковым в конце концов) и земский начальник платят Вере Дмитриевне по 9 франков в день; я же плачу 11. Меня это немножко покоробило, я стал бунтовать, и мне сбавили 1 фр. Плачу теперь 10.

Завтра в субботу по случаю отъезда Максима Максимовича обед в Pension Russe. Будут обедать 8 русских. Юрасов принесет свое вино, доставшееся ему в наследство от какого-то князя.

Играю в пикет с Якоби и с Ковалевским. Якоби говорит, что Вас. Немирович-Данченко военный писарь, мерзавец и бездарность. Вы, кажется, единственный человек, о котором он отзывается хорошо.

Как доехали? Как поживаете?

Иду на почту. Привет Варваре Алексеевне и детям.

Будьте здоровы и благополучны, крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Не пришлете ли корректуру? Я пошлифовал бы рассказ. Ведь время терпит, спешить некуда.

439

П. Ф. ИОРДАНОВУ

31 октября 1897, Ницца

12 ноябрь.

31 окт. Nice, Pension Russe.

Многоуважаемый Павел Федорович, в Париже я виделся с Павловским и с уроженцем Таганрога проф. Белелюбским, инженером; был разговор о библиотеке, о будущем музее — и оба обещали много хорошего. У Павловского уже собрано кое-что, и, кроме автографов, рисунков и т. п., есть даже пауки-птицееды, которых я у него видел. Белелюбский может прислать коллекции. Что касается доставки через Марсель, то по этой части все уже устроено Павловским, доставка будет бесплатная и, если я и он похлопочем, беспошлинная. Видите, какие все соблазны! Теперь остановка за помещением. Начать собирать вещи можно теперь же, а открыть музей в день юбилея [1].

Вы пишете, что когда будете в Петербурге, то пойдете к корифеям. Увы! все, что можно было взять у корифеев, уже взято давно и они с раздражением относятся к сборникам, музеям, читальням, так как им то и дело приходится давать свои произведения gratis. Вы побывайте не у корифеев, а у таганрогских уроженцев и внушите им любовь к отечеству. Например, Нотович — эта жирная, богатая скотина — мог бы сделать

для Таганрога то, чего не в силах сделать ни я, ни Вы, так как у нас нет своей газеты и своего дома в Петербурге. Побывайте у певца Чернова, это добрый человек. Адрес Белелюбского сообщу Вам особо.

Из неземляков, пожалуй, кое-что может сделать для нас государственный контролер Тертий Филиппов. В его сборнике есть статья о поэте Щербине (таганрожце) [2] и во- 1) можно попросить у него оригинал этой статьи (рукопись), 2) спросить, где можно добыть хороший портрет Щербины и 3) вообще поговорить о Щербине и отобрать от него автографы поэта, буде они у него имеются.

У моей тетушки Марфы Ивановны Морозовой, живущей в доме И. И. Лободы (гласного), есть картина, писанная масляными красками, изображающая открытие памятника Александру I в Таганроге. Картина хоть и не важная, но все же для музея годится; имя художника, таганрожца, в семье Лободы еще не забыто.

Есть лубочная картина «Бомбардирование Таганрога».

Вы спрашиваете о моем здоровье. Благодарю Вас. Самочувствие прекрасно, все, по-видимому, обстоит благополучно, но кровохаркания все-таки бывают.

Желаю Вам всего хорошего. Когда Вы будете в Петербурге? Остановитесь ли в Москве? Ответьте на последний вопрос. Если да, то не довезете ли с собой несколько книг, которые Вам вручили бы в Москве?

Будьте здоровы. Жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

440

А. А. ХОТЯИНЦЕВОЙ

31 октября 1897, Ницца

Итак, Вы приехали, великая художница земли русской! Париж очень хороший город, и очень жаль, что благодаря туману и холоду Вы на первых порах получили впечатление большой, серой, немножко суровой массы. И жаль, что Вы поселились на такой неинтересной улице, как rue Jacob. Впрочем, все это пустяки;

пройдет неделя-другая, Вы войдете во вкус — и Париж станет Вам нравиться.

Я живу все там же. Погода здесь очаровательная, тепло, солнечно, тихо; исключение составляет один только нынешний день: дует неприятный ветер. Здоровье мое ничего себе; прыгаю помаленьку, Вашими молитвами, и не жалуюсь. Третьего дня прекратилось кровохарканье, которое продолжалось 3 недели — шутка сказать! — кровь шла понемногу, но подолгу, самочувствие же было великолепное, так что я махнул рукой на кровь и вполне искренно писал домой, что я здоров вполне. (Не пишите Вы туда ничего о моем здоровье, кстати сказать.) Я гуляю, читаю, немножко пишу и много беседую с Немировичем-Данченко и с художником Якоби, который теперь здесь и в честь которого названа rue Jacob [1]. М. М. Ковалевский уже уехал; он теперь в Париже читает лекции. Повидайтесь с ним, пожалуйста; это большой человек во всех смыслах и интересный, да [и] будет не бесполезен для Вас, так как Париж он знает превосходно. Его адрес: Hôtel Foyot rue de Tournon. Поклонитесь ему, пожалуйста, и скажите ему, что без него мы скучаем.

Немирович-Данченко (Василий) проездом будет у Вас.

Маша пишет, что моя духовая печь [2] приняла благообразный вид; и меня после ее письма потянуло домой, в духовую печь. Давно уже я там не был!

Когда начнете скучать в Париже, приезжайте в Ниццу погреться. Серьезно. Приехав в Ниццу, оставьте вещи на вокзале (там есть такое место для хранения вещей) и пешком идите на rue Gounod. Как раз против вокзала спуск по лестнице; спуститесь, идите прямо по улице, потом поверните направо, потом налево увидите узенькую уличку, по которой не проедешь на паре: это и есть rue Gounod. Ищите № 9, тут Pension Russe, где я и устрою Вас в лучшем виде, по 6 фр. в день (квартира, обед и завтрак). Спасибо за письмо!! Будьте здоровы, не скучайте.

Ваш *А. Чехов.*

Пятница.

441

А. С. СУВОРИНУ

1 ноября 1897, Ницца

Суббота.

Ваше письмо меня неприятно ошеломило. Я ждал Вас с таким нетерпением, хотелось повидаться, поговорить, и, в сущности, Вы так мне нужны! Для разговоров я приготовил целый короб, приготовил для Вас чудесную, совсем жаркую погоду — и вдруг это письмо. Ужасно досадно!

В Pension Russe этажом ниже живет Немирович, который тоже ожидал Вас.

Вы с театром, а у меня своя забота. Опять дышит на ладан журнал «Хирургия» [1], и опять я должен спасать его во что бы то ни стало, так как среди врачей я единственный человек, который имею знакомства и связи в литературном и печатном мире. Журнал, в научном отношении, превосходный, совсем европейский. Посоветуйте: как выхлопотать субсидию в 3—4 тысячи в год. Если бы для этого понадобилось назваться издателем, то я назвался бы и потом неделю простоял бы перед домом Витте босиком, с непокрытой головой и со свечой в руке. Вы только посоветуйте, а прошение подам я сам или подаст редактор.

Опять было кровохарканье, 3—4 дня, теперь ничего, прыгаю и чувствую себя прекрасно. Написал 2 рассказа и уже послал [2].

Если раздумаете и захотите в Ниццу, то телеграфируйте, выйду встречать. Во всяком случае, в день выезда из Парижа куда бы то ни было телеграфируйте мне, чтобы я знал, куда писать Вам и в каком Вы настроении. Мне хочется, чтобы Вам не было грустно.

Будьте здоровы. Поклон нижайший и привет Михаилу Алексеевичу и Павловскому. Сегодня весь день светло, жарко и тихо. Вот страна!

Ваш *А. Чехов.*

В Ницце буду жить каждую зиму.

442
Л. С. МИЗИНОВОЙ

2 ноября 1897, Ницца

2 ноябрь, Pension Russe, Nice.

Милая Лика, Вы напрасно сердитесь. Вы писали мне, что скоро уезжаете из Москвы, и я не знал, где Вы. Ну-с, я все еще в Ницце, никуда не собираюсь, ничего не жду и почти ничего не делаю. Погода обыкновенно бывает чудесной, летней, сегодня же лупит дождь и Ницца похожа на Петербург в конце августа. Margot приехала из Биаррица в Ниццу, но исчезла с горизонта и я ее не вижу.

Как Вы поживаете? Что нового? Куда собираетесь и когда думаете покинуть Москву с ее скукой и юбилеями? Кстати, читал, что скоро юбилей Златовратского [1]. Вы, конечно, были на этом юбилее; напишите, кого видели, что слышали. Филе только обещается написать, но никогда не пишет, и Ваше сообщение, что он на днях пришлет мне письмо, не принесло мне особенных радостей. Кстати, кто теперь ухаживает за Вами?

Теперь то, что, надеюсь, останется между нами. Получил от Баркова длинное заказное письмо, за которым пришлось идти на почту пять верст. Он пишет, что купцы не дают денег, и бранит этих купцов, говорит о том, какой я хороший писатель, и обещает, буде я изъявлю согласие, изредка высылать мне на расходы свои собственные деньги [2]. Лика, милая Лика, зачем я поддался Вашим убеждениям и написал тогда Кундасовой? Вы лишили меня моей Reinheit; если бы не Ваши настоятельные требования, то, уверяю, я ни за что бы не написал того письма, которое теперь желтым пятном лежит на моей гордости.

У меня, благодаря главным образом Ольге Петровне, может развиться мания преследования. Не успел очнуться от письма Баркова, как получил две тысячи рублей от левитановского Морозова [3]. Я не просил этих денег, не хочу их и прошу у Левитана позволения возвратить их в такой, конечно, форме, чтобы никого не

обидеть. Левитан не хочет этого [4]. Но я все же отошлю их назад. Погожу еще 1/2—1 месяц и возвращу при благодарственном письме. Деньги у меня есть.

Все это, повторяю, пусть останется между нами. Напишите мне о чем-нибудь, сообщите какие-нибудь факты. У меня ничего нет нового, все благополучно.

Ваш *А. Чехов.*

Что Варя? Бываете ли в опере?
Жму руку.

443

Л. А. АВИЛОВОЙ

3 ноября 1897, Ницца

3 ноябрь, Pension Russe, Nice.

Ах, Лидия Алексеевна, с каким удовольствием я прочитал Ваши «Забытые письма». Это хорошая, умная, изящная вещь. Это маленькая, куцая вещь, но в ней пропасть искусства и таланта, и я не понимаю, почему Вы не продолжаете именно в этом роде. Письма — это неудачная, скучная форма, и притом легкая, но я говорю про тон, искреннее, почти страстное чувство, изящную фразу... Гольцев был прав, когда говорил, что у Вас симпатичный талант, и если Вы до сих пор не верите этому, то потому, что сами виноваты. Вы работаете очень мало, лениво. Я тоже ленивый хохол, но ведь в сравнении с Вами я написал целые горы! Кроме «Забытых писем», во всех рассказах так и прут между строк неопытность, неуверенность, лень. Вы до сих пор еще не набили себе руку, как говорится, и работаете, как начинающая, точно барышня, пишущая по фарфору. Пейзаж Вы чувствуете, он у Вас хорош, но Вы не умеете экономить, и то и дело он попадается на глаза, когда не нужно, и даже один рассказ совсем исчезает под массой пейзажных обломков, которые грудой навалены на всем протяжении от начала рассказа до (почти) его середины. Затем, Вы не работаете над фразой; ее надо делать — в этом искусство. Надо

выбрасывать лишнее, очищать фразу от «по мере того», «при помощи», надо заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стала» и «перестала». Голубушка, ведь такие словечки, как «Безупречная», «На изломе», «В лабиринте» — ведь это одно оскорбление. Я допускаю еще рядом «казался» и «касался», но «безупречная» — это шероховато, неловко и годится только для разговорного языка, и шероховатость Вы должны чувствовать, так как Вы музыкальны и чутки, чему свидетели — «Забытые письма». Газеты с Вашими рассказами сохраню и пришлю Вам при оказии, а Вы, не обращая внимания на мою критику, соберите еще кое-что и пришлите мне.

Пока была хорошая погода, все было благополучно; теперь же, когда идет дождь и посуровело, опять першит, опять показалась кровь, такая подлость.

Я пишу, но пустячки. Уже послал в «Русские ведомости» два рассказа [1].

Будьте здоровы. Крепко жму Вам руку.

Ваш *А. Чехов.*

444

В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

20 ноября 1897, Ницца

20 ноябрь.

Дорогой Василий Михайлович, Вы такими мрачными красками изобразили Москву с ее погодой, юбилеями, похоронами; я не могу ответить Вам тем же, так как у нас в Ницце юбилеев нет, Златовратского не читают, все живы и погода изумительная, райская. Немирович уложил чемоданы и, по-видимому, уедет сегодня. Якоби каждый день приходит обедать и ругает Стасова; Юрасов, добрый, кроткий человечек, иногда наведывается; Ковалевский читает в Париже и имеет успех.

Я живу не там, а уже этажом ниже. Перебрался во время кровохарканья, которое было и уже прошло.

Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять внешность рассказа; обыкновенно в ней я заканчиваю

рассказ и исправляю его, так сказать, с музыкальной стороны. Но если в самом деле Вам неудобно высылать корректуру, то да будь по-Вашему! Что делать! Только, пожалуйста, всякий раз, получив от меня рассказ, берите открытое письмо и пишите только два слова: «Рассказ получен». Второй рассказ я послал через 8 дней после первого, между тем Вы получили его раньше! Пожалуйста, не оставляйте меня в неизвестности.

От Варвары Алексеевны в конце октября я получил письмо и ответил ей. Скоро еще буду ей писать, а пока поклонитесь и скажите, что я от всего сердца шлю ей пожелания — и здоровья и счастья. Детям тоже поклон и благодарность за то, что они вспоминают обо мне.

«Русские ведомости» получаю.

После Вашего отъезда точно зарок дал: нигде, кроме как дома, не обедаю и *ничего* не пью.

Будьте здоровы!! Не забывайте.

Ваш *А. Чехов.*

445

А. С. СУВОРИНУ

24 ноября 1897, Ницца

Я совершенно здоров, и мое привилегированное положение праздного и довольного человека начинает наскучивать мне и минутами — хочется на снег. Здесь работать можно, но чего-то не хватает, и когда работаешь, то испытываешь неудобство, точно повешен за одну ногу.

Ковалевский произвел на Вас хорошее, здоровое впечатление? Я ожидал этого. Он на целых пять голов выше нашей столичной передовой интеллигенции, ежедневно справляющей юбилеи. Теперь он в Париже, в январе поедем вместе в Африку.

Я читаю Charles Baïhaut, бывшего министра-панамиста, «Impressions cellulaires». Вот если бы Вы велели кому-нибудь перевести и издали или дали бы в извлечениях, поместив 3—4 фельетона, как это Вы когда-то делали с романами. Сколько тут слез, ужаса, скорбных эпизодических фигур (жена), и в то же время сколько

тщеславия, постороннего пафоса и мещанства. Человек философствует, приносит великую жертву и в то же время унижается до мелких мещанских попреков; то и дело попрекает своих бывших друзей куском хлеба: вы-де обедали у меня часто и потом покинули меня в несчастье. В общем же такое впечатление: как страдает, как расплачивается за всех этот народ, идущий впереди всех и задающий тон европейской культуре. Это народ, который умеет пользоваться своими ошибками и которому не проходят даром его ошибки. Читаете ли Вы новую газету «L'Aurore»? Это интересная газета. Рошфор надоел жестоко; его приятно почитать 2—3 раза, а потом он приедается, как рокфор. Тоже и «La libre parole».

Немирович уехал, и я один среди киргизов и самоедов, населяющих Pension Russe. Один из самоедов, действительный статский советник, уехал на днях в Петербург, и я послал Вам с ним книжку, которую, пожалуйста, велите передать брату Александру.

Осенью я написал Кондратьеву, что отдал Вашему театру свой водевиль «Трагик поневоле» на целый год. Если Михайлова у Вас нет, водевиль играть некому: надо выпустить его, т. е. водевиль, на волю, написав Кондратьеву. Но прежде чем я напишу ему, Вы черкните мне 2—3 слова; быть может, Михайлов еще вернется.

Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон. Всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

24 ноябрь.

446

В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

4 декабря 1897, Ницца

4 дек.

Дорогой Василий Михайлович, отвечаю на Ваше письмо по пунктам. Перебрался я этажом ниже, потому что я то и дело спускаюсь вниз, а подниматься мне не легко. Как-то было у меня кровохарканье (небольшое, но продолжавшееся три недели), и мы, эску-

лапы, общим советом решили, что форсированное хождение по лестнице в моем положении скорее вредно, чем полезно,— и я перебрался. Солнце у меня бывает с $7^1/_2$ час. утра до захода, плачу я столько же (10 фр.), как и наверху, а обстановка в среднем этаже богаче, чем в верхнем. Перебираться в другой отель, пожалуй, было бы уже поздно; ведь в январе мы поедем в Алжир [1], а январь уже на носу. Да и привык я в Pension Russe. Тихо, кормят хорошо, прислуга добрая и честная, и комары уже перекочевали в Египет.

Пишу я здесь гораздо меньше, чем рассчитывал. Писать в номере, за чужим столом, писать после завтрака или обеда (мне кажется, что я ем весь день непрерывно), и в хорошую погоду, когда хочется вон из комнаты,— это трудно, очень трудно. Здесь нужно читать, а не писать. Но как бы ни было, я все-таки пишу.

У меня была г-жа Шанявская. Сегодня я буду у нее.

Я целый день читаю газеты, изучаю дело Дрейфуса. По-моему, Дрейфус не виноват [2].

Я писал Вам насчет корреспондентского бланка. Во время карнавала и в Алжире он мог бы мне пригодиться.

Сегодня св. Варвары. Поздравляю Вас с именинницей. Если и Варя также именинница, то поздравляю, стало быть, вдвойне.

Погода все еще чудесная, лучше и не нужно. Не приедете ли Вы? Поехали бы вместе в Монте-Карло, в Корсику, в Алжир. Подумайте-ка!

Ну-с, будьте здоровы и благополучны. Не забывайте. Жму крепко руку.

Ваш *А. Чехов*

447

А. С. СУВОРИНУ

14 декабря 1897, Ницца

14/XII.

Сегодня уезжает отсюда в Петербург художник Якоби. Я дал ему посылку, он доставит ее Вам, а Вы, пожалуйста, передайте брату Александру. Я все по-

купаю французские альманахи и календари. Что это за прелесть! За франк дают целую книжищу, полную карикатур и всяких полезных сведений и анекдотов. Издают дешево и сердито.

Нового ничего нет. Не помню, писал ли я Вам о болезни доктора Любимова, которого Вы знаете. У него двусторонний плеврит и воспаление сердца. Положение серьезное. Что же касается моего здоровья, то болезнь моя идет crescendo * и уже, очевидно, неизлечима: я говорю о лени. Лень изумительная. Во всем же остальном я здоров, как бык. Накопилось много работы, сюжеты перепутались в мозгу, но работать в хорошую погоду, за чужим столом, с полным желудком — это не работа, а каторжная работа, и я всячески уклоняюсь от нее.

Получаю «Новое время», спасибо от всей души. Только зачем, зачем Жан Щеглов пишет эти фельетоны?[1] Он увяз, совершенно увяз.

Не пора ли мне домой? Все жду Ковалевского, поедем вместе в Африку. Постараюсь заехать как можно дальше и чтобы это мое путешествие, хотя немного, походило на труд, а то, право, становится уже совестно. Смотрю я на русских барынь, живущих в Pension Russe — рожи, скучны, праздны, себялюбиво праздны, и я боюсь походить на них, и все мне кажется, что лечиться, как лечимся здесь мы (т. е. я и эти барыни),— это препротивный эгоизм.

То, что писалось и говорилось по поводу смерти Додэ [2], умно и изящно. Даже Рошфор написал хорошо. Да, великие мы таланты, мы всечеловеки, и из нас «прет», но умри Лев Толстой, и написать статью некому. Напишут публицисты, а беллетристы, с Григоровичем и с Боборыкиным во главе, только почешутся. Надо бы молодых литераторов командировать за границу учиться, ей-ей надо бы.

Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

---

* усиливаясь (*итал.*).

448
М. П. ЧЕХОВОЙ

14 декабря 1897, Ницца

14/XII.

Кое-кто поехал в Россию, и я послал кое-что в «Новое время» для передачи тебе. Вещи, на которых найдешь литеры П. Н. С. (положить на столе), развернув, положи у меня на столе. Туда же положи брошюру Э. Золя в желтой обложке[1]. Между прочим, на праздниках получишь портрет А. Додэ — небольшая гравюра, изд. «Illustration». Это такой хороший портрет, что, право, его стоит в рамочку и ко мне в кабинет. Пожалуйста, когда поедешь в Москву, закажи темную раму со стеклом и вставь портрет, если и тебе он так же понравится, как мне.

Обо всем, что будете получать, сообщай мне, а то, повторяю, скучно посылать, когда находишься в неизвестности. Перчатки пришлю при первой возможности; вообще буду вести себя так, что в один прекрасный день все Вы скажете: «Как приятно иметь родственника, живущего за границей».

Живется не дурно, погода все та же, т. е. тепло и тихо, но нет розы без шипов. Дамы, живущие в Pension Russe, русские дамы — это такие гады, дуры. Рожа на роже, злоба и сплетни, черт бы их побрал совсем. Что великолепно в Ницце, так это цветы, которыми здесь запружены все рынки. Масса цветов, и дешевизна необычайная. И цветы удивительно выносливые, не вянущие. Как бы ни завял цветок, но стоит только обрезать внизу кончик стебелька и поставить ненадолго в теплую воду — и оживает цветок.

Много сюжетов, которые киснут в мозгу, хочется писать, но писать не дома — сущая каторга, точно на чужой швейной машине шьешь. Получил я от Алексея Сергеевича и Марии Владимировны Киселевых по письму. Милые, добрые люди, но Мария Владимировна пишет о том, что она стала ясновидящей, философствует, отвечать же на такие письма я не умею серьезно, и меня томит мысль, что я еще не ответил.

Получил письмо и от Н. И. Забавина. Он в восторге от школы и от своей квартиры [2]. Сегодня уезжает художник Якоби, к присутствию которого я тут так привык,— и я остаюсь в Ницце почти один. Это тот самый Якоби, картины которого давала «Нива» в премию («Дорогой гость»), автор «Ледяного дома». Он пришлет в Мелихово акварель своей (кстати сказать, неважной) работы. Поклон всем, будь здорова и благополучна. На днях буду писать еще.

Твой *А. Чехов.*

449

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

15 декабря 1897, Ницца

15/27 дек.

Спасибо тебе, милый Виктор Александрович, за письмо и за хорошие слова, в оном находящиеся. Рассказ я пришлю, но едва ли успею сделать это раньше февраля [1]. Во-первых, сюжет такой, что не легко пишется, а во-вторых, мне лень и лень. Работать за чужим столом, в номере, особенно в хорошую погоду, когда тянет к морю, совсем не хочется. Во всяком случае, рассказ пишу, пришлю и за неделю до присылки уведомлю.

Ковалевский в Париже, и я написал ему о том, что ты имеешь намерение вознести ему хвалу в декабрьской книжке [2]. Ему это будет очень приятно, тем более что он относится к тебе тепло и, по-видимому, расположен к тебе дружески. Какой это, кстати сказать, жизнерадостный и жизнеспособный человек! Большой человечина во всех смыслах.

Как живешь? Черкни мне 2—3 строчки и пришли простым письмом (заказные письма здесь доставляются с разными формальностями, заставляющими почтальонов из-за одного письма ходить к тебе по пяти раз). Без писем скучно. Да и как-то подбадривают письма к работе. Третьего дня я послал ответ Вуколу.

Кланяйся ему и всем прочим нашим друзьям и приятелям. Будь здоров.

Крепко тебя обнимаю и желаю всего хорошего.

Твой *А. Чехов.*

450

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

15 декабря 1897, Ницца

15—27 дек.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич, для телеграммы достаточно адреса: Nice, 9 Gounod Tchekhoff.

Я пишу рассказ для «Cosmopolis'а», пишу туго, урывками [1]. Обыкновенно я пишу медленно, с напряжением, здесь же в *номере*, за чужим столом, в хорошую погоду, когда тянет наружу, пишется еще хуже, а потому пообещать Вам рассказ раньше, как через две недели, не могу. Пришлю *до* первого января, затем Вы будете добры, пришлете мне корректуру, которую я не продержу у себя дольше одного дня, и таким образом можете рассчитывать на февральскую книжку, не раньше. Видите, какой я хохол!

Спасибо за 200 р. Вы очень добры. В настоящее время я в деньгах не очень нуждаюсь, и 200 р. пошли в Crédit Lionnais, где будут хранить их до востребования. Чтобы не возвращаться больше к вопросу о гонораре, вот 2 примечания: 1) впредь высылайте не по почте, а через Crédit Lionnais, простым переводом, т. е. в С. L. Вам дадут вексель, а Вы пришлете его мне заказным письмом *, 2) впредь авансов мне не присылайте, пока не будет на то моего прошения. Вот и все. Повторяю — благодарю, я был очень тронут Вашим вниманием.

Думаю, что ничто мне не помешает кончить и выслать рассказ своевременно, т. е. *до* 1-го января, как я сказал выше. Будьте здоровы, желаю Вам успеха. Жур-

---

* Это дешевле и проще. (*Прим. А. П. Чехова.*)

нал получил, благодарю. Еще не читал, а когда прочту, напишу Вам. Ковалевскому написал то, что нужно.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

Вы выразили желание *в одном из Ваших писем*, чтобы я прислал интернациональный рассказ, взявши сюжетом что-нибудь из местной жизни. Такой рассказ я могу написать только в России, по воспоминаниям. Я умею писать только по воспоминаниям, и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично.

451

И. Н. ПОТАПЕНКО

18 декабря 1897, Ницца

Пишу по прочтении твоего последнего фельетона [1]. А мне-то как надоел этот Тищенко, если бы ты знал! Это хохол нудный, упрямый, узкий, с громадным самомнением. Со своим рассказом про учителя он возится уже давно. Однажды пришел ко мне в Больш. моск. гостиницу и разбудил меня, чтобы прочесть мне свой рассказ. Я с досадой заявил, что оставляю литературную профессию, и это спасло меня, он не привел в исполнение своей угрозы и только стал отчитывать меня за то, что у меня нет идей и что я не жгу глаголом сердца людей. Лев Николаевич презирает его рассказы, но хвалит, чтобы насолить беллетристам, и хвалит, очевидно, когда бывает сильно не в духе.

Пусть это письмо сойдет за визитную карточку. Будь здоров и весел. 18 дек.

Твой *А. Чехов.*

Pension Russe, Nice.
Напиши мне письмо. Скучно.

152

Л. С. МИЗИНОВОЙ

27 декабря 1897, Ницца

27 дек.

Милая Лика, Вашу идею — открыть мастерскую — я могу только приветствовать [1], и не потому только, что, приходя к Вам обедать и не заставая Вас по обыкновению, я буду ухаживать за хорошенькими модисточками, но потому главным образом, что эта идея вообще хороша. Я не стану читать Вам морали, скажу только, что труд, каким бы скромным он ни казался со стороны — будь то мастерская или лавочка,— даст Вам независимое положение, успокоение и уверенность в завтрашнем дне. Я бы сам тоже с удовольствием открыл что-нибудь, чтобы бороться за существование изо дня в день, как все. Привилегированное положение праздного человека в конце концов утомляет и наскучает адски.

А я все еще в Ницце. В конце января или в начале февраля поеду в Алжир, Тунис, а пока гуляю и дышу чистым воздухом и отмахиваюсь от комаров, которые здесь больно кусаются. Начались дожди. Много русских, но с ними, извините, скучно.

Все обстоит благополучно. Апельсины поспевают; крыжовника здесь нет.

Теперь в Москве Новый год, новое счастье. Поздравляю Вас, желаю всего самого лучшего, здоровья, денег, жениха с усами и отличного настроения. При Вашем дурном характере последнее необходимо, как воздух, иначе от Вашей мастерской полетят одни только перья.

Где Варя? Как она ведет себя без мужа? Из Вашего письма я понял так, что она уже не служит у многоуважаемого Саввы Ивановича[2]. Почему? Напишите мне поподробнее.

С Павловской я когда-то был знаком, встречался с ней, так что, буде пожелаете, можете поклониться ей.

В свое время она и пела и играла хорошо. Если бы она в молодости поступила на драматическую сцену, то из нее вышла бы отличная актриса.

Вашего кузена, женившегося на другой без развода, поздравляю. Уж не на Вас ли он женился. Во всяком случае, уйти от старой жены это так же приятно, как вылезти из глубокого колодезя.

Пишите мне, милая Лика, не церемоньтесь и не считайтесь визитами, умоляю Вас. Я каждый день все спрашиваю себя, отчего это от Вас нет писем. Пишите подлиннее. Будьте здоровы и не хандрите. Не будьте кислы, как клюква. Будьте рахат-лукумом.

Ваш *А. Чехов.*

453

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

3 января 1898, Ницца

3 янв.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич, посылаю Вам рукопись[1]. Пожалуйста, пришлите корректуру, так как рассказ еще не кончен, не отделан и будет готов лишь после того, как я перепачкаю вдоль и поперек корректуру[2]. Отделывать я могу только в корректуре, в рукописи же я ничего не вижу.

В рассказе немного менее печатного листа. Скажите, чтобы мне прислали корректуру на тонкой бумаге, так как возвращать ее придется не бандеролью, а в письме. Здесь на почте не принимают русских печатных произведений, направляемых в Россию.

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

454

А. С. СУВОРИНУ

4 января 1898, Ницца

4 янв.

Вот моя программа: в конце сего января (ст. ст.) или, вернее, в начале февраля я поеду в Алжир, в Тунис et caetera *, потом вернусь в Ниццу, где буду поджидать Вас (Вы писали, что приедете в Ниццу), затем, пожив здесь, поедем вместе в Париж, буде пожелаете, и оттуда на поезде «молния» в Россию праздновать пасху. Ваше последнее письмо пришло сюда распечатанным.

В Монте-Карло я бываю очень редко, раз в 3—4 недели. В первое время, когда здесь были Соболевский и Немирович, я поигрывал, весьма умеренно, на простых шансах (rouge et noir) ** и привозил домой то 50, то 100 франков, потом же игру эту пришлось бросить, так как она меня утомляет — физически.

Дело Дрейфуса закипело и поехало, но еще не стало на рельсы[1]. Золя благородная душа[2], и я (принадлежащий к синдикату и получивший уже от евреев 100 франков) в восторге от его порыва[3]. Франция чудесная страна, и писатели у нее чудесные.

Под Новый год я послал Вам поздравительную телеграмму. Думаю, что она дошла не вовремя, так как на почте было скопление телеграмм,— думаю так и потому на всякий случай поздравляю Вас еще раз письменно.

Напишите, ожидать ли Вас в Ниццу. Надеюсь, что Вы не раздумали.

Здесь харьковский окулист Гиршман, известный филантроп, друг Кони, святой человек, приехавший к своему бугорчатому сыну. Я видаюсь с ним, мы беседуем, но мне мешает его жена, суетная недалекая женщина, скучная, как сорок тысяч жен. Здесь одна русская художница[4], рисующая меня в карикатуре раз по 10—15 в день.

---

* и так далее (*лат.*).

** красное и черное (*франц.*).

Судя по выдержке, напечатанной в «Новом времени», статья Льва Николаевича об искусстве не представляется интересной[5]. Все это старо. Говорить об искусстве, что оно одряхлело, вошло в тупой переулок, что оно не то, чем должно быть, и проч. и проч., это все равно что говорить, что желание есть и пить устарело, отжило и не то, что нужно. Конечно, голод старая штука, в желании есть мы вошли в тупой переулок, но есть все-таки нужно, и мы будем есть, что бы там ни разводили на бобах философы и сердитые старики.

Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

455

М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

8/20 января 1898, Ницца

Ваше письмо, дорогой Максим Максимович, меня весьма огорчило, ибо, во-первых, я бредил Алжиром[1], и мне каждую ночь снилось, что я ем финики, и, во-вторых, досадно, что Вы больны и что, по-видимому, в Париже живется Вам невесело. Но что у вас? Ревматизм или подагра? Или то и другое вместе? Мне кажется, что лучше бы всего вам приехать теперь же в Beaulieu и пожить на солнце, которое уже начинает припекать по-весеннему.

Мне скучновато. Работаю вяло, как ленивый хохол. В Монте-Карло не бываю (почти) и уже давно не играл. Игра меня утомляет физически, так как приходится все стоять и потеть.

Приехал Коротнев. Юрасов хворает, у него почечные колики. Вот и все наши новости. «Pension Russe» уже полон.

Мне, конечно, лестно, что хотят перевести «Мою жизнь»[2]. В настоящее время (т. е. вечером 20 янв.) у меня нет ни одной моей книжки. Завтра я побываю у сладчайшего Мордухая Розанова и возьму у него книжку с «Моей жизнью», если она у него есть, и завтра же вышлю Вам.

Послал в «Cosmopolis» рассказ и уже получил от редактора благодарственную телеграмму, хотя рассказ не того, подгулял — как мне кажется[3].

Вам, как интересующемуся экономическим положением России, вероятно, будет приятно узнать о новом важном мероприятии в области сельского хозяйства: в минувшем декабре учрежден нагрудный знак для корреспондентов отдела сельской статистики. Этой новостью исчерпывается все.

По вечерам холодно, днем же погода очаровательная. Напишите, когда приедете.

Крепко жму руку и паче всего желаю здоровья.

Ваш *А. Чехов.*

Мне писали, что у Иванюкова будто бы туберкулез в кости. Он в клинике.

456

П. Ф. ИОРДАНОВУ

9 января 1898, Ницца

9 янв.

Многоуважаемый Павел Федорович, благодарю Вас за письмо и за фотографии[1] и в свою очередь поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем и желаю всего хорошего. Фотографии же своей я Вам не посылаю и не обещаю послать, так как у меня ее нет. Зато в апреле, когда вернусь домой, я пришлю для библиотеки великолепный портрет Альфонса Додэ.

Всю эту зиму я был бесполезен для библиотеки, но не моя в том вина. В мое отсутствие дома уже кое-что набралось для отсылки в Таганрог, но без меня сестра не может распорядиться; отсюда тоже я мог бы прислать Вам десятка два русских книг (наприм., сочинения Максима Ковалевского), но здесь на почте не принимают русских печатных произведений, направленных в Россию. Приходится посылать урывками, по мелочам. На днях я написал, чтобы Вам выслали III том «Александра Первого» Шильдера. Был здесь в Ницце

харьковский окулист, проф. Гиршман, и я дал ему «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо в переводе Ф. Устрялова с просьбой переслать в Таганрог. И сегодня с оказией посылаю 4 книги. О получении, пожалуйста, уведомьте или прикажите уведомить. Французских авторов не покупайте. Я сам куплю, когда буду в Париже. Я куплю и старых и новых и отправлю из Парижа через транспортную контору, только боюсь, что цензура продержит у себя эти книги до 1900 года и возвратит их в подержанном виде.

Я рассчитывал уехать в Алжир и Тунис и пробыть там февраль и часть марта, но вдруг мои планы расстроились; вчера получил от своего спутника М. Ковалевского письмо (из Парижа: он там читает лекции); пишет, что заболел и не может ехать. Теперь не знаю, что делать.

Здоровье мое довольно сносно. Деньги, которые у Вас есть, Вы не тратьте, а копите их для постройки нового здания библиотеки.

Книги же успеем приобрести.

Будьте здоровы, желаю всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

457

Е. М. ШАВРОВОЙ

19 января 1898, Ницца

19 янв.

Многоуважаемая Коллега.

«Гипнотизер» — это хорошенький рассказ;[1] только жаль, что первая половина его несколько растянута в ущерб второй, и жаль, что Вы ничего не сделали из Жени, которая является лишним колесом в часах; она не нужна и мешает. Младших провизоров нет. Вот должности: провизор, помощник провизора, аптекарский помощник. Все вместе они называются фармацевтами. Доктор бывает хозяином аптеки, но очень, очень редко.

В заглавии «Идеал» слышится что-то мармеладное. Во всяком случае, это не русское слово и в заглавия не годится.

Перед тем как посылать в «Ниву» рассказ, сообщите мне название этого рассказа, и я тотчас же напишу в «Ниву»[2]. Ваше поздравление опоздало на два дня, но все же я тронут и польщен. Merci! 17-го я был в Монте-Карло, но 500 тыс. не выиграл; и никогда не выиграю, так как играть не умею и утомляюсь скоро в игорной зале. А вот если бы я не был хохол, если бы я писал ежедневно хотя бы по два часа в день, то у меня уже давно бы была собственная вилла. Но я хохол, я ленив. Лень приятно опьяняет меня, как эфир, я привык к ней — и потому беден.

Будьте здоровы! Мой кузен писал о Вашей сестре: он в восторге[3].

Всего Вам хорошего. Au revoir *.

Ваш *А. Чехов.*

458

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

23 января 1898, Ницца

23 янв.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич, возвращаю Вам корректуру. Типография не оставила полей, так что пришлось заниматься подклейкой[1].

Оттиски Вашей статьи, о которой Вы писали мне, пожалуйста, пришлите мне сюда в Ниццу[2]. Тут я проживу, вероятно, до апреля, буду скучать, и Ваша статья сослужит мне двойную службу.

У нас только и разговору, что о Золя и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невинность Дрейфуса. Золя вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступиться. Французские газеты чрезвычайно интересны, а русские — хоть брось. «Новое время» просто отвратительно[3].

---

* До свидания (*франц.*).

Оттиски моего рассказа не откажите послать моей сестре по адресу: Лопасня, Моск. губ., Марии Павловне Чеховой.

Погода здесь чудесная, летняя. За всю зиму я ни разу не надевал калош и осеннее пальто и за все время только два раза выходил с зонтиком.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и поблагодарить за Ваше внимание, которое я ценю дорого. Крепко жму руку и в ожидании Вашей статьи пребываю искренно Вас уважающий

А. Чехов.

459

А. А. ХОТЯИНЦЕВОЙ

2 февраля 1898, Ницца

Понедельник.

В комнате по соседству поселилась дама 46 лет, которая не выходит к завтраку, так как до трех часов красится. Должно быть, художница.

У дорогой куклы бываю каждый вечер и пью у нее чай со сдобной булкой. Мурзаки проигралась. Баронессы благоденствуют [1].

Вы спрашиваете меня, все ли я еще думаю, что Золя прав. А я Вас спрашиваю: неужели Вы обо мне такого дурного мнения, что могли усомниться хоть на минуту, что я не на стороне Золя? За один ноготь на его пальце я не отдам всех, кто судит его теперь в ассизах, всех этих генералов и благородных свидетелей. Я читаю стенографический отчет и не нахожу, чтобы Золя был не прав, и не вижу, какие тут еще нужны preuves *.

«Le rire» получил. Merci!!

Здесь карнавал. Весело. Сегодня обедаю в Beaulieu у Ковалевского.

Как Ваше здоровье? Что новейшего?

Осел кричит, но не вовремя.

Погода восхитительная.

Будьте счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

---

* доказательства (*франц.*).

460
А. С. СУВОРИНУ

6 февраля 1898, Ницца

6 февр.

На днях я прочел на первой странице «Нового времени» глазастое объявление о выходе в свет «Cosmopolis'а» с моим рассказом «В гостях»[1]. Во-первых, у меня не «В гостях», а «У знакомых». Во-вторых, от такой рекламы меня коробит; к тому же рассказ далеко не глазастый, один из таких, какие пишутся по штуке в день.

Вы пишете, что Вам досадно на Золя[2], а здесь у всех такое чувство, как будто народился новый, лучший Золя. В этом своем процессе он, как в скипидаре, очистился от наносных сальных пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске. Это чистота и нравственная высота, каких не подозревали. Вы проследите весь скандал с самого начала. Разжалование Дрейфуса, справедливо оно или нет, произвело на всех (в том числе, помню, и на Вас) тяжелое, унылое впечатление. Замечено было, что во время экзекуции Дрейфус вел себя, как порядочный, хорошо дисциплинированный офицер, присутствовавшие же на экзекуции, например, журналисты, кричали ему: «Замолчи, Иуда!», т. е. вели себя дурно, непорядочно. Все вернулись с экзекуции неудовлетворенные, со смущенной совестью. Особенно был неудовлетворен защитник Дрейфуса, Démange, честный человек, который еще во время разбирательства дела чувствовал, что за кулисами творится что-то неладное, и затем эксперты, которые, чтобы убедить себя, что они не ошиблись, говорили только о Дрейфусе, о том, что он виноват, и все бродили по Парижу, бродили... Из экспертов один оказался сумасшедшим, автором чудовищно нелепой схемы, два чудаками. Волей-неволей пришлось заговорить о бюро справок при военном министерстве, этой военной консистории, занимавшейся ловлей шпионов и чтением чужих писем, пришлось заговорить, так как шеф бюро Sandher, оказалось, был одержим прогрессивным

параличом, Paty de Clam явил себя чем-то вроде берлинского Тауша, Picquart ушел вдруг, таинственно, со скандалом. Как нарочно, обнаружился целый ряд грубых судебных ошибок. Убедились мало-помалу, что в самом деле Дрейфус был осужден на основании секретного документа, который не был показан ни подсудимому, ни его защитнику — и люди порядка увидели в этом коренное нарушение права: будь письмо написано не только Вильгельмом, но хотя бы самим солнцем, его следовало показать Démange'у. Стали всячески угадывать содержание этого письма. Пошли небылицы. Дрейфус — офицер, насторожились военные; Дрейфус — еврей, насторожились евреи... Заговорили о милитаризме, о жидах. Такие глубоко неуважаемые люди, как Дрюмон, высоко подняли голову; заварилась мало-помалу каша на почве антисемитизма, на почве, от которой пахнет бойней. Когда в нас что-нибудь не ладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: «Это француз гадит, это жиды, это Вильгельм»... Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты — это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство! Они, конечно, дурной знак. Раз французы заговорили о жидах, о синдикате, то это значит, что они чувствуют себя не ладно, что в них завелся червь, что они нуждаются в этих призраках, чтобы успокоить свою взбаламученную совесть. Затем этот Эстергази, бретер в тургеневском вкусе, нахал, давно уже подозрительный, не уважаемый товарищами человек, поразительное сходство его почерка с бордеро, письма улана, его угрозы, которых он почему-то не приводит в исполнение, наконец суд, совершенно таинственный, решивший странно, что бордеро написан почерком Эстергази, но не его рукой... И газ все накоплялся, стало чувствоваться сильное напряжение, удручающая духота. Драка в палате — явление чисто нервное, истерическое именно вследствие этого напряжения [3]. И письмо Золя и его процесс — явления того же порядка. Что Вы хотите? Первыми должны были поднять тревогу лучшие люди, идущие впереди нации,— так и случилось. Первым заговорил Шерер-Кестнер, про которого французы, близко его знающие (по словам Ковалевского), говорят, что это

«лезвие кинжала»,— так он безупречен и ясен. Вторым был Золя. И вот теперь его судят.

Да, Золя не Вольтер, и все мы не Вольтеры, но бывают в жизни такие стечения обстоятельств, когда упрек в том, что мы не Вольтеры[4], уместен менее всего. Вспомните Короленко, который защищал мултановских язычников и спас их от каторги[5]. Доктор Гааз тоже не Вольтер, и все-таки его чудесная жизнь протекла и кончилась совершенно благополучно.

Я знаком с делом по стенографическому отчету, это совсем не то, что в газетах, и Золя для меня ясен. Главное, он искренен, т. е. он строит свои суждения только на том, что видит, а не на призраках, как другие. И искренние люди могут ошибаться, это бесспорно, но такие ошибки приносят меньше зла, чем рассудительная неискренность, предубеждения или политические соображения. Пусть Дрейфус виноват,— и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание. Скажут: а политика? интересы государства? Но большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее. Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много, и во всяком случае роль Павла им больше к лицу, чем Савла. И какой бы ни был приговор, Золя все-таки будет испытывать живую радость после суда, старость его будет хорошая старость, и умрет он с покойной или по крайней мере облегченной совестью. У французов наболело, они хватаются за всякое слово утешения и за всякий здоровый упрек, идущие извне, вот почему здесь имело такой успех письмо Бьернстерна[6] и статья нашего Закревского (которую прочли здесь в «Новостях»)[7], и почему противна брань на Золя, т. е. то, что каждый день им подносит их малая пресса, которую они презирают. Как ни нервничает Золя, все-таки он представляет на суде французский здравый смысл, и французы за это любят его и гордятся им, хотя и аплодируют генералам, которые, в простоте души, пугают их то честью армии, то войной.

Видите, какое длинное письмо. У нас весна, такое

настроение, как в Малороссии на пасху: тепло, солнечно, звон, вспоминается прошлое. Приезжайте! Здесь будет играть Дузе — кстати сказать.

Вы пишете, что мои письма не доходят. Что ж? Буду посылать заказные.

Желаю Вам здравия и всего хорошего. Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон и привет.

Эта бумага из редакции «Le petit Niçois».

Ваш *А. Чехов.*

461

П. Э. БРАЗУ

8 февраля 1898, Ницца

8 февр.

Многоуважаемый Иосиф Эммануилович, я каждое лето бываю в Петербурге, и мне не трудно поехать туда, но дело в том, что я по обстоятельствам, от меня не зависящим, ничего не могу обещать Вам. Ведь может случиться, что, когда я приеду в Петербург, начнется холодная сырая погода, у меня пойдет кровь — и Вы должны будете прервать работу, так как медицина погонит меня вон из Петербурга.

Врачи говорят, что и в Париже, в начале нашего апреля, бывает холодная, сырая погода и что я таким образом могу подвести Вас и в Париже. Уж не знаю, как и быть. Боюсь показаться Вам очень большим эгоистом, но, право, мне ничего больше не остается, как вообразить, что Вы Ева, а я змий, и начать Вас искушать и соблазнять прелестями французского юга[1]. Право, здесь так хорошо! Во-первых, тепло, очень тепло; масса солнца, море, чудесные окрестности, Монте-Карло. Во-вторых, здесь можно найти хорошее помещение для работы; местные художники окажут Вам в этом отношении всяческое содействие. В-третьих, здесь Вы можете написать еще кого-нибудь, кроме меня; тут много красивых женских лиц, очень красивых, тут — живет известный Максим Ковалевский, лицо которого так и просится на полотно. В-четвертых, здесь по сосед-

ству, в Menton живет M-lle Мартынова, которую Вы писали... Ну чем еще соблазнить Вас? Жизнь здесь дешевая, удобная... Одним словом, приезжайте сюда, в Ниццу, этак в начале марта (ст. стиля), буде позволят обстоятельства; мы попишемся и затем поедем в Корсику, оттуда назад в Ниццу, потом в Париж и, наконец, в Россию. Человек Вы молодой, жизнь из Вас бьет ключом, и надо пользоваться ею, спешите пользоваться; пройдут 10—15 лет, и Вы станете таким же хрычом и такой же ходячей клиникой, как Ваш покорнейший слуга (чего я, впрочем, Вам искренне не желаю).

Оба мы, Вы и я, уступчивые люди, характер у нас мирный, и, думаю, мы споемся в конце концов и, стало быть, скоро увидимся. Буду очень рад видеть Вас.

Пишите, на каком решении остановились Вы. Как Вы решите, так и будет. Повторяю: Вы работаете, я же человек праздный.

Желаю Вам всего хорошего и жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

462

О. Г. ЧЕХОВОЙ И М. П. ЧЕХОВУ

22 февраля 1898, Ницца

22 февр.

Милая моя посаженая дочь Ольга Германовна, поздравляю Вас с прибавлением семейства и желаю, чтобы Ваша дочь была красива, умна, занимательна и в конце концов вышла бы за хорошего человека, по возможности кроткого и терпеливого, который от своей тещи не выскочил бы в окошко. До меня давно уже дошла весть о Вашей семейной радости, я разделил эту радость всей душой, не поздравил же Вас до сих пор, потому что мне было не до того, у меня у самого взыгрались во чреве младенцы — от сильнейшей боли. Дантист сломал мне зуб, потом вырвал его в три приема и, вероятно, заразил меня, так как образовался инфекционный периостит в верхней челюсти, мою физиономию перекосило, я полез на стены от боли. Была

тифозная лихорадка. Третьего дня мне делали операцию. Теперь легче. Засим все нижеследующее относится к Вашему мужу.

Я не могу привезти английского альманаха, но прислать по почте могу; только следует написать название альманаха. Ты спрашиваешь, какого я мнения насчет Золя и его процесса. Я считаюсь прежде всего с очевидностью: на стороне Золя вся европейская интеллигенция и против него все, что есть гадкого и сомнительного. Дело стоит так: представь, что университетская канцелярия по ошибке исключила одного студента вместо другого, ты начинаешь протестовать, а тебе кричат: «Вы оскорбляете науку!», хотя между университетской канцелярией и наукой только то одно общее, что и чиновники и профессора одинаково носят синие фраки; ты клянешься, уверяешь, обличаешь, тебе кричат: «Доказательств!» — «Извольте, говоришь ты, пойдем в канцелярию и заглянем там в книги».— «Нельзя! Это канцелярская тайна!..» Вот и вертись тут. Психология французского правительства ясна. Как порядочная женщина, изменивши раз мужу, делает потом ряд грубых ошибок и становится жертвой наглого шантажа и в конце концов убивает себя — и все для того, чтобы скрыть свою первую ошибку, так и французское правительство идет теперь напролом, зажмурив глаза, валяя направо и налево, лишь бы только не сознаться в ошибке.

«Новое время» ведет нелепую кампанию[1], зато большинство русских газет если и не за Золя, то против его преследования. Кассация не поведет ни к чему[2], даже при благоприятном исходе. Вопрос решится сам собой, как-нибудь случайно, вследствие взрыва тех паров, которые скопляются в французских головах. Все обойдется.

Нового ничего нет. Все, если не считать периостита, обстоит благополучно. Физиономия все еще смотрит в сторону. Будьте здоровы. Если мамаша все еще у вас, то поклон ей. Домой послано много душистого мыла. Вот если бы вы были в Мелихове, то и вам достался бы кусок.

Ваш папаша *А. Чехов.*

463

Ал. П. ЧЕХОВУ

23 февраля 1898, Ницца

23 февр.

Брат!!

Правительство, как бы желая показать, что оно не против твоих ухаживаний за театральной девицей, распорядилось поставить 13 февраля моего «Иванова». И Холе́ва также, посоветовавшись с Домашовой, желая доставить тебе удовольствие, приказал снять с репертуара твоего «Платона Андреича» и поставить мое «Предложение»[1]. Как видишь, все идет как по маслу.

И здоровье мое тоже в таком положении, что вы, мои наследники, можете только радоваться. Дантист сломал мне зуб, потом дергал три раза — и в результате инфекционный периостит верхней челюсти. Боль была неистовая, и благодаря лихорадке пришлось пережить состояние, которое я так художественно изобразил в «Тифе» и которое испытывала интеллигенция, глядя на твоего «Платона Андреича». Чувство полноты и кошмар. Третьего дня сделали разрез, теперь опять сижу за столом и пишу. Наследства же ты не получишь.

Приеду я домой в апреле, около десятого. До того времени адрес мой остается без перемены.

Получил из Ярославля известие, что у Миши родилась дщерь. Новоиспеченный родитель на седьмом небе.

В деле Золя «Новое время» вело себя просто гнусно. По сему поводу мы со старцем обменялись письмами (впрочем, в тоне весьма умеренном) и замолкли оба[2]. Я не хочу писать и не хочу его писем, в которых он оправдывает бестактность своей газеты тем, что он любит военных,— не хочу, потому что все это мне уже давно наскучило. Я тоже люблю военных, но я не позволил бы кактусам, будь у меня газета, в Приложении печатать роман Золя *задаром*[3], а в газете выливать на этого же Золя помои — и за что? за то, что никогда не было знакомо ни одному из кактусов, за благородный порыв и душевную чистоту. И как бы ни было, ругать Золя, когда он под судом,— это не литературно.

Твой портрет получил и подарил его уже одной француженке с надписью: [...] Она подумает, что речь идет о какой-нибудь твоей статье по женскому вопросу.

Пиши, не стесняйся. Поклон Наталье Александровне и детям.

L'homme des lettres

A. Tchekhoff *.

461

В. М. ЛАВРОВУ

25 февраля 1898, Ницца

25 февр.

Милый друг Вукол Михайлович, у меня рвали зуб и сломали, потом опять рвали, образовался нарыв в верхней челюсти; по правилам медицинской науки, я лез на стены, вопил, не спал, не ел. Сделали операцию. Вот причина, почему я несколько запаздываю ответом на твое милое письмо.

Повесть я не пришлю, а привезу[1]. Прости, голубчик, за медлительность. Здесь до такой степени неудобно писать, или я в таком настроении, что у меня не выходит ничего путного. Дома в своем флигеле я сразу приведу себя в порядок.

Итак, за всю эту зиму я ни разу не видел снега и ни разу не надевал ни калош, ни теплого пальто. У М. Ковалевского цветут в саду розы, и сам он ходит около своего дома без шляпы. (Кстати сказать, в настоящее время ежедневно, от утра до вечера, у него в саду сидит фигура, тебе известная — профессор византийской литературы Безобразов.) Здешние розы не лучше наших, травы нет, флора декоративная, точно олеография, птиц не слышно и не видно, но все же здесь лето, несомненное лето. Вот приезжай-ка с Софьей Федоровной! Здешний климат, если жить здесь долго на одном месте, в самом деле излечивает. Под словом «долго» разумею срок не меньший двадцати дней.

---

* Писатель А. Чехов (*франц.*).

Сюда приехал Южин А. И., остановился в Pension Russe. Приезд его был, конечно, приятнейшим сюрпризом. Жду еще Потапенку. Боборыкина не жду, но он, говорят, приедет сюда 15-го марта. Здесь Павленков.

Вернусь я в Москву в первой трети апреля; стало быть, скоро. Будь здоров и благополучен, а главное, не сердись на меня. Не сердись, иначе будешь гореть в аду. Софии Федоровне передай нижайший поклон и привет. Обнимаю тебя и крепко жму руку.

Твой *А. Чехов.*

Виктору Александровичу и Митрофану Ниловичу поклон.

465

П. Ф. ИОРДАНОВУ

9 марта 1898, Ницца

9 март. 9 rue Gounod, Nice.

Многоуважаемый Павел Федорович, чтобы положить начало иностранному отделению библиотеки, я купил всех французских классических писателей и на днях послал в Таганрог. Всего 70 авторов или 319 томов. Послал я малой скоростью и для опыта морем. Если опыт удастся, то будем продолжать. Так как книги следовало послать на имя официального лица или учреждения и так как на франц. языке нет названия «городская управа», или «член управы», то я послал на имя мэра г. Таганрога (городского головы), M-r le Maire de la ville de Taganrog. Денег за пересылку с меня не взяли; говорят, что нужно платить по получении товара, а потому, пожалуйста, уплатите сколько следует; в апреле или в мае, когда приеду домой, сочтемся.

Книги пойдут в цензуру, которая задержит их и, быть может, кое-какие удержит. Если хотите, то, для опыта, ввиду будущего пошлите в Главное управление по делам печати прошение, от своего имени (член управы,

заведущий городской библиотекой), на бланке. Напишите, что такого-то числа из Ниццы через Одессу посланы пожертвованные таким-то сочинения таких-то французских классических писателей (приложите копию с присылаемого списка) и что если среди указанных авторов имеются не дозволенные цензурою, то Вы просите дать им свободный пропуск и обещайте этих зловредных авторов не выдавать клиентам библиотеки и держать их под замком в особом шкафу. Напишите, а то ведь будет обидно, если заарестуют часть Hugo или Balzac'a. (Кстати сказать, V. Hugo и Balzac посылаются не в дешевом издании.)

В ящике Вы не найдете Мольера, Прево и Паскаля. Этих авторов я послал Вам раньше по почте. Не найдете и Вольтера, которого я удержал на время у себя и читаю.

Вместе с классиками я положил в ящик II, III и IV томы М. Ковалевского «Происхождение современной демократии» (I тома нет, он весь вышел и не продается; пришлю его после), Гиппиус «Зеркала» и «Russie» — дорогое иллюстрированное издание Larousse'a. Я послал Вам еще по почте Зудермана, Лоти и последний роман Золя «Paris». Но едва ли Вы получите «Paris»; говорят, что он запрещен в России.

Третий том «Александра Первого» послан по ошибке ко мне в Лопасню. Вы получите его вместе с четвертым.

Я спешу и, кажется, о многом забыл написать. Когда вспомню, еще напишу, а пока до свиданья. Приехали Потапенко и Сумбатов (Южин); надо ехать в Монте-Карло — они играть в рулетку, а я в качестве проводника.

Нового ничего, все обстоит благополучно. Здесь лето. Будьте здоровы. Жму руку и желаю всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

С 10-го апреля пишите мне в Лопасню.

466

О. Р. ВАСИЛЬЕВОЙ

20 марта 1898, Ницца

20 марта.

«Латаный»[1] — это не русское, а скорее южнорусское слово. Вы были правы, когда забраковали его, и если бы я теперь читал корректуру, то исправил бы так: «заплатанный». Смотрите в словаре «rapiécer» *.

Здоровье мое превосходно. Благодарю Вас за внимание и память; благодарю от всего сердца и желаю Вам успехов и здоровья.

А. Чехов.

467

А. А. ХОТЯИНЦЕВОЙ

23 марта 1898, Ницца

23 март/4 апрель.

Я не аккуратно отвечаю на письма; виноваты в этом мои приятели, которые совсем закружили меня. Я сбился с пути истины и стал усердным посетителем Монте-Карло и уже мыслить могу только числами. Меня пишет Браз. Мастерская. Сижу в кресле с зеленой бархатной спинкой. En face. Белый галстук. Говорят, что и я и галстук очень похожи, но выражение, как в прошлом году, такое, точно я нанюхался хрену. Мне кажется, что и этим портретом Браз останется недоволен в конце концов, хотя и похваливает себя. Кроме меня, он пишет также губернаторшу (это я сосватал) и Ковалевского. Губернаторша сидит эффектно, с лорнеткой, точно в губернаторской ложе; на плечи наброшен ее кошачий мех — и это мне кажется излишеством, несколько изысканным. Браз постарел и не похорошел. Такой вид, точно вернулся с далекого путешествия, во время которого много ел и пóдолгу спал.

---

* починить (*франц.*).

Домой поеду через Париж. Умоляю Вас, справьтесь у сведущих людей, где теперь Антокольский, и если нет его в Париже, то когда он вернется. Умоляю на коленях, ибо Антокольский мне очень нужен[1].

Баронессы здравствуют. Мурзаки играет. Боборыкин был у меня и рассказывал про папу. Будьте здоровы и счастливы. Когда в Москву?

Ваш *А. Чехов.*

Сообщите адрес Антокольского.

468

М. П. ЧЕХОВОЙ

28 марта 1898, Ницца

28 март.

Милая Маша, здравствуй. Насчет своего приезда после твоего сообщения насчет снега и холода не могу сказать ничего определенного. Буду продолжать жить здесь, проживу всю страстную — и потом в Париж. Во всяком случае, до среды на святой неделе адресуйтесь в Ниццу, отсюда мне перешлют письма в Париж, после же среды уже ничего не посылайте, а начинайте ждать меня, s'il vous plaît *.

Браз все еще продолжает писать меня. Не правда ли, немножко долго? Голова уже почти готова; говорят, что я очень похож, но портрет мне не кажется интересным. Что-то есть в нем не мое и нет чего-то моего.

Потапенко уехал сегодня. На смену приехали Морозова и Соболевский.

У меня в столе справа, в среднем ящике есть вырезка из «Осколков», рассказ «Ошибка» (кажется). Речь идет о чиновнике, который по ошибке вместо водки выпил керосину[1]. Этот же рассказ напечатан на машине Ремингтона. Так вот вырезку из «Осколков» или же рассказ, напечатанный ремингтоном, поскорее пришли мне сюда в Ниццу; если это письмо получишь позже субботы, то рассказ вышли Хотяинцевой для передачи мне, в Париж. Она там (2 rue Leopold Robert).

---

* будьте добры (*франц.*).

Сегодня я видел английскую королеву.

Около лилий и пионов поставь палочки, чтобы не растоптали. У нас две лилии: одна против твоих окон, другая около белой розы, по дороге к нарциссам.

В «Русской мысли» прочти рассказ «Неделя в столице». Хороша и статья о Мочалове [2].

Мамаша просила купить ей зонтик от дождя. Я понял так, что ей нужен не дамский зонтик. Так ли я понял? Тебе привезу или пришлю зонтик; авось угожу, ибо буду стараться выбрать самый модный.

Без Потапенки скучно.

Я сообщу свой парижский адрес, если буду знать его до отъезда в Париж. Потапенко обещал найти мне там комнату. В Париже тепло, уже распускаются каштаны; и если в России будет очень дурная погода, то придется прожить в Париже подольше.

К святой буду еще писать, а пока будь здорова. Папаше, мамаше и всем живущим у нас поклон и привет. Если Мария Тимофеевна у нас, то делаю ей реверанс.

Твой *А. Чехов.*

469

П. Ф. ИОРДАНОВУ

16 апреля 1898, Париж

16/28 апрель. Paris, Hôtel de Dijon.

Многоуважаемый Павел Федорович, сегодня я был у Антокольского и сделал, кажется, больше, чем нужно: во-первых, завтракал и дал слово, что приду завтракать еще послезавтра, и, во-вторых, получил от Антокольского для нашего будущего музея «Последний вздох», овал из гипса, верх совершенства в художественном отношении. Голова и плечи распятого Христа, и чудесное выражение, которое меня глубоко растрогало. Этот подарок будет выслан малою скоростью. Упакуют здесь хорошо, и остается только пожелать, чтобы не разбили в таганрогской таможне.

Что касается Петра Великого, то я того же мнения, что и Вы. Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всесветный конкурс, и о лучшем даже

мечтать нельзя. Около моря это будет и живописно, и величественно, и торжественно, не говоря уж о том, что статуя изображает настоящего Петра, и притом Великого, гениального, полного великих дум, сильного[1].

Дальнейшее излагаю по пунктам:

1) Эта статуя была куплена Александром III и в настоящее время стоит в Петергофе.

2) Антокольский говорит, что 20 тысяч достаточно. Гранитный пьедестал будет стоить около 5—6 тысяч приблизительно, бронза от 12 до 15 тыс. Антокольский надеется, что все обойдется даже дешевле 20 тысяч.

3) Сколько возьмет сам Антокольский? По-видимому, ничего.

4) Статуя имеет 3 $^3/_4$ арш. Для Таганрога, как говорит Антокольский, ее придется увеличить до 4 арш.; это для того, во-первых, чтобы не повторить петергофской статуи, и, во-вторых, для того, чтобы монумент был солиднее. Увеличение в объеме обойдется дороже на 3 тысячи (но в общем не дороже 12—15 тыс.).

5) Фотография будет выслана Вам на днях.

6) Адрес Антокольского: 71 avenue Marceau, Paris. Зовут его Марк Матвеевич.

7) Я пробуду в Париже еще 10 дней, и, буде пожелаете, могу позавтракать у Антокольского еще хоть пять раз, что при состоянии моего желудка (катар) не совсем легко. К Вашим услугам. Мой адрес: Hôtel de Dijon, rue Caumartin, Paris. Для телеграмм: Paris Hôtel Dijon Tchekhoff.

Стенографический отчет по делу Золя вышлю[2]. Вчера виделся с Павловским и говорил с ним о музее. Он летом будет в Таганроге и повидается с Вами.

Желаю Вам всего хорошего и жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Здесь весна в разгаре. Я, кажется, здоров, если не считать желудка. Из Ниццы я ехал с Максимом Ковалевским, который накормил меня конфектами — и меня тошнит с тех пор.

За статую могут взять пошлину, около 1500 р. Придется похлопотать у Витте.

470

П. Ф. ИОРДАНОВУ

21 апреля 1898, Париж

3 май.

Многоуважаемый Павел Федорович, кроме Антокольского, в Париже проживает еще один русский скульптор, весьма известный, работы которого занимают видное место на выставках и в музеях. Это Бернштам (69 rue Donnay, Paris). Он также занимался много Петром, сделал много интересного и, между прочим, занят теперь «Петром, встречающим Людовика XV» — это, вероятно, для музея Александра III в Петербурге. Я послал Вам три фотографии, из которых на одной Петр целует мальчика, Людовика XV.

Бернштам с радостью взялся бы за статую для Таганрога. Он говорит, что 20 тысяч вполне достаточно, что это большие деньги; за работу он не возьмет ничего, довольствуется лишь одною честью. По его мнению, Петр должен быть молодым, каким он был, когда основывал Таганрог, и должен иметь размер до 5—6 аршин.

Завтра буду у Антокольского и возьму у него фотографию, которую он обещал.

Полный отчет по делу Золя купил и пришлю. Вчера я виделся с Бернард Лазаром, автором брошюры, которая послужила началом войны [1], и взял у него все, что есть интересного по Дрейфусовой части — и тоже пришлю. Дело Дрейфуса, как обнаруживается мало-помалу, это крупное мошенничество. Изменник настоящий Эстергази, а документы фабриковались в Брюсселе; об этом было известно правительству, в том числе и Казимиру Перье, который с самого начала не верил в виновность Дрейфуса и теперь не верит — и ушел оттого, что не верил.

Будьте здоровы. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

Hôtel de Dijon, но лучше адресуйтесь: 7 rue Gounod, Monsieur Pavlovsky, для передачи мне.

471

И. Я. ПАВЛОВСКОМУ

28 апреля/10 мая 1898, Париж

Hôtel Vendôme Paris

Дорогой Иван Яковлевич,

Мы, вероятно, не увидимся, так как я решил уехать в субботу 14-го мая. Итак, до свиданья в России. Желаю Вам всего хорошего и благодарю за гостеприимство.

Прилагаю рукопись. Сам Bernard Lazare, как оказывается, не воспользовался нашим разговором и передал материал другому лицу, это же лицо написало нечто такое, с чем я не могу связать своего имени [1]. В начале еще ничего, но середина и конец совсем не то. Мы не говорили ни о Мелине, ни об антисемитизме, не говорили о том, что человеку свойственно ошибаться (стр. 4-я); и план и цели нашей беседы были совсем иные. Вы помните, например, что я уклонился от ответа на вопрос о русском общественном мнении, ссылаясь на то, что я ничего не знаю, так как зиму прожил в Ницце; я высказывал только свое личное мнение о том, что наше общество едва ли составило себе правильное суждение о деле Золя, так как оно не могло понять этого дела; это дело, говорил я, не в нравах нашего общества.

Вашу пьесу пришлите или привезите, я возьму хлопоты по ее водворению куда пожелаете [2].

Мельницу кофейную купил.

Будьте здоровы. Кланяйтесь Вашей жене и детям, шлю им привет. Пишу это в H. Vendôme, куда я перебрался.

Ваш *А. Чехов.*

10 май.

472

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

21 мая 1898, Мелихово

16 мая.

Милый Владимир Иванович, ловлю тебя на слове. Ты пишешь: «Я до репетиции приеду к тебе переговорить». Так вот приезжай, пожалуйста! Приезжай, сделай милость! Мне так хочется повидать тебя, что ты и представить не можешь, и за удовольствие повидаться с тобой и потолковать я готов отдать тебе все свои пьесы [1].

Итак, приезжай. Я прожил в Париже три недели, кое-что видел и могу порассказать тебе кое-что, так что не думаю, что тебе у меня будет очень скучно. К тому же погода великолепная. Будет скучно, но не очень.

Жду с нетерпением.

Екатерине Николаевне поклон и привет. Сестра кланяется. Будь здоров и благополучен.

Твой *А. Чехов.*

Мои лошади то и дело жеребятся, мочи моей нет. Тебе придется нанять ямщика за целковый и потом, после езды на тарантасе по нашей дороге, дня три поглаживать себе низ спины. Кстати сказать, у нас скоро будет шоссе. Уже утверждено в земском собрании и подписано.

473

П. Ф. ИОРДАНОВУ

25 июня 1898, Мелихово

25 июнь.

Многоуважаемый Павел Федорович, посылаю Вам большой скоростью ящик с книгами. Там, т. е. в ящике, Вы найдете все, что вышло в последнее время о Белинском (между прочим, альбом с интересными портрета-

ми), III том «Александра Первого», II том Сеньобоса и проч. и проч. В ящик попал «Журнал для всех» за апрель, май и июнь; посылаю по почте первые номера. Кстати при них возвращаю каталог со своими пометками. Вы правы, каталог ужасен. Я стал было исправлять, но скоро бросил: он неисправим. Какая каша! Вагнеров пять, Никольских четыре, Плещеевых два, но все они свалены в одну кучу, отделы перепутаны; многих книг из тех, которые посланы были мною до поездки за границу, недостает. Недостает так много, что уже я собрался предложить Вам: не подождать ли нам приобретать книги до более благоприятного времени? Ведь если книги будут пропадать так колоссально и если библиотекарь будет и впредь переплетать по пяти-шести авторов в один том, то ведь в конце концов получится не библиотека, а помещение, набитое книжным балластом, который выбросят. Из всех библиотек, которые я знаю, ни у одной нет такого каталога, как у нашей, хотя ни у одной из них библиотекарь не имеет такой хорошей квартиры и столько свободного времени. Ведь времени так много, что можно вести отчетность самую образцовую, а будь отчетность, верьте, давно бы уже был у нас каталог.

Составлять новый каталог погодите до моего приезда.

В августе я, быть может, побываю в Таганроге и останусь дня на два, чтобы составить каталог, а пока будьте добры, скажите библиотекарю, чтобы он всех авторов, переплетенных по двое — по трое, отпустил на волю: Софокла отделил бы от Мясницкого, Шекспира от «Жильца с тромбоном».

Голову Христа Антокольский оставил у себя на время, чтобы закончить ее. Я просил одного русского, служащего у Дрейфусов, побывать у Антокольского, взять статуи и прислать в Таганрог на пароходе (Марсель — Таганрог). На всякий случай кстати сообщаю Вам адрес этого русского: Monsieur Jacques Merpert, 118 rue de la Pompe, Paris. Это очень любезный человек.

По всему видно, что Вы уже сговорились с Антокольским и что памятник в Таганроге будет великолепный. От души поздравляю Вас.

Зимой я ничего не делал, теперь приходится наверстывать, валять, как говорится, и в хвост и в гриву. Нужно много писать, между тем материал заметно истощается. Надо бы оставить Лопасню и пожить где-нибудь в другом месте. Если бы не бациллы, то я поселился бы в Таганроге года на два, на три и занялся бы районом Таганрог — Краматоровка — Бахмут — Зверево. Это фантастический край. Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал себя в ней как дома и знал там каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-могилу, рассказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайского, вспоминаю, как я ездил на волах в Криничку и в Крепкую графа Платова [1], то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов и что этот материал, очень милый и ценный, никому не нужен.

Если Вы уже получили из Ниццы французские книги, то сколько я Вам должен за доставку их? Пожалуйста, напишите, я вышлю.

Желаю всего хорошего и жму руку. Не говорю — до свиданья, потому что не уверен еще, поеду ли на юг. Денег нет, и если в июле буду вяло работать, то не поеду.

Ваш *А. Чехов.*

Простите, пишу на клочках. Так случилось — не по моей вине.

474

А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

6 июля 1898, Мелихово

Assurance Tchekhoff

6 июль.

Милый Александр Иванович, большущее тебе спасибо за письмо и за приглашение [1]. Письмо я прочел с большою радостью, приглашение же вызвало в моей душе печаль, так как воспользоваться им я никак не

могу. Вот тебе мое assurance*, самое правдивое: я пишу, тороплюсь наверстать то, что задолжал зимой, и так до середины августа, а потом на юг, должно быть на Кавказ. Когда уж тут в Требуны? Если я, не написавши двух-трех повестей, поеду куда-нибудь благодушествовать, то меня начнет терзать совесть. Ты наработался, тебе можно отдыхать, а ведь я ленился черт знает сколько времени, и у меня от долгого отдыхания даже в ушах шумит. Один рассказ написал в «Ниву», другой в «Русскую мысль»[2], теперь пишу третий...[3]

С Немировичем я уже списался. По всей вероятности, он скоро будет в Москве и оттуда приедет ко мне,— так по крайней мере обещал. Кстати, про Москву. В литературе тихо, все умственное скучно, жуется по-старому; зато в «Эрмитаже» очень хорошая зернистая икра и в «Аквариуме» у Омона недурно. Виделся с Шехтелем, говорили о будущем клубе [4]. Был длинный разговор в присутствии Суворина и его московского фельетониста [5], и я говорил и настаивал на том, что если открывать литературный клуб, то открывать его en grand. Если в начале повести мелко и душно, то дело трахнется в начале же.

У меня гостят Т. Щепкина-Куперник и парижский И. Павловский (И. Яковлев), мой земляк.

Ты, должно быть, перепутал меня с каким-то другим доктором. Я вовсе не прописывал тебе ни Мариенбада, ни электросветовых ванн. Напротив, я говорил, что Мариенбад для тебя еще рано. И много ходить я тебе не советовал. Я говорил, что не надо много сидеть.

Будь здоров и благополучен и не бойся нефрита, которого у тебя нет и не будет. Ты умрешь через 67 лет, и не от нефрита; тебя убьет молния в Монте-Карло.

Если не скучно, то черкни мне еще что-нибудь до 15-го августа. Марии Николаевне поклон и привет.

Твой *А. Чехов.*

---

* Здесь: признание (*франц.*).

475

Л. А. АВИЛОВОЙ

10 июля 1898, Мелихово

10 июль.

Вы хотите только три слова, а я хочу написать их двадцать.

В Скопинском уезде я не был и едва ли поеду туда. Живу я у себя дома, кое-что пописываю,— стало быть, занят. И много гостей, которые меня не пускают.

Здоровье мое недурно. За границу я едва ли поеду, так как у меня нет денег и взять их негде.

Теперь о Вас. Что Вы поделываете? Что пишете? Я часто слышу о Вас так много хорошего, и мне грустно, что в одном из своих писем я критиковал Ваши рассказы («На изломе») и этой ненужной суровостью немножко опечалил Вас [1]. Мы с Вами старые друзья; по крайней мере я хотел бы, чтобы это было так. Я хотел бы, чтобы Вы не относились преувеличенно строго к тому, что я иногда пишу Вам. Я человек не серьезный; как Вам известно, меня едва даже не забаллотировали в «Союзе писателей» [2] (и Вы сами положили мне черный шар). Если мои письма бывают иногда суровы или холодны, то это от несерьезности, от неуменья писать письма; прошу Вас снисходить и верить, что фраза, которою Вы закончили Ваше письмо: «если Вам хорошо, то Вы и ко мне будете добрее»,— эта фраза строга не по заслугам. Итак, я хотел бы, чтобы Вы прислали мне что-нибудь Ваше — оттиск или просто в рукописи. Ваши рассказы я всегда читаю с большим удовольствием. Буду ждать.

Больше писать не о чем, но так как Вам во что бы то ни стало хочется видеть мою подпись с большим хвостом вниз, как у подвешенной крысы, и так как на той странице уже не осталось места для хвоста, то приходится так или иначе дотянуть до этой страницы. Будьте здоровы. Крепко жму Вам руку и от всей души благодарю за письмо.

Ваш *А. Чехов.*

476

Н. А. БОЛЬМАНУ

14 июля 1898, Мелихово

14/VII.

Многоуважаемый Николай Андрианович, у нас уже записалось для Мелиховской школы 28 мальчиков и девочек. Разрешите ли Вы начать занятия в этом году? Могу ли я заказать столы? Как только я получу от Вас ответ, тотчас же закажу всю школьную обстановку, а так как до осени осталось немного времени, то пришлите ответ по возможности скорее.

Ко мне приходили крестьяне из Кузьмин, чтобы поговорить насчет шоссе. Они уполномочили меня поговорить с земской управой, и если Вы уже говорили с князем [1], то напишите, к какому заключению Вы оба пришли. Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

477

Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

22 июля 1898, Мелихово

Дорогая кума, возьмите у Келера на Никольской и привезите 2 фунта крахмалу самого лучшего, для придания нежной белизны сорочкам, а также панталонам. Там же взять: полфунта прованского масла, подешевле, для гостей. А также побывайте на Арбате у портного Собакина и спросите у него, хорошо ли он шьет. Остаюсь любящий Вас

Кум мирошник, или сатана в бочке.

22 июль.

478

Л. А. АВИЛОВОЙ

Между 23 и 27 июля 1898, Мелихово

Гостей так много, что никак не могу собраться ответить на Ваше последнее письмо. Хочется написать подлиннее, а рука отнимается при мысли, что каждую минуту могут войти и помешать. И в самом деле, пока я пишу это слово «помешать», вошла девочка и доложила, что пришел больной. Надо идти.

Финансовый вопрос уже решен благополучно. Я вырезал из «Осколков» свои мелкие рассказы и продал их Сытину на десять лет [1]. Затем, как оказывается, могу взять тысячу рублей в «Русской мысли», где, кстати сказать, мне сделали прибавку. Платили 250, а теперь 300.

Мне опротивело писать, и я не знаю, что делать. Я охотно бы занялся медициной, взял бы какое-нибудь место, но уже не хватает физической гибкости. Когда я теперь пишу или думаю о том, что нужно писать, то у меня такое отвращение, как будто я ем щи, из которых вынули таракана,— простите за сравнение. Противно мне не самое писание, а этот литературный entourage *, от которого никуда не спрячешься и который носишь с собой всюду, как земля носит свою атмосферу.

Погода у нас чудесная, не хочется никуда уезжать. Надо писать для августовской «Русской мысли»; уже написал, надо кончать. Будьте здоровы и благополучны. Нет места для крысиного хвоста, пусть подпись будет куцей.

Ваш *А. Чехов.*

479

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

28 июля 1898, Мелихово

28 июль.

Милый друг Виктор Александрович, посылаю тебе заказною бандеролью два рассказа для августовской книжки [1]. Хотел написать еще третий, очень неболь-

* окружение (*франц.*).

шой, да помешали гости. Если рассказы найдешь пригодными, то отдай их в набор поскорее, чтобы проездом в Тверь, 1—2 августа, я мог взять корректуру с собой. Я прочту корректуру и тогда, быть может, прибавлю еще третий рассказ.

Итак, 1—2 августа увидимся в редакции, если будешь в Москве.

За последнее письмо (300) merci!! merci beaucoup! *

Твой

А. Чехов.

480

Ал. П. ЧЕХОВУ

30 июля 1898, Мелихово

30 июлиус.

Высокопочтеннейший братец! Не писал до сих пор, потому что гости мешали, а главное — писать не о чем. Новостей никаких, кроме того разве, что у нас чудеснейшая погода. Все здравствуют, отец взыскивает, мать в Таганроге, я сижу дома и работаю, Иван где-то путешествует. Маша по хозяйству, Миша в казенной палате, наслаждается семейным счастьем и постепенно обращается в гоголевского Мижуева [1].

Приезжал Павловский-Яковлев. От меня он отправился в Таганрог, где ему очень понравилось. Строим в Мелихове земскую школу [2]. Собираем пожертвования. Торгуем яблоками. Что касается литературы, то тут на бирже настроение слабое. Не хочется писать, и пишешь так, точно ешь постное на шестой неделе поста.

Я влачу жизнь холостого человека, с осени опять начну бродить. Такова уж юдоль.

Поведение «Нового времени» в деле Дрейфус — Золя просто отвратительно и гнусно. Гадко читать [3].

Если будет открытие финляндского острова, то пришли приглашение.

---

* спасибо! большое спасибо! (*франц.*)

Будь здрав, и благомысленен, и кроток, как твой родитель, который собирает под деревьями яблоки, чтобы их не украли.

Твой холостой брат

Антоний.

Поклон семейству.

481

В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

8 августа 1898, Мелихово

8 авг.

Дорогой Василий Михайлович, возвратясь к себе, я нашел на столе корреспонденцию, мною написанную, которую следовало бы поместить 2 авг., но я не взял ее с собой, и теперь посылаю с просьбой дать ей место среди корреспонденций из провинции[1]. 15 лет службы — штука не важная, но только не в земстве. Послужить врачом в земстве 10 лет труднее, чем 50 быть министром.

Как поживаете? У меня все благополучно. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Я написал брату и говорил уже о хирурге для «Тверской мануфактуры» [2].

482

А. С. СУВОРИНУ

24 августа 1898, Мелихово

24 авг.

Сытин покупал мои юмористические рассказы не за три, а за пять тысяч. Соблазн был велик, но я все-таки не решился продать; душа моя не лежит к книжке с новым названием. Выпускать каждый год книжки и давать им все новые названия — это так надоело и так беспорядочно. Что бы ни говорил Ф. И. Колесов, рано

или поздно придется издавать рассказы томиками и называть их просто так: первый, второй, третий... т. е., другими словами, издавать собрание сочинений. Это вывело бы меня из затруднения, это советует мне Толстой. Юмористические рассказы, которые я теперь собрал, составили бы первый том. И вот если Вы ничего не имеете против этого, то глубокой осенью и зимой, когда мне нечего будет делать, я занялся бы редакцией своих будущих томов. В пользу моего намерения говорит и то соображение, что пусть лучше проредактирую и издам я сам, а не мои наследники. Новые томики не помешают непроданным старым, так как последние измором разойдутся на железных дорогах, где, впрочем, почему-то упорно не хотят торговать моими книгами. Когда в последний раз я ехал по Николаевской дороге, то не видел в шкафах моих книг.

Я строю еще новую школу, по счету третью. Мои школы считаются образцовыми — говорю это, чтобы Вы не подумали, что Ваши 200 р. я истратил на какую-нибудь чепуху. 28 августа я не буду у Толстого[1], во-первых, оттого, что холодно и сыро ехать к нему, а во-вторых — зачем ехать? Жизнь Толстого есть сплошной юбилей, и нет резона выделять какой-нибудь один день; в-третьих, был у меня Меньшиков, приехавший прямо из Ясной Поляны, и говорил, что Лев Николаевич морщится и крякает при одной мысли, что к нему могут приехать 28 авг. поздравители; и в-четвертых, я не поеду в Ясную Поляну, потому что там будет Сергеенко. С Сергеенко я учился вместе в гимназии; это был комик, весельчак, остряк, но как только он вообразил себя великим писателем и другом Толстого (которого, кстати сказать, он страшно утомляет), то стал нуднейшим в мире человеком. Я боюсь его, это погребальные дроги, поставленные вертикально.

Меньшиков говорил, что Толстой и его семья очень приглашали меня в Ясную Поляну и что они обидятся, если я не поеду. («Только, пожалуйста, не 28-го»,— добавлял Меньшиков.) Но, повторяю, стало сыро и очень холодно, и я опять стал кашлять. Говорят, что я очень поправился, и в то же время опять гонят меня из дому. Придется уехать на юг; я тороплюсь, кое-что де-

лаю, хочу кое-что успеть до отъезда — и подумать тут некогда об Ясной Поляне, хотя и следовало бы поехать туда дня на два. И хочется поехать.

Мой маршрут: сначала Крым и Сочи, потом, когда в России станет холодно, поеду за границу. Мне хочется только в Париж, а теплые края не улыбаются мне вовсе. Этой поездки я боюсь, как ссылки.

Получил из Москвы от Вл. Немировича-Данченко письмо. У него кипит дело [2]. Было уже чуть ли не сто репетиций, и актерам читаются лекции.

Если мы решим издавать томиками, то надо будет повидаться до отъезда и поговорить и кстати царапнуть в конторе денег.

Где теперь А. П. Коломнин? Если он в Петербурге, то, будьте добры, скажите ему, чтобы он поскорее прислал мне обещанные фотографии.

Будьте здоровы и благополучны, желаю всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

Телеграфируйте мне о чем-нибудь. Я люблю получать телеграммы.

483

Л. А. АВИЛОВОЙ

30 августа 1898, Мелихово

30 авг.

Я поеду в Крым, потом на Кавказ и, когда там станет холодно, поеду, вероятно, куда-нибудь за границу. Значит, в Петербург не попаду.

Уезжать мне ужасно не хочется. При одной мысли, что я должен уехать, у меня опускаются руки и нет охоты работать. Мне кажется, что если бы эту зиму я провел в Москве или в Петербурге и жил бы в хорошей, теплой квартире, то совсем бы выздоровел, а главное, работал бы так (т. е. писал бы), что, извините за выражение, чертям бы тошно стало.

Это скитальческое существование, да еще в зимнее время,— зима за границей отвратительна,— совсем выбило меня из колеи.

Вы неправильно судите о пчеле. Она сначала видит яркие, красивые цветы, а потом уже берет мед.

Что же касается всего прочего — равнодушия, скуки, того, что талантливые люди живут и любят только в мире своих образов и фантазий,— могу сказать одно: чужая душа потемки [1].

Погода сквернейшая. Холодно и сыро.

Крепко жму Вам руку. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

484

Л. С. МИЗИНОВОЙ

21 сентября 1898, Ялта

21 сент.

Милая Лика, Вы легки на помине. Здесь концертируют Шаляпин и С. Рожанский, мы вчера ужинали и говорили о Вас. Если бы Вы знали, как я обрадовался Вашему письму! Вы жестокосердечная, Вы толстая, Вам не понять этой моей радости. Да, я в Ялте и буду жить здесь, пока не выпадет снег. Из Москвы не хотелось уезжать, очень не хотелось, но нужно было уезжать, так как я все еще пребываю в незаконной связи с бациллами — и рассказы о том, будто я пополнел и даже потолстел, это пустая басня. И то, что я женюсь, тоже басня, пущенная в свет Вами. Вы знаете, что я никогда не женюсь без Вашего позволения. Вы в этом уверены, но все же пускаете разные слухи,— вероятно, по логике старого охотника, который сам не стреляет из ружья и другим не дает, а только ворчит и кряхтит, лежа не печке. Нет, милая Лика, нет! Без Вашего позволения я не женюсь и, прежде чем жениться, я еще покажу Вам кузькину мать, извините за выражение. Вот приезжайте-ка в Ялту.

Буду с нетерпением ожидать от Вас письма и карточки, где Вы, как пишете, похожи на старую ведьму. Пришлите, милая Лика, дайте мне возможность увидеть Вас хоть на карточке. Увы, я не принадлежу к числу «моих друзей» и все мои просьбы, обращенные

к Вам, всегда оставались без удовлетворения. Своей фотографии послать Вам не могу, так как у меня ее нет и не скоро будет. Я не снимаюсь.

Несмотря на строгое запрещение, в январе, должно быть, я удеру в Москву дня на три, иначе я повешусь от тоски. Значит, увидимся? Тогда привезите мне 2—3 галстука, я заплачу Вам.

Из Москвы я поеду во Францию или в Италию.

У Немировича и Станиславского очень интересный театр. Прекрасные актрисочки. Если бы я остался еще немного, то потерял бы голову[1]. Чем старше я становлюсь, тем чаще и полнее бьется во мне пульс жизни. Намотайте себе это на ус. Но не бойтесь. Я не стану огорчать «моих друзей» и не осмелюсь на то, на что они осмеливались так успешно.

Еще раз повторяю: Ваше письмо меня очень, очень порадовало, и я боюсь, что Вы не поверите этому и не скоро ответите мне. Клянусь Вам, Лика, что без Вас мне скучно.

Оставайтесь счастливы, здоровы и в самом деле делайте успехи. Вчера за ужином Вас хвалили, как певицу, и я был рад. Храни Вас бог.

Ваш *А. Чехов.*

Адрес: Ялта, д. Бушева.

485

П. Ф. ИОРДАНОВУ

21 сентября 1898, Ялта

21 сент.

Многоуважаемый Павел Федорович, обращаюсь к Вам с большой просьбой. 3—4 года назад я послал в библиотеку сборник «Почин» — издание Общества любителей российской словесности. В этом сборнике есть мой рассказ «Супруга». Будьте добры, наймите кого-нибудь переписать и пришлите мне. Рассказ коротенький, меньше печатного полулиста. Это мне нужно для набора [1]. Я бы не беспокоил Вас, но — увы! — я не в Москве, а в Ялте, где отыскать книгу трудно.

Как прошел юбилей? [2] К сожалению, я не мог приехать, а хотелось очень. Авось приеду на открытие памятника [3]. Ваши письма, в которых Вы поручали мне повидаться с Антокольским, у меня хранятся в целости; надо их приобщить к «делу о памятнике», чтобы потомство видело, что город обязан прекрасной статуей не мне, а Вам. В газетах я читал, будто я «выхлопотал». Но ведь хлопотали Вы, а не я.

Здоровье мое хорошо и дурно. Дурно в том отношении, что я выбит из колеи и почти не работаю. Эта вынужденная праздность и шатанье по курортам хуже всяких бацилл.

Если случится быть в Москве, то побывайте в театре «Эрмитаж» [4], где ставят пьесы Станиславский и Вл. Немирович-Данченко.

Mise-en-scène удивительные, еще не бывалые в России. Между прочим, ставится моя злосчастная «Чайка».

Получил известие, что учителем одного из городских училищ назначен мой двоюродный брат Владимир Чехов. Это хороший мальчик, очень порядочный и интеллигентный.

Если у Вас найдется свободная минута, то напишите мне две-три строчки об юбилее.

Желаю Вам всего хорошего, жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Ялта, д. Бушева.

Если пошлете «Почин» моему двоюродному брату, то он перепишет рассказ.

486

И. И. ГОРБУНОВУ-ПОСАДОВУ

24 сентября 1898, Ялта

Дорогой Иван Иванович, Ваше письмо получил я в Ялте, где живу уже почти неделю. Большое Вам спасибо, что вспомнили и написали. А я все спрашивал, где Вы, как поживаете, и был очень рад, когда узнал, что Вы женились и что не утомились и не пали духом, несмотря на все пертурбации, пережитые «Посредни-

ком», и продолжаете работать по-прежнему [1]. Искренно, от всей души желаю Вам здоровья, бодрости и успехов, а в семейной жизни — счастья.

На Ваши условия (насчет гонорара) согласен, конечно, и о несогласии не может быть и речи. Корректуру «Именин» я получил [2], прочел и уже отправил назад. Если у Вас есть какие-нибудь новенькие издания «Посредника», то пришлите мне — для прочтения. Мне здесь скучно и читать почти нечего. В конце августа я собирался в Ясную Поляну, но помешала сырая погода. Все лето я чувствовал себя превосходно; был здоров и сыт, как председатель цензурного комитета, под конец же, когда стало холодно, у меня опять зашалили бациллы; но не очень. Крепко жму Вашу руку и кланяюсь.

Ваш *А. Чехов.*

24/IX

г. Ялта, д. Бушева.

487

Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

1 октября 1898, Ялта

1 окт.

Милая кума, спешу ответить Вам насчет «Медведя» [1]. Повторяю, я очень рад. Пишу — повторяю, потому что года 2—3 назад, по Вашему произволению, я уже писал о своем согласии, и чуть ли, кажется, не подписал условие. Что мой «Медведь» пойдет на Малом театре (или произвольнее — на сцене Малого театра), для меня это только лестно.

Татьяна Ежова-с [2], я на сих днях послал Вам открытое письмо, просил у Вас «Вечность в мгновении» [3]. Пришлите, пожалуйста. Я хочу прочесть здесь лекцию «об упадке драматического искусства в связи с вырождением» — и мне придется прочесть отрывки из Вашей пьесы и показать публике фотографии — Вашу и артиста Гарина.

Да, Вы правы, бабы с пьесами размножаются не по дням, а по часам, и, я думаю, только одно есть средство для борьбы с этим бедствием: зазвать всех баб в магазин Мюр и Мерилиза и магазин сжечь.

Компания здесь есть, мутные источники [4] текут по всем направлениям, есть и бабы — с пьесами и без пьес, но все же скучно: давит под сердцем, точно съел громадный горшок постных щей. Приезжайте, мы поедем обозревать окрестности. Еда тут хорошая.

Будьте здоровы.

Ваш кум *А. Чехов.*

Условие подпишу и тотчас же возвращу.

Скажите Маше, что я послал ей 2 письма.

488

Н. М. ЕЖОВУ

2 октября 1898, Ялта

Дорогой Николай Михайлович, некий Сергей Алексеевич Епифанов (Пречистенский бульв., д. Копейкиных) пишет мне, что у него чахотка и что он крайне нуждается. Это давнишний сотрудник «Развлечения» и т. п., бедняк, литературный неудачник и, кажется, алкоголик. Будьте добры, справьтесь как-нибудь, что с ним и нельзя ли сделать для него что-нибудь, помимо мелкой денежной помощи. Если болезнь не запущена, то, быть может, еще не поздно записать его в члены Кассы взаимопомощи — на случай инвалидности; я делал бы за него членские взносы. Если же положение его безнадежно (последний градус чахотки), то не найдете ли Вы возможным, по справке, воззвать в P. S.[1] к благотворительности, что вот-де маленький поэт С. А. Е—в болен, беден и проч.— как это сделал покойный Курепин относительно Путяты. Ваш P. S. дал бы рублей 50—100, а может быть, и больше. Если увидите Епифанова, то скажите, что ответ я послал ему из Ялты, где теперь нахожусь. Мой адрес: Ялта, д. Бушева. Будьте здоровы и благополучны.

2 октября.

Ваш *А. Чехов.*

489

А. С. СУВОРИНУ

8 октября 1898, Ялта

8 окт.

Вы пишете, что не надо баловать публику; пусть, но не надо также, чтобы я продавался дороже, чем Потапенко и Короленко. Здесь в Ялте расходится много моих книг, и в книжных магазинах говорили мне, что публика часто выражает свое неблаговоление. Боюсь, как бы дамы на улице не побили меня зонтиками.

Погода здесь теплая, совершенно летняя; сегодня дует ветер, но вчера и третьего дня было так хорошо, что я не удержался и послал телеграмму в «Новое время» [1]. Ходим без пальто, и все-таки жарко. Крымское побережье красиво, уютно и нравится мне больше, чем Ривьера; только вот беда — культуры нет. В Ялте в культурном отношении пошли даже дальше, чем в Ницце, тут есть прекрасная канализация, но окрестности — это сплошная Азия.

Я прочел в «Новом времени» заметку насчет театра Немировича и Станиславского и насчет «Федора Иоанновича» и не понял ее психологии [2]. Вам там так нравилось и Вас так сердечно принимали, что поводом к подобной заметке могло послужить какое-нибудь крупное недоразумение, о котором я ничего не знаю. Что произошло?

Перед отъездом, кстати сказать, я был на репетиции «Федора Иоанновича». Меня приятно тронула интеллигентность тона, и со сцены повеяло настоящим искусством, хотя играли и не великие таланты [3]. Ирина, по-моему, великолепна. Голос, благородство, задушевность — так хорошо, что даже в горле чешется. Федор показался мне плоховатым; Годунов и Шуйский хороши, а старик (секиры) чудесен. Но лучше всех Ирина. Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину.

Здесь В. и Н. Коломнины. Были в Ялте, потом уехали в Алупку. Мне было приятно с ними встретиться.

Каразин, как художник, мне не нравится. Он надоедает своим однообразием до уныния.

Вы обещали напечатать и разослать по театрам объявления о пьесах, которые продаются в Ваших магазинах. Это не мешало бы.

Будьте здоровы, желаю всего хорошего и низко кланяюсь. Иду в баню.

Ваш *А. Чехов.*

Мой адрес просто: Ялта. Из дома Бушева я скоро съеду [4].

490

М. П. ЧЕХОВОЙ

14 октября 1898, Ялта

14 окт.

Милая Маша, твою телеграмму Синани получил вчера 13-го октября в 2 часа дня. Телеграмма не ясна: «Как принял Антон Павлович Чехов известие о кончине его отца». Синани был смущен и думал, что ему нужно скрывать от меня. Вся Ялта знала о смерти отца[1], а я не получал никаких известий, и Синани показал мне телеграмму только вечером; после этого я пошел на почту и там прочел только что полученное письмо от Ивана, который извещал меня об операции. Пишу я это 14-го вечером, и до сих пор никаких известий, ни звука.

Как бы ни было, грустная новость, совершенно неожиданная, опечалила и потрясла меня глубоко. Жаль отца, жаль всех вас; сознание, что вам всем приходится переживать в Москве такую передрягу в то время, как я живу в Ялте, в покое,— это сознание не покидает и угнетает меня все время. Что мать? Где она? Если она не поедет в Мелихово (ей там тяжело одной), то где ты поселишь ее? Вообще много вопросов, которые следовало бы решить. Судя по твоей телеграмме к Синани, у Вас существует сомнение насчет моего здоровья. Если ты и мать беспокоитесь, то не приехать ли мне ненадолго в Москву? Или не пожелает ли мамаша приехать ко мне в Ялту, чтобы отдохнуть здесь? Кстати бы она огля-

делась здесь, и если бы ей понравилось, то мы поселились бы здесь навсегда. Тут все теплая погода, ходим без пальто, и, по-видимому, зимовать здесь очень удобно. Мы зимовали бы в Ялте, а лето проводили бы в Мелихове или в Кучукое под Ялтой.

Если мамаша поедет ко мне, то пусть телеграфирует; я выеду в Севастополь к ней навстречу и с вокзала прямо повезу ее в Ялту на лошадях.

Со скорым поездом ехать удобно. Здесь мамашу встретят дружелюбно и устроят ее хорошо. А если бы и ты могла взять отпуск и приехать хоть на неделю, то для меня это была бы большая радость. Кстати бы поговорили, как теперь быть. Мне кажется, что после смерти отца в Мелихове будет уже не то житье, точно с дневником его прекратилось и течение мелиховской жизни [2].

Я, повторяю, совершенно здоров. Пиши мне, пожалуйста, не держите меня в неизвестности. Посылку получил.

Буду еще писать завтра. Будь здорова. Кланяйся мамаше, Ване и Соне.

Твой *Antoine*.

491

А. С. СУВОРИНУ

17 октября 1898, Ялта

17 окт.

Умер отец после мучительной болезни и операции, которая продолжалась долго; и этого не случилось бы, если бы я был дома. Я не допустил бы до омертвения. Как бы ни было, настроение у меня в последние дни совсем не радостное. А погода великолепная; стоят теплые, совершенно летние дни, и только по утрам бывает прохладно. Я послал в «Новое время» телеграмму насчет погоды, но ее не напечатали, вероятно, подумали, что я утрирую. Вера и Надежда Алексеевны щеголяют в летних платьях.

Я, вероятно, останусь зимовать в Ялте. За границу не хочется. Да и нельзя уезжать далеко, так как необ-

ходимо начертать план дальнейшего существования. На сих днях приедет в Ялту сестра, и мы вместе будем решать, как нам быть. Мать, вероятно, уже не захочет жить в деревне, ей одной там будет страшно. Должно быть, продадим Мелихово и устроимся в Крыму, где будем жить вместе, пока бациллы не покинут меня; так или иначе, но доктора того мнения, что в Крыму придется мне провести еще не одну зиму. Это называется выбиться из колеи.

Вы неоднократно говорили, что я могу взять из книжного магазина 5 или даже 10 тысяч на льготных условиях, т. е. с уплатой долга в несколько лет по частям. Если Вы и теперь судите так же, то пришлите мне переводом по телеграфу 5 тысяч и скажите в магазине, чтобы долг вычитался из моих доходов мало-помалу, по одной тысяче в год, не больше, а то мне придется круто.

Из газет узнал об успехе «Федора Иоанновича» у Вас и в Москве [1]. О сценке из народного быта подумаю: вероятно, напишу. В Ялте тихая жизнь, хочется писать роман, и я, войдя в свое обычное настроение, засяду и напишу листов десять.

Здесь шла Ваша «Татьяна Репина» с Волгиной.

Телеграфируйте. Образцов еще не получал. Материал для первого тома привезут барышни Коломнины. Это очень милые человечицы, с ними весело, но они редко приезжают из Алупки. Вчера привезли мне винограду.

Луна. Море очаровательно. Иду опускать это письмо.

Ваш *А. Чехов.*

Дача Иванова, Ялта.

492

И. Я. ПАВЛОВСКОМУ

20 октября 1898, Ялта

Дорогой Иван Яковлевич, спасибо за «Le Temps» — получаю каждый день и читаю с удовольствием. Я в Ялте и пробуду здесь долго, может быть даже поселюсь здесь с матерью. У меня умер отец, и теперь семья едва

ли захочет жить в Мелихове, тем более что там мне уже нельзя зимовать. Жду сестру в Ялту, будем обсуждать вместе, как быть.

А. С. тоже писал мне, что я «победил» и проч. [1]. Вам нужно набраться терпения, по всей вероятности, придется пережить Вам еще не мало сюрпризов. У каждого человека в жизни бывает темная полоса, такая полоса и у Вас теперь. Но все обойдется рано или поздно, только крепко держитесь своей линии и не уступайте. Жаль, что Вы не сделались проприетером; но время еще не ушло, летом устроитесь.

Крепко жму Вам руку. Если попадется турецкая газета, издаваемая в Париже младотурками, то пришлите мне, пожалуйста. Привет Вашей жене и детям.

Ваш *А. Чехов.*

493

Л. А. АВИЛОВОЙ

21 октября 1898, Ялта

Я прочел Ваше письмо и только руками развел. Если в своем последнем письме [1] я пожелал Вам счастья и здоровья, то не потому, что хотел прекратить нашу переписку или, чего боже упаси, избегаю Вас, а просто потому, что в самом деле всегда хотел и хочу Вам счастья и здоровья. Это очень просто. И если Вы видите в моих письмах то, чего в них нет, то это потому, вероятно, что я не умею их писать.

Ваше письмо прислали мне из Лопасни в Ялту, оттого я и запаздываю ответом. Я теперь в Ялте, пробуду здесь еще долго и даже, быть может, останусь зимовать. Погода чудесная, совершенно летняя. Ваше невеселое, чисто северное письмо напомнило мне о Петербурге, я вспомнил Ваших петербургских критиков, мудрецов, говорящих в ответ на «Забытые письма»: [2] «Покорно благодарю!», вспомнил туман, разговоры, вспомнил и поскорее пошел к морю, которое теперь очаровательно. Быть может, даже я поселюсь в Ялте. У меня в октябре умер отец, и после этого усадьба, в которой я жил, потеряла для меня всякую прелесть; мать и сестра тоже

уже не захотят жить там, и придется теперь начинать новую жизнь. А так как мне запрещено зимовать на севере, то свивать себе новое гнездо, вероятно, придется на юге. Отец умер неожиданно, после тяжелой операции — и это на меня и на всю семью подействовало угнетающе, не могу опомниться.

Недавно я дал редактору «Журнала для всех»[3] Ваш адрес. Он хочет познакомиться с Вами.

Как бы ни было, не сердитесь на меня и простите, если в самом деле в моих последних письмах было что-нибудь жесткое или неприятное. Я не хотел огорчать Вас, и если мои письма иногда не удаются, то это не по моей вине, это против воли.

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего. Мой адрес: Ялта. Больше ничего не нужно. Только — Ялта.

Ваш *А. Чехов.*

491

Л. С. МИЗИНОВОЙ

24 октября 1898, Ялта

24 окт.

Милая Лика, у меня две новости. Во-первых, умер отец. У него сделалось ущемление кишки; захватили поздно, везли до станции по ужасной дороге, потом в Москве делали операцию, вскрывали живот. Судя по письмам, конец жизни у него был мучительный, Маша настрадалась. И у меня на душе тяжело.

Во-вторых, я покупаю (в долг) участок около Ялты, чтобы иметь недвижимость, на которой я мог бы зимовать и разводить на досуге ненавистный Вам крыжовник. Уголок, который я покупаю, расположен в живописной местности; виды на море, на горы. Свой виноградник, свой колодезь. Это в 20 минутах ходьбы от Ялты[1]. Уже начертил план, причем не забыл и гостей, отвел для них комнатку в подвальном этаже; в этой комнатке, в отсутствие гостей, будут жить индюшки.

Как бы ни было, в Париж едва ли я попаду раньше апреля. Вас видеть ужасно хочется, но уезжать не хо-

чется. И денег нет, да и в Крыму хорошо, так хорошо, что и сказать не могу. Погода изумительная, настоящее лето. Нет, должно быть, Вам придется приехать в Россию, а не мне в Париж. Если скоро приедете в самом деле, то привезите мне галстуков и платков (с меткой А), я заплачу Вам. Честное слово, заплачу! Хоть на сто рублей привезите, за все отдам, ндраву моему не препятствуй.

Ваши фотографии очень хороши. Вы даже красивы, чего я никак не ожидал. Я послал бы Вам свою фотографию, но у меня ее нет. Мой портрет Вы можете увидеть в Третьяковской галерее. Кстати сказать, этот бразовский портрет ужасно неинтересен.

Жду Машу. Она на днях приедет в Ялту, чтобы повидаться и поговорить. После смерти отца, после этой катастрофы, которая продолжалась несколько дней и держала всех в напряжении, едва ли мать и сестра захотят жить в Мелихове. Я уже думаю, не переехать ли нам всем в Крым. Тут тепло и удобно жить.

Пишите, Лика. Не ленитесь. Мой адрес прост: Ялта. Если вздумаете приехать в Россию, то напишите за неделю.

Откуда Вы взяли, что у меня лысина? Что за дерзости? Понимаю: это Вы мстите мне за то, что когда-то в одном из своих писем я дружески, совсем не желая оскорблять Вас, указал Вам на Вашу кривобокость, благодаря которой Вы до сих пор еще, к сожалению, не вышли замуж.

Будьте здоровы и счастливы. Не забывайте Вашего старого обожателя.

А. Чехов.

495

М. П. ЧЕХОВУ

26 октября 1898, Ялта

26 окт.

Милый Мишель, едва послал тебе свое открытое письмо, как получил твое. О том, что все вы переживали во время похорон отца, я знал, и у меня

было отвратительно на душе. О смерти отца я узнал только 13-го вечером от Синани, мне же почему-то не телеграфировали, и если бы я случайно не зашел в лавочку Синани, то долго бы еще находился в неведении.

Я покупаю в Ялте участок и буду строиться, чтобы иметь место, где зимовать. Перспектива постоянного скитанья, с номерами, швейцарами, случайной кухней и проч. и проч., пугает мое воображение. Со мною зимовала бы и мать. Здесь зимы нет; конец октября, а розы и прочие цветы цветут взапуски, деревья зелены и тепло. Много воды. Кроме дома, ничего не нужно, никаких служб; все под одной крышей. В подвальном этаже уголь, дрова, дворницкая и все. Куры несутся круглый год, и для них особого помещения не нужно, достаточно перегородки. Вблизи булочная, базар. Так что матери будет очень тепло и очень удобно. Кстати же, в лесничестве всю осень собирают рыжики и маслята — и это развлечет нашу мать. Строить сам я не буду, все сделает архитектор. К апрелю дом будет готов. Участок, с городской точки зрения, большой; поместится и сад, и цветник, и огород. С будущего года в Ялте железная дорога [1].

Кучукой не годится для солидного жития. Это дача, очень милая, и покупать ее стоит только потому, что она мила и что дешево продается [2].

Что касается женитьбы, на которой ты настаиваешь, то — как тебе сказать? Жениться интересно только по любви; жениться же на девушке только потому, что она симпатична, это все равно что купить себе на базаре ненужную вещь только потому, что она хороша. В семейной жизни самый важный винт — это любовь, половое влечение, едина плоть, все же остальное — ненадежно и скучно, как бы умно мы ни рассчитывали. Стало быть, дело не в симпатичной девушке, а в любимой; остановка, как видишь, за малым.

В Серпуховском уезде все печальные события. С Витте удар, с Коврейном удар. Сидоров умер, Василий Иванович (бухгалтер) в чахотке.

Завтра приедет Маша. Мы посоветуемся, обсудим все как следует; о нашем решении извещу.

Здесь адвокат князь Урусов. Интересно рассказывает. Хочет тоже покупать участок. Скоро в Ялте не останется ни одного клочка, все торопятся покупать. Купить мой участок мне помогла моя литература. Только потому, что я литератор, мне продали дешево и в долг.

Будь здоров и передай поклон Ольге Германовне и Жене. От брюшного тифа уберечься нетрудно; он не заразителен, нужно только не пить сырой воды.

Мой «Дядя Ваня» ходит по всей провинции, и всюду успех. Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Совсем я не рассчитывал на сию пьесу. Будь здоров, пиши.

Твой *А. Чехов.*

Что отца похоронили в Ново-Девичьем, это очень хорошо. Я хотел телеграфировать об этом, но думал, что уже поздно; вы угадали мое желание.

Здесь д-р Бородулин, тебе кланяется. В Государственном банке один чиновничек спрашивал о тебе, тоже велел кланяться.

496

А. С. СУВОРИНУ

27 октября 1898, Ялта

27 окт.

Не знаю, кому понадобилось пугать мою семью, посылать эту жестокую телеграмму, притом совершенно лживую [1]. Все время температура у меня была нормальна; я даже ни разу не ставил термометра, так как не было повода. Кашель есть, но не больше прежнего. Аппетит волчий, сплю прекрасно, пью водку, пью вино и т. д. Третьего дня я простудился, сидел по вечерам дома, но теперь опять хорошо. Н. и В. Коломнины видели меня и расскажут, буде пожелаете.

Я просил Вас телеграфировать просто — Ялта Чехову. Прибавка «дача Бушева» и «д. Иванова» только сбивают почту, так как я часто меняю квартиру. Теперь я живу на даче Иловайской. Помните Хреновое? [2] Пом-

ните гоголевскую «Женитьбу» с барышней Иловайской в роли невесты? [3] Так вот я теперь живу у этих самых Иловайских. Обедаю вместе с madame, ведем разговоры о гомеопатии. Дочь уже замужем. Сам генерал на покое.

К. С. Тычинкин в своем письме ужасается: как бы полное собрание не хлопнуло меня по карману[4]. Конечно, трудно судить о будущем, возможны всякие напасти. Я не буду особенно гнаться за объемом книги, мне важен только «тип» издания, внешний вид томика, такой вид, чтобы можно было и не надоело бы держаться его до конца дней моих, хотя бы я прожил еще 64 года. Чтобы не производить особенной путаницы в своих делах, я согласился бы так, чтобы второй том назывался «Пестрые рассказы», третий — «В сумерках», четвертый — «Рассказы», пятый — «Хмурые люди» и т. д. Для первого же я дал бы юмористические рассказы (которые уже послал с Коломниными), а затем бы уж следующие свои книги называл бы просто: том такой-то, «Рассказы» (и в скобках название рассказов). Как Вы сие находите? А в случае большой повести или романа я том назвал бы именем этой повести... Таким образом можно избежать убытков, как мне кажется. Только надо торопиться, Константин же Семенович, по-видимому, еще не скоро, очень не скоро пришлет мне обещанные образцы бумаги и шрифта. В Ялте мои книги идут ужасающе. Не успевают выписывать. В своей телеграмме я просил Вас не писать опровержение. Когда обо мне пишут, это меня неприятно волнует.

Здесь адвокат князь Урусов. Бывает у меня. Держится и говорит так, будто выпивши, но очень себе на уме.

Анне Ивановне, Насте и Боре поклон и привет и пожелание всех благ. Сегодня жду к себе сестру, приедет вечером.

Спасибо Вам за телеграмму и вообще за участие. Деньги получил — и тоже спасибо.

Ваш *А. Чехов.*

Не знаешь, где найдешь, где потеряешь: мой «Дядя Ваня» идет в провинции шибко, в каждом городе по нескольку раз. В Одессе шел осенью три раза, идет в Харькове и т. д.

497

Я. С. МЕРПЕРТУ

29 октября 1898, Ялта

29 окт.

Многоуважаемый Яков Семенович, пока все очень хорошо [1]. Только выкиньте слово, подчеркнутое зеленым. И мне кажется, есть кое-что лишнее в биографических подробностях. Я бы не называл братьев и учителей — это только загромождает. В указаниях времени я держался бы иного приема. «В 1839 г.» — это мало говорит французу, и вместо этого, пожалуй, лучше было бы так: «Когда Достоевскому было 20... лет»; и также не лишнее было бы дать легкий и очень короткий историко-литературный обзор того времени, когда начал и жил г. Достоевский, надо указать, что он начал при таких-то и таких-то обстоятельствах, в царствование Николая I, в царствование Белинского и Пушкина (последний ведь имел на него громадное подавляющее влияние). И вот эти имена — Белинский, Пушкин, Некрасов, по-моему, более выразительны, как даты, чем цифры, которые обыкновенно туго воспринимаются вниманием слушателя и остаются немыми.

Тон Вашей статьи ровный, славный и убедительный.

Буду ждать продолжения.

Если увидите Ивана Яковлевича, то поклонитесь ему.

Ваш *А. Чехов.*

Пушкина я послал Вам посылкою. Надеюсь, что Вы уже получили.

498

И. И. ГОРБУНОВУ-ПОСАДОВУ

9 ноября 1898, Ялта

9 ноября.

Дорогой Иван Иванович, я пробуду в Ялте еще долго; быть может, даже останусь здесь зимовать, а потому всё — книжки, «Палату № 6», гонорар и письма направляйте в Ялту. Адрес просто: Ялта, А. П. Чехову.

Авторских экземпляров «Палаты» не присылайте, с меня будет достаточно пяти экземпляров. Корректуру «Жены» [1] я прочел, «Палаты» же — только первую половину. Впрочем, беда не большая, ошибок очень мало.

Да, умер наш старик, и в Мелихове теперь жутко. Я думал, что мать и сестра не станут жить в Мелихове, или по крайней мере будут сильно скучать в нем, и я уже соображал — не продать ли имение; но приехала в Ялту сестра, мы стали советоваться, и я понял, как мы привыкли к Мелихову и как тяжело было бы расставаться с ним. Решили не продавать.

Если вспомню или случится прочесть какую-нибудь повесть, достойную издания, то тотчас же напишу Вам. Не возьмете ли Вы на себя труд прочесть старого писателя Гребенку? Когда-то я читал его с удовольствием, припоминается трогательный рассказ «Доктор», который, мне кажется, стоило бы издать. Дело давнее, быть может, и ошибаюсь.

Здоровье мое недурно; работаю и выхожу из дому даже в дурную погоду. Кровохарканья давно уже не было.

В своей жизни я ни одного человека не уважал так глубоко, можно даже сказать беззаветно, как Льва Николаевича. Ваши строки о нем доставили мне большое удовольствие [2].

Крепко жму Вашу руку, благодарю за милое письмо и желаю здоровья и всего хорошего. Хотелось бы поговорить с Вами. Жена Ваша со мной незнакома, но все же поклонитесь ей от меня.

Ваш *А. Чехов.*

490

М. О. МЕНЬШИКОВУ

15 ноября 1898, Ялта

15 ноября.

Дорогой Михаил Осипович, в самом деле рассказ Накрохина очень хорош [1]. Прочел с большим удовольствием и тотчас же отдал другим читать.

Была сестра, и мы решили, что все останется, как было, по-старому. Лето я буду проводить в Мелихове. Мать привыкла к Мелихову, к хозяйству, пейзане привыкли к нам, а мы к ним, и было бы жаль продавать. Вы пишете, что в Мелихове сыро. Нет, там сухо, летом вовсе не бывает тумана; водораздел. Мое здоровье недурно. Погода очаровательная. Конечно, в «Женском деле» работать не буду, ибо затрудняюсь: о чем бы я мог писать там? В «Неделю» же пришлю рассказ. У меня такое настроение, что так бы все сидел, писал и посылал на почту рассказы. Очевидно, работать буду. Спасибо Вам за письмо, желаю всего хорошего. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

500

А. М. ПЕШКОВУ (МАКСИМУ ГОРЬКОМУ)

16 ноября 1898, Ялта

Многоуважаемый Алексей Максимович, Ваши письмо и книги давно уже получил, давно собираюсь написать Вам, но все мне мешают разные дела [1]. Простите, пожалуйста. Как только подберется свободный час, сяду и напишу Вам обстоятельно. Вчера на ночь читал Вашу «Ярмарку в Голтве» — очень понравилось, и захотелось написать Вам эти строки, чтобы Вы не сердились и не думали про меня дурно. Я очень, очень рад нашему знакомству и очень благодарен Вам и Мирову, который написал Вам обо мне [2].

Итак, до благоприятного времени, когда будет посвободнее! Желаю всего хорошего, дружески жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

16 ноябрь.

501
А. С. СУВОРИНУ

16 ноября 1898, Ялта

16 ноябрь

Образцы я получил и уже послал ответ Константину Семеновичу. Новое издание мы не будем называть «Полным собранием сочинений», а просто — том I, том II и т. д. и сохраним для томов прежние названия (например: том V. «Хмурые люди»), причем названия будут на обложках, а не на обороте, как Вы писали. Если какой-нибудь том окажется менее узаконенных 10 листов, то я подбавлю еще рассказов. Можно даже самые короткие томы — «Дуэль» и «Палата № 6» соединить в один том. Цена тома прежняя — 1 р. Теперь важно выбрать формат и шрифт, чтобы держаться уж их постоянно, что бы ни было, бумагу же можно будет потом менять, смотря по обстоятельствам. Вы согласны со мной? Жду от Константина Семеновича ответа на мое последнее письмо, потом примусь за чтение корректуры первого тома. Этот первый том целый кладезь [1].

Помнится, Вы обещали напечатать особый каталог пьес, продающихся в Ваших магазинах, и разослать их по всем театрам. Вы раздумали? Состояние книжно-театрального рынка у нас — это вопиющее дело. Тут нужен свой Никон, который переделал бы все заново.

Мне жаль Пушкарева. Это был когда-то лирик, довольно нежный и чуткий, теперь же, по-видимому, состарился или износился. Ему нужно не писать пьесы, а переводить. Когда я читал Вашу рецензию о нем (совершенно справедливую) [2], то мне вспомнилось то время, когда он был в Москве, был богат,— и мне стало жаль его.

Представьте, в Ялте совсем лето. Дни жаркие, а ночи теплые, лунные. Приезжала сестра Маша; мы посоветовались и решили, что все останется, как было.

Летом я буду жить в Мелихове, а зимой — где придется, смотря по состоянию здоровья. Жалко продавать Мелихово. Ведь мы из черт знает чего сделали хорошее имение.

Весной я опять буду в Париже. Не встретимся ли мы там на завтраке или обеде у Ив. Ив. Щукина? Я каждую весну буду ездить в Париж.

Ваш поклон я передал Иловайской. Она благодарит и велит тоже кланяться. Ее дочь замужем.

На сих днях магазин посылает мне по 10 экз. каждой моей книги. Скажите в телефон, чтобы положили кстати в тюк с книгами «Русский календарь» и «Всю Россию» — это ежегодняя дань, которую я, по свойственной мне суровости, налагаю на Вас. «Русский календарь» Вы всегда мне давали веленевый.

Здесь дочь Айвазовского; была у меня, теперь надо идти к ней с визитом.

Как Ваше здоровье вообще? Крепко желаю Вам всего хорошего. Поминайте меня в Ваших святых молитвах — и пишите.

Ваш *А. Чехов.*

502

М. О. МЕНЬШИКОВУ

26 ноября 1898, Ялта

Дорогой Михаил Осипович, посылаю в «Неделю» рассказ [1], потому что вы этого хотели. Посылаю заказною бандеролью, и так как ваш редактор, наверное, теперь где-нибудь за границей, то пишу вам сию мою просьбу: пожалуйста, пришлите корректуру. Рассказ еще не кончен в деталях, отделаю его в корректуре, теперь же сидеть над черновой рукописью не хотелось долго, нездоровится немножко, да и тороплюсь послать. Итак, пожалуйста, корректуру.

Вчера принудил одну барышню подписаться на «Неделю». Принудил одну генеральшу прочесть Вашу статью.

Погода в Ялте очень хорошая, только жаль, нет настроения, нет денег, нет хороших книг. Можете себе

представить, немножко практикую, это меня и развлекает и мешает мне. Если бы я захотел, то у меня здесь была бы большая практика. Как поживаете? Что нового?

Крепко жму Вам руку.

26 ноября, Ялта. Ваш *А. Чехов.*

503

Е. М. ШАВРОВОЙ

28 ноября 1898, Ялта

28 н.

Многоуважаемая коллега, только что я был у Вашей сестры [1] и пил у нее чай. С бубликами. У нее сидел интересный доктор. Вообще мы живем здесь недурно. Погода теплая, ясная, приятная, и все так вкусно. Только что мне принесли банку меду.

Но все же мне скучно по Москве, скучно, я хотел бы туда, где теперь дурная погода и хорошая толчея, делающая незаметной эту погоду. Я бы хотел быть в Москве, чтобы повидаться со своими добрыми знакомыми, например с Вами; хотел бы побывать в театрах, в ресторанах. Вы согласились бы опять поехать в Серпухов и сыграть в пользу школы. Не правда ли? У меня опять строится школа (из мною построенных — это третья), и нужно 2½ тысячи, хоть в петлю полезай. После спектакля поужинали бы мы на Серпуховском вокзале... Не правда ли? Но увы! Раньше апреля я не попаду в Москву; да и не в Москву, а в деревню, в глушь, на постройку.

Как поживаете? Готов ли Ваш ядовитый «Аспид»?[2] Пришлите-ка мне почитать. У меня нет книг, мне нечего читать, я каменею от скуки — и кончится тем, что брошусь с мола в море или женюсь. Ваша сестра дала мне почитать Гнедича, но оказалось, что я эти рассказы читал уже. Синани дал читать «Таможенный тариф». Делать нечего, читаю.

Забудьте, что я литератор, пишите ко мне, как к доктору или лучше — как к больному, и совесть Ваша

будет покойна, Вы не станете терзаться, что своими письмами отнимаете у великого писателя его столь дорогое время, которое проводит он лежа на постели целый день и глядя в потолок или читая «Таможенный тариф». Жму руку.

Ваш *Antonio*.

504

Ал. П. ЧЕХОВУ

28 ноября 1898, Ялта

Добрый брат, без вины я виноват. Я молчал, потому что Маша до сих пор еще не ответила мне на вопрос, куда посылать ей деньги. Она не отвечала, а я все ждал и потому не писал тебе.

В доме Бушева я давно уже не живу. Мой адрес: Ялта. Тычинкина, пожалуйста, не слушай. Трудно найти под луной другого в такой же мере рассеянного человека. С поступлением его в типографию типография стала в пять раз рассеяннее и медлительнее, чем была.

Маша была в Ялте, но не долго.

Я жив и здоров, по крайней мере никаких болей не чувствую. Бывают кровохарканья, но они мало мешают, и я привык к ним Сердце мое весьма здорово, что я объясняю совершенным воздержанием от табака и алкоголя, предоставляя последнее людям развратным и легкомысленным. В Ялте погода очень хорошая, теплая; в природе полнейшее благоутробие. Пароходы то приходють, то уходють.

Что же замолчали насчет финских островов, насчет больницы для алкоголиков? [1]

«Новое время» в деле Дрейфуса шлепается в лужу и все шлепается [2]. Какой срам! Бррр!

Твоему почтенному семейству нижайший поклон. Будь здоров.

Твой *Antonio*.

28 ноября.

505

М. П. ЧЕХОВОЙ

2 декабря 1898, Ялта

2 дек.

Милая Маша, посылаю тебе набросок северного фасада[1]. Окон почти нет, стена глухая, потому что север. Круглые окошечки — это запасный бак над ванной и ватерло́о.

На горах снег. Ночью шел дождь, стало свежо. Очевидно, и здесь зима. Вчера я был на участке. Грязь липнет к калошам, турки, лошади, телеги, кучи черного песку — сущий ад, но светило солнце и вид с участка был необыкновенный. На участке просторно. Наталия Михайловна вчера уехала на лошадях, хотя море было как зеркало. Аша все еще не решается уехать и сипит.

Смотрю в окно: на горах снег, нависли свинцовые тучи...

Вчера Варвара Константиновна сообщила мне по телефону, что я утвержден в должности члена попечительного совета гимназии. Других новостей в нашем высшем свете нет, все по-старому.

Екатерина Великая [2] неистово кашляет и лечится гомеопатией. Она генеральша, но у нее бывает много гостей разного звания и попадаются интересные субъекты. Кстати сказать, в Ялте нет ни дворян, ни мещан, перед бациллой все равны, и эта бессословность Ялты составляет некоторое ее достоинство. Сельский староста Аутки, здешний Прокофий, одет франтом и похож на Южина.

Как видишь на плане, кладовых много, было бы чего класть. Нижний этаж вышел больше, чем я предполагал; в нем поместится целое семейство. Грунт на участке твердый, сухой на всякой глубине; подпочвенные воды стоят низко.

Ну, писать больше не о чем. Поклон и привет мамаше. Вообще кланяйся.

Будь здорова. Получила ли деньги от «Нового времени» за декабрь? Если нет, то поскорее сообщи.

Твой *Antonio.*

506

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

3 декабря 1898, Ялта

3 дек.

Многоуважаемый Алексей Максимович, Ваше последнее письмо [1] доставило мне большое удовольствие. Спасибо Вам от всей души. «Дядя Ваня» написан давно, очень давно; [2] я никогда не видел его на сцене. В последние годы его стали часто давать на провинциальных сценах,— быть может, оттого, что я выпустил сборник своих пьес. К своим пьесам вообще я отношусь холодно, давно отстал от театра, и писать для театра уже не хочется.

Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших рассказах. Какого мнения? Талант несомненный и причем настоящий, большой талант. Например, в рассказе «В степи» он выразился с необыкновенной силой, и меня даже зависть взяла, что это не я написал. Вы художник, умный человек. Вы чувствуете превосходно. Вы пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите ее и ощупываете руками. Это настоящее искусство. Вот Вам мое мнение, и я очень рад, что могу высказать Вам его. Я повторяю, очень рад, и если бы мы познакомились и поговорили час-другой, то Вы убедились бы, как я высоко Вас ценю и какие надежды возлагаю на Ваше дарование.

Говорить теперь о недостатках? Но это не так легко. Говорить о недостатках таланта — это все равно что говорить о недостатках большого дерева, которое растет в саду; тут ведь главным образом дело не в самом дереве, а во вкусах того, кто смотрит на дерево. Не так ли?

Начну с того, что у Вас, по моему мнению, нет сдержанности. Вы как зритель в театре, который выражает свои восторги так несдержанно, что мешает слушать себе и другим. Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми Вы прерываете диалоги; когда читаешь их, эти описания, то хочется, чтобы они были компактнее, короче, этак в 2—3

строки. Частые упоминания о неге, шепоте, бархатности и проч. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие — и расхолаживают, почти утомляют. Несдержанность чувствуется и в изображениях женщин («Мальва», «На плотах») и любовных сцен. Это не размах, не широта кисти, а именно несдержанность. Затем частое употребление слов, совсем неудобных в рассказах Вашего типа Аккомпанемент, диск, гармония — такие слова мешают. Часто говорите о волнах. В изображениях интеллигентных людей чувствуется напряжение, как будто осторожность, это не потому, что Вы мало наблюдали интеллигентных людей, Вы знаете их, но точно не знаете, с какой стороны подойти к ним.

Сколько Вам лет? Я Вас не знаю, не знаю, откуда и кто Вы, но мне кажется, что Вам, пока Вы еще молоды, следовало бы покинуть Нижний и года два-три пожить, так сказать, потереться около литературы и литературных людей; это не для того, чтобы у нашего петуха поучиться и еще более навостриться, а чтобы окончательно, с головой влезть в литературу и полюбить ее, к тому же провинция рано старит. Короленко, Потапенко, Мамин, Эртель — это превосходные люди, в первое время, быть может, Вам покажется скучновато с ними, но потом, через год-два, привыкнете и оцените их по достоинству, и общество их будет для Вас с лихвой окупать неприятность и неудобство столичной жизни.

Спешу на почту. Будьте здоровы и благополучны, крепко жму Вам руку. Еще раз спасибо за письмо.

Ваш *А. Чехов.*

Ялта.

507

И. Я. ПАВЛОВСКОМУ

3 декабря 1898, Ялта

Дорогой Иван Яковлевич, сердечно благодарю Вас за «Le Temps». Чтение этой газеты доставляет мне большое удовольствие, разнообразя здешнюю скучную жизнь,

и, кроме того, мешает мне забыть французский язык. Как Вы поживаете? Что нового? Читали ли маленькое письмо Суворина о лютеранских влияниях? Итак, дело Дрейфуса и вся беда — от лютеран [1].

Переводчик D. Roche прислал мне 150 франков за перевод «Палаты № 6». Говорят, что это очень плохой переводчик [2], но у меня не хватило духа отказать ему, когда он попросил позволения продолжать переводить мои рассказы.

В Крыму пока очень хорошо. В Ялте канализация, водопровод, с весны начнут строить жел. дорогу [3], говорят об электр. освещении. Одним словом, культура. Я очертя голову купил себе в долг участок земли и очертя голову начал постройку — тоже в долг. Что будет, не знаю, а пока все благополучно и я мечтаю о том, как буду здесь зимовать.

Ваш *А. Чехов.*

508

Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

26 декабря 1898, Ялта

Милая кума, поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем, желаю провести оный в добром здравии и благополучии и дождаться многих предбудущих. Телеграмму Вашу получил и был тронут до глубины сердца. И письмо Ваше пришло первым, и, так сказать, первой ласточкой, принесшей мне вести о «Чайке» были Вы, милая, незабвенная кума [1].

Как Вы поживаете? Когда пришлете мне Вашу книжку стихов? Кстати о стихах: Ваше стихотворение в «Новом времени» («Монастырь») [2] просто прелесть, одно великолепие. Очень, очень хорошо. Здесь в Ялте продолжается теплая погода, хочется снегу.

Жму руку. Будьте здоровы. Не забывайте Вашего кума кучера Антона.

26 дек.

509

А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

26 декабря 1898, Ялта

26 дек.

Дорогой Александр Леонидович, поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем и желаю Вам здоровья, счастья, успехов и всего, чего только пожелаете. Шлю Вам большое, громадное, шестиэтажное спасибо за Вашу милую телеграмму [1]. Я сохраню ее на память и когда-нибудь, этак лет через двадцать, покажу ее Вам.

Из газет я почти ничего не понял, но приехал в Ялту брат Иван, пришло письмо от Владимира Ивановича [2], и я уразумел, как в самом деле Вы хорошо играли, как было вообще хорошо и какая, в сущности, нелепость, что меня нет в Москве. Когда и где я увижу «Чайку»? Крепко жму Вашу руку. Думал ли Крамсаков, что я буду писать пьесы, что Вы будете артистом?!

Всем поклон, привет.

Ваш *А. Чехов.*

510

Е. З. КОНОВИЦЕРУ

26 декабря 1898, Ялта

Дорогой Ефим Зиновьевич, поздравляю Вас и Евдокию Исааковну с Новым годом, с новым счастьем, желаю Вам жить много лет в добром здравии и полнейшем благополучии. Спасибо Вам громадное за телеграмму и за письмо. Спасибо!!! [1] Здесь было хорошо, но сегодня ветер, холодно; приходится сидеть дома и поглядывать равнодушными очами в окно и завидовать тем, кто в такую погоду не в Ялте. Моя пьеса не идет? Мне не везет в театре, ужасно не везет, роковым образом [2], и если бы я женился на актрисе, то у нас, наверное бы, родился орангутанг — так мне везет!!

Будьте здоровы. Жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

26/XII.

511

П. А. СЕРГЕЕНКО

1 января 1899, Ялта

1 янв.

Милый Петр Алексеевич, у меня нет ни одной книги, вместо книг посылаю записки. Получи и отправь в Коломенскую библиотеку, а книжку с автографом вышлю как-нибудь после [1].

Теперь насчет Маркса. Я был бы очень не прочь продать ему свои сочинения, даже очень, очень не прочь, но как это сделать? Беспокоить тебя мне совестно, ибо ты занятой человек, переговоры же с Марксом отняли бы немало времени [2]. Кроме того, что уже издано, у меня есть в столе материал еще для четырех книг объема «Пестрых рассказов»; я продам все, что есть, и, кроме того, все, что отыщу когда-либо в старых журналах и газетах и найду достойным.

Продам все, кроме дохода с пьес. Книги мои приносят мне ежегодно более 3½ тыс.; до сих пор это дело вел я неряшливо, книжка издавалась и продавалась небрежно; при хорошем же ведении дела одна «Каштанка» дала бы не менее тысячи в год. Три с половиной тысячи — это цифра, взятая по совести за все прошлые годы, начиная с 87 г.; на самом же деле она много больше, ибо доход все растет и растет, и прошлый год, например, принес мне около 8 тыс.— это небывало урожайный для меня год. Если тебе охота, то потолкуй с Марксом. Мне и продать хочется, и упорядочить дело давно уже пора, а то становится нестерпимо.

В случае, если будешь говорить с Марксом, то телеграфируй (Ялта, Чехову). Конечно, чем скорей, тем лучше.

Ну, как поживаешь? Ты ничего не пишешь о своем здоровье. Мое здоровье добропорядочно, болезненные и всякие другие процессы остановились во мне, как в Пав. Ив. Вукове или в А. Ф. Дьяконове, и я влачу жизнь старого холостяка, жизнь не здоровую и не больную, а так себе.

Поздравляю тебя с Новым годом, с новым счастьем, желаю тебе написать десяток повестей и одну драму и получить уйму денег и славы.

Вишневский — симпатичный малый. Не находишь ли ты? И кто бы мог когда-то подумать, что из Вишневецкого, двоешника и безобедника, выйдет актер, который будет играть в Художественном театре в пьесе другого двоешника и безобедника?

Будь здоров и благополучен. Крепко жму тебе руку.

Твой *А. Чехов.*

512

К. С. БАРАНЦЕВИЧУ

2 января 1899, Ялта

2 янв.

Милый Казимир Станиславович, большое тебе спасибо за дружеское письмо. Оно грустно, но все же читать его было приятно, потому что оно от тебя. Как ты там ни предавайся мрачным мыслям, как ни грусти, а я все же еще раз поздравляю тебя, крепко жму руку и от души, воистину дружески желаю тебе долгой жизни, здоровья и счастья. Ты говоришь в своем письме о бесполезности, ненужности писаний, но все же ты веришь в это писание в лучшие минуты жизни, ты не бросаешь их и никогда не бросишь,— и пусть будет по вере твоей, пусть теперь, после юбилея, писания твои будут твоею радостью и принесут тебе ряд утешений. Я рад, что твой юбилей удался и что ты мог убедиться, как в самом деле тебя любят и уважают, и это первое утешение [1].

Я зимую в Ялте. Здоровье мое сносно, но в Москву меня не пускают, и вероятно, и все будущие зимы, если буду жив, придется проводить здесь. Я куплю здесь кусочек земли, чтобы построить себе логовище для зимы; куплю в долг, буду строиться в долг — по-видимому, затеял глупость... но что делать? Болтаться по номерам, болтаться целые годы, в моем уже немолодом возрасте, при моей наклонности к кабинетной, сидячей жизни это тяжело, даже нестерпимо, и поневоле прихо-

дится пускаться на всякие фокусы, чтобы слепить себе что-нибудь вроде гнезда. Отец у меня умер, старое пепелище уже потеряло девять десятых своей прелести; домой не тянет... Если будешь в Крыму, то приезжай ко мне, как когда-то приезжал на Псел [2]. Тогда я был искренно рад тебе. И теперь буду тоже.

У меня нет твоих «Сказок жизни», и тут негде взять, и твой «Разговор» поэтому для меня не доступен. Пришли книжку, буду рад и благодарен, прочту с великим удовольствием [3].

Обнимаю тебя крепко и еще раз благодарю за письмо и желаю тебе и твоей семье всего лучшего.

Твой *А. Чехов.*

513

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

3 января 1899, Ялта

3 янв.

Дорогой Алексей Максимович, отвечаю сразу на два письма. Прежде всего с Новым годом, с новым счастьем; от души, дружески желаю Вам счастья, старого или нового — это как Вам угодно.

По-видимому, Вы меня немножко не поняли. Я писал Вам не о грубости, а только о неудобстве иностранных, не коренных русских или редко употребительных слов [1]. У других авторов такие слова, как, например, «фаталистически», проходят незаметно, но Ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая черточка кричит благим матом. Конечно, тут дело вкуса, и, быть может, во мне говорит лишь излишняя раздражительность или консерватизм человека, давно усвоившего себе определенные привычки. Я мирюсь в описаниях с «коллежским асессором» и «капитаном второго ранга», но «флирт» и «чемпион» возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение.

Вы самоучка? [2] В своих рассказах Вы вполне художник, притом интеллигентный по-настоящему. Вам менее всего присуща именно грубость, Вы умны и чув-

ствуете тонко и изящно. Ваши лучшие вещи «В степи» и «На плотах» — писал ли я Вам об этом? Это превосходные вещи, образцовые, в них виден художник, прошедший очень хорошую школу. Не думаю, что я ошибаюсь. Единственный недостаток — нет сдержанности, нет грации. Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация. В Ваших же затратах чувствуется излишество.

Описания природы художественны; Вы настоящий пейзажист. Только частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит и т. п.— такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда неясными; красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д.— и эта простота свойственна Вам в сильной степени, как редко кому из беллетристов.

Первая книжка обновленной «Жизни» мне не понравилась [3]. Это что-то несерьезное. Рассказ Чирикова наивен и фальшив, рассказ Вересаева — это грубая подделка под что-то, немножко под Вашего супруга Орлова, грубая и тоже наивная [4]. На таких рассказах далеко не уедешь. В Вашем «Кирилке» все портит фигура земского начальника, общий тон выдержан хорошо. Не изображайте никогда земских начальников. Нет ничего легче, как изображать несимпатичное начальство, читатель любит это, но это самый неприятный, самый бездарный читатель. К фигурам новейшей формации, как земский начальник, я питаю такое же отвращение, как к «флирту» — и потому, быть может, я не прав. Но я живу в деревне, я знаком со всеми земскими начальниками своего и соседних уездов, знаком давно и нахожу, что их фигуры и их деятельность совсем нетипичны, вовсе неинтересны — и в этом, мне кажется, я прав.

Теперь о бродяжестве [5]. Это, т. е. бродяжество, очень хорошая, заманчивая штука, но с годами как-то тяжелеешь, присасываешься к месту. А литературная про-

фессия сама по себе засасывает. За неудачами и разочарованиями быстро проходит время, не видишь настоящей жизни, и прошлое, когда я был так свободен, кажется уже не моим, а чьим-то чужим.

Принесли почту, надо читать письма и газеты. Будьте здоровы и счастливы. Спасибо Вам за письма, за то, что благодаря Вам наша переписка так легко вошла в колею.

Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

514

Л. И. ВЕСЕЛИТСКОЙ

4 января 1899, Ялта

4 янв.

Многоуважаемая Лидия Ивановна, большое Вам спасибо за письмо и поздравление, а главное, за память и внимание. Я тоже поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю, чтобы этот год был одним из самых счастливых в Вашей жизни.

Вчера я получил от Михаила Осиповича письмо. Он пишет, что Вы обтираете Яшу водой в 27°. Надо не обтирать, а обливать. Своим больным я никогда не даю дегтя внутрь, и если бы Яша был моим пациентом, то я прежде всего посадил бы его на рыбий жир; из лекарств не давал бы ничего, кроме разве мышьяка.

Ялта показалась Вам грязной и противной. Но ведь и Алупка тоже грязна и едва ли не грязней. В Ялте прекрасная канализация, хорошая вода, и если бы для людей со средним достатком были устроены здесь удобные квартиры, то это было бы самое здоровое место в России, по крайней мере для грудных больных. Я знаю *многих* чахоточных, которые выздоровели оттого, что жили в Ялте. Этот город, который я знаю уже давно, более 10 лет, оставил во мне немало дурных воспоминаний, но я эскулап, я должен быть объективен и судить по справедливости. Ялта лучше Ниццы, несравненно чище ее. Но русские курорты бедны и потому скучны,

ужасно скучны, скучнее даже, чем поездка на кумыс. Льву Толстому понравилось на кумысе, потому что он был здоров, молод и счастлив; я по целым месяцам живал в степи и любил степь, и теперь в воспоминаниях она представляется мне очаровательной. Но если послать в степь больного интеллигента и заставить его жить там при обыкновенных условиях, с постоянными мыслями о болезни, столе, письмах, газетах, развлечениях, то он ничего не будет испытывать, кроме злобы, и вернется домой со злобой.

У меня нет Вашего адреса, посылаю письмо Михаилу Осиповичу для передачи Вам. Яше шлю привет, поздравление с Новым годом и пожелания, чтобы он был здоров и весел. Благодарю его за милую приписку.

Можете себе представить, я еще не читал Вашей «Черемухи» [1]. Отчего Вы пишете так мало? Или отчего печатаетесь так редко? И отчего Вы не издадите Ваших повестей в одном томике? Видите, все отчего да отчего... Так и мне постоянно пишут: отчего? А бог его знает отчего.

Преданный *А. Чехов.*

515

В. А. ТИХОНОВУ

6 января 1899, Ялта

5 янв.

Здравствуйте, милый Владимир Алексеевич!

Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем и желаю Вам здоровья, славы, выигрышных билетов и полного удовольствия в жизни. Благодарю сердечно за письмо и за книжку [1]. И я тоже частенько вспоминаю о Вас, вспоминаю, как мы вместе служили в одной дивизии [2], как в ночь под крещение мы вместе бродили по Петербургу и потом на другой день Вас. Ив. Немирович-Данченко рассказывал, будто Вы в Исаакиевском соборе, стоя на коленях, били себя по груди и восклицали: «Господи, прости меня грешного!» Помните Вы эту ночь? Это было под 6-е января, сегодня годовщина,

и я спешу поздравить Вас и выразить искреннее сожаление, что я не с Вами и что мы не можем опять побродить до утра, как тогда [3].

Вы когда-то уверяли, что у Вас истерия. А теперь? Здоровы ли? Как чувствуете себя?

Мое здоровье порядочно, но в Москву и в Петербург меня не пускают; говорят, что бациллы не выносят столичного духа. Между тем мне ужасно хочется в столицу, ужасно! Я здесь соскучился, стал обывателем и, по-видимому, уже близок к тому, чтобы сойтись с рябой бабой, которая бы меня в будни била, а в праздники жалела [4]. Нашему брату не следует жить в провинции. Я еще допускаю Павловск — это аристократический город (я подозреваю, что Вы избрали его для жизни именно поэтому), город государственных мужей. Ялта же мало чем отличается от Ельца или Кременчуга; тут даже бациллы спят.

Напишите мне, что нового в литературном мире. Где Василий Иванович? Когда пришлете вторую и третью книжки? Написали ли новую пьесу?

Пишите мне, не жалейте целительного бальзама, в котором я так нуждаюсь.

Если увидите скоро наших общих знакомых, то поклонитесь, скажите, что я скучаю. Без литераторов скучно.

Еще раз благодарю, что вспомнили и прислали письмо. Крепко жму руку и желаю всего вышеперечисленного, а наипаче всего здоровья, которое так необходимо для людей в нашем возрасте и чине.

Не забывайте.

Ваш *А. Чехов.*

516

А. С. СУВОРИНУ

17 января 1899, Ялта

17 янв.

Речь идет только о тех моих произведениях, которые были напечатаны; я просил сказать Марксу, что не продаю только дохода с пьес. Будущие повести, ко-

нечно, продавать нельзя, ибо будущее наше покрыто мраком неизвестности. Я и сам знаю, что не следует торопиться, но получить сразу несколько десятков тысяч — это так заманчиво![1]

Читал я рассказ Льва Львовича «Мир дурак». Конструкция рассказа плоха, уж лучше бы прямо статью писать, но мысль трактуется правильно и страстно [2]. Я сам против общины. Община имеет смысл, когда приходится иметь дело с внешними неприятелями, делающими частые набеги, и с дикими зверями, теперь же — это толпа, искусственно связанная, как толпа арестантов. Говорят, Россия сельскохозяйственная страна. Это так, но община тут ни при чем, по крайней мере в настоящее время. Община живет земледелием, но раз земледелие начинает переходить в сельскохозяйственную культуру, то община уже трещит по всем швам, так как община и культура — понятия несовместимые. Кстати сказать, наше всенародное пьянство и глубокое невежество — это общинные грехи.

Я тут от скуки читаю провинциальные газеты и узнал, что на днях в Екатеринославе с успехом прошло Ваше «Честное слово» [3].

Погода в Ялте летняя. Я выхожу по вечерам, выхожу и в дождливые холодные дни — это для того, чтобы приучить себя к суровой погоде и будущей зимой жить в Москве и в Петербурге. Надоело так болтаться.

Читаю корректуру первого тома [4]. Многие рассказы переделываю заново. Всего будет в томе более 70 рассказов. Затем вторым томом пойдут «Пестрые рассказы», третьим — «В сумерках» и т. д. Только придется кое-где подбавить рассказов для полных десяти листов, требуемых цензурой

Где Вы будете весной? Летом? Я охотно бы укатил в Париж и, вероятно, так и сделаю.

Тут, в Ялте, живет академик Кондаков. Нас обоих город выбрал в комиссию для устройства пушкинского праздника [5]. Хотим ставить «Бориса Годунова», Кондаков будет Пименом. Я ставлю живую картину «Опять на родине». На сцене забытая усадьба, пейзаж, сосенки... входит фигура, загримированная Пушкиным, и читает стихи «Опять на родине». Даем «Дуэль

Пушкина» — живую картину, копию с картины Наумова.

Анне Ивановне, Насте и Боре поклон нижайший и привет. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

517

И. П. ЧЕХОВУ

18 января 1899, Ялта

18 янв.

Милый Иван, с Марксом дела подвинулись уже сильно вперед, и предварительный договор уже подписан. По условиям, которые Маркс предлагает, я за право собственности уже напечатанных и своих будущих произведений получаю 75 000 р. и затем за каждый новый том в двадцать печатных листов — пять тысяч. То есть я буду печататься обычным порядком в журналах и газетах, получать гонорар, издавать же сборники моих рассказов может только Маркс, причем за каждые 20 листов он всякий раз платит мне 5 тысяч. Доход с пьес принадлежит мне. Дело еще не кончено, но переговоры ведутся настойчиво, и очень может быть, что когда ты будешь читать это письмо, то я буду уже продан в рабство во Египет. Эта продажа имеет две очень хорошие стороны: 1) получу сразу 75 тысяч и во-2) избавлюсь от суворинских беспорядков. Все это пока секрет. Сообщи Маше и скажи, чтобы пока она никому не говорила, чтобы не попало в «Курьер».

Исправно ли получаешь «Крымский курьер»? Я высылаю каждый день, кроме послепраздников, когда газета не выходит.

Кровати пришли.

Соне и Володе поклон и привет. Брюнетка жаловалась мне вчера, что она больна. Я сказал ей, что будто сестра прислала для передачи ей банку варенья и коробку конфет, а я нечаянно съел,— она поверила.

Скажи Клюкину, что я разрешил ему поместить «Белолобого» в сборнике, но не разрешал выпускать его брошюрами [1].

Будь здоров.

Твой *Antonio.*

518

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

18 января 1899, Ялта

18 янв.

Сегодня, Алексей Максимович, я послал Вам свою фотографию. Это снимал любитель, человек угрюмый и молчаливый. Я смотрю на стену, ярко освещенную солнцем, и потому морщусь. Простите, лучшей фотографии у меня нет. Что касается книг, то я давно уже собираюсь послать Вам их, но меня все удерживает такое соображение: в этом году начнут печатать полное собрание моих рассказов, и будет лучше, если я пошлю Вам именно это издание, исправленное и сильно дополненное.

Что Вы со мной делаете?! Ваше письмо насчет «Жизни» и письмо Поссе пришло, когда уж я дал согласие, чтобы в «Начале» выставили мою фамилию. Была у меня М. И. Водовозова, пришло письмо от Струве — и я дал свое согласие, не колеблясь ни одной минуты [1].

Готового у меня нет ничего: что было, все уже роздано, что будет, уже обещано. Я хохол и страшно ленив поэтому. Вы пишете, что я суров. Я не суров, а ленив — все хожу и посвистываю.

Пришлите и Вы мне свой портрет. Ваши строки насчет паровоза, рельсов и носа, въехавшего в землю, очень милы, но несправедливы [2]. Врезываются в землю носами не оттого, что пишут; наоборот, пишут оттого, что врезываются носами и что идти дальше некуда.

Не приедете ли Вы в Крым? Если Вы больны (говорят, что у Вас легочный процесс), то мы бы Вас полечили тут.

Крепко жму Вам руку. Подробный ответ насчет «Жизни» напишу Поссе.

Ваш *А. Чехов.*

Вересаев талантлив, но груб — и, кажется, умышленно. Груб зря, без всякой надобности. Но, конечно, он гораздо талантливее и интереснее Чирикова.

519

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ

19 января 1899, Ялта

19 январь.

Я огорчен, Вера Федоровна: Вы задали мне неразрешимую задачу. Во-первых, я во всю жизнь мою никогда не писал рецензий, для меня это китайская грамота, во-вторых, я не пишу в «Новом времени» [1]. Я огорчен, что не могу исполнить Вашего желания, и боюсь, что Вы не поверите, до какой степени я огорчен. Ваше желание для меня свято и не уметь исполнить его — это уж совсем конфуз. Кстати сказать, в «Новом времени» я не работаю уже давно, с 1891 года. За книгу большое Вам спасибо, я прочел ее с удовольствием. Что написать о себе? Живу я в Ялте, скучаю; здесь надоело мне все. даже очень хорошая погода, хочется на север. Если будут деньги, то в начале весны поеду за границу, в Париж.

Моя «Чайка» идет в Москве уже в 8-й раз, театр всякий раз переполнен. Говорят, поставлена пьеса необыкновенно и роли знают отлично. М. И. Писарев, кончив пьесу, сказал, что в соседней комнате лопнула «бутылка» — и публика смеялась; московский исполнитель сказал, что лопнула склянка с эфиром — и смеха не было, все обошлось благополучно. Как бы ни было, писать пьесы мне уже не хочется. Петербургский театр излечил меня [2].

Зачем Вы все болеете? Отчего не полечитесь серьезно? Ведь болезни, особенно женские, портят настроение, портят жизнь, мешают работать. Я ведь доктор, я знаю, что это за штуки.

Вы пишете, что имеете успех;[3] мне это известно, я радуюсь, в то же время мне досадно,— досадно, что не приходится видеть Вас. Вы превосходная артистка, только жаль, что нет у Вас подходящего entourage'а, нет театра, нет товарищей. Вам бы хоть в Москву, в Малый театр. Тут все-таки больше на искусство похоже и между артистами немало хороших людей! В Москве Вы имели бы громадный успех, вообразить даже трудно.

Где Вы будете летом? Где будете играть? Если где-нибудь близко к Москве, то я приехал бы взглянуть на Вас. С апреля я дома, около Москвы.

Еще раз благодарю от всей души, желаю здоровья, счастья и всего, что только есть хорошего на этом свете.

Ваш *А. Чехов.*

520

И. П. ЧЕХОВУ

20 января 1899, Ялта

В дополнение к письму о переговорах с Марксом[1] сообщаю, что я продолжал упорно торговаться до сегодня и только сегодня телеграфировал, что я согласен. За будущие произведения я буду получать (по предварительном напечатании в журналах обычным порядком) 250 р. за лист, потом через 5 лет 450 р., еще через 5 лет 650 р. за лист и т. д с надбавками по 200 р. через каждые 5 лет. Обещал в телеграмме, что буду жить не долее 80 лет [2].

Идут дожди. Осенний дождь стучит в окна, точно в Мелихове. В Кучукое землевладелец Попов проводит нижнюю дорогу. Кровати уже отправлены. Поклонись Соне и Володе и будь здоров. На сей раз шапка оказалась хорошей.

Твой *Antonio.*

20 янв.

Завтра утром это письмо опущу на пароходе.

521

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

20 января 1899, Ялта

20 янв. 99 г.

Милый Жан, большое, громадное Вам спасибо за Ваше письмо, за то, что еще раз показали мне Ваш трагический почерк (который, кстати сказать, стал более разборчив). Ваше дружеское поздравление вызвало во мне целый ряд воспоминаний. Вспомнил я, между прочим, как бывал на Ваших именинах, как Вл. Тихонов, после того как Вы пили за здоровье военных, грустно покачал головой и сказал: «А старого гродненского гусара забыли!»

Ну что с Вашим здоровьем? Не преувеличиваете ли Вы подобно большинству петербуржцев и просто дурное петербургское настроение не принимаете ли за болезнь? Как бы ни было, весной Вам необходимо удрать куда-нибудь, вообразив себя вновь прапорщиком, и начать гарцевать.

Весной я поеду, быть может, за границу — ненадолго; оттуда домой в Серпуховский уезд, в июне в Крым, в июле опять домой, осенью опять в Крым. Вот Вам мой, так сказать, жизненный маршрут. Где же мы увидимся? В каком месте? Подумайте о сем. В самом деле, нам о многом следовало бы поговорить.

Поклон и привет Вашей жене. Вам крепко жму руку и желаю всего хорошего, а наипаче всего здоровья и денег.

Ваш *А. Чехов.*

В том месте письма, где Вы говорите об убийстве Рощина-Инсарова [1], есть фраза: «Что за путаница в современной жизни!» Мне всегда казалось, что Вы несправедливы к современной жизни, и всегда казалось, что это проходит болезненной судорогой по плодам Вашего творчества и вредит этим плодам, внося что-то не Ваше. Я далек от того, чтобы восторгаться современностью, но ведь надо быть объективным, насколько возможно справедливым. Если теперь нехорошо, если настоящее несимпатично, то прошлое было просто гадко.

522

И. Я. ПАВЛОВСКОМУ

21 января 1899, Ялта

21 янв.

Дорогой Иван Яковлевич,

Вот что я скажу Вам насчет «Курьера». В этой газете я не заинтересован материально и не сотрудничаю в ней,— не сотрудничаю, потому что не хочу огорчать «Русские ведомости», которые видят в «Курьере» конкурента и которые переживают теперь тяжелое испытание[1]. Но я могу поручиться, что «Курьер» совершенно порядочная, чистая газета, ее ведут и работают в ней хотя и не особенно талантливые, иногда даже наивные (с газетно-журнальной точки зрения), но вполне порядочные, умные и доброжелательные люди. О будущем газеты нельзя сказать ничего определенного, так как она может быть прихлопнута, как и всякая другая газета. Настоящее же недурно, подписчиков уже много, и пайщики взирают на будущее бодро, с упованием. О том, что было бы недурно пригласить Вас, говорил мне один из самых видных членов редакции, некий Коновицер, тот самый, которого Вы видели в Васькине (большой пруд), когда ехали ко мне в Мелихово. Он учился в Таганрогской гимназии. Я думаю, что Ваше сотрудничество для «Курьера» было бы просто находкой. Вам же, прежде чем решаться, надо подумать, т. е. познакомиться и с газетой, и с ее хозяевами и столковаться с ними лично. Я напишу завтра Коновицеру (конечно, конфиденциально), он поговорит со своей редакцией, ответит мне, его ответ я пришлю Вам — и тогда приезжайте в Москву. Я напишу ему также, что до окончательного решения Вы желали бы писать корреспонденцию под псевдонимом.

В марте (русском) или апреле я буду в Париже, увидимся и потолкуем. У меня в жизни большая новость, целое событие. Женюсь? Нет. Я веду переговоры с Марксом («Нива»), продаю ему право собственности.

Ухожу от Суворина, или, вернее, не от Суворина, а от его типографии.

Здоровье мое немножко лучше, чем в тот день, когда мы вместе были на vernissage'е. Я тогда изнемогал. И не столько меня донимали бациллы, сколько кишечный катар. От этого катара я в один день теряю то, что приобретаю в месяц.

«Чайка» идет в Москве при полных сборах. Театр бывает переполнен, трудно достать билеты. Это значит: добродетель торжествует.

Маркс будет издавать полное собрание моих сочинений, я пришлю Вам, как обещал.

Ах, как я благодарен Вам за «Le Temps». Я с таким удовольствием читаю, особенно прения в палате. Это дает мне душевный покой.

Нижайший поклон и привет Вашей жене и детям. Желаю Вам всего хорошего и крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

523

Л. С. МИЗИНОВОЙ

22 января 1899, Ялта

22 янв.

Милая Лика, Ваше сердитое письмо, как вулкан, извергало на меня лаву и огонь [1], но тем не менее все-таки я держал его в руках и читал с большим удовольствием. Во-первых, я люблю получать от Вас письма, во-вторых, я давно уже заметил, что если Вы сердитесь на меня, то это значит, что Вам очень хорошо.

Милая, сердитая Лика, Вы сильно нашумели в своем письме, но ни слова не сказали, как Вы живете, что у Вас нового, как здоровье, как пение и т. д. Что касается меня, то я по-прежнему живу в Ялте (не на даче Бушева), скучаю и жду весны, когда можно будет уехать. В жизни у меня крупная новость, событие... Женюсь? Угадайте: женюсь? Если да, то на ком? Нет, я не женюсь, а продаю Марксу свои произведения. Продаю право собственности. Идут переговоры, и мо-

жет случиться, что через какие нибудь 2—3 недели я буду уже рантье! Конечно, Мелихова я уже не стану продавать никому, кроме Вас. Пусть остается все, как было.

В марте я поеду в Париж; если не успею в марте, то в сентябре. В апреле буду уже в Мелихове. Приедете? Вы обязаны приехать. Затем, если пожелаете, то в июне вместе поедем в Крым недели на две. К июню будет уже готова моя дача, и, кстати, в июне может поехать и Маша.

Маша и мать живут в Москве (угол Малой Дмитровки и Успенского пер., д. Владимирова, кв. 10), по-видимому, не скучают. Маша пишет, что у нее часто бывают «аристократы» (должно быть, Малкиели). «Чайка» идет в 9-й раз с аншлагом — билеты все проданы. Коновицер стал редактором [2]. У Иваненко всякий раз после еды рвота. Получил от Похлебиной письмо; как Вы на нее похожи! Несмотря на то что она очень худа, у Вас с ней есть даже физическое сходство. Сродство душ. И если Вы когда-нибудь вздумаете покуситься на свою жизнь, то тоже прибегнете к штопору. У Вас даже смех такой, как у нее.

Писательница [3] в интересном положении. В Ялту приехала дочь Корша, Нина. Приедет еще Ваш приятель Вукол Лавров — это очень весело.

В Париж я поеду, собственно, за тем, чтобы накупить себе костюмов, белья, галстуков, платков и проч. и чтобы повидаться с Вами, если Вы к тому времени, узнав, что я приеду, нарочно не покинете Париж, как это уже бывало не раз. Если Вам почему-либо неудобно видеться со мной в Париже, то не можете ли Вы назначить мне свидание где-нибудь в окрестностях, например в Версале?

Я приеду в Париж один. И раньше я всегда приезжал один. Слухи, пущенные одной моей приятельницей,— милая сплетня, ничего больше. Хотите знать, кто эта приятельница? Вы ее знаете очень хорошо. У нее кривой бок и неправильный лицевой угол.

Идет дождь. Скучно. Писать не хочется. Жизнь проходит так, нога за ногу.

Ну, будьте здоровы, милая Лика. Присылайте мне

и впредь заказные письма. Расходы на заказ я возвращу Вам в Мелихове провизией, закусками и всякими удовольствиями, какие только пожелаете.

Жму Вам руку.

Ваш *А. Чехов.*

524

П. Ф. ИОРДАНОВУ

25 января 1899, Ялта

25 янв.

Многоуважаемый Павел Федорович, присланные Вами фотографии в самом деле хороши, особенно Полицейская улица и площадь. А Полицейская улица с ее черными тенями напоминает даже не то Мексику, не то Яву; и во всяком случае, если бы не собор вдали, то никто бы не сказал, что это русский город [1].

«Русские книги» Венгерова у Вас давно уже есть. Я присылал Вам их всякий раз, как выходил в свет новый выпуск, и мною уже послано 26 выпусков. Теперь, если Вы выписали второй экземпляр, я не знаю, продолжать ли мне высылать дальнейшие выпуски?

Вот уже неделя, как в Ялте непрерывно идут дожди, и я готов кричать караул от скуки. А как много я теряю оттого, что живу здесь! И, между прочим, как мало библиотека получила от меня за прошлый год оттого, что я на благословенном юге. Я бы на Вашем месте выписывал журналы, а не книги. Книги пусть жертвуют обыватели, и для посетителя библиотек не так интересны книги, как текущая журналистика, русская и заграничная.

И. Я. Павловский теперь не в духе. Говоря по секрету, он не ладит с «Новым временем», которое на дело Дрейфуса смотрит иными глазами, чем он, и преспокойно переделывает его телеграммы [2]. Он не в духе и потому, вероятно, ничего не пишет мне о музее. Весною я буду видеться с ним в Париже.

Моя «Чайка» идет в Москве в переполненном театре, билеты все проданы. Говорят, поставлена пьеса необыкновенно. Мне москвичи прислали адрес [3].

Напишите, где «Русские книги», присланные мной; может быть, они где-нибудь в библиотеке на полке. Кстати сказать, это издание мало годится для карточного каталога. Ведь оно доведено только до В и касается лишь того, что было, а не того, что появляется на свет в наши дни. В России подобные издания всегда страшно запаздывали.

Как только откроется навигация, пришлю Вам книг, но не очень много; пришлю, между прочим, «Палестину» Суворина в очень хорошем переплете.

Будьте здоровы и благополучны. От всей души благодарю Вас за письмо и за фотографию и желаю всего хорошего. Жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Какой скучный стал «Таганрогский вестник».

525

М. П. ЧЕХОВОЙ

27 января 1899, Ялта

27 янв.

Ты пишешь: «не продавай Марксу», а из Петербурга телеграмма: «договор нотариально подписан». Продажа, учиненная мною, может показаться невыгодной и наверное покажется таковою в будущем, но она тем хороша, что развязала мне руки и я до конца дней моих не буду иметь дела с издателями и типографиями. К тому же Маркс издает великолепно. Это будет солидное издание, а не мизерабельное. Мне заплатят 75 тысяч в три срока; впрочем, это, как и остальные условия, тебе известно.

Значит, тебе уже не придется распоряжаться моими произведениями, быть Софьей Андреевной в миниатюре [1]. Но все же тебе надо устроиться так, чтобы можно было уезжать когда угодно и жить где угодно. Твое намерение и желание не расставаться надолго с Москвой одобряю. Надо жить в Москве хоть два месяца в году, хоть месяц.

Теперь поручения. Пожалуйста, повидайся с Ольгой Михайловной Дарской или напиши ей и сообщи следующее. В Ялте на пасхе будут пушкинские дни на второй и третий день праздника; между прочим, пойдет «Борис Годунов». Не найдет ли возможным она, Ольга Михайловна, приехать в Ялту и сыграть Марину, а ее муж — Самозванца? Кстати же ее здоровье требует того, чтобы весной она побывала в Крыму. Тут есть Пимен, есть Годунов, но нет Марины и Самозванца, да и всем хочется, чтобы эти роли исполнялись настоящими интеллигентными артистами. Если Ольга Михайловна не согласна приехать и участвовать в спектакле, то пусть телеграфирует: «Ялта, Чехову. Нет». С нетерпением ждем ответа. Пимена будет играть академик Кондаков. Я на пасхе, вероятно, буду в Мелихове, но ты умолчи об этом, не говори Ольге Михайловне. Выручка со спектакля поступит на постройку в Ялте Пушкинской школы.

Ялтинцы, когда приходят, сидят подолгу. Я затеял «четверги», ко мне ходила женская гимназия и кое-кто из молодежи; но Варвара Константиновна стала привозить на мои четверги молчаливых учителей словесности и таких интересных девиц, как Вера Ефимовна, которую ты видела,— и я решил отменить четверги, бежать от них.

В январской книжке «Недели» мой рассказ «По делам службы». Кстати: в феврале у вас на Дмитровке побывает Меньшиков. Он в своих письмах все беспокоится, где мамаша, не покинули ли мы ее одну в Мелихове.

Если лес уже возят[2] и если Шибаевой нужны деньги, то ей можно дать рублей 300 из тех денег, которые хранятся в земской управе. Как камень и песок?

Посылаются ли сведения в отдел сельскохозяйственной статистики? Тот бланок, о котором я писал, не забудьте прислать. Это бланок, где просят написать на пустом месте «итого» за истекший год (всякая всячина, не вошедшая в вопросы). Я хочу написать насчет фруктовых деревьев и грибов.

Маркс хотел сначала, чтобы доход с пьес принадлежал мне только «пожизненно», но я отстоял наследников. Прижимистый немец, но и я тоже, по выражению

моего поверенного, «смущал» Маркса своими несообразными требованиями. Пишут, что купить мои произведения убедил Маркса Л. Н. Толстой.

Я нарочно дотянул письмо это до конца листа, чтобы ты не говорила, что я мало пишу. Если ты познакомилась с Книппер, то передай ей поклон. Вишневскому тоже.

Ну, будь здорова. Мамаше, Ване, Соне и Володе поклон. Иваненке тоже.

Твой *Antonio.*

526

А. И. УРУСОВУ

1 февраля 1899, Ялта

1 февр.

Частые неумеренные ласки лишают нас в конце концов способности отвечать должным образом на эти ласки; Ваша рецензия в «Курьере» [1], адрес [2], письма из Москвы, гул славы, который изредка доносится сюда северным ветром, истомили меня, я словно изнемог и все никак не соберусь написать Вам, дорогой Александр Иванович. Простите мне великодушно, отпустите мне мои грехи и верьте — я благодарен Вам бесконечно. Если бы я не жил в Ялте, то эта зима была бы для меня счастливейшей в жизни.

Итак, я все еще в Ялте. Теперь вечер. Ветер дует, как в четвертом акте «Чайки», но ко мне никто не приходит, а напротив, я сам должен буду уйти после десяти, надевши шубу. В общем, живется скучно. Приходится делать над собой усилие, чтобы жить здесь изо дня в день и не роптать на судьбу. Я читаю газеты, читаю про словарь Пушкина [3] и, конечно, завидую тем, кто помогает Вам.

Я продал Марксу свои сочинения на веки вечные и уже послал ему для первого тома целый пуд моих «лицейских» рассказов, не вошедших еще ни в один из сборников, мелких, как снетки. И все вместе они похожи на постный борщ со снетками. Издание, вероятно, будет хорошее.

Екатерина Великая кланяется и спрашивает, когда же Вы приедете в Ялту; она глубоко верует, что Вы скоро приедете. Мария Александровна все болеет и худеет.

Крепко жму Вам руку, низко кланяюсь и благодарю от всей души, от всего сердца. Будьте здоровы, счастливы, и да будет Арбат и прилегающие к нему переулки самым приятным и благополучным местом на земле.

Ваш *А. Чехов.*

В январе мне минуло 39 лет.

Вы обещали весной приехать в Ялту. Когда прикажете ждать Вас: в марте или апреле? По приметам, весна будет чудная, восхитительная.

527

П. П. ГНЕДИЧУ

4 февраля 1899, Ялта

4 февр.

Дорогой Петр Петрович, прежде всего сердечно благодарю Вас за статью о моей пьесе [1]. Для меня это была такая радость, что не могу выразить. Да и труппа Художественного театра осталась довольна. Вы ее подбодрили; по поводу Вашей статьи я получал восторженные письма.

Что касается Пушкинского сборника, то, право, не знаю, как мне быть. У меня нет ничего готового, я ничего не пишу теперь и не могу писать [2]. Я могу теперь только редактировать рассказы, которые продал Марксу, и читать корректуру; писать же засяду, вероятно, не скоро, не раньше конца апреля, когда опять поселюсь у себя в Серпуховском уезде. Здесь обстановка совсем не для письма, да и события в личной жизни все такие, что нет возможности сосредоточиться хотя бы для очень небольшого рассказа. Видите, не могу пообещать ничего определенного.

Как Вы поживаете? Давно уже я не видел Вас. В конце мая я приеду в Петербург, но ведь тогда Вы будете уже на юге?

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку и еще раз благодарю. Прочтите Горького «В степи» и «На плотах». По-видимому, это большой талант; грубый, рудиментарный, но все же большой. Если нет времени, то прочтите только «В степи».

Марксу я продался за 75 тыс. Доход с пьес принадлежит мне и моим наследникам. Будущие произведения идут по 250 р. за лист; через каждые пять лет цена за лист увеличивается на 200 р.

Ваш *А. Чехов.*

«Горящие письма» благополучно дошли по адресу; я получил тысячу благодарностей от Мерперта и извещение, что Вашу пьесу уже начали репетировать [3].

528

Ал. П. ЧЕХОВУ

5 февраля 1899, Ялта

5 февр.

Глубокомысленный Саша! Надень новые брюки, ступай в редакцию «Нового времени» и распорядись, чтобы там переписали сказку мою «Сказка»[1], напечатанную в 4253 №, и пришли мне. Распорядись также, наняв даже кого-нибудь за деньги (по поденщине), чтобы отыскали в том же «Новом времени», через год после № 4253, на пасху или рождество, или Новый год, напечатанную другую сказку о миллионерах, держащих пари [2]. Также вели переписать рассказы «Скука жизни», «Учитель» и «Тяжелые люди», напечатанные в том же «Новом времени», в первый год моего сотрудничества в оной хорошей газете [3]. Все это нужно для г. Маркса, нашего благодетеля, который купил у меня мои произведения, даже несмотря на твое дурное поведение.

Сегодня получил письмо от Суворина и Тычинкина. Суворин говорит об учиненной мною продаже; то, что не он купил, объясняет он тем, что Сергеенко о продаже сказал ему, когда уже было кончено с Марксом и

проч. и проч., и объясняется в дружбе и хороших чувствах. Письмо его очень тепло написано [4]. Тычинкин тоже объясняется в чувствах и критикует «молодую» редакцию [5].

Как-никак, а в общем «Новое время» производит отвратительное впечатление. Телеграмм из Парижа нельзя читать без омерзения, это не телеграммы, а чистейший подлог и мошенничество [6]. А статьи себя восхваляющего Иванова! [7] А доносы гнусного Петербуржца! [8] А ястребиные налеты Амфитеатрова! Это не газета, а зверинец, это стая голодных, кусающих друг друга за хвосты шакалов, это черт знает что. Оле, пастыри израилевы!

Я и Суворин намереваемся ознаменовать наше книгоиздательство, продолжавшееся 12 лет столь благополучно. Посоветуй, как ознаменовать, чем?

Денег от Маркса я еще не получил. Должно быть, по ошибке он послал все деньги тебе.

Отчего бы тебе не завести сношений с московским «Курьером»? Там весьма нуждаются в беллетристике. Маша могла бы оказать тебе протекцию, ибо «Курьер» издается ее приятелями, иерусалимскими дворянами. Газета хорошая, платит хорошо. Ты можешь сразу заломить по 4 коп. за строчку. Мало? Ну, по 12 коп.

Итак, значит, я уже не издаюсь у Вас, и Неупокоев уже отошел от меня, как Иаков отошел от Лавана. «Не желаю быть знакомым»,— как говорил кто-то когда-то хриплым басом.

В начале поста Суворин приедет ко мне в Ялту.

Ты писал недавно о желании купить себе кусочек земли. Где бы ты хотел купить? На севере? На юге? Отвечай обстоятельно.

Кланяйся своему семейству и будь здоров. Если тебе Маркс прислал мои деньги, то возврати.

Твой брат и благодетель

А. Чехов.

529

Л. А. АВИЛОВОЙ

5 февраля 1899, Ялта

5 февр.

Многоуважаемая Лидия Алексеевна, я к Вам с большой просьбой, чрезвычайно скучной,— не сердитесь, пожалуйста. Будьте добры, найдите какого-нибудь человека или благонравную девицу и поручите переписать мои рассказы, напечатанные когда-то в «Петербургской газете». И также походатайствуйте, чтобы в редакции «Петербургской газеты» позволили отыскать мои рассказы и переписать, так как отыскивать и переписывать в Публичной библиотеке очень неудобно. Если почему-либо просьба эта моя не может быть исполнена, то, пожалуйста, пренебрегите, я в обиде не буду; если же просьба моя более или менее удобоисполнима, если у Вас есть переписчик, то напишите мне, и я тогда пришлю Вам список рассказов, которых не нужно переписывать. Точных дат у меня нет, я забыл даже, в каком году печатался в «Петербургской газете», но когда Вы напишете мне, что переписчик есть, я тотчас же обращусь к какому-нибудь петербургскому старожилу-библиографу, чтобы он потрудился снабдить Вас точными датами.

Умоляю Вас, простите, что я беспокою Вас, наскучаю просьбой; мне ужасно совестно, но после долгих размышлений я решил, что больше мне не к кому обратиться с просьбой. Рассказы мне нужны; я должен вручить их Марксу на основании заключенного между нами договора, а что хуже всего — я должен опять читать их, редактировать и, как говорит Пушкин, «с отвращением читать жизнь мою»... [1]

Как Вы поживаете? Что нового?

Мое здоровье порядочно, по-видимому; как-то среди зимы пошла кровь, но теперь опять ничего, все благополучно.

По крайней мере напишите, что Вы не сердитесь, если вообще не хотите писать.

В Ялте чудесная погода, но скучно, как в Шклове. Я точно армейский офицер, заброшенный на окраину. Ну, будьте здоровы, счастливы, удачливы во всех Ваших делах. Поминайте меня почаще в Ваших святых молитвах, меня многогрешного.

Преданный *А. Чехов.*

Теперь меня будет издавать не Суворин, а Маркс. Я теперь «марксист».

530

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

8 февраля 1899, Ялта

8 февр.

Милый Владимир Иванович, был ли у тебя офицер Лесков? Теперь явление второе: к тебе придет Зоя Петровна, урожденная Кундасова, 25 лет, кончившая у Федотова, служившая два года в провинции ingénue dramatique *. За нее просит очень симпатичный человек — ее сестра. Пожалуйста, не откажись принять сию Зою, исследуй ее, выстукай, выслушай и скажи, годится ли она для сцены и, в частности, может ли когда-нибудь рассчитывать поступить в Художественный театр. Сестра ее так прямо и говорит, чтоб ей для дебюта дали сыграть Чайку.

Ты заработался, я же подавлен праздностью. Я теперь подобен заштатному городу, в котором застой дел полнейший. Скоро великий пост — и ты почиешь на лаврах, отдохнешь — и да благо ти будет.

Если найдется подходящая минута, то напиши мне, в каких числах вы все будете в Одессе, Харькове и Киеве, чтобы я мог приехать туда повидаться. Кстати сказать, здешний ялтинский антрепренер собирается телеграфировать тебе насчет того, чтобы труппа приехала на несколько спектаклей в Ялту.

За обещание сняться и прислать мне фотографию большое спасибо. Буду ожидать с нетерпением.

---

* театральное амплуа наивной девушки (*франц.*).

Я не пишу ничего о «Дяде Ване», потому что не знаю, что написать. Я словесно обещал его Малому театру, и теперь мне немножко неловко. Похоже, будто я обегаю Малый театр. Будь добр, наведи справку: намерен ли Малый театр поставить в будущем сезоне «Дядю Ваню»? Если нет, то я, конечно, объявлю сию пьесу porto-franco;* если же да, то для Художественного театра я напишу другую пьесу [1]. Ты не обижайся: о «Дяде Ване» был разговор с малотеатровцами уже давно; и в этом году я получил письмо от А. И. Урусова, который уведомляет меня, что у него был разговор с А. И. Южиным и проч. и проч.

Я продал Марксу все, кроме дохода с пьес.

От праздности я так же коченею, как ты от холода.

Будь здоров, крепко жму руку. Поклонись Екатерине Николаевне и всем в театре.

Твой А. Чехов.

531

А. Ф. МАРКСУ

16 февраля 1899, Ялта

16 февраля 1899.

Многоуважаемый
Адольф Федорович!

Посылаю Вам удостоверение, засвидетельствованное у нотариуса, и прошу извинить за невольную неаккуратность, допущенную благодаря поспешности.

Материал для полного собрания моих сочинений я представлю Вам гораздо раньше июля и прошу верить, что все, к чему меня обязывает наш договор, я исполню самым тщательным образом. Лично для меня было бы удобнее, если бы Вы приступили к изданию до мая и чтобы, таким образом, я мог прочесть корректуру в течение первых летних месяцев, когда я буду жить не так далеко от Петербурга. Мне кажется, что к изданию «Каштанки», рассказа для детей (если Вы намерены из-

* Здесь: свободной для использования (*итал.*).

давать его отдельно), можно приступить теперь же; и теперь же, независимо от полного собрания, можно приступить к изданию моих пьес, всех в одном томе или каждой в отдельности, для театров; это чтобы не было перерыва в продаже их.

Материал для первого тома я послал Вам 27 января. Всего 65 рассказов; так как все это мелкие рассказы, то редактировать их будет удобнее в корректуре.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно уважающим Вас и готовым к услугам.

А. Чехов.

Ялта.

532

Л. А. АВИЛОВОЙ

18 февраля 1899, Ялта

18 февр.

Как-то, месяца 2—3 назад, я составил список рассказов, которых не нужно переписывать, и послал этот список в Москву [1]. Теперь я требую его назад, но если в течение 5—6 дней мне не возвратят его, то я составлю другой и пришлю Вам, матушка. За Вашу готовность помочь мне и за милое, доброе письмо шлю Вам большое спасибо, очень, очень большое. Я люблю письма, написанные не в назидательном тоне.

Вы пишете, что у меня необыкновенное уменье жить. Может быть, но бодливой корове бог рог не дает. Какая польза из того, что я умею жить, если я все время в отъезде, точно в ссылке. Я тот, что по Гороховой шел и гороху не нашел, я был свободен и не знал свободы, был литератором и проводил свою жизнь поневоле не с литераторами; я продал свои сочинения за 75 тыс. и уже получил часть денег, но какая мне от них польза, если вот уже две недели, как я сижу безвыходно дома и не смею носа показать на улицу. Кстати о продаже. Продал я Марксу прошедшее, настоящее и будущее; совершил я сие, матушка, для того, чтобы привести свои дела в порядок. Осталось у меня 50 тыс., которые (я получу их

окончательно лишь через два года) будут мне давать ежегодно 2 тыс., до сделки же с Марксом книжки давали мне около 3½ тыс. ежегодно, а за последний год я, благодаря, вероятно, «Мужикам», получил 8 тыс.! Вот Вам мои коммерческие тайны. Делайте из них какое угодно применение, только не очень завидуйте моему необыкновенному уменью жить.

Все-таки, как бы ни было, если попаду в Монте-Карло, непременно проиграю тысячи две — роскошь, о которой я доселе не смел и мечтать. А может быть, я и выиграю? Беллетрист Иван Щеглов называет меня Потемкиным и тоже восхваляет меня за уменье жить. Если я Потемкин, то зачем же я в Ялте, зачем здесь так ужасно скучно. Идет снег, метель, в окна дует, от печки идет жар, писать не хочется вовсе, и я ничего не пишу.

Вы очень добры. Я говорил уж это тысячу раз и теперь опять повторяю.

Будьте здоровы, богаты, веселы, и да хранят Вас небеса. Крепко жму Вам руку.

Ваш *А. Чехов.*

533

И. И. ОРЛОВУ

22 февраля 1899, Ялта

22 февр.

Здравствуйте, милый Иван Иванович! Ваш приятель Крутовский был у меня; мы поговорили о французах, о Панаме, но ввести его, как Вы желали, в кружок ялтинских знакомых я не успел, так как он, поговоривши о политике, ушел к шарманкам; это было вчера, а сегодня он в Гурзуфе.

Я продал Марксу все — и прошедшее и будущее, стал марксистом на всю жизнь. За каждые 20 листов уже напечатанной прозы я буду получать с него 5 тысяч; через 5 лет буду получать 7000 и т. д. — через каждые 5 лет прибавки, и таким образом, когда мне будет 95 лет, я буду получать страшную уйму денег.

За прошедшее я получу 75 тыс. Доход с пьес я выторговал себе и своим наследникам. Но все-таки — увы! — мне еще далеко до Вандербильта. 25 тысяч уже тю-тю, а остальные 50 я получу не сразу, а в течение двух лет, так что я могу задать настоящий шик.

Новостей никаких особенных. Пишу очень мало. В будущем сезоне пьеса моя, раньше в столицах не шедшая, пойдет на Малом театре:[1] доходишко, как видите. Дом мой в Аутке почти еще не начинался благодаря сырой погоде, которая продолжалась почти весь январь — февраль. Придется уехать, не дождавшись конца постройки. Мой кучукойский майонез (так Н. И. Пастухов, издатель «Московского листка», называет майорат) очарователен, но почти недоступен. Мечтаю выстроить там домик подешевле, но по-европейски, чтобы проводить там время и зимою. Теперешний двухэтажный домик годен только для летнего жития[2].

Моя телеграмма насчет Чертова о-ва не предназначалась для печати; это совершенно частная телеграмма[3]. В Ялте она вызвала ропот негодования. Один из здешних старожилов, академик Кондаков, по поводу этой телеграммы сказал мне:

— Мне обидно и досадно.

— Что такое? — изумился я.

— Мне обидно и досадно, что не я напечатал эту телеграмму.

В самом деле, Ялта зимой — это марка, которую не всякий выдержит. Скука, сплетни, интриги и самая бесстыдная клевета. Альтшуллеру приходится кисло на первых порах, многоуважаемые товарищи сплетничают про него неистово.

В Вашем письме текст из писания. На Ваше сетование относительно гувернера и всяких неудач[4] я отвечу тоже текстом: не надейся на князи и сыны человеческие... И напомню еще одно выражение, касающееся сынов человеческих, тех самых, которые так мешают жить Вам: сыны века. Не гувернер, а вся интеллигенция виновата, вся, сударь мой. Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу,

стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни доктора-дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры. Вспомните, что Катков, Победоносцев, Вышнеградский — это питомцы университетов, это наши профессора, отнюдь не бурбоны, а профессора, светила... Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики,— в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д. и т. д. — и все это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции en masse* и несмотря ни на что.

Как И. Г. Витте? Здесь Коврейн. Устроился он хорошо. Кольцову немножко лучше. Крепко жму руку, будьте здоровы, благополучны, веселы. Пишите!!

Ваш *А. Чехов*

231

А. Ф. МАРКСУ

25 февраля 1899, Ялта

25 февраля.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

Спешу ответить на Ваше письмо. Я представлю Вам все свои беллетристические и драматические произведения, которые когда-либо печатал под фамилией или псевдонимом, не исключая и самых мелких. Одна часть

* в целом (*франц.*).

их уже помещена в сборниках, которые Вы уже получили от меня через П. А. Сергеенко, другая часть имеется у меня в оттисках и в настоящее время мною редактируется, третья же, размеров которой я пока определить не могу, по моему поручению переписывается в Петербурге и Москве и будет мне доставлена не позже марта. У меня не сохранилось точных дат; из рассказов, разбросанных во множестве газет и журналов, на пространстве почти двух десятков лет, многие мною уже забыты; забыты и названия рассказов, и мои подписи, и даже названия журналов, и, чтобы возобновить все в памяти, мне нужно пересмотреть все письма редакторов и издателей, которые у меня хранятся. Сделать же это, т. е. пересмотреть письма, я могу не раньше апреля, когда возвращусь домой, поручить же это комунибудь другому нельзя, так как разобраться в массе писем за 20 лет могу только я сам, и к тому же у меня в усадьбе в настоящее время нет ни одного грамотного человека. Но то, что забыто, составляет ничтожную часть всей массы и не должно быть принимаемо в расчет при распределении материала по томам. На тех рассказах и драматических произведениях, которые я найду неудобными для полного собрания, будет сделана NB: «В полное собрание сочинений не войдет». За Ваше предложение помочь мне, прислать нужные журналы, благодарю Вас. «Осколки» и «Стрекоза» у меня есть, из «Будильника» уже переписывают в Москве. Нет ли у Вас «Сверчка» и «Зрителя» (второй год)? Если есть, то не откажите прислать мне в Ялту, я возвращу по миновании надобности.

Свои произведения я буду располагать в хронологическом порядке, но держаться строго этого порядка невозможно, и я буду только стараться, чтобы новые произведения не смешивались со старыми. Особенно крупных вещей у меня нет, и потому делить на более или менее крупные я не буду. Что касается объема томов, то и я также желаю, чтобы распределение материала было возможно равномерное, чтобы томы были одинакового объема и чтобы тип книжки определился теперь же, чтобы не менять его в будущем при поступлении нового материала. Объем и формат книжки впол-

не зависит от Вас; у меня на этот счет только одно мнение: чем толще книжка, тем лучше. О количестве томов можно будет судить приблизительно через 2 — 3 недели, когда у меня будет уже собран почти весь материал.

Магазин Суворина обещает прислать Вам нужные сведения тотчас же, как только он сам получит нужные справки из провинции (магазины и железнодорожные шкафы). Две книжки — «Рассказы» и «Каштанка» — уже распроданы.

Продолжать сотрудничать в «Ниве» я буду с большим удовольствием, так как люблю Ваш журнал. В настоящее время, пока я не дома, я работаю очень мало и неохотно, но в апреле, вероятно, начну работать как следует и буду присылать Вам рассказы, которые по своему содержанию и цензурным условиям будут подходить для Вашего журнала.

Теперь о фотографии. В Ялте сниматься нельзя, здесь нет порядочной фотографии. Придется отложить до Москвы. Я буду сниматься, только уступая Вашему желанию, сам же я, если бы это зависело от меня, не помещал бы своего портрета, по крайней мере в первых изданиях. То же самое могу сказать и о моей биографии. Если Вы найдете возможным обойтись без портрета и биографии, то этим меня очень обяжете.

Получено Ваше письмо от 20-го февраля. В первые томы войдут рассказы, которые я уже послал Вам, а также рассказы, помещенные в сборнике «Пестрые рассказы», «В сумерках» и «Рассказы». Кроме того, я пришлю еще мелких рассказов по крайней мере на один том. В своем последнем письме Вы спрашиваете относительно рассказов, которые я помещал когда-то в «Петербургской газете». Часть их уже вошла в сборники, другая часть имеется у меня в оттисках или переписывается.

В заключение позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно Вас уважающим и преданным.

А. Чехов.

Ялта.

535

Л. А. АВИЛОВОЙ

26 февраля 1899, Ялта

26 февр.

Многоуважаемая Лидия Алексеевна, посылаю список рассказов, которых не нужно переписывать. Скажите моему переписчику, что я сострадаю ему всей душой. Все мало-мальски порядочные и сносные рассказы уже давно выбраны и остались непереписанными только плохие, очень плохие и отвратительные, которые мне нужны теперь только потому, что на основании 6 пункта договора я обязан сдать их г. Марксу.

Каждый рассказ переписывается на особой тетрадке с полями, на одной стороне; формат — четверть листа. На каждом рассказе №: такой-то год, такой-то №.

А это большое удовольствие сознавать, что мне уже не придется для каждой новой книжки придумывать название. Будут просто «Рассказы», том I, том II и т. д. Маркс хочет дать мой портрет, но я упираюсь. Обещает издать прекрасно. Увидим, если живы будем. Новое издание, по всей вероятности, выйдет не раньше августа.

Дней 5—6 назад я послал Вам письмо, а сегодня пишу опять. Что нового в Петербурге и в литературе? Нравится ли Вам Горький? Горький, по-моему, настоящий талант, кисти и краски у него настоящие, но какой-то невыдержанный, залихватский талант. У него «В степи» великолепная вещь. А. Вересаев и Чириков мне совсем не нравятся [1]. Это не писанье, а чириканье; чирикают и надуваются. И писательница Авилова мне не нравится за то, что мало пишет. Женщины-писательницы должны писать много, если хотят писать; вот Вам пример — англичанки. Что это за чудесные работницы! Но я, кажется, ударился в критику; боюсь, что в ответ Вы напишете мне что-нибудь назидательное.

Сегодня погода очаровательная, весенняя. Птицы

кричат, цветут миндаль и черешни, жарко. Но все-таки надо бы на север. В Москве в 18-й раз идет «Чайка»; говорят, поставлена она великолепно.

Будьте здоровы, крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

536

А. С. СУВОРИНУ

4 марта 1899, Ялта

4 март.

Я и академик Кондаков ставим в пользу Пушкинской школы «Келью в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова». Пимена будет играть сам Кондаков. Будьте добры, сделайте божескую милость, ради святого искусства, напишите в Феодосию кому следует, чтобы мне прислали оттуда по почте гонг, который у Вас там висит; китайский гонг. Нам это нужно для звона. Я возвращу в совершенной целости. Если же нельзя, то поспешите написать мне; придется тогда в таз звонить.

Это не все. Опять просьбы, просьбы и просьбы. Если продаются фотографии или вообще снимки с последних картин Васнецова [1], то велите выслать мне их наложенным платежом. О студенческих беспорядках [2] здесь, как и везде, много говорят и вопиют, что ничего нет в газетах. Получаются письма из Петербурга, настроение в пользу студентов. Ваши письма о беспорядках не удовлетворили — это так и должно быть, потому что нельзя печатно судить о беспорядках, когда нельзя касаться фактической стороны дела. Государство запретило Вам писать, оно запрещает говорить правду, это произвол, а Вы с легкой душой по поводу этого произвола говорите о правах и прерогативах государства — и это как-то не укладывается в сознании. Вы говорите о праве государства, но Вы не на точке зрения права [3]. Права и справедливость для государства те же, что и для всякой юридической личности. Если государство неправильно отчуждает у меня кусок земли, то я подаю в суд, и сей последний восстановляет мое право; разве

не должно быть то же самое, когда государство бьет меня нагайкой, разве я в случае насилия с его стороны не могу вопить о нарушенном праве? Понятие о государстве должно быть основано на определенных правовых отношениях, в противном же случае оно — жупел, звук пустой, пугающий воображение.

Случевский писал мне насчет Пушкинского сборника, и я ответил ему. Не знаю почему, но иногда почему-то мне бывает жаль его [4]. А читали Вы письмо Michel'я Deline'a?[5] Я с ним виделся несколько раз в Ницце, он бывал у меня. Это Дерулед иудейского вероисповедания.

Меня зовут в Париж, но и тут уже начинается хорошее время. Приедете? Приезжайте в конце поста, вернемся вместе. Если гонга нельзя получить, то телеграфируйте. Спектакль у нас на третьей неделе. Анне Ивановне, Насте и Боре привет. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

537

В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

5 марта 1899, Ялта

5 март.

Дорогой Василий Михайлович, здравствуйте! На адресе, который мне прислали из Москвы (по поводу «Чайки») [1], были подписи Ваша и Варвары Алексеевны; с тех пор мне хотелось написать Вам, это желание сидело во мне гвоздем, но я все никак не мог собраться; мешали и дела и люди. Переписки у меня очень много, моя комната похожа на почтовое отделение, а люди ходят то и дело; часа нет свободного, хоть беги вон из Ялты.

С тех пор как я не писал Вам, много воды утекло в море и многое изменилось под нашим зодиаком. Во-первых, я продался Марксу, как Вам известно, за 75 тыс. Уже получил 20 тыс., остальные деньги, по договору, получу в 1900 и 1901 гг. Доход с пьес остается мне и моим наследникам. Денег у меня теперь много,

так что святейший синод разрешил мне проиграть в рулетку 2—3 тысячи.

Во-вторых, прошла длинная, скучная зима, наступила великопостная весна. Светло до боли в глазах, тепло, цветут фиалки и миндаль, у моря ласковый вид. Очень, очень хорошо. В-третьих, здоровье мое, по-видимому, поправилось настолько, что будущую осень и начало зимы я решил провести в Москве, и это мое решение тем более крепко, что мне уже страшно наскучило скитаться по зимам и издали поглядывать на виноград, подобно лисице, и облизываться. Буду жить в Москве и уезжать в феврале вместе с Вами за границу.

Тут в Ялте Ваши знакомые — Осипов, Елпатьевский, Вукол Лавров. И все они чувствуют себя прекрасно и славословят Ялту. Елпатьевский вчера подмигнул глазом и сказал, что очень возможно, что и Вы приедете в Ялту погостить. Ах, если бы это было возможно! Я был бы Вам *бесконечно* рад. По всей вероятности, в марте погода будет хорошая, а в апреле роскошная, старожилы уверены в этом; устроиться здесь можно вполне комфортабельно; Усатов, бывший тенор, а ныне ялтинский обыватель, отыщет для Вас такого вина, какого Вы еще никогда не пили в Крыму. Устриц сколько угодно. По моему мнению, приехать сюда следует не только Вам, но также и Варваре Алексеевне с Наташей, Глебом и Варей. Не все же кататься за границей, нужно изредка обращать взоры и на родные курорты.

Мне пишут из Ниццы. Сезон плохой, но больных много, врачи хорошо заработали. Н. И. Юрасов лет 6—10 назад написал драму из жизни ниццских русских и теперь печатает эту драму, читает корректуру и кашляет над ней. Вальтер умоляет отыскать для него какую-нибудь работу в России на летнее время — работу медицинскую, и я положительно не знаю, что делать, скучает же он по родине, очевидно, в высшей степени. Oelsnitz практикует, Ковалевский в Париже, в «Ville franche», на станции работают немцы, в Monte-Carlo открылось новое отделение, где нельзя ставить меньше 20 франков, а trente-quarante* — менее 100. «Pension

* Название азартной карточной игры (*франц.*).

Russe» процветает. Английская королева приехала в Ниццу.

В будущем сезоне в Малом театре, кажется, пойдет моя пьеса. Я получил письмо от режиссера, ответил согласием [2].

Когда будете на Воздвиженке, то, пожалуйста, поклонитесь Варваре Алексеевне и детям. Желаю им здоровья и всего самого лучшего на свете и шлю им привет.

Напишите мне хоть две строчки: можно ли надеяться, что Вы приедете в Ялту? Крепко жму Вам руку и кланяюсь.

Ваш *А. Чехов.*

Здесь академик Кондаков; мы встречаемся каждый день и говорим о Вас.

538

В. Г. КОРОЛЕНКО

5 марта 1899, Ялта

5 март.

Дорогой Владимир Галактионович, мне, очевидно, благодаря Вам стали высылать «Русское богатство», и это дало мне возможность прочесть Ваш чудесный рассказ [1] и вот дает повод написать Вам. Как Вы поживаете? С. Я. Елпатьевский привез добрые вести насчет Вашего здоровья, и я очень рад. Не работайте очень много, не утомляйтесь, чтобы опять не нажить бессонницы и чтобы не расклеилось здоровье.

Мои бациллы не очень меня беспокоят, я чувствую себя недурно. В конце марта или начале апреля поеду к себе домой, в Лопасню.

От всей души благодарю Вас за память, за журнал, который я читаю с большим удовольствием, и желаю Вам всего, всего хорошего.

Крепко жму Вам руку. Преданный

А. Чехов.

Ялта.

539

Л. А. АВИЛОВОЙ

9 марта 1899, Ялта

9 март.

Матушка, тетрадки с переписанными рассказами присылайте мне; я буду переделывать, а то, чего переделывать нельзя,— бросать в реку забвения. К числу рассказов, которых переписывать не нужно, прибавьте еще «Козлы отпущения», «Сонная одурь», «Писатель» [1].

В съезде писателей[2] участвовать я не буду. Осенью буду в Крыму или за границей, конечно если буду жив и свободен. Все лето проживу у себя в Серпуховском уезде. Кстати: в каком уезде Тульской губ. Вы купили себе имение? В первые два года после покупки приходится трудно, минутами бывает даже очень нехорошо, но потом все мало-помалу сводится к нирване, сладостной привычке. Я купил имение в долг, мне было очень тяжело в первые годы (голод, холера), потом же все обошлось, и теперь приятно вспомнить, что у меня где-то около Оки есть свой угол. С мужиками я живу мирно, у меня никогда ничего не крадут, и старухи, когда я прохожу по деревне, улыбаются или крестятся. Я всем, кроме детей, говорю *вы*, никогда не кричу, но главное, что устроило наши добрые отношения,— это медицина. Вам в имении будет хорошо, только, пожалуйста, не слушайте ничьих советов, ничьих запугиваний и в первое время не разочаровывайтесь и не составляйте мнения о мужиках; ко всем новичкам мужики в первое время относятся сурово и неискренно, особенно в Тульской губ. Есть даже поговорки: он хороший человек, хотя и туляк.

Видите, вот Вам и нечто назидательное, матушка. Довольны?

Знакомы ли Вы с Л. Н. Толстым? Далеко ли Ваше имение будет от Толстого? Если близко, то я Вам завидую. Толстого я люблю очень. Говоря о новых писателях, Вы в одну кучу свалили и Мельшина. Это не так. Мельшин стоит особняком, это большой, неоцененный писатель, умный, сильный писатель, хотя, быть может,

и не напишет больше того, что уже написал. Куприна я совсем не читал. Горький мне нравится, но в последнее время он стал писать чепуху, чепуху возмутительную, так что я скоро брошу его читать. «Смиренные»[3] — хороши, хотя можно было бы обойтись без Бухвостова, который своим присутствием вносит в рассказ элемент напряженности, назойливости и даже фальши. Короленко — чудесный писатель. Его любят — и недаром. Кроме всего прочего, в нем есть трезвость и чистота.

Вы спрашиваете, жалко ли мне Суворина [4]. Конечно, жалко. Его ошибки достаются ему недешево. Но тех, кто окружает его, мне совсем не жалко.

Однако я расписался. Будьте здоровы. Благодарю Вас от всей души, от всего сердца.

Ваш *А. Чехов.*

540

П. А. СЕРГЕЕНКО

17 марта 1899, Ялта

17 март.

Милый Петр Алексеевич, посылаю, по глаголу твоему, 100 р. Н. Н. Юшковой в Норманку и столько же П. В. Троицкой в Чистополь — и очень, очень рад, что это так вышло, т. е. что ты обратился ко мне и что я исполнил твое желание [1]. Ты пишешь: «торопи добрых людей». Я по возможности обираю ялтинских «добрых людей», но специально для Самарского кружка, питающего детей, и уж послал туда тысячу рублей [2]. Одно могу сделать для Казанской губернии: напечатаю к сведению «добрых людей» в местной газете присланные тобою адреса.

Маркс, по-видимому, старается завести со мной переписку, но не совсем дружескую. Канальский немец уже начинает пугать неустойкой [3] и в письмах приводит целиком пункты договора. Я написал ему в ответ, что неустойки я не боюсь.

В «Новом времени» нехорошо. В разных городах демонстративно пишут и печатают заявления и постанов-

ления об отказе читать «Новое время»[4]. Даже в Ялте члены местного клуба в общем собрании единогласно решили «Нового времени» не получать и заявление об этом напечатать в «Петербургских ведомостях».

Нового ничего нет, все по-старому. Будь здоров и весел. Жму руку.

Твой *А. Чехов.*

541

И. И. ОРЛОВУ

18 марта 1899, Ялта

18 март.

Дорогой Иван Иванович, Альтшуллер, вероятно, уже написал Вам — Кольцов умер, и мы его хоронили в ясный, теплый день на ауткинском кладбище.

В Ялте уже весна; все зеленеет, цветет, на набережной встречаются новые лица. Сегодня приедут Миролюбов и Горький, начинается съезд, а я, вероятно, через 2—2½ недели укачу отсюда на север, поближе к Вам. Дом мой строится, но муза моя совершенно расстроилась, я ничего не пишу, и работать совсем не хочется; надо вздохнуть иным воздухом, а здесь на юге такая лень! Настроение большею частью скверное благодаря письмам, которые шлют мне друзья и знакомые. То и дело приходится в письмах или утешать, или отчитывать, или грызться на собачий манер. Получаю много писем по поводу студенческой истории — от студентов, от взрослых; даже от Суворина три письма получил. И исключенные студенты ко мне приходили. По-моему, взрослые, т. е. отцы и власть имущие, дали большого маху; они вели себя, как турецкие паши с младотурками и софтами, и общественное мнение на сей раз весьма красноречиво доказало, что Россия, слава богу, уже не Турция. Кое-какие письма покажу Вам при свидании, а пока давайте говорить о Вас. Как вы поживаете? Думаете ли приехать в Ялту? Когда? Застану ли я Вас летом в Подсолнечном, если приеду?

По-моему, Кольцов умер от эмболии. Незадолго до смерти в легком у него был инфаркт. Вероятно, был эндокардит, на какой почве? не знаю, не спрашивал у лечивших его докторов. Мельком слышал, что нашли много белка. По-видимому, человек замучился вконец от разных хлопот и умер оттого, что замучился.

Альтшуллер здравствует, хандрит. Преосвященный Елпатий воздвигает здание [1], бодро шагает, весел, неутомим, остроумен. В женской гимназии бываю реже; там все благополучно, по-прежнему гостеприимны и милы. Синани все тот же.

Крепко жму руку. Будьте здоровы, веселы и живите с аппетитом, без скуки, без болезней, а главное — приезжайте к нам каждый год.

Ваш *А. Чехов.*

542

Н. М. ЕЖОВУ

18 марта 1899, Ялта

Дорогой Николай Михайлович, если врачи разрешают Епифанову ехать в Ялту теперь же и если он сам не против поездки, то отправьте его, пожалуйста, т. е. купите билет, посадите в вагон и проч. и напишите мне, сколько Вы истратили. Из Севастополя до Ялты он проедет на пароходе, в Ялте поместим его на все лето в приют, где за ним будет хороший уход. Но прежде чем отправлять его, посоветуйтесь с врачами, в силах ли он, чтобы доехать до Ялты, не лучше ли на лето остаться в Москве и т. д. и т. д. Полагаю все сие на Ваше благоусмотрение. В случае, если поездка его будет решена, сообщите мне, а потом о дне выезда из Москвы заранее уведомьте, хотя бы телеграммой (Ялта Чехову) [1].

Да и Вам не мешало бы проехаться в Крым и отдохнуть здесь. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

99 18/III

543

Л. А. АВИЛОВОЙ

23 марта 1899, Ялта

23 март.

Вы не хотите благодарностей, но все же, матушка, позвольте воздать должную хвалу Вашей доброте и распорядительности [1]. Все прекрасно, лучше и быть не может. Один переписчик пишет «скажитѣ», но это не беда; к тому же, быть может, это так и напечатано в «Петербургской газете». Цена очень подходящая, срок какой угодно, но не позже весны; желательно все получить до конца мая.

С Сергеенко я учился вместе в гимназии, и, мне кажется, я знаю его хорошо. Это по натуре веселый, смешливый человек, юморист, комик; таким он был до 30—35 лет, печатал в «Стрекозе» стихи (Эмиль Пуп), неистово шутил и в жизни и в письмах, но как-то вдруг вообразил себя большим писателем — и все пропало. Писателем он не стал и не станет, но среди писателей уже занял определенное положение: он гробокопатель. Если нужно завещать, продать навеки и т. п., то обращайтесь к нему. Человек он добрый.

В Вашем письме две новости: 1) Вы похудели? и 2) Вы писали о «Чайке»? Где и когда? Что Вы писали?[2]

Выбирайте и располагайте материал в Вашей новой книжке сами. Надо обходиться без нянюшек.

У меня ничего нового. Хочу купить матери в Москве небольшой дом и не знаю, как это сделать. Хочу уехать в Москву — и меня не пускают. Деньги мои, как дикие птицы, улетают от меня, и через года два придется поступить в философы.

Я Толстого знаю, кажется, хорошо знаю, и понимаю каждое движение его бровей, но все же я люблю его.

В Ялте Горький. По внешности это босяк, но внутри это довольно изящный человек — и я очень рад. Хочу

знакомить его с женщинами, находя это полезным для него, но он топорщится.

Будьте здоровы, дай Вам бог счастья. Еще раз благодарю и крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

544

М. П. ЧЕХОВОЙ

29 марта 1899, Ялта

29 м.

Милая Маша, я писал тебе уже, что 1-го января 1900 г. я получу от Маркса 30 тыс. и тогда могу уплатить за дом сколько угодно. Если тебе нравится дом Еремеева, то очень хорошо, покупай;[1] быть может, Еремеев согласится продать до 1-го января — тогда совершим купчую, если же не согласится, то можно будет взять взаймы. Заложить можно, но не в большую сумму, не дороже 10 тыс., чтобы не тяжело было платить проценты.

Дом, по-видимому, будет давать небольшой дефицит, но если мы будем иметь удобную, приличную и покойную квартиру, то это вполне окупит все убытки; ибо чем покойнее (в физическом смысле) существование, тем легче и охотнее работается. Хлопочи, чтобы Еремеев взял на себя всю купчую, т. е. все расходы по продаже дома, а то ведь дом обойдется нам в 32½ тысячи. Ты объясни ему, что для него легче уступить, чем нам прибавить.

Что касается «Дяди Вани», то я ничего не буду ни писать, ни телеграфировать;[2] потому что, во-1-х, я не знаю, куда телеграфировать: адрес комитета мне неизвестен, во-2-х, на письма мне не отвечают; я писал уже Немировичу 1000 раз и, в-3-х, все это мне уже надоело ужасно, до одурения... Вообще, повторяю, все это мне надоело, пьес я больше ставить не буду нигде и ни у кого. И писать не буду никому.

В «Сверчке» за 1883 г. много превосходных рисунков Николая. Вот если бы поискать у букинистов под Суха-

ревой и купить! Я решил собрать все рисунки Николая, сделать альбом и послать в Таганрогскую библиотеку с приказом хранить. Есть такие рисунки, что даже не верится, как это мы до сих пор не позаботились собрать их.

На участке в Аутке превосходно цветет миндаль (красные цветы) — весело глядеть. Дом поднимается. Закипела работа.

Приеду я скоро. Будь здорова. Поклон мамаше.

Твой Antoine.

Л. А. АВИЛОВОЙ

6 апреля 1899, Ялта

6 апрель.

Я, матушка, 12-го буду в Москве. Мой адрес: Москва, Малая Дмитровка, д. Владимирова, кв. 10. В Москве проведу пасху, а когда буду уезжать домой, в Лопасню — сообщу особо.

Если мать и сестра еще не отказались от мысли купить себе дом, то непременно побываю у Ангереса на Плющихе. Если я куплю дом, то у меня уже окончательно не останется ничего — ни произведений, ни денег. Придется поступить в податные инспекторы.

Присланные Вами рукописи читаю: [1] о, ужас, что это за дребедень! Читаю и припоминаю ту скуку, с какой писалось все это во времена оны, когда мы с Вами были моложе.

В Ялте уже началась летняя жара. Теперь уже мне не хочется уезжать отсюда.

Итак, остальные рукописи направляйте в Москву. Сколько я должен Вам за переписку?

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

546

А. С. СУВОРИНУ

24 апреля 1899, Москва

24.

Я приехал в Москву и первым делом переменил квартиру. Мой адрес: Москва, Мал. Дмитровка, д. Шешкова. Квартиру эту я нанял на целый год, в смутном расчете, что, быть может, зимой мне позволят пожить здесь месяц-другой.

Ваше последнее письмо с оттиском (суд чести) [1] мне вчера прислали из Лопасни. Решительно не понимаю, кому и для чего понадобился этот суд чести и какая была надобность Вам соглашаться идти на суд, которого Вы не признаете, как неоднократно заявляли об этом печатно. Суд чести у литераторов, раз они не составляют такой обособленной корпорации, как, например, офицеры, присяжные поверенные,— это бессмыслица, нелепость; в азиатской стране, где нет свободы печати и свободы совести, где правительство и $\frac{9}{10}$ общества смотрят на журналиста как на врага, где живется так тесно и так скверно и мало надежды на лучшие времена, такие забавы, как обливание помоями друг друга, суд чести и т. п., ставят пишущих в смешное и жалкое положение зверьков, которые, попав в клетку, откусывают друг другу хвосты. Даже если стать на точку зрения Союза, допускающего суд, то чего хочет он, этот Союз? Чего? Судить Вас за то, что Вы печатно, совершенно гласно высказали свое мнение (какое бы оно ни было), — это рискованное дело, это покушение на свободу слова, это шаг к тому, чтобы сделать положение журналиста несносным, так как после суда над Вами уже ни один журналист не мог бы быть уверен, что он рано или поздно не попадет под этот странный суд. Дело не в студенческих беспорядках и не в Ваших письмах. Ваши письма могут быть предлогом к острой полемике, враждебным демонстрациям против Вас, ругательным письмам, но никак не к суду. Обвинительные пункты как бы умышленно скрывают главную при-

чину скандала, они умышленно взваливают все на беспорядки и на Ваши письма, чтобы не говорить о главном. И зачем это, решительно не понимаю, теряюсь в догадках. Отчего, раз пришла нужда или охота воевать с Вами не на жизнь, а на смерть, отчего не валять начистоту? Общество (не интеллигенция только, а вообще русское общество) в последние годы было враждебно настроено к «Новому времени». Составилось убеждение, что «Новое время» получает субсидию от правительства и от французского генерального штаба. И «Новое время» делало все возможное, чтобы поддержать эту незаслуженную репутацию, и трудно было понять, для чего оно это делало, во имя какого бога. Например, никто не понимает в последнее время преувеличенного отношения к Финляндии, не понимает доноса на газеты, которые были запрещены и стали-де выходить под другими названиями — это, быть может, и оправдывается целями «национальной политики», но это нелитературно; никто не понимает, зачем это «Новое время» приписало Дешанелю и генералу Бильдерлингу слова, каких они вовсе не говорили, и т. д. и т. д. [2]. О Вас составилось такое мнение, будто Вы человек сильный у правительства, жестокий, неумолимый — и опять-таки «Новое время» делало все, чтобы возможно дольше держалось в обществе такое предубеждение. Публика ставила «Новое время» рядом с другими несимпатичными ей правительственными органами, она роптала, негодовала, предубеждение росло, составлялись легенды — и снежный ком вырос в целую лавину, которая покатилась и будет катиться, все увеличиваясь. И вот в обвинительных пунктах ни слова не говорится об этой «лавине», хотя за нее-то именно и хотят судить Вас, и меня неприятно волнует такая неискренность.

После 1-го мая уеду в Мелихово, а пока сижу в Москве и принимаю посетителей, им же несть числа. Утомился. Вчера был у Л. Н. Толстого. Он и Татьяна говорили о Вас с хорошим чувством; им понравилось очень Ваше отношение к «Воскресению» [3]. Вчера я ужинал у Федотовой. Это актриса настоящая, неподдельная. Я здоров. Приедете в Москву?

Ваш *А. Чехов.*

547

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

25 апреля 1899, Москва

25 апрель.

О Вас, драгоценный Алексей Максимович, ни слуху ни духу. Где Вы? Что поделываете? Куда собираетесь?

Третьего дня я был у Л. Н. Толстого; он очень хвалил Вас, сказал, что Вы «замечательный писатель». Ему нравятся Ваша «Ярмарка» и «В степи» и не нравится «Мальва». Он сказал: «Можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадаются именно психологические выдумки, он описывает то, чего не чувствовал». Вот Вам. Я сказал, что когда Вы будете в Москве, то мы вместе приедем к Льву Николаевичу.

Когда Вы будете в Москве? В четверг идет «Чайка», закрытый спектакль для моей особы [1]. Если Вы приедете, то я дам Вам место. Мой адрес: Москва, Малая Дмитровка, д. Шешкова, кв. 14 (ход с Дегтярного пер.). После 1-го мая уезжаю в деревню (Лопасня Московской губернии).

Из Петербурга получаю тяжелые, вроде как бы покаянные письма [2], и мне тяжело, так как я не знаю, что отвечать мне, как держать себя. Да, жизнь, когда она не психологическая выдумка, мудреная штука.

Черкните 2—3 строчки. Толстой долго расспрашивал о Вас, Вы возбуждаете в нем любопытство. Он, видимо, растроган.

Ну, будьте здоровы, жму крепко руку. Поклонитесь Вашему Максимке.

Ваш *А. Чехов.*

548

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

25 апреля 1899, Москва

Письмо Ваше с адресом «Дмитровка» пришло. Простите мне эту кляксу. А утром сегодня я послал Вам письмо.

И как это было возможно не найти в Москве моего адреса?! А я Вас так ждал, так хотел видеть.

Будьте здоровы, благополучны. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

25/IV.

549

Л. А. АВИЛОВОЙ

27 апреля 1899, Москва

27 апр.

Матушка, рассказа, о котором Вы пишете, у меня нет; по-видимому, он никуда не годится, но все же, на основании 47 пункта договора, я обязан представить его г. Марксу.

Вы получили с меня не все. А почтовые расходы? Ведь марок пошло по меньшей мере на 42 рубля. Ведь Вы присылали не бандероли, а тюки!!

Когда мы увидимся? Мне нужно повидаться с Вами, чтобы передать на словах, как бесконечно я Вам благодарен и как в самом деле мне хочется повидаться.

Будьте здоровы, крепко жму Вам руку. В воскресенье я буду еще в Москве. Не приедете ли ко мне с вокзала[1] утром пить кофе?

Ваш *А. Чехов.*

Если будете с детьми, то заберите и детей. Кофе с булками, со сливками; дам и ветчины.

О, если б Вы знали, матушка, как не вяжется с моим сознанием, с моим достоинством литератора это учреждение — суд чести! Наше ли дело судить? Ведь это дело жандармов, полицейских, чиновников, специально к тому судьбой предназначенных. Наше дело писать, и только писать. Если воевать, возмущаться, судить, то только пером. Впрочем, Вы петербуржица, Вы не согласитесь со мной ни в чем — уж такова моя судьба.

550

И. Я. ПАВЛОВСКОМУ

5 мая 1899, Москва

5 май

Дорогой Иван Яковлевич,

судя по тому, что напечатана Ваша корреспонденция, Вы теперь в Париже. С Сытиным я виделся, но о Вас с ним не говорил, так как нам мешали говорить, да и он все время находился в каком-то беспокойно-возбужденном состоянии[1]. Он на сих днях уезжает или уже уехал в Париж, по своим делам, я дал ему адрес Мерперта. Повидайтесь с ним, если хотите, познакомьтесь и поговорите, он простой человек. Если же Вы или он будете не в настроении говорить, то напишите мне,— и я исполню Ваше поручение, т. е. переговорю с Сытиным в конце мая или в июне, когда он вернется из Парижа.

Напишите мне, виделись ли в Киеве с Янковской, купили ли имение и проч. и проч. Напишите поподробнее. Бойкотирование «Нового времени» продолжается, в редакции уныние. Но все это ни к чему, все бесполезно, так как «Новое время» продолжает гнуть свою линию и будет гнуть. Я недавно послал Суворину длинное письмо, в котором вполне искренно, без обиняков написал, в чем общество главным образом обвиняет нововременцев, писал про субсидию, которую якобы «Н. В.» получает от правительства и от генер. штаба французской армии, писал про каннибальцев и проч. Послал это письмо и теперь жалею, так как оно бесполезно, оно как бульканье камешка, падающего в воду[2].

Газета Амфитеатрова плоха[3].

Пишите мне по адресу: Лопасня, Мос. губ.

Приезжайте.

Крепко жму руку и желаю всего, всего хорошего. Поклонитесь Вашей жене и детям.

Ваш *А. Чехов.*

551

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

9 мая 1899, Мелихово

Лопасня Моск. г. 9 май.

Драгоценный Алексей Максимович, посылаю Вам пьесу Стриндберга «Графиня Юлия»[1]. Прочтите ее и возвратите по принадлежности: Петербург, Елене Михайловне Юст, Пантелеймоновская, 13 15.

Охоту с ружьем когда-то любил, теперь же равнодушен к ней. «Чайку» видел без декораций;[2] судить о пьесе не могу хладнокровно, потому что сама Чайка играла отвратительно, все время рыдала навзрыд, а Тригорин (беллетрист) ходил по сцене и говорил, как паралитик; у него «нет своей воли», и исполнитель понял это так, что мне было тошно смотреть[3]. Но в общем ничего, захватило. Местами даже не верилось, что это я написал.

Буду очень рад познакомиться со священником Петровым. Я о нем уже читал. Если он будет в Алуште в начале июля, то устроить свидание будет нетрудно. Книги его я не видел.

Живу у себя в Мелихове. Жарко, кричат грачи, приходят мужики. Пока нескучно.

Я купил себе часы золотые, но банальные.

Когда Вы в Лопасню?

Ну, будьте здоровы, благополучны, веселы. Не забывайте, пишите хотя изредка.

Если вздумаете писать пьесу, то пишите и потом пришлите прочесть. Пишите и держите в секрете, пока не кончите, иначе собьют Вас, перешибут настроение.

Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

552

Е. П. ГОСЛАВСКОМУ

11 мая 1899, Мелихово

11 май.

Я прочитал Вашу пьесу[1], многоуважаемый Евгений Петрович, большое Вам спасибо. В самом деле, пять актов — это много. Я начал бы прямо со второго, как

у Вас, это вышло бы эффектно, и то, что Вам кажется особенно ценным в первом, я перенес бы во второй. У Вас много и актов, и действующих лиц, и разговоров; это не недостаток, а свойство дарования. Как бы ни было, пьеса выиграла бы, если бы Вы кое-кого из действующих лиц устранили вовсе, например Надю, которой неизвестно зачем 18 лет и неизвестно зачем она поэтесса. И ее жених лишний. И Софи лишняя. Преподавателя и Качедыкина (профессора) из экономии можно было бы слить в одно лицо. Чем теснее, чем компактнее, тем выразительнее и ярче. Любовь у Вас в пьесе недостаточно интимна; она болтлива, потому что женщины много говорят и даже резонируют, даже грубят (гадюка, мерзавка светская, «во мне произошла какая-то реакция») и рискуют показаться неприятными тем более еще, что они не молоды... Любовь неинтимна, женщины непоэтичны, у художников нет вдохновения и религиозного настроения, точно все это бухгалтеры, за их спинами не чувствуется ни русская природа, ни русское искусство с Толстым и Васнецовым. И это главным образом оттого, что Вы, быть может, умышленно пишете языком, каким вообще пишутся пьесы, языком театральным, в котором нет поэзии. Компактность, выразительность, пластичность фразы, именно то, что составляет Вашу авторскую индивидуальность, у Вас на заднем плане, а на переднем mise en scène с ее шумихой, явления и уходы, роли; Вас, очевидно, так увлекает этот передний план, что Вы не замечаете, как у Вас говорят: «и по поводу этого обвиняемого в воровстве мальчика», не замечаете, что Ваш преподаватель и профессор держат себя и выражаются, как идеалисты в пьесах Потапенко — короче, Вы не замечаете, что Вы не свободны, что Вы не поэт и не художник прежде всего, а профессиональный драматург. Пишу сие для того, чтобы еще раз повторить то, что я сказал Вам на бульваре; не бросайте беллетристики. Вы, по натуре своей (насколько я Вас понимаю) и по силе дарования, художник; Вам надо сидеть в кабинете и писать и писать, лет пять без передышки, подальше от влияний, которые губительны для индивидуальности, как саркома; Вам надо писать по 20—30 печатных листов в

год, чтобы понять себя, развернуться, возмужать, чтобы на свободе расправить крылья, и тогда Вы подчините себе сцену, а не она Вас.

Все это я давно уже думал о Вас, и пьеса была только предлогом, чтобы высказаться. Вы не спрашивали моего мнения или совета, я как будто навязываюсь, но Вы не будете особенно сердиться, потому что знаете мое отношение к Вам и Вашему дарованию, которое я ценю и за развитием которого слежу, насколько это возможно при Вашей скупости. То, что я пишу теперь, пишу по поводу пьесы, но не о самой пьесе, которая произвела на меня отрадное впечатление; ее можно критиковать только в мелочах, но не в общем, и я разделяю настроение Вл. И. Немировича-Данченко, которому она нравится. Жаль, что я не увижу ее на сцене, и вообще жаль, что приходится редко встречаться с Вами. Вы принадлежите к числу тех приятных авторов, с которыми хочется говорить об их произведениях.

Будьте здоровы. Крепко жму руку и еще раз благодарю.

Ваш *А. Чехов.*

Лопасня Моск. губ.

553

П. Ф. ИОРДАНОВУ

15 мая 1899, Мелихово

15 май.

Многоуважаемый Павел Федорович, получили ли Вы портреты и копии с картин Böcklin'а, которые я послал одновременно с книгами? Портреты Гете, Гейне, Шиллера, очень хорошие, изд. Лейпцига [1]. Получили ли Вы в пакете перевод моей «Чайки», присланный Вами в Ялту? Передайте переводчику, что «Чайка» уже переведена на французский язык, переведена несколько раз; судить о том, какой перевод лучше и насколько перевод удовлетворителен в литературном отношении, судить я не могу, так как знаю язык не ахти как [2].

Музей, правда, на точке замерзания, но все же он не замерз. В последнее время Павловскому было не до музея; у него едва не произошла размолвка с «Новым временем» из-за дела Дрейфуса; [3] ему жилось последние 12—18 месяцев нелегко; очень возможно даже, что он не получил Вашего письма. Месяц назад я видел его в Москве; он немножко ожил, говорил, что его отношения с «Новым временем» опять наладились[4]. Очевидно, увлечь его музеем нельзя будет раньше окончания дела Дрейфуса. И я тоже почти ничего не сделал в прошлые два года ни для библиотеки, ни для музея. Это не оттого, что я охладел; я никогда не охладею. Виновато же в моей недеятельности то, что я выбит из колеи, утерял право оседлой жизни, точно фельдъегерь старого времени, которого гоняли то в Крым, то в Варшаву, то в Царское Село, то за Урал.

Я слышал, что Вы были больны и что Вам делали операцию. Что у Вас? В письме Вы говорите о болезни, Вы настроены пессимистически, но ни слова о том, в чем дело. Напишите хоть две строчки, как и что.

В конце мая буду в Москве и тогда исполню Ваше поручение насчет книг. Какую скидку делает Вам «Русская мысль»?

За виды Таганрога большое Вам спасибо. Пришлите еще, если можно. Таганрог становится красивым, жить в нем скоро будет удобно, и, вероятно, в старости (если доживу) я будут завидовать Вам.

Я не знаю, что с собой делать. Строю дачу в Ялте, но приехал в Москву, тут мне вдруг понравилось, несмотря на вонь, и я нанял квартиру на целый год, теперь я в деревне, квартира заперта, дачу строят без меня — и выходит какая-то белиберда.

Фотографию я пришлю, но только, если позволите, Вам лично, а не для библиотеки.

Будьте здоровы, крепко жму Вашу руку.

Ваш *А. Чехов.*

В Москве для меня играли мою «Чайку» [5] в Художественном театре. Постановка изумительная. Если хотите, я буду настаивать, чтобы Художественный театр побывал в Таганроге весной будущего года, когда он

in toto — с труппой, декорациями и проч. и проч. двинется на юг. Малый театр побледнел, а что касается mise en scène и постановки, то даже мейнингенцам [6] далеко до нового Художественного театра, играющего пока в жалком помещении [7]. Кстати, в «Чайке» играет Вишневский, наш таганрогский Вишневский [8], который надоел мне постоянными напоминаниями о Крамсакове, Овсянникове и проч. Все участвующие в «Чайке» снялись вместе со мной; вышла интересная группа.

554

М. О. МЕНЬШИКОВУ

4 июня 1899, Мелихово

4 июня.

Дорогой Михаил Осипович, здравствуйте! Вы путешествуете? Очень рад за Вас и завидую. Правда, Вы в конце концов утомитесь, соскучитесь, но зато потом, когда вернетесь в свою любезную северную Пальмиру, где так мокро, холодно и темно,— когда вернетесь, то будет о чем вспомнить. Радуюсь и за Яшу. Вы путешествуете, Вы в эмпиреях, а я сижу себе в любезном Мелихове, зябну и неистово читаю корректуру, которую целыми пудами присылает мне Маркс. Редактируя все то, что я до сих пор написал, я выбросил 200 рассказов и все не беллетристическое, и все же осталось более 200 печатных листов — и выйдет, таким образом, 12—13 томов. Все, что составляло до сих пор содержимое сборников, Вам известных, утонет совершенно в массе материала, неведомом миру. Когда я собрал всю эту массу, то только руками развел от изумления.

Сестра хочет продать Мелихово и уже послала объявление в газеты, но едва ли удастся продать его раньше осени или даже зимы. В июле я поеду в Крым, но в августе вернусь и буду жить в России до глубокой осени.

В пушкинских праздниках я не участвовал. Во-первых, нет фрака, и, во-вторых, я очень боюсь речей. Как только кто за юбилейным обедом начнет говорить речь, я становлюсь несчастным, и меня тянет под стол. В этих

речах, особенно московских, много сознательной лжи, к тому же они некрасиво говорятся. В Москве 26 мая и после шли дожди, было холодно, праздники не удались, но говорилось много [1]. И говорили, конечно, не литераторы, а одни только промышленники (литературные прасолы). Из всех, кого я в это время встречал в Москве, симпатичным показался только один Гольцев.

В лесах появились грибы. Цветут ландыши. Вчера получил из Петербурга телеграмму: «погода гнусная».

Большое Вам спасибо за письмо, не забывайте меня и впредь. Лидии Ивановне и Яше сердечный привет и поклон; желаю им всего хорошего.

Мать и сестра благодарят за память и кланяются.

Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

555

О. Л. КНИППЕР

16 июня 1899, Мелихово

16 июнь.

Что же это значит? Где Вы? Вы так упорно не шлете о себе вестей, что мы совершенно теряемся в догадках и уже начинаем думать, что Вы забыли нас и вышли на Кавказе замуж [1]. Если в самом деле Вы вышли, то за кого? Не решили ли Вы оставить сцену?

Автор забыт — о, как это ужасно, как жестоко, как вероломно!

Все шлют Вам привет. Нового ничего нет. И мух даже нет. Ничего у нас нет. Даже телята не кусаются.

Я хотел тогда проводить Вас на вокзал, но, к счастью, помешал дождь.

Был в Петербурге, снимался в двух фотографиях. Едва не замерз там. В Ялту поеду не раньше начала июля.

С Вашего позволения крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

Лопасня Моск. губ.

556

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

22 июня 1899, Москва

22 июнь.

Зачем Вы все хандрите, драгоценный Алексей Максимович? Зачем Вы браните неистово своего «Фому Гордеева»?[1] Тут, мне кажется, кроме всего прочего, с Вашего позволения, две причины. Вы начали с успеха, начали шумно, и теперь все, что представляется Вам обыденным и заурядным, не удовлетворяет и томит Вас. Это раз. Во-вторых, литератору нельзя безнаказанно проживать в провинции. Что бы Вы там ни говорили, Вы вкусили от литературы, Вы отравлены уже безнадежно, Вы литератор, литератором и останетесь. Естественное же состояние литератора — это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой. Не боритесь же с естеством, покоритесь раз навсегда и переезжайте в Петербург или Москву. Бранитесь с литераторами, не признавайте их, половину из них презирайте, но живите с ними.

Я был в Петербурге, едва там не замерз. Видел Мирова. Теперь я читаю для Маркса корректуру; в доказательство посылаю Вам два рассказа.

Мой адрес: Москва, Малая Дмитровка, д. Шешкова. Поживу здесь до 5—10 июля и уеду в Ялту, где строится мой собственный замок.

Хотел я написать Вам большое письмо насчет книжки свящ. Петрова[2], но не успел. Книжка мне понравилась.

Если случится быть в Москве, то забегите ко мне на Дмитровку.

Будьте здоровы, крепко жму Вам руку, желаю всяких благ. Не хандрите.

Ваш *А. Чехов.*

557

А. С. СУВОРИНУ

26 июня 1899, Москва

26 июнь

Я получил от Вас два письма, и ни на одном не было указано Вашего деревенского адреса. Хотел я писать в Скуратово, но усомнился; стал наводить справки, написал Константину Семеновичу, наконец сегодня побывал в магазине — и вот пишу.

Прежде всего насчет школьных планов. Я выстроил три школы, и считаются они образцовыми. Выстроены они из лучшего материала, комнаты 5 аршин вышины, печи голландские, у учителя камин, и квартира для учителя не маленькая, в 3—4 комнаты. Две школы обошлись по 3 тыс., а третья меньшая — около 2 тыс. с немногим. Я пришлю Вам фасады всех трех школ, попрошу кого-нибудь снять фотографию; пришлю и планы со всеми размерами, взятыми, кстати сказать, не произвольно, а на основании инструкции, выработанной губернским земством. Только не стройте в этом году, подождите будущего лета.

Вы не ошиблись, мы продаем наше Мелихово. После смерти отца там уже не хотят жить, все как-то потускнело и пожухло; да и мое положение неопределенно, я не знаю, где мне жить, кто я, какого я звания человек, и раз нужно, чтобы я зимы проводил в Крыму или за границей, то надобность в имении устраняется сама собой и иметь его и не жить там было бы роскошью не по карману. И в беллетристическом отношении после «Мужиков» Мелихово уже истощилось и потеряло для меня цену.

Покупатели ездят и смотрят. Если купят, то хорошо; а не купят — запру на зиму.

Теперь я пока в Москве. Хожу в «Аквариум», гляжу там акробатов, беседую с падшими женщинами. В Петербурге я был, но недолго. Было холодно, скверно, и я не остался даже переночевать; приехал в пятницу и уехал в пятницу. Виделся с Алексеем Петровичем.

Здоровье мое сносно, почти хорошо. Если бы мне разрешили остаться в Москве на зиму, то я, вероятно, пустился бы тут в какую-нибудь комерцию (с одним м); например, открыл бы книжный склад исключительно для провинциальной публики, т. е. не продавал бы, а только исполнял бы заказы, получаемые по почте, причем имел бы только одного артельщика, которого, кстати, заставлял бы и сапоги мне чистить. Но, увы, в Москве меня не оставят, погонят опять в болото.

Дня через 2—3 я поеду опять в деревню, но Вы адресуйтесь не в Лопасню, а так: Москва, Мл. Дмитровка, д. Шешкова. Тут у меня всегда есть кто-нибудь, и письма залеживаться не будут.

Анне Ивановне, Насте и Боре сердечный привет и пожелания всего хорошего. Хотелось бы приехать, повидаться, но не знаю, когда вырвусь к Вам — в июле или позже.

Будьте здоровы, покойны и веселы.

Ваш *А. Чехов.*

558

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

27 июня 1899, Москва

27 июнь.

Когда я писал Вам, что Вы начали шумно и с успеха, то я вовсе не таил ехидного замысла — упрекнуть или подпустить шпильку. Заслуг я ничьих не касался, а мне просто хотелось сказать Вам, что Вы не были в литературной бурсе, а начали прямо с академии, и теперь Вам уже скучно бывает служить без певчих. Я хотел сказать: погодите год-два, Вы угомонитесь и увидите, что Ваш милейший «Фома Гордеев» решительно ни в чем не виноват [1].

Вы будете путешествовать пешком по России? Добрый путь, скатертью дорожка, хотя мне кажется, что Вам, пока Вы еще молоды и здоровы, следовало бы года два-три попутешествовать не пешком и не в III

классе, а поближе приглядеться к публике, которая Вас читает. А потом, через 2—3 года, можно и пешком.

Вы скажете, что вот, мол, черт, читает наставления. Да, это в ответ на наставление, преподанное мне Вами, отчего я не живу в Ялте, а кисну в Москве. В самом деле, в Москве прескверно. Но уехать теперь же нельзя, есть кое-какие дела, которые не хотелось бы взваливать на других. Уеду в Ялту, должно быть, около 15 июля. Буду сидеть в Москве на Мл. Дмитровке, гулять по Тверскому бульвару, беседовать с падшими женщинами и обедать в Международном ресторане.

Не приедете ли Вы в сентябре в Кучукой?

Жму крепко руку и желаю всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

559

О. Л. КНИППЕР

1 июля 1899, Москва

1 июль.

Да, Вы правы: писатель Чехов не забыл актрисы Книппер. Мало того, Ваше предложение поехать вместе из Батума в Ялту кажется ему очаровательным. Я поеду, но с условием, во-1-х, что Вы по получении этого письма, не медля ни одной минуты, телеграфируете мне приблизительно число, когда Вы намерены покинуть Мцхет; Вы будете держаться такой схемы: «Москва, Малая Дмитровка, Шешкова, Чехову, двадцатого». Это значит, что Вы выедете из Мцхета в Батум 20-го июля. Во-2-х, с условием, что я поеду прямо в Батум и встречу Вас там, не заезжая в Тифлис, и, в-3-х, что Вы не вскружите мне голову. Вишневский считает меня очень серьезным человеком, и мне не хотелось бы показаться ему таким же слабым, как все.

Получив от Вас телеграмму, я напишу Вам — и все будет прекрасно, а пока шлю Вам тысячу сердечных пожеланий и крепко жму руку. Спасибо за письмо.

Ваш *А. Чехов.*

Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

Мы продаем Мелихово. Мое крымское имение Кучукой теперь летом, как пишут, изумительно. Вам непременно нужно будет побывать там.

Я был в Петербурге, снимался там в двух фотографиях. Вышло недурно. Продаю карточки по рублю. Вишневскому уже послал наложенным платежом пять карточек.

Для меня удобнее всего было бы, если бы Вы телеграфировали «пятнадцатого» и во всяком случае не позже «двадцатого».

560

А. С. СУВОРИНУ

19 августа 1899, Москва

19 авг.

Ваше письмо из Ялты прислали в Москву, где я теперь имею пребывание. Был я в Крыму, недавно вернулся в Москву, и, вероятно, завтра или послезавтра придется опять уехать, так как мне нездоровится. Не знаю, бациллы ли то бунтуют или погода дает себя знать, только мне невмоготу и клонит мою головушку на подушку.

Я писал Вам в Велие Никольское, но ответа не получил. Нового у меня лично ничего, в газетах тоже ничего. Чума не очень страшна. Во-первых, она не захватит особенно большого района, будет все держаться на отдельных пунктах, во-вторых, как сила опустошительная она не страшнее дифтерита или брюшного тифа, в-третьих, мы имеем уже прививки, оказавшиеся действительными и которым мы, кстати сказать, обязаны русскому доктору Хавкину, жиду. В России это самый неизвестный человек, в Англии же его давно прозвали великим филантропом. Биография этого еврея, столь ненавистного индусам, которые его едва не убили, в самом деле замечательна. Итак, чума как болезнь не особенно страшна. Но она страшна как пугало, сильно действующее на воображение масс. Она натво-

рит много бед в Испании и, пожалуй, помешает выставке [1].

Про студентов говорят мало. Недавно я ходил в университет к ректору просить, чтобы приняли студента из другого округа: [2] студенту отказали, и сам я был принят чрезвычайно нелюбезно. Приемная ректора и его кабинет и швейцар напомнили мне сыскное отделение. Я вышел с головной болью.

Недавно был я проездом в Феодосии, видел издали Ваш дом. Город совершенно изгажен железной дорогой и добрым гением Феодосии [3]. Армянский дух этого гения чувствуется на каждом шагу.

На юге, в Таганроге я видел Ежова, который осматривал там заводы. Из него вырабатывается порядочный корреспондент. Читали Вы «Евангелие как основа жизни» священника Петрова? После этой книги я не читал ничего интересного, кроме, впрочем, «Одинских людей» Гауптмана [4] — пьесы старой, но ударившей меня в нос своей новизной. Отчего Вы до сих пор не воспользовались этой пьесой? Она очень умна и сценична.

Два французских офицера, из которых один сын бывшего военного министра, убили в Африке своих товарищей-офицеров. Вы читали об этом? И это, как нарочно, в то время, когда бедные французы и без того угнетены всякого рода сюрпризами: один сукин сын Мерсье чего стоит!

Лупит дождь. Значит, не позже, как через неделю, я буду опять в Ялте.

Что Боря? Как он поживает? Анне Ивановне, Насте и Боре мой сердечный привет и поклон.

Ваше письмо (последнее), по-видимому, читалось кем-то, прежде чем пришло ко мне.

Будьте здоровы. Спасибо Вам за письмо.

Ваш *А. Чехов.*

Мл. Дмитровка, д. Шешкова.

561

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

24 августа 1899, Москва

24 авг.

Милый Алексей Максимович, слухи о том, что я пишу роман, основаны, очевидно, на мираже, так как о романе у меня не было даже помышлений. Я почти ничего не пишу, а занимаюсь только тем, что все жду момента, когда же наконец можно будет засесть за писанье. Недавно я был в Ялте, вернулся в Москву, чтобы побывать на репетициях своей пьесы [1], но прихворнул тут немножко, и вот опять нужно ехать в Ялту. Уезжаю я туда завтра. Усижу ли там долго, буду ли там писать — сие неизвестно. В первое время придется жить на бивуаках, так как дом мой еще не готов.

Почти одновременно с Вашим пришло и письмо из «Жизни» — о том же. Сегодня напишу и в «Жизнь».

Вашего «Фому Гордеева» я читал кусочками; [2] откроешь и прочтешь страничку. Всего «Фому» я прочту, когда кончите, читать же ежемесячно по частям я решительно не в состоянии. И «Воскресение» я тоже не читал по той же причине.

Свою «Жизнь» я растерял; если «Фома» не выйдет отдельной книжкой в этом году, то прочту в журнале, который возьму в Ялте у Волковой.

Гиляровский налетел на меня вихрем и сообщил, что познакомился с Вами Очень хвалил Вас. Я знаю его уже почти 20 лет, мы с ним вместе начали в Москве нашу карьеру, и я пригляделся к нему весьма достаточно... В нем есть кое-что ноздревское, беспокойное, шумливое, но человек это простодушный, чистый сердцем, и в нем совершенно отсутствует элемент предательства, столь присущий господам газетчикам. Анекдоты рассказывает он непрерывно, носит часы с похабной панорамой и, когда бывает в ударе, показывает карточные фокусы.

Меня томит праздность, я злюсь. Когда Вы приедете в Ялту? В каких числах сентября? Буду очень, очень

рад повидаться с Вами и потолковать о текущих делах. Привезите Вашу фотографию и Ваши книжки.

Ну, будьте здоровы и богом хранимы. Пишите в Ялту. Жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

562

О. Л. КНИППЕР

3 сентября 1899, Ялта

3 сент.

Милая актриса, отвечаю на все Ваши вопросы. Доехал я благополучно. Мои спутники уступили мне место внизу, потом устроилось так, что в купе осталось только двое: я да один молодой армянин. По нескольку раз в день я пил чай, всякий раз по три стакана, с лимоном, солидно, не спеша. Все, что было в корзине, я съел. Но нахожу, что возиться с корзиной и бегать на станцию за кипятком — это дело несерьезное, это подрывает престиж Художественного театра. До Курска было холодно, потом стало теплеть, и в Севастополе было уже совсем жарко. В Ялте остановился в собственном доме и теперь живу тут, оберегаемый верным Мустафою. Обедаю не каждый день, потому что ходить в город далеко, а возиться с керосиновой кухней мешает опять-таки престиж. По вечерам ем сыр. Видаюсь с Синани. У Срединых был уже два раза; Вашу фотографию они осматривали с умилением, конфекты съели. Леонид Валентинович чувствует себя сносно. Нарзана не пью. Что еще? В саду почти не бываю, а сижу больше дома и думаю о Вас. И, проезжая мимо Бахчисарая, я думал о Вас и вспоминал, как мы путешествовали. Милая, необыкновенная актриса, замечательная женщина, если бы Вы знали, как обрадовало меня Ваше письмо. Кланяюсь Вам низко, низко, так низко, что касаюсь лбом дна своего колодезя, в котором уже дорылись до 8 сажен. Я привык к Вам и теперь скучаю и никак не могу помириться с мыслью, что не увижу Вас до весны; я злюсь, одним словом, если бы Наденька узнала, что творится у меня в душе, то была бы история [1].

В Ялте чудесная погода, только ни к селу ни к городу вот уже два дня идет дождь, стало грязно и приходится надевать калоши. По стенам от сырости ползают сколопендры, в саду прыгают жабы и молодые крокодилы. Зеленый гад в цветочном горшке, который Вы дали мне и который я довез благополучно, сидит теперь в саду и греется на солнце.

Пришла эскадра. Смотрю на нее в бинокль.

В театре оперетка. Дрессированные блохи продолжают служить святому искусству. Денег у меня нет. Гости приходят часто. В общем, скучно, и скука праздная, бессмысленная.

Ну, крепко жму и целую Вашу руку. Будьте здоровы, веселы, счастливы, работайте, прыгайте, увлекайтесь, пойте и, если можно, не забывайте заштатного писателя, Вашего усердного поклонника.

А. Чехов.

563

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

3 сентября 1899, Ялта

3 сент.

Драгоценный Алексей Максимович, здравствуйте еще раз! Отвечаю на Ваше письмо.

Во-первых, я вообще против посвящений чего бы то ни было живым людям. Я когда-то посвящал и теперь чувствую, что этого, пожалуй, не следовало бы делать. Это вообще. В частности же, посвящение мне «Фомы Гордеева» не доставит мне ничего, кроме удовольствия и чести. Только чем я заслужил сие? Впрочем, Ваше дело судить, а мое дело только кланяться и благодарить. Посвящение делайте по возможности без излишних словес, т. е. напишите только: «посвящается такому-то» — и будет. Это только Волынский любит длинные посвящения. Вот Вам практический совет еще, если желаете: печатайте больше, этак не меньше 5—6 тысяч. Книжка шибко пойдет. Второе издание можно печатать одновременно с первым. Еще совет: читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения существи-

тельных и глаголов. У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться и он утомляется. Понятно, когда я пишу: «человек сел на траву», это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: «высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь». Это не сразу укладывается в мозгу, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду. Засим еще одно: Вы по натуре лирик, тембр у Вашей души мягкий. Если бы Вы были композитором, то избегали бы писать марши. Грубить, шуметь, язвить, неистово обличать — это несвойственно Вашему таланту. Отсюда Вы поймете, если я посоветую Вам не пощадить в корректуре сукиных сынов, кобелей и пшибздиков, мелькающих там и сям на страницах «Жизни».

Ждать Вас в конце сентября? Отчего так поздно? Зима в этому году начнется рано, осень будет короткая, надо спешить.

Ну-с, будьте здоровы. Оставайтесь живеньки-здоровеньки.

Ваш *А. Чехов.*

В Художественном театре спектакли начнутся 30-го сентября. «Дядя Ваня» пойдет 14 октября.

Лучший Ваш рассказ — «В степи».

564

О. Л. КНИППЕР

9 сентября 1899, Ялта

9 сент.

Записочку, духи и конфекты получил. Здравствуйте, милая, драгоценная, великолепная актриса! Здравствуйте, моя верная спутница на Ай-Петри и в Бахчисарай! Здравствуйте, моя радость!

Маша говорит, что Вы не получили моего письма. Как? Почему? Письмо я послал уже давно, тотчас же по прочтении Вашего.

Как живете? Как работаете? Как идут репетиции?[1] Нет ли чего новенького?

Наши приехали. Помаленьку размещаемся в большом доме. Становится сносно.

Телефон. От скуки звоню каждый час. Скучно без Москвы, скучно без Вас, милая актриса. Когда мы увидимся?

Из Александринки получил телеграмму. Просят «Дядю Ваню».

Бегу в город и на базар. Будьте здоровы, счастливы, радостны! Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я здесь утоплюсь или женюсь на сколопендре.

Целую крепко Вашу руку, крепко, крепко!!

Весь Ваш *А. Чехов.*

«Паршак»[2] ушел.

565

М. Ф. ТЕРЕНТЬЕВОЙ

10 сентября 1899, Ялта

10 сентября.

Многоуважаемая Мария Федоровна, пожалуйста, не обращайте внимания ни на Лапшевникова, ни на Галушкина, ни на Ватрушкина[1]. Вас *никогда* не переведут без моего ведома, и во всяком случае, если кто-либо из сильных мира сего пожелает перевести Вас, то я приму все зависящие от меня меры, чтобы Мелиховская школа не лишилась Вас. Главное лицо в школе — Вы, и никто, кроме Вашего прямого начальства, училищного совета, не имеет права приказывать или предлагать Вам что-либо по служебной части.

Теперь просьба. Маша (Ваша попечительница) говорит, что у Вас есть деньги. Если можно, изобретите какой-нибудь способ, чтобы *возможно скорее* послать 25 рублей А. Н. Анисимовой (очень даже прекрасно!). Деньги пошлите вместе с прилагаемым письмом. Сделайте это возможно скорее, хотя бы пришлось нанять кого-нибудь за деньги.

Живем мы очень прекрасно, все здоровы. Весной приедет к нам в Крым М. Ф. Терентьева и проживет у нас все лето. Ей будет дана особая комната с чудесным видом на море и горы.

Будьте добры, передайте привет и поклон Вашей матушке от меня и от сестры. Евгения Яковлевна тоже кланяется.

Будьте здоровы и благополучны. Не волнуйтесь. Если случится что-нибудь неприятное и понадобится моя помощь, то телеграфируйте на наш счет по адресу: Ялта Чехову.

Искренно Вас уважающий, бывший серпуховский помещик, а ныне ялтинский обыватель

А. Чехов.

566

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

15 сентября 1899, Ялта

15 сентябрь.

Здравствуй, милый друг Виктор Александрович! Прости, не шлю повести [1], потому что она еще не готова. Паркетчики и плотники стучат с утра до вечера и мешают писать. И погода уж очень хорошая, трудно сидеть в комнате.

Были слухи, что ты приедешь скоро в Крым. Правда ли?

Где Вукол? Как его здоровье? Если он вернулся в Москву, то поклонись ему.

Пришли фотографию.

Еще просьба, на сей раз коммерческая: нельзя ли взять у кого-нибудь в Москве тысячу рублей взаймы до декабря? В декабре получаю от Маркса целые горы денег, теперь же в сентябре сижу без гроша. Не даст ли мне взаймы контора «Русской мысли»? Я должен конторе. Магазин должен мне за «Сахалин» — и мы, кажется, квиты или почти квиты, посему я и дерзаю просить о займе. В декабре уплатил бы с благодарностью. А то не даст ли Д. И. Тихомиров?

Прости, голубчик, что я беспокою тебя этой неприятной просьбой. Утешаю себя тем, что в долгу не останусь. Если Д. И. Тихомиров в Москве и если он расположен давать взаймы литераторам, то я взял бы до 15 декабря три тысячи.

Повесть получишь к декабрьской книжке. Маленький роман в 4 листа — к апрельской [2]. Ты как-то обещал все четыре листа сего романа втиснуть в одну книжку не разделяя.

Сестра кланяется. Жарко. Здесь хорошее красное вино — 30 к. за бутылку.

Ну, будь здоров. Жму руку.

Твой *А. Чехов.*

Адрес: Ялта.

567

П. В. УНДОЛЬСКОМУ

17 сентября 1899, Ялта

17 сентября 1899 г.

Многоуважаемый
Павел Васильевич!

Я говорил Вам третьего дня и теперь подтверждаю письменно, что я добуду Вам взаймы для Мухалатского училища тысячу рублей [1]. Но для этого нужно, чтобы Вы сообщили мне, по возможности в скором времени, что у Вас уже есть дарственная на участок земли, пожертвованный для школы С. В. Кокоревым, и что Вами уже положены в сберегательную кассу на имя Мухалатского училища две тысячи рублей, Вами уже собранные на постройку. Другими словами, нужна уверенность, что постройка Мухалатского училища начнется в самом скором времени.

Ответ желательно было бы получить до января. Тысячу рублей Вы получите без расписки, на срок по Вашему усмотрению, и долг этот будет погашаться исключительно пожертвованиями, которые с течением

времени будут поступать в пользу Мухалатского училища.

Позвольте пожелать Вам успеха и всего хорошего. Искренно Вас уважающий и готовый к услугам

А. Чехов.

Ялта.

568

А. Ф. МАРКСУ

28 сентября 1899, Ялта

28 сентября 1899 г.

Многоуважаемый
Адольф Федорович!

В настоящее время я читаю корректуру второго тома. В свое время я послал список рассказов, которые должны войти в этот том, между тем типография не руководствуется этим списком, присылает рассказы по своему выбору, и сегодня, например, я получил рассказы, которые были написаны мной в последние два года и которые могут войти лишь в последний, X том. Присланы в корректуре также рассказы «Человек в футляре», «Крыжовник» и «О любви» — рассказы, принадлежащие к серии, которая далеко еще не закончена и которая может войти лишь в XI или XII том, когда будет приведена к концу вся серия[1].

Убедительно прошу Вас сделать распоряжение, чтобы типография, набирая рассказы, всякий раз строго держалась моего списка, чтобы рассказы, написанные в позднейшее время, не набирались и не печатались вместе с ранними, иначе наши томы будут представлять из себя по составу нечто беспорядочное и случайное. Я знаю, Вы теперь очень заняты и Вам теперь не до меня, и если я решаюсь беспокоить Вас письмом, то только во имя порядка и потому, что Вы сами и в письмах и словесно выражали желание, чтобы чтение

корректур и печатание моих произведений были закончены возможно скорей.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно Вас уважающим.

А. Чехов.

Ялта.

369

Ю. О. ГРЮНБЕРГУ

28 сентября 1899, Ялта

28 сентября

Многоуважаемый Юлий Осипович, сегодня я послал Адольфу Федоровичу деловое письмо; будьте добры, ознакомьтесь с его содержанием и посодействуйте. В добавление еще раз позвольте пожаловаться на изумительную медленность, с какою посылается мне корректура, на совершенное игнорирование моих писем и проч. и проч. Мне была прислана корректура II тома в начале лета; я прочел и возвратил. Затем дней пять назад я опять получил корректуру II тома, но уже в другом составе; среди старых юмористических рассказов попался новейший («Белолобый»), я и его прочел и отослал, не желая заводить переписку из-за одного рассказа, а сегодня мне прислали то, что может войти только в самые последние томы. «Пьес», о которых так много писалось в письмах и говорилось, не присылали до сих пор. Простите, что я наскучаю Вам, но что же делать, я не знаю, как мне быть, как обойтись без того, чтобы не беспокоить. Если типография завалена работой, то можно было бы отложить печатание моих произведений на неопределенное время, я ничего бы против этого не имел. Вообще я готов на какие угодно условия, лишь бы только в сношениях моих с типографией установился хоть какой-нибудь порядок.

Скоро пришлю для «Нивы» рассказ [1]. Пусть возрадуется сердце Вальтера, которому очень хочется, чтобы я печатался в «Ниве».

Адольф Федорович при мне сделал распоряжение,

чтобы мне были высланы сочинения Терпигорева. Сочинений сих я не получил.

В Крыму очень хорошая погода.

Желаю Вам всего хорошего и крепко жму руку.

Преданный *А. Чехов.*

Ялта.

Если список рассказов для II тома затерян, то пошлите в типографию прилагаемый листок. Для III, IV и V тома пойдут томики издания Суворина «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Рассказы» и «Хмурые люди» плюс еще несколько рассказов, не вошедших в эти томики.

Для II тома:

1) «Пьяные»
2) «Выигрышный билет»
3) «Рассказ госпожи NN»
4) «Хористка»
5) «Страхи»
6) «После театра»
7) «Мороз»
8) «Сильные ощущения»
9) «Нищие»
10) «Дорогие уроки»
11) «Старый дом»
12) «В сарае»
13) «Ненастье»
14) «Из огня да в полымя»
15) «Беглец»
16) «Красавицы»
17) «Следователь».

570

О. Л. КНИППЕР

29 сентября 1899, Ялта

29 сент.

Ваше благоразумное письмо с поцелуем в правый висок и другое письмо с фотографиями я получил. Благодарю Вас, милая актриса, ужасно благодарю. Сегодня

у Вас начало спектаклей, и вот в благодарность за письма, за память я шлю Вам поздравление с началом сезона, шлю миллион пожеланий. Я хотел было послать телеграмму директорам и поздравить всех, но так как мне не пишут, так как обо мне, очевидно, забыли и даже не прислали мне отчета[1] (который, судя по газетам, вышел в свет недавно) и так как в «Чайке» играет все та же Роксанова, то я почел за лучшее делать вид, что я обижен,— и вот поздравляю Вас только одну.

У нас был дождь, теперь ясная, прохладная погода. Ночью был пожар, я вставал, смотрел с террасы на огонь и чувствовал себя страшно одиноким.

Живем мы теперь в доме, обедаем в столовой; есть пианино.

Денег нет, совсем нет, и я занимаюсь только тем, что прячусь от своих кредиторов. И так будет до середины декабря, когда пришлет Маркс.

Хотел бы написать Вам еще что-нибудь благоразумное, но никак ничего не придумаю. У меня ведь сезон не начинался, у меня нет ничего нового и интересного, все то же, что и было. И ничего не жду, кроме дурной погоды, которая уже на носу.

В Александринке идут «Иванов» и «Дядя Ваня».

Ну, будьте здоровы, милая актриса, великолепная женщина, да хранит Вас бог. Целую Вам обе руки и кланяюсь в ножки. Не забывайте.

Ваш *А. Чехов.*

571

Л. С. МИЗИНОВОЙ

30 сентября 1899, Ялта

30 сент.

Вы пишете о моих невестах, по обыкновению, милая Лика, но ни слова о том, как поживаете, как здоровье, как идут Ваши дела. Я ничего не буду писать о Ваших женихах и начну с того, что я здоров или почти здоров, живу в собственном доме в Ялте, и что погода здесь хорошая, летняя, и что мне скучно без Москвы. Маша

здесь, вернется в Москву после 20-го октября. У матери болят зубы, старуха Марьюшка приятно удивлена, что у нас во дворе собственный лавровый лист, но, по-видимому, Крым ей не нравится и хочется в Россию.

Когда Вы приедете в Ялту? Напишите мне поподробнее обо всем, а главное, о себе. Кстати сообщите адрес Ольги Петровны.

Бываете ли в театрах? Видаетесь ли с Левитаном? С Мамонтовым?

Напишите же, Лика, не ленитесь и не откладывайте в долгий ящик.

Здесь прекрасное вино 35—40 к. за бутылку, чудесный белый хлеб и белый овечий сыр. По вечерам хорошо есть белый сыр и запивать красным вином. Приезжайте.

Ваш *А. Чехов.*

О. Л. КНИППЕР

30 сентября 1899, Ялта

30 сент.

По Вашему приказанию тороплюсь ответить на Ваше письмо, где Вы спрашиваете насчет последней сцены Астрова с Еленой[1]. Вы пишете, что Астров в этой сцене обращается к Елене, как самый горячий влюбленный, «хватается за свое чувство, как утопающий за соломинку». Но это неверно, совсем неверно! Елена нравится Астрову, она захватывает его своей красотой, но в последнем акте он уже знает, что ничего не выйдет, что Елена исчезает для него навсегда,— и он говорит с ней в этой сцене таким же тоном, как о жаре в Африке, и целует ее просто так, от нечего делать. Если Астров поведет эту сцену буйно, то пропадет все настроение IV акта — тихого и вялого.

Я послал с князем [2] Александру Леонидовичу японский массаж. Пусть Александр Леонидович покажет сию штуку своему шведу.

В Ялте вдруг стало холодно, подуло из Москвы. Ах, как мне хочется в Москву, милая актриса! Впрочем, у

Вас кружится голова, Вы отравлены, Вы в чаду — Вам теперь не до меня. Вы теперь можете написать мне: «Шумим, братец, шумим!»[3]

Я пишу Вам, а сам поглядываю в громадное окно: там широчайший вид, такой вид, что просто описать нельзя. Фотографии своей не пришлю, пока не получу Вашей, о змея! Я вовсе не называл Вас «змеенышем», как Вы пишете. Вы змея, а не змееныш, громадная змея. Разве это не лестно?

Ну-с, жму Вашу руку, низко кланяюсь, стукаюсь лбом о пол, многоуважаемая.

Скоро пришлю еще подарок.

Ваш *А. Чехов.*

573

МОСКОВСКОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕАТРУ

1 октября 1899, Ялта

Бесконечно благодарю поздравляю шлю глубины души пожелания будем работать сознательно бодро неутомимо единодушно чтобы это прекрасное начало послужило залогом дальнейших завоеваний чтобы жизнь театра прошла светлой полосой в истории русского искусства и в жизни каждого из нас верьте искренности моей дружбы Чехов[1].

574

М. О. МЕНЬШИКОВУ

2 октября 1899, Ялта

2 октября.

Дорогой Михаил Осипович, как-то в Москве известный Вам Н. М. Ежов, узнав, что я собираюсь писать Вам, просил меня сделать Вам следующее заявление. Летом он, Ежов, был на юге, объезжал Придонецкий и Приазовский край, побывал на металлургических и прочих заводах — и у него скопился материал «из жизни рабочих», материал для «Нового времени» не совсем

подходящий. Не пожелаете ли Вы ознакомиться с сим материалом и то, что найдете достойным, взять для «Недели»? Если да, то Ежов приведет все в порядок и пришлет Вам. Напишите ему: Москва, Мал. Песковский пер., д. Кругликова. Или напишите мне.

Итак, со своей просьбой он обратился ко мне еще в Москве, а я забыл и вспомнил о ней только вчера, получив от него письмо.

Рассказ для «Недели» пришлю[1], s'il vous plait. Пришлю небольшой, листа в полтора. Теперь у меня перестали стучать, стол мой на своем месте, и я могу работать.

Я читал Накрохина[2]. Это хорошее дарование, но робкое, слабо захватывающее. У сего писателя и виолончель прекрасна и талант виртуоза, но резонанс плохой. Надо бы пободрее и посмелее, значительно расширив сферу наблюдений. Лучшие вещи — «Странник» и «Стихия», остальные же, по тону и по манере, лишь повторение сих лучших вещей. И еще одно: надо женщин изобразить. Без женщин никак нельзя. Не написал я Накрохину, как предполагал раньше, по той причине, что никак не мог придумать, что именно написать. Мне очень хотелось бы познакомиться с ним и поговорить.

Спасибо Вам и Лидии Ивановне за обещание выслать свои фотографии. Буду ждать.

Ах, какая тут чудесная погода! Солнце так и прет в окно. Деревья еще не начали желтеть, лето продолжается.

Будьте здоровы, крепко жму руку.

Душевно Ваш *А. Чехов.*

575

О. Л. КНИППЕР

4 октября 1899, Ялта

4 окт.

Милая актриса, Вы все сильно преувеличили в своем мрачном письме[1], это очевидно, так как газеты отнеслись к первому представлению вполне добродушно. Как бы ни было, одного-двух неудачных представлений со-

всем недостаточно, чтобы вешать нос на квинту и не спать всю ночь. Искусство, особенно сцена — это область, где нельзя ходить не спотыкаясь. Впереди еще много и неудачных дней, и целых неудачных сезонов; будут и большие недоразумения, и широкие разочарования,— ко всему этому надо быть готовым, надо этого ждать и, несмотря ни на что, упрямо, фанатически гнуть свою линию.

И, конечно, Вы правы: Алексееву не следовало играть Грозного. Это не его дело. Когда он режиссер—он художник, когда же он играет, то он молодой богатый купец, которому захотелось побаловаться искусством.

А я 3—4 дня был болен, теперь сижу дома. Посетителей нестерпимо много. Праздные провинциальные языки болтают, и мне скучно, я злюсь, злюсь и завидую той крысе, которая живет под полом в Вашем театре.

Последнее письмо Вы писали в 4 часа утра. Если Вам покажется, что «Дядя Ваня» имел не такой успех, как Вам хотелось, то, пожалуйста, ложитесь спать и спите крепко. Успех очень избаловал Вас, и Вы уже не терпите будней.

В Петербурге «Дядю Ваню» [2] будет играть, кажется, Давыдов, и сыграет хорошо, но пьеса, наверное, провалится.

Как поживаете? Пишите побольше. Видите, я пишу почти каждый день. Автор так часто пишет актрисе — этак, пожалуй, гордость моя начнет страдать. Надо актрис в строгости держать, а не писать им. Я все забываю, что я инспектор актрис [3].

Будьте здоровы, ангелочек.

Ваш *А. Чехов.*

576

О. Л. КНИППЕР

7 октября 1899, Ялта

7 окт.

Милая, знаменитая, необыкновенная актриса, посылаю Вам шкатулку для хранения золотых и бриллиантовых вещей. Берите!

В Вашем последнем письме Вы сетуете, что я ничего не пишу, между тем я посылаю Вам письма очень часто, правда не каждый день, но чаще, чем получаю от Вас.

Это письмо передаст Вам д-р П. И. Куркин, автор картограммы, которая будет участвовать в «Дяде Ване»[1]. Он гостил у нас и, буде пожелаете, расскажет Вам про наш новый дом и про нашу старую жизнь.

Будьте здоровы, веселы, счастливы, спите спокойно, и да хранит Вас бог.

Ваш *А. Чехов.*

577

А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

8 октября 1899, Ялта

8 окт.

Здравствуйте, милый Александр Леонидович, большое Вам спасибо за письмо. Пьесы, о которой мы говорили на Малой Дмитровке, все еще нет, и, вероятно, не скоро она будет написана. Я принимался раза два и бросал, так как выходило совсем не то, что нужно. Передайте Гликерии Николаевне, что если бы год или по крайней мере полгода назад я знал, что ей понадобится для бенефиса пьеса, то пьеса эта была бы уже готова; хороша или нет — не знаю, но была бы готова. Вы знаете, как глубоко я уважаю Гликерию Николаевну; участие ее в моей пьесе я почел бы для себя за великую честь, и мое авторское тщеславие было бы удовлетворено вполне. Итак, пьесы нет, но будущее еще не ушло от нас, и мне остается только одно — уповать на это будущее.

Поздравляю Вас с успехом[1], поздравляю от всей души. Это письмо Вы получите незадолго до первого представления «Дяди Вани». Как мне досадно и горько, что я не могу быть со всеми вами, что и репетиции и спектакль пропадут для меня почти даром, и с ними я знаком только понаслышке, между тем для меня достаточно было бы побыть на репетициях, чтобы зарядиться, приобрести опыт и засесть за новую пьесу.

Таганрогская дума избрала меня в попечители городской библиотеки. Теперь, когда будете в Таганроге, я позволю Вам переночевать в библиотеке.

Чайку играет Роксанова? Вы ничего не написали, как сошла «Чайка», как Тригорин и проч. Если бы Вы знали, как мне здесь скучно, то в письме не были бы так кратки.

Здесь скучно, хотя солнце светит ярко, бьет в окно и мешает писать. Деревья еще зелены. Ну, будьте здоровы, крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

578

Г. И. РОССОЛИМО

11 октября 1899, Ялта

11 окт.

Дорогой Григорий Иванович, за фотографию 8 р. 50 к. и годичный взнос — 5 р. я послал сегодня д-ру Ральцевичу. Свою фотографию, довольно неважную (снятую, когда у меня разыгрался мой enteritis *), посылаю заказною бандеролью по Вашему адресу. Автобиография? У меня болезнь: автобиографофобия. Читать про себя какие-либо подробности, а тем паче писать для печати, — для меня это истинное мучение. На отдельном листочке посылаю несколько дат, весьма голых, а больше не могу [1]. Если хотите, то прибавьте, что, подавая ректору прошение при поступлении в университет, я написал: «по медицынскому факультету».

Вы спрашиваете, когда мы увидимся. Должно быть, не раньше весны. Я в Ялте, в ссылке, быть может и прекрасной, но все же ссылке. Жизнь проходит скучно. Здоровье мое сносно: бываю здоров не каждый день. Кроме всего прочего, у меня гемор. шишки, катар recti, и случаются дни, когда от частых позывов я просто изнемогаю. Надо операцию делать.

Очень жалею, что меня не было на обеде, что не удалось повидаться с товарищами. Курсовое о-во взаимопомощи — это хорошее дело, но практичнее и удобо-

---

* воспаление кишечника (*лат.*).

осуществимее была бы «касса взаимопомощи», вроде нашей литераторской кассы. Получала бы семья каждого умершего члена, и новые взносы поступали бы только каждый раз после смерти кого-либо из членов.

Не приедете ли Вы в Крым летом или осенью? Здесь приятно отдыхать. Кстати сказать, южный берег стал излюбленным местом земских врачей Московской губернии. Они устраиваются здесь хорошо и дешево и уезжают отсюда всякий раз очарованными.

Если случится что-нибудь интересное, то, пожалуйста, напишите. Право, мне здесь скучно, а без писем можно повеситься, научиться пить плохое крымское вино, сойтись с некрасивой и глупой женщиной.

Будьте здоровы, крепко жму Вам руку и шлю самые сердечные пожелания Вам и Вашей семье.

Ваш *А. Чехов.*

Ялта.

Я, А. П. Чехов, родился 17 января 1860 г., в Таганроге. Учился сначала в греческой школе при церкви царя Константина, потом в Таганрогской гимназии. В 1879 г. поступил в Московский университет на медицинский факультет. Вообще о факультетах имел тогда слабое понятие, и выбрал медицинский факультет не помню по каким соображениям, но в выборе потом не раскаялся. Уже на первом курсе стал печататься в еженедельных журналах и газетах, и эти занятия литературой уже в начале восьмидесятых годов приняли постоянный, профессиональный характер. В 1888 г. получил Пушкинскую премию. В 1890 г. ездил на о. Сахалин, чтобы потом написать книгу о нашей ссыльной колонии и каторге. Не считая судебных отчетов, рецензий, фельетонов, заметок, всего, что писалось изо дня в день для газет и что теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лет литературной деятельности было написано и напечатано более 300 печатных листов повестей и рассказов. Писал я и театральные пьесы.

Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену

которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно благодаря близости к медицине, мне удалось избегнуть многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соображаться с научными данными, а где невозможно — предпочитал не писать вовсе. Замечу кстати, что условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как она происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что он имеет дело со сведущим писателем. К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу; и к тем, которые до всего доходят своим умом, не хотел бы принадлежать.

Что касается практической медицины, то еще студентом я работал в Воскресенской земской больнице (близ Нового Иерусалима), у известного земского врача П. А. Архангельского, потом недолго был врачом в Звенигородской больнице. В холерные годы (92, 93) заведовал Мелиховским участком Серпуховского уезда.

579

А. И. УРУСОВУ

16 октября 1899, Ялта

16 окт. 99.

Дорогой Александр Иванович, я хотел быть у Вас в апреле, чтобы повидаться, поблагодарить Вас за те радости, которые Вы доставили мне в течение зимы [1], но наши общие знакомые не пустили меня к Вам, сказавши, что Вы сильно страдаете от нервной боли и что Вам не до гостей. А потом Вы уехали.

Милый Александр Иванович, умоляю Вас, не сердитесь: я не могу печатать «Лешего»[2]. Эту пьесу я ненавижу и стараюсь забыть о ней. Сама ли она виновата

или те обстоятельства, при которых она писалась и шла на сцене,— не знаю, но только для меня было бы истинным ударом, если бы какие-нибудь силы извлекли ее из-под спуда и заставили жить. Вот Вам яркий случай извращения родительского чувства!

Ваше желание Вы выражаете в письме в виде милой, дружеской просьбы, и мне теперь бесконечно стыдно, что я посылаю Вам не тот ответ, какой бы следовало, и я не знаю, что мне делать. Дать Вам обещание? Извольте, обещаю, что напишу новую пьесу и пошлю ее Дягилеву. Напишу и пришлю Вам в рукописи.

Если опять поедете за границу, то, пожалуйста, напишите оттуда о Вашем здоровье две-три строчки. Это нужно и для меня и для Ваших знакомых, которые часто обращаются ко мне с вопросом о Вашем здоровье.

Я живу уже у себя, на том участке, который Вы видели в прошлом году. Воздвигнут дом в 2 1/4 этажа, белый дом, который извозчики и татары называют «Белой дачей». Вид с балкона чудеснейший. Пыли, которою так пугали меня, совсем нет. Здоровье мое сносно. Бациллы отошли на второй план, теперь приходится возиться с геморроем и катаром кишок, который истощает меня и придает мне постническое выражение. *M-me* Иловайская недавно вернулась из Карлсбада. Спрашивала о Вас; говорила, что читала в газетах о Ваших последних успехах,— говорила и сияла. Сегодня вызову ее к телефону и прочту ей из Вашего письма строчки, относящиеся к ней.

Погода сегодня изумительная, майская.

Низко Вам кланяюсь, благодарю, благодарю, благодарю и жму крепко руку.

Ваш *А. Чехов.*

580

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Октябрь 1899 года

Дорогой Всеволод Эмильевич, у меня нет текста под рукой и о роли И. я могу говорить только в общих чертах [1]. Если пришлете роль, то прочту ее, возобновлю

в памяти и буду подробен, теперь же скажу только то, что может иметь для Вас ближайший практический интерес. Прежде всего И. интеллигентен вполне, это молодой ученый, выросший в университетском городе. Совершенное отсутствие буржуазных элементов. Манеры воспитанного, привыкшего к обществу порядочных людей (как Анна) человека, в движениях и в наружности мягкость и моложавость, как у человека, выросшего в семье, избалованного семьей и все еще живущего под крылышком у маменьки. И. немецкий ученый, потому с мужчинами он солиден. С женщинами же, наоборот, становится женственно-нежным, когда остается с ними. В этом отношении очень характерна сцена с женой, где он не может удержаться от ласок, хотя уже любит или начинает любить Анну. Теперь о нервности. Не следует подчеркивать нервности, чтобы невропатологическая натура не заслонила, не поработила того, что важнее, именно одинокости, той самой одинокости, которую испытывают только высокие, притом здоровые (в высшем значении) организации. Дайте одинокого человека, нервность же покажите постольку, поскольку она указана самим текстом. Не трактуйте эту нервность как частное явление, вспомните, что в настоящее время почти каждый культурный человек, даже самый здоровый, нигде не испытывает такого раздражения, как у себя дома, в своей родной семье, ибо разлад между настоящим и прошлым чувствуется прежде всего в семье. Раздражение хроническое, без пафоса, без судорожных выходок, то самое раздражение, которого не замечают гости и которое всей тяжестью ложится прежде всего на самых близких людей — мать, жену, — раздражение, так сказать, семейное, интимное. Не останавливайтесь на нем очень, покажите его лишь как *одну* из типических черт, не переборщите, иначе выйдет у Вас не одинокий, а раздражительный молодой человек. Я знаю, Константин Сергеевич будет настаивать на этой излишней нервозности, он отнесется к ней преувеличенно, но Вы не уступайте, красотою и силами голоса и речи не жертвуйте такой мелочи, как акцент. Не жертвуйте, ибо раздражение в самом деле есть только деталь, мелочь.

Большое Вам спасибо за то, что вспомнили. Напишите мне еще, пожалуйста, это будет совсем великодушно с Вашей стороны, так как я скучаю. Погода здесь великолепная, теплая, но ведь это только соус, а к чему соус, если нет мяса.

Будьте здоровы, крепко жму руку и желаю всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

Ялта.

Поклонитесь Ольге Леонардовне, Александру Леонидовичу, Бурджалову, Лужскому. Еще раз спасибо за телеграмму.

581

О. Л. КНИППЕР

30 октября 1899, Ялта

30 окт.

Милая актриса, хороший человечек. Вы спрашиваете, буду ли я волноваться. Но ведь о том, что «Дядя Ваня» идет 26-го [1], я узнал как следует только из Вашего письма, которое получил 27-го. Телеграммы стали приходить 27-го вечером, когда я был уже в постели. Их мне передают по телефону. Я просыпался всякий раз и бегал к телефону в потемках, босиком, озяб очень; потом едва засыпал, как опять и опять звонок. Первый случай, когда мне не давала спать моя собственная слава. На другой день, ложась, я положил около постели и туфли и халат, но телеграмм уже не было.

В телеграммах только и было, что о вызовах и блестящем успехе, но чувствовалось в них что-то тонкое, едва уловимое, из чего я мог заключить, что настроение у вас всех не так чтобы уж очень хорошее. Газеты, полученные сегодня, подтвердили эту мою догадку [2]. Да, актриса, вам всем, художественным актерам, уже мало обыкновенного, среднего успеха. Вам подавай треск, пальбу, динамит. Вы вконец избалованы, оглушены постоянными разговорами об успехах, полных и неполных

сборах, вы уже отравлены этим дурманом, и через 2—3 года вы все уже никуда не будете годиться! Вот Вам!

Как живете, как себя чувствуете? Я все там же и все тот же; работаю, сажаю деревья.

Но пришли гости, нельзя писать. Гости просидели уже больше часа, попросили чаю. Пошли ставить самовар. Ой, как скучно!

Не забывайте меня, да не угасает Ваша дружба, чтобы мы летом могли еще поехать куда-нибудь вместе. До свиданья! Увидимся, вероятно, не раньше апреля. Если бы вы все приехали весной в Ялту [3], играли бы здесь и отдыхали. Это было бы удивительно художественно.

Гость понесет это письмо и опустит в почтовый ящик.

Крепко жму руку. Поклонитесь Анне Ивановне и Вашему дяде военному [4].

Ваш *А. Чехов.*

Актриса, пишите, ради всего святого, а то мне скучно. Я как в тюрьме и злюсь, злюсь.

382

Ю. О. ГРЮНБЕРГУ

1 ноября 1899. Ялта

1 ноября.

Многоуважаемый
Юлий Осипович!

Я лично наиболее практичным и удобным названием для первых четырех томов считаю «Рассказы», потому что это название прекрасно определяет содержание книги, оно просто, покупатели мои в магазинах спрашивают «рассказы Чехова», и книжка «Рассказы» изд. Суворина шла впереди всех и выдержала наибольшее число изданий — именно благодаря заглавию. У четырех томов одинаковое название, но различить их было бы нетрудно, так как на обложке или под обложкой (на субтитуле) можно было бы напечатать содержание книжки, т. е. название всех помещенных в ней расска-

зов. Вы пишете, что обозначения на обложках: т. I, т. II и т. д. вводило бы в заблуждение покупателей, которые могли бы предположить, что каждый том является продолжением предыдущего и не представляет собой ничего самостоятельного. Но ведь известно, что я пишу только очень короткие рассказы, так что о продолжении никому в голову не придет. Да и нет надобности (для розничной продажи) в обозначении т. I, т. II и т. д., достаточно, как я уже писал, напечатать на обложке названия рассказов.

«Новые рассказы» — это название не годится, так как все рассказы стары, нет ни одного нового. «Пестрые рассказы» — это было бы хорошо, но книжки с таким названием издания Маркса уже не купил бы тот, кто имеет издание Суворина.

Повторяю, лучшим названием для первой книжки я считаю «Рассказы» и прошу верить моему, так сказать, практическому нюху. Но если, несмотря ни на что, Адольф Федорович забракует мое мнение, которое я высказываю с самого начала с такой настойчивостью, то вот Вам названия для первых четырех томов: 1) «Мелочи», 2) «Небольшие рассказы», 3) «Пестрые рассказы», 4) «Рассказы». Или второй том назовите: «Были и небылицы» — если такое название еще не было использовано раньше.

Желаю Вам всего хорошего, жму руку.

Преданный *А. Чехов.*

583

О. Л. КНИППЕР

1 ноября 1899, Ялта

1 ноябрь.

Я понимаю Ваше настроение, милая актрисуля, очень понимаю, но все же на Вашем месте я бы не волновался так отчаянно. И роль Анны [1], и сама пьеса не стоят того, чтобы из-за них портили столько крови и нервов. Пьеса давняя, она уже устарела, много в ней всяких недочетов; если больше половины исполнителей

все никак не попадали в настоящий тон, то, естественно, виновата пьеса. Это — раз. Во-вторых, раз навсегда надо оставить попечения об успехах и неуспехах. Пусть это Вас не касается. Ваше дело работать исподволь, изо дня в день, втихомолочку, быть готовой к ошибкам, которые неизбежны, к неудачам, одним словом, гнуть свою актрисичью линию, а вызовы пусть считают другие. Писать или играть и сознавать в это время, что делаешь не то, что нужно,— это так обыкновенно, а для начинающих — так полезно!

В-третьих, директор телеграфировал [2], что второе представление прошло великолепно, все играли чудесно и что он удовлетворен вполне.

Маша пишет, что в Москве нехорошо, что в Москву не следует ехать, а мне так хочется уехать из Ялты, где мне уже наскучило мое одиночество. Я Иоганнес [3] без жены, не ученый Иоганнес и не добродетельный.

Поклонитесь Николаю Николаевичу, о котором Вы говорите в своем письме. Будьте здоровы! Напишите, что Вы уже успокоились и все идет прекрасно. Жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

584

А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

3 ноября 1899, Ялта

3 ноябрь.

Милый Александр Леонидович, друг детства, большое Вам спасибо за письмо и афишу. Да, афиша оригинальна, Вы правы, но она в недостаточной мере солидна и скорее годилась бы для благотворительного спектакля в доме какой-нибудь эмансипированной баронессы [1]. Как бы ни было, все прекрасно, и я благодарю небо, что, плывя по житейскому морю, я наконец попал на такой чудесный остров, как Художественный театр. Когда у меня будут дети, то я заставлю их вечно молить бога за вас всех.

Вас поразила беременность нашей кухарки Маши, и Вы спрашиваете у меня в письме, кто виноват. Из

мужчин чаще всего ходили к нам Вы и один молодой солдат, а кто виноват, я не знаю, да и не мое дело судить ближних. Если не Вы, то, конечно, не Вам придется выдавать на ребенка.

У меня к Вам просьба: приезжайте весной на юг играть, умоляйте об этом Владимира Ивановича и Константина Сергеевича. Будете играть и кстати все отдохнете. В Ялте вы возьмете пять полных сборов, в Севастополе столько же, а в Одессе вас примут как королей, ибо ваш театр любят уже заглазно, понаслышке.

Пишите мне, пожалуйста. Без писем мне скучно.

Передайте поклон и сердечный привет Гликерии Николаевне, вашим обоим директорам[2] и всей труппе. Буду с нетерпением ожидать фотографии — Вашей и всех участвующих в «Дяде Ване».

Жму руку. Ваш *А. Чехов.*

585

М. П. ЧЕХОВОЙ

11 ноября 1899, Ялта

11 ноябрь.

Милая Маша, у нас министерский кризис. Мустафа ушел, и на его место приглашен Арсений, русский в пиджаке, грамотный, служивший в Никитском саду. Его хвалят. Молод.

Теперь отвечаю на твое последнее письмо. Машиного ребенка должен содержать не Ашешов, а Вишневский. И самой Маше он должен выдавать ежемесячно хотя по три рубля. А еще лучше, если бы он взял к себе Меланью и держал ее у себя вместе с ребенком. Он уже писал мне, что отец ребенка — это он, а вовсе не солдат Александр.

Мне кажется, что протестовать вексель не следовало бы. Это не в моем стиле[1].

На горах снег. Потягивает холодом. Жить теперь в Крыму — это значит ломать большого дурака. Ты пишешь про театр, кружок и всякие соблазны, точно дразнишь; точно не знаешь, какая скука, какой гнет

ложиться в 9 час. вечера, ложиться злым, с сознанием, что идти некуда, поговорить не с кем и работать не для чего, так как все равно не видишь и не слышишь своей работы. Пианино и я — это два предмета в доме, проводящие свое существование беззвучно и недоумевающие, зачем нас здесь поставили, когда на нас некому играть.

Мать вполне здорова. Марьюшка тоже. Марфуша старается. Об имении на берегу моря близ Гурзуфа пока еще ничего не могу написать определенно. Подожди. Записку Юнкеру прилагаю, чек такожде. Вот и все. Больше писать не о чем. Кланяйся Ольге Леонардовне, князю Шаховскому, Маше с младенцем. Кстати сказать, под одной из телеграмм подписалась Лепешкина. Она красива, интересна или так себе?

М. Н. Климентовой и М. И. Махориной поклон. Все — Машечки. Теперь в искусстве сплошная Машечка. (Я не говорю о присутствующих.)

Когда будешь у О. Л. Книппер, то поклонись ее матери.

Поклон и Владимиру Ивановичу. Завидую ему, так как для меня теперь несомненно, что он имеет успех у одной особы.

Ну, будь здорова. Пиши.

Как и что Иван?

Твой Antoine.

Письмо к Юнкеру я пометил 17-м ноябрем. Значит, ступай туда после 20-го.

586

В. А. ПОССЕ

19 ноября 1899, Ялта

19 ноябрь.

Многоуважаемый Владимир Александрович. Ваше письмо все еще лежит у меня на столе, поджидая, когда я отвечу на него; оно служило для меня суровым укором все время, пока, наконец, вот, пославши ответ на телеграмму, я взялся за перо, чтобы написать Вам. Дело в том, что я пишу повесть для «Жизни», и готова

она будет скоро, должно быть, ко 2-й половине декабря. В ней всего листа три, но тьма действующих лиц, толкотня, тесно очень — и приходится много возиться, чтобы эта толкотня не чувствовалась резко. Как бы ни было, около 10 декабря она уже сформуется совсем, можно будет набирать [1]. Но вот беда: разбирает страх, что ее пощиплет цензура. Цензурных помарок я не перенесу, или кажется, что не перенесу. И вот потому, что повесть местами выходила не совсем цензурной, я не решался писать Вам определенно и отвечать наверное. Теперь, конечно, отвечаю наверно, но с условием, что Вы возвратите мне мою повесть, если она и Вам покажется местами не цензурной, т. е. если Вы также будете предвидеть опасность, что ее почиркает цензор.

Теперь просьба: пожалуйста, не печатайте в объявлениях меня так длинно. Право, это не принято. Печатайте в одну строку со всеми, по алфавиту.

Где Максим Горький?

Ну, будьте здоровы. Желаю Вам хорошей подписки и побольше читателей, этак тысяч сто. Жму руку.

Преданный *А. Чехов.*

587

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

24 ноября 1899, Ялта

24 ноябрь.

Милый Владимир Иванович, пожалуйста, не обижайся на меня за молчание. В переписке у меня вообще застой. Это оттого, что я пишу свою беллетристику — во-первых, во-вторых, читаю корректуру Марксу, в-третьих, возня большая с приезжими больными, которые почему-то обращаются ко мне. А корректура для Маркса — это каторга; я едва кончил второй том, и если бы знал раньше, что это так не легко, то взял бы с Маркса не 75, а 175 тысяч. Приезжие больные, в большинстве бедняки, обращаются ко мне с просьбой устроить их, и приходится много говорить и переписываться [1].

Конечно, я здесь скучаю отчаянно. Днем работаю, а к вечеру начинаю вопрошать себя, что делать, куда

идти,— и в то время как у вас в театре идет второе действие, я уже лежу в постели. Встаю, когда еще темно, можешь ты себе представить, темно, ветер ревет, дождь стучит.

Ты ошибаешься, полагая, что мне «пишут со всех концов». Мои друзья и знакомые совсем не пишут мне. За все это время я получил только два письма от Вишневского и одно из них не в счет, так как Александр Леонидович критикует в нем рецензентов, которых я не читал. Получил письмо и от Гославского, но и это письмо тоже не в счет, потому что оно деловое; деловое в том смысле, что никак не придумаешь, что на него ответить [2].

Пьесы я не пишу. У меня есть сюжет «Три сестры», но прежде чем не кончу тех повестей, которые давно уже у меня на совести, за пьесу не засяду. Будущий сезон пройдет без моей пьесы — это уже решено.

Моя ялтинская дача вышла очень удобной. Уютно, тепло и вид хороший. Сад будет необыкновенный. Сажаю я сам, собственноручно. Одних роз посадил сто — и все самые благородные, самые культурные сорта. 50 пирамидальных акаций, много камелий, лилий, тубероз и проч. и проч.

В твоем письме звучит какая-то едва слышная дребезжащая нотка, как в старом колоколе,— это там, где ты пишешь о театре, о том, как тебя утомили мелочи театральной жизни. Ой, не утомляйся, не охладевай! Художественный театр — это лучшие страницы той книги, какая будет когда-либо написана о современном русском театре. Этот театр — твоя гордость, и это единственный театр, который я люблю, хотя ни разу еще в нем не был. Если бы я жил в Москве, то постарался бы войти к вам в администрацию, хотя бы качестве сторожа, чтобы помочь хоть немножко и, если можно, помешать тебе охладеть к сему милому учреждению.

Идет проливной дождь, темно в комнате. Будь здоров, весел, счастлив.

Крепко жму руку. Поклонись Екатерине Николаевне и всем в театре, а ниже всех — Ольге Леонардовне.

Твой *А. Чехов*

588

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

25 ноября 1899, Ялта

25 ноябрь.

Здравствуйте, милый Алексей Максимович, большущее Вам спасибо за книгу[1]. Некоторые рассказы я уже читал, некоторых же еще не читал — вот мне и удовольствие в моей скучной провинциальной жизни. А когда выйдет «Фома Гордеев»? Я читал его только урывками[2], а хотелось бы прочесть целиком, в два-три залпа.

Ну-с, пишу для «Жизни» повесть, для январской книжки. Получил письмо от Дороватовского с просьбой прислать портрет для книги[3]. Больше же нет никаких литературных новостей.

Ваша книжка издана хорошо.

Я поджидал Вас все время и махнул рукой, не дождавшись. Идет в Ялте снег, сыро, дуют ветры. Но местные старожилы уверяют, что еще будут красные дни.

Одолевают чахоточные бедняки. Если бы я был губернатором, то выслал бы их административным порядком, до такой степени они смущают мое сытое и теплое спокойствие!

Видеть их лица, когда они просят, и видеть их жалкие одеяла, когда они умирают,— это тяжело. Мы решили строить санаторию, я сочинил воззвание; сочинил, ибо не нахожу другого средства. Если можно, пропагандируйте сие воззвание через нижегородские и самарские газеты, где у Вас есть знакомства и связи[4]. Может быть, пришлют что нибудь. Третьего дня здесь в приюте для хроников, в одиночестве, в забросе умер поэт «Развлечения» Епифанов, который за 2 дня до смерти попросил яблочной пастилы, а когда я принес ему, то он вдруг оживился и зашипел своим больным горлом, радостно: «Вот эта самая! Она!» Точно землячку увидел.

Вы давно уже мне ничего не писали. Что сие значит? Мне не нравится, что Вы долго жили в Петербурге — там легко заболеть.

Ну, будьте здоровы и веселы, да хранит Вас бог. Жму Вам крепко руку.

Ваш *А. Чехов.*

589

А. Б. ТАРАХОВСКОМУ

26 ноября 1899, Ялта

26 ноябрь.

Наконец, я собрался ответить Вам, многоуважаемый Абрам Борисович. Устава кассы взаимопомощи у меня нет [1]. Напишите Ипполиту Федоровичу Василевскому, Петербург, Офицерская, 40,— он вышлет Вам, или прямо напишите кому-нибудь из одесситов, чтобы Вас избрали в одесское отделение (оно, кажется, есть в Одессе); кажется, нужны двое, чтобы записать Вас. Одним из этих двух буду я. Для удостоверения Вашей литературной правоспособности достаточно книжки, изданной «Посредником», не говоря уж о Вашей постоянной и значительной деятельности как журналиста. Если в Одессе нет отделения, тогда в Москву или в Петербург. Спишитесь с Василевским, приложите сему джентльмену на ответ марку.

Зачем Вы носите с собой револьвер? [2] Вы честно исполняете Ваш долг, правда на Вашей стороне, значит — к чему Вам револьвер? Нападут? Ну и пусть. Не следует бояться, что бы ни угрожало, а это постоянное ношение револьвера только Вам же испортит нервы.

Да, народная читальня и народный театр должны иметь свое помещение, а городская библиотека — свое. Просветительные учреждения не следует концентрировать в одном месте, нужно их разбрасывать по городу — это раз. Во-вторых, следует бояться тесноты, толкотни, надо бояться шума, который нужен в театре и так мешает в библиотеке. В-третьих, когда несколько учреждений одного характера помещается под одной крышей, то одно из них должно поглотить другие. В-четвертых, кухарки библиотекаря, смотрителя театра и проч. и проч. будут ссориться и ссорить между собой хозяев. А главное, в-пятых, городская библиотека, как книгохранилище, должно занимать свое собственное, просторное, привлекательное для публики помещение, и должна быть уверенность при этом, что по мере надобности помещение библиотеки можно будет расши-

рять; а если с одного боку читальня, а с другого театр, то уж о расширении тут и думать нечего. Ведь при росте теперешней культурной жизни никто не может поручиться, что для библиотеки не понадобится через 25—40 лет пятиэтажное здание! Театры же — учреждения наполовину коммерческие; дайте срок, и они сами начнут расти, как грибы, и на каждой улице будет по театру, именно по такому театру, какой этой улице нужен. Как в Неаполе, например.

Идет снег. Жизнь здесь ничего себе, но скучно, ах, как скучно! Работаю понемножку и жду весны, когда можно будет уехать. Одолевают приезжие чахоточные; обращаются ко мне, я теряюсь, не знаю, что делать. Придумал воззвание[3], собираем деньги, и если ничего не соберем, то придется бежать вон из Ялты. Прочтите воззвание сие и, если найдете нужным, напечатайте хоть несколько строк в «Приазовском крае». Напирайте на то, что мы хотим устроить санаторию. Если бы Вы знали, как живут здесь эти чахоточные бедняки, которых выбрасывает сюда Россия, чтобы отделаться от них, если бы Вы знали,— это один ужас! Самое ужасное — это одиночество и... плохие одеяла, которые не греют, а только возмущают брезгливое чувство.

Вы писали мне что-то насчет воскресной школы? Писали? Запишите меня членом и сообщите, как велик членский взнос и куда его я должен послать.

Скажите Гордону, что я свои обещания помню. Картины для приемной вышлю, пусть потерпит.

Ваш *А. Чехов.*

Привет Вашей семье.

590

Е. П. ГОСЛАВСКОМУ

1 декабря 1899, Ялта

Ялта, 1 декабрь 99.

Многоуважаемый Евгений Петрович, я не собрался до сих пор ответить на Ваше письмо, потому что все никак не мог придумать ответа, мало-мальски удов-

летворительного, который уместился бы в одном письме. Сюжет такого рода, что надо не писать, а говорить, притом говорить много. К тому же посетители и дурная погода, которая тянется почти с сентября, так раздражают, что я все не попадаю в настроение и не чувствую себя способным написать Вам что-нибудь бодрое. Итак, отложим до весны, когда я приеду в Москву и повидаюсь с Вами.

Я напишу о Вас «Журналу для всех», «России» и «Жизни». Мне кажется, что, например, в «России» Вы могли бы печататься каждую неделю,— там, по слухам, хорошо платят и порядки хорошие. Можно печататься и в «Северном курьере», повидавшись предварительно с Т. Л. Щепкиной-Куперник, которая знакома с редакцией. Приглашений специальных не ждите. Одни ленивы, других утомила суета, и не ждите, чтобы Вам отворили дверь, отворяйте ее сами. С редактором «Нивы» я знаком очень мало, но, если желаете, напишу ему. Весной я буду видеться с ним и тогда поговорю.

Спасибо Вам за доброе, сердечное письмо и простите, что я так не скоро ответил.

Редактора «Жизни» зовут так: Владимир Александрович Поссе. Редактора «Журнала для всех»: Виктор Сергеевич Миролюбов. В «России» главенствует Александр Валентинович Амфитеатров.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

591

М. П. ЧЕХОВУ

3 декабря 1899, Ялта

3 дек.

Милый Мишель, я писал тебе понемногу и писал редко, это правда; причин тому много. Во-1-х, с годами я как-то остыл к переписке и люблю только получать письма, а не писать; во-2-х, каждый день мне приходится писать около пяти писем, я устаю и раздражаюсь; в-3-х, чрезмерно уповал на твое снисхождение. Все ос-

тальные причины вроде этих, и могу тебя уверить, что женитьба твоя тут ровно ни при чем. Ссылка на женитьбу — это lapsus linguae*, не иначе, и, кстати сказать, ставить объяснения на такую почву никогда не следует, ибо сие опасно. Как бы ни было, мне грустно, что я так долго огорчал тебя своим молчанием. Постараюсь исправиться.

Теперь о текущих делах. Живем мы в Ялте. Построили дом. Дом небольшой, но удобный. Забираем в лавках по книжкам, каждое утро дворник шагает на базар. Целый день звонит телефон, надоедают посетители. Сидим дома, никуда не ходим, и я все жду, когда можно будет уехать в Москву, и нельзя ли будет как-нибудь удрать за границу. В финансовом отношении дело обстоит неважно, ибо приходится жаться. Дохода с книг я уже не получаю, Маркс по договору выплатит мне еще не скоро, а того, что получено, давно уже нет. Но оттого, что я жмусь, дела мои не лучше, и похоже, будто над моей головой высокая фабричная труба, в которую вылетает все мое благосостояние. На себя я трачу немного, дом берет пустяки, но мое литературное представительство, мои литераторские (или не знаю, как их назвать) привычки отхватывают себе 3/4 всего, что попадает мне в руки. Теперь работаю. Если рабочее настроение будет продолжаться до марта, то заработаю тысячи две-три, иначе придется проедать марксовские. Дом не заложен.

Что касается Мелихова, то оно продано так же, как проданы мои сочинения, т. е. с рассрочкой платежа. Мне кажется, что мы в конце концов ничего не получим или получим очень, очень мало. Подробности узнаешь от Маши, если поедешь в Москву.

Настроение мое недурно. Здоровье мое тоже недурно. Мать и бабушка Дормидонтовна здоровы, крымский климат, очевидно, идет им на пользу; обе они довольны. Мать еще крепка.

Меня здесь одолевают больные, которых присылают сюда со всех сторон,— с бациллами, с кавернами, с зелеными лицами, но без гроша в кармане. Приходится

---

* обмолвка (*лат.*).

бороться с этим кошмаром, пускаться на разные фокусы. Зри прилагаемый листок и, пожалуйста, если можно, напечатай всё или в выдержках в «Северном крае». Окажи содействие [1].

Теперь насчет Полевого. С Питером я не переписуюсь, к Марксу не обращаюсь, с Сувориным давно уже прекратил переписку (дело Дрейфуса); могу исполнить твое поручение не раньше весны, когда буду в Питере. Но к чему тебе Полевой? Ведь он жидок и устарел уже давно. В нем ничего нет, кроме плохих биографий [2].

«Дядя Ваня», пишут, в Москве идет очень хорошо. Когда будешь в Москве, то побывай.

Ты бы стремился не в управляющие, а поближе к Москве, а то бы и в самую Москву. Провинция затягивает нервных людей, отсасывает у них крылья.

Ольге Германовне и Жене мой привет и пожелание всего хорошего. Маша приедет к рождеству, и она купит шелковой материи, а я ничего не понимаю, пожалуй куплю чепуху.

Ну, будь здоров и не обижайся. Поклонись Пеше.

Твой *А. Чехов.*

Если это ты пишешь рецензии (подпись Ч.), то поздравляю, они очень недурны [3].

592

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

3 декабря 1899, Ялта

3 дек.

Милый Владимир Иванович, пришел ответ от Карпова. Он соглашается на то, чтобы отложить постановку «Дяди Вани» до будущего года (или, вернее,— сезона). Теперь вам остается действовать на «законном» основании, как говорят хорошие адвокаты. Пьеса принадлежит вам, вы поедете с ней, и я сделаю вид, что я бессилен бороться с вами, так как уже отдал вам пьесу [1].

Ты боишься Суворина? Я и он уже не переписываемся, и я не знаю, что там теперь делается. Но зара-

нее и с громадною вероятностью можно сказать, что Художественный театр будет не ко двору. Петербургские литераторы и актеры очень ревнивы и завистливы, и притом легкомысленны. В сравнении с ними Ив. Ив. Иванов великодушнейший, справедливейший и мудрейший человек.

Я читал рецензию о «Дяде Ване» только в «Курьере» и «Новостях дня» [2]. В «Русских ведомостях» видел статью насчет «Обломова» [3], но не читал; мне противно это высасывание из пальца, пристегивание к «Обломову», к «Отцам и детям» и т. п. Пристегнуть всякую пьесу можно к чему угодно, и если бы Санин [4] и Игнатов вместо Обломова взяли Ноздрева или короля Лира, то вышло бы одинаково глубоко и удобочитаемо. Подобных статей я не читаю, чтобы не засорять своего настроения.

Ты хочешь, чтобы к будущему сезону пьеса была непременно [5]. Но если не напишется? Я, конечно, попробую, но не ручаюсь и обещать ничего не буду. Впрочем, поговорим об этом после пасхи, когда, если верить Вишневскому и газетам, ваш театр будет в Ялте. Тогда потолкуем.

Сегодня утром была совершенно летняя погода, а к вечеру опять стало скверно. Никогда в Ялте не было так гнусно, как теперь. Уж лучше бы я в Москве сидел.

Да, ты прав, для Петербурга необходимо еще хотя немножко переделать Алексеева — Тригорина. Вспрыснуть спермину, что ли. В Петербурге, где живет большинство наших беллетристов, Алексеев, играющий Тригорина безнадежным импотентом, вызовет общее недоумение. Воспоминание об игре Алексеева во мне до такой степени мрачно, что я никак не могу отделаться от него, никак не могу поверить, что Алексеев хорош в «Дяде Ване», хотя все в один голос пишут, что он в самом деле хорош и даже очень.

Ты обещал прислать свою фотографию, я жду, жду... Мне нужна она в двух экземплярах: один для меня, другой для Таганрогской библиотеки, где я попечителем. Туда же нужна и фотография Сумбатова — скажи ему.

Пишу повесть для «Жизни»[6]. Пришлю тебе оттиск, так как «Жизни», наверное, ты не читаешь.

Ну, будь здоров. Поклонись Екатерине Николаевне, Алексееву и всей труппе. Жму руку и обнимаю.

Твой *А. Чехов.*

593

О. Л. КНИППЕР

8 декабря 1899, Ялта

8 дек.

Мы отрезаны от мира: телеграф везде поломан, почта не пришла. Третий день ревет буря — как говорят, небывалая.

Милая актриса, очаровательная женщина, я не пишу Вам, потому что усадил себя за работу и не даю себе развлекаться.

На праздниках устрою передышку — и тогда напишу подлиннее. Напишите же мне толком, основательно: приедет труппа весной в Ялту или нет? Окончательно решено это или не окончательно?

Вы любите сохранять вырезки из газет, посылаю Вам две.

Ветер злющий.

Видаете князя Шаховского? В жизни его пертурбация — довольно занятная.

Ну, будьте живеньки, здоровеньки, актрисища лютая, желаю Вам здоровья, веселья, денег — всего, чего только желается душеньке Вашей. Крепко жму руку и кланяюсь в ножки.

Ваш *А. Чехов.*

594

П. Ф. ИОРДАНОВУ

11 декабря 1899, Ялта

11 дек.

Простите, многоуважаемый Павел Федорович, что так долго не писал Вам и не отвечал на письма. У меня подвалило столько дел чисто личного свойства, так

меня, выражаясь по-таганрогски, затуркали, что приходилось все это время не писать, а только отписываться.

Я не ответил Вам ничего насчет Ежова. Да и что было отвечать? Обезопасить себя от корреспондентов — ни от умных, ни от глупых — никак нельзя, а опровергнуть корреспондента, который, по неряшеству или по безграмотству, надменно наврал, это все равно что стараться перекричать злую бабу[1].

Я не поблагодарил Вас за избрание меня в попечители библиотеки, и меня мучает совесть. Что принято делать в таких случаях? Не нужно ли написать письмо городскому голове? Поучите, пожалуйста.

Помнится, Вы хотели сделать меня членом приюта. Пожалуйста, делайте из меня и со мной все, что только для Таганрога из меня можно сделать, отдаю себя в полное Ваше распоряжение. Членский взнос для приюта — 100 руб. посылаю переводом по почте. Если эти деньги нужно подавать при заявлении, то пришлите — я подпишу. Тараховский писал, что в Таганроге открылись воскресные классы (кажется, так) и что мне следовало бы записаться в члены. Против этого я тоже ничего не имею.

В конце декабря я вышлю Вам список книг, какие я, согласно полученному от Вас списку, выслал летом. Проверьте, все ли книги получены. Скидка сделана гигантская, так что библиотека должна мне очень немного.

Меня попы окрутили: сделали членом епархиального училищного совета. Это в Таврической губ. А из Серпуховского уезда, где я попечительствую, шлют истерические письма[2].

Читал, что судебная палата будет в Ростове. Читал, что Таганрог опять присоединят к Екатеринославской губернии. А как же усиленная охрана? Без казаков кто же будет охранять?

Как-то в Дубках я говорил Вам о том, что в Московской губернии близ самой Москвы есть школа, куда уездные земства и города командируют учителей на летнее время для изучения основ садоводства и огородничества; потом в Москве я справлялся у сведущих людей, они сказали, что и Вы можете прислать летом

одного-двух и присылать так ежегодно, чтобы и в Таганроге мало-помалу выработался штат скромных, среднего звания людей, умеющих судить о том, так ли посажено дерево, и было бы кому наблюдать за Дубками, Карантином, Казенным садом и городскими насаждениями. Когда я постарею, то буду проситься у Вас в городские садовники. Условие: комната в саду, в ротонде, что ли, и запрещение касперовцам ходить домой через сад. Кстати сказать, я выписывал из Одессы деревья для своего ялтинского садишки. Деревья великолепные, каких я не видел в таганрогском саду. Вот выпишите себе для дачи пирамидальные акации и пирамидальные шелковицы. Это прелесть.

Надеюсь, Ваша жена и дети здоровы, чего от души им и Вам желаю.

Крепко жму руку. Ваш *А. Чехов.*

Устав школы[3] послал Вам. Получили?

595

В. А. ПОССЕ

20 декабря 1899, Ялта

20 дек.

Многоуважаемый Владимир Александрович, простите, во-первых, я немножко запоздал, во-вторых, посылаю рукопись в безобразном виде. Я не стал переписывать из боязни, как бы не опоздать еще больше и не начать опять переделывать при переписывании. Пожалуйста, отдайте в набор и пришлите мне корректуру, я в корректуре сделаю то, что обыкновенно делаю переписывая, т. е. безобразное сделаю благообразным. Корректуру я продержу у себя два дня. Вот если бы Вы отложили до февральской книжки, то было бы хорошо[1].

Будьте здоровы и благополучны.

Рукопись идет заказной бандеролью.

Искренно Вас уважающий *А. Чехов.*

На обороте.

Заглавие «В овраге», быть может, изменю, если придумаю что-нибудь более выразительное и глазастое.

596

П. И. КУРКИНУ

23 декабря 1899, Ялта

23 дек.

Дорогой Петр Иванович, не писал я Вам так долго, потому что работал и не хотелось писать Вам кратко. Есть подробности, касающиеся Вас, как моего жильца. Во-первых, Мустафа ушел, вместо него нанят русский Арсений, глуховатый парень, столов делать не умеющий, но зато читающий жития святых и тихий. Во-вторых, водопровод уже действует, поставлен водомер, бак полон; производятся изыскания для канализации. В-третьих, шоссе расширяют, уже давно работают инженеры-путейцы (памятуя заповедь щедринскую: «Кубик кесарю, кубик себе»),— ни проехать, ни пройти; возле меня шоссе расширяют и возвышают на 6 аршин, так что я буду как в ящике. Реформы значительные.

На днях я получил письмо от Ивана Германовича. Почерк не хороший, указующий на расстройство в двигательной сфере (судорога крупных мышц, отсутствие фибрильных подергиваний), но не в психической. Если судить по этому письму, то голова у Ивана Германовича работает вполне нормально.

Д-ра Альтшуллер и Средин книги получили и велели благодарить Вас. Я тоже получил и благодарю сердечно [1]. Вчера приехала Маша и привезла термометр; я водрузил его у себя в кабинете, а прежний снял. Спасибо, термометр именно такой, какой нужно. Сколько я Вам должен за него?

Теперь об «очерках санитарной статистики» [2]. Начну с того, что для популярных статей заглавие это не совсем подходит, ибо содержит два иностранных слова; оно немножко длинно и немножко неблагозвучно, так как содержит много *с* и много *т*. Вы назовите как-

нибудь попроще, например: «Заметки врача» или что-нибудь вроде. Кстати сказать, статистика вообще неудачное название, и санитарная статистика — тоже. Ведь это название не определяет науки, оно слишком сухо и узко и похоже на «бухгалтерию». Надо бы придумать что-нибудь другое, именно такое, что определило бы шире и точнее статистику, как науку о большом организме, который мы называем обществом, как науку, которая легла соединяющим мостом между биологией и социологией. Это кстати сказать. Что же касается Вашего желания пустить глубже корни на журнальной ниве, то я могу только радоваться и за Вас и за оную ниву. По-моему, не следует терять времени на колебания и сомнения; чем раньше решитесь окунуться с головой, тем меньше будете раскаиваться в будущем. Ведь Вы и так уже много потеряли времени и за Вами большая недоимка. Вы скажете: недосуг. Да, но ведь это только смягчающее обстоятельство, не покрывающее всей вины. В. А. Гольцев весьма ценит Вас как сотрудника и, по всей вероятности, напечатает «очерки», но — простите, я буду продолжать в наставническом тоне,— не следует ставить судьбу вопроса в зависимость от одного лица или одной статьи. Вам нужно работать в нескольких журналах и газетах, давать и статьи, и заметки, и всякие новости, которыми так богата ваша общественная наука и, в частности, земская сфера. Нужно придумать или выдумать какие-нибудь внешние возбудители — бывать чаще с литераторами, хотя это и не всегда интересно, записаться в кассу взаимопомощи, записаться в художественный артистический кружок или клуб, вообще взять на себя иго in toto — хотя бы на год-два, пока литераторство не войдет в привычку. Вы не сердитесь за сие наставление. Я от души.

Здоровье мое лучше прошлогоднего, геморрой поддается высоким клизмам, т. е. не геморрой, а катар recti. Я завел себе мышеловку новой конструкции и ловлю мышей — единственный спорт, доступный для меня в настоящее время. С Новым годом! Желаю счастья и здоровья. Пишите!

Ваш *А. Чехов.*

597

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

2 января 1900, Ялта

2 янв.

Драгоценный Алексей Максимович, с Новым годом, с новым счастьем! Как поживаете, как себя чувствуете, когда приедете в Ялту? Напишите поподробней. Фотографию получил, она очень хороша, спасибо Вам большое.

Спасибо и за хлопоты насчет нашего попечительства о приезжих. Деньги, какие есть или будут, высылайте на мое имя или на имя правления Благотворительного общества — это все равно[1].

Повесть в «Жизнь» уже послана[2]. Писал ли я Вам, что Ваш рассказ «Сирота»[3] мне очень понравился и что я послал его в Москву превосходным чтецам? На медицинском факультете в Москве есть профессор А. Б. Фохт, который превосходно читает Слепцова. Лучшего чтеца я не знаю. Так вот я ему послал Вашего «Сироту». Писал ли я Вам, что мне очень понравился в Вашем третьем томе «Мой спутник»? Это такой же силы, как «В степи». Я бы на Вашем месте из трех томов выбрал лучшие вещи, издал бы их в одном рублевом томе — и это было бы нечто в самом деле замечательное по силе и стройности. А теперь в трех томах как-то все переболталось; слабых вещей нет, но впечатление такое, как будто эти три тома сочинялись не одним, а семью авторами,— признак, что Вы еще молоды и не перебродили.

Черкните два-три словечка. Жму крепко руку.

Ваш *А. Чехов.*

Средин Вам кланяется. Мы, т. е. я и Средин, часто говорим о Вас. Средин Вас любит. Его здоровье ничего себе.

598

О. Л. КНИППЕР

2 января 1900, Ялта

2 янв. 1900.

Здравствуйте, милая актриса! Вы сердитесь, что я так долго не писал Вам? Я писал Вам часто, но Вы не получали моих писем, потому что их перехватывал на почте один наш общий знакомый.

Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем. Желаю Вам в самом деле счастья и кланяюсь Вам в ножки. Будьте счастливы, богаты, здоровы, веселы.

Мы живем ничего себе, много едим, много болтаем, много смеемся и о Вас вспоминаем очень часто. Маша расскажет Вам, когда вернется в Москву, расскажет, как мы проводили праздники.

Я не поздравляю вас с успехом «Одиноких» [1]. Мне все еще мерещится, что все вы приедете в Ялту, что я увижу «Одиноких» на сцене и поздравлю вас сердечно, по-настоящему. Я Мейерхольду писал и убеждал в письме не быть резким в изображении нервного человека[2]. Ведь громадное большинство людей нервно, большинство страдает, меньшинство чувствует острую боль, но где — на улицах и в домах — Вы видите мечущихся, скачущих, хватающих себя за голову? Страдания выражать надо так, как они выражаются в жизни, т. е. не ногами и не руками, а тоном, взглядом; не жестикуляцией, а *грацией*. Тонкие душевные движения, присущие интеллигентным людям, и внешним образом нужно выражать тонко. Вы скажете: условия сцены. Никакие условия не допускают лжи.

Сестра говорит, что Вы чудесно играли Анну. Ах, если бы Художественный театр приехал в Ялту!

В «Новом времени» очень похвалили вашу труппу [3]. Там перемена курса: очевидно, и в великом посту будут хвалить всех вас. В февральской книжке «Жизни» будет моя повесть — очень странная. Много действующих лиц, есть и пейзаж. Есть полумесяц, есть птица выпь, которая кричит где-то далеко-далеко:

бу-у! бу-у! — как корова, запертая в сарае. Все есть [4].

У нас Левитан. На моем камине он изобразил лунную ночь во время сенокоса. Луг, копны, вдали лес, надо всем царит луна.

Ну-с, будьте здоровы, милая, необыкновенная актриса. Я по Вас соскучился.

Ваш *А. Чехов.*

А когда пришлете Вашу фотографию?
Что за варварство!

599

А. С. СУВОРИНУ

8 января 1900, Ялта

8 янв.

С Новым годом, с новым счастьем! Праздники прошли, сегодня я проводил гостей [1], остался опять один — и хочется писать письма. Поздравляю Вас и желаю всего хорошего — здоровья, многолетия. Кланяюсь Анне Ивановне, Насте и Боре и шлю им пожелания из глубины сердца; кланяюсь и той неизвестной, которая написала мне письмо на Вашей почтовой бумаге (с вензелем А. С.) и не подписалась. Мое здоровье недурно, я чувствую себя лучше, чем в прошлом году, но все же доктора не пускают меня из Ялты. А этот милый город надоел мне до тошноты, как постылая жена. Он излечит меня от туберкулеза, зато состарит лет на десять. Если поеду в Ниццу, то не раньше февраля. Пописываю помаленьку; недавно послал большой рассказ в «Жизнь». Денег мало; все, что до сих пор получил от Маркса и за пьесы, уже испарилось.

То, что Вы сообщаете о подписке на газеты, интересно. «Новости» падают, и это не удивительно. «Свет», очевидно, уже утратил значение самого дешевого органа. «Северный курьер», правда, очень читается в провинции. Если судить о кн. Барятинском по его газете, то, признаюсь, я виноват перед ним, так как рисовал его себе далеко не таким, каков он есть. Газету

его, конечно, прикроют, но репутация хорошего журналиста за ним останется надолго. Вы спрашиваете: почему «Северный курьер» имеет успех? Потому что наше общество утомлено, от ненавистничества оно ржавеет и киснет, как трава в болоте, и ему хочется чего-нибудь свежего, свободного, легкого, хочется до смерти.

Вашу повесть [2] я, кажется, сдал в московский магазин для передачи Вам или забыл ее на своей московской квартире. Поищу и пришлю. А Вы пришлите мне Вашу пьесу [3], я возвращу Вам ее тотчас же по прочтении. Велите высылать мне «Исторический вестник» — кстати сказать, а если милость Ваша будет на то, то и календарь. В прошлом году я не имел Вашего календаря. Пришлите в переплете.

Здесь я часто видаюсь с академиком Кондаковым. Говорим о Пушкинском отделении изящной словесности [4]. Так как Кондаков будет участвовать в выборах будущих академиков, то я стараюсь загипнотизировать его и внушить, чтобы выбрали Баранцевича и Михайловского. Первый, замученный, утомленный человек, несомненный литератор, в старости, которая уже наступила для него, нуждается и служит на конно-железной дороге так же, как нуждался и служил в молодости. Жалованье и покой были бы для него как раз кстати. Второй же, т. е. Михайловский, положил бы прочное основание новому отделению, и избрание его удовлетворило бы $^{3}/_{4}$ всей литературной братии. Но гипноз не удался, дело мое не выгорело. Добавление к указу [5] — это точно толстовское послесловие к Крейцеровой сонате. Академики сделали все, чтобы обезопасить себя от литераторов, общество которых шокирует их так же, как общество русских академиков шокировало немцев. Беллетристы могут быть только почетными академиками, а это ничего не значит, все равно как почетный гражданин города Вязьмы или Череповца: ни жалованья, ни права голоса. Ловко обошли! В действительные академики будут избираться профессора, а в почетные академики те из писателей, которые не живут в Петербурге, т. е. те, которые не могут бывать на заседаниях и ругаться с профессорами.

Мне слышно, как кричит муэдзин на минарете. Турки очень религиозны: у них теперь пост, они весь день ничего не едят. У них нет религиозных дам,— сего элемента, от которого мельчает религия, как Волга от песку.

Вы хорошо делаете, печатая мартиролог русских городов [6], обойденных взяточниками-инженерами. Вот что писал известный писатель Чехов в своей повести «Моя жизнь»:

Вокзал строился в пяти верстах от города. Говорили, что инженеры за то, чтобы дорога подходила к самому городу, просили взятку в пятьдесят тысяч, а городское управление соглашалось дать только сорок; разошлись в десяти тысячах, и теперь горожане раскаивались, так как предстояло проводить до вокзала шоссе, которое по смете обходилось дороже.

Инженеры-путейцы мстительные люди. Откажите им в пустяке, и они будут мстить Вам всю жизнь,— и это по традиции.

Спасибо Вам за письмо, спасибо за снисхождение. Крепко жму руку и кланяюсь.

Ваш *А. Чехов.*

600

В. А. ПОССЕ

11 января 1900, Ялта

11 январь

Многоуважаемый Владимир Александрович, возвращаю корректуру [1]. Читать ее было очень трудно, так как типография почему-то не прислала оригинала. Есть пропуски, которые я возобновлял на память кое-как; промежутки между полосами тесны, писать негде, пришлось разрезывать, подклеивать, и я едва удержался от намерения телеграфировать Вам, чтобы Вы выслали оригинал.

Скажите корректору, чтобы он уже не исправлял, по возможности не ставил бы запятых и кавычек. Пусть

в типографии обратят внимание на соединительный знак ∽ в тех местах, где абзацы обрывают разговорную речь.

Корректуру держал я недолго, только одни сутки. Надеюсь, что моя повесть не задержит книжки.

Желаю Вам всего хорошего.

Преданный *А. Чехов.*

В Ялте ждут Горького.

Корректура пошла заказною бандеролью одновременно с этим письмом.

601

А. А. САНИНУ (ШЕНБЕРГУ)

14 января 1900, Ялта

14 янв.

Милый Александр Акимович, большое Вам спасибо, что вспомнили и прислали письмо. И я тоже поздравляю Вас с Новым годом и желаю, чтобы во всем главном жизнь оставалась по-старому, как была, а в мелочах, буде угодно Вам, пошла по-новому. Каким интересным, полезным и значительным человеком Вы до сих пор были, таким и оставайтесь. Вашему театру желаю новых пьес и собственного помещения, в остальном же пусть все остается по-старому.

Я жив и почти здоров, но скучаю без культуры, без московского звона. Дорого дал бы, чтобы провести хотя один день в Москве и повидать всех Вас.

Не приедете ли в Ялту после пасхи? Взяли бы пять полных сборов, а главное, здешний театр выстроен нарочно для того, чтобы Вы наняли его для репетиций. Репетировать и отдыхать.

Будьте здоровы, крепко жму Вам руку, шлю лучшие пожелания из глубины сердца.

Ваш *А. Чехов.*

Г. И. РОССОЛИМО

21 января 1900, Ялта

21 янв. 1900.

Дорогой Григорий Иванович, соответствующее PS в автобиографии сделать можно, но лучше подождать общего собрания академии, когда будут произведены окончательные выборы [1].

То, что у меня, по-видимому, подходит для детей,— две сказки из собачьей жизни, посылаю Вам заказной бандеролью [2]. А больше у меня, кажется, нет ничего в этом роде. Писать для детей вообще не умею, пишу для них раз в 10 лет и так называемой детской литературы не люблю и не признаю. Детям надо давать только то, что годится и для взрослых. Андерсен, «Фрегат Паллада», Гоголь читаются охотно детьми, взрослыми также. Надо не писать для детей, а уметь выбирать из того, что уже написано для взрослых, т. е. из настоящих художественных произведений; уметь выбирать лекарство и дозировать его — это целесообразнее и прямее, чем стараться выдумать для больного какое-то особенное лекарство только потому, что он ребенок. Простите сие медицинское сравнение. Оно, пожалуй, теперь как раз вовремя, ибо я вот уже 4 дня занимаюсь медициной, лечу себя и мать. Должно быть, инфлуэнца. Жар и голова болит.

Если напишу что-нибудь, то дам Вам знать своевременно, но издать написанное может только один человек — Маркс! За все, что издаст не Маркс, я должен буду заплатить 5000 р. штрафа (за каждый лист).

У меня есть брат учитель, Иван Павлович, который возится с детворой уже больше 20 лет. Он прекрасно знает, что детям нравится и что не нравится. При составлении сборника он был бы бесполезен для Вас, редактор он плохой, но если бы Вам вздумалось издать когда-нибудь библиографический указатель художественных произведений и статей, пригодных для детского чтения, то брат мог бы сделать Вам немало хоро-

ших указаний. Он учительствует в Москве. Его адрес: Новая Басманная, Петровско-Басманное училище. У него практический нюх.

Ваше письмо порадовало меня и подсыпало немножко соды в мое кислое настроение. Спасибо, что вспомнили. Скоро в «Жизни» появится моя повесть — последняя из народной жизни. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

603

О. Л. КНИППЕР

22 января 1900, Ялта

22 янв.

Милая актриса, 17 января я получил телеграммы от Вашей мамы и брата, от дяди Александра Ивановича (подпись — дядя Саша) и Н. Н. Соколовского. Будьте добры, передайте им мою сердечную благодарность и выражение моей искренней симпатии.

Отчего Вы не пишете? Что случилось? Или Вы так уж увлеклись муаровой шелковой подкладкой на отворотах?[1] Ну, что делать, бог с Вами.

Говорят, что в мае вы будете в Ялте. Если это уже решено, то почему бы не похлопотать заранее о театре? Здешний театр в аренде, без переговоров с арендатором, актером Новиковым, обойтись никак нельзя. Вот если б поручили мне, то я бы, пожалуй, переговорил с ним.

17 января — день именин и избрания в академики — прошло тускло и хмуро, так как я был нездоров. Теперь я выздоровел, но прихворнула мать. И эти маленькие беды совсем отбили всякий вкус и к именинам и к академическому званию, и они же помешали написать Вам и ответить на телеграммы в свое время.

Теперь мать выздоравливает.

Видаюсь с Средиными. Они бывают у нас, а я бываю у них очень, очень редко, но все же бываю. Доктор Розанов (один из тех сумасшедших, которых мы видели в Кокозе) [2] скоро будет в Москве, побывает у Маши; сделайте так, чтобы он побывал в театре.

Итак, стало быть, Вы мне не пишете и не скоро еще соберетесь написать. Виною всему муаровые шелковые отвороты на сюртуках. Я понимаю Вас!

Целую Вам ручку.

Ваш *А. Чехов.*

604

А. С. СУВОРИНУ

23 января 1900, Ялта

23 янв.

Новая пьеса, 1 и 2 акты, мне понравилась, и я нахожу даже, что она лучше «Татьяны Репиной» [1]. Та ближе к театру, а эта ближе к жизни. 3-й акт не определился, потому что в нем нет действия, нет даже ясности в замысле. Быть может, для того, чтобы он определился и стал ясен, надо сначала написать 4-й акт. В 3-м акте объяснение мужа с женой сбивается на сумбатовские «Цепи»; и я предпочел бы, чтобы жена все время оставалась за кулисами и чтобы Варя,— как это и бывает в жизни в подобных случаях,— верила больше отцу, чем матери.

Замечаний у меня немного. Образованный дворянин, идущий в попы,— это уже устарело и не возбуждает любопытства. Те, которые пошли в попы, точно в воду канули; одни, ставши ординарными архимандритами, ожирели и уже давно забыли про всякие идеи, другие — бросили все, живут на покое. От них ничего определенного не ждали, и они ничего не дали; и на сцене молодой человек, собирающийся в попы, будет просто несимпатичен публике, а в его девстве и целомудрии увидят нечто скопическое. Да и актер будет играть его нелепо. Лучше бы Вы взяли молодого ученого, тайного иезуита, мечтавшего о соединении церквей, или кого-нибудь другого, только такого, что-

бы представлялся крупнее, чем дворянин, идущий в попы.

Варя хороша. В первом явлении в языке излишняя истеричность. Надо, чтобы она не острила, а то все у Вас острят, играют словами, и это немножко утомляет внимание, рябит; язык Ваших героев похож на белое шелковое платье, на котором все время переливает солнце и на которое больно глядеть. Слова «пошлость» и «пошло» уже устарели.

Наташа очень хороша. Напрасно Вы делаете ее другою в 3-м акте.

Фамилии «Ратищев» и «Муратов» слишком пьесочны, не просты. Дайте Ратищеву малороссийскую фамилию — для разнообразия.

Отец без слабостей, без определенной внешности; не пьет, не курит, не играет, не хворает. Надо пристегнуть к нему какое-нибудь качество, чтобы актеру было за что уцепиться.

Знает отец про грех Вари или не знает,— думаю, все равно или не так важно. Половая сфера, конечно, играет важную роль на сем свете, но ведь не все от нее зависит, далеко не все; и далеко не везде она имеет решающее значение.

Когда пришлете IV акт, еще напишу, если придумаю что-нибудь. Я рад, что Вы почти уже написали пьесу, и еще раз повторяю, что Вам следует писать и пьесы и романы, во-первых, потому, что это вообще нужно, и, во-вторых, потому, что для Вас это здорово, так как приятно разнообразит Вам жизнь.

Насчет академии Вы недостаточно осведомлены. Действительных академиков из писателей *не* будет. Писателей-художников будут делать почетными академиками, обер-академиками, архи-академиками, но просто академиками — никогда или не скоро. Они никогда не введут в свой ковчег людей, которых они не знают и которым не верят. Скажите: для чего нужно было придумывать звание почетного академика?

Как бы ни было, я рад, что меня избрали. Теперь в заграничном паспорте будут писать, что я академик. И доктора московские обрадовались. Это мне с неба упало.

Спасибо за календарь и за «Весь Петербург».

Анне Ивановне, Насте и Боре нижайший поклон и привет. Пожалуйста, спросите у Насти, не она ли это прислала мне письмо без подписи на Вашей бумаге (A. S.). Рука, кажется ее. В письме есть слово «писателишки» и речь идет о моей фотографии, купленной у Попова. Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

Юрьев хорош. Не нужно только, чтобы и он был должен ростовщице. Пусть лучше Наташа возьмет у нее взаймы потихоньку от отца. Пусть и Варя возьмет, чтобы дать матери.

605

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

24 января 1900, Ялта

24 янв. 1900.

Многоуважаемый
Федор Дмитриевич!

Рош просит выслать ему те места из «Мужиков», которые были выброшены цензурой. Но таких мест не было. Есть одна глава, которая не вошла ни в журнал, ни в книжку; это разговор мужиков о религии и властях [1]. Но посылать эту главу в Париж нет надобности, как и вообще не было надобности переводить «Мужиков» на французский язык.

Сердечно благодарю Вас за фотографию. Иллюстрация Репина — это честь, какой я не ожидал и о какой не мечтал. Получить оригинал будет очень приятно;[2] скажите Илье Ефимовичу, что я буду ждать с нетерпением и что он, Илья Ефимович, раздумать теперь не может, так как оригинал я завещал уже г. Таганрогу, в котором, кстати сказать, родился.

В своем письме Вы упоминаете о Горьком. Вот кстати: как нравится Вам Горький? Мне не все нравится, что он пишет, но есть вещи, которые очень, очень нравятся, и для меня не подлежит сомнению, что Горь-

кий сделан из того теста, из которого делаются художники. Он настоящий. Человек он хороший, умный, думающий и вдумчивый, но на нем и в нем много ненужного груза, например его провинциализм.

Вы пишете: «Не знаешь, откуда чаять движения воды»[3]. А Вы чаете? Движение есть, но оно, как движение земли вокруг солнца, невидимо для нас.

Спасибо Вам большое за письмо, за то, что вспомнили. Мне здесь скучно, надоело, и такое чувство, как будто я выброшен за борт. А тут еще погода дурная, нездоровится. Я все еще продолжаю кашлять.

Желаю Вам всего хорошего.

Преданный *А. Чехов.*

606

Ал. П. ЧЕХОВУ

25 января 1900, Ялта

25 янв.

Седой братец! Посылаю тебе вексель на тысячу рублей. Запоздал немного, потому что сам сильно запутался и потерял всякое соображение и руки опустил растерянно, кладя латки на свой финансовый кафтан, который, очевидно, починить никак нельзя.

Мать здравствует. Я то здоров, то хвораю. Известие об избрании в академики пришло, когда я был нездоров, — и вся прелесть пропала, так как мне было все равно.

Не печатай, пожалуйста, опровержений в газетах. Это не дело беллетристов. Ведь опровергать газетчиков все равно что дергать черта за хвост или стараться перекричать злую бабу. И шмули, особенно одесские, нарочно будут задирать тебя, чтобы ты только присылал им опровержения. Из всех беллетристов, каких я знал и знаю, только два писали опровержения: ты и Потапенко. И Потапенку всегда за это ругали, и сам он всякий раз раскаивался. Даже если бы напечатали, что ты делаешь фальшивые бумажки, то и тогда нельзя опровергать; единственный случай, когда прилично нам

печатать опровержение, это когда приходится вступиться за кого-нибудь. Не за себя, а за кого-нибудь.

На телеграмму я ответил вчера поздно вечером, тотчас же по получении.

«Россия» имеет большой успех в провинции, «Новое время» падает и падает. И, по-моему, вполне справедливо.

Ну, будь здрав. Напиши хоть 2—3 строчки, как и что. Кланяйся своим.

Твой Antoine.

607

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

27 января 1900, Ялта

27 янв.

Милый Виктор Александрович, я послал телеграмму [1], все-таки позволь еще поздравить тебя письменно. Поздравляю тебя, крепко обнимаю, крепко жму руку и прошу верить, что я люблю тебя и почитаю как редко кого. В последние 10 лет ты был для меня одним из самых близких людей.

Я все жду того молодого ученого, о котором ты писал [2], а он все не едет. Где он? Конечно, мы его устроим. Погода здесь скверная, в феврале она будет хуже, но, говорят, ялтинский воздух обладает целебными свойствами и в дурную погоду. Я начиная с 17 января (день именин и возведение в бессмертный чин) был болен и даже подумывал, как бы мне не обмануть тех, кто выбрал меня в «бессмертные», но ничего, ожил и теперь здравствую, хотя, впрочем, с мушкой под левой ключицей. Доктор нашел, что в правом легком совсем хорошо, лучше, чем было в прошлом году. А кроме всего прочего, титулярная болезнь — геморрой.

Идея открыть читальню в Старой Рузе [3] мне совсем не нравится. Ведь в Старой Рузе ничего нет, кроме парома и трактира,— это раз; во-вторых, хорошей читальни открыть все равно нельзя и, в-третьих, от чтения книжек в читальнях мужики нисколько не умнеют. Надо бы стипендии. Когда будет твой 25-летний юби-

лей, я предложу в честь твою дать полное гимназическое и университетское образование какому-нибудь «кухаркиному сыну», столь ненавистному твоим принципиальным противникам.

В скором времени к тебе по своему делу явится студент (кончивший в ялтинской гимназии), бедняк большой. Его зовут: Максимович, Георгий Андреевич. Пожалуйста, не откажи принять его и поговорить с ним.

«Вопль» Крестовской хорошая вещь;[4] все хорошо, кроме названия. Вещь в стиле толстовского «Семейного счастья», в манере попахивает старинкой — и так все деликатно и умненько. Маминовская повесть — это грубая, безвкусная и фальшивая чепуха [5].

Поклонись Вуколу, поздравь его с прошедшим юбилеем.

Будь здоров и счастлив.

Твой *А. Чехов.*

608

М. О. МЕНЬШИКОВУ

28 января 1900, Ялта

28 января. Ялта.

Дорогой Михаил Осипович, что за болезнь у Толстого, понять не могу. Черинов ничего мне не ответил, а из того, что я читал в газетах и что Вы теперь пишете, вывести ничего нельзя. Язвы в желудке и кишечнике сказывались бы иначе; их нет или было несколько кровоточивых царапин, происшедших от желчных камней, которые проходили и ранили стенки. Рака тоже нет, он отразился бы прежде всего на аппетите, на общем состоянии, а главное, лицо выдало бы рак, если бы он был. Вернее всего, что Лев Николаевич здоров (если не говорить о камнях) и проживет еще лет двадцать. Болезнь его напугала меня и держала в напряжении. Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я ни одного человека не любил так, как его; я

человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются. В-третьих, Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения. Без него бы это было беспастушное стадо или каша, в которой трудно было бы разобраться.

Чтобы кончить о Толстом, скажу еще о «Воскресении», которое я читал не урывками, не по частям, а прочел все сразу, залпом. Это замечательное художественное произведение. Самое неинтересное — это все, что говорится об отношениях Нехлюдова к Катюше, и самое интересное — князья, генералы, тетушки, мужики, арестанты, смотрители. Сцену у генерала, коменданта Петропавловской крепости, спирита, я читал с замиранием духа — так хорошо! А m-me Корчагина в кресле, а мужик, муж Федосьи! Этот мужик называет свою бабу «ухватистой». Вот именно у Толстого перо ухватистое. Конца у повести нет, а то, что есть, нельзя назвать концом. Писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из евангелия,— это уж очень по-богословски. Решать все текстом из евангелия — это так же произвольно, как делить арестантов на пять разрядов. Почему на пять, а не на десять? Почему текст из евангелия, а не из корана? Надо сначала заставить уверовать в евангелие, в то, что именно оно истина, а потом уж решать все текстом.

Я надоел Вам? Вот когда приедете в Крым, я буду Вас интервьюировать и потом напечатаю в «Новостях дня». О Толстом пишут, как старухи об юродивом, всякий елейный вздор; напрасно он разговаривает с этими шмулями.

Я был нездоров недели две. Перемогался. Теперь сижу с мушкой под левой ключицей и чувствую себя недурно. Не с мушкой, а с красным пятном после мушки.

Фотографию вышлю Вам непременно. Званию академика рад, так как приятно сознавать, что мне теперь завидует Сигма. Но еще более буду рад, когда утеряю это звание после какого-нибудь недоразумения. А недоразумение произойдет непременно, так как ученые академики очень боятся, что мы будем их шокировать. Толстого выбрали скрепя сердце. Он, по-тамошнему, нигилист. Так по крайней мере назвала его одна дама, действительная тайная советница,— с чем от души его поздравляю.

Я не получаю «Недели». Отчего? В редакции хранится присланная мною рукопись С. Воскресенского «Глупости Ивана Ивановича»[1]. Если не пойдет, пришлите обратно. Будьте здоровы, крепко жму руку. Яше и Лидии Ивановне привет.

Ваш *А. Чехов.*

Пишите!

609

Л. С. МИЗИНОВОЙ

29 января 1900, Ялта

29 янв.

Милая Лика, мне писали, что Вы очень пополнели и стали важной, и я никак не ожидал, что Вы вспомните обо мне и напишете. Но Вы вспомнили,— и большое Вам спасибо за это, касатка. Вы ничего не пишете о Вашем здоровье: очевидно, оно недурно, и я рад. Надеюсь, что и мама Ваша здорова и что все обстоит благополучно. Я почти здоров; бываю болен, но это не часто — и только потому, что я уже стар, бациллы же здесь ни при чем. И когда я теперь вижу красивую женщину, то старчески улыбаюсь, опустив нижнюю губу,— и больше ничего.

Вы познакомились с писательницей?[1] Воображаю, какие позы Вы принимали перед ней, чтобы скрыть, что у Вас кривой бок. Кстати сказать, весной она будет в Ялте, вот и Вы бы приехали с ней, раз Вы уже услови-

лись путешествовать вместе. В Крыму весной очень хорошо.

Мне не нравится, что Вы живете в «Гельсингфорсе». Ведь есть же меблированные комнаты и почище. Наконец, можно и квартиру нанять. Жить в «Гельсингфорсе» — это дурная привычка, которая не кажется Вам дурной, пока Вы живете в нем, но стоит Вам неделю-другую пожить в другом месте, как Вам «Гельсингфорс» станет так же противен, как мне.

Где Варя? Что она?

Свою фотографию я пришлю Вам, когда местный фотограф приготовит снимки. Меня здесь снимают часто, но фотографий мне не дают.

Вы пишете, что уедете в Бердичев. Разве Вы бежите с кем-нибудь из редакции «Курьера»? С Коновицером? Да?

Лика, мне в Ялте очень скучно. Жизнь моя не идет и не течет, а влачится. Не забывайте обо мне, пишите хотя изредка. В письмах, как и в жизни, Вы очень интересная женщина. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Если видаетесь с Гольцевым и Коновицером, то поклонитесь им. И Ольге Петровне непременно поклонитесь.

610

М. П. ЧЕХОВУ

29 января 1900, Ялта

Милый Мишель, отвечаю на твое письмо [1].

1) В Торжке я не был ни разу в жизни [2] и никогда из Торжка никому телеграмм не посылал. Выехал я из Петербурга на другой день после представления «Чайки», провожали меня суворинский лакей и Потапенко.

2) О том, что я продаю Марксу сочинения и на каких условиях, Суворину было известно в подробности. На прямо поставленный вопрос, не желает ли купить он, он ответил, что у него денег нет, что покупать мои сочинения ему не позволяют дети и что больше того, что дает Маркс, никто дать не может.

3) Аванс в 20 тысяч — это значит купить произведения за 20 тысяч, так как я никогда не вылез бы из долга.

4) Когда с Марксом было кончено, то А. С. написал мне, что он очень рад совершившемуся, так как его всегда мучила совесть, что он дурно меня издавал.

5) Разговора о направлении «Нового времени» в Ницце не было.

6) «Отношения», о которых я писал тебе (об этом, конечно, не следовало бы откровенничать с Сувориными), особенно стали изменяться, когда А. С. сам написал мне, что нам писать друг другу более уже не о чем.

7) Полное собрание моих сочинений начали печатать в типографии, но не продолжали, так как все время теряли мои рукописи, на мои письма не отвечали и таким неряшливым отношением ставили меня в положение отчаянное; у меня был туберкулез, я должен был подумать о том, чтобы не свалить на наследников своих сочинений в виде беспорядочной, обесцененной массы.

8) Конечно, всего этого мне не следовало бы писать тебе, ибо все сие слишком лично и скучно, но раз тебя обворожили и представили тебе в ином свете, то, делать нечего, все эти 8 пунктов — читай и мотай на ус. О каком-либо примирении и речи быть не может, так как я и Суворин не ссорились и опять мы переписываемся как ни в чем не бывало. Анна Ивановна милая женщина, но она очень хитра. В ее расположение я верю, но когда разговариваю с ней, то не забываю ни на одну минуту, что она хитра и что А. С. очень добрый человек и издает «Новое время». Это я пишу исключительно для тебя одного.

У нас все благополучно. Мать была больна немножко, но теперь ничего. Видел ли Машу в Москве?

«Северный край» получаю. Надо хронику побогаче. Провинциальные корреспонденты хороши, особенно из Вологды.

Как Женя? Ну, будь здоров, поклонись Ольге Германовне. Желаю Вам обоим здоровья и всего хорошего.

Твой *А. Чехов.*

29 янв.

611

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

2 февраля 1900, Ялта

2 февраль.

Милый Жан, шлю ответ на Ваше последнее письмо. Станиславского зовут так: Константин Сергеевич Алексеев, Москва, у Красных ворот, собственный дом. Кроме него, пьесы читает еще Вл. И. Немирович-Данченко (Каретный ряд, Художественный театр). До сих пор они, кажется, одноактных пьес не ставили. Если пьеса понравится, то они поставят. «Понравится» на их языке значит подойдет, будет интересной в режиссерских и иных театральных отношениях. Лучше бы Вы написали для этого необыкновенного театра 4-актную пьесу, щегловскую, настоящую художественную вроде «Гордиева узла»[1], без репортеров и без благородных стариков-писателей. Милый Жан, обличения, желчь, сердитость, так называемая «независимость», т. е. критика на либералов и новых людей,— это совсем не Ваше амплуа. Господь послал Вам доброе, нежное сердце, пользуйтесь же им, пишите мягким пером, с легкой душой, не думая об обидах, Вами понесенных. Вы называете себя моим почитателем. А я — Ваш почитатель и самый упорный, потому что я знаю Вас и знаю, из какого материала сделан Ваш талант, и меня никто не собьет с моего крепкого убеждения, что Вы владеете настоящей искрой божией. Но Вы, вследствие обстоятельств, сложившихся так, а не иначе, раздражены, залезли по колена в мелочи, утомлены мелочами, мнительны, не верите себе — отсюда постоянные мысли о болезнях, о нужде, мысли о пенсии, о Вейнберге. О пенсии Вам рано еще думать, о Вейнберге, если охладел к Вам, то имел на это некоторое право или основание. Вы напечатали протест, обличили Литературно-театральный комитет [2], и это тогда произвело на всех тяжелое впечатление, вероятно, потому, что это не принято. Будьте объективны, взгляните на все оком доброго человека, т. е. Вашим собственным оком,— и засядьте писать повесть или пьесу из русской жизни, не критику на рус-

скую жизнь, а радостную песнь Щегла по поводу русской жизни, да и вообще нашей жизни, которая дается только один раз и тратить которую на обличение шмулей, ядовитых жен и комитета, право, нет расчета. Милый Жан, отнеситесь к себе, к своему дарованию справедливо, пустите Ваш большой корабль плавать по широкому морю, не держите его в Фонтанке. Простите всем, кто обидел Вас, махните рукой и, повторяю, садитесь писать.

Простите, что я заговорил певучим тоном богомолки. Но я отношусь к Вам искренно, как товарищ, и отделываться коротеньким деловым ответом было бы с моей стороны по меньшей мере несвоевременно.

Был бы очень рад, если бы судьба привела повидаться с Вами весной. Лаура я давно не видел. Никаких сплетен от него не слышал.

Мое здоровье не поправилось, но жить можно. В этом году мне лучше, чем было в прошлом. Мать шлет сердечное спасибо за поклон и сама кланяется.

Передайте мой привет Вашей жене и будьте здоровы, милый Жан. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

612

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

3 февраля 1900, Ялта

3 февр.

Дорогой Алексей Максимович, спасибо Вам за письмо, за строки о Толстом и «Дяде Ване»[1], которого я не видел на сцене, спасибо вообще, что не забываете. Здесь, в благословенной Ялте, без писем можно было бы околеть. Праздность, дурацкая зима с постоянной температурой выше ноля, совершенное отсутствие интересных женщин, свиные рыла на набережной — все это может изгадить и износить человека в самое короткое время. Я устал, мне кажется, что зима тянется уже десять лет.

У Вас плеврит? Если так, то зачем Вы сидите в Нижнем? Зачем? Что Вам в этом Нижнем, кстати ска-

зать? Какая смола приклеила Вас к этому городу? Если Вам, как Вы пишете, нравится Москва, то отчего Вы не живете в Москве? В Москве театры и проч. и проч., а главное — из Москвы рукой подать за границу, а живя в Нижнем, Вы так и застрянете в Нижнем и дальше Васильсурска не поедете. Вам надо больше видеть, больше знать, шире знать. Воображение у Вас цепкое, ухватистое, но оно у Вас как большая печка, которой не дают достаточно дров. Это чувствуется вообще, да и в отдельности в рассказах; в рассказе Вы даете две-три фигуры, но эти фигуры стоят особнячком, вне массы; видно, что фигуры сии живут в Вашем воображении, но только фигуры, масса же не схвачена. Исключаю из сего Ваши крымские вещи (например, «Мой спутник»), где, кроме фигур, чувствуется и человеческая масса, из которой они вышли, и воздух, и дальний план — одним словом, все. Видите, сколько я наговорил Вам — и это, чтоб Вы не сидели в Нижнем. Вы человек молодой, сильный, выносливый, я бы на Вашем месте в Индию укатил, черт знает куда, я бы еще два факультета прошел. Я бы, да я бы — Вы смеетесь, а мне так обидно, что мне уже 40, что у меня одышка и всякая дрянь, мешающая жить свободно. Как бы ни было, будьте добрым человеком и товарищем, не сердитесь, что я в письмах читаю Вам наставления, как протопоп.

Напишите мне. Жду «Фому Гордеева», которого я еще до сих пор не прочел как следует.

Нового ничего нет. Будьте здоровы, крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

613

А. С. ПРУГАВИНУ

5 февраля 1900, Ялта

...Что касается моих прошлогодних писем, то простите, я против того, чтобы Вы их напечатали [1]. Большое Вам спасибо, я прекрасно понимаю, в чем дело, и ценю высоко Ваши намерения и Ваше отношение ко мне, и

уклоняюсь от напечатания моих писем только по причинам, так сказать, психологическим. Напечатание связало бы меня на будущее время; потом, когда бы я писал письма, я был бы уже не свободен, так как мне все казалось бы, что я пишу для печати.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас и пожелать Вам всего хорошего. Будьте здоровы — главным образом.

Искренно Вас уважающий и преданный

А. Чехов.

614

В. А. ПОССЕ

5 февраля 1900, Ялта

Многоуважаемый Владимир Александрович, напрасно я читал корректуру, ее в типографии не исправили [1]. Как были «табельные» вместо «заговенье» (стр. 203), так и осталось. В деревне никаких табельных дней не знают и не празднуют,— и это «табельные» покажется людям знающим нелепостью. После «сига» (стр. 110) запятая для чего-то, после «певчих» (ibid *) нет запятой, после «бог милостив» (стр. 214) запятая. «Глазы» корректор исправил, показалось ему неправильно (216), а Гантаревы вместо Гунторевы так и осталось. И кавычек ненужных понаставил и двоеточий. Где у меня точка с запятой, там он поставил двоеточие. На странице 219, строка 9 снизу, после «возьми» нет тире (—) и т. д. и т. д.

Все эти опечатки, особенно «табельные» и «Цыбулякин» (231 снизу), «Цыбулькин» (233, 8-я строка сверху), так аффрапировали меня, что я теперь видеть не могу своего рассказа. Такое обилие опечаток для меня небывалая вещь и представляется мне целой оргией типографской неряшливости — простите мне это раздражение.

Оттисков до сих пор я не получил.

---

* ibidem — там же (*лат.*).

Некий Б. Лазаревский, юрист, выпустивший уже книжку рассказов, сообщил мне на днях, что он послал в «Жизнь» повесть[2],— и просил меня написать Вам об этом.

Будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего.

Преданный *А. Чехов.*

5 февраля.

615

А. С. СУВОРИНУ

12 февраля 1900, Ялта

12 февр.

Я ломал голову над IV актом и ничего не придумал, кроме того разве, что кончить нигилистами нельзя. Это слишком бурно, крикливо, к Вашей же пьесе более идет конец тихий, лирический, трогательный. Когда Ваша героиня состарится, не придя ни к чему и ничего не решив для себя, и увидит, что всеми она покинута, неинтересна, не нужна, когда поймет, что окружавшие ее люди были праздные, ненужные, дурные люди (отец — тоже) и что она проморгала жизнь,— разве это не страшнее нигилистов? [1]

Письма Ваши насчет «Русалки» и Корша [2] очень хороши. Тон блестящий, и написано чудесно. Но вот насчет Коноваловой и присяжных, мне кажется, Вам не следовало бы писать, как ни заманчив сюжет. Пусть А — т пишет сколько угодно, но не Вы, ибо это не Ваше амплуа [3]. Чтобы трактовать подобные вопросы смело и уверенно, надо быть прямолинейным человеком, а Вы на половине письма собьетесь, как и сбились, заговорив вдруг о том, что мы все иногда желаем убивать, желаем смерти ближним нашим. Когда невестке становится тошно и невмоготу от больной свекрови, злющей старухи, то ей, невестке, бывает легче при мысли, что старуха скоро помрет, но это не желание смерти, а утомление, немощный дух, досада, тоска по спокойствию. Если этой невестке приказать убить старуху, то она скорей себя убьет, какие бы там желания ни копошились в ее душе.

Да, конечно, присяжные — люди и могут ошибаться, но что же из этого? Бывает так, что по ошибке подают милостыню сытому вместо голодного, но сколько ни пишите по этому поводу, ни до чего не допишетесь, а только повредите голодным. Ошибаются, с нашей точки зрения, присяжные или не ошибаются, мы должны признать, что в каждом отдельном случае судят они сознательно, что совесть у них при этом бывает крайне напряжена; а если капитан парохода ведет свой пароход сознательно, все время глядя в карту и на компас, и если пароход все-таки терпит крушение, то не будет ли правильнее искать причину крушения не в капитане, а в чем-нибудь другом, например хоть в том, что карта давно устарела или дно моря изменилось? Ведь присяжным приходится считаться с тремя обстоятельствами: 1) кроме действующего права, кроме уложений и юридических определений, существует еще нравственное право, которое всегда идет впереди действующего и определяет наши поступки, именно когда мы хотим действовать по совести; так, по закону дочери полагается одна седьмая часть, Вы же, следуя требованиям чисто нравственного порядка, идете впереди закона и вопреки ему завещаете ей столько же, как и сыновьям, ибо знаете, что, поступив иначе, Вы поступили бы против совести. Так и присяжным случается иногда попадать в положение, когда они сознают и чувствуют, что совесть их не удовлетворяется действующим правом, что в деле, которое они решают, есть оттенки и тонкости, которые не укладываются в «Уложение о наказаниях», и что для правильного решения вопроса, очевидно, не хватает еще чего-то, и за неимением этого «чего-то» они поневоле выносят приговор, в котором чего-то недостает; 2) присяжные сознают, что оправдание не есть прощение и что оправдание не освобождает подсудимого от Страшного суда на том свете, от суда совести, от суда общественного мнения; они решают вопрос лишь постольку, поскольку он судебный вопрос, а это уж пусть А—т решает, хорошо ли убивать детей или дурно; 3) подсудимый является на суд, уже измученный тюрьмой и следствием, и на суде переживает он мучительное состояние, так что, и оправданный, не выходит из суда безнаказанным.

Так это или не так, но, оказывается, письмо уже почти кончено, а я, в сущности, ничего не написал.

У нас в Ялте весна, нового и интересного ничего нет. В здешней книжной лавке я купил последний том Л. Толстого с «Воскресением»; оказалось, что это совершенная подделка под издание Толстого,— тонкая работа Клюкина [4]. Спрашиваю: откуда выписали? Ответ: из Одессы от Суворина.

Кто это Фома Неверный? [5] Анне Ивановне, Насте и Боре привет и поклон нижайший. Не побываете ли Вы в Крыму весной? Из Ялты можно было бы на лошадях в Феодосию, в монастырь. Будьте здоровы, кланяюсь Вам.

Ваш *А. Чехов.*

«Воскресение» замечательный роман. Мне очень понравилось, только надо читать его весь сразу, в один присест. Конец неинтересен и фальшив, фальшив в техническом отношении.

616

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

15 февраля 1900, Ялта

15 февр.

Дорогой Алексей Максимович, Ваш фельетон в «Нижегородском листке» [1] был бальзамом для моей души. Какой Вы талантливый! Я не умею писать ничего, кроме беллетристики, Вы же вполне владеете и пером журнального человека. Я думал сначала, что фельетон мне очень нравится, потому что Вы меня хвалите, потом же оказалось, что и Средин, и его семья, и Ярцев — все от него в восторге. Значит, валяйте и публицистику, господь Вас благословит!

Что же мне не шлют «Фомы Гордеева»? Я читал его только урывками, а надо бы прочесть все сразу, в один присест, как я недавно прочел «Воскресение». Все, кроме отношений Нехлюдова к Катюше, довольно неясных и сочиненных, все поразило меня в этом романе

силой и богатством, и широтой, и неискренностью человека, который боится смерти, не хочет сознаться в этом и цепляется за тексты из священного писания.

Напишите же, чтобы мне прислали «Фому».

«Двадцать шесть и одна» [2] — хороший рассказ, лучшее из того, что вообще печатается в «Жизни», в сем дилетантском журнале. В рассказе сильно чувствуется место, пахнет бубликами.

«Жизнь» напечатала мой рассказ с грубыми опечатками [3], невзирая на то, что я читал корректуру. Раздражают меня в «Жизни» и провинциальные картинки Чирикова, и картина «С Новым годом!», и рассказ Гуревич[4].

Только что принесли Ваше письмо. Так не хотите в Индию? Напрасно. Когда в прошлом есть Индия, долгое плавание, то во время бессонницы есть о чем вспомнить. А поездка за границу отнимает мало времени, она не может помешать Вам ходить пешком по России [5].

Мне скучно не в смысле Weltschmerz *, не в смысле тоски существования, а просто скучно без людей, без музыки, которую я люблю, и без женщин, которых в Ялте нет. Скучно без икры и без кислой капусты.

Очень жаль, что Вы, по-видимому, раздумали приехать в Ялту. А здесь в мае будет Художественный театр из Москвы. Даст 5 спектаклей и потом останется репетировать. Вот приезжайте, на репетициях изучите условия сцены и потом в 5—8 дней напишете пьесу, которую я приветствовал бы радостно, от всей души.

Да, я теперь имею право выставлять на вид, что мне 40 лет, что я человек уже не молодой. Я был самым молодым беллетристом, но явились вы — и я сразу посолиднел, и уже никто не называет меня самым молодым. Крепко жму руку. Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

Только что получил фельетон Жуковского [6].

---

* мировая скорбь (*нем.*).

617

В. А. ПОССЕ

15 февраля 1900, Ялта

Многоуважаемый Владимир Александрович, «Фома Гордеев» да еще в превосходном переплете — это ценный, трогательный подарок; [1] благодарю Вас от всей души. Тысячу раз благодарю! Я читал «Фому» только урывками, теперь же прочту как следует. Печатать Горького урывками и по частям нельзя; или он должен писать короче, или же Вы должны помещать его целиком, как это «Вестник Европы» делает с Боборыкиным. Кстати сказать, «Фома» имеет успех, но только у умных, начитанных людей, у молодых также. Я раз подслушал в саду беседу одной дамы (петербургской) с дочерью: мать бранила, дочь хвалила.

За опечатки я сердился не на Вас, а на типографию [2]. Теперь у меня отлегло, я забыл про них, но мною руководил не столько гнев, сколько рассуждение, что типографию необходимо пробирать почаще. Типография и контора — это всегдашняя оппозиция журналу, т. е. редакции, ибо редакции трудно и почти невозможно, при нашей культурной отсталости, иметь и в типографии и в конторе *своих* людей. Добрых людей много, но аккуратных и дисциплинированных совсем, совсем мало. Надо бороться с опечатками, и со шрифтом и проч. и проч., иначе мелкие назойливые промахи станут привычными, и журнал постоянно будет носить на себе некоторый, так сказать, дилетантский оттенок. А бороться, по-моему, можно только одним способом: постоянно заявлять о замеченных ошибках.

Во всяком случае, Вы не огорчайтесь очень, не сокрушайте Ваших нервов, а, напротив, торжествуйте, так как дела Ваши великолепны. «Жизнь» сильно читают.

Ох, я все о том же: пришлите мне хоть 5 оттисков. Мне это нужно, нужно прежде всего для Маркса, потом заграничным переводчикам.

Гонорар я получил, спасибо.

Итак, не огорчайтесь и простите, что я своим сердитым письмом нагнал на Вас дурное настроение.

Больше не буду писать таких писем. Желаю всего хорошего.

Преданный *А. Чехов.*

Ялта 15/II.

618

В. А. ПОССЕ

29 февраля 1900, Ялта

29 февр.

Многоуважаемый Владимир Александрович, Горький сообщил мне, что он и Вы собираетесь в Ялту: когда Вы приедете? У Горького семь пятниц на неделе, он то и дело меняет свои решения. Пожалуйста, напишите Вы, в самом ли деле Вы приедете, когда приедете и проч. и проч. До пасхи я буду безвыездно сидеть в Ялте, на пасхе, быть может, ненадолго уеду в Харьков, а затем опять засяду в Ялте.

Есть слухи, что на пасхе в Севастополе и Ялте будет играть Московский Художественный театр; если так, то скучно Вам не будет.

«Фома Гордеев» написан однотонно, как диссертация. Все действующие лица говорят одинаково; и способ мыслить у них одинаковый. Все говорят не просто, а нарочно; у всех какая-то задняя мысль; что-то не договаривают, как будто что-то знают; на самом же деле они ничего не знают, а это у них такой façon de parler * — говорить и не договаривать.

Места в «Фоме» есть чудесные. Из Горького выйдет большущий писателище, если только он не утомится, не охладеет, не обленится.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Жду ответа насчет Вашего приезда.

Преданный *А. Чехов.*

---

* манера выражаться (*франц.*).

619

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

6 марта 1900, Ялта

6 март.

Милый Алексей Максимович, Художественный театр с 10-го апреля по 15 будет играть в Севастополе, с 16 по 21 — в Ялте. Даны будут: «Дядя Ваня», «Чайка», «Одинокие» Гауптмана и «Эдда Габлер» Ибсена. Непременно приезжайте. Вам надо поближе подойти к этому театру и присмотреться, чтобы написать пьесу. А вот если бы Вы побывали на репетициях, то Вы бы еще больше навострились. Ничто так не знакомит с условиями сцены, как бестолковщина, происходящая на репетициях.

По Ялте пошел слух, будто Средин получил письмо от Вас: Вы приедете в начале апреля. Правда ли? Надо бы проверить этот слух, да идти к Средину нельзя, так как вот уже 5-й день валят дождь и снег. Нового ничего нет. Будьте здоровы и счастливы, скорее пишите «Мужика» [1].

Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Художественный театр приедет со своей обстановкой.

620

А. С. СУВОРИНУ

10 марта 1900, Ялта

10 март.

Ни одна зима не тянулась для меня так долго, как эта, и только тянется время, а не движется, и теперь я понимаю, как я глупо сделал, оставив Москву. Я отвык от севера и не привык к югу, и ничего теперь не придумаешь в моем положении, кроме заграницы. После весны началась здесь, в Ялте, зима; снег, дождь, холодно, грязно — хоть плюнь.

На фоминой в Ялте будет играть Московский Художественный театр, привезет свои декорации и обстановку. Билеты на все объявленные 4 спектакля были проданы в один день, несмотря на сильно повышенные цены. Пойдут, между прочим, «Одинокие» Гауптмана — пьеса, по-моему, великолепная. Я читал ее с большим удовольствием, хотя не люблю пьес, а поставлена она в Художественном театре, говорят, удивительно.

Нового ничего нет. Впрочем, есть одно великое событие: «Сократ» Сергеенко печатается в приложениях «Нивы» [1]. Я читал, но с большой натугой. Это не «Сократ», а придира, туповатый человечек себе на уме, мудрость и вся интересность которого заключается только в том, что всех ближних он ловит на фразе. Талантом даже не пахнет, но очень возможно, что пьеса будет иметь успех, так как попадаются в ней такие слова, как «амфора», и Карпов скажет, что она обстановочная.

Академические новости. Президент очень огорчен и книгой Корша, и его полемикой [2]. 5-го февраля были выборы в действительные члены. Выбран в Пушкинское отделение проф. Кондаков. Значит, с Ламанским и Коршем это будет уж три. И Кондаков мне пишет: «Отделение порешило пока не выбирать на три остающиеся кресла», и думает он, что он лично не дождется, когда кончится это «пока». И о выборе Кондакова официального извещения не было, очевидно скрывают, чтобы не волновать гг. литераторов.

Как много здесь чахоточных! Какая беднота и как беспокойно с ними! Тяжелых больных не принимают здесь ни в гостиницы, ни на квартиры; можете же себе представить, какие истории приходится наблюдать здесь. Мрут люди от истощения, от обстановки, от полного заброса — и это в благословенной Тавриде. Потеряешь всякий аппетит и к солнцу и к морю.

Сердечный привет Анне Ивановне, Насте и Боре. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

621

О. Л. КНИППЕР

20 мая 1900, Ялта

20 мая 1900 г.

Милая, восхитительная актриса, здравствуйте! Как живете? Как себя чувствуете? Я, пока ехал в Ялту[1], был очень нездоров. У меня в Москве уже сильно болела голова, был жар — это я скрывал от Вас грешным делом, теперь ничего.

Как Левитан? [2] Меня ужасно мучает неизвестность. Если что слышали, то напишите, пожалуйста.

Будьте здоровы, счастливы. Узнал, что Маша шлет Вам письмо,— и вот спешу написать эти несколько строк.

Ваш *А. Чехов.*

622

П. Ф. ЯКУБОВИЧУ (МЕЛЬШИНУ)

14 июня 1900, Ялта

14-го июня 1900. Ялта.

Многоуважаемый Петр Филиппович!

Я глубоко уважаю Н. К. Михайловского с тех пор, как знаю его, и очень многим обязан ему, но тем не менее все-таки долго собирался отвечать Вам на Ваше письмо [1]. Во-первых, до 1—15 октября — крайнего, как Вы пишете, срока для представления рукописей, я едва ли буду писать что-нибудь новое, так как занят и летом вообще пишу с большим трудом. Во-вторых, за 1900 г. я получаю приглашение участвовать в сборнике — в шестой раз, т. е. предполагается к изданию шесть сборников... Мне кажется, что Николай Константинович слишком большой и слишком заметный человек, чтобы празднование его 40-летнего юбилея можно было ограничивать изданием сборника, книги, которая вся будет состоять из статей, быть может, и превосходных, но случайного характера, и которая не будет продана, так как сборники за весьма малыми исключениями вообще

продаются плохо и плохо. Если бы я был в Петербурге, то попытался бы внушить Вам то недоверие к сборникам и альманахам, какое сидит теперь во мне, после участия в очень многих сборниках, чуть ли не в 20, считом по одному на каждый год моей литературной деятельности. Не знаю, быть может, я устарел или устал, но все же сборник, даже если он будет составлен прекрасно и распродан быстро, я считаю недостаточным. Если бы от меня зависело, то я объявил бы конкурс на книгу о деятельности Николая Константиновича, очень хорошую и нужную книгу, которую издал бы не спеша, с толком, издал бы указатель статей его и о нем, выпустил бы прекрасный портрет его...

Как бы ни было, указанный Вами срок я буду иметь в виду, и если начну что, то немедленно сообщу Вам. А пока позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно и глубоко Вас уважающим.

А. Чехов.

623

А. И. ПЕТРОВСКОМУ

19 июня 1900, Ялта

19 июня 1900 г.

Милостивый государь Андрей Иванович! Рассказ Ваш очень хорош, только он, в ущерб его художественным достоинствам, длинен, в нем много ненужных подробностей, таких выражений, как «специфический» и проч. и проч. Тон рассказа нарушен изображением драки между героем и супругом, драки совершенно ненужной, крушения поезда; мне это показалось похожим на картину спокойного моря, где в двух-трех местах, нарушая величие, целостность и серьезность впечатления, изображаются ни с того ни с сего высокие волны. Особенно неуместна драка — и грубая и ненужная. Опять-таки, повторяю, показалось мне, а быть может, это и не так. Желаю Вам всего хорошего. Готовый к услугам

А. Чехов.

624

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

12 июля 1900, Ялта

12 июль.

Милый Алексей Максимович, Ваше приглашение в Китай [1] удивило меня. А пьеса? Как же пьеса? Вы кончили, стало быть? Как бы ни было, в Китай ехать уже поздно, так как, по-видимому, война приходит к концу. Да и поехать туда я могу только врачом. Военным врачом. Если война затянется, то поеду, а пока вот сижу и пишу помаленьку.

Получили мое письмо? Ответили Назарьевой?

У нас ничего нового, только жарища и духота почти невыносимые.

Екатерине Павловне и Максиму поклон нижайший и привет. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

625

А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

5 августа 1900, Ялта

5 авг. 1900 г.

Дорогой мой земляк Александр Леонидович, большущее Вам спасибо за Ваше письмо и вообще за Вашу доброту. Скоро, должно быть, увидимся, ибо я все хожу и все думаю про Москву, как бы мне уехать. Соскучился страшно, отчаянно.

Пьесу я пишу, уже написал много, но, пока я не в Москве, судить о ней не могу. Быть может, выходит у меня не пьеса, а скучная, крымская чепуха. Называется она «Три сестры» (как Вам уже известно), для Вас приготовляю роль инспектора гимназии, мужа одной из сестер. Вы будете в форменном сюртуке и с орденом на шее.

Если пьеса не сгодится в этом сезоне, то в будущем сезоне переделаю.

Завидую Вам, что Вы часто бываете там, где я уж лет шесть не был, т. е. в бане. Я весь теперь покрыт рыбьей чешуей, оброс, хожу без одежи и кричу диким голосом; барышни меня боятся.

Говорят, что Вы женитесь на Р.[1]. Правда ли это? Если правда, то от души Вас поздравляю. Она артистка хорошая.

Когда буду в Москве, то позовите меня к себе в гости. Сестра пишет, что у Вас очень хорошая квартира, и если Вы в самом деле довольны и чувствуете себя хорошо, то я очень рад и завидую Вам. Будьте, земляк, здоровы, веселы, бодры, работайте хорошо, с удовольствием и не забывайте Вашего

А. Чехова.

626

О. Л. КНИППЕР

9 августа 1900, Ялта

9 авг.

Милая моя Оля, радость моя, здравствуй! Сегодня получил от тебя письмо, первое после твоего отъезда, прочел, потом еще раз прочел и вот пишу тебе, моя актриса. Проводив тебя [1], я поехал в гостиницу Киста, там ночевал; на другой день, от скуки и от нечего делать, поехал в Балаклаву. Там все прятался от барынь, узнавших меня и желавших устроить мне овацию, там ночевал и утром выехал в Ялту на «Тавеле». Качало чертовски. Теперь сижу в Ялте, скучаю, злюсь, томлюсь. Вчера был у меня Алексеев. Говорили о пьесе, дал ему слово, причем обещал кончить пьесу не позже сентября [2]. Видишь, какой я умный.

Мне все кажется, что отворится сейчас дверь и войдешь ты. Но ты не войдешь, ты теперь на репетициях или в Мерзляковском переулке, далеко от Ялты и от меня.

Прощай, да хранят тебя силы небесные, ангелы-хранители. Прощай, девочка хорошая.

Твой *Antonio.*

627

О. Л. КНИППЕР

5 сентября 1900, Ялта

5 сент. 1900.

Милюся моя, ангел мой, я не пишу тебе, но ты не сердись, снисходи к слабостям человеческим. Все время я сидел над пьесой, больше думал, чем писал, но все же мне казалось, что я занят делом и что мне теперь не до писем. Пьесу пишу, но не спешу, и очень возможно, что так и в Москву поеду не кончив; очень много действующих лиц, тесно, боюсь, что выйдет неясно или бледно, и потому, по-моему, лучше бы отложить ее до будущего сезона. Кстати сказать, я только «Иванова» ставил у Корша тотчас же по написании, остальные же пьесы долго еще лежали у меня, дожидаясь Владимира Ивановича, и таким образом у меня было время вносить поправки всякие.

У меня гости: начальница гимназии с двумя девицами. Пишу с перебоями. Сегодня провожал на пароход двух знакомых барышень и — увы! — видел Екатерину Николаевну, отъезжавшую в Москву. Со мной была холодна, как могильная плита в осенний день! И я тоже, по всей вероятности, был не особенно тепел.

Телеграмму, конечно, пришлю, непременно выходи меня встретить, непременно! Приеду с курьерским — утром. Приеду и в тот же день засяду за пьесу. А где мне остановиться? На Мл. Дмитровке [1] нет ни стола, ни постели, придется остановиться в гостинице. В Москве я пробуду недолго.

Дождя в Ялте нет. Сохнут деревья, трава давно высохла; ветер дует ежедневно. Холодно.

Пиши мне почаще, твои письма радуют меня всякий раз и поднимают мое настроение, которое почти каждый день бывает сухим и черствым, как крымская земля. Не сердись на меня, моя миленькая.

Гости уходят, иду провожать их.

Твой *Antoine*.

628

О. Л. КНИППЕР

15 сентября 1900, Ялта

15 сентября 1900

Ты знаешь, милая? Сгорел тот самый театр, в котором ты играла в Ялте. Сгорел ночью, несколько дней назад, но пожарища я еще не видел, так как болел и не был в городе. А еще что у нас нового? А еще ничего.

Из газет узнал, что у вас начинаются спектакли 20 сентября и что будто Горький написал пьесу. Смотри же напиши непременно, как у вас сойдет «Снегурочка»[1], напиши, какова пьеса Горького, если он в самом деле написал ее. Этот человек мне весьма и весьма симпатичен, и то, что о нем пишут в газетах, даже чепуха разная, меня радует и интересует. Что касается моей пьесы [2], то она будет рано или поздно, в сентябре, или октябре, или даже ноябре, но решусь ли я ставить ее в этом сезоне, сие неизвестно, моя милая бабуня. Не решусь, так как, во-первых, быть может, пьеса еще не совсем готова,— пусть на столе полежит, и, во-вторых, мне необходимо присутствовать на репетициях, необходимо! Четыре ответственных женских роли, четыре молодых интеллигентных женщины, оставить Алексееву я не могу, при всем моем уважении к его дарованию и пониманию. Нужно, чтобы я хоть одним глазком видел репетиции.

Болезнь задержала, теперь лень приниматься за пьесу. Ну, да ничего.

Вчера после начальницы приходила m-me Бонье, ужинала.

Напиши мне еще интересное письмо. Побывай еще раз на Воробьевых горах и напиши. Ты у меня умница. Пиши только подлиннее, чтобы на конверте было две марки. Впрочем, тебе теперь не до писания; во-первых, дела много, и, во-вторых, уже отвыкать стала от меня. Ведь правда? Ты холодна адски, как, впрочем, и подобает быть актрисе. Не сердись, милюся, это я так, между прочим.

Нет дождей, нет воды, растения погибают. Стало опять тепло. Сегодня пойду, вероятно, в город. Ты ничего не пишешь мне о своем здоровье. Как себя чувствуешь? Хорошо? Пополнела или похудела? Пиши обо всем.

Целую тебя крепко, до обморока, до ошаления. Не забывай твоего

Ant.

629

Ю. О. ГРЮНБЕРГУ

24 сентября 1900, Ялта

24 сент. 1900

Многоуважаемый
Юлий Осипович!

Сегодня я послал III том, мною прочитанный. Думаю, что 26 листов достаточно, что книга достаточно толста, а сравнительно с двумя предыдущими томами даже велика. Назовите книгу так: «Очерки». Опять-таки повторяю, что давать каждому тому особенное название — это идея не из счастливых, и что благодаря ей, этой идее, III том будет идти гораздо тише, чем I и II, а IV, мне кажется, и совсем не пойдет. Если бы все тома называть просто «Рассказами» и обозначать их I, II, III и т. д., то как бы это было хорошо и солидно.

Корректуры я прочитываю всякий раз внимательно, но типография Ваша часто остается к моим поправкам совершенно равнодушной, ошибки остаются неисправленными,— и почему это так, понять не могу. Например, в рассказе «Мечты» не исправлены цифры, и таких ошибок не мало.

Я уеду за границу, но за неделю до отъезда напишу Вам, куда я поеду. Во всяком случае, ялтинской почте будет известен мой заграничный адрес.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

630

О. Л. КНИППЕР

28 сентября 1900, Ялта

28 ав.[1]

Милая моя Оля, сегодня я послал тебе телеграмму, в которой написал, что приеду в Москву, вероятно, в октябре. Если приеду, то 10-го октября или около 10-го, не раньше, проживу в Москве дней пять и уеду за границу. Во всяком случае, о дне приезда извещу тебя телеграммой. Не знаю, после 4 октября будут ли ходить курьерские поезда, это ты узнай, чтобы не ездить на вокзал понапрасну.

Читал сегодня первые рецензии насчет «Снегурочки» [2], только вначале нравится, потом же надоедает, как забава. Я того мнения, что ваш театр должен ставить только современные пьесы, только! Вы должны трактовать современную жизнь, ту самую, какою живет интеллигенция и какая не находит себе трактования в других театрах за полною их неинтеллигентностью и отчасти бездарностью.

Ни от кого не получаю писем. Немирович точно рассердился, не прислал за все время ни одной строчки. Родственники тоже не пишут. Как прошли «Одинокие»? Это будет получше «Снегурочки».

Ну, будь здорова и счастлива. Ах, какая тебе роль в «Трех сестрах»! [3] Какая роль! Если дашь десять рублей, то получишь роль, а то отдам ее другой актрисе. В этом сезоне «Трех сестер» не дам, пусть пьеса полежит немножко, взопреет, или, как говорят купчихи про пирог, когда подают его на стол,— пусть вздохнет.

Нового ничего нет.

Весь твой *Antoine.*

631

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

16 октября 1900, Ялта

16 окт.

Милый Алексей Максимович, посылаю Вам Данилина [1]. Когда прочтете, пошлите его по адресу: «Таганрог, Городская библиотека». И внизу под адресом напишите: «от А. Чехова».

Ну-с, сударь мой, 21-го сего месяца уезжаю в Москву, а оттуда за границу. Можете себе представить, написал пьесу. Но так как она пойдет не теперь, а лишь в будущем сезоне, то я не переписывал ее начисто. Пусть так полежит. Ужасно трудно было писать «Трех сестер». Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец, и все три — генеральские дочки! Действие происходит в провинциальном городе вроде Перми, среда — военные, артиллерия.

Погода в Ялте чудесная, свежая, здоровье мое поправилось. В Москву даже не хочется ехать отсюда, так хорошо работается и так приятно не испытывать в заднем проходе зуда, который был у меня все лето. Я даже не кашляю и даже ем уже мясо. Живу один, совершенно один. Мать в Москве.

Спасибо Вам, голубчик, за письма, большое спасибо. Я прочел их по два раза. Кланяйтесь Вашей жене и Максимке, душевный им привет. Итак, до свидания в Москве. Надеюсь, не надуете, увидимся.

Да хранит Вас бог!

Ваш *А. Чехов*.

632

Л. В. СРЕДИНУ

1 ноября 1900, Москва

Дорогой Леонид Валентинович, посылаю Вам curriculum vitae * фельдшерицы Медведкиной, желающей получить место в Ялте или где-нибудь на южном берегу. Сию бумажку передайте А. Н. Алексину.

---

* жизнеописание (*лат.*).

Я в Москве, и неизвестно, когда я выберусь отсюда. Погода порядочная, мороз, но не больше 3 градусов, тихо. Здесь Горький. Я и он почти каждый день бываем в Художественном театре, бываем, можно сказать, со скандалом, так как публика устраивает нам овации, точно сербским добровольцам [1]. Завтра оба идем к Васнецову. И так далее и так далее — словом сказать, я еще не садился работать, а когда сяду, неизвестно.

Новостей никаких, кроме разве одной, Вам уже известной, насчет студента Синани, которого похоронили третьего дня. Мальчик погиб от меланхолии [2].

Третьего дня я был у Книппер и видел там Надежду Ивановну. Она здорова и велела Вам кланяться.

Ну, будьте здоровы и благополучны, да хранят Вас ангелы небесные. Нижайший поклон и привет всей Вашей семье, Вашему милому дому, который я так люблю. Мой адрес: Малая Дмитровка, д. Шешкова. Обнимаю Вас и целую крепко.

Ваш *А. Чехов.*

1 окт [3].

633

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

2 января 1901, Ницца

2 янв. 1901 г.

Многоуважаемый Константин Сергеевич, Ваше письмо, посланное до 23 дек., я получил только вчера. На конверте не было написано адреса, и письмо вышло из Москвы, судя по почтов. штемпелю, 25 декабря — так что, стало быть, причины запоздания были.

Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем и, если можно надеяться, с новым театром, который Вы скоро начнете строить [1]. И желаю Вам штук пять новых великолепных пьес. Что касается старой пьесы «Трех сестер», то читать ее на графинином вечере нельзя ни в коем случае [2]. Я умоляю Вас, ради создателя, не читайте, ни в каком случае, ни под каким видом, иначе причините мне немалое огорчение.

IV акт послан мною уже давно, до рождества, на имя Владимира Ивановича. Я внес много перемен. Вы пишете, что в III акте Наташа при обходе дома, ночью, тушит огни и ищет жуликов под мебелью. Но, мне кажется, будет лучше, если она пройдет по сцене, по одной линии, ни на кого и ни на что не глядя, à la леди Макбет, со свечой — этак короче и страшней.

Марию Петровну поздравляю с Новым годом и шлю ей сердечный привет и пожелание всего хорошего, главное — здоровья.

От всей души благодарю Вас за письмо, которое меня так порадовало. Крепко жму Вам руку.

Ваш *А. Чехов.*

634

О. Л. КНИППЕР

2 января 1901, Ницца

2 янв. 1901 г.

Ты хандришь теперь, дуся моя, или весела? Не хандри, милюся, живи, работай и почаще пиши твоему старцу Антонию. Я не имею от тебя писем уже давно, если не считать письма от 12 дек., полученного сегодня, в котором ты описываешь, как плакала, когда я уехал. Какое это, кстати сказать, чудесное письмо! Это не ты писала, а, должно быть, кто-нибудь другой по твоей просьбе. Удивительное письмо.

Немирович не бывает у меня. Третьего дня я послал ему телеграмму с просьбой, чтобы он приехал ко мне «seul» * — вот и причина, или, как говорят семинаристы, притчина. А между тем нужно повидаться с ним, поговорить насчет письма, которое я получил от Алексеева [1]. Сегодня я весь день сижу дома, как и вчера. Не выхожу. Причина: приглашен к обеду одной высокопоставленной особой, сказался больным. Нет фрака, нет настроения. Сегодня заходил ко мне москвич Маклаков. Что еще? А больше ничего.

Опиши мне хоть одну репетицию «Трех сестер». Не нужно ли чего прибавить или что убавить? Хорошо ли

* один (*франц.*).

ты играешь, дуся моя? Ой, смотри! Не делай печального лица ни в одном акте. Сердитое, да, но не печальное. Люди, которые давно носят в себе горе и привыкли к нему, только посвистывают и задумываются часто. Так и ты частенько задумывайся на сцене, во время разговоров. Понимаешь?

Конечно, ты понимаешь, потому что ты умная. Поздравлял ли я тебя с Новым годом в письме? Неужели нет? Целую тебе обе руки, все 10 пальцев, лоб и желаю и счастья, и покоя, и побольше любви, которая продолжалась бы подольше, этак лет 15. Как ты думаешь, может быть такая любовь? У меня может, а у тебя нет. Я тебя обнимаю, как бы ни было...

Твой *Тото.*

Изредка присылай мне какую-нибудь газетку (кроме «Русских ведомостей»), приклеив 2-х коп. марку.

Получил поздравительную телеграмму из Киева от Соловцова.

635

А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

6 января 1901, Ницца

Милый Александр Леонидович, 9 rue Gounod или Pension Russe — это решительно все равно. Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем, желаю побольше денег, славы и хорошей невесты. Во фрак Вы облекаетесь только в I акте; относительно темляка (черного лакированного ремня) Вы совершенно правы. По крайней мере до IV акта нужно носить форму, какая была до 1900 г. [1].

Что новенького? Что хорошенького? Здесь тепло, совершенное лето, но, вероятно, в феврале я уже потянусь назад в Россию.

Будьте здоровы и счастливы. Желаю Вам всего очень хорошего.

6 янв. 1901.

Ваш *А. Чехов.*

636

О. Л. КНИППЕР

6 января 1901, Ницца

6 янв. 1901.

Милая, шустрая моя девочка, я давно уже не имею от тебя писем; очевидно, ты махнула на меня рукой. Кстати сказать, я получил от тебя все письма, которые ты послала; особенно можно поручиться за те, на которых был мой полный адрес, без адреса же сильно запаздывали, попадая к Черткову; но все же я получил все до одного.

Милюся моя, в Pension Russe я уже кончил свои наблюдения, хочу теперь переехать в другой отель, тоже в какой-нибудь бойкий и многолюдный. Как только перееду, немедля телеграфирую. Здесь, в Pension Russe, я изучал киевских профессоров [1] — опять хоть комедию пиши! А какие ничтожные женщины, ах, дуся, какие ничтожные! У одной 45 выигрышных билетов, она живет здесь от нечего делать, только ест да пьет, бывает часто в Monte-Carlo, где играет трусливо, а под 6 января не едет играть, потому что завтра праздник! Сколько гибнет здесь русских денег, особенно в Monte-Carlo!

От Маши получил наконец письмо. Теперь буду писать матери каждые три дня, чтобы не скучала. Вчера я писал Вишневскому и назвал его в письме Александром Леонтьевичем — так зовут здесь одного русского доктора [2], который был у меня, как раз когда я писал письмо.

Как идут «Три сестры»? Ни одна собака не пишет мне об этом. Ты тоже не пишешь, и я тебя вздую за это. Немирович был в Ментоне, величественно прожил в Hôtel Prince de Galles, величественно никого и ничего не видел и сегодня уезжает; его умная и находчивая супруга остается здесь. Я их редко видел.

Ты мне не пишешь. Если ты влюбилась в кого-нибудь, то напиши, чтобы я не смел мысленно целовать тебя и даже обнимать, как делаю это теперь. Ну, дуся, прощай, до свиданья! Живи, глупенькая, уповай на бога. Не сомневайся.

Твой *Antoine*.

637

И. А. ТИХОМИРОВУ

14 января 1901, Ницца

14 янв. 1901.

Многоуважаемый Иоасаф Александрович, только что получил Ваше письмо, Вы меня очень порадовали, спасибо Вам громадное. Вот ответы на Ваши вопросы: 1) Ирина не знает, что Тузенбах идет на дуэль, но догадывается, что вчера произошло что-то неладное, могущее иметь важные и притом дурные последствия. А когда женщина догадывается, то она говорит: «Я знала, я знала».

2) Чебутыкин поет только слова: «Не угодно ль этот финик вам принять...» Это слова из оперетки, которая давалась когда-то в «Эрмитаже». Названия не помню, справиться, если угодно, можете у архитектора Шехтеля (собств. дом, близ церкви Ермолая). Другого ничего Чебутыкин петь не должен, иначе уход его затянется.

3) Действительно, Соленый думает, что он похож на Лермонтова; но он, конечно, не похож — смешно даже думать об этом... Гримироваться он должен Лермонтовым. Сходство с Лермонтовым громадное, но по мнению одного лишь Соленого.

Простите, так ли я ответил, удовлетворил ли Вас... В моей жизни ничего нового, все по-старому. Возвращусь, вероятно, раньше, чем думал, и очень возможно, что в марте буду уже дома, т. е. в Ялте.

Мне никто ничего не пишет о пьесе. Владимир Иванович, когда был здесь, молчал, и мне казалось, что пьеса надоела и не будет иметь успеха. Ваше письмо, спасибо Вам, немножко растрясло мою меланхолию. Будьте здоровы, поклонитесь Вашей сестре [1]. Желаю Вам здоровья и всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

638

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

15 января 1901, Ницца

15 янв. 1901 г.

Многоуважаемый Константин Сергеевич, большое Вам спасибо за письмо. Конечно, Вы тысячу раз правы, тело Тузенбаха не следует показывать вовсе; я это сам чувствовал, когда писал, и говорил Вам об этом, если Вы помните [1]. Что конец напомнит «Дядю Ваню» — это беда небольшая. Ведь «Дядя Ваня» моя пьеса, а не чужая, а когда напоминаешь в произведении самого себя, то говорят, что это так и нужно. Фразу «не угодно ль финик этот вам принять» Чебутыкин не говорит, а поет. Это из оперетки, а из какой — не помню, хоть убейте. Справиться можно у архитектора Ф. О. Шехтеля, живущего в собств. доме, близ церкви Ермолая, на Садовой.

Большое Вам спасибо за то, что написали. Кланяюсь низко Марии Петровне и всем артистам, желаю всего хорошего. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

639

М. А. ЧЛЕНОВУ

19 января 1901, Ницца

19 янв. 1901.

Дорогой Михаил Александрович, шлю Вам краткий ответ на Ваше письмо. Деньги жертвует, или, пока вернее, собирается пожертвовать, некая г-жа Васильева. Это барышня 20—22 лет. Я прочту ей часть Вашего письма, именно ту часть, в которой идет речь о накожных болезнях, о сифилисе же помолчу. Мне кажется, что нужно устроить лечебницу только для накожных болезней, только с научной целью; для сифилитиков же рано или поздно устроит сам город, или можно будет сыскать другого жертвователя. Как Вы полагаете?

Жертвуемая сумма равна 120 тыс., но может быть и 130 — это смотря по тому, сколько дадут за продаваемые в Одессе дома. Сегодня я буду у г-жи Васильевой и поговорю с ней, и, так надо полагать, через месяц вопрос будет решен уже окончательно, т. е. Вы будете иметь новую больницу.

Судя по тону Вашего письма, Вы думаете, что это я собираюсь пожертвовать, из собственных средств... Увы! Я бы не был в состоянии пожертвовать даже двадцатой части; у меня уж ничего нет.

Опять-таки держите пока в секрете и впредь никому не говорите ни одного слова о моем вмешательстве в судьбы московской медицины.

Адрес для телеграмм: Nice, 9 Gounod, Tchechoff. Во Франции не понимают, что значит Anton Pavlovitch, и потому, пожалуйста, не пишите.

Будьте здоровы, крепко жму руку. Скоро буду еще писать.

Преданный *А. Чехов.*

Вы еще не женились?

640

О. Л. КНИППЕР

20 января 1901, Ницца

20 янв. 1901.

Милая актрисуля, эксплоататорша души моей, зачем ты прислала мне телеграмму? [1] Уж лучше бы про себя телеграфировала, чем по такому пустому поводу. Ну как «Три сестры»? [2] Судя по письмам, все вы несете чепуху несосветимую. В III акте шум... Почему шум? Шум только вдали, за сценой, глухой шум, смутный, а здесь на сцене все утомлены, почти спят... Если испортите III акт, то пьеса пропала, и меня на старости лет ошикают. Тебя Алексеев в своих письмах очень хвалит и Вишневский тоже. Я хотя и не вижу, но тоже хвалю. Вершинин произносит «трам-трам-трам» — в виде вопроса, а ты — в виде ответа, и тебе это представляется такой оригинальной штукой, что ты произ-

носишь это «трам-трам» с усмешкой... Проговорила «трам-трам» — и засмеялась, но не громко, а так, чуть-чуть. Такого лица, как в «Дяде Ване», при этом не надо делать, а моложе и живей. Помни, что ты смешливая, сердитая. Ну, да я на тебя надеюсь, дуся моя, ты хорошая актриса.

Я же говорил тогда, что труп Тузенбаха проносить неудобно по вашей сцене, а Алексеев стоял на том, что без трупа никак нельзя. Я писал ему, чтобы труп не проносили, не знаю, получил ли он мое письмо.

Если пьеса провалится, то поеду в Монте-Карло и проиграюсь там до положения риз.

Меня уже потягивает из Ниццы, хочется уехать. Но куда? В Африку пока нельзя, потому что море бурное, а в Ялту не хочется. Должно быть, во всяком случае в феврале я уже буду в Ялте, а в апреле — в Москве, у своей собаки. И потом из Москвы уедем куда-нибудь вместе.

Нового у меня нет решительно ничего. Будь здорова, дуся моя, актриса отчаянная, не забывай обо мне и люби меня хоть немножко, хоть на копейку.

Я тебя целую и обнимаю. Желаю счастья. А 400 р. в самом деле маловато, ты заслужила гораздо больше.

Ну, оставайся здорова.

Твой старец *Антоний.*

641

О. Л. КНИППЕР

21 января 1901, Ницца

Воскресенье.

Милюся моя, покаяние Маши в III акте вовсе не есть покаяние [1], а только откровенный разговор. Веди нервно, но не отчаянно, не кричи, улыбайся хотя изредка и так, главным образом, веди, чтобы чувствовалось утомление ночи. И чтобы чувствовалось, что ты умнее своих сестер, считаешь себя умнее по крайней мере. Насчет «трам-там-там» делай, как знаешь. Ты у меня толковая.

Вчера я послал тебе телеграмму. Получила?

Я пишу, конечно, но без всякой охоты. Меня, кажется, утомили «Три сестры» или попросту надоело писать, устарел. Не знаю. Мне бы не писать лет пять, лет пять путешествовать, а потом вернуться бы и засесть. Итак — «Три сестры» не пойдут в Москве в этом сезоне? Вы ставите их первый раз в Петербурге?

Кстати, имей в виду, что в Петербурге вы не будете иметь никакого успеха. Это, конечно, к счастью, ибо после Петербурга вы уже не станете путешествовать, а засядете в Москве. Ведь ездить на гастроли — это совсем не ваше дело. В Петербурге сборы будут, но успеха — ни капельки, извини меня, пожалуйста.

Будь здорова, супружница милая. Остаюсь любящий тебя

Академик *Тото.*

642

А. Л. ВИШНЕВСКОМУ

25 января 1901, Ницца

Милый Александр Леонидович, перед фразой: «Главное во всякой жизни — это ее форма» — прибавьте слова: «Наш директор говорит» [1].

Все отзываются весьма одобрительно, даже с восторгом о Вашей игре. Как поживаете? Что нового? Жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Четверг.

643

М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

26 января 1901, Ницца

26 янв. 1901.

Милая Мария Федоровна, я не посылал Вам цветов, но, пожалуйста, пусть будет так, точно я послал Вам их, иначе конфузу моему и огорчению не будет меры. Ваше письмо доставило мне такую радость, что выра-

зить Вам не могу. Спасибо Вам большое, необыкновенное, и считайте теперь меня Вашим неоплатным должником.

Вы пишете, что в последний свой приезд я огорчил Вас, что будто я боялся откровенно поговорить с Вами насчет «Трех сестер» и т. д. и т. д. Господи помилуй! Я не боялся откровенно поговорить, я боялся помешать Вам и нарочно старался молчать и, елико возможно, сдерживал себя, чтобы именно не помешать Вашей работе. Если бы я был в Москве, то разве только после десятой репетиции стал бы делать свои замечания, да и то только в мелочах. Мне пишут из Москвы, что Вы превосходны в «Трех сестрах» [1], что играете Вы прямо-таки чудесно, и я рад, очень, очень рад и — дай бог Вам здоровья! Считайте меня Вашим должником, вот и все.

Сегодня я уезжаю в Алжир [2], побуду там недели две, а потом в Россию. Что Вы будете играть в Петербурге, я очень жалею, так как не люблю Петербурга и не высоко ставлю его вкусы. Андрею Алексеевичу низко кланяюсь и шлю привет; и детям тоже. Бывайте здоровеньки, да хранят Вас ангелы небесные.

Преданный *А. Чехов.*

644

О. Л. КНИППЕР

7 февраля 1901, Рим

Rome, 20 февр. (7 февр.) 1901.

Милая моя, часа через два я уезжаю на север, в Россию. Очень уж здесь холодно, идет снег, так что нет никакой охоты ехать в Неаполь. Итак, пиши мне теперь в Ялту.

От тебя ни одного письма насчет представления «Трех сестер», а между тем в «Новом времени» и телеграмме сказано, что ты играла лучше всех, что ты отличилась. Напиши мне в Ялту подробности, напиши, дуся моя, умоляю тебя.

Писать трудно, паршивый электрический свет.

Ну, обнимаю тебя и целую крепко. Не забывай. Тебя никто не любит так, как я.

Твой *Antonio*.

Пиши теперь в Ялту.

645

Н. П. КОНДАКОВУ

20 февраля 1901, Ялта

20 февр. 1901 г.

Многоуважаемый Никодим Павлович, я третьего дня вернулся в Ялту, а сегодня пришло Ваше письмо, путешествовавшее 15 дней. Большое Вам спасибо! В Ницце я получил от Вас одно письмо — и за него тоже шлю Вам сердечную благодарность, шлю теперь, так как, очевидно, Вы письма моего, ответа на Ваше, из Ниццы не получили.

Я бежал из Ниццы в Италию, был во Флоренции и в Риме, но отовсюду пришлось бежать, так как всюду неистовый холод, снег и — нет печей. Теперь в Ялте я отогреваюсь.

Вы спрашиваете, читаю ли я, что пишут обо мне повсюду? Нет, за границей я редко читал русские газеты; но брань Буренина читал. Я отродясь никого не просил, не просил ни разу сказать обо мне в газетах хоть одно слово, и Буренину это известно очень хорошо, и зачем это ему понадобилось обвинять меня в саморекламировании и окатывать меня помоями — одному богу известно [1].

С Ковалевским, который ездил со мной в Италию, мы говорили о Вас неоднократно, и он велел мне кланяться Вам. Насчет профессуры его пока еще ничего не известно [2], он только хохочет весело; в июне едет в Америку читать лекции и уже, кажется, получил 10 тысяч франков.

Вы в письме Вашем изъявили согласие написать о том, что будет в Художественном. Спасибо Вам, буду ожидать с нетерпением. Мне кажется, что художественные актеры, привыкшие играть в маленьком москов-

ском театре, совсем оробеют и будут неслышны в Панаевском, этом театре-чудище [3].

Еще раз приношу Вам сердечное спасибо за письмо, дай Вам бог здоровья! Передайте мой поклон и сердечный привет всему Вашему семейству, будьте здоровы и благополучны.

Искренно преданный
А. Чехов.

646

М. П. ЧЕХОВУ

22 февраля 1901, Ялта

22 февр. 1901.

Милый Мишель, я вернулся из-за границы и теперь могу ответить на твое письмо. Что ты будешь жить в Петербурге, это, конечно, очень хорошо и спасительно, но насчет службы у Суворина ничего определенного сказать не могу, хотя думал очень долго. Конечно, на твоем месте я предпочел бы службу в типографии, газетой же пренебрег бы. «Новое время» в настоящее время пользуется очень дурной репутацией, работают там исключительно сытые и довольные люди (если не считать Александра, который ничего не видит), Суворин лжив, ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты, т. е. он говорит искренно, быть может, но нельзя поручиться, что через полчаса же он не поступит как раз наоборот. Как бы ни было, дело это нелегкое, помоги тебе бог, а советы мои едва ли могут оказать тебе какую-либо помощь. Служа у Суворина, имей в виду каждый день, что разойтись с ним очень нетрудно, и потому имей наготове казенное место или будь присяжным поверенным.

У Суворина есть хороший человек — это Тычинкин, по крайней мере был хорошим человеком. Сыновья его, т. е. Суворина, ничтожные люди во всех смыслах[1], Анна Ивановна тоже стала мелкой. Настя и Боря, по-видимому, хорошие люди. Был хорош Коломнин, но умер недавно.

Будь здоров и благополучен. Напиши мне, что и как. Ольге Германовне и детям в Петербурге будет хорошо, лучше, чем в Ярославле.

Напиши подробности, буде они уже есть. Мать здорова.

Твой *А. Чехов.*

647

О. Л. КНИППЕР

26 февраля 1901, Ялта

Миленькая, сегодня уже 26 февр., а от тебя нет писем, нет! Отчего это? Писать не о чем, или Петербург со своими газетами донял тебя до такой степени, что ты и на меня махнула рукой? Полно, дуся, все это чепуха. Я читаю только «Новое время» и «Петербургскую газету» и не возмущаюсь, так как знал давно, что будет так. От «Нового времени» я не ждал и не жду ничего, кроме гадостей, а в «Петербургской газете» пишет Кугель, который никогда не простит тебе за то, что ты играешь Елену Андреевну — роль г-жи Холмской, бездарнейшей актрисы, его любовницы. Я получил телеграмму от Поссе о том, что всем вам грустно[1]. Наплюй, моя хорошая, наплюй на все эти рецензии и не грусти.

Не приедешь ли с Машей в Ялту на страстной неделе, а потом бы вместе в Москву вернулись? Как ты думаешь? Подумай, моя радость.

Я был нездоров, кашлял и проч., теперь легче стало, сегодня уже выходил гулять, был на набережной.

28 февр. в «Новом времени» юбилей [2]. Боюсь, как бы Суворину не устроили скандала. Мне не «Новое время» жаль, а тех, кто скандалил бы.

Долго еще ты не будешь мне писать? Месяц? Год?

Целую тебя крепко, крепко, моя родная. Господь тебя благословит.

Твой *Антоний*

иеромонах.

648

О. Л. КНИППЕР

1 марта 1901, Ялта

1 март.

Милая моя, не читай газет [1], не читай вовсе, а то ты у меня совсем зачахнешь. Впредь тебе наука: слушайся старца иеромонаха. Я ведь говорил, уверял, что в Петербурге будет неладно,— надо было слушать. Как бы ни было, ваш театр никогда больше в Питер не поедет — и слава богу.

Я лично совсем бросаю театр, никогда больше для театра писать не буду. Для театра можно писать в Германии, в Швеции, даже в Испании, но не в России, где театральных авторов не уважают, лягают их копытами и не прощают им успеха или неуспеха. Тебя бранят в первый раз в жизни, оттого ты так чувствительна, со временем же обойдется, привыкнешь. Но, воображаю, как дивно, как чудесно чувствует себя Санин! Вероятно, все рецензии таскает в карманах, высоко, высоко поднимает брови...[2]

А тут замечательная погода, тепло, солнце, абрикосы и миндаль в цвету. На страстной я жду тебя, моя бедная обруганная актриска, жду и жду, это имей в виду.

Я послал тебе в феврале с 20-го по 28-е пять писем и три телеграммы; просил тебя телеграфировать мне, но — ни слова в ответ.

От Яворской я получил телеграмму по поводу «Дяди Вани».

Напиши, до какого дня вы все будете в Питере. Напиши, актриска.

Я здоров — честное слово.

Обнимаю.

Твой *иеромонах.*

649

Н. П. КОНДАКОВУ

2 марта 1901, Ялта

2 марта 1901.

Многоуважаемый
Никодим Павлович!

Большое, сердечное Вам спасибо за книгу [1]. Я прочел ее с большим интересом и с большим удовольствием. Дело, между прочим, в том, что моя мать, уроженка Шуйского уезда, 50 лет назад бывала в Палехе и Сергееве (это в 3 верстах от Палеха) у своих родственников-иконописцев, тогда они жили очень богато; те, что в Сергееве, жили в двухэтажном доме с мезонином, громадном доме. Когда я сообщил матери содержание Вашей книги, она оживилась и стала рассказывать про Палех и Сергеево, про этот дом, который тогда уже был стар. По сохранившимся у нее впечатлениям, тогда была хорошая, богатая жизнь; при ней получались заказы из Москвы и Петербурга для больших церквей.

Да, народные силы бесконечно велики и разнообразны, но этим силам не поднять того, что умерло. Вы называете иконопись мастерством, она и дает, как мастерство, кустарное производство; она мало-помалу переходит в фабрику Жако и Бонакера, и если Вы закроете последних, то явятся новые фабриканты, которые будут фабриковать на досках, по закону, но Холуй и Палех уже не воскреснут. Иконопись жила и была крепка, пока она была искусством, а не мастерством, когда во главе дела стояли талантливые люди; когда же в России появилась «живопись» и стали художников учить, выводить в дворяне, то появились Васнецовы, Ивановы, и в Холуе и Палехе остались только одни мастера, и иконопись стала мастерством.

Кстати сказать, в избах мужицких нет почти никаких икон; какие старые образа были, те погорели, а новые — совершенно случайны, то на бумаге, то на фольге.

Я «Геншеля» не видел и не читал, таким образом, совсем не знаю, что это за пьеса. Но Гауптман мне нравится, и я считаю его большим драматургом. Да и по игре, притом только одного акта, нельзя судить, а если играла Роксанова, то и подавно [2].

Мне все эти дни нездоровилось. Напал кашель, да такой, какого у меня давно уже не было.

Ваша книжка об иконописи написана горячо, даже местами страстно, и потому читается она с живейшим интересом. Несомненно, иконопись (Палех и Холуй) уже умирает, или вымирает, и если бы нашелся человек, который написал бы историю русской иконописи! Ведь этому труду можно было бы посвятить целую жизнь.

Однако чувствует мое сердце, что я уже надоел Вам. К отлучению Толстого [3] публика отнеслась со смехом. Напрасно архиереи в свое воззвание всадили славянский текст. Очень уж неискренно или пахнет неискренним. Будьте здоровы и богом хранимы и по возможности не забывайте искренно Вас уважающего и преданного

А. Чехова.

650

В. А. ПОССЕ

3 марта 1901, Ялта

3 марта 1901. Ялта.

Милый Владимир Александрович, большое Вам спасибо за телеграмму [1] и вообще за память. Немножко запоздалая благодарность, простите, но лучше поздно, чем никогда, выражаясь по-умному. Будьте добры, вспомните, что я одинок, что я в пустыне, сжальтесь и напишите, во-первых, что нового в цивилизованном мире, во-вторых, где теперь Горький, куда ему писать, и, в-третьих, не думаете ли Вы приехать в Ялту отдохнуть.

Рассказ пришлю непременно [2]. «Трое» Горького в январск. книжке мне чрезвычайно понравились по тону

письма. Девки неверны, таких нет, и разговоров таких никогда не бывает, но все же приятно читать. В декабрьск. книжке мне не так понравилось, чувствовалось напряжение. И напрасно Горький с таким серьезным лицом творит (не пишет, а именно творит), надо бы полегче, немножечко бы свысока.

Итак, пустынник ждет от Вас подробнейшего письма. Не поленитесь, пожалуйста.

Кашель у меня свирепый, уже 5—6 дней, но в общем здравие мое хорошее, грех пожаловаться.

Будьте живеньки, здоровеньки, не забывайте Вашего

А. Чехова.

651

М. П. ЧЕХОВУ

5 марта 1901, Ялта

5 март.

Милый Мишель, то, что говорит мой Иванов доктору Львову [1], говорит человек утомленный, поношенный; напротив, человек должен постоянно если не вылезать, то выглядывать из своей раковины, и должен он мудрствовать всю свою жизнь, иначе то уже будет не жизнь, а житие. Против жизни в Петербурге я ничего не имею, это хороший город, к нему легко привыкнуть, как к Москве; вопрос же в том, где служить. Я в письме своем был против суворинской газеты; там можно печатать только беллетристику, да и то держась далеко в стороне. Служить же в типографии — это другое дело; типография у него очень хорошая во всех смыслах. Но лучше бы всего иметь в Питере какое-нибудь место, в каком-нибудь департаменте и по вечерам заниматься литературой. Кропотов груб, но имей в виду, что Суворин еще грубее, и служить только у него одного — это хуже гораздо, чем служить в Чернигове или Бобруйске. А вот так бы: до обеда где-нибудь в департаменте, а вечером у него в типографии (на манер Тычинкина, учителя гимназии) — этак было бы хорошо.

Мне мешают писать это письмо, все ходят ко мне. Поклонись Ольге Германовне и детишкам, пожелай им от меня всего хорошего. Будь здоров; все устроится, конечно, и все будет благополучно.

Мать здорова. Новостей нет.

Твой *А. Чехов.*

Если есть свободное время, то пиши мне, я буду отвечать.

652

Г. М. ЧЕХОВУ

8 марта 1901, Ялта

8 март 1901 г.

Милый Жорж, а у нас давно уже цветут миндаль и абрикосы, тепло, славно и было бы весело, если бы не кашель, который беспокоит меня вот уже дней десять. «Три сестры» имеют громадный успех, но только если есть три актрисы хорошие, молодые и если актеры умеют носить военное платье. Писана пьеса не для провинции [1].

Нового ничего нет, все по-старому. Мать здорова, говеет. Журавль ходит по всему двору, чувствуя себя хозяином. Напиши, что поделывает городская библиотека, увеличивается ли число читателей.

Будь здоров. Поклонись тете, сестрам, Володе и Иринушке. Крепко жму руку.

Твой *А. Чехов.*

653

Б. К. ЗАЙЦЕВУ

9 марта 1901, Ялта

Холодно, сухо, длинно, не молодо, хотя талантливо [1].

Чехов.

654

И. А. БУНИНУ

14 марта 1901, Ялта

Курск, Московская ул., д. Исакова — это адрес С. П. Боньe, милый Иван Алексеевич! Поживаю я недурно, так себе, чувствую старость. Впрочем, хочу жениться. О Вас все мы, Ваши ялтинские знакомые, вспоминаем с большим удовольствием и долго жалели, что Вы от нас уехали. От «Скорпиона» получил корректуру [1], но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует «Скорпион» о своей книге тоже неряшливо, выставляя меня первым — и я, прочитав это объявление в «Русских ведомостях»[2], дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами.

А когда мы увидимся? После пасхи, вероятно, приеду в Москву ненадолго, остановлюсь в «Дрездене».

Крепко жму руку, желаю всяких благ.

Ваш душевно *А. Чехов.*

14 марта.

655

О. Л. КНИППЕР

18 марта 1901, Ялта

18 марта.

Итак, актриска, ты на днях возвращаешься в Москву, значит, в Питер я больше писать не стану. Ну, а московский адрес? Писать ли все по старому или ждать, когда пришлешь новый?

У нас погода просто замечательная, изумительная, весна чудеснейшая, какой давно не было. Я бы наслаждался, да беда в том, что я один, совершенно один! Сижу у себя в кабинете или в саду, и больше ничего.

Отчего отменили «Эдду Габлер»? [1] Какие пьесы наметили для будущего сезона? Решили ли наконец

строить новый театр? [2] Пиши, милюся, подробнее, обстоятельнее, ты ведь у меня умная, дельная, такая толковая.

У меня все по-старому, ничего нового. Впрочем, вчера неожиданно получил тысячу рублей долгу. Получаю письма из Питера и из Москвы, довольно зловещие [3], читаю с отвращением газеты [4].

Славная моя актрисочка, не играй в «Михаиле Крамере» [5], а то из-за этой пустяковой роли просидишь в Москве весь май и июнь, и к тому же еще роль неинтересная. Послушайся меня, моя хорошая, ведь если будем живы и здоровы, то успеешь еще сыграть тысячу ролей. Ах, какая очаровательная погода! Барометр страшно поднялся.

Ну, дуся, славная моя актрисочка, до свиданья! Целую тебя крепко. Пиши, не покидай меня.

Твой *мужчинка.*

656

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

18 марта 1901, Ялта

18 март 1901.

Милый Алексей Максимович, где Вы? Давно уже жду от Вас письма, по возможности длинного, и никак не дождусь. Ваши «Трое» [1] читаю с большим удовольствием — имейте сие в виду — с громадным удовольствием.

Скоро у вас весна, настоящая, русская, а у нас уже крымская весна в самом разгаре; здешняя весна, как красивая татарка — любоваться ею можно, и все можно, но любить нельзя.

Я слышал, что в Петербурге и потом в Москве Вы были невеселы [2]. Напишите же, в чем дело; я мало, почти ничего не знаю, как и подобает россиянину, проживающему в Татарии, но предчувствую очень многое.

Итак, позвольте ждать от Вас письма.

Поклонитесь Вашей жене, ей и Максимке желаю всего хорошего, главное — здоровья.

Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

657

А. М. ФЕДОРОВУ

25 марта 1901, Ялта

25 марта 1901.

Дорогой Александр Митрофанович, книгу я сам получил недавно [1], пьесу же давно прочел [2], не написал же Вам, как обещал, потому что все собирался и откладывал; в лености житие мое иждих...

Что касается пьесы, то она мне очень понравилась и, по-моему, будет иметь солидный успех. Вы талантливый человек, и это уже не должно подлежать ни малейшему сомнению. Нам бы повидаться, чтобы поговорить, в письме же не напишешь всего, да и не сумеешь изложить свое мнение вкратце. Давайте повидаемся хоть осенью в Москве или в Петербурге, там поговорим обстоятельно. Пока укажу на два пункта: 1) лица у Вас не новы, трактуются без малейшей потуги на оригинальность; например, нянька. 2) Чувствуется сильное пристрастие к эффектам, эффект опережает мысль, и порой кажется, что сначала автор придумал эффекты, а около них потом уже стал лепить мало-помалу и пьесу. Первое, как мне кажется, есть продукт скорописания, второе же со временем само угаснет мало-помалу. Ну, да что, в письме всего не скажешь, не поместится все то, что хотелось бы сказать. Подождем до осени.

Поклонитесь Италии милой. Если Вы едете за границу первый раз, то скоро Вас потянет домой обратно, но Вы не обращайте внимания на тоску по родине, заставляйте себя набираться впечатлений, так чтобы потом на всю зиму хватило воспоминаний. Италия удивительно хорошая страна.

Передайте мой поклон и привет Вашей жене и мальчику. Желаю им счастливой дороги.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *А. Чехов.*

Обещанных книжек жду [3]. Ваша пьеса, повторяю, будет иметь большой успех.

658

О. Л. КНИППЕР

26 апреля 1901, Ялта

Четверг.

Собака Олька! Я приеду в первых числах мая. Как только получишь телеграмму, тотчас же отправляйся в гостиницу «Дрезден» и узнай, свободен ли 45-й номер, т. е., другими словами, займи какой-нибудь номеришко подешевле.

Часто видаюсь с Немировичем, он очень мил, не важничает; супруги его еще не видел. Я приеду в Москву главным образом затем, чтобы гулять и наедаться. Поедем в Петровско-Разумовское, в Звенигород, поедем во все места, лишь бы хорошая погода была. Если согласишься поехать со мной на Волгу, то будем есть стерлядей.

Куприн, по-видимому, влюблен, очарован. Влюбился он в громадную, здоровенную бабу, которую ты знаешь и на которой ты советуешь мне жениться.

Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится,— то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться. Из церкви укатить бы не домой, а прямо в Звенигород. Или повенчаться в Звенигороде. Подумай, подумай, дуся! Ведь ты, говорят, умная.

Погода в Ялте паршивенькая. Ветер неистовый. Розы цветут, но мало; будут же цвести богато. Ирисы великолепны.

У меня все в порядке, все, кроме одного пустяка — здоровья.

Горький не выслан, а арестован; [1] держат его в Нижнем. Поссе тоже арестован[2].

Обнимаю тебя, Олька.

Твой *Antoine*.

659

В. А. ПОССЕ

21 мая 1901, Москва

21 мая 1901.

Дорогой Владимир Александрович, Ваше письмо[1] пошло в Ялту, оттуда в Москву, где я нахожусь ныне, оттого я получил его только вчера; не сердитесь же, что так запаздываю ответом. Вас выпустили?[2] Горький уже выпущен дня 4 назад; он весел и здоров, под домашним арестом будет не больше 10 дней. Я видел доктора, который его освидетельствовал[3], и Миролюбова, который ездил в Нижний хлопотать у Святополка-Мирского, и сведения от обоих получил весьма успокоительные.

Я чувствую себя недурно, но все же, как оказывается, здоровье мое сильно подгуляло, и я должен ехать на кумыс. Это все равно что ехать в ссылку. Пробуду я на кумысе месяца два, и если бы Вы выслали мне туда майскую и июньскую книжки «Жизни»[4], то я был бы благодарен Вам — не знаю как! Свой кумысный адрес вышлю Вам в пятницу, в день отъезда.

Рассказ непременно пришлю.

Непременно! Зарежьте меня, если не пришлю.

Ваша статья [5] про Московский Художественный театр мне очень понравилась. Но почему в Питере «Одинокие» Гауптмана пришлись так не по вкусу? Почему они нравились в Москве?

В будущем сезоне пойдет моя «Чайка».

Нам бы с Вами повидаться этим летом — как Вы думаете? В июле я буду ехать обратно из Уфимской губ., буду тогда в Москве.

И не заехать ли в Петербург?

Я давно уже не был в Петербурге, кстати сказать.

Напишите, где Вы будете летом, что и как, авось и повидаемся.

Будьте здоровы и благополучны, отдыхайте после предварилки и набирайтесь здоровья. Крепко жму Вам руку.

Ваш *А. Чехов.*

Итак, в Москве я пробуду до вечера пятницы.

Мой адрес: Москва, «Дрезден».

660

Е. Я. ЧЕХОВОЙ

25 мая 1901, Москва

Милая мама, благословите, женюсь. Все останется по-старому. Уезжаю на кумыс. Адрес: Аксеново, Самаро-Златоустовской. Здоровье лучше [1].

Антон.

661

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

28 мая 1901, Пьяный Бор

28 мая, Пьяный Бор.

Милый Алексей Максимович, я черт знает где, на Пьяном Бору, и буду сидеть здесь до 5 часов утра, а теперь только полдень!! Долгополов взял билеты до Пьяного Бора [1], между тем нужно было брать только до Казани и здесь пересаживаться на пароход, идущий в Уфу. Сижу на пристани, в толпе, рядом кашляет на пол чахоточный, идет дождь — одним словом, этого я Долгополову никогда не прощу.

Напишите же мне в Аксеново, как Ваши дела, как чувствует себя Екатерина Павловна.

Моя супружница шлет Вам привет и низко кланяется.

Сидеть здесь, в Пьяном Бору,— о, это ужасно, это похоже на мое путешествие по Сибири... Днем еще ничего, а каково-то будет ночью!

Ваш *А. Чехов.*

662

М. П. ЧЕХОВОЙ

2 июня 1901, Аксеново

2 июнь.

Здравствуй, милая Маша! Все собираюсь написать тебе и никак не соберусь, много всяких дел, и, конечно, мелких. О том, что я женился, ты уже знаешь. Думаю,

что сей мой поступок нисколько не изменит моей жизни и той обстановки, в какой я до сих пор пребывал. Мать, наверное, говорит уже бог знает что, но скажи ей, что перемен не будет решительно никаких, все останется по-старому. Буду жить так, как жил до сих пор, и мать тоже; и к тебе у меня останутся отношения неизменно теплыми и хорошими, какими были до сих пор.

Здесь, в Уфимской губ., скучно, неинтересно; пью кумыс, который, по-видимому, переношу хорошо. Это кислый, похожий на квас, напиток. Публика здесь серая, скучная; среди нее Анна Ивановна, супруга Чóхова, кажется аристократкой. Она здесь со своим сыном, оболтусом, по-видимому избалованным ужасно.

Если деньги у вас на исходе, то пришли мне чек, который достань из стола. Квитанции из государственного банка я сложил вместе, прибавил к ним еще одну в 2700 рублей и, положив в пакет, написал «М. П. Чеховой». Он, т. е. пакет, находится у Книппер, которая передаст тебе. Побереги, пожалуйста, а то я растеряю.

Здоровье мое сносно, даже пока хорошо; кашель уменьшился, почти нет его. В конце июля я буду в Ялте, где проживу до октября, а потом в Москву — и там до декабря, потом опять в Ялту. Стало быть, с супругой своей придется жить в разлуке — к этому, впрочем, я уже привык.

Какова в Ялте погода? Был ли хоть один дождь, пока ты там? Приехал ли Иван? Он здоров, чувствует же себя плохо, потому что утомился. Ему нужно отдохнуть.

Скоро я напишу тебе еще, а пока будь здорова. Мамаше низко кланяюсь. Ее телеграмму прислали мне почтой из Москвы. Марьюшке, Маше, Марфуше и Арсению тоже поклон.

Здесь купаться негде. Рыбу половить бы, да далеко.

Ну, Христос с тобой.

Твой *Antoine.*

663

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

8 июня 1901, Аксеново

8 июня 1901.

Здравствуйте, милый Алексей Максимович! Я живу в Аксенове, пью кумыс, и во мне прибавилось уже 8 фунтов. Еще раз повторяю свой адрес: Аксеново, Уфимск. губ. Жизнь сытая, но скучная.

На днях в Нижнем будет писатель Иван Щеглов (Леонтьев), который, по всей вероятности, будет искать Вас, чтобы повидаться. Он просил у меня Вашего адреса, я послал ему. Это человек с большими странностями, но добряк большой, и к тому же еще бедняк.

Моя жена кланяется Вам и Екатерине Павловне и умоляет Вас написать, как здоровье и кто у Вас родился — мальчик или девочка. Я шлю привет и кланяюсь низко, низко. Где Вы теперь? Пришлите Ваш адрес, если переменили.

Пришлите пьесу, хотя часть, мы ждем с большим нетерпением [1]. Пришлите какую-нибудь книжку почитать, тут почти ничего нет, просто беда! И нельзя ли подписаться на «Нижегородский листок» на один месяц?

Скажите Л. В. Средину, который едет к Вам, чтобы он ни в каком случае не ехал на Пьяный Бор, а держал бы путь через Самару. Скажите ему, что мы ждем его с нетерпением, хотя и знаем, что ему здесь не понравится. Пусть попробует; если придется не по вкусу, можно будет уехать. Ему уже приготовлен флигелек.

Кумыс не противен, можно пить, но противно, что приходится пить помногу.

Жму Вам руку и целую Вас, мой милый. Будьте здоровы и покойны.

Ваш *А. Чехов.*

664

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

24 июля 1901, Ялта

24 июль 1901.

Простите, милый Алексей Максимович, не писал Вам так долго, не отвечал на Ваше письмо по законной, хотя и скверной причине — похварывал! В Аксенове чувствовал себя сносно, даже очень, здесь же, в Ялте, стал кашлять и проч. и проч., отощал и, кажется, ни к чему хорошему не способен. В Вашем последнем письме есть один пункт, на который, вероятно, Вы ждали ответа, именно насчет моих произведений и Маркса. Вы пишете: взять назад. Но как? Деньги я уже все получил и почти все прожил, взаймы же взять 75 тыс. мне негде, ибо никто не даст. Да и нет желания затевать это дело, воевать, хлопотать, нет ни желания, ни энергии, ни веры в то, что это действительно нужно [1].

Я читаю корректуру для Маркса, кое-что переделываю заново. Кашель как будто стал отпускать. Супруга моя оказалась очень доброй, очень заботливой, и мне хорошо.

В сентябре поеду в Москву и проживу там до средины ноября, если позволит погода, а потом в Крым или куда-нибудь за границу. Очень, очень бы хотелось повидаться с Вами, очень! Напишите, куда Вы уезжаете, где будете до осени и осенью и не будет ли случая повидаться с Вами.

И когда Вы пришлете мне окончание «Троих»?[2] Вы обещали, не забудьте! Дядюшка моей Оли, немец-доктор, ненавидящий всех нынешних писателей, в том числе и Льва Толстого, вдруг, оказывается, в восторге от «Троих» и — славословит Вас всюду. Где Скиталец? Это чудесный писатель, будет досадно и обидно, если он изведется.

Черкните мне хоть одну строчку, милый человек, не поленитесь. Привет Вашей жене и детишкам, дай им бог всего хорошего.

В Ялте чудесная погода, идут дожди.

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего, главное — успеха и здоровья. Обнимаю Вас.

Ваш *А. Чехов.*

665

М. А. ЧЛЕНОВУ

24 июля 1901, Ялта

24 июля 1901 г. Ялта.

Дорогой Михаил Александрович, в Москве я буду в конце августа или в начале сентября, но не ранее. Я не совсем здоров. Пока был на кумысе, все шло как по маслу, а теперь стал кашлять и кисну физически.

Начали Вы Ваше письмо очень хорошо, так что я думал, что пора, стало быть, поздравлять Вас, а к концу совсем испортили, и я не понял, женитесь ли Вы или это так только. Работать для науки и для общих идей — это-то и есть личное счастье. Не «в этом», а «это»[1]. И Вы, сударь, коли на то пошло, счастливейший из смертных.

В Финляндию не следует ехать, там в августе холодно, сыро и уже дни короткие. Поезжайте-ка к нам в Ялту. Ведь поезд до Ялты идет только 1½ суток!

Нового ничего нет, все благополучно. Читаю корректуру, утомился. Желаю Вам всего хорошего и крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

666

О. О. САДОВСКОЙ

9 августа 1901, Ялта

9 августа 1901. Ялта.

Многоуважаемая

Ольга Осиповна!

Весь июнь я пробыл на кумысе, а июль, весь от начала до конца, проболел у себя в Ялте, так что за все время не успел написать ни одной строчки, хотя соби-

рался написать очень много. Простите мне эту невольную праздность, мою невольную неаккуратность, и все-таки позвольте мне надеяться, что при благоприятных обстоятельствах, если буду здоров, я напишу пьесу, которую Вы позволите мне прислать Вам [1]. Я Вас глубоко уважаю уже давно, и мне хотелось бы выразить это возможно ярче, как умею. Еще раз прошу, простите.

Искренно преданный *А. Чехов.*

Будьте добры, передайте мой поклон и сердечный привет Михаилу Провичу.

667

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

24 сентября 1901, Москва

24 сент. 1901.

Милый Алексей Максимович, я в Москве и письмо Ваше получил здесь, в Москве. Мой адрес: Спиридоновка, д. Бойцова. Перед отъездом из Ялты я был у Льва Николаевича [1], виделся с ним: ему Крым нравится ужасно, возбуждает в нем радость, чисто детскую, но здоровье его мне не понравилось. Постарел очень, и главная болезнь его — это старость, которая уже овладела им. В октябре я опять буду в Ялте, и если бы Вас отпустили туда [2], то это было бы прекрасно. В Ялте зимою мало людей, никто не надоедает, не мешает работать — это во-первых, а во-вторых, Лев Николаевич заметно скучает без людей, мы бы навещали его.

Кончайте, голубчик, пьесу [3]. Вы чувствуете, что она не выходит у Вас, но не верьте Вашему чувству, оно обманывает. Обыкновенно пьеса не нравится, когда пишешь ее, и потом не нравится; пусть уж судят и решают другие. Только Вы никому не давайте читать, никому, а посылайте прямо в Москву — Немировичу, или мне для передачи в Худож. театр. Затем, если что не так, то изменить можно во время репетиций; даже накануне спектакля.

Нет ли у Вас окончания «Троих»? [4]

Посылаю письмо, совершенно ненужное. Я получил такое же [5].

Ну, господь с Вами. Будьте здоровы и, буде сие возможно в Вашем положении арзамасского обывателя [6], счастливы. Поклон и привет Екатерине Павловне и детям.

Ваш *А. Чехов.*

Пишите, пожалуйста.

668

Л. В. СРЕДИНУ

24 сентября 1901, Москва

24 сент. 1901.

* Спиридоновка, д. Бойцова.

Милый Леонид Валентинович, сегодня я написал Горькому, а вчера получил от него письмо, в котором он сообщает об Арзамасе и о том, что он собирается на зиму в Ялту, о чем уже подал прошение. Он, между прочим, кончает пьесу и обещает прислать ее в Москву к концу сентября. На здоровье не жалуется. Вероятно, в скором времени я еще получу от него письмо — и тогда напишу Вам.

«Дикая утка» на сцене Художеств. театра оказалась не ко двору. Вяло, неинтересно и слабо [1]. Зато «Три сестры» идут великолепно, с блеском, идут гораздо лучше, чем написана пьеса. Я прорежиссировал слегка, сделал кое-кому авторское внушение, и пьеса, как говорят, теперь идет лучше, чем в прошлый сезон. В театральном мире нет ничего нового; о постройке театра только говорят, но строить его, вероятно, не будут. Станиславский-Алексеев болеет, все молчит, скучен, Немирович сердится. «Крамер» [2] пойдет еще не скоро, вероятно без меня.

Погода в Москве великолепная: и тепло и сухо. Я был нездоров, когда уезжал из Ялты, теперь же чувствую себя очень сносно, слава небесам.

Ольга низко кланяется Вам и Софье Петровне, шлет привет и велит написать, что она Вас обоих очень любит и что ей живется на этом свете хорошо. Я тоже кланяюсь — и Вам, и Софье Петровне, и Анатолию, и Зине. Передайте Александру Валентиновичу, что я очень извиняюсь перед ним; мне все последние дни было до зарезу некогда, нездоровилось, и так я не попал к нему, хотя нужно было. Скажите ему, что скоро приеду и постараюсь искупить свою вину.

В Художеств. театре сборы полные, но настроение неважное.

Большое Вам спасибо за письмо, за память. Если слышали что нибудь про Толстого Льва, то напишите, пожалуйста. Мне кажется, что здоровье его должно поправляться теперь, не иначе. А впрочем, богу сие известно. И о здоровье своем напишите два слова.

Простите за кляксы.

Ваш *А. Чехов.*

* «Большая» — этого слова не нужно. (*Прим. А. П. Чехова.*)

669

В. С. МИРОЛЮБОВУ

19 октября 1901, Москва

19 окт. 1901.

Милый Виктор Сергеевич, здравствуйте! Письмо Ваше я получил, большое Вам спасибо. В настоящее время я в Москве, на будущей же неделе, вероятно в среду, уезжаю в Ялту, где пробуду безвыездно всю зиму. И буду всю зиму работать.

Простите, голубчик, я не выслал Вам до сих пор рассказа [1]. Это оттого, что я прервал работу, а прерванное мне всегда было трудно оканчивать.

Вот приеду домой, начну сначала и вышлю, будьте покойны!

Не приедете ли Вы в Ялту?

Жена моя, к которой я привык и привязался, остается в Москве одна, и я уезжаю одиноким. Она плачет,

а я ей не велю бросать театр. Одним словом, катавасия. Будьте здоровы, голубчик. Пишите мне почаще.

Ваш *А. Чехов.*

Горький в Нижнем, здоров. Он прислал для Художеств. театра пьесу. Нового в этой пьесе нет ничего, но это хорошая пьеса [2].

Москва. Спиридоновка, д. Бойцова.

670

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

22 октября 1901, Москва

22 окт. 1901.

Милый Алексей Максимович, дней пять прошло, как я читал Вашу пьесу[1], не писал же Вам до сих пор по той причине, что никак не мог добыть четвертого акта, все ждал и — не дождался. Итак, я прочитал только три акта, но этого, думаю, достаточно, чтобы судить о пьесе. Она, как я и ждал, очень хороша, написана по-горьковски, оригинальна, очень интересна, и если начать с того, что говорить о недостатках, то пока я заметил только один, недостаток непоправимый, как рыжие волосы у рыжего,— это консерватизм формы. Новых, оригинальных людей Вы заставляете петь новые песни по нотам, имеющим подержанный вид, у Вас четыре акта, действующие лица читают нравоучения, чувствуется страх перед длиннотами и проч. и проч. Но все сие не суть важно и все сие, так сказать, утопает в достоинствах пьесы Перчихин — как живой! Дочка его очаровательна, Татьяна и Петр — тоже, мать их великолепная старуха. Центральная фигура пьесы — Нил сильно сделан, чрезвычайно интересен! Одним словом, пьеса захватит с первого же акта. Только, храни Вас бог, не позволяйте играть Перчихина никому, кроме Артема, а Нила пусть играет непременно Алексеев-Станиславский. Эти две фигуры сделают именно то, что

нужно. Петр — Мейерхольд. Только роль Нила, чудесную роль, нужно сделать вдвое-втрое длинней, ею нужно закончить пьесу, сделать ее главной. Только не противополагайте его Петру и Татьяне, пусть он сам по себе, а они сами по себе, все чудесные, превосходные люди, независимо друг от друга. Когда Нил старается казаться выше Петра и Татьяны и говорит про себя, что он молодец, то пропадает элемент, столь присущий нашему рабочему порядочному человеку, элемент скромности. Он хвастает, он спорит, но ведь и без этого видно, что он за человек. Пусть он весел, пусть шалит хоть все четыре акта, пусть много ест после работы — и этого уже довольно, чтобы он овладел публикой. Петр, повторяю, хорош. Вы, вероятно, и не подозреваете, как он хорош. Татьяна тоже законченное лицо, только нужно во-1) чтобы она была на самом деле учительницей, учила бы детей, приходила бы из школы, возилась бы с учебниками и тетрадками и во-2) надо бы, чтобы в 1-м или во 2-м акте говорили бы уже, что она покушалась на отравление; тогда, при этом намеке, отравление в 3-м акте не покажется неожиданностью и будет уместно. Тетерев говорит слишком много, таких людей надо показывать кусочками, между прочим, ибо, как-никак, все-таки сии люди суть эпизодические везде — и в жизни и на сцене. Елену заставьте обедать в 1-м акте со всеми, пусть сидит и шутит,— а то ее очень мало, и она неясна. Ее объяснение с Петром резковато; на сцене оно выйдет слишком выпукло. Сделайте ее женщиной страстной, если и не любящей, то влюбчивой.

До постановки осталось еще много времени, и Вы успеете прокорректировать Вашу пьесу еще раз десять. Как жаль, что я уезжаю! Я бы сидел на репетициях Вашей пьесы и писал бы Вам все, что нужно.

В пятницу я уезжаю в Ялту. Будьте здоровы и богом хранимы. Нижайший поклон и привет Екатерине Павловне и детям. Крепко жму Вам руку и обнимаю Вас.

Ваш *А. Чехов.*

671

А. М. ФЕДОРОВУ

3 ноября 1901, Ялта

3 ноября 1901. Ялта.

Дорогой Александр Митрофанович, я прочитал Вашу пьесу [1] и — вот Вам мое мнение; причем считаю нужным предупредить, что тут не опыт мой, которого у меня нет или очень мало, а просто впечатление. Прежде всего, мне кажется, что у Вас в пьесе не хватает какой-то мужской роли, центральной. Все время кажется, что сейчас придет мужчина и скажет что-то очень важное,— и нет его. Зеленцов очень бледен, совсем не написан, а Роман тронут чуть-чуть и не интересен для актера. Володя хорош, только его нужно бы сделать, мне кажется, еще теплей; и нужно, чтобы он в самом деле занимался теперь или когда-нибудь ранее механикой и чтобы выражения «пар пущен», «заработают теперь колеса» и проч. не были пустыми, а вытекали, так сказать, из глубины. Детей выводить не следует, о них, буде нужно, поговорить на сцене. Теперь перехожу к дамам. Ольга Багрова хороша Это роль для очень хорошей актрисы. Только сделайте, чтобы она говорила поменьше; она чувствуется с полуслова, с первых строк и была бы просто великолепной, если бы Вы устроили в 3-м или 4-м акте взрыв, если бы ее вдруг на одну минуту взорвало, а затем опять бы тишина. Повторяю, чудесная роль. Наташа говорит очень много, все в одном тоне, скоро прискучает. Ее следует сделать разнообразнее, богаче. Остальные все уже встречались и раньше, писаны по рутине. Еще что? Скворцы прилетают в конце марта, когда еще снег. Выстрел в конце пьесы подаст зрителю мысль, что это застрелился кто-нибудь, Роман, что ли. Все действующие лица говорят одним языком (кроме Ольги), даже «забавно» Романа мало помогает делу. Есть лишние слова, не идущие к пьесе, например: «ведь ты знаешь, *что* курить здесь нельзя». В пьесах надо осторожней с этим *что*. И т. д. и т. д. Видите, сколько я написал Вам! А тон пьесы — хороший тон, федоровский;

читать ее легко, и я бы с удовольствием посмотрел ее на сцене.

Я посылаю ее Вам обратно, ибо в Художеств. театре будут репетиции до конца января, пьесы Вашей все равно не прочтут до того времени (репетируют пьесы Немировича и Горького). А Вы пока, до января, придумайте какую-нибудь мужскую роль поцентральнее, буде пожелаете, мужчину покрупнее и поинтереснее; и выстрел не за сценой, а на сцене бы, да не в IV, а в III акте...

Ну, желаю Вам всего хорошего. Будьте здоровы и работайте себе помаленьку. В Ярославле шла с успехом Ваша пьеса «Старый дом» — это я узнал из «Северного края» [2].

Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Пьесу пошлите Немировичу-Данченко, но не раньше декабря. Теперь он занят своей пьесой.

Я бы и Романа сделал добряком; он добр, но никак не может свыкнуться с мыслью, что его брат, великолепный человек, живет с такой обыкновенной женщиной.

672

О. Л. КНИППЕР

6 ноября 1901, Ялта

6 ноября 1901.

Ну-с, радость моя, вчера я был у Толстого. Застал его в постели. Ушибся немного и теперь лежит. Здоровье его лучше, чем было, но все же это лишь теплые дни в конце октября, а зима тем не менее близко, близко! Он, по-видимому, был рад моему приезду. И я почему-то в этот раз был особенно рад его видеть. Выражение у него приятное, доброе, хотя и стариковское, или, вернее, старческое, слушает он с удовольствием и говорит охотно. Крым все еще нравится ему.

Сегодня у меня был Бальмонт. Ему нельзя теперь в Москву, не позволено, иначе бы он побывал у тебя в

декабре и ты бы помогла ему добыть билеты на все пьесы, какие идут в вашем театре. Он славный парень, а главное, я давно уже знаком с ним и считаюсь его приятелем, а он — моим.

Как живешь, радость, прелесть моя? Сегодня был у меня Средин, принес фотографию, ту самую, которую мы с тобой привезли из Аксенова, только в увеличенном виде; и оба мы с тобой на этой карточке вышли старые, прищуренные.

Дуся, милая, пиши на бумаге попроще и запечатывай в простые конверты, иначе твои письма приходят в таком виде, точно их наскоро запечатали. Это пустяки, но мы, дуся, провинциалы, народ мнительный.

Будут ли строить театр?[1] Когда? Пиши, жена моя, пиши, а то мне скучно, скучно, и такое у меня чувство, как будто я женат уже 20 лет и в разлуке с тобой только первый год. Должно быть, в январе я приеду. Окутаюсь потеплей и приеду, а в Москве буду сидеть в комнате.

Будь здорова, немочка моя добрая, славная, тихая моя. Я тебя очень люблю и ценю.

Обнимаю и горячо целую, будь здорова и весела. Спасибо за письма!

Твой *Antonio.*

673

О. Л. КНИППЕР

17 ноября 1901, Ялта

17 ноябрь.

Милая моя супружница, слухи о Толстом, дошедшие до вас, насчет его болезни и даже смерти, ни на чем не основаны. В его здоровье особенных перемен нет и не было, а до смерти, по-видимому, еще далеко. Он, правда, слаб, на вид хил, но нет ни одного симптома, который угрожал бы, ни одного, кроме старости... Ты ничему не верь. Если, не дай бог, случится что, то я извещу тебя телеграммой. Назову его в телеграмме «дедушкой», иначе, пожалуй не дойдет.

Алексей Максимович здесь, здоров. Ночует он у меня и у меня прописан[1]. Сегодня был становой.

Я пишу, работаю, но, дуся моя, в Ялте нельзя работать, нельзя и нельзя. Далеко от мира, неинтересно, а главное — холодно. Получил письмо от Вишневского; скажи ему, что пьесу напишу, но не раньше весны.

У меня в кабинете горит теперь лампа. Пока не воняет керосином, ничего себе.

Алексей Максимович не изменился, все такой же порядочный, и интеллигентный, и добрый. Одно только в нем, или, вернее, на нем, нескладно — это его рубаха. Не могу к ней привыкнуть, как к камергерскому мундиру.

Погода осенняя, неважная.

Ну, оставайся жива и здорова, светик мой. Спасибо за письма. Не хворай, будь умницей. Кланяйся своим. Целую тебя крепко и обнимаю.

Твой муж *Антонио.*

Я здоров. Москва подействовала на меня изумительно хорошо. Не знаю, Москва ли это или ты виновата, только кашляю я очень мало.

Если увидишь Кундасову или кого-нибудь из тех, кто увидит ее скоро, то передай, что в настоящее время в Ялте находится д-р Васильев, психиатр, который болен очень серьезно.

674

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

11 декабря 1901, Ялта

11 дек. 1901.

Милый друг Виктор Александрович, в настоящее время я лежу в постели и занимаюсь кровохарканием. И ничего не ем, ничего не делаю, только читаю газеты. Не сердись же на меня, голубчик. Когда станет лучше, тогда начну опять писать.

О болезни моей никому не говори, чтобы не попало в газеты. Жене я писал.

Крепко жму твою руку и целую тебя, мой дорогой. Всего хорошего!

Твой *А. Чехов.*

675

В. С. МИРОЛЮБОВУ

17 декабря 1901, Ялта

17 дек. 1901.

Милый Виктор Сергеевич, я нездоров, или не совсем здоров — этак вернее, и писать не могу. У меня было кровохарканье, теперь слабость и злость, сижу с согревающим компрессом на боку, принимаю креозот и всякую чепуху. Как бы ни было, с «Архиереем» не надую Вас, пришлю рано или поздно.

Читал в «Новом времени» статью городового Розанова, из которой, между прочим, узнал о Вашей новой деятельности[1]. Если б Вы знали, голубчик мой, как я был огорчен! Мне кажется, Вам необходимо уехать из Петербурга теперь же — в Нерви или в Ялту, но уехать. Что у Вас, у хорошего, прямого человека, что у Вас общего с Розановым, с превыспренно хитрейшим Сергием, наконец с сытейшим Мережковским? Мне хотелось бы написать много, много, но лучше воздержаться, тем более что письма теперь читаются главным образом не теми, кому они адресуются. Скажу только, что в вопросах, которые Вас занимают, важны не забытые слова, не идеализм, а сознание собственной чистоты, т. е. совершенная свобода души Вашей от всяких забытых и не забытых слов, идеализмов и проч. и проч. непонятных слов. Нужно веровать в бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью...

Впрочем, будьте здоровы! Если приедете, то черкните. Здесь Толстой, здесь Горький, скучно Вам не будет, надеюсь.

Нового ничего нет. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

676

М. П. ЧЕХОВУ

17 декабря 1901, Ялта

17 дек. 1901.

Милый Мишель, я нездоров, потому позволь отложить ответ на твое письмо до праздников. Пока напишу тебе только следующее. У «России» около 45 тыс. подписчиков и розницы, дела идут очень хорошо, но в деле сидит редактор Сазонов, личность бездарная, от которого нет возможности откупиться. Если Сазонов останется, то Амфитеатрову и Дорошевичу придется уходить; газеты своей им не разрешат. Амфитеатров, быть может, и пойдет в «Новое время», Дорошевича же купить трудно. Я с ним работал еще в «Будильнике», знаю его; Буренина он презирает и работать с ним не захочет в одной газете.

«Новое время» поднять нельзя, оно умрет вместе с А. С. Сувориным. Думать о поднятии нововременской репутации — значит не иметь понятия о русском обществе.

У меня было кровохарканье, теперь слабость, но в общем ничего особенного. Мать здорова, завтра приедет Маша на праздники.

За то, что письмо твое не коротко, сердечно благодарю тебя и прошу впредь не забывать. Я ведь как в ссылке.

Сердечный привет Ольге Германовне, Жене и Сереже, желаю им всего хорошего. И тебе также желаю от души счастья. Поклонись старику Суворину, и когда будет свободная минутка, то напиши мне еще.

Твой *А. Чехов.*

В Петербурге, на Литейной, 15, проживает мой знакомый, даже приятель, Никодим Павлович Кондаков, академик. При случае познакомься с ним и передай ему мой поклон. Жена у него вздорная, но ее можно не замечать.

Есть другой приятель, который с удовольствием познакомился бы с тобой; это редактор «Журнала для всех» Виктор Сергеевич Миролюбов. Он напечатал бы твой рассказ с удовольствием, дал бы по 10 коп. за строчку. Вообще около него нетрудно найти работу.

677

С. П. ДЯГИЛЕВУ

20 декабря 1901, Ялта

20 декабря 1901 г.

Многоуважаемый Сергей Павлович!

На вопрос, когда были написаны все мои произведения [1], простите, я могу дать только приблизительный ответ. Если взять мои сочинения Маркса, то I том был написан в 80—83 гг., II — 82—84, III — 84—87 (кроме рассказа «Белолобый», написанного после 1890 г.), IV — 85—88, V — 85—89, VI — 89 (кроме «Рассказа неизвестного человека», написанного после 90 г.), VIII — после 1890 г., IX — 95—1900. «Остров Сахалин» написан в 1893 г.— это вместо диссертации, которую я замыслил написать после 1884 г.— окончания медицинского факультета. В VII томе помещены пьесы: «Иванов» 1888 г., «Чайка» 1896 г., «Дядя Ваня» — 1890. Водевили написаны до 1890 г. Затем в издание не вошла повесть «В овраге», напечатанная в «Жизни» в 1900 г.

Теперь отвечаю на второй вопрос: я некоторое время зарабатывал медицинской практикой, но недолго. Практиковал иногда помногу, в деревне [2], но денег не брал, так как не нуждался в них. Стихов никогда не писал.

Вы хотите, чтобы я сказал несколько слов о Левитане[3], но мне хочется сказать не несколько слов, а много. Я не тороплюсь, потому что про Левитана написать никогда не поздно. Теперь же я нездоров, сижу с компрессом, недавно было кровохарканье. Вообще же виноват я перед Вами ужасно.

Будьте здоровы, желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий *А. Чехов.*

678

К. Д. БАЛЬМОНТУ

1 января 1902, Ялта

1 янв. 1902.

Милый Константин Дмитриевич, с Новым годом, с новым счастьем, с новыми капризами молодой, красивой, сладострастной музы! Да хранит Вас небо.

При Вас я похварывал понемножку, крепился, но едва Вы уехали, как я заболел, стал плевать кровью, похудел, как Фофанов; не выходил из дому все время; теперь меня кормят на убой, лечат, и я поздоровел.

Из Ваших книг у меня имеются: 1) «Под северным небом»; 2) Шелли, выпуск 2-й и 7-й (Ченчи); 3) «В безбрежности»; 4) «Тишина»; 5) Кальдерон, т. 1; 6) «Таинственные рассказы»; 7) По Эдгар, т. 1.

За книгу всей душой благодарю [1]. Я теперь не работаю, а только читаю, и завтра-послезавтра примусь за Эдгара По.

В деревне скучаете? Нет? В Ялте чудесно, совершенно летняя погода, и это скверно. Всю ночь кричат коты, воют собаки, снятся могильные склепы, а днем ярко светит солнце и томят воспоминания, скучно по холоде, по северным людям.

Жена обещает приехать в конце января. Приехала сестра на праздники. У Толстого я не был, но на днях, впрочем, буду и спрошу и ответ его сообщу Вам [2]. Пока слышал, что Вы произвели на него хорошее впечатление, ему было приятно говорить с Вами... Так я слышал.

Нового ничего нет. Все по-старому. Будьте здоровы, счастливы, веселы и не забывайте, что в Ялте проживает человек, неравнодушный к Вам, и хоть изредка пишите.

Ваш душой *А. Чехов.*

Передайте Вашей жене мой привет и поздравление с Новым годом.

Напишите Скорпионам [3], чтобы они непременно выслали мне книжку, когда выйдет.

679

О. Л. КНИППЕР

5 января 1902, Ялта

5 янв.

Дуся, Оля милая, сегодня от тебя нет письма. Мне кажется, что вы, актеры, не поняли «Мещан». Лужскому нельзя играть Нила; это роль главная, героическая, она совсем по таланту Станиславского. Тетерев же — роль, из которой трудно сделать что-нибудь для четырех актов. Во всех актах Тетерев один и тот же и говорит все одно и то же, и к тому же это лицо не живое, а сочиненное.

Поздравь Эллю и Володю, от души желаю им счастья, здоровья, чтобы Володя, ставши певцом, не изменял Элле, а если изменял, то незаметно; и чтобы Элла не полнела. Главное же, чтобы они жили вместе [1].

Ялта покрыта снегом. Это черт знает что. Даже Маша повесила нос и уже не хвалит Ялту, а помалкивает.

В какие места поехал Немирович? В Ниццу? Его адрес?

Наняли кухарку. Готовит, по-видимому, хорошо. Бабушка поладила с ней, это главное.

Ты мне снилась эту ночь. А когда я увижу тебя на самом деле, совсем неизвестно и представляется мне отдаленным. Ведь в конце января тебя не пустят. Пьеса Горького, то да се. Такая уж, значит, моя планида.

Ну, не стану тебя огорчать, моя жена хорошая, необыкновенная. Я тебя люблю и буду любить, хотя бы даже ты побила меня палкой. Нового, кроме снега и мороза, ничего нет, все по-старому.

Обнимаю, целую, ласкаю мою подругу, мою жену; не забывай меня, не забывай, не отвыкай. Каплет с крыш, весенний шум, но взглянешь на окно, там зима. Приснись мне, дуся!

Твой муж *Ant.*

Получила фотографию двух буров?

680

П. И. КУРКИНУ

13 января 1902, Ялта

13 янв. 1902.

Дорогой Петр Иванович, вчера я получил две телеграммы от членов съезда [1] и сегодня одну — от Е. А. Осипова [2]. Такой чести я не ожидал и не мог ожидать, и такую награду принимаю с радостью, хотя и сознаю, что она не по заслугам. Члены съезда уже разъехались по домам, но Е. А. Осипов в Москве; будьте добры, голубчик, повидайтесь с ним и скажите, что я благодарен ему бесконечно. Адреса его я не знаю, я не могу телеграфировать ему, остается одно — прибегнуть к Вам с просьбой заменить меня.

Хорошо ли играли в Художеств. театре?

Я один теперь, сестра уехала; скучно, и Москва представляется такою же далекою, как Австралия. Ничего не хочется делать, да и нездоровится.

Ваше письмо я получил, большое, сердечное Вам спасибо. Оля в восторге от Вас, я очень рад.

Нового у нас ничего нет. Лев Николаевич по-прежнему чувствует себя то очень хорошо, бодро, то киснет. Горький здоров. Пока все обстоит благополучно.

Крепко жму Вам руку и низко кланяюсь. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

681

И. А. БУНИНУ

15 января 1902, Ялта

15 янв. 1902.

Милый Иван Алексеевич, здравствуйте! С Новым годом, с новым счастьем! Желаю Вам прославиться на весь мир, сойтись с самой хорошенькой женщиной и выиграть 200 тысяч по всем трем займам.

Я хворал месяца полтора, теперь считаю себя здоровым, хотя покашливаю, почти ничего не делаю и все жду чего-то, должно быть весны.

Писал ли я Вам насчет «Сосен»? [1] Во-первых, боль-

шое спасибо за присланный оттиск, во-вторых, «Сосны» — это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона.

Итак, будем ждать Вас!! Приезжайте поскорее; буду рад очень. Крепко, крепко жму руку, желаю здравия.

Ваш *А. Чехов.*

На приглашение «Южного обозрения» я ответил, что ничего не имею против, но в настоящее время ничего не пишу, прошу извинить, а когда напишу, то пришлю. Я всем отвечаю так.

682

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

20 января 1902, Ялта

20 янв. 1902.

Дорогой Константин Сергеевич, насколько мне известно (из писем), портреты писателей в Таганрогской библиотеке повешены все рядком в одной большой раме. Вероятно, и Вас хотят посадить в такую же большую раму, а потому, мне кажется, лучше всего без хлопот послать фотографию обыкновенного кабинетного формата, без рамы. Если же окажется впоследствии, что рама нужна, то можно будет потом послать и раму.

Когда я читал «Мещан», то роль Нила казалась мне центральной. Это не мужик, не мастеровой, а новый человек, объинтеллигентившийся рабочий. В пьесе он недописан, как мне кажется, дописать его нетрудно и недолго, и жаль, ужасно жаль, что Горький лишен возможности бывать на репетициях.

Кстати сказать, четвертый акт сделан плохо (кроме конца) и так как Горький лишен возможности бывать на репетициях, то непоправимо плохо.

Крепко жму Вам руку и шлю сердечный привет Вам и Марии Петровне.

Ваш *А. Чехов.*

683

О. Л. КНИППЕР

20 января 1902, Ялта

20 янв.

Какая ты глупая, дуся моя, какая дурёха! Что ты куксишь, о чем? Ты пишешь, что все раздуто и ты полное ничтожество, что твои письма надоели мне, что ты с ужасом чувствуешь, как суживается твоя жизнь и т. д. и т. д. Глупая ты! Я не писал тебе о будущей пьесе не потому, что у меня нет веры в тебя, как ты пишешь, а потому, что нет еще веры в пьесу. Она чуть-чуть забрезжила в мозгу, как самый ранний рассвет, и я еще сам не понимаю, какая она, что из нее выйдет, и меняется она каждый день. Если бы мы увиделись, то я рассказал бы тебе, а писать нельзя, потому что ничего не напишешь, а только наболтаешь разного вздора и потом охладеешь к сюжету. Ты грозишь в своем письме, что никогда не будешь спрашивать меня ни о чем, не будешь ни во что вмешиваться; но за что это, дуся моя? Нет, ты добрая у меня, ты сменишь гнев на милость, когда опять увидишь, как я тебя люблю, как ты близка мне, как я не могу жить без тебя, моей дурочки. Брось хандрить, брось! Засмейся! Мне дозволяется хандрить, ибо я живу в пустыне, я без дела, не вижу людей, бываю болен почти каждую неделю, а ты? Твоя жизнь как-никак все-таки полна.

Получил письмо от Константина Сергеевича. Пишет много и мило. Намекает на то, что пьеса Горького, быть может, не пойдет в этом сезоне. Пишет про Омона, про «mesdames, ne vous décolletez pas trop» *.

Кстати сказать, Горький собирается засесть за новую пьесу, пьесу из жизни ночлежников, хотя я и советую ему подождать этак годик-другой, не спешить. Писатель должен много писать, но не должен спешить. Не так ли, супруга моя?

17 янв., в день своих именин, я был в отвратительном настроении, потому что нездоровилось и потому что

---

* Сударыни, не слишком декольтируйтесь (*франц.*).

то и дело трещал телефон, передавая мне поздравительные телеграммы. Даже ты и Маша не пощадили, прислали телеграмму!

Кстати: когда твой Geburtstag? *

Ты пишешь: не грусти — скоро увидимся. Что сие значит? Увидимся на страстной неделе? Или раньше? Не волнуй меня, моя радость. Ты в декабре писала, что приедешь в январе, взбудоражила меня, взволновала, потом стала писать, что приедешь на страстной неделе,— и я велел своей душе успокоиться, сжался, а теперь ты опять вдруг поднимаешь бурю на Черном море. Зачем?

Смерть Соловцова [1], которому я посвятил своего «Медведя», была неприятнейшим событием в моей провинциальной жизни. Я его знал хорошо. В газетах я читал, что будто он внес поправки в «Иванова», что я, как драматург, слушался его, но это неправда.

Итак, жена моя, славная моя, хорошая, золотая, будь богом хранима, здорова, весела, вспоминай о своем муже хотя по вечерам, когда ложишься спать. Главное — не хандри. Ведь муж у тебя не пьяница, не мотыга, не буян, я совсем немецкий муж по своему поведению; даже хожу в теплых кальсонах...

Обнимаю сто один раз, целую без конца мою жену.

Твой *Ant.*

Ты пишешь: «куда ни ткнусь — все стенки». А ты куда ткнулась?

684

Н. Д. ТЕЛЕШОВУ

20 января 1902, Ялта

20 янв. 1902.

Дорогой Николай Дмитриевич, увы! Увы — и больше ничего. Вы хотите для своей книги [1] что-нибудь из того, что было уже напечатано, но все мое, уже напечатанное, принадлежит Марксу, и по договору я имею право давать свои рассказы, еще не вошедшие в мар-

---

* день рождения (*нем.*).

ксовское издание, только в благотворительные сборники, бесплатно.

Ваше издание — затея прекрасная, интересная, желаю полнейшего успеха и завидую Вам. Только едва ли это хорошо, что книжка будет иметь взболтанный вид, вид сборника, хотя, впрочем, она все-таки хорошо пойдет. Кстати, в «Новом журнале иностранной литературы» печатается теперь гетевский «Фауст» в прозаическом переводе Вейнберга; перевод чудесный! Вот заказали бы Вы тоже буквальные, прозаические переводы, прозаические, но великолепные переводы «Гамлета», «Отелло» и проч. и проч. и издали бы также по 20 к. Вот повидайтесь-ка и поговорите с Вейнбергом!

Желаю Вам всего хорошего, счастливого нового года, успехов. Будьте здоровы!

Ваш *А. Чехов.*

685

О. Л. КНИППЕР

31 января 1902, Ялта

31 янв. 1902.

Здравствуй, милая моя Олюша, как поживаешь? Я поживаю так себе, ибо жить иначе никак невозможно. Ты в восторге от пьесы Л. [1], но ведь эта пьеса дилетантская, написанная торжественным классическим языком, потому что автор не умеет писать просто, из русской жизни. Этот Л., кажется, давно уже пишет, и если порыться, то, пожалуй, можно отыскать у меня его письма. «Осенью» Бунина сделано несвободной, напряженной рукой, во всяком случае купринское «В цирке» гораздо выше [2]. «В цирке» — это свободная, наивная, талантливая вещь, притом написанная, несомненно, знающим человеком. Ну, да бог с ними! Что это мы о литературе заговорили?

Передай Вишневскому квитанцию [3]. Скажи, что деньги давно уже отданы казначею, а за распиской я послал лишь вчера. Кто это поднес ему мои книги?

Толстому вчера было лучше, появилась надежда.

Описание вечера и афиши получены, спасибо, дусик мой. Я много смеялся. Особенно насмешили меня

борцы, штиблеты на Качалове, оркестр под управлением Москвина [4]. Как тебе весело и как у меня здесь тускло!

Ну, будь здорова, радость моя, да хранит тебя бог. Не забывай. Обнимаю тебя и целую.

Твой немец *Ant*.

Скажи Маше, что мать уже ходит, выздоровела; это пишу я 31 янв., после чаю, письмо же к ней писал утром. Все благополучно.

686

М. П. АЛЕКСЕЕВОЙ (ЛИЛИНОЙ)

3 февраля 1902, Ялта

3 февраль 1902 г.

Дорогая Мария Петровна, Вы очень добры, большое Вам спасибо за письмо. К сожалению, я не могу написать Вам ничего интересного, так как у нас в Ялте ничего нет ни нового, ни интересного, живем, как в Чухломе или Васильсурске, старимся, пьем декокт, ходим в валенках... Впрочем, есть одна новость, очень приятная — это выздоровление Льва Толстого. Граф был болен очень серьезно, у него началось воспаление легких, от которого старики такие, как он, обыкновенно не выздоравливают. Дня три мы ждали конца, и вдруг наш старик ожил, стал подавать надежды. В настоящее время, когда я пишу Вам это, надежда достаточно окрепла, и когда Вы будете читать письмо, то Лев Николаевич, вероятно, будет уже здоров.

Что касается Горького, то он чувствует себя недурно, живет бодро, только скучает и собирается засесть за новую пьесу, сюжет которой у него уже есть [1]. Насколько я могу понять, лет через пять он будет писать превосходные пьесы; теперь же он все как будто ищет.

То, что Вы по секрету сообщаете мне в Вашем письме о Константине Сергеевиче и моей супруге, чрезвычайно меня порадовало [2]. Благодарю Вас, я теперь приму меры, постараюсь сегодня же начать хлопоты о разводе. Сегодня же посылаю в консисторию прошение,

причем прилагаю Ваше письмо, и думаю, что к маю я буду уже свободен; а до мая поучу маленько свою супругу. Она меня боится, я ведь с ней попросту — чего моя нога хочет!

Константину Сергеевичу поклон и сердечный привет. Поздравляю Вас и его с новым театром, в успех я верю.

Низко Вам кланяюсь, целую руку и опять кланяюсь.

Искренно преданный *А. Чехов.*

687

П. Ф. ИОРДАНОВУ

6 февраля 1902, Ялта

6 февр. 1902.

Многоуважаемый Павел Федорович, посылаю Вам накладную на книги, которые дня через 2—3 будут уже в Таганроге.

Недавно я читал в газетах, будто Вы получили из Академии художеств бумагу, в которой Вам предлагалось иметь сторожа для музея и проч. и проч. Я не знаю, какие вещи или картины могла бы прислать в Ваш музей академия. Все то, что она в настоящее время прислала бы, для Таганрога не нужно. Картины собираются не сразу, не в один год, а столетиями, и потому, мне кажется, с отказом академии не все потеряно; будут у Таганрога со временем свои знаменитые художники, будут уроженцы, знатоки и любители, которые будут завещать городу картины.

Всю зиму я покашливал да изредка поплевывал кровью, но особенно пожаловаться не на что. Здоровье Толстого вот в каком положении: началась пневмония, сначала одно легкое, потом и другое, три дня ждали смерти, а потом вдруг судьба улыбнулась, старику полегчало, и теперь идет разрешение. Он слаб, лежит, но все же есть надежда. Лечит его московский врач Щуровский, которого я ставлю высоко; лечит еще и другой местный врач, очень порядочный и много знающий [1].

Живет Толстой в Гаспре, в 10 верстах от Ялты; ниже, в Олеизе, живет Горький, находящийся ныне под надзором полиции, под гласным надзором. Для библиотеки, кстати сказать, я сохраню несколько фотографий Толстого, снятых в Гаспре; есть фотографии, где изображены Толстой и я. Есть — Толстой с семьей и проч.

Ну, желаю Вам всего хорошего, будьте здоровы; и семье Вашей желаю главным образом здоровья. Если случится с Толстым что-нибудь особенное, то напишу. Пока же, повторяю, все благополучно.

Ваш *А. Чехов.*

688

Г. И. РОССОЛИМО

6 февраля 1902, Ялта

6 февр. 1902.

Дорогой Григорий Иванович, я послал д-ру Данилову деньги и тоже не получил ответа [1]. Ни слуху ни духу. Вероятно, случилось что-нибудь и, по всей вероятности, недоброе. Нет ли у Вас знакомых в Калуге, например знакомого врача, который мог бы навести справки на месте?

Я живу в Ялте, скучаю здесь, как в бессрочной ссылке, и изредка похварываю. В эту зиму у меня несколько раз было кровохарканье, приходилось лежать, прерывать работу, потом начинать сначала — одним словом, неважно.

Очень был рад получить от Вас хотя деловое письмо. Весной рассчитываю быть в Москве, там у меня хорошая квартира; со Спиридоновки переехал на Неглинный пр., д. Гонецкой.

Крепко жму руку, желаю отличного настроения и здоровья.

Ваш *А. Чехов.*

Если получите ответ от Данилова или о Данилове, то сообщите, пожалуйста.

689

А. Ф. МАРКСУ

8 февраля 1902, Ялта

8 февраля 1902.

Многоуважаемый
Адольф Федорович!

Карту, которую Вы прислали мне, я давно знаю, она у меня уже была [1]. Эта карта для моей книги совсем не годится. Издана она в 1885 г. и уже в 1890 г., когда я был на Сахалине, считалась старою; по крайней мере ею никто не пользовался, и командиры судов плавали по своим собственным картам, которые чертили сами, так как все существовавшие тогда карты (в том числе и присланная теперь Вами) были неудовлетворительны. В моей книге идет речь о небольших районах, северном и южном, и если помещать карту, то не всего Сахалина, а лишь этих небольших приречных равнин. Но в настоящее время жизнь в этих районах уже совсем не та, что была при мне в 1890 г., и карта моя была бы скучна и неинтересна.

Таково мое мнение, которое я считаю своп долгом высказать Вам.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий

А. Чехов.

690

М. П. ЧЕХОВОЙ

8 февраля 1902, Ялта

Милая Маша, сегодня мороз, снег и, вероятно, погибло все, что поверило весне и зацвело. «Новости дня» получаем, благодарим. Здоровье мое недурно, кровохарканья нет, ем, пишу. Ты пишешь, что в театре масса недовольных по поводу перемены; и это понятно, нельзя обижать одних и гладить по головке других, когда нет поводов к тому. Надо было делать пайщиком всякого желающего из тех, кто служит в театре с самого начала.

Мать получила твое письмо. Она здорова вполне, как и я. Куприн женится на m-lle Давыдовой, дочери «Мира божьего» [1]. Женится и приедет в Ялту. Клевер пусть привезет Ольга. Здоровье дедушки неважно[2], Альтшуллер глядит пессимистически. Д-ру Членову скажи, что он человек молодой, что все устроится при настойчивости, не надо только падать духом и хныкать [3]. Ведь ему еще 30 лет! Скажи Ольге, чтобы, когда будет на Кузнецком, взяла у Мюра 1 бутылку чернил, так называемых «антраценовых», и привезла бы с собой. Если же она не будет на Кузнецком, то не нужно, обойдусь. Уж больше месяца, как я не был в городе. Сегодня 8 февраля, а на дворе конец декабря. Будущую зиму не буду сидеть в Ялте, уеду в кругосветное плавание, куда-нибудь очень далеко. Будь здорова, благополучна. Отчего бок болит? Береги себя. Мать кланяется. Целую тебя и кланяюсь низко.

Твой *Antoine*.

691

О. Л. КНИППЕР

9 февраля 1902, Ялта

9 февр.

Оля милая, собака, писал ли я тебе, чтобы ты привезла «Детей Ванюшина»? Возьми у Маши, кстати, прочтешь дорогой. Поезжай на лошадях из Симферополя, найми почтовых с кем-нибудь пополам или приезжай одна, только поскорей приезжай; будет холодно, имей это в виду, окутайся хорошенько, иначе будешь бита.

Снег, холодно, противно.

Вчера сообщили по телефону, что здоровье Толстого совсем хорошо. Был кризис, температура теперь нормальная.

Дуся моя хорошая, обнимаю тебя и целую. Зачем вы играете пьесу Горького на *о*? Что вы делаете?!! Это такая же подлость, как то, что Дарский говорил с еврейским акцентом в Шейлоке [1]. В «Мещанах» все говорят, как мы с тобой.

Скоро же ты приедешь? Я жду, жду, жду... А погода скверная, скверная...

Еще раз целую мою жену немочку, пайщицу.

Твой муж *А. Актрисын*

692

М. А. ЧЛЕНОВУ

13 февраля 1902, Ялта

13 февр. 1902 г.

Дорогой Михаил Александрович, Вы сердитесь? Вы браните меня за то, что ничего не пишу? Право, писать решительно не о чем. Толстой, слава богу, уже выздоровел, воспаление легких кончилось, весна, по-видимому, еще не начинается, интересных людей не видаю и ни нового, ни интересного ничего не слышу.

Будем писать о прошлом. Прежде всего большое, сердечное Вам спасибо за письмо и за хлопоты на съезде[1]. Во время съезда я чувствовал себя принцем, телеграммы поднимали меня на высоту[2], о какой я никогда не мечтал. Только вот одно: зачем, зачем портрет работы Браза?[3] Ведь это плохой, это ужасный портрет, особенно на фотографии. Я снимался весной у Опитца на Петровке, он снял с меня несколько портретов, есть удачные, и во всяком случае лучше бразовского. Ах, если бы Вы знали, как Браз мучил меня, когда писал этот портрет! Писал один портрет 30 дней — не удалось; потом приехал ко мне в Ниццу, стал писать другой, писал и до обеда и после обеда, 30 дней — и вот если я стал пессимистом и пишу мрачные рассказы, то виноват в этом портрет мой.

Напишите мне, что нового в Москве, что происходит, о чем слышно, о чем мечтают. А я Вам буду отвечать, конечно, неинтересными письмами. Разве уж случится землетрясение, ну тогда другое дело, напишу Вам длинное письмо, со всеми подробностями.

Здоровье мое как будто ничего. Кровохарканья нет.

Напишите мне, что Леонид Андреев. Правда ли, что он собирается в Крым...

После пасхи приеду в Москву, хотя бы мне дали миллион. В Москве буду жить весь май.

Крепко жму Вам руку и еще раз благодарю сердечно и, верьте мне, искренно. Пишите, голубчик.

Ваш *А. Чехов.*

693

В. С. МИРОЛЮБОВУ

20 февраля 1902, Ялта

20 февр. 1902.

Дорогой Виктор Сергеевич, простите, что так долго тянул сию музыку. Рассказ [1] давно кончил, но переписывать его было трудновато; все нездоровится... Нездоровится, хоть плюнь.

Корректуру мне непременно пришлите. Я прибавлю еще фразочки две-три в конце.

Цензуре не уступаю ни одного слова, имейте сие в виду. Если цензура выбросит хоть слово, то рассказ возвратите мне, а я пришлю Вам другой в мае.

Ну-с, да хранит Вас царь небесный. Напишите мне письмишко.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

694

А. В. АМФИТЕАТРОВУ

27 февраля 1902, Ялта

27 февраля 1902.

Многоуважаемый Александр Валентинович, я только что узнал, что Вы в Минусинске[1]. Будьте добры, напишите мне в Ялту, не нужно ли Вам чего-нибудь, не могу ли я быть полезен и проч. и проч.

Новостей литературных нет никаких. Л. Н. Толстой выздоравливает, М. Горький здравствует, оба, кажется,

ничего не пишут теперь. Пьеса Горького «Мещане» пойдет в Петербурге, на второй неделе поста. Я кашляю помаленьку.

Итак, буду ждать от Вас письма.

Желаю Вам всего хорошего и крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

695

В. С. МИРОЛЮБОВУ

8 марта 1902, Ялта

8 марта 1902.

Дорогой Виктор Сергеевич, сегодня я получил корректуру [1] и сегодня же хотел прочитать и отправить, но, во-1), Ваш корректор все точки превратил в восклицательные знаки и наставил кавычки там, где им не надлежит быть («Синтаксис»), и, во-2), много пропусков, приходится вставлять (наприм. «Демьян-Змеевидец»). И хочется кое-что вставить — это помимо всего прочего. Стало быть, корректуру получите на другой день после этого письма или в тот же день, если успею кончить к вечеру, к 7 час.

Простите, мой милый, я еще раз прошу: если цензура зачеркнет хоть одно слово, то не печатайте. Я пришлю другой рассказ. И так уж для цензуры я много выкинул и сокращал, когда писал.

Помните сию мою просьбу, прошу Вас.

Теперь Художеств. театр в Петербурге. Как там и что, я не знаю, мне ничего не пишут. Вяло, должно быть? Уныло? Впрочем, ничего не разберешь на этом свете, в том числе и публику.

За телеграмму об академике [2] большое Вам спасибо, голубчик. Дай бог Вам всего хорошего, живите весело и во здравии. Черкните строчки две-три.

Ваш *А. Чехов.*

696

Д. М. РАТГАУЗУ

10 марта 1902, Ялта

10 март 1902 г.

Многоуважаемый Даниил Максимович!

Простите, до сих пор я не ответил на Ваше письмо. Все нездоровилось! Теперь погода в Крыму изменилась, стала прекрасной, а с погодой и здоровье тоже улучшилось. С Вашими стихами я давно уже знаком, у меня уже есть Ваш первый сборник[1], знаю я прекрасно и очень люблю также романс Чайковского «Снова, как прежде, один» — короче, Вы мой уже давний знакомый. Большое, сердечное Вам спасибо за «Песни»[2], я прочел с большим удовольствием. И мне совестно, что на Ваше желание получить от меня теперь фотографическую карточку я должен ответить отказом или почти отказом. У меня теперь нет ни одной карточки, которую можно было бы послать; есть, да нехорошие. В мае я буду в Москве, оттуда и вышлю Вам. Если в мае Вы уже не будете в Киеве, то напишите, куда выслать.

Желаю Вам всего хорошего и еще раз благодарю.

Искренно Вас уважающий *А. Чехов.*

697

В. Г. КОРОЛЕНКО

19 марта 1902, Ялта

19 марта 1902.

Дорогой Владимир Галактионович, всю зиму я ровно ничего не делал, так как хворал. Теперь мне легче, я почти здоров, но что будет дальше — не знаю и потому ничего определенного насчет рассказа в сборник сказать не могу[1]. В июле или в августе сообщу Вам, тогда будет видней. Что же касается «Русского богатства», то я пришлю повесть или рассказ при первой возможности. Этот журнал мне симпатичен, я его люблю и работал бы в нем охотно.

Сегодня я получил письмо от одного ординарного академика [2] такого содержания: «Вчера было особое заседание (вчера — 11 марта) Разряда изящной словесности, опять в Мраморном дворце, посвященное тому же инциденту с Максимом Горьким[3]. Прочли высочайший выговор, изложенный в словах, что государь «глубоко огорчен» выбором и что Министерство народного просвещения предлагает отныне представлять всех кандидатов на усмотрение его и Министерства внутренних дел».

М. Горький, кстати сказать, проживает в настоящее время в Олеизе, сегодня был у меня. Л. Н. Толстой выздоравливает.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку. За письмо, за то, что вспомнили, большое Вам спасибо.

Ваш *А. Чехов.*

698

Н. Д. ТЕЛЕШОВУ

21 марта 1902, Ялта

21 марта 1902 г.

Дорогой Николай Дмитриевич, сегодня я получил Ваше письмо и сегодня же отвечаю. Боюсь, как бы мое поздравление не запоздало[1]. Да, Иван Алексеевич настоящий юбиляр: и писатель в своем роде единственный, и человек очень хороший.

Шлю Вам сердечные пожелания и жму руку. После пасхи буду в Москве — к великому моему удовольствию.

Ваш *А. Чехов.*

699

И. А. БЕЛОУСОВУ

21 марта 1902, Ялта

21 марта 1902 г.

Дорогой Иван Алексеевич, позвольте и мне поздравить Вас[1], крепко-крепко пожать руку и от всей души пожалеть, что меня нет с Вами.

Примите мое сердечное пожелание счастья, успехов, и дай бог Вам дожить (и нам вместе с Вами) до того вечера, когда мы могли бы собраться и отпраздновать сорокалетие Вашей деятельности, тихой, скромной и прекрасной. Крепко жму руку еще раз и обнимаю милого юбиляра.

Ваш *А. Чехов.*

700

О. Л. КНИППЕР

31 марта 1902, Ялта

31 марта.

Милая дуся, сейчас уезжаю к Толстому. Погода чудесная. А тебе надоело в Питере? Скучно? Холодно?

Насчет почетных академиков ничего еще не решено, ничего неизвестно; мне никто ничего не пишет, и я не знаю, как мне поступить. Поговорю сегодня с Львом Николаевичем.

Пьеса Горького имела успех? Молодцы!!

Итак, до свиданья, дуся моя! Если что понадобится, то буду телеграфировать, письмо же это последнее, если не напишу еще завтра.

Я здоров совершенно, зубы кончу пломбировать завтра. В среду начнет писать меня Нилус, художник, друг Бунина.

Итак, жена, до свиданья! Сойдемся — и потом нас не разорвет никакая собака до самого сентября или октября.

Обнимаю тебя, целую миллион раз.

«Дикая утка» осрамилась?

Твой верный муж
Ап.

Сегодня от тебя нет письма.

701

Н. П. КОНДАКОВУ

2 апреля 1902, Ялта

2 апрель 1902 г.

Многоуважаемый и дорогой Никодим Павлович, я не знаю, вернулись ли Вы в Петербург (Вы писали, да и из газет видно, что Вы в Москве), но все же позвольте напомнить Вам о своем существовании. Начну с того, что в Ялте уже настоящая весна, зеленеют деревья, отцветают персики, тепло, актер Сазонов в собственном имении пьет чай не иначе, как на чистом воздухе. Здоровье мое в феврале и в начале марта было плохо, я похудел и много кашлял, теперь же дела мои, очевидно, пошли на поправку, чувствую себя очень хорошо.

Очень бы хотелось повидаться с Вами и поговорить, узнать подробности о последних академических выборах. До сих пор для меня еще многое неясно, по крайней мере я не знаю, что мне делать, оставаться мне в почетных академиках или уходить.

Л. Н. Толстому лучше, это несомненно, болезнь (воспаление легких) миновала, но все же он слаб, очень слаб, только недавно стал сидеть в кресле, а то все лежал. Ходить будет еще не скоро. Я был у него третьего дня, и он показался мне выздоравливающим, но очень старым, почти дряхлым. Много читает, голова ясная, глаза необыкновенно умные. Писать, конечно, нельзя, но все же есть кое-что новое, им написанное;[1] об этом, впрочем, поговорю при свиданье.

А когда мы увидимся? Напишите, пожалуйста. Мне, повторяю, очень хочется поговорить с Вами, и хочется, и очень нужно.

Желаю Вам всего хорошего, низко кланяюсь Вам и Вашей семье. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

702

В. Г. КОРОЛЕНКО

19 апреля 1902, Ялта

19 апреля 1902, Ялта.

Дорогой Владимир Галактионович, жена моя приехала из Петербурга с 39°, совсем слабая, с сильною болью; ходить она не может, с парохода переносили ее на руках... Теперь, кажется, немножко лучше...

Толстому передавать заявление я не стану [1]. Когда я заговорил с ним о Горьком и об академии, то он проговорил: «Я не считаю себя академиком» — и уткнулся в книгу. Горькому один экземпляр передал, письмо Ваше прочел ему. Мне почему-то кажется, что 25 мая собрания в академии не будет, так как в начале мая все академики уже разъедутся. Мне кажется также, что Горького во второй раз не выберут [2], ему накладут черняков. Мне бы ужасно хотелось повидаться с Вами, поговорить. Не приедете ли Вы в Ялту? Здесь я буду до 15 мая. Я бы поехал к Вам в Полтаву, да вот жена расхворалась и пролежит еще, вероятно, недели три. Или увидимся после 15 мая в Москве, на Волге, за границей? Напишите.

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего. Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

Жена кланяется Вам.

703

В. Г. КОРОЛЕНКО

20 апреля 1902, Ялта

20 апреля 1902.

Дорогой Владимир Галактионович, жена моя все еще больна, и я никак не подберу своих мыслей, чтобы написать Вам как следует. Во вчерашнем письме я спрашивал Вас, не увидимся ли мы в апреле или начале

мая. Мне кажется, что нам удобнее действовать сообща, и надо сговориться. Мнение Ваше, изложенное в письме к А. Н. Веселовскому[1], я разделяю вполне, и мне кажется, что на заседании 15 мая, если только оно будет, Вы могли бы сказать слова два-три и от моего имени. Если до 15 мая мы не увидимся, тогда придется списаться.

У моей жены высокая температура, лежит на спине, похудела. О чем Вы говорили с ней в Петербурге? [2] Она горько жалуется, что все позабыла.

Крепко жму руку. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

704

К. Д. БАЛЬМОНТУ

7 мая 1902, Ялта

7/20 мая 1902.

Дорогой Константин Дмитриевич, за Ваше милое письмо да благословят Вас небеса! Я жив, почти здоров, но все еще сижу в Ялте и буду сидеть долго, так как больна моя жена. «Горящие здания» и второй том Кальдерона получил и благодарю Вас безгранично. Вы знаете, я люблю Ваш талант и каждая Ваша книжка доставляет мне немало удовольствия и волнения. Это, быть может, оттого, что я консерватор.

Пьесу в переводе Вашей жены тоже получил, уже давно, и переслал в Художественный театр[1]. Пьеса мне понравилась, она современна, но только излишне деланно сурова; и, пожалуй, ее не пустит цензура.

Я завидую Вам. Живите себе подольше в милом Оксфорде, работайте, утешайтесь и изредка вспоминайте про нас, живущих серо, вяло и скучно.

Будьте здоровы, да хранят Вас херувимы и серафимы. Пишите мне еще, хоть одну строчку.

Ваш *А. Чехов.*

705

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

2 июня 1902, Москва

2 июня 1902.

Милый Алексей Максимович, Ваше письмо получил я в Москве, где живу уже 6-й день. Приехать в Арзамас никак нельзя, ибо жена моя Ольга *очень* больна. Последнюю ночь она мучилась сама, около нее мучились другие; завтра отправляю ее в лечебницу Штрауха, потом во Франценсбад.

Напишите мне, голубчик, еще хоть строчку. Адрес: Москва, Неглинный пр., д. Гонецкой. На днях я виделся с одним господином, который знаком с Плеве и знает его; говорил он, что скоро Вас освободят от надзора. Насколько это верно, судить не берусь, но думаю, что если в Арзамасе есть речка, есть сад, то можно и с надзором помириться.

Екатерине Павловне, Максимке и девочке нижайший поклон и сердечный привет. Крепко жму Вам руку и обнимаю Вас. Вчера был у меня бывший певчий [1], сегодня придет обедать. Он очень хороший человек, очень талантливый и интересный.

Накануне моего отъезда из Ялты был у меня Короленко. Мы совещались и, вероятно, на сих днях будем писать в Петербург, подаем в отставку[2].

Еще раз кланяюсь низко.

Ваш *А. Чехов.*

706

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

11 июня 1902, Москва

11 июня 1902.

Дорогой Алексей Максимович, я сижу в Москве, и неизвестно, как долго я еще буду сидеть здесь. Жена больна, лежит и стонет от боли; она не может сидеть, не говоря уж о ходьбе или езде. Вероятно, на будущей неделе ей будут делать операцию.

Пришлите пьесу[1] по адресу: Москва, Неглинный пр., д. Гонецкой, прочту ее с удовольствием, даже больше чем с удовольствием.

Привет Екатерине Павловне и детям. Я немножко замучился. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

707

О. Л. КНИППЕР

18 июня 1902, по дороге из Н.-Новгорода в Казань

18 июнь 1902.

Милая, хорошая моя жена Оля, в вагоне я спал чудесно всю ночь, теперь (12 час. дня) плыву по Волге[1]. Ветер, прохладно, но очень, очень хорошо. Все время сижу на палубе и гляжу на берега. Солнечно. Морозов везет с собой двух добродушных немцев, старого и молодого; оба по-русски — ни слова, и я поневоле говорю по-немецки. Если вовремя переходить со стороны на сторону, то ветра можно не чувствовать. Итак, настроение у меня хорошее, немецкое, ехать удобно и приятно, кашля гораздо меньше. О тебе не беспокоюсь, так как знаю, уверен, что моя собака здорова, иначе и быть не может.

Вишневскому поклонись и поблагодари его; у него температура немножко высока, он трусит и хандрит — это с непривычки.

Маме * низко кланяюсь и желаю, чтобы ей было у нас покойно, чтобы ее не кусали клопы. Зину приветствую.

Буду писать каждый день, дуся моя. Спи спокойно, вспоминай о муже. Пароход трясет, писать трудно.

Целую и обнимаю жену мою необыкновенную.

Телеграфируй, что сказал Штраух.

Твой *А.*

---

* Т. е. Анне Ивановне. (*Прим. А. П. Чехова.*)

708

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

24 июня 1902, Всеволодо-Вильва

24 июня, Всеволодо-Вильва.

Дорогой Алексей Максимович, я был на сих днях в Перми, потом поплыл выше в Усолье, теперь по железной дороге спускаюсь опять до Перми; пребываю близ станции Всеволодо-Вильва. 2 июля я опять буду в Москве, это непременно; и если Вы уже выслали туда пьесу, то 3-го я уже прочту ее. Если же не выслали, то имейте в виду, что мой московский адрес есть главный адрес впредь до уведомления. Быть может, я буду жить с Ольгой на даче (у Алексеева), но все же сообщение между моей московской квартирой и дачей будет ежедневное .

Ольга была больна нелегко, теперь же, как видите, я отпущен на волю, могу быть покоен. Она поправляется, и есть надежда, что к средине августа будет уже совсем здорова, будет репетировать, как настоящая Книппер.

Художественный театр перебрался на новую квартиру, очень хорошую. Это так называемый Лианозовский театр в Газетном пер. Его переделывают заново и рассказывают чудеса.

Сколько дней я уже не читал газет!

Поклонитесь Екатерине Павловне, Максимке и дочери Вашей милой. Надеюсь, что Вы здоровы и скучаете не очень. Здесь, в Пермской губ., очень жарко, все время пью Apollinaris — вода, которую я нашел в Перми. Итак, пишите мне в Москву.

Крепко жму руку и обнимаю Вас.

Ваш *А. Чехов.*

709

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

25 июня 1902, Усолье

25 июня 1902 г.

Здравствуй, милый Владимир Иванович! Пишу тебе сие черт знает откуда, из северной части Пермской губернии. Если проведешь пальцем по Каме вверх от

Перми, то уткнешься в Усолье, так вот я именно возле этого Усолья.

Из Москвы получаю успокоительные телеграммы. Буду там, т. е. в Москве, 2 июля и, если Ольге можно будет передвигаться, 3-го или 4-го поеду уже на дачу Алексеева.

Жизнь здесь, около Перми, серая, неинтересная, и если изобразить ее в пьесе, то слишком тяжелая. Ну, да об этом при свидании. А пока будь здоров и благополучен, не хандри, пописывай и о нас вспоминай. Надеюсь, что Вишневский телеграфировал тебе аккуратно, как ему и подобает.

Обнимаю тебя и крепко жму руку. Передай поклон Екатерине Николаевне.

Твой *А. Чехов.*

710

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

17 июля 1902, Любимовка

17 июля 1902.

Дорогой Алексей Максимович, я все еще в Москве (или около нее). Хочется знать, как Вы поживаете, от Вас же между тем ни единого письма. Написали ли пьесу? Что поделываете? Как живете вообще? Я живу ничего себе, ловлю рыбу (на реке Клязьме, дача Алексеева), здоров, Ольга же все еще нездорова, все еще никак не соберется с силами.

Если пьеса[1] уже написана, то не пришлете ли Вы мне ее?

Черкните строчку. Адрес прежний: Неглинный пр., д. Гонецкой, Москва. Нижайший поклон и привет Екатерине Павловне, Максимке и девочке.

Жму руку и обнимаю Вас.

Ваш *А. Чехов.*

См. на обороте.

Где Вы будете зимой? В Нижнем, в Крыму? Я, вероятно, уеду за границу. Поеду в Африку или куда-нибудь подальше — например, на Цейлон, если не будет чумы или холеры.

711

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

18 июля 1902, Любимовка

18 июль 1902.

Дорогой Константин Сергеевич, сегодня приезжал в Любимовку доктор Штраух и нашел, что все обстоит благополучно. Он запретил Ольге только одно — езду по плохой мостовой, вообще излишние движения, участие же в репетициях, к великому моему удовольствию, он разрешил ей без всяких оговорок; работать в театре она может начать хоть 10 августа. В Ялту ехать ей запрещено. Я поеду туда один, в августе, в середине сентября возвращусь и поживу потом в Москве до декабря.

В Любимовке мне очень нравится. Апрель и май достались мне недешево, и вот мне сразу привалило, точно в награду за прошлое, так много покоя, здоровья, тепла, удовольствия, что я только руками развожу. И погода хороша, и река хороша, а в доме питаемся и спим, как архиереи. Шлю Вам тысячи благодарностей, прямо из глубины сердца. Давно уже я не проводил так лета. Рыбу ловлю каждый день, по пяти раз на день, ловится недурно (вчера была уха из ершей), и сидеть на берегу так приятно, что и выразить не могу. Одним словом, все очень хорошо. Только вот одно плохо: ленюсь и ничего не делаю. Пьесы еще не начинал, только обдумываю [1]. Начну, вероятно, не раньше конца августа.

Ольга шлет Вам привет, низко кланяется. Вишневский тоже. Поклонитесь и передайте мой привет Марии Петровне и детям. Будьте здоровы и веселы, набирайтесь сил и энергии. Жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Вишневский пополнел.

На адресе я пишу не С., а К. Alexeeff. Этак удобнее.

Ольга живет внизу, я и Вишневский наверху, встаем в 8 часов, ложимся в $10^1/_2$—11 ч., обедаем в 1, ужинаем в 7 час. Егор и Дуняша очень заботливы и радушны. Из соседей чаще всего наведывается Мика (Ваш племянник) и Н. Смирнова, художница, которая пишет с меня портрет.

712

А. М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ)

29 июля 1902, Любимовка

29 июль 1902.

Дорогой Алексей Максимович, пьесу Вашу я прочел[1]. Она нова и несомненно хороша. Второй акт очень хорош, это самый лучший, самый сильный, и я когда читал его, особенно конец, то чуть не подпрыгивал от удовольствия. Настроение мрачное, тяжкое, публика с непривычки будет уходить из театра, и Вы, во всяком случае, можете проститься с репутацией оптимиста. Жена моя будет играть Василису, распутную и злющую бабу, Вишневский ходит по дому и изображает татарина — он уверен, что это его роль. Луку — увы! — Артему нельзя давать, он повторится в ней, будет утомляться; зато городового отделает чудесно, это его роль, сожительница — Самарова. Актер, который очень удался Вам, роль великолепная, ее надо отдать опытному актеру, хотя бы Станиславскому. Барона сыграет Качалов.

Из IV акта Вы увели самых интересных действующих лиц (кроме Актера), и глядите теперь, чтобы чего-нибудь не вышло от этого. Этот акт может показаться скучным и ненужным, особенно если с уходом более сильных и интересных актеров останутся одни только средние. Смерть Актера ужасна; Вы точно в ухо даете зрителю, ни с того ни с сего, не подготовив его. Почему Барон попал в ночлежку, почему он есть Барон — это тоже недостаточно ясно.

Около 10 августа я уезжаю в Ялту (жена остается в Москве), потом, в августе же, возвращусь в Москву и проживу здесь, если не произойдет чего-нибудь особенного, до декабря. Увижу «Мещан», буду на репетициях новой пьесы. Не удастся ли и Вам вырваться из Арзамаса и приехать в Москву хотя бы на неделю? Я слышал, что Вам разрешат поездку в Москву, что за Вас хлопочут. В Москве переделывают Лианозовский театр в Художественный, работа кипит, обещают кон-

чить к 15 октября, но едва ли спектакли начнутся раньше конца ноября и даже декабря. Мне кажется, постройке мешают дожди, неистовые дожди.

Я живу в Любимовке, на даче у Алексеева, и с утра до вечера ужу рыбу. Речка здесь прекрасная, глубокая, рыбы много. И так я обленился, что самому даже противно становится.

Здоровье Ольги поправляется, по-видимому. Она Вам кланяется и шлет привет сердечный. Передайте от меня поклон Екатерине Павловне, Максимке и дщери.

«Мысль» Л. Андреева[2] — это нечто претенциозное, неудобопонятное и, по-видимому, ненужное, но талантливо исполненное. В Андрееве нет простоты, и талант его напоминает пение искусственного соловья. А вот Скиталец воробей, но зато живой, настоящий воробей.

В конце августа мы увидимся как бы то ни было.

Будьте здоровы и благополучны, не скучайте. Был у меня Алексин, говорил о Вас хорошо.

Ваш *А. Чехов.*

О том, что пьесу получили обратно, напишите строчку. Мой адрес: Неглинный пр., д. Гонецкой.

С названием не спешите, успеете придумать.

713

А. Н. ВЕСЕЛОВСКОМУ

25 августа 1902, Ялта

Милостивый государь
Александр Николаевич!

В декабре прошлого года я получил извещение об избрании А. М. Пешкова в почетные академики. А. М. Пешков тогда находился в Крыму, я не замедлил повидаться с ним, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его, затем, немного погодя, в газетах было напечатано, что ввиду привлечения Пешкова к дознанию по 1035 ст. выборы признаются недей-

ствительными. При этом было точно указано, что извещение исходит от Академии наук, а так как я состою почетным академиком, то это извещение исходило и от меня. Я поздравлял сердечно, и я же признал выборы недействительными — такое противоречие не укладывается в моем сознании, примирить с ним свою совесть я не мог. Знакомство же с 1035 ст. ничего не объяснило мне. И после долгого размышления я мог прийти только к одному решению, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, почтительнейше просить Вас ходатайствовать о сложении с меня звания почетного академика.

С чувством глубокого уважения имею честь пребыть Вашим покорнейшим слугою.

Антон Чехов.

25 августа 1902 г.
Ялта.

714

В. М. ЛАВРОВУ

8 сентября 1902, Ялта

8 авг.[1] 1902.

Милый друг Вукол Михайлович, я приехал сюда в августе, чтобы работать, но здесь, как водится, заболел. Начался кашель, слабость, отбило от еды — и так почти целый месяц. А тут еще погода, как назло, отвратительная: ни капли дождя, зной и пыль. Я решил уехать отсюда, что и произойдет, как только буду иметь возможность. Поеду, вероятно, в Nervi (это около Милана), постараюсь, чтобы путь мой лежал через Москву.

Пьесы писать я не буду в этом году. Буду писать рассказы, а как и что — о сем поговорим при свидании в Москве, вероятно, после 25 сентября.

Сегодня стало прохладно, и я почувствовал легкость и кашляю, кажется, меньше.

Будь здоров, поклонись Виктору Александровичу.

Твой *А. Чехов.*

Сестра и Ольга Леонардовна в Москве.

715

Н. Д. ТЕЛЕШОВУ

14 сентября 1902, Ялта

Дорогой Николай Дмитриевич, большое Вам спасибо! Сегодня я получил Вашу «Белую цаплю» и «Книгу рассказов и стихотворений»[1]. Я прочел уже почти все — и многое мне понравилось, многое очаровало. Ваши вещи — прелесть, «В сочельник» и «Песня о слепых» (особенно конец) показались мне необыкновенно хорошими, великолепными, быть может, оттого, что я давно уже не читал беллетристики. Спасибо большое, большущее! Крепко жму руку и прошу не забывать меня в святых молитвах. Поклон и привет завсегдатаям «Сред»[2].

Ваш *А. Чехов.*

14 сент. 1902.

716

О. Л. КНИППЕР

18 сентября 1902, Ялта

18 сент.

Супружница моя славная, у меня целое событие: ночью был дождь. Когда утром сегодня я прошелся по саду, то все уже было сухо и пыльно, но все же был дождь, и я ночью слышал шум. Холода прошли, опять стало жарко. Здоровье мое совершенно поправилось, по крайней мере ем я много, кашляю меньше; сливок не пью, потому что здешние сливки расстраивают желудок и насыщают очень. Одним словом, не беспокойся, все идет если и не очень хорошо, то по крайней мере не хуже обыкновенного.

Сегодня мне грустно, умер Золя. Это так неожиданно и как будто некстати. Как писателя я мало любил его, но зато как человека в последние годы, когда шумело дело Дрейфуса, я оценил его высоко.

Итак, скоро увидимся, клопик мой. Я приеду и буду жить до тех пор, пока не прогонишь. Успею надоесть,

будь покойна. Скажи Найденову, если речь зайдет насчет его пьесы[1], что у него большой талант — что бы там ни было. Я не пишу ему, потому что скоро буду говорить с ним — так скажи.

Морозову я писал то же самое, что написал тебе, т. е. что я выхожу из пайщиков по безденежью, так как не получил долга[2], который рассчитывал получить.

Не хандри, это тебе не к лицу. Будь веселенькой, дусик мой. Целую тебе обе руки, лоб, щеки, плечи, глажу тебя всю, обнимаю и опять целую.

Твой *А.*

Где Котик?

Мать кланяется тебе и все жалуется, что ты ей не пишешь.

717

А. Ф. МАРКСУ

23 октября 1902, Москва

23 октября 1902.

Многоуважаемый

Адольф Федорович!

Я ничего не могу возразить против напечатания, что в «Ниве» 1903 г. будет помещен мой рассказ, так как против сотрудничества в Вашем журнале я решительно ничего не имею и рассказ пришлю непременно, если только не помешает болезнь.

Что касается г. Эттингера, то его «Думы и мысли» составлены совсем по-детски, говорить о них серьезно нельзя. К тому же все эти «мысли и думы» не мои, а моих героев, и если какое-либо действующее лицо в моем рассказе или пьесе говорит, например, что надо убивать или красть, то это вовсе не значит, что г. Эттингер имеет право выдавать меня за проповедника убийства и кражи.

Рукопись г. Эттингера возвращаю. Позвольте пожелать Вам всего хорошего и пребыть искренно уважающим.

А. Чехов.

718

А. И. КУПРИНУ

1 ноября 1902, Москва

1 окт.[1] 1902.

Дорогой Александр Иванович, «На покое» [2] получил и прочел, большое Вам спасибо. Повесть хорошая, прочел я ее в один раз, как и в «В цирке», и получил истинное удовольствие. Вы хотите, чтобы я говорил только о недостатках, и этим ставите меня в затруднительное положение. В этой повести недостатков нет, и если можно не соглашаться, то лишь с особенностями ее некоторыми. Например, героев своих, актеров, Вы трактуете по старинке, как трактовались они уже лет сто всеми, писавшими о них; ничего нового. Во-вторых, в первой главе Вы заняты описанием наружностей — опять-таки по старинке, описанием, без которого можно обойтись. Пять определенно изображенных наружностей утомляют внимание и в конце концов теряют свою ценность. Бритые актеры похожи друг на друга, как ксендзы, и остаются похожими, как бы старательно Вы ни изображали их. В-третьих, грубоватый тон, излишества в изображении пьяных...

Вот и все, что я могу сказать Вам в ответ на Ваш вопрос о недостатках, больше же ничего придумать не могу.

Скажите Вашей жене, чтобы не беспокоилась, все обойдется благополучно. Роды будут продолжаться часов 20, а потом наступит блаженнейшее состояние, когда она будет улыбаться, а Вам будет хотеться плакать от умиления. 20 часов — это обыкновенный maximum для первых родов.

Ну-с, будьте здоровы. Крепко жму руку. У меня так много посетителей, что голова ходит кругом, трудно писать. Художественный театр в самом деле хорош; роскоши особенной нет, но удобно.

Ваш *А. Чехов.*

719

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

6 ноября 1902, Москва

6 ноября 1902.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич, в Ялте я был нездоров и ничего не делал, теперь же тоже почти ничего не делаю, так как с утра до позднего вечера принимаю посетителей. Но, несмотря на нездоровье и хроническое безделье, я все-таки не теряю надежды в скором времени засесть за работу и написать небольшую повесть или рассказ для Вашего журнала. В каком месяце — в декабре или январе произойдет это, я не знаю, но все же могу Вас уверить, писать засяду, если, конечно, буду жив и здоров, и рассказ Вам пришлю. Поэтому, мне кажется, выставить мое имя в анонсах сотрудников на будущий год — можно.

«На дне» — пьеса хорошая; она, как говорят, измарана цензурой, но все-таки пойдет, и скоро начнутся правильные репетиции, к тому же есть надежда, что цензор сменит гнев на милость и кое-что возвратит пьесе. Вчера шла «Власть тьмы» не без успеха. Не ахти какие таланты, но зато в постановке чувствуется много добросовестности и любви к делу.

Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего.

Будьте здоровы.

Преданный *А. Чехов.*

Жена шлет Вам привет и низко кланяется.

720

П. И. КУРКИНУ

4 декабря 1902, Ялта

Дорогой Петр Иванович, спасибо Вам за письмо. Я уже в Ялте, уже скучаю здесь и мерзну. Настроение, впрочем, хорошее. Надеюсь, что Вы скоро увидите «На дне» в Художественном театре и напишите мне, как и что,— об этом убедительно прошу. Рассказ Бунина, о

котором Вы пишете, уже напечатан в 10-м номере «Журнала для всех» [1].

Итак, оставайтесь живы, здоровы и вполне благополучны и не забывайте преданного Вам

А. Чехова.

4 дек. 1902.

А. В. Погожев высылает мне «Промышленность и здоровье».

721

О. Л. КНИППЕР

14 декабря 1902, Ялта

14 декабря.

Дуся моя, замухрыша, собака, дети у тебя будут непременно, так говорят доктора. Нужно только, чтобы ты совсем собралась с силами. У тебя все в целости и исправности, будь покойна, только недостает у тебя мужа, который жил бы с тобою круглый год. Но я так и быть уж, соберусь как-нибудь и поживу с тобой годик неразлучно и безвыездно. И родится у тебя сынок, который будет бить посуду и таскать твоего такса за хвост, а ты будешь глядеть и утешаться.

Вчера я мыл голову и, вероятно, немножко простудился, ибо сегодня не могу работать, голова болит. Вчера впервые пошел в город, скучища там страшная, на улицах одни только рожи, ни одной хорошенькой, ни одной интересно одетой.

Когда сяду за «Вишневый сад», то напишу тебе, собака. Пока сижу за рассказом[1], довольно неинтересным — для меня по крайней мере, надоел.

В Ялте земля покрыта зеленой травкой. Когда нет снега, то приятно смотреть.

Получил от Эфроса письмо. Просит написать, какого я мнения о Некрасове[2]. Это-де нужно для газеты. Противно, а придется написать. Кстати сказать, я очень люблю Некрасова и почему-то ни одному поэту я так охотно не прощаю ошибок, как ему. Так и напишу Эфросу.

Ветрище дует жестокий.

Фомке холодно теперь ехать в Ялту, но, быть может, его можно провезти как-нибудь в вагоне или, быть может, собачье отделение отопляется. Если Маша не возьмет его с собой, то, быть может, возьмет Винокуров-Чигорин, гурзуфский учитель, который сегодня выехал в Москву.

У свиньи, которую ты дала мне, облупилось одно ухо.

Ну, светик, господь с тобой, будь умницей, не хандри, не скучай и почаще вспоминай о своем законном муже. Ведь, в сущности говоря, никто на этом свете не любит тебя так, как я, и, кроме меня, у тебя никого нет. Ты должна помнить об этом и мотать на ус.

Обнимаю тебя и целую тысячу раз.

Твой *А.*

Пиши поподробнее.

722

О. Л. КНИППЕР

17 декабря 1902, Ялта

17 дек.

Актрисуля моя, здравствуй! Последние два письма твоих невеселы: в одном мерлехлюндия, в другом — голова болит. Не надо бы ходить на лекцию Игнатова. Ведь Игнатов бездарный, консервативный человек, хотя и считает себя критиком и либералом. Театр развивает пассивность. Ну, а живопись? А поэзия? Ведь зритель, глядя на картину или читая роман, тоже не может выражать сочувствие или несочувствие тому, что на картине или в книге. «Да здравствует свет и да погибнет тьма!» — это ханжеское лицемерие всех отсталых, не имеющих слуха и бессильных, Баженов — шарлатан, я его давно знаю, Боборыкин обозлен и стар [1].

Если не хочешь ходить в кружок и к Телешовым, то и не ходи, дуся. Телешов милый человек, но по духу он купец и консерватор, с ним скучно; вообще с ними со всеми, имеющими прикосновение к литературе, скучно, за исключением очень немногих. О том, как отстала и

как постарела вся наша московская литература, и старая, и молодая, ты увидишь потом, когда станет тебе ясным отношение всех этих господ к ересям Художественного театра, этак годика через два-три.

Ветрище дует неистовый. Не могу работать! Погода истомила меня, я готов лечь и укусить подушку.

Сломались трубы в водопроводе, воды нет. Починяют. Идет дождь. Холодно. И в комнатах не тепло. Скучаю по тебе неистово. Я уже стал стар, не могу спать один, часто просыпаюсь. Читал в «Пермском крае» рецензию на «Дядю Ваню»:[2] говорится, что Астров очень пьян; вероятно, ходил во всех четырех актах пошатываясь. Скажи Немировичу, что я не отвечаю до сих пор на его телеграмму, так как не придумал еще, какие пьесы ставить в будущем году. По моему мнению, пьесы будут. Три пьесы Метерлинка[3] не мешало бы поставить, как я говорил, с музыкой. Немирович обещал мне писать каждую среду и даже записал это свое обещание, а до сих пор ни одного письма, ни звука.

Если увидишь Л. Андреева, то скажи, чтобы мне в 1903 г. высылали «Курьера». Пожалуйста! И Эфросу скажи насчет «Новостей дня».

Умница моя, голубка, радость, собака, будь здорова и весела, господь с тобой. Обо мне не беспокойся, я здоров и сыт. Обнимаю тебя и целую.

Твой

А.

Буду получать «Гражданин». Получил от А. М. Федорова книжку стихов [4]. Стихи все плохие (или мне так показалось), мелкие, но есть одно, которое мне очень понравилось. Вот оно:

Шарманка за окном на улице поет.
Мое окно открыто. Вечереет.
Туман с полей мне в комнату плывет,
Весны дыханье ласковое веет.
Не знаю, почему дрожит моя рука,
Не знаю, почему в слезах моя щека.
Вот голову склонил я на руки. Глубоко
Взгрустнулось о тебе. А ты... ты так далеко!

723

П. И. КУРКИНУ

24 декабря 1902, Ялта

Дорогой Петр Иванович, Ваше чудесное письмо [1] получил и, простите, распорядился снять с него копию, чтобы послать Алексею Максимовичу. Большое Вам спасибо! Успех этот как нельзя кстати, и теперь наш театр может не беспокоиться и почивать на лаврах по крайней мере до будущего сезона.

С наступающим Новым годом! Желаю здоровья, бодрого настроения, веселой работы. Я вот что-то похварываю уже целую неделю и дурно спал эту ночь от ломоты во всем теле и, вероятно, от жара. Не знаю, что сие: недуг ли мой дает себя знать или что-нибудь случайное. Итак, еще раз большое Вам спасибо. Крепко жму руку и прошу не забывать.

Ваш *А. Чехов.*

А. В. Погожев высылает мне свой журнал [2].
24 дек.

724

С. П. ДЯГИЛЕВУ

30 декабря 1902, Ялта

30 декабря 1902 г.

Многоуважаемый Сергей Павлович!

«Мир искусства» со статьей о «Чайке» [1] я получил, статью прочел — большое Вам спасибо. Когда я кончил эту статью, то мне опять захотелось написать пьесу, что, вероятно, я и сделаю после января.

Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию,

и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались. Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, само по себе, а вся современная культура сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя. Теперешняя культура— это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, может быть, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего бога, т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает. Впрочем, история длинная, всего не напишешь в письме. Когда увидите г. Философова, то, пожалуйста, передайте ему мою глубокую благодарность. Поздравляю Вас с Новым годом, желаю всего хорошего.

Преданный *А. Чехов.*

725

В. С. МИРОЛЮБОВУ

30 декабря 1902, Ялта

Милый Виктор Сергеевич, с Новым годом, с новым счастьем! В «Новом времени» от 24 декабря прочтите фельетон Розанова о Некрасове [1]. Давно, давно уж не читал ничего подобного, ничего такого талантливого, широкого и благодушного, и умного.

«Невесту» скоро пришлю[2]. Будьте счастливы в 1903 г. и здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

726

О. Л. КНИППЕР

9 января 1903, Ялта

9 янв. 1903

Милая собака, сегодня вечером, с разрешения г. доктора, снимаю компресс. Стало быть, выздоровел и больше писать тебе о своем здоровье не буду. То животное, которое так мерзко кричит, о котором ты спрашиваешь в письме, есть птица: сия птица жива, но почему-то в эту зиму она кричит несравненно реже.

Неустсечной записи у меня нет, но это не значит, что ее нет у Маркса[1]. Помнится, что я не подписывал ее, но, быть может, память обманывает меня. У Сергеенко была доверенность. Далее: Грузенберг просит выслать копию с письма моего. О каком письме моем идет речь?

Мне кажется, что если я теперь напишу Марксу, то он согласится возвратить мне мои сочинения в 1904 г., 1-го января, за 75 000. Но ведь мои сочинения уже опошлены «Нивой», как товар, и не стоят этих денег, по крайней мере не будут стоить еще лет десять, пока не сгниют премии «Нивы» за 1903 г.[2]. Увидишься с Горьким, поговори с ним, он согласится. А Грузенбергу я не верю, да и как-то не литературно прицепиться вдруг к ошибке или недосмотру Маркса и, воспользовавшись, повернуть дело «юридически». Да и не надо все-таки забывать, что когда зашла речь о продаже Марксу моих сочинений, то у меня не было гроша медного, я был должен Суворину, издавался при этом премерзко, а главное, собирался умирать и хотел привести свои дела хотя бы в кое-какой порядок. Впрочем, время не ушло и не скоро еще уйдет, нужно обсудить все как следует, а для сего недурно бы повидаться с Пятницким в марте или апреле (когда я буду в Москве), о чем и напиши ему.

Послезавтра Маша уезжает. После нее станет совсем скучно.

Целую мою замухрышку и обнимаю. Давно уже не писал ничего, все похварывал, завтра опять засяду. Получил письмо от Немировича.

Твой *А.*

Я тебя люблю? Как ты думаешь?

727

Е. П. ГОСЛАВСКОМУ

10 января 1903, Ялта

10 янв. 1903.

Дорогой Евгений Петрович, Максим Горький человек добрейший, мягкий, деликатнейший и, во всяком случае, не такой уж мелкий, чтобы сердится на Вас из-за чистейшего пустяка. Это подсказал Вам не Л. Андреев, а Ваша мнительность, уверяю Вас! [1]

С фирмой «Знание» я почти незнаком, или, другими словами, не знаком настолько, чтобы пообещать Вам там что-либо определенное. 1-го марта я буду в Москве, тогда увидимся и вместе повидаем М. Горького и поговорим с ним. Писать же не стану, ибо, повторяю, с делом мало знаком. На днях в Ялте будет И. А. Бунин. Я поговорю с ним, и если он посвятит меня в тайны «Знания», то я тотчас же напишу Горькому или Пятницкому, не медля, и Вас уведомлю. Это непременно.

Если Вы пишете про Вашу книгу «Путем-дорогою» [2], то я получил ее уже давно и давно прочел. Неужели я не написал Вам ничего? Простите, голубчик. У меня то болезни, то поездки, и аккуратность давно уже перестала быть моею добродетелью. Большинство рассказов я читал уже раньше, до книги, и о некоторых, кажется, я уже писал Вам. Если бы я жил теперь в Москве, то устроил бы Вам критику: заставил бы двух-трех прочесть внимательно и написать о Вас. Это давно бы следовало. Люди, пишущие критические статьи, очень заняты, так как приходится им очень много читать; и винить их нельзя.

«Путем-дорогою» издано неважно. Во всяком случае, отдавать «Знанию», чтобы оно переменило обложку и продавало бы, как свое издание, было бы неловко. Для «Знания» гораздо удобнее и легче издать Ваши рассказы вновь, чем принимать к себе чужое издание.

Ваш брат не застал меня. Буду ждать его до вечера; если не придет, то пошлю письмо по почте.

Будьте здоровы и не хмурьтесь, пожалуйста. Все обойдется. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

В начале марта непременно буду в Москве. Конечно, если буду здоров.

728

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

11 января 1903, Ялта

11 янв. 1903.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич, все эти дни я собирался писать Вам, сегодня пришла Ваша телеграмма, и вот, наконец, я сел и пишу [1]. У меня был плеврит, и только вчера сбросил согревающий компресс. С болезнью возился все праздники, ничего не делал, и теперь все, что начал, придется начинать снова и начинать с досадой. Простите меня, без вины виноват перед «Миром божиим». Когда будет рассказ, наверное не могу сказать. Мне нужно кончить рассказ еще для «Журнала для всех» [2], куда я обещал очень давно. Плохим я стал работником, говоря в скобках.

Первую книжку «Мира божьего» мне принесли из женской гимназии, я прочел статью Альбова [3] — с большим удовольствием. Раньше мне не приходилось читать Альбова, хотелось бы знать, кто он такой, начинающий ли писатель или уже видавший виды. Итак, «Мир божий» принесли мне из женской гимназии и обещали доставлять мне каждую книжку; стало быть, если Вы и в этом году будете высылать мне журнал (за что я Вам бесконечно благодарен), то высылайте в Москву по прошлогоднему адресу.

Ваша статья о горьковской пьесе [4] мне очень понравилась. Тон превосходный. Пьесы я не видел, знаю ее совсем мало, но, прочитав Вашу статью, понял, что это превосходная пьеса и что не иметь успеха она не могла.

Завидую Вам, вообще всем, имеющим возможность жить не в Крыму.

Крепко жму руку и еще раз прошу извинить меня, войти в мое положение. Авось в будущем покрою грехи свои. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш *А. Чехов.*

729

О. Л. КНИППЕР

11 января 1903, Ялта

11 янв.

Актрисуля, дуся, сегодня я написал Батюшкову, чтобы высылали тебе в Москву «Мир божий». Я написал ему, что мне «Мир божий» в Ялте не нужен, ибо женская гимназия получает и снабжает меня им. Сегодня уехала Маша, и вот перед обедом задул сильный ветер. Скажи ей, чтобы она написала мне, не качало ли ее. Вообще пусть напишет, как ехала до Москвы.

Когда приеду в Москву, то непременно побываю у Якунчиковой. Она мне нравится, хотя видел я ее очень мало. Дуся, за праздники все у меня переболталось в голове, так как был нездоров и ничего не делал. Теперь приходится опять начинать все сначала. Горе мое гореванское. Ну, да ничего.

Пусть твой муж поболтается еще годика два, а потом он опять засядет и напишет, к ужасу Маркса, томов пятнадцать.

Выписываю из Синопа много цветов, чтобы посадить их в саду. Это от нечего делать и от скуки. Собаки моей нет, надо хоть цветами заниматься.

Сегодня наконец прочел стихотворение Скитальца, то самое, из-за которого закрыт «Курьер» [1]. Про это стихотворение можно сказать только одно, а именно, что оно плохо, а почему его так испугались, никак не пойму. Говорят, что цензора на гауптвахту посадили? За что? Не понимаю. Все, надо полагать, в трусости.

Пусть Маша расскажет тебе, как у нас был с визитом некий Тарнани.

Это уже второе письмо, кажется, я посылаю тебе с кляксами. Прости своего нечистоплотного мужа.

Когда пойдет «Консул Берник»? Хорош ли в Бернике Станиславский? А что моя жена хороша, великолепна, в этом я не сомневаюсь [2]. Из тебя, бабуня, выйдет года через два-три актриса самая настоящая, я тобой уже горжусь и радуюсь за тебя. Благословляю тебя, бабуня, перевертываю несколько раз в воздухе, целую в спину, похлопываю, подбрасываю, ловлю и, крепко сжав в объятиях, целую. Вспоминай своего мужа.

Твой *А.*

730

О. Л. КНИППЕР

20 января 1903, Ялта

20 янв.

У Татариновой воспаление легкого, дусик мой, я возьму у нее фотографию дома, когда выздоровеет, не раньше. Из твоего бумажника, который ты прислала мне, я устроил маленький склад рукописей и заметок; каждый рассказ имеет свое собственное отделение. Это очень удобно.

Что же ты надумала, что скажешь мне насчет Швейцарии? Мне кажется, что можно устроить очень хорошее путешествие. Мы могли бы побывать по пути в Вене, Берлине и проч. и побывать в театрах. А? Как ты полагаешь?

Савина ставит в свой бенефис мой старинный водевиль «Юбилей»[1]. Опять будут говорить, что это новая пьеса, и злорадствовать.

Сегодня солнце, яркий день, но сижу в комнате, ибо Альтшуллер запретил выходить. Температура у меня, кстати сказать, вполне нормальная.

Ты, родная, все пишешь, что совесть тебя мучит, что ты живешь не со мной в Ялте, а в Москве. Ну как же быть, голубчик? Ты рассуди как следует: если бы ты жила со мной в Ялте всю зиму, то жизнь твоя была бы испорчена и я чувствовал бы угрызения совести, что

едва ли было бы лучше. Я ведь знал, что женюсь на актрисе, т. е. когда женился, ясно сознавал, что зимами ты будешь жить в Москве. Ни на одну миллионную я не считаю себя обиженным или обойденным,— напротив, мне кажется, что все идет хорошо, или так, как нужно, и потому, дусик, не смущай меня своими угрызениями. В марте опять заживем и опять не будем чувствовать теперешнего одиночества. Успокойся, родная моя, не волнуйся, а жди и уповай. Уповай, и больше ничего.

В Ялте на базаре угорело четыре мальчика. Пришло приложение к «Ниве» — рассказы мои с портретом [2], а под портретом удивительно дрянно сделанная моя подпись.

Теперь я работаю, буду писать тебе, вероятно, не каждый день. Уж ты извини.

Поедем за границу! Поедем!

Твой супруг *А.*

731

О. Л. КНИППЕР

23 января 1903, Ялта

23 янв.

Актрисуля моя, здравствуй! Получил сегодня письмо от Немировича, пишет о пьесах, какие пойдут, спрашивает про мою пьесу [1]. Что я буду писать свою пьесу, это верно, как дважды два четыре, если только, конечно, буду здоров; но удастся ли она, выйдет ли что-нибудь — не знаю.

Ты хочешь, чтобы Поля ставила мне компресс? Понял?!! Впрочем, теперь я уже не кладу компрессов, обхожусь одними мушками. Температура вчера была нормальна, а сегодня еще не ставил термометра. Теперь сижу и пишу. Не сглазь. Настроение есть, хотелось бы дернуть в трактирчик и кутнуть там, а потом сесть и писать.

Зачем Скиталец женится? Для чего это ему нужно?

Все жду, что ты скажешь насчет Швейцарии. Хорошо бы мы могли там пожить. Я бы кстати пива попил бы. Подумай, дусик мой ненаглядный, и не протестуй очень, буде тебе не хочется ехать. Гурзуфский учитель ничего не рассказывал мне про Москву, а только сидел и кусал свою бороду; быть может, он был огорчен тем, что полопались от мороза бутылки с пивом. Да и я был нездоров, сидел и молча ждал, когда он уйдет.

Твоя свинья с поросятами на спине стоит у меня на столе, кланяется тебе. Славная свинка.

Ах, какая масса сюжетов в моей голове, как хочется писать, но чувствую, чего-то не хватает — в обстановке ли, в здоровье ли. Вышла премия «Нивы» — мои рассказы с портретом, и мне кажется, что это не мои рассказы. Не следовало бы мне в Ялте жить, вот что! Я тут как в Малой Азии.

Чем занимается в Москве преподобный Саша Средин? Как его здоровье, как жена? Видела ли ты в Москве Бальмонта?

Ну, собачка, будь здорова, будь в духе, пиши своему мужу почаще. Благословляю тебя, обнимаю, целую, переворачиваю в воздухе. Скоро ли, наконец, я тебя увижу?

Твой *А.*

732

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

26 января 1903, Ялта

26 янв.

Милый и дорогой Виктор Александрович, здравствуй! В феврале празднуют обедом твой юбилей[1] — так я читал в «Одесских новостях». Если это правда, то, сидя за обедом, вспомни, голубчик, что я есмь твой искренний, преданный друг и таковым останусь до конца дней моих и что я тебя люблю и давно уважаю. Если же узнаю точно, когда твой юбилей и где вы будете обедать, то пришлю телеграмму.

С декабря по сие время я ничего не делаю, у меня был плеврит, не к ночи будь помянут. Теперь уже совсем полегчало, завтра доктор мой выпускает меня даже

в город стричься, а главное, я уж сижу и пишу рассказ для «Журнала для всех» [2]. Как только кончу, тотчас же сяду писать для «Русской мысли»— честное слово! Сюжетов скопилось тьма-тьмущая.

Как здоровье? Черкнул бы одну строчку.

Вуколу земной поклон и привет. Будь здоров, крепко обнимаю тебя и целую.

Твой *А. Чехов.*

733

О. Л. КНИППЕР

26 января 1903, Ялта

26 янв.

Дуся моя, необыкновенная, собака моя милая, значит, ты согласна в Швейцарию, вообще попутешествовать вместе? Великолепно! Мы в Вене проживем дней 5, потом в Берлине побываем, в Дрездене, а потом уже в Швейцарию. В Венеции, вероятно, будет уже очень жарко.

Бумажник твой мне очень понравился и нравится очень, клянусь тебе, но мне не хотелось расставаться со старым, твоим же. Теперь твой бумажник (новый) лежит у меня на столе, и в нем разные заметочки для рассказов. Я пишу и то и дело лезу в бумажник за справкой.

Ваш театр перестал высылать мне репертуар. Имейте сие в виду-с.

А петух в шляпе мне не понравился, потому что он шарлатанское изделие; нельзя в комнате держать таких вещей. Ну, да черт с ним, с петухом.

Погода здесь дивная, завтра я уже выеду в город. От плеврита осталось только чуть-чуть, почти все всосалось.

С Евлалией я знаком, знаю ее. Статьи ее супруга читаю иногда в «Русском слове», но пока они мало интересны[1].

Пишу рассказ для «Журнала для всех» на старинный манер, на манер семидесятых годов. Не знаю, что выйдет. Потом нужно для «Русской мысли», потом для «Мира божьего»... Спасите нас, о неба херувимы!!

Как славно, как бесподобно мы с тобой проедемся! О, если бы ничто не помешало!

Получил от Коммиссаржевской письмо, просит новую пьесу для ее частного театра в Петербурге. Она будет хозяйкой театра[2]. Чудачка, ее ведь только на один месяц хватит, через месяц пропадет всякий интерес к ее театру; а написать ей об этом неловко, да и нельзя; она уже бесповоротно окунулась в свое предприятие. А что написать ей насчет пьесы? Отказать? Поговори *поскорее* с Немировичем и напиши мне, можно ли ей пообещать «Вишневый сад», т. е. будет ли ваш театр играть сию пьесу в Петербурге. Если нет, тогда пообещаю ей.

Значит, мы с тобой поедем? Умница моя, я теперь тебя никогда не брошу. Обнимаю тебя так, что ребрышки все захрустят, целую в обе щеки, в шею, в спину и прошу писать мужу.

Твой *А*.

К вам поехала дочь Татариновой. А ты на масленой не приедешь, не финти. Да и не нужно, радость моя, утомишься только и потом заболеешь. Приезжай на *весь* пост, тогда согласен.

В новом бумажнике я сделал открытие: глубочайший карман, глубиною в пол-аршина, чтоб было, очевидно, куда деньги прятать.

734

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ

27 января 1903, Ялта

27 января 1903 г.

Дорогая Вера Федоровна, большое Вам спасибо за письмо. Не спасибо, а спасибище — вот как! Очень рад, что Вам хорошо. Насчет пьесы скажу следующее: 1) Пьеса задумана, правда, и название ей у меня уже есть («Вишневый сад» — но это пока секрет), и засяду писать ее, вероятно, не позже конца февраля, если, конечно, буду здоров; 2) в этой пьесе центральная роль — старухи! — к великому сожалению автора и 3) если я отдаю пьесу в Художественный театр, то, по существующим в этом театре условиям или правилам, пьеса

поступает в исключительное распоряжение Художественного театра как для Москвы, так и для Петербурга — и ничего тут поделать нельзя. Если в 1904 году Художественный театр не поедет в Петербург (что весьма возможно; в этом году он не поедет?), то и разговоров быть не может; если пьеса подойдет для Вашего театра, то я отдаю Вам ее с удовольствием. Или вот еще что: не написать ли мне *для Вас* пьесу. Не для театра того или другого, а для Вас. Это было моей давней мечтой. Ну, да как бог даст. Если бы мне прежнее здоровье, то я и разговаривать не стал бы, а просто сел бы писать пьесу теперь же. С декабря у меня плеврит, можете себе представить, и только завтра я выйду из дома после долгого заключения.

Как бы ни было, в Москву я написал, просил выслать мне точную справку, будет ли Художественный театр в Петербурге. Через 8—10 дней я получу ответ и тогда напишу Вам.

Вы видели мою жену, а я увижу ее только весной. То она больна, то я в отъезде, и так у нас ничего не выходит по-настоящему.

Вы пишете: «...иду с той верой, которая, если разобьется, убьет во мне. .» и т д. Совершенно справедливо. Вы правы, только, ради создателя, не ставьте этого в зависимость от нового театра. Вы ведь артистка, а это то же самое, что хороший моряк: на каком бы пароходе, на казенном или частном, он ни плавал, он всюду — при всех обстоятельствах — останется хорошим моряком.

Еще раз большое Вам спасибо за письмо. Низко Вам кланяюсь и крепко, крепко жму и целую Вашу руку.

Ваш *А. Чехов.*

735

О. Л. КНИППЕР

1 и 2 февраля 1903, Ялта

1 февр.

Бабуся моя, если хочешь прислать конфект, то пришли не абрикосовских, а от Флея или Трамбле — и только шоколадных. Пришли также 10, а если возьмут, то и 20 селедок, которые купи у Белова. Видишь, дуся

моя, сколько я закатываю поручений! Бедная моя, хорошая жена, не тяготись таким мужем, потерпи, летом тебе будет награда за все.

Да, дуся, «В тумане» очень хорошая вещь, автор сделал громадный шаг вперед; только конец, где распарывают живот, сделан холодно, без искренности[1]. Званцева будет принята, будь покойна, я ее даже обедать позову. Погода ужаснейшая: сильный, ревущий ветер, метель, деревья гнутся. Я ничего, здоров. Пишу. Хотя и медленно, но все же пишу.

Дусик мой, зайди к Гетлингу, в аптекарский магазин и возьми у него 1 унц Bismuthi subnitrici и пришли мне вместе с прочим товаром, если будет оказия. У Гетлинга же возьми коробочку самых мелких деревянных зубочисток за пятачок, в коробочке-плетушечке. Поняла? Одеколон есть, духи есть, мыло тоже есть. Если будет оказия в самом деле, то (вспомнил!) возьми у того же Гетлинга capsulae operculatae —глотать в этих капсулах креозот, № 2, английские, одну коробочку.

Продолжаю писать на другой день Снегу навалено пропасть, как в Москве. Письма от тебя нет. Поймалась мышь. Сейчас сажусь писать, буду продолжать рассказ, но писать, вероятно, буду плохо, вяло, так как ветер продолжается и в доме нестерпимо скучно.

А когда поедем в Швейцарию, то я ничего с собою не возьму, ни единого пиджака, все куплю за границей. Одну только жену возьму с собой да пустой чемодан. Читал о себе в «Петербургских ведомостях» фельетон Батюшкова: довольно плохо-с. Точно ученик VI класса, подающий надежды, писал[2]. «Мир искусства», где пишут новые люди, производит тоже совсем наивное впечатление, точно сердитые гимназисты пишут.

Ну, собака, не забывайся. Помни, что ты моя жена и что я могу тебя каждый день через полицию вытребовать. Могу даже наказывать тебя телесно.

Обнимаю тебя так крепко, что ты даже запищала, целую мою дусю и умоляю писать мне. Понравились ли Ксении и Маше «Мещане»? Что они говорят?

Я остригся, и мне странно это.

Ну, актрисуля, господь с тобой.

Твой *А.*

736

М. Ф. ПОБЕДИМСКОЙ

5 февраля 1903, Ялта

5 февр. 1903

Милостивая государыня Марианна Федоровна!

Ваше мнение насчет Елены Андреевны совершенно справедливо[1]. Только вот мне кажется, что это письмо Вы получите после 9-го февраля[2]. Ваше письмо, посланное 30 января, я получил только сегодня. Быть может, Елена Андреевна и кажется не способной ни мыслить, ни даже любить, но когда я писал «Дядю Ваню», я имел в виду совершенно другое.

Желаю Вам всего хорошего.

Уважающий Вас *А. Чехов*

737

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

5 февраля 1903, Ялта

5 февр. 1903.

Дорогой Константин Сергеевич, вчера я получил орден «Чайки» [1], большое, безграничное Вам спасибо. Я уже прицепил к цепочке, ношу и буду носить эту милую, изящную вещицу и буду вспоминать Вас.

Я был нездоров, теперь ожил, здоровье мое поправилось, и если я в настоящее время работаю не так, как следует, то виноваты в этом холод (в кабинете всего 11 градусов), безлюдье и, вероятно, лень, которая родилась в 1859 году, т. е. на год раньше меня. Но все же после 20-го февраля рассчитываю засесть за пьесу и к 20 марта кончу ее. В голове она у меня уже готова. Называется «Вишневый сад», четыре акта, в первом акте в окна видны цветущие вишни, сплошной белый сад. И дамы в белых платьях. Одним словом, Вишневский хохотать будет много — и, конечно, неизвестно от какой причины.

Идет снег. Марии Петровне низко кланяюсь и крепко жму и целую ей руку. Она играет, это очень хорошо; значит, все обстоит благополучно.

Будьте здоровы, веселы, благополучны и не забывайте сердечно преданного Вам

А. Чехова.

738

А. И. КУПРИНУ

7 февраля 1903, Ялта

Дорогой Александр Иванович, в «Словаре русского языка», издаваемого Академией наук, в шестом выпуске второго тома, который (т. е. выпуск) я сегодня получил, наконец показались и Вы. Так, на странице 1868 Вы найдете слово «зарокотать», а возле него — «Один за другим, в разных местах длинной колонны глухо зарокотали барабаны. Куприн. Ночлег».

И еще после слова «зарябиться» (стр. 1906): «На воду тотчас же легло... пятно, в средине которого зарябилось яркое отражение огня. Куприн, Булавин».

И еще есть одно место, только я забыл страницу.

Я поздоровел, плеврит уже прошел, но в комнате моей холодно (на дворе мороз), а это противно. Пишу помаленьку. Надеюсь, что у Вас все благополучно, что жена Ваша и младенец пребывают в добром здоровье. Крепко жму Вам руку.

Ваш *А. Чехов.*

7 февр. 1903.

Ваша Лидия уже улыбается?

739

Н. Д. ТЕЛЕШОВУ

7 февраля 1903, Ялта

Дорогой Николай Дмитриевич, в «Словаре русского языка», изд. Академией наук, в шестом выпуске второго тома, мною сегодня полученном, показались и Вы.

Так, на странице 1626 после слова «западáть»: «Из глаз полились холодные слезы и крупными каплями западали на усталую грудь. Телешов. Фантастические наброски». Вот еще на стр. 1814 после слова «запушить»: «Повозки снова тронулись в путь по запушенной свежим снегом дороге. Телешов. На тройках». И еще на стр. 1849 после слова «зарево»: «Множество свечек горит перед образом, отливаясь ярким заревом на облачении попа. Телешов. Именины». Стало быть, с точки зрения составителей словаря, Вы писатель образцовый, таковым и останетесь теперь на веки вечные.

Ну, как поживаете? Что у Вас нового? Мое здоровье стало лучше, теперь уже пописываю. Здесь мороз. Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего. «Словарь русского языка» содержит в себе все русские слова, доведен до буквы З. Будьте здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

7 февр. 1903. Ялта.

740

О. Л. КНИППЕР

9 февраля 1903, Ялта

9 февр.

Актрисуля милая, стихи Чюминой, быть может, и хороши, но... «один порыв сплошной»! Разве в стихи годятся такие паршивые слова, как «сплошной»? Надо же ведь и вкус иметь [1]. В Швецию я не поеду, так как хочу пробыть хоть два месяца только с тобой. Если хочешь, поедем, но только вдвоем. Арбенина я знаю, это длинный, высокий и неудачный актер, переделыватель романов и передовых статей в пьесы; жена его[2], брюнеточка, с маленьким лобиком, лет 20 назад познакомилась со мной в Одессе, где я вертелся около труппы Малого театра, игравшего тогда в Одессе, и обедал с беднейшими, мало получавшими актрисами, прогуливал их — но не соблазнил ни единой души и не пытался. Еще что? Ты пишешь, что вышлешь мятные лепешки с Коссович, но ведь я уже получил эти лепешки.

Мороза нет, но погода все еще скверная. Я никак не согреюсь. Пробовал писать в спальне, но ничего не выходит: спине жарко от печи, а груди и рукам холодно. В этой ссылке, я чувствую, и характер мой испортился и весь я испортился.

Бальмонта я люблю, но не могу понять, отчего Маша пришла в восторг. От его лекции?[3] Но ведь он читает очень смешно, с ломаньем, а главное — его трудно бывает понять. Его может понять и оценить только М. Г. Средина, да, пожалуй, еще г-жа Бальмонт. Он хорошо и выразительно говорит, только когда бывает выпивши. Читает оригинально, это правда.

Лекция Батюшкова есть у меня. О ней я, кажется, уже писал тебе, писал, что она мне не очень понравилась. В ней нет почти ничего. Прости, моя родная, я озяб и потому так строг, должно быть. Но когда согреюсь, я буду милостивее.

От Марии Петровны получил милое письмо, завтра буду писать ей. Все забываю написать тебе: у нас во дворе прижились два щенка-дворняжки, целую ночь был лай, заливчатый, радостный. После долгих моих просьб и наставлений Арсений забрал их в мешок и отнес в чужой двор; больше не возвращались.

О чем еще написать тебе? Завтра едут Ярцевы в Москву, расскажут тебе про здешнюю жизнь и будут умолять отыскать им место в театре. Ну, будь здорова, родная. Увози меня поскорей. Целую тебя и обнимаю, светик мой.

Твой *А.*

741

В. С. МИРОЛЮБОВУ

9 февраля 1903, Ялта

Милый Виктор Сергеевич, «Невесту» пишу, рассчитываю кончить к 20 февраля, или раньше, или немного позже — смотря по тому, как здравие и проч. и проч. Как бы ни было, будьте покойны, пришлю. Только вот одно; как бы моей «Невесте» не досталось от гг. женихов, блюдущих чистоту Вашего журнала!

Приедете ли Вы весной в Ялту? Ждать ли Вас? Теперь мороз, вот уже третий или четвертый день. Л. Средин был очень болен, собирался умирать, но теперь ожил и, вероятно, будет жить еще долго, так как все, кроме легких, у него здорово, а легочный процесс не идет дальше. А Вы не волнуйтесь, бог милостив, после зимы, даже очень суровой, всегда бывает весна. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

742

М. П. АЛЕКСЕЕВОЙ (ЛИЛИНОЙ)

11 февраля 1903, Ялта

11 февр. 1903.

Милая Мария Петровна, большое Вам спасибо за письмо, за то, что вспомнили иеромонаха Антония. Прочитав Ваше письмо, я, конечно, прежде всего сел и написал поздравительное приветствие Александру Леонидовичу, пожелав ему счастливейшего брака. Пусть женится!

Я был нездоров, теперь выздоровел; сегодня, впрочем, опять что-то и покашливаю и полениваюсь. Пьесы писать еще не начал, начну после 20 февраля, опять-таки в полной надежде, что в этой пьесе непременно будете играть *Вы*. Не знаю, какая она у меня будет, удастся ли — это еще вопрос, но, какая бы она ни была, на сцену я ее не дам, если Вы откажетесь играть. Имейте это в виду, не губите автора. Денег у меня теперь почти совсем нет, и если Вы откажетесь играть, то я, как говорится, совсем пропал. Я Вам скандал устрою! Осенью я еще подумал, что Вы больны, а теперь ясно, что Вы здоровы совершенно и играть можете, стало быть, и разговоров быть не может! Весной пьеса моя будет готова, я привезу ее.

Что я могу написать Вам о себе? Только, пожалуй, одно: живу по-монашески. После отвратительной погоды сегодня выдался было теплый, тихий денек, а сейчас опять свистит ветер, в трубе шум неистовый! Вы, конечно, знаете, что я женат на артистке Художествен-

ного театра, но с женой я не живу, она меня бросила. Детей у меня нет, и живу я здесь один.

Как бы ни перебирали «Ревизора», «Горе от ума», «Месяц в деревне» и проч., а все-таки в конце концов придется поставить и эти пьесы. И мне кажется, что «Ревизор» прошел бы у Вас замечательно [1]. И «Женитьба» тоже. Во всяком случае, иметь в репертуаре эти пьесы далеко не лишнее. Мне почему-то начинает казаться, что года через 3—4 новые пьесы уже надоедят и публика захочет вообще не нового, а литературного репертуара. Быть может, я и ошибаюсь.

Мне хочется быть в Москве уже в начале марта, но доктор не пускает меня и, вероятно, не пустит до апреля. Только Вы пока не говорите об этом Ольге; быть может, мне и удастся приехать.

Сердечный привет и нижайший поклон Константину Сергеевичу и Вашим детям. Да хранят Вас ангелы небесные! Будьте здоровы и играйте возможно больше — умоляю!!

Ваш *А. Чехов.*

743

О. Л. КНИППЕР

11 февраля 1903, Ялта

11 февр.

Жена моя бесподобная, я согласен! Если доктора разрешат, то наймем дом под Москвой, но только с печами и мебелью. Все равно я здесь, в Ялте, редко бываю на воздухе. Ну, да об этом скоро поговорим, дусик мой, обстоятельно.

Ты писала, что выслала мне статью Батюшкова;[1] я не получил. А ты читала статью С. А. Толстой насчет Андреева?[2] Я читал, и меня в жар бросало, до такой степени нелепость этой статьи резала мне глаза. Даже невероятно. Если бы ты написала что-нибудь подобное, то я бы посадил тебя на хлеб и на воду и колотил бы тебя целую неделю. Теперь кто нагло задерет морду и обнахальничает до крайности — это г. Буренин, которого она расхвалила.

Сегодня нет от тебя письма. Ты обленилась и стала забывать своего мужа. Милый мой дусик, насчет N не волнуйся очень, она дама не культурная, а он из инородцев, им извинительно. Была б пьеса, были бы сборы, а остальное все, в сущности, вздор. И Мария Петровна напрасно подзуживает, настраивает своего супруга на минорный тон.

У меня начинает побаливать тело; должно быть, время подошло касторочку принимать. Ты пишешь, что завидуешь моему характеру. Должен сказать тебе, что от природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч. и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает. В прежнее время я выделывал черт знает что. Ведь у меня дедушка, по убеждениям, был ярый крепостник [3].

На миндале уже побелели почки, скоро зацветет в саду. Сегодня теплая погода, я выходил в сад погулять.

Без тебя, родная, скучно! Чувствую себя одиноким балбесом, сижу подолгу неподвижно и недостает только, чтобы я длинную трубку курил. Пьесу начну писать 21 февраля. Ты будешь играть глупенькую. А вот кто будет играть старуху-мать? Кто? Придется Марию Федоровну просить.

Сейчас пришел Анатолий Средин, принес чашку, шоколад, анчоусы, галстук. Спасибо, родная, спасибо! Целую тебя тысячу раз, обнимаю миллион раз.

Знаешь, мне кажется, что письмо С. А. Толстой не настоящее, а поддельное. Это кто-нибудь забавы ради подделал руку. Ну, радость моя, будь покойна и здорова.

Твой *А.*

744

А. А. АНДРЕЕВОЙ

14 февраля 1903, Ялта

14 февр. 1903. Ялта.

Многоуважаемая Александра Алексеевна, просто, как говорится, ума не приложу, не знаю, решительно не знаю, что я могу послать Вам[1]. В настоящее время я кон-

чаю один небольшой рассказ, но, хотя он и небольшой, на чтение его потребовалось бы по крайней мере час, а то и более. Дать же из этого рассказа отрывок тоже никак нельзя, так как ни одна часть рассказа, прочитанная особняком, ни в каком смысле удовлетворить ни читателя, ни слушателя не может[2]. А в запасе у меня нет ни одной строки, если, впрочем, не считать одного очень небольшого рассказа, давно уже написанного и для публичного чтения совершенно неудобного — по цензурным условиям[3].

Письма покойного А. И. Урусова я разыщу у себя непременно и в великом посту дам их сестре своей Марии Павловне, чтобы она привезла Вам их, или пришлю по почте[4].

Жена писала мне, что К. Д. Бальмонт в настоящее время в Москве. Будьте добры, передайте ему от меня привет самый дружеский и низкий поклон.

Простите за то, что отказываю Вам; это против моей воли. Если бы у меня был рассказ или хотя половина, четверть рассказа, удобного для прочтения, то я тотчас бы послал Вам. Верьте мне, пожалуйста.

Искренно преданный *А. Чехов.*

745

О. Л. КНИППЕР

17 февраля 1903, Ялта

17.

Дуся, зачем ты прислала мне почтовую повестку? Надо было просто написать или сказать почтальону мой адрес, вот и все. Оную повестку получи при сем и тотчас же прикажи опустить в почтовый ящик, не наклеивая никаких марок и не кладя в конверт. Поняла?

Почему ты так радуешься, что тебе удается роль добродетельной?[1] Ведь добродетельных играют только бездарные и злые актрисы. Вот тебе, скушай комплимент. Уж лучше тех ролей, что я написал для тебя («Чайка», например), у тебя едва ли найдется. Не го-

ворю, что роль написана хорошо, но она играется тобою великолепно. А позвать Коммиссаржевскую для «Чайки» [2]— это было бы совсем недурно.

Я здоров. Больше ничего не имею сообщить о своей особе.

Ну, целую мою бабулю. Будь здорова, вспоминай иногда о муже.

Твой *А.*

746

И. Н. ПОТАПЕНКО

26 февраля 1903, Ялта

26 февр. 1903.

Здравствуй, милый мой Игнациус, наконец-то мы опять беседуем! Да, ты не ошибся, я в Ялте, и проживу здесь, вероятно, до 10—15 апреля, потом поеду в Москву, оттуда за границу. Если случится, что тебе будет неизвестно, где я, то адресуй письмо в Москву, Художественный театр; оттуда мне перешлют.

Теперь насчет журнала[1]. Во-первых, ты не писал, в чем должны будут заключаться мои обязанности как издателя; о деньгах ты пишешь, что они не нужны, жить в Петербурге я не могу, и, стало быть, ни участвовать в деле, ни влиять на него я буду не в состоянии; и это тем более что всю будущую зиму я проживу за границей. Во-вторых, в издательском деле я никаких конституций не признаю; во главе журнала должно стоять одно лицо, один хозяин, с одной определенной волей. В-третьих, Мамин-Сибиряк и Вас. Немирович-Данченко талантливые писатели и превосходные люди, но в редакторы они не годятся. В-четвертых, в сотрудники к тебе я всегда пойду, об этом не может быть и разговоров.

До 1904 года времени еще много, мы можем еще списаться, столковаться, и ты, быть может, убедишь меня, что я ошибаюсь.

Здравием похвалиться не могу. Всю зиму прохворал; был кашель, был плеврит, а теперь как будто бы и

ничего. Даже писать сел и рассказ написал[2]. Как ты поживаешь? Похудел? Пополнел? Я всегда вспоминаю о тебе с теплым, хорошим чувством. Мои все здравствуют, особенных перемен нет никаких. Впрочем, я женился. Но в мои годы это как-то даже незаметно, точно лысина на голове.

Жму тебе крепко руку и обнимаю.

Твой *А. Чехов.*

747

А. И. СУМБАТОВУ (ЮЖИНУ)

26 февраля 1903, Ялта

26 февр. 1903.

Милый Александр Иванович, большое спасибо тебе за письмо. Я согласен с тобой, о Горьком судить трудно, приходится разбираться в массе того, что пишется и говорится о нем. Пьесы его «На дне» я не видел и плохо знаком с ней, но уж таких рассказов, как, например, «Мой спутник» или «Челкаш», для меня достаточно, чтобы считать его писателем далеко не маленьким. «Фому Гордеева» и «Трое» читать нельзя, это плохие вещи, и «Мещане», по-моему, работа гимназическая, но ведь заслуга Горького не в том, что он понравился, а в том, что он первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве, и заговорил именно как раз в то время, когда общество было подготовлено к этому протесту. И с христианской, и с экономической, и с какой хочешь точки зрения мещанство большое зло, оно, как плотина на реке, всегда служило только для застоя, и вот босяки, хотя и не изящны, хотя и пьяны, но все же надежное средство, по крайней мере оказалось таковым, и плотина если и не прорвана, то дала сильную и опасную течь. Не знаю, понятно ли я выражаюсь. По-моему, будет время, когда произведения Горького забудут, но он сам едва ли будет забыт даже через тысячу лет. Так я думаю, или так мне кажется, а быть может, я и ошибаюсь.

В Москве ли ты теперь? Не уехал ли в Ниццу и Монте-Карло? Я частенько вспоминаю наши с тобой

юные годы, когда мы с тобой сидели рядом, играли в рулетку. И Потапенко тоже. Кстати сказать, сегодня получил от Потапенки письмо, хочет чудак журнал издавать.

Крепко жму тебе руку, будь здоров и благополучен.

Твой *А. Чехов.*

748

В. С. МИРОЛЮБОВУ

27 февраля 1903, Ялта

27 февр. 1903.

Милый Виктор Сергеевич, на два дня надул Вас: кончил не 25[1], как писал, а только вечером 27-го. Ну, да не беда. А здоровье уж не то, не могу писать по-прежнему, утомляюсь скоро. Корректуру пришлите, ибо надо исправить и сделать конец. Концы я всегда в корректуре делаю.

Будьте здоровехоньки. Буду поджидать Вас.

Ваш *А. Чехов.*

749

И. А. БЕЛОУСОВУ

15 марта 1903, Ялта

15 марта 1903.

Дорогой Иван Алексеевич, если Вы пишете о книжке «Искренние песни», то я давно уже получил ее и прочел. Большое Вам спасибо! Спасибо и за книжку и за то, что вспомнили. Вы знаете, как сердечно я относился и отношусь к Вам и к Вашему дарованию, и потому можете судить, какое удовольствие всякий раз доставляют мне Ваши новые книги.

Кстати скажу, кроме «Искренних песен», у меня имеется еще четыре Ваших книги, а именно: 1) «Малыши», 2) «Из песен о труде», 3) «На воле» и 4) «Кобзарь»[1].

Всего, стало быть, пять.

Шлю Вам сердечный привет, крепко жму руку, будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

730

И. И. ГОРБУНОВУ-ПОСАДОВУ

19 марта 1903, Ялта

19 марта 1903 г.

Дорогой Иван Иванович, большое Вам спасибо за письмо, за то, что вспомнили. Вот что я могу ответить насчет рассказа, о котором Вы спрашиваете: у меня есть рассказ «Враги», где доктор, у которого ребенок умирает от дифтерита, уезжает к больной по настоятельному требованию мужа этой больной, потом же оказывается, что жена бежала от мужа с любовником. Другого рассказа вроде того, о котором Вы спрашиваете, кажется, нет у меня.

Я всю зиму, по обыкновению, хворал, к обычной моей болезни присоединился еще плеврит, теперь же к весне я поправился, чувствую себя недурно и работаю даже. Последнюю треть апреля и май рассчитываю провести в Москве. Вот если бы мне удалось повидаться с Вами, то я был бы чрезвычайно рад и доволен, скажу Вам это, нисколько не преувеличивая. В моих московских воспоминаниях Вы занимаете светленькое местечко, и я нередко вспоминаю Вас.

Если Вы в самом деле пришлете мне книжки, каких у меня еще нет, то скажу Вам большое спасибо. У меня нет: Боборыкина «Труп», «Нирвана», Фулье, Шпир, Штейерт, Барыкова. Сборник стихотворений, «Натан Мудрый» пер. П. Вейнберга, Рескин и библия, «О доверии к себе», «Хлебный огород» Е. Попова.

Видите, как много. Выберите из сей кучи трех-четырех и пришлите. Я теперь читаю много, так как работаю вообще мало.

Весною поеду в Петербург, буду видеться с Марксом, поговорю с ним о том, чтобы разрешить «Посреднику» издавать мои мелкие вещи. Он ведь уже нажился, будет с него.

Спасибо за книжки, календарь у меня уже есть, но не беда, полученный экземпляр отдам матери, она будет очень довольна.

Крепко жму руку и желаю здоровья, покоя и вообще хорошего. Не забывайте

Вашего *А. Чехова.*

Мой московский адрес: Петровка, д. Коровина. Как бы ни было, в конце апреля уже буду в Москве.

751

В. А. ГИЛЯРОВСКОМУ

23 марта 1903, Ялта

Милый дядя Гиляй, твои «Люди четвертого измерения»[1] великолепны, я читал и все время смеялся. Молодец дядя!

После 20 апреля буду в Москве. Крепко жму твою ручищу.

Твой *А. Чехов.*

23 марта 1903 г.

752

О. Л. КНИППЕР

23 марта 1903, Ялта

23 марта.

Милая моя бабуля, ты сердишься на меня из-за адреса, все уверяешь, что писала, да будто еще несколько раз. Погоди, я привезу тебе твои письма, ты сама увидишь, а пока замолчим, не будем уже говорить об адресе, я успокоился. Затем ты пишешь, что я опять спрашиваю насчет тургеневских пьес и что ты уже писала мне и что я забываю содержание твоих писем. Ничуть не забываю, дуся, я перечитываю их по нескольку раз, а беда в том, что между моим письмом и твоим ответом проходит всякий раз не менее десяти дней. Тургеневские пьесы я прочел почти все. «Месяц в деревне», я уже писал тебе, мне не понравился, но «Нахлебник», который пойдет у вас, ничего себе, сделано недурно, и если Артем не будет тянуть и не покажется однообразным, то пьеса сойдет недурно[1]. «Провинциалку» придется посократить. Правда? Роли хороши.

Всю зиму не было у меня геморроя, а сегодня я настоящий титулярный советник. Погода дивная. Все в цвету, тепло, тихо, но дождей нет, побаиваюсь за растения. Ты пишешь, что ровно трое суток будешь держать меня в объятиях. А как же обедать или чай пить?

От Немировича получил письмо; спасибо ему большое. Не пишу ему, потому что недавно послал письмо.

Ну, будь здорова, дворняжка. Про Горького я уже писал тебе: он был у меня, и я у него был. Здоровье его недурно. Рассказ «Невеста» прислать не могу, ибо у меня нет; скоро прочтешь в «Журнале для всех». Такие рассказы я уже писал, писал много раз, так что нового ничего не вычитаешь.

Можно тебя перевернуть вверх ногами, потом встряхнуть, потом обнять и укусить за ушко? Можно, дусик? Пиши, а то назову мерзавкой.

Твой *А.*

753

О. Л. КНИППЕР

24 марта 1903, Ялта

24 марта.

Родная моя, не забудь увидеть в Петербурге Модеста Чайковского и попросить его от моего имени, чтобы он возвратил мне письма Петра Чайковского, которые взял у меня для своей книги[1] (Жизнь П. И. Ч.). Если же Модеста Чайковского нет в Петербурге, то узнай у Карабчевского или у кого-либо из литераторов, где он и нельзя ли добыть его адрес, если он за границей. Поняла? Если поняла, то, значит, ты умная у меня.

«Где тонко, там и рвется» написано в те времена, когда на лучших писателях было еще сильно заметно влияние Байрона и Лермонтова с его Печориным;[2] Горский ведь тот же Печорин. Жидковатый и пошловатый, но все же Печорин. А пьеса может пройти неинтересно; немножко длинна и интересна только как памятник былых времен. Хотя я и ошибаюсь, что весьма возможно. Ведь как пессимистически отнесся летом я к «На дне», а какой успех! Не судья я.

Скоро, скоро мы увидимся, старушка моя милая, бесценная. Я буду тебя обнимать и ласкать, буду с тобой ходить по Петровке.

Кричу тебе «ура» и остаюсь навеки твой заброшенный, полинявший и тусклый муж.

А.

В «Мире искусства» тебя хвалят[3], Книпуша. Я послал тебе сегодня номер, в котором хвалят. Горжусь, дуся моя, горжусь!

754

О. Л. КНИППЕР

15 апреля 1903, Ялта

15 апреля.

Дуся моя бесподобная, балбесик мой, ты напрасно сердишься на меня за молчание; во-первых, ты сама писала мне, что выезжаешь из Москвы в начале страстной недели, во-вторых, я пишу тебе частенько. Да и к чему писать, если скоро, скоро увидимся, если скоро я буду щипать тебя за спину и прочее тому подобное. Билет уже заказан, выезжаю я 22-го, в Москве буду 24. Как приеду, так и в баню. Простыни тебе привезу.

Зачем вы играете в одну дудку с «Новым временем», зачем проваливаете «На дне»? [1] Ой, не складно все это. Поездка ваша в Петербург мне очень не нравится. Писать для вашего театра не очень хочется — главным образом по той причине, что у вас нет старухи. Станут навязывать тебе старушечью роль, между тем для тебя есть другая роль, да и ты уже играла старую даму в «Чайке».

Ну-с, вчера был небольшой дождь. У нас хорошая весна, только прохладно и скучно.

В Ялте умер доктор Богданович. Знала ли ты его?

Ехать в Одессу — в Киев — это мысль хорошая. И я с вами буду ездить на гастроли. В Одессе сборы будут колоссальные, в Киеве же будет приятно пожить и встретить там весну.

Почему не ставите «Мещан»? Ведь они нравятся в Петербурге.

Я напишу тебе еще одно письмо, пришлю еще телеграмму, а затем — до скорейшего свидания. Я смугл, как араб. В саду у нас хорошо, я целый день сижу там и загорел адски. Видела Модеста Чайковского? Видела Суворина? Бывает ли Миша в театре? Впрочем, на сии вопросы ответишь мне уже в Москве, моя верная супруга.

Целую тебя в мордусю, хлопаю по спине.

Твой *Черномордик.*

755

В. В. СМИДОВИЧУ (ВЕРЕСАЕВУ)

5 июня 1903, Наро-Фоминское

5 июня.

Дорогой Викентий Викентиевич, я немножко запаздываю; Ваше письмо с карточкой долго искало меня, пока наконец не прибыло на дачу. Мой адрес: Наро-Фоминское, Москов. губ.

Большое Вам спасибо! Ваша книжка теперь для меня очень кстати, так как читать мне нечего [1]. Читаю Вас и детскую хронику С. Аксакова; и чувствую себя прекрасно.

Был я у проф. Остроумова. Он нашел у меня, кроме сильно попорченного правого легкого, эмфизему, плеврит и проч. и проч., запретил жить зимою в Ялте и приказал жить под Москвою на даче. И я теперь не знаю, кого мне слушать и что делать. Жена ищет теперь дачу для зимы.

Кое-что поделываю. Рассказ «Невесту» искромсал и переделал в корректуре [2].

Спасибо Вам еще раз. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

Фотографию свою посылаю, книг же у меня пока нет, погодите до осени. Если пришлете мне недостающие томы в Наро-Фоминское, то будет чудесно.

Я читал на днях книжки Юшкевича и Гусева-Оренбургского[3]. По-моему, Юшкевич и умен и талантлив, из него может выйти большой толк, только местами и очень часто он производит впечатление точно перевод с иностранного; таких писателей, как он, у нас еще не было. Гусев будет пожиже, но тоже талантлив, хотя и наскучает скоро своим пьяным дьяконом. У него почти в каждом рассказе по пьяному дьякону.

756

П. А. СЕРГЕЕНКО

11 июня 1903, Наро-Фоминское

11 июня 1903 г.

Милый Петр Алексеевич, твое письмо, которое пошло и в Москву, и в Нару, и в Нарву, наконец сделало свое дело, на которое ты, конечно, рассчитывал, то есть порадовало меня весьма. Начать редакторство «Русской мысли» так удачно, как ты того хочешь,— это счастье, о котором я не мечтал, да и не смею мечтать, о чем пишу тебе вполне искренно. Конечно, хорошо бы навести справки, поразузнать, но как это сделать? К кому обратиться? Если к самому Льву Николаевичу, то как ему написать? Напиши, голубчик, мне две-три строчки, буду ждать с нетерпением[1].

Адрес: Наро-Фоминское, Москов. губ. А я здесь с недельку похворал, теперь как будто ничего. Погода хорошая.

Жду скорейшего ответа, имей это в виду.

Твой *А. Чехов.*

757

В. С. МИРОЛЮБОВУ

12 июня 1903, Наро-Фоминское

12 июня 1903.

Дорогой Виктор Сергеевич, сегодня послал Вам заказною бандеролью рассказ. Простите, делать мне нечего, и вот на досуге я увлекся и почеркал весь рассказ [1].

Знаете ли Вы, где я живу теперь? Я под Москвой на даче, по Брянской дор., мой почтовый адрес: Наро-Фоминское, Москов. губ. За границу я не поехал, Остроумов оставил меня здесь на все лето и на всю зиму.

Я, кажется, писал Вам, что буду жить в Новом Иерусалиме (Воскресенск). Это так предполагалось. Если я писал и Вы послали мне туда письмо, то завтра я получу всю корреспонденцию, так как сегодня еду в Воскресенск. 16 июня опять буду дома.

Напишите, что у Вас нового и как Вы вообще поживаете. Читаю «Семейную хронику» С. Аксакова. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

758

А. Н. ПОПОВОЙ

17 июня 1903, Наро-Фоминское

17 июня 1903.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Увы! — Владимир Владимирович совершенно прав. В «Новом времени» в восьмидесятых годах у меня был напечатан рассказ с таким концом, как он рассказывал Вам. Впоследствии, когда я читал корректуру, мне этот конец очень не понравился (теперь уже я не помню подробностей), показался не в меру холодным и суровым, я бросил рассказ; а потом выбросил конец, прибавил вместо этого конца строчки две-три, и получилось то, что Вы находите по идее диаметрально противоположным [1]. Конечно, как я теперь сознаю, этот рассказ мне вовсе не следовало печатать в книге, и почему я напечатал, как это вышло,— теперь я не помню, так как это было уже давно. Желаю Вам всего хорошего.

Искренно преданный

А. Чехов.

Наро-Фоминское, Моск. губ.

759

С. Н. РАБИНОВИЧУ (ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМУ)

19 июня 1903, Наро-Фоминское

19 июня 1903 г.

Многоуважаемый Соломон Наумович!

Я теперь вообще не пишу или пишу очень мало, так что обещания дать могу только условно: напишу рассказ с удовольствием, если не помешает болезнь. Что касается моих уже напечатанных рассказов, то они в полном Вашем распоряжении, и перевод их на еврейский язык и напечатание в сборнике в пользу пострадавших в Кишиневе евреев не доставит мне ничего, кроме сердечного удовольствия [1].

С искренним уважением и преданностью

А. Чехов.

Письмо Ваше я получил вчера, 18 июня.

Наро-Фоминское, Москов. губ.

760

А. С. СУВОРИНУ

29 июня 1903, Москва

29 июня.

Присланные Вами сочинения Ежова получил, большое Вам спасибо. Предыдущие томы того же Ежова я по прочтении сдавал в Ваш московский магазин для передачи Вам, что сделаю и с этим томом. У Ежова тон однообразен, становится в конце концов скучновато, точно читаешь энциклопедический словарь, и будет так, пока не придет к нему на помощь беллетристика [1].

6-го июля я уезжаю в Ялту, где пробуду, вероятно, до сентября. В Ялте необыкновенная погода, ежедневно идут дожди, сестра в восторге. Письмо Горького насчет Кишинева, конечно, симпатично, как и все, что он пишет, но оно не написано, а сделано, в нем нет ни молодости, ни толстовской уверенности, и оно недостаточно коротко [2].

В моих книгах издания Маркса, во всех девяти томах много рассказов, которых Вы не читали. В десятом томе Сахалин; выйдет скоро и одиннадцатый с рассказами, написанными мной за последние годы. Маркс, когда покупал у меня сочинения, и не думал, что у меня так много рассказов; потом он выражал мне свое удивление.

Рассчитывал он, вероятно, тома на три, на четыре.

Кланяюсь Вам и желаю всего хорошего. Здоровье мое пока ничего себе, даже превосходно. Чувствую себя неважно, только когда поднимаюсь на гору или на лестницу.

Мой адрес: Ялта.

Кланяюсь Анне Ивановне, шлю ей привет.

Ваш *А. Чехов.*

761

А. С. СУВОРИНУ

1 июля 1903, Наро-Фоминское

1 июля 1903.

Вы читаете теперь беллетристику, так вот почитайте кстати рассказы Вересаева. Начните со второго тома, с небольшого рассказа «Лизар». Мне кажется, что Вы останетесь очень довольны. Вересаев врач, я познакомился с ним недавно; производит он очень хорошее впечатление.

Ежова оставлю в магазине, проездом через Москву. Следующий том, если найдете возможным, пришлите в Ялту[1].

Я купаюсь в реке.

Нового ничего нет, все благополучно. Будьте здоровы, желаю всяких благ.

Ваш *А. Чехов.*

С. П. ДЯГИЛЕВУ

12 июля 1903, Ялта

12 июля 1903 г.

Многоуважаемый Сергей Павлович, я немного запаздываю ответом на Ваше письмо, так как получил его не в Наро-Фоминском, а в Ялте, куда приехал на этих днях и где пробуду, вероятно, до осени. Я долго думал, прочитав Ваше письмо, и, как ни заманчиво Ваше предложение, или приглашение, все же я должен в конце концов ответить Вам не так, как хотелось бы и мне и Вам.

Быть редактором «Мира искусства» я не могу[1], так как жить в Петербурге мне нельзя, а журнал не переедет для меня в Москву, редактирование же по почте и по телеграфу невозможно и иметь во мне только номинального редактора для журнала нет никакого расчета. Это во-первых. Во-вторых, как картину пишет только один художник и речь говорит только один оратор, так и журнал редактируется только одним человеком. Конечно, я не критик и, пожалуй, критический отдел редактировал бы неважно, но с другой стороны, как бы это я ужился под одной крышей с Д. С. Мережковским, который верует определенно, верует учительски, в то время как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего. Я уважаю Д. С. и ценю его и как человека и как литературного деятеля, но ведь воз-то мы если и повезем, то в разные стороны. Как бы ни было — ошибочно мое отношение к делу или нет, я всегда думал и теперь так уверен, что редактор должен быть один, только один, и что «Мир искусства», в частности, должны редактировать только Вы одни. Таково мое мнение, и мне кажется, что я не изменю его.

Не сердитесь на меня, дорогой Сергей Павлович; мне кажется, что Вы, если бы проредактировали журнал еще лет пять, то согласились бы со мною. В журнале, как в картине или поэме, должно быть одно лицо и должна чувствоваться одна воля. Это и было до сих

пор в «Мире искусства», и это было хорошо. И надо бы держаться этого.

Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку. В Ялте прохладно или по крайней мере не жарко, я торжествую.

Низко Вам кланяюсь.

Ваш *А. Чехов.*

763

В. Г. КОРОЛЕНКО

15 июля 1903, Ялта

Дорогой, любимый товарищ, превосходный человек, сегодня с особенным чувством вспоминаю Вас. Я обязан Вам многим. Большое спасибо[1].

Чехов.

764

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

28 июля 1903, Ялта

28 июля 1903.

Дорогой Константин Сергеевич, очень и очень жаль, что Вы не приехали в Ялту теперь же; здесь погода небывало хорошая, очаровательная, лучше и не может быть. Все лето здесь был дождь, и теперь не жарко, не пыльно, все покрыто зеленью.

Пьеса моя не готова, подвигается туговато, что объясняю я и леностью, и чудесной погодой, и трудностью сюжета[1]. Когда будет готова пьеса или перед тем, как она будет готова, я напишу Вам или лучше буду телеграфировать. Ваша роль[2], кажется, вышла ничего себе, хотя, впрочем, судить не берусь, ибо в пьесах вообще, при чтении их, понимаю весьма мало.

Ольга здорова, каждый день купается; хлопочет обо мне. Сестра тоже здорова, обе благодарят за поклон и кланяются. Вчера я видел инженера-писателя Михайловского-Гарина, который будет строить крымскую дорогу;[3] он говорит, что будет писать пьесу.

Я здоров. Передайте мой поклон и привет Марии Петровне и детям, а также Елизавете Васильевне. Крепко жму руку, желаю здоровья и всего самого лучшего.

Ваш *А. Чехов.*

Пьесы своей я читать Вам не буду, ибо не умею читать; я только дам Вам прочесть — конечно, если она будет готова.

765

Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ

28 июля 1903, Ялта

28 июля 1903.

Дорогой Борис Александрович, «Повести и рассказы» получил, большое Вам спасибо за книгу [1]. Я прочел ее всю и могу теперь сказать, что Вы сделали громадный шаг вперед и что Вы молодец. Рассказы однотонные, трудно сказать, какой из них лучше, но если долго выбирать, как выбирают, например, папу (римского), то я остановился бы на «Докторе». Книга издана хорошо. Язык местами изыскан, местами провинциален: «Офицеры ревновали друг друга», между тем офицеры могут ревновать женщину друг к другу[2]. Что еще? Пока все. Книгу прочел я с удовольствием. Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку и еще раз благодарю.

Ваш *А. Чехов.*

766

К. Д. БАЛЬМОНТУ

5 августа 1903, Ялта

5 авг. 1903.

Дорогой Константин Дмитриевич, я веду жизнь сытого, праздного, скучающего бродяги, теперь я в Ялте, и вот почему «Гимн к Солнцу»[1] шел до меня ровно десять дней. Мне кажется, это одно из самых красивых Ваших стихотворений, но все же не миновать ему Виктора Александровича. Я состою редактором пока лишь in

spe *, рукописей не читаю и начну читать их и определять их судьбу, вероятно, не раньше будущего года[2]. Говорят, что в конце августа Вы приедете в Ялту; если так, то скоро мы увидимся и потолкуем; и я все объясню Вам.

«Гимн к Солнцу» в настоящее время находится в Москве, послал я его туда при письме.

«Будем как Солнце» я получил[3], прочел и давал читать другим; не поблагодарил же я Вас своевременно потому, во-первых, что не знал Вашего адреса, и, во-вторых, потому, что полагал, что книгу прислали мне не Вы (обычного автографа нет на ней), а кто-нибудь из знакомых.

Ну, да это ничего, поблагодарить никогда не поздно, и я низко кланяюсь Вам три раза.

Вы спрашиваете, буду ли я в сентябре в Москве. Отвечаю Вам: буду.

Крепко жму руку.

Аутский мещанин *А. Чехов.*

Ялта, Аутка.

767

Л. А. СУЛЕРЖИЦКОМУ

16 августа 1903, Ялта

Дорогой Лев Антонович, сегодня, 16 авг., получил Ваше письмо, посланное 23 июля. Дело в том, что я не в Москве, а у себя в Ялте, и все, что про меня печатают, есть не иное, как пустая сказка. Пришлите мне в Ялту Вашу статью[1], я прочту и тогда скажу, что Вам с нею, со статьей, делать — печатать ли в журнале или издавать отдельно. Быть может, напечатаем в «Русском богатстве», отослав Вашу статью Короленке.

Поздравляю Вас с младенцем. Стало быть, Вы теперь уже папаша.

Часто вспоминаем и говорим о Вас, чаще, чем Вы думаете. Осенью, с первого октября по январь, буду жить в Москве, где, надо полагать, увидимся. Вы бы

---

* в проекте (*лат.*).

подали прошение, чтобы Ваше дело поскорее рассмотрели и поскорее бы Вас отпустили[2]. Жена и сестра здравствуют, Художеств. театр все тот же. Мое здравие ничего себе, а зимою было плоховато. Ну, да хранит Вас господь, крепко жму руку и низко кланяюсь. Буду писать скоро еще раз.

Ваш *А. Чехов.*

Пишите подробнее.

768

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

18 августа 1903, Ялта

Дорогой Виктор Александрович, из присланного и ныне мною возвращаемого заслуживает внимания одна только повесть «В чем причина?» [1]. Это хорошая вещь и может быть напечатана, только необходимо совсем переделать конец. Скажи или напиши автору, что сцена в вагоне-ресторане груба и фальшива, что первая глава не нужна и что конец длинен и не нужен. Пусть автор разрешит произвести сокращения и кое-какие поправки по мелочам. Повесть, повторяю, хороша, а местами даже очень хороша.

Если автор разрешит поправки, то пришли мне повесть опять. Скажи ему, что название повести пусть придумает попроще.

Будь здоров.

Твой *А. Чехов.*

18 авг.

769

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

22 августа 1903, Ялта

22 авг.

Милый Владимир Иванович, пьеса Найденова хороша [1], только нужно, чтобы главное действующее лицо —Купоросов был переделан в человека хорошего, ясного, более определенного, чтобы обстановка была поскромнее, без телефона и прочей пошлости (обстановка в пьесе возбуждает ожидания, которые не сбы-

ваются) и чтобы герои — Теплов и учительница — в конце IV акта не говорили о деньгах и не писали писем. В обстановке скромной, не кричащей, не режущей глаз и ушей, в покойных, очень покойных, скромных тонах пьеса может пройти с большим успехом. Вот тебе краткое мнение о пьесе.

Ну-с, что касается моей собственной пьесы «Вишневый сад», то пока все обстоит благополучно. Я помаленьку работаю. Если немножко и опоздаю, то беда не велика, обстановочную часть в пьесе я свел до минимума, декораций никаких особенных не потребуется и пороха выдумывать не придется. Пока здоровье мое превосходно, лучше и не надо, так что работать могу.

Председатель комитета министров — это больше почетная должность, которую занимают обыкновенно министры, уже кончившие свою карьеру (Бунге, Дурново). О диктаторстве, про которое ты пишешь, мне кажется, не может быть и речи [2].

В Москве предполагаю жить и зимою. Приеду к ноябрю. Буду рад посмотреть «На дне», которого я еще не видел, и «Юлия Цезаря», которого предвкушаю. Во втором акте своей пьесы реку я заменил старой часовней и колодцем. Этак покойнее. Только во втором акте вы дадите мне настоящее зеленое поле и дорогу, и необычайную для сцены даль.

Ну, да хранит тебя создатель. Я прочитал письмо Ольги и повторяю: я за пьесу Найденова. Только, конечно, нужно кое-что переделать. Кое-что, не более.

Будь здоров и весел. Обнимаю тебя.

Твой *А. Чехов.*

770

С. А. АЛЕКСЕЕВУ (НАЙДЕНОВУ)

29 августа 1903, Ялта

29 авг. 1903 г.

Дорогой Сергей Александрович, большое Вам спасибо за то, что вспомнили и прислали пьесу. Не отвечал Вам так долго по той причине, что занят теперь, сам

пишу пьесу, и что недавно писал свое мнение о «Деньгах» одному лицу [1]. По-моему, пьеса превосходная, люди в ней живые, она коротка и грациозна, только я бы изменил название, взял бы что-нибудь попроще, взял бы поскромнее обстановку, без телефона, без этого шика, который заставляет читателя и зрителя ждать чего-то особенного; я бы из Купоросова сделал только хорошего человека, заведомо хорошего, чтобы жаль его было (когда он, например, в костюме Фауста), я изменил бы ему фамилию, сильнее влюбил бы его в хорошего человека — учительницу, избавил бы сию учительницу от необходимости говорить в конце пьесы о деньгах, писать письмо... Конец у Вас со швейцаром очень хорош. Кокоточки хорошо сделаны. Жена и тесть героя закончены. Служащих в конторе и артельщиков надо бы, мне кажется, сделать подобрее. От злодеев на сцене всегда ждешь чего-нибудь крупного, иначе они не удовлетворяют.

Вы пишете, что торопитесь с пьесами. Для чего торопиться? Если Вы будете писать по одной пьесе в пять лет, то и этого вполне достаточно.

Вашу пьесу без Вашего разрешения прочли у меня все в доме — и сестра, и жена, между прочим, и обеим очень понравилось.

Я буду в Москве в ноябре.

Лучший акт, по-моему, у Вас второй и затем четвертый. Во втором акте чуточку надо тронуть героя, чтобы он вырос перед зрителем как художник; больше бы смелости.

Напишите мне, что я должен сделать с экземпляром пьесы, который Вы прислали мне. У себя оставить или послать куда.

Пришлите мне, буде это возможно, «№ 13» и «Блудного сына» [2]. Если нельзя, то подожду до ноября, когда, надеюсь, увидимся.

Крепко жму Вам руку. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

771

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

2 сентября 1903, Ялта

2 сент. 1903.

Милый Владимир Иванович, спасибо тебе за письмо. Очень жаль, что мы расходимся насчет пьесы Найденова [1], есть сходство с «Одинокими» во II акте, нескладен Купоросов, но ведь это и не так важно. Важно, чтобы была пьеса и чтобы в ней чувствовался автор. В нынешних пьесах, которые приходится читать, автора нет, точно все они изготовляются на одной и той же фабрике, одною машиною, в найденовских же пьесах автор есть.

Если ты, как пишешь, уйдешь в Малый театр [2], то не обрадуешься. Ведь ты отвык уже и от Рыбакова и от Лешковской, и как бы они ни играли, тебе все будет казаться нескладным и угловатым. Нет, уж держись своего театра.

Моя пьеса (если я буду продолжать работать так же, как работал до сегодня) будет окончена скоро, будь покоен. Трудно, очень трудно было писать второй акт, но, кажется, вышел ничего. Пьесу назову комедией.

Здоровье мое ничего себе, не жалуюсь. Мечтаю о зиме, которую рассчитываю прожить в Москве.

Будь здоров и благополучен. В моей пьесе роль матери возьмет Ольга, а кто будет играть дочку 17—18 лет, девочку, молодую и тоненькую, не берусь решать. Ну, да там видно будет.

Кланяюсь низко и обнимаю тебя.

Твой *А. Чехов.*

772

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

3 сентября 1903, Ялта

Дорогой Виктор Александрович, из присланного тобою и ныне мною возвращаемого заслуживает внимания только рассказ Крашенинникова [1]. Рассказ сей, по-моему, чуточку сократить, кое-где пошлифовать язык и, благословясь, печатать.

Осенью приеду в Москву. Рассказ напишу, погоди немножко. Будь здоров, и да охраняют тебя добрые духи (не духи́, а ду́хи). Из Крашенинникова, если он еще молод, может выработаться хороший писатель.

Твой *А. Чехов.*

3 сент.
Ялта.

773

М. А. ЧЛЕНОВУ

13 сентября 1903, Ялта

Дорогой Михаил Александрович, это правда, лето провел я очень хорошо, был здоров и работал понемножку; но неделю тому назад я заболел и вот теперь кисну, ничего не делаю и стараюсь спрятаться от холода, который стал одолевать Ялту чуть ли не с начала сентября.

Пьесу я почти кончил[1], надо бы переписывать, мешает недуг, а диктовать не могу.

За письмо большое Вам спасибо. Я рассчитывал приехать в октябре и рассчитывал жить в Москве всю зиму — это по совету Остроумова.

Мне хотелось бы поговорить с Вами о Мечникове. Это большой человек. Оправдываются ли надежды на прививку?

Ну, крепко жму Вам руку и желаю полного успеха. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

13 сент. 1903 г.

774

М. П. АЛЕКСЕЕВОЙ (ЛИЛИНОЙ)

15 сентября 1903, Ялта

15 сентября 1903 г.

Дорогая Мария Петровна, не верьте никому, пьесы моей не читала еще ни одна живая душа; для Вас я написал не «ханжу», а очень милую девицу[1], которой Вы, как я надеюсь, останетесь довольны. Пьесу я почти

окончил, но дней 8—10 назад я заболел, стал кашлять, ослабел, одним словом, началась прошлогодняя история. Теперь, т. е. сегодня, стало тепло и здоровье как будто стало лучше, но все же писать не могу, так как болит голова. Ольга не привезет пьесы, я пришлю все четыре акта, как только будет возможность засесть опять на целый день. Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс, и я боюсь, как бы мне не досталось от Владимира Ивановича. У Константина Сергеевича большая роль [2]. Вообще же ролей немного.

К началу приехать не могу, буду сидеть в Ялте до ноября. Ольга, пополневшая, окрепшая за лето, приедет в Москву, вероятно, в воскресенье. Я останусь один и, конечно, не премину этим воспользоваться. Мне, как пишущему, необходимо наблюдать возможно больше женщин, необходимо изучать их, и потому, к сожалению, верным мужем быть я не могу. Так как я наблюдаю женщин главным образом для пьес, то Художественный театр, по моему мнению, должен был бы прибавить моей жене жалованья или назначить ей пенсию.

В Вашем письме Вы не сообщили адреса, посылаю письмо в Камергерский переулок. Вероятно, Вы бываете на репетициях и потому получите его скоро. За то, что Вы вспомнили, написали мне письмо, я Вам благодарен бесконечно. Игорю и Кире шлю низкий поклон и благодарю их за память, только напрасно Кира радуется St. Bernard'у, это собака добрая, но неудобная и совершенно бесполезная. То ли дело мой друг Цыган. На днях я тоже завел себе дворнягу́, необыкновенно глупую.

Когда увидите Вишневского, то скажите ему, чтобы он постарался похудеть,— это нужно для моей пьесы [3]. А затем будьте здоровы, счастливы, веселы, пусть Вам все удается. Пожелайте, чтобы я поскорее выздоровел и занялся делом. Константину Сергеевичу и всем Вашим товарищам и товаркам низкий поклон.

Ваш *А. Чехов.*

Целую Вам ручку.

775

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

18 сентября 1903, Ялта

Прости, милый Виктор Александрович, я задержал рассказ [1] — это потому, что мне нездоровится вот уже дней десять. Стало холодновато, подуло осенью, ну и здравие мое тоже стало настраиваться на осенний лад. Кашляю, ослабел и, по обыкновению своему, страдаю расстройством кишечника.

Посылаемый рассказ можно бы и еще больше исправить, да неудобно он написан, с узкими промежутками между строками и без полей.

Ольга будет в Москве в это воскресенье. Маша поживет здесь до октября.

Будь здоров, жму руку.

Твой *А. Чехов.*

18 сентября 1903.

776

О. Л. КНИППЕР

27 сентября 1903, Ялта

27 сент.

Дусик мой, лошадка, я уже телеграфировал тебе, что пьеса кончена, что написаны все четыре акта. Я уже переписываю. Люди у меня вышли живые, это правда, но какова сама по себе пьеса, не знаю. Вот пришлю, ты прочтешь и узнаешь.

Вчера были Михайловский и Панов. Первый много рассказывал, я с удовольствием слушал, второй помалкивал. Потом приезжал Костя. Он хотя и не согласен с чем-то, но, по-видимому, доволен. Михайловский очень мне его расхваливал.

А третьего дня приехал неожиданно твой необыкновенный друг, рыжеусый Шапошников. Сегодня он был опять, обедал и после обеда уехал с Машей в Су-Уксу, к Соловьевой. Скучен он донельзя, до того, что, слушая его, хочется высунуть язык.

Если бы ты, лошадка, догадалась прислать мне телеграмму после первого представления «Юлия Цезаря»! [1] «Вишневый сад» я пишу на той бумаге, которую

мне дал Немирович; и золотыми перьями, полученными от него же. Не знаю, будут ли от этого какие перемены.

Ах, бедный Володя, зачем он слушает своих родственников! Певца из него не выйдет, а адвокат, хороший и усердный, уже выходил из него. И почему вас так пугает карьера адвоката? Разве порядочным адвокатом хуже быть, чем петь в театре тенорком в течение десяти лет, по 4500 р. в год, а потом уходить в отставку? Очевидно, вы понятия не имеете о том, что значит присяжный поверенный, адвокат.

На море качает, но погода хорошая. Панов уже уехал. Он и Михайловский будут на первом представлении «Вишневого сада» — так они говорили.

Шнапу поклонись и поблагодари его от моего имени, что он не напугал тебя, что шея его не исковеркана. Шарик доволен жизнью. Тузик временами впадает в пессимизм.

Тебя пишет Средин? Да, это удовольствие, но удовольствие, которое можно претерпеть только раз в жизни. Ведь ты уже писалась им, Срединым!

Ну, лошадка, глажу тебя, чищу, кормлю самым лучшим овсом и целую в лоб и в шейку. Господь с тобой. Пиши мне и не очень сердись, если я тебе буду писать не каждый день. Теперь переписываю пьесу, стало быть, заслуживаю снисхождения.

Кланяйся всем.

Твой *А.*

777

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

6 октября 1903, Ялта

6 окт. 1903.

Милый Виктор Александрович, спасибо тебе большое, но, прости, я денег не возьму ни за что. Ведь я же ничего не делал, или, вернее, сделал всего рубля на полтора [1].

Нет, голубчик, не обижай, не присылай денег и вопроса об этом не поднимай. В конце октября или в начале ноября приеду, тогда увидимся и поговорим, и если я буду работать, то и разговаривать не стану, возьму деньги. 200 руб. — совершенно достаточно.

У меня кашель и, извини за выражение, понос, вот уже больше месяца. Ослабел малость.

Жму руку, целую тебя и обнимаю. Пиши мне при первой возможности.

Твой *А. Чехов.*

778

Е. Н. ЧИРИКОВУ

7 октября 1903, Ялта

7 окт. 1903.

Дорогой Евгений Николаевич, Вы легки на помине, Вас-то мне и нужно было! Мне писала про Вас жена, а главное — я так много слышал про Вашего «Еврея»! Я писал уже Горькому, просил его прислать мне «Еврея», а теперь слезно Вас прошу об этом, не дожидаться нашей встречи в Москве. Пришлите, голубчик. Я прочту и тотчас же напишу Вам. Пьес не на сцене я вообще не понимаю и поэтому не люблю, но «Еврея» я прочту внимательно, буду дополнять воображением недостающую сцену, и авось что-нибудь и выйдет из моего чтения. Если пьеса уже готова и удовлетворяет Вас, то как же ей не идти на сцене? Отчего не попробовать? Или в крайности отчего не перевести ее на немецкий язык? Пришлите, быть может, надумаем что-нибудь[1].

Ольга Леонардовна пишет про большой успех «Юлия Цезаря». Воображаю, как там шумно!

Насчет рассказа для сборника я уже писал Горькому. 20 сего октября пришлю письмо с извещением, что пишу или не пишу рассказ. А пока понос и кашель, и больше ничем похвастать не могу.

Про «Русскую мысль» не так Вы понимаете[2]. Расскажу при свидании.

За портрет Ваш низко Вам кланяюсь и жму крепко руку. И за Новеллу кланяюсь до земли. Как я жалею теперь, на старости лет, что у меня нет дочки! Счастливый Вы человек. Свою фотографию дам Вам в Москве, когда увидимся; надо ее добыть сначала у Опитца. Или же пришлю Вам фотографию, очень недурную, работы нашего ялтинского доктора Средина, если только увижу его скоро и если он расположен работать.

Вы, как пишете, «возитесь» с народным домом?[3] Нет, возиться Вы еще будете, особенно с составлением репертуара. Этой штукой никогда и никому не угодишь.

Итак, позвольте мне ждать «Еврея». У меня есть Ваши «Пьесы» изд. «Знание» и оттиск «Друзья гласности». Если «Еврея» нужно будет возвратить по прочтении, то я тотчас же возвращу, не задержу ни на один день.

Будьте здоровы и веселы, жму Вам крепко руку и целую Вас.

Ваш *А. Чехов.*

779

О. Л. КНИППЕР

14 октября 1903, Ялта

14 окт. 1903.

Что ты все ворчишь, бабушка! Альтшуллера я сам позвал, так как мне стало неважно, надоело бегать. Он назначил мне съедать по 8 яиц в день и есть тертую ветчину. А Маша тут решительно ни при чем. Без тебя я как без рук, точно я на необитаемом острове.

Итак, пьеса послана, получишь ее, вероятно, одновременно с этим письмом. Прилагаю конвертик[1], прочтешь, когда познакомишься с пьесой. Немедленно по прочтении телеграфируй. Отдашь Немировичу, скажешь, чтобы и он прислал мне телеграмму, дабы я знал, как и что. Попроси его, чтобы пьеса держалась в секрете, чтобы она не попалась до постановки Эфросу и прочим. Не люблю я ненужных разговоров.

Твои письма невеселы, ты хандришь. Нехорошо это, мой дусик. А сегодня так и вовсе от тебя нет письма. Если что не так в театре, то ведь неудачи так естественны и ведь обязательно будут год-два, когда театр будет терпеть одни неудачи. Надо держаться крепко. Станиславский в прошлые годы был крепок, а теперь и его сдвинули с места, захандрил.

Здоровье мое хорошо. Третьего дня вечером стал болеть живот, проболел вчера весь день, а сегодня все благополучно. Сегодня я отменил яйца, буду есть вполовину меньше. Вчера был Альтшуллер, выслушивал, разрешил проехаться в город. Я не надоел тебе со своими медицинскими разговорами? Неужели нет?

Я читал, что телеграф попорчен от Москвы до Харькова, моя телеграмма опоздает очень. Завтра сажусь писать рассказ[2] не спеша. Мне не верится, что я уже не пишу пьесы. Веришь ли, два раза переписывал начисто. Постарел твой муж, и если ты заведешь себе какого-нибудь вздыхателя, то уж я не имею права быть в претензии.

Если что надумали поставить новое, то пиши мне, роднуля. Все пиши.

Будь здорова, лошадка. Читай пьесу, внимательно читай. В пьесе у меня тоже есть лошадь[3]. Благословляю тебя и обнимаю тебя много раз. Господь с тобой.

Твой *А*.

1) Любовь Андреевну играть будешь ты, ибо больше некому. Она одета не роскошно, но с большим вкусом. Умна, очень добра, рассеянна; ко всем ласкается, всегда улыбка на лице.

2) Аню должна играть непременно молоденькая актриса.

3) Варя — быть может, эту роль возьмет Мария Петровна.

4) Гаев — для Вишневского. Попроси Вишневского, чтобы он прислушался, как играют на биллиарде, и записал бы побольше биллиардных терминов. Я не играю на биллиарде, или когда-то играл, а теперь все позабыл, и в пьесе у меня все случайно. Потом с Вишневским мы сговоримся, и я впишу все, что нужно.

5) Лопахин — Станиславский.

6) Трофимов студент — Качалов.

7) Симеонов-Пищик — Грибунин.

8) Шарлотта — знак вопроса. В четвертом акте я вставлю еще ее слова: вчера у меня болел живот, когда я переписывал IV акт, и я не мог вписать ничего нового. Шарлотта в IV акте проделает фокус с калошами Трофимова. Раевская не сыграет. Тут должна быть актриса с юмором.

9) Епиходов — быть может, не откажется взять Лужский.

10) Фирс — Артем.

11) Яша — Москвин[4].

Если пьеса пойдет, то скажи, что произведу все переделки, какие потребуются [5] для соблюдения сцены. Время у меня есть, хотя, признаюсь, пьеса надоела мне ужасно. Если что неясно в пьесе, то напиши.

Дом старый, барский: когда-то жили в нем очень богато, и это должно чувствоваться в обстановке. Богато и уютно.

Варя грубоватая и глуповатая, но очень добрая.

780

О. Л. КНИППЕР

17 октября 1903, Ялта

17 окт.

Лошадка, вчера я был в городе, я остригся и помолодел лет на восемь. Сегодня долго сидел в саду, пока солнце не спряталось под туман.

Получил от Горького телеграмму, просит пьесу для своего сборника [1], предлагает по 1500 р. за лист. И я не знаю, что ответить, так как, во-первых, нет еще ответа из Москвы, и, во-вторых, по условию с Марксом, я могу давать свои произведения только в повременные издания (т. е. газеты и журналы) или благотворительные сборники.

В пьесе кое-что надо переделать и доделать [2], для этого достаточно, мне кажется, 15 минут. Не доделан IV акт и кое-что надо пошевелить во II, да, пожалуй, изменить 2—3 слова в окончании III, а то, пожалуй, похоже на конец «Дяди Вани».

Если пьеса теперь не сгодится, то не падай духом, лошадка, не унывай, через месяц я ее так переделаю, что не узнаешь. Ведь я ее писал томительно долго, с большими антрактами, с расстройством желудка, с кашлем.

В кухне пока готовят по расписанию. Все исправно. Наш Арсений сидит около бабушки и благодушествует, но работает совсем мало.

Напиши, как идут сборы на «Юлия Цезаря».

Получил письмо от Иваненко!

Жду телеграммы, никак не дождусь. Обнимаю тебя, моя родная.

Твой *А.*

781

О. Л. КНИППЕР

21 октября 1903, Ялта

21 окт.

Милая моя лошадка, писал ли я тебе про свою неудачу: брокаровский порошок не мылится, т. е. не дает пены. Делаем, как написано на обертке; в первый раз думали, что воды много, а во второй уж и не знали, что подумать. Научи, что делать.

Морозов хороший человек, но не следует подпускать его близко к существу дела. Об игре, о пьесах, об актерах он может судить, как публика, а не как хозяин или режиссер.

Сегодня получил от Алексеева телеграмму[1], в которой он называет мою пьесу гениальной; это значит перехвалить пьесу и отнять у нее добрую половину успеха, какой она, при счастливых условиях, могла бы иметь. Немирович не присылал мне еще списка артистов, участвующих в пьесе, но я все же боюсь. Он уже телеграфировал, что Аня похожа на Ирину; очевидно, хочет роль Ани отдать Марии Федоровне. А Аня так же похожа на Ирину, как я на Бурджалова. Аня прежде всего ребенок, веселый до конца, не знающий жизни и ни разу не плачущий, кроме II акта, где у нее только слезы на глазах. А ведь Мария Федоровна всю роль проноет, к тому же она стара. Кто играет Шарлотту?

Я чувствую себя недурно, хотя кашель не прекращается; я кашляю больше, чем в прошлом году об эту пору.

Приеду в первых числах ноября; мать приедет в середине или в конце ноября, она очень скучает здесь.

Александр Плещеев будет издавать в Петербурге театральный журнал[2] вроде «Театр и искусство». Этот забьет Кугеля. В январе я пошлю ему водевиль, пусть напечатает. Мне давно уже хочется написать водевиль поглупее.

Когда начнутся репетиции моей пьесы? Напиши, дусик, не томи меня. Твоя телеграмма была очень коротка, теперь хоть постарайся писать поподробнее. Ведь я здесь, как в ссылке.

Жизнь у Якунчиковой[3] вспоминается почему-то каждый день. Такой безобразно праздной, нелепой, безвкусной жизни, какая там в белом доме, трудно еще встретить. Живут люди исключительно только для удовольствия — видеть у себя генерала Гадона или пройтись с товарищем министра кн. Оболенским. И как не понимает этого Вишневский, взирающий на этих людей снизу вверх, как на богов. Там только два хороших человека, достойных уважения: Наталья Яковлевна и Максим. Остальные... впрочем, оставим сие.

А Наталия Яковл. забыла про свои обещания сделать для меня городок[4].

В Москву собирается m-me Бонье, уже заказала себе белое платье специально для Худож. театра.

Когда же, наконец, придет твое письмо? Мне хочется прочесть о моей пьесе, нетерпение, которое ты поняла бы, если бы жила, как я, в этой теплой Сибири. Впрочем, к Ялте я начинаю уже привыкать; пожалуй, научусь здесь работать.

Ну, лошадка моя, венгерец мой хороший, обнимаю тебя и целую крепко. Не забывай, ведь я твой муж, имею право бить тебя, колотить.

Твой *А.*

782

О. Л. КНИППЕР

25 октября 1903, Ялта

25 окт.

Лошадка моя милая, сегодня в «Крымском курьере» и в «Одесских новостях» перепечатка из «Новостей дня»; [1] будет перепечатано во всех газетах. И если бы я знал, что выходка Эфроса подействует на меня так нехорошо, то ни за что бы не дал своей пьесы в Художеств. театр. У меня такое чувство, точно меня помоями опоили и облили.

От Немировича до сих пор нет обещанного письма. Да я и не особенно жду; выходка Эфроса испортила мне все настроение, я охладел и испытываю только одно — дурное настроение.

Вчера у меня были Екат. Павл. и Средина. Был Ми-

хайловский. Я обругал в письме к тебе пьесу Чирикова и, как оказывается, поторопился; это Алексин виноват, он очень бранил пьесу в телефон. Вчера вечером я прочитал «Евреи»; особенного ничего нет, но написано не так уж плохо, можно три с плюсом поставить.

Нет, я никогда не хотел сделать Раневскую угомонившеюся. Угомонить такую женщину может только одна смерть. А быть может, я не понимаю, что ты хочешь сказать. Раневскую играть нетрудно, надо только с самого начала верный тон взять; надо придумать улыбку и манеру смеяться, надо уметь одеться. Ну, да ты все сумеешь, была бы охота, была бы здорова.

Я с Эфросом больше незнаком.

Ем много. Скажи Маше, что брат Арсения (Петунька, как его называют в кухне) вернулся, живет у нас в кухне. Это великолепный садовник; не надо ли кому-нибудь из знакомых? Скажи З. Г. Морозовой, что этот садовник кончил курс, трезв, молод, порядочен и может насадить великолепный сад (не цветы, а фруктовый сад). Вот не хочет ли она иметь свой роскошный сад, десятин в 20—30? Серьезно, скажи ей. Я ручаюсь, ибо я в этом деле весьма и весьма понимаю. Пусть не упускают.

Маркс прислал телеграмму: просит не печатать «Вишневый сад».

Облачно. Прохладно.

Средин выделяет много белку. Дело плохо. У меня недавно смотрели, белка не нашли. Каждый год смотрим. Зато покашливаю больше и хуже, чем в прошлые годы.

Листья на деревьях еще целы, не падают. Купил себе икры, сельдей, килек, а анчоусов забыл купить. Вот когда Маша будет высылать бабушке сапоги, то присоедини анчоусы. Впрочем, не нужно, это у меня с пера сорвалось. Анчоусы есть у Кюба.

Ну, лошадка, целую тебя и обнимаю. Утешай меня своими письмами. Я тебя люблю.

Твой *А.*

783

О. Л. КНИППЕР

30 октября 1903, Ялта

30 окт. 1903.

Вот видишь, на какой бумаге я пишу тебе, лошадка! Насчет выбора меня в Общество любителей словесности я ничего не понимаю. Если выбрали в председатели, то почему во временные? [1] Если во временные, то на сколько времени? А главное, я не знаю, кого я должен благодарить, кому написать. Получил на днях извещение, написанное плохим почерком, за подписью какого-то Каллаша, написанное не на бланке, очевидно не официально, а как зовут этого Каллаша и где он живет — неизвестно, и я до сих пор еще не написал благодарности за выборы.

Станиславский будет очень хороший и оригинальный Гаев, но кто же тогда будет играть Лопахина? Ведь роль Лопахина центральная. Если она не удастся, то, значит, и пьеса вся провалится. Лопахина надо играть не крикуну, не надо, чтобы это непременно был купец. Это мягкий человек. Грибунин не годится, он должен играть Пищика. Храни вас создатель, не давайте Пищика Вишневскому. Если он не будет играть Гаева, то роли другой ему нет у меня в пьесе, так и скажи. Или вот что: не хочет ли он попробовать Лопахина? Буду писать Конст. Сергеевичу, от него я вчера письмо получил.

Сегодня в «Гражданине» бранят Художеств. театр за «Юлия Цезаря» [2].

Вчера было расстройство желудка, без причины, сегодня ничего.

Если Москвин хочет играть Епиходова, то очень рад. А Лужскому что тогда?

Подумаю немножко и, пожалуй, приеду в Москву, а то как бы Немирович не роздал роли из политических соображений Андреевой, О. Алексеевой и проч.[3].

Мне скучно, работать не могу. Погода пасмурная, холодно, в комнатах чувство печей...

Оказывается, напрасно я спешил с пьесой. Мог бы еще месяц повозиться с ней.

Что за мучение обрезать ногти на правой руке. Без жены мне вообще плохо.

К халатику твоему привыкаю. А вот к Ялте не могу привыкнуть. В хорошую погоду казалось, что все хорошо, а теперь вижу — не дома! Точно я живу теперь в Бирске, том самом, который мы с тобой видели, когда плыли по Белой.

Хризантемы получила? В каком виде? Если в хорошем, то еще пришлю.

Целую таракашку. Будь веселенькой.

Твой *А*.

784

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

30 октября 1903, Ялта

30 окт. 1903.

Дорогой Константин Сергеевич, большое Вам спасибо за письмо[1], спасибо и за телеграмму[2]. Для меня письма теперь очень дороги, потому что, во-первых, я сижу один-одинешенек и, во-вторых, пьесу я послал три недели назад, письмо же получил только вчера от Вас, и если бы не жена, то я ровно бы ничего не знал и мог бы предполагать все, что только бы в голову мне полезло. Когда я писал Лопахина, то думалось мне, что это Ваша роль. Если она Вам почему-либо не улыбается, то возьмите Гаева. Лопахин, правда, купец, но порядочный человек во всех смыслах, держаться он должен вполне благопристойно, интеллигентно, не мелко, без фокусов, и мне вот казалось, что эта роль, центральная в пьесе, вышла бы у Вас блестяще. Если возьмете Гаева, то Лопахина отдайте Вишневскому. Это будет не художественный Лопахин, но зато не мелкий. Лужский будет в этой роли холодным иностранцем. Леонидов сделает кулачка. При выборе актера для этой роли не надо упускать из виду, что Лопахина любила Варя, сериозная и религиозная девица; кулачка бы она не полюбила.

Мне очень хочется в Москву, да вот не знаю, как мне выбраться отсюда. Становится холодно, и я почти не выхожу, отвык от воздуха, кашляю. Боюсь не Москвы, не поездки, а того, что мне придется просидеть в Сева-

стополе от 2 часов до 8 — притом в скучнейшей компании.

Напишите, какую роль Вы возьмете. Жена писала, что Москвин хочет играть Епиходова. Что ж, это очень хорошо, пьеса только выиграет от этого.

Нижайший поклон и привет Марии Петровне, желаю ей и Вам всего самого лучшего. Будьте здоровы и веселы.

Я ведь еще не видел «На дне», «Столпов» и «Юлия Цезаря». Очень хочется посмотреть.

Ваш *А. Чехов.*

Не знаю, где Вы теперь живете, потому пишу в театр.

785

Вл. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

2 ноября 1903, Ялта

2 ноября 1903.

Милый Владимир Иванович, в один день два письма от тебя, большое спасибо! Пива я не пью, в последний раз пил его в июле, а мед мне есть нельзя, болят от него животы. А теперь насчет пьесы [1].

1) Аню может играть кто угодно, хотя бы совсем неизвестная актриса, лишь бы была молода, и походила на девочку, и говорила бы молодым, звонким голосом. Эта роль не из важных.

2) Варя — посерьезнее роль, если бы ее взяла Мария Петровна. Без Марии Петровны эта роль выйдет и плосковатой, и грубой, придется переделывать ее, смягчать. Повториться Мария Петровна не может, потому, во-первых, что она талантливый человек, и, во-вторых, потому, что Варя не похожа на Соню и Наташу, это фигура в черном платье, монашка, глупенькая, плакса и проч. и проч.

3) Гаев и Лопахин — эти роли пусть выбирает и пробует Константин Сергеевич. Если бы он взял Лопахина и если бы удалась ему эта роль, то пьеса имела бы успех. Ведь если Лопахин будет бледен, исполнен бледным актером, то пропадут и роль и пьеса.

4) Пищик — Грибунин. Боже сохрани отдавать эту роль Вишневскому.

5) Шарлотта — роль важная, Помяловой, конечно, нельзя отдавать, Муратова будет, быть может, хороша, но не смешна. Эта роль г-жи Книппер.

6) Епиходов — если хочет Москвин, то быть по сему. Выйдет великолепный Епиходов. Я предполагал, что будет играть Лужский.

7) Фирс — Артем.

8) Дуняша — Халютина.

9) Яша.— Если Александров, про которого ты пишешь, тот самый, который состоит у вас помощником режиссера, то пусть берет Яшу. Москвин был бы чудеснейшим Яшей. И против Леонидова ничего не имею.

10) Прохожий — Громов.

11) Начальник станции, читающий в III акте «Грешницу», — актер, говорящий басом.

Шарлотта говорит не на ломаном, а чистом русском языке; лишь изредка она вместо ь в конце слова произносит ъ, и прилагательные путает в мужском и женском роде. Пищик русский, разбитый подагрою, старостью и сытостью старик, полный, одетый в поддевку (á la Симов), сапоги без каблуков. Лопахин — белая жилетка и желтые башмаки, ходит, размахивая руками, широко шагая, во время ходьбы думает, ходит по одной линии. Волосы не короткие, а потому часто вскидывает головой; в раздумье расчесывает бороду, сзади наперед, т. е. от шеи ко рту. Трофимов, кажется, ясен. Варя — черное платье, широкий пояс.

Три года собирался я писать «Вишневый сад» и три года говорил вам, чтобы вы пригласили актрису для роли Любовь Андреевны. Вот теперь и раскладывайте пасьянс, который никак не выходит.

Я теперь в самом дурацком положении: сижу один и не знаю, для чего сижу. А ты напрасно говоришь, что ты работаешь, а театр все-таки — «театр Станиславского». Только про тебя и говорят, про тебя и пишут, а Станиславского только ругают за Брута. Если ты уйдешь, то и я уйду. Горький моложе нас с тобой, у него своя жизнь...Что же касается нижегородского театра,то это только частность; Горький попробует, понюхает и

бросит. Кстати сказать, и народные театры и народная литература — все это глупость, все это народная карамель. Надо не Гоголя опускать до народа, а народ подымать к Гоголю.

Очень бы мне теперь хотелось пойти в Эрмитаж, съесть там стерлядь и выпить бутылку вина. Когда-то я solo выпивал бутылку шампанского и не пьянел, потом пил коньяк и тоже не пьянел.

Буду писать тебе еще, а пока кланяюсь тебе низко и благодарю. У Лужского умер отец? Сегодня прочел в газете.

Отчего Марии Петровне хочется играть непременно Аню? И отчего Мария Федоровна думает, что для Вари она слишком аристократична? Да ведь «На дне» же она играет? Ну, бог с ними. Обнимаю тебя, будь здоров.

Ваш *А. Чехов.*

786

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

5 ноября 1903, Ялта

5 ноябрь 1903.

Дорогой Константин Сергеевич, дом в пьесе двухэтажный, большой. Ведь там же, в III акте говорится про лестницу вниз. Хотя, кстати сказать, этот III акт сильно волнует меня. Эфрос рассказал в «Новостях дня» содержание пьесы, потом в одном из последних номеров даже подтвердил (довольно нагло, кстати сказать), ссылаясь на письмо Владимира Ивановича, тут же напечатанное. У Эфроса говорится, что III акт происходит «в какой-то гостинице», Владимир Иванович говорит в своем письме, что у Эфроса «в общих и основных чертах пересказ пьесы верен»; очевидно, у меня в пьесе *описка.* Действие в III акте происходит не «в какой-то гостинице», а в *гостиной.* Если у меня в пьесе гостиница [1], в чем я теперь после письма Владимира Ивановича сомневаться не могу, то телеграфируйте мне, пожалуйста. Надо же исправить, а так пускать пьесу с грубейшими ошибками, искажающими ее смысл, нельзя.

Дом должен быть большой, солидный; деревянный (вроде аксаковского, который, кажется, известен С. Т. Морозову) или каменный, это все равно. Он очень стар и велик, дачники таких домов не нанимают; такие дома обыкновенно ломают и материал пускают на постройку дач. Мебель старинная, стильная, солидная; разорение и задолженность не коснулись обстановки.

Когда покупают такой дом, то рассуждают так: дешевле и легче построить новый поменьше, чем починить этот старый.

Ваш пастух играл хорошо [2]. Это именно и нужно.

Отчего Вы так не любите «Юлия Цезаря»? [3] А мне эта пьеса так нравится, и я с таким удовольствием посмотрю ее у вас. Вероятно, играть не легко? Здесь, в Ялте, говорят о громаднейшем, небывалом успехе «Цезаря», и я думаю, вам долго еще придется играть сию пьесу при полных сборах.

Сегодня получил от Вас два письма: одно маленькое, другое побольше. Большое Вам спасибо. Крепко жму руку, низко кланяюсь Вам и Марии Петровне. Оставайтесь здоровы.

Ваш *А. Чехов.*

Сообщите Ваш домашний адрес.

787

О. Л. КНИППЕР

7 ноября 1903, Ялта

7 ноября.

Дусик мой, лошадка, здравствуй! Нового ничего нет, все благополучно, решительно все. Писать не хочется, а хочется ехать в Москву, и все жду твоего разрешения.

Умер Ф. Поленц, автор «Крестьянина», чудесный писатель. Получил письма и от Немировича и от Алексеева, оба, по-видимому, недоумевают; ты сказала им, что моя пьеса мне не нравится, что я боюсь за нее. Но неужели я пишу так непонятно? Я до сих пор боялся только одного, боюсь, чтобы Симов не стал писать гостиницы [1] для III акта. Нужно исправить ошибку.

Пишу я об этом уже целый месяц, а в ответ мне только пожимают плечами; очевидно, гостиница нравится.

Немирович прислал телеграмму срочную с просьбой прислать в ответ срочную же телеграмму—кому играть Шарлотту, Аню и Варю. Против Вари стояли три фамилии — две неизвестные и Андреева. Пришлось выбрать Андрееву. Это хитро устроено[2].

Костя давно уже не был у меня. Вероятно, сегодня придет. Михайловского задержат в Петербурге; очевидно, Костя не скоро выедет домой.

Дусик, выпиши меня отсюда. Одеяло послал я тебе с Баженовым, который вчера приходил прощаться. Если не понравится, пришли, я переменю.

«Банкрот» провалился в Новом театре?[3] Я видел эту пьесу в отличном исполнении, она показалась мне превосходной пьесой, да так оно и есть на самом деле. Там две мужские роли написаны отменно.

Сегодня я проспал, проснулся в 9 часов! Чувствую себя, кажется, недурно. Только вот расстройство кишечника. Надо бы изменить режим, вести более безнравственную жизнь, надо бы все есть — и грибы и капусту — и все пить. А? Как ты думаешь?

Скажи Вишневскому, чтобы он пешком ходил побольше и не волновался.

Ну, пупсик мой, обнимаю тебя. Выписывай меня поскорей. Неужели тебе неинтересно увидеть мужа в новой шубе?

А.

Не пиши мне про жареную утку, не мучай меня. Когда приеду, целую утку съем.

788

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

10 ноября 1903, Ялта

10 ноября 1903.

Дорогой Константин Сергеевич, конечно, для III и IV актов можно одну декорацию, именно с передней и лестницей. Вообще, пожалуйста, насчет декораций не

стесняйтесь, я подчиняюсь Вам, изумляюсь и обыкновенно сижу у вас в театре разинув рот. Тут и разговоров быть не может; что Вы ни сделаете, все будет прекрасно, во сто раз лучше всего того, что я мог бы придумать.

Дуня и Епиходов при Лопахине стоят, но не сидят. Лопахин ведь держится свободно, барином, говорит прислуге «ты», а она ему — «вы».

Сергей Саввич поехал в Японию... для «Русского листка»?[1] Лучше бы он поехал на луну поискать там читателей «Русского листка», на земле их нет. Читали Вы его пьесы? Вот если бы он поехал в Японию для того, чтобы написать и издать книгу об Японии, то это было бы очень хорошо, это наполнило бы всю его жизнь.

Если я не еду до сих пор в Москву, то виновата в этом Ольга. Мы условились, что я не приеду, пока она меня не выпишет.

Крепко жму Вам руку, сердечно благодарю за письмо.

Ваш *А. Чехов.*

Я не видел еще «На дне», «Столпы общества» и «Юлия Цезаря». Значит, буду у вас в театре толкаться каждый вечер.

789

В. Л. КИГНУ-ДЕДЛОВУ

10 ноября 1903, Ялта

10 ноября 1903.

Многоуважаемый Владимир Людвигович, неожиданно пришли две Ваши книжки [1], пришло письмо, и я уж не знаю, какие слова мне говорить, чтобы выразить Вам мою самую искреннюю, сердечную благодарность. Я взялся за «Просто рассказы» и прочел почти в один присест все рассказы; в них много былого, старого, но есть и что-то новое, какая-то свежая струйка, очень хорошая. «Лирические рассказы» буду читать сегодня.

Я все похварываю, начинаю уже стариться, скучаю здесь, в Ялте, и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я не вижу много такого, что, как литератор, дол-

жен бы видеть. Вижу только и, к счастью, понимаю, что жизнь и люди становятся все лучше и лучше, умнее и честнее — это в главном, а что помельче, то уже слилось в моих глазах в одноцветное, серое поле, ибо уже не вижу, как прежде.

Накрохин в самом деле был талантлив. Я читал его «Идиллии в прозе» [2]. Но он изображал только красивый цветничок около дома, палисадничек, но в самый дом не решался входить. А Бежецкий, про которого Вы пишете, уже забыт, как оно и должно быть по-настоящему. И. Щеглов (автор военных рассказов) тоже забыт.

Будьте здоровы и счастливы. Вы не женаты? Отчего? — извините за вопрос. Года 2—3 назад я женился и очень рад; мне кажется, что жизнь моя изменилась к лучшему. То, что пишут обыкновенно про брачную жизнь, совершеннейшее вранье.

Крепко жму руку. Ваш *А. Чехов.*

Спасибо еще раз!!

790

К. С. АЛЕКСЕЕВУ (СТАНИСЛАВСКОМУ)

23 ноября 1903, Ялта

23 ноября 1903.

Дорогой Константин Сергеевич, сенокос бывает обыкновенно 20—25 июня, в это время коростель, кажется, уже не кричит, лягушки тоже уже умолкают к этому времени. Кричит только иволга. Кладбища нет, оно *было* очень давно. Две-три плиты, лежащие беспорядочно,— вот и все, что осталось. Мост — это очень хорошо. Если поезд можно показать без шума, без единого звука, то — валяйте. Я не против того, чтобы в III и IV актах была одна декорация; было бы только удобно в IV акте выходить и входить [1].

Жду не дождусь дня и часа, когда наконец жена моя разрешит мне приехать. Я уже начинаю подозревать жену, не хитрит ли она, чего доброго.

Погода здесь тихая, теплая, изумительная, но как вспомнишь про Москву, про сандуновские бани, то вся эта прелесть становится скучной, ни к чему не нужной.

Я сижу у себя в кабинете и все поглядываю на телефон. По телефону мне передаются телеграммы, и я вот жду каждую минуту, что меня позовут наконец в Москву.

Крепко жму руку, до земли кланяюсь Вам за письмо. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

791

Н. И. КОРОБОВУ

23 ноября 1903, Ялта

Милый Николай Иванович, погоди немножко, скоро я приеду, тогда и поговорим о билетах. Еще неизвестно, когда пойдет моя пьеса; репетируют пока только первый акт.

Когда приеду, то пришлю тебе письмо.

С Сувориным я давно уже не переписываюсь. Буренин — это избалованное, очень сытое животное, злое и желтое от зависти. Вот тебе ответы на твои вопросы, а буде пожелаешь подробностей — поговорим при свидании. Крепко жму руку.

Твой *А. Чехов.*

23 ноября 1903.

792

А. Н. ВЕСЕЛОВСКОМУ

11 декабря 1903, Москва

11 дек. 1903 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Не знаю, как мне и благодарить Вас за письмо. Об избрании своем во временные председатели Общества любителей российской словесности[1] я узнал впервые из газет, но не писал Вам, потому что поджидал все время подтверждения. Это избрание — честь, неожиданная и незаслуженная, о какой я не мог даже мечтать. О согласии моем или несогласии не может быть и речи, я

весь принадлежу Обществу и был бы счастлив бесконечно, если бы мне удалось показать это не на словах только, но и на деле. В настоящее время, к сожалению, мне нельзя по нездоровью принимать участие в публичных заседаниях, и я просил бы, если это можно, дать мне отсрочку на год или на два. Или, быть может, я мог бы пока быть полезен Обществу по издательской деятельности, мог бы редактировать, читать корректуру, вообще делать что-нибудь, проживая и не в Москве. Я теперь в Москве не живу, а только пробую, нельзя ли мне тут жить, и при первом кровохарканье или сильном кашле мне придется бежать отсюда в Крым или за границу.

Будьте добры, напишите мне, когда я могу застать Вас дома. Я давно уже не видел Вас, мне хочется повидаться, поблагодарить лично и поговорить.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий и преданный

А. Чехов.

793

А. С. ЛАЗАРЕВУ-ГРУЗИНСКОМУ

13 декабря 1903, Москва

13 дек. 1903.

Дорогой Александр Семенович, когда буду в редакции «Русской мысли», то непременно скажу[1], а буду я в оной редакции не раньше будущей недели.

Очень бы хотелось повидаться с Вами, потолковать, вспомнить старину. Напишите мне, в какой день и час Вы могли бы зайти ко мне, и тогда я останусь дома, буду поджидать. Теперь у меня репетиции, я завертелся, и меня трудно застать дома. Пожалуйста, напишите.

В Праге очень любят русскую литературу и давно уже переводят нас[2]. И пьесы русские там идут. Жаль только, нет конвенции и о переводах приходится узнавать только случайно.

Жму крепко руку, дружески кланяюсь. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

Отвечаю так поздно на Ваше письмо потому, что только вчера вечером получил его из «Русской мысли». Мой адрес: Петровка, д. Коровина, кв. 35.

794

Ф. Д. БАТЮШКОВУ

21 декабря 1903, Москва

21 декабрь 1903 г.

Дорогой Федор Дмитриевич, сегодня получил я по почте из Ялты телеграмму, которую Вы послали неделю тому назад[1]. Отвечаю и я Вам по почте.

Всю осень, начиная с августа, я был болен; меня изводил кашель и расстройство кишечника, я не работал, и пришлось минувшую осень вычеркнуть из книги живота, как ненужное и лишнее время. Теперь я живу в Москве, здоровье мое несравненно лучше, чем было в Ялте, но, нужно сказать, почти совсем не работаю, так как приходится часто бывать на репетициях в Художественном театре. Пьесу обещают поставить не позже 9 января; стало быть, до 10 января мне придется болтаться без дела, много разговаривать и из-за пустяков много волноваться. Очень бы хотелось пообещать, дать слово, что рассказ будет прислан не позже февраля...

Не будете ли Вы на праздниках в Москве?

Крепко жму руку и желаю всего хорошего, здоровья и веселого настроения.

Ваш *А. Чехов.*

795

И. А. БУНИНУ

8 января 1904, Москва

Здравствуйте, милый Иван Алексеевич, с Новым годом, с новым счастьем! Письмо Ваше получил, спасибо. У нас в Москве все благополучно и скучно, нового (кроме нового года) ничего нет и не предвидится, пьеса моя еще не шла, а когда пойдет — неизвестно. Очень

возможно, что в феврале я приеду в Ниццу, остановлюсь у Н. И. Юрасова, от которого получил недавно письмо. Поклонитесь милому теплому солнцу, тихому морю, живите в свое полное удовольствие, утешайтесь, не думайте о болезнях и пишите почаще Вашим друзьям. Поклонитесь Сергею Александровичу, Владимиру Григорьевичу. Что вы едите в Ницце? Судака Кольбер нет, а сом для Вас тяжел, супы плохие, пироги жирные; из птицы рекомендовать трудно, кроме цыплят и, пожалуй, еще голубей. Ну, будьте здоровы, веселы, счастливы, не забывайте Ваших бурых северных компатриотов, страдающих несварением и дурным расположением духа. Целую Вас и обнимаю.

Ваш *А. Чехов.*

А у нас сегодня солонина и индейки.

8 январь.

796

И. Л. ЛЕОНТЬЕВУ (ЩЕГЛОВУ)

18 января 1904, Москва

18 янв. 1904.

Милый Жан, я уже умышленно не поздравил Вас с ангелом: мне не хочется напоминать Вам, что оба мы старимся, приближаемся к 50, когда всякий мужичонко будет обзывать Вас «дедушкой»!

В феврале минувшего года, насколько мне известно и не изменяет память, писем от Вас я не получал. Иначе бы я ответил.

Вчера шла моя пьеса, настроение у меня поэтому неважное[1]. Хочу удрать куда-нибудь и, вероятно, до февраля уже уеду во Францию или по меньшей мере в Крым. Хотел было поработать, заняться редактированием в «Русской мысли» (рассказы неизвестных авторов, известных читает Гольцев), но, по-видимому, сие не удастся, или удастся не раньше осени. Хотел было засесть за повесть, но около толчется публика, работать трудно.

В Ялту лучше писать заказные письма, а в Москву продолжайте писать простые.

Давненько я не видал Вас, не знаю, какой Вы, как себя чувствуете и о чем думаете. Ну, да хранит Вас господь, будьте здоровы, благополучны и всегда веселы. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

797

В. Л. КИГНУ-ДЕДЛОВУ

24 января 1904, Москва

24 янв. 1904 г.

Многоуважаемый Владимир Людвигович, я не в Ялте, а в Москве. Мой адрес: Москва, Петровка, д. Коровина. Менее удачного и, как мне кажется, менее полезного советчика и помощника, чем я, Вы не могли себе избрать. В деле, о котором Вы пишете мне, я ровно ничего не понимаю [1]. Продажу моих сочинений, притом довольно неудачную, устроил некий Сергеенко; кроме «Нивы», другого журнала, дающего премии, я не знаю и ни с одним издателем или редактором незнаком. Если позволите, то с Вашим делом я обращусь к кому-нибудь другому, как когда-то обратился со своими. Только напишите, к каким издателям, кроме Маркса, нужно обратиться, и возможно точнее оформите Ваше предложение, т. е. продаете ли Вы на срок или навсегда, за какую приблизительно цену и проч. и проч. У Маркса, как говорят, в следующие 2 года пойдет приложением Щедрин.

Теперь вопрос: что Вам за охота закабалять свои сочинения, повторять ту же ошибку, которая заставляет меня теперь ежеминутно почесываться? Не проще ли самому издать свои сочинения?

«Дуэль» на французском языке была у меня, но еще в девяностых годах, очевидно, не Chirol'a [2]. Написана она была мною гораздо раньше Сахалина.

Что это Вы так долго живете в Довске? Итак, стало быть, буду ждать от Вас дальнейших распоряжений, а пока желаю Вам всего хорошего и крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

798

А. Н. ВЕСЕЛОВСКОМУ

2 февраля 1904, Москва

2 февраля 1904 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Всю будущую зиму, при благоприятных условиях, я намерен прожить в Москве, и тогда я предоставлю себя в Ваше полное распоряжение [1]. Какие бы обязанности Вы ни возложили на меня, буду ли я временным председателем или просто членом Общества, я одинаково буду стараться оправдать Ваше доверие, быть возможно полезным Обществу.

Я не знаю, как мне благодарить Вас за 17 января [2]. Это честь, которой я не ожидал и, во всяком случае, не заслужил. Спасибо Вам большое, никогда я этого не забуду.

Желаю Вам всего хорошего и остаюсь искренно Вас уважающим и преданным.

А. Чехов.

На первой неделе поста уезжаю.

799

Л. А. АВИЛОВОЙ

7 февраля 1904, Москва

7 февр. 1904.

Многоуважаемая Лидия Алексеевна, в настоящее время у меня нет (и не предвидится) ни одной такой строки, которую я мог бы предложить Вам для сборника[1]. В начале великого поста я поеду к себе в Ялту, там поросюсь в бумагах, но не обнадеживаю, так как едва ли найду что-нибудь.

Если Вы не прочь выслушать мое мнение, то вот оно: сборники составляются очень медленно, туго, портят составителю настроение, но идут необыкновенно плохо. Особенно сборники такого типа, как Вы собираетесь издать, т. е. из случайного материала. Простите мне

бога ради, эти непрошеные замечания, но я бы повторил их пять, десять, сто раз, и если бы мне удалось удержать Вас, то я был бы искренно рад. Ведь пока Вы работаете над сборником, можно иным путем собрать тысячи, собрать не постепенно, через час по столовой ложке, а именно теперь, в горячее время, когда не остыло еще желание жертвовать. Если хотите сборник во что бы то ни стало, то издайте небольшой сборник ценою в 25—40 коп., сборник изречений лучших авторов (Шекспира, Толстого, Пушкина, Лермонтова и проч.) насчет раненых, сострадания к ним, помощи и проч., что только найдется у этих авторов подходящего. Это и интересно, и через 2—3 месяца можно уже иметь книгу, и продастся очень скоро.

Простите за советы, не возмущайтесь.

Кстати сказать, в настоящее время печатается не менее 15 сборников, как и печаталось.

Вы не упоминаете о Вашем здоровье, значит, оно у Вас хорошо, чего Вам от души желаю.

Будьте здоровы. Желаю Вам всего, всего хорошего.

Преданный *А. Чехов.*

800

Л. А. АВИЛОВОЙ

14 февраля 1904, Москва

14 февр. 1904.

Многоуважаемая Лидия Алексеевна, завтра я уезжаю в Ялту. Если вздумаете написать мне, то я буду Вам очень благодарен.

Если Вы не издаете сборника, если так решили, то я очень рад. Редактировать и издавать сборники беспокойно, утомительно, доходы же обыкновенно неважные, часто убытки. По-моему, лучше всего напечатать в журнале свой рассказ и потом гонорар пожертвовать в пользу Красного Креста.

Простите, я замерз, только что вернулся из Царицына (ехал на извозчике, так как не идут поезда, что-то там сошло с рельсов), руки плохо пишут, да и уклады-

ваться нужно. Всего Вам хорошего, главное будьте веселы, смотрите на жизнь не так замысловато; вероятно, на самом деле она гораздо проще. Да и заслуживает ли она, жизнь, которой мы не знаем, всех мучительных размышлений, на которых изнашиваются наши российские умы,— это еще вопрос.

Крепко жму руку и шлю сердечное спасибо за письмо. Будьте здоровы и благополучны.

Преданный *А. Чехов.*

801

О. Л. КНИППЕР

27 февраля 1904, Ялта

27 февр.

Супруга моя хорошая, ты не веришь мне как врачу, но все-таки я скажу тебе, что Корсаков весьма склонен к пессимизму, он всегда предполагает самое страшное [1]. У меня была когда-то больная девочка, лечил ее месяца два-три, пригласил на консилиум Корсакова, он приговорил ее к смерти, а между тем она до сих пор жива, уже давно замужем. Если туберкулез в позвонке, то это еще далеко и до головного и до спинного мозга. Только не следует возить мальчика по гостям и позволять ему много прыгать. И опять-таки спрашиваю: почему выбрали Евпаторию?

За все время, пока я живу в Ялте, т. е. с 17 февраля, ни разу не выглянуло солнце. Сырость страшная, небо серое, сижу в комнате.

Вещи мои пришли, но какой-то унылый у них вид. Во-первых, их меньше на самом деле, чем я предполагал; во-вторых, оба сундучка древних в дороге потрескались. Живется мне скучновато, неинтересно; публика кругом досадно неинтересна, ничем не интересуется, равнодушна ко всему.

А «Вишневый сад» дается во всех городах по три, по четыре раза, имеет успех, можешь ты себе представить. Сейчас читал про Ростов-на-Дону, где идет в тре-

тий раз [2]. Ах, если бы в Москве не Муратова, не Леонидов, не Артем! Ведь Артем играет прескверно, я только помалкивал.

Ты пишешь, что не получала от меня писем, между тем я пишу тебе каждый день, только вчера не писал. Не о чем писать, а все-таки пишу. Шнап, сукин сын, привык, уже лежит у меня в кабинете, протянув задние лапы; ночует у матери, играет на дворе с собаками и потому всегда грязен.

У тебя очень много дядюшек, ты провожаешь их то и дело; гляди, как бы не простудиться. Посиди-ка дома хоть на четвертой неделе, когда у вас не играют.

Надумала ли ты что-нибудь насчет лета? Где будем жить? Хотелось бы недалеко от Москвы, недалеко от станции, чтобы можно было обходиться без экипажа, без благодетелей и почитателей. Подумай, радость моя, насчет дачи, подумай, авось и надумаешь что-нибудь. Ведь ты у меня умненькая, рассудительная, обстоятельная,— когда не бываешь сердита. Я с таким удовольствием вспоминаю, как мы с тобой ездили в Царицыно и потом обратно.

Ну, господь с тобой, радость моя, собачка добрая, приятная. Я по тебе скучаю и уже не могу не скучать, так как привык к тебе. Целую мою жену, обнимаю.

Твой *А*.

802

М. П. АЛЕКСЕЕВОЙ (ЛИЛИНОЙ)

Февраль 1904, Ялта

Дорогая Мария Петровна, «прощай дом, прощай старая жизнь»[1]— Вы говорите именно так, как нужно. Спасибо Вам громадное за Ваше милое, очень милое, славное письмо, дай бог Вам побольше здоровья и спокойствия. Приеду весной, в первых числах мая или даже раньше.

Крепко жму и целую Ваши обе руки, оставайтесь живы и здоровы, не забывайте преданного и много обязанного Вам

А. Чехова.

803

О. Л. КНИППЕР

3 марта 1904, Ялта

3 марта.

Милая моя, замечательная половинка, я жив, здоров как бык и пребываю в добром расположении и не могу пока свыкнуться только с одним — именно со своим монашеским положением.

К тебе просьба, дуся моя. Как я тебе уже говорил, я врач, я друг Женских медицинских курсов. Когда был объявлен «Вишневый сад», то курсистки обратились ко мне с просьбой, как к врачу,— устроить для их вспомогательного общества один спектакль; бедность у них страшная, масса уволенных за невзнос платы и проч. и проч. Я обещал поговорить с дирекцией, потом говорил, получил обещание... Перед отъездом Немирович объявил мне, что в настоящее время устраивать спектакль в Петербурге было бы не совсем практично, теперь война, можно остаться совсем без сбора; не лучше ли, спросил он, устроить в пользу медичек литературное утро, какое было в пользу Фонда? Я согласился с ним, и кончилось тем, что он обещал устроить литературное утро, только просил напомнить ему об этом в Петербурге. Так вот, родная моя, напомни ему теперь и в Петербурге и вообще настой на том, чтобы утро это было. К тебе в Петербурге придут с медицинск. курсов, ты прими, посоветуйся и обойдись возможно любезней, научи, как и где можно застать Немировича.

Получен от Маркса географический атлас. Жду сапоги, о которых ты писала. Думаю о Штраухе, отчего бы это он мог умереть. Царство ему небесное, человек он был очень хороший.

Наши побьют японцев. Дядя Саша вернется полковником, а дядя Карл с новым орденом.

Осенью начну строить баню. Впрочем, все это мечты, мечты!

Какая температура у Левы? Отчего ты мне не пишешь? Дуся, лошадка моя, будь здорова, весела,

счастлива. Боюсь, как бы не пришли гости. Уж очень скучный здесь народ, не литературный; говорить с ними не о чем, а слушать их — в глазах становится тускло.

Ну, господь с тобой.

Твой *А.*

804

О. Л. КНИППЕР

10 апреля 1904, Ялта

10 апрель.

Милая моя конопляночка, ты на меня сердишься, ворчишь, а я, право, не виноват. С Машей, кажется, я совсем не говорил о Царицыне[1], ничего о нем не знаю; виделся с Мартыновым, о котором ты писала, но он в Царицыне живал только зимою, о лете судит по слухам, да и вообще почему-то он мне не понравился, показался сероватым. Вспомнил я, что лет 10—12 назад мне продавал эту же дачу Сизов из «Русских ведомостей». Вообще говоря, я полагал, что вопрос сей дачный будешь решать ты главным образом, а не я. Ведь я в таких делах — кое-кака.

Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев в моей пьесе видят положительно не то, что я написал, и я готов дать какое угодно слово, что оба они ни разу не прочли внимательно моей пьесы. Прости, но я уверяю тебя. Имею тут в виду не одну только декорацию второго акта, такую ужасную, и не одну Халютину, которая сменилась Адурской, делающей то же самое и не делающей решительно ничего из того, что у меня написано[2].

Погода теплая, но в тени холодно, вечера холодные. Гуляю лениво, ибо почему-то задыхаюсь. Здесь, в Ялте, какая-то проезжая дрянь ставит «Вишневый сад».

Я жду не дождусь, когда увижу тебя, радость моя. Живу без тебя, как кое-кака, день прошел — и слава богу, без мыслей, без желаний, а только с картами для пасьянса и с шаганьем из угла в угол. В бане не был уже давно, кажется, шесть лет. Читаю все газеты, даже

«Правительственный вестник», и от этого становлюсь бурым.

До каких пор будешь в Питере, напиши мне, сделай милость. Не забывай меня, думай иногда о человеке, с которым ты когда-то венчалась, и целую дусю мою.

Твой *кое-кака.*

805

А. В. АМФИТЕАТРОВУ

13 апреля 1904, Ялта

13 апреля 1904.

Дорогой Александр Валентинович, бью челом Вам за Ваше милое письмо и за обе рецензии [1], которые я прочел (скрывать не стану) два раза, с большим удовольствием. От этих Ваших рецензий так и повеяло на меня чем-то давним, но забытым, точно Вы родня мне или земляк, и живо встала у меня в памяти юбилейная картинка «Будильника», где около Курепина и Кичеева стоим я, Вы, Пассек с телефонной трубкой у уха, и кажется, что юбилей этот [2] был лет сто или двести назад... Кстати сказать, сей юбилейный номер имеется у меня в архиве, и когда Вы приедете в Ялту, то я отыщу его и покажу Вам.

Когда приедете в Ялту, то непременно в тот же вечер дайте мне знать по телефону, доставьте мне это удовольствие. Мне, повторяю, очень и очень хочется повидаться с Вами, имейте это в виду; если же Вы выедете из Питера после 1-го мая и если остановитесь в Москве на день — на два, то учиним свидание в Москве, в каком-нибудь ресторане.

Пишу я теперь мало, читаю много. Читаю и «Русь», которую выписываю. Сегодня читал «Сборник», изд. «Знания» [3], между прочим горьковского «Человека», очень напомнившего мне проповедь молодого попа, безбородого, говорящего басом, на *о*, прочел и великолепный рассказ Бунина «Чернозем». Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его Вашему вниманию.

Если буду здоров, то в июле или августе поеду на Дальний Восток не корреспондентом, а врачом. Мне кажется, врач увидит больше, чем корреспондент.

Вчера получил я из Владивостока письмо от одного жизнерадостного молодого человека — писателя; ехал он во Владивосток весело, а там вдруг почувствовал отчаяние.

Шлю Вам сердечный привет, Илларии Владимировне низко кланяюсь. Еще раз спасибо большое. Крепко жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

806

Б. А. ЛАЗАРЕВСКОМУ

13 апреля 1904, Ялта

13 апреля 1904 г.

Дорогой Борис Александрович, вчера Ваше большое грустное письмо [1] дошло до меня, я прочел его и посочувствовал Вам всей душой. Теперь, надо думать, в сочувствии Вы не нуждаетесь, так как весна, тепло, и знаменитая бухта очистилась от льда. Когда я был во Владивостоке, то погода была чудесная, теплая, несмотря на октябрь, по бухте ходил настоящий кит и плескал хвостищем, впечатление, одним словом, оказалось роскошное,— быть может, оттого, что я возвращался на родину. Когда окончится война (а она скоро кончится), Вы начнете разъезжать по окрестностям; побываете в Хабаровске, на Амуре, на Сахалине, по побережью, увидите тьму нового, неизведанного, что потом будете помнить до конца дней, натерпитесь и насладитесь и не заметите, как промелькнут эти страшные три года. Во Владивостоке, в мирное время по крайней мере, живется нескучно, по-европейски, и мне кажется, жена Ваша не сделает ошибки, если приедет к Вам после войны. Если Вы охотник, то сколько разговоров про охоту и тигров! А какая вкусная рыба! Устрицы по всему побережью крупные, вкусные. В июле или в августе, если здоровье позволит, я поеду врачом на Дальний Восток. Быть может, побываю и во Владивостоке. Скоро

я поеду в Москву, но Вы все-таки продолжайте писать в Ялту; отсюда письма аккуратно пересылаются мне, где бы я ни находился.

Крепко жму Вам руку и желаю здоровья и отличного настроения. Вы пишете, что читать во Владивостоке нечего. А библиотеки? А журналы?

Если случится бомбардировка или что-нибудь в этом роде, то опишите, поскорее пришлите — или для газеты, или для «Русской мысли», глядя по размерам.

Ваш *А. Чехов.*

807

О. Л. КНИППЕР

22 апреля 1904, Ялта

22 апрель.

Дуся моя, жена, пишу тебе последнее письмо, а затем, если понадобится, буду посылать телеграммы. Вчера я был нездоров, сегодня тоже, но сегодня мне все-таки легче, не ем ничего, кроме яиц и супа. Идет дождь, погода мерзкая, холодная. Все-таки, несмотря на болезнь и на дождь, сегодня я ездил к зубному врачу.

В сражении [1] участвовал 22 стрелковый сибирский полк, а ведь в этом полку дядя Саша! Не выходит он у меня из головы. Пишут, что убито и ранено 9 ротных командиров, а дядя Саша как раз ротный. Ну да бог милостив, уцелеет Саша, твой милейший дядя. Воображаю, как он утомлен, как сердит!

Был у меня вчера Евтихий Карпов, суворинский режиссер, бездарный драматург, обладатель бездонно-грандиозных претензий. Устарели сии фигуры, и мне скучно с ними, скучна до одурения их неискренняя приветливость.

В Москву я приеду утром, скорые поезда уже начали ходить. О мое одеяло! О телячьи котлеты! Собачка, собачка, я так соскучился по тебе!

Обнимаю тебя и целую. Веди себя хорошо. А если разлюбила или охладела, то так и скажи, не стесняйся.

Насчет дачи в Царицыне я писал тебе. О письме, полученном мною от Соболевского насчет дачи, была уже речь. Ну, Христос с тобой, радость.

Твой *А.*

808

М. П. ЧЕХОВОЙ

22 мая 1904, Москва

22 май, суббота.

Милая Маша, я все еще в постели, ни разу не одевался, не выходил, и все в том же положении, в каком был, когда ты уезжала. Третьего дня ни с того ни с сего меня хватил плеврит, теперь все благополучно. Как бы там ни было, на 2-е июня заказаны билеты, мы уезжаем в Берлин, потом в Шварцвальд. Дышать я стал лучше, одышка уже слабее. Доктором своим я доволен. Теперь у меня уже не бывает поносов, и такого удобства я не испытывал чуть ли [не] с 25 лет. Таубе отрицает совершенно согревающие компрессы из воды, он находит их вредными. У меня на боку лежал компресс из спирта (тряпка мочится в спирту, выжимается и кладется на больное место, как водяной компресс, с клеенкой и проч.).

Приходил вчера Ваня. Он поедет в Ялту, но понять нельзя, когда поедет. Он старается, чтобы его не понимали.

Займись, пожалуйста, ватерклозетной ямой. Прикажи выкачать ее (поливка фруктовых деревьев) и сделай покрышку из рельсов и цемента. Поговори с Бабакаем. И скажи Арсению, чтобы он держался подальше от ямы, не провалился бы.

Приходил вчера Гольцев в подпитии. Говорит, что замучился, что устал, что едет отдыхать и проч. Фигура весьма неновая.

Заграничный адрес пришлю.

Поклонись мамаше и будь здорова. Через 2—3 дня опять буду писать. Целую тебя.

Твой *А.*

809

Б. А. САДОВСКОМУ

28 мая 1904, Москва

Многоуважаемый Борис Александрович!

Возвращаю Вашу поэму[1]. Мне лично кажется, что по форме она превосходна, но ведь стихи — не моя стихия: я в них понимаю мало.

Что касается содержания, то в нем не чувствуется убежденности. Например, Ваш Прокаженный говорит:

Стою изысканно одетый,
Не смея выглянуть в окно.

Непонятно, для чего прокаженному понадобился изысканный костюм и почему он не смеет выглянуть?

Вообще в поступках Вашего героя часто отсутствует логика, тогда как в искусстве, как и в жизни, ничего случайного не бывает.

Желаю Вам всего хорошего.

А. Чехов.

28 мая.

810

К. П. ПЯТНИЦКОМУ

31 мая 1904, Москва

31 мая 1904

Многоуважаемый Константин Петрович!

Ваше письмо было для меня совершенной неожиданностью. Отчего Вы не написали мне об этом раньше, по крайней мере месяц-два назад? Я бы тогда задержал у себя корректуру пьесы и не выпускал бы ее до января или дольше, теперь же, во время этой болезни, мне и в голову не могло прийти о том, что Маркс может

выпустить пьесу теперь же, и я, прочитав корректуру, отослал ему, решительно ни о чем не думая. Как быть? Сегодня же я напишу Марксу и думаю, что он исполнит мою просьбу [1].

Мне кажется, что издание «Вишневого сада» Маркса не причинит Вам ни малейших убытков. Он издает только для театров, к тому же «Знание» пользуется таким широким кругом читателей и почитателей, что для него уже не мыслима никакая конкуренция.

4500 рублей я получил, приношу Вам сердечную благодарность. А я все еще в постели, на положении настоящего больного. 3-го июня уезжаю в Шварцвальд. Мой адрес: Германия, Badenweiler, post. rest.

Желаю Вам всего хорошего и прошу поклониться Алексею Максимовичу, если Вы его увидите. Будьте здоровы и благополучны.

Искренно преданный

А. Чехов.

811

А. Ф. МАРКСУ

31 мая 1904, Москва

31 мая 1904 г. Москва.

Многоуважаемый Адольф Федорович!

По предписанию врачей 3-го июня я уезжаю за границу, вот мой адрес: Германия, Badenweiler, post. rest. В августе или даже ранее я буду уже дома, в России.

Корректура «Вишневого сада», мною подписанная, уже послана Вам. Я послал Вам корректуру и теперь убедительно прошу не выпускать моей пьесы в свет, пока я не кончу ее, мне хочется прибавить еще характеристику действующих лиц. И у меня договор с книжной торговлей «Знание» — не выпускать пьесы до определенного срока.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий и преданный

А. Чехов.

812

Л. И. ЛЮБИМОВУ

2 июня 1904, Москва

2-го июня 1904.

Многоуважаемый Леонид Иванович!

Я болен, со 2-го мая лежу в постели и завтра уезжаю лечиться за границу, но тем не менее все-таки мне удастся сделать что-нибудь для Вашего сына Александра Леонидовича[1]. Сегодня я уже направил одного господина, который будет иметь разговор с ректором, а завтра поговорю с другим.

Возвращусь я в конце июля или в первых числах августа, и тогда употреблю все, от меня зависящее, чтобы желание Ваше, которому я сочувствую всей душой, исполнилось.

Позвольте поблагодарить Вас за Ваше доброе превосходное письмо и пожелать Вам и Вашему семейству всего хорошего.

Искренно Вас уважающий и преданный

А. Чехов.

813

П. И. КУРКИНУ

12 июня 1904, Баденвейлер

Дорогой Петр Иванович, сообщаю Вам свой адрес: Германия, Badenweiler, Herrn Anton Tschechow, Villa Friederike[1].

Ноги у меня уже совсем не болят, я хорошо сплю, великолепно ем, только одышка — от эмфиземы и сильнейшей худобы, приобретенной в Москве за май. Здоровье входит не золотниками, а пудами. Badenweiler хорошее местечко, теплое, удобное для жизни, дешевое, но, вероятно, уже дня через три я начну помышлять о том, куда бы удрать от скуки.

Пишите, дорогой мой, подлиннее, умоляю Вас. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш *А. Чехов.*

12/25 июня 1904.

814

В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

12 июня 1904, Баденвейлер

12/25 июня 1904.

Badenweiler, Германия.

Дорогой Василий Михайлович, большое Вам спасибо за «Русские ведомости», которые я получаю здесь с первого дня приезда и которые действуют на меня, как согревающее солнце; читаю я их по утрам с громадным удовольствием. Еще большее спасибо шлю Вам и низко кланяюсь за знакомство с Г. Б. Иоллосом. Это превосходный человек, в высшей степени интересный, любезный и бесконечно обязательный. Я три дня прожил в Берлине и все три дня чувствовал на себе заботу Иоллоса. К сожалению, у меня еще совсем не работали ноги, чувствовал я себя, особенно в первые дни, неважно, и мне нельзя было отдать себя в его полное распоряжение хотя на два часа. Он показал бы мне в Берлине много хорошего. Насколько я мог его понять, понятия о себе он очень скромного и не знает точно, каким успехом у нас в Москве, да и в России пользуются его письма из Берлина.

Здоровье мое поправляется, входит в меня пудами, а не золотниками. Ноги уже давно не болят, точно и не болели, ем я помногу и с аппетитом, осталась только одышка от эмфиземы и слабость от худобы, приобретенной мною за время болезни. Лечит меня здесь хороший врач, умный и знающий. Это д-р Schwohrer, женатый на нашей московской Живаго.

Badenweiler очень оригинальный курорт, но в чем его оригинальность, я еще не уяснил себе Масса зелени, впечатление гор, очень тепло, домики и отели, стоящие особняком в зелени. Я живу в небольшом особняке-пансионе, с массой солнца (до 7 час. вечера) и великолепнейшим садом, платим 16 марок в сутки за двоих (комната, обед, ужин, кофе). Кормят добросовестно, даже очень. Но воображаю, какая здесь скука вообще! Кстати же сегодня с раннего утра идет дождь, я сижу в комнате и слушаю, как под и над крышей гудит ветер.

Немцы или утеряли вкус, или никогда у них его не было: немецкие дамы одеваются не безвкусно, а прямо-таки гнусно, мужчины тоже, нет во всем Берлине ни одной красивой, не обезображенной своим нарядом. Зато по хозяйственной части они молодцы, достигли высот, для нас недосягаемых.

Я уже надоел Вам своей болтовней? Позвольте же мне еще раз крепко поблагодарить Вас и за газету, и за Иоллоса, и за Ваше посещение в Москве, которое было так кстати и так мне приятно. Вашего отношения ко мне я никогда не забуду. Будьте здоровы, благополучны, да пошлет Вам бог теплого лета. В Берлине холодно, кстати сказать. Обнимаю Вас крепко и жму руку.

Ваш *А. Чехов.*

815

М. П. ЧЕХОВОЙ

16 июня 1904, Баденвейлер

16 июня 1904.

Милая Маша, сегодня получил от тебя первое письмо-открытку, большое спасибо. Я живу среди немцев, уже привык и к комнате своей и к режиму, но никак не могу привыкнуть к немецкой тишине и спокойствию. В доме и вне дома ни звука, только в 7 час. утра и в полдень играет в саду музыка, дорогая, но очень бездарная. Не чувствуется ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса, но зато порядок и честность, хоть отбавляй. Наша русская жизнь гораздо талантливее, а про итальянскую или французскую и говорить нечего.

Здоровье мое поправилось, я, когда хожу, уже не замечаю того, что я болен, хожу себе, и все, одышка меньше, ничего не болит, только осталась после болезни сильнейшая худоба; ноги тонкие, каких у меня никогда не было. Доктора-немцы перевернули всю мою жизнь. В 7 час. утра я пью чай в постели, почему-то непременно в постели, в $7^1/_2$ приходит немец вроде массажиста и обтирает меня всего водой, и это, оказывается, недурно, затем я должен полежать немного, встать и в 8 час. пить желудевое какао и съедать при этом громадное

количество масла. В 10 час. овсянка протертая, необыкновенно вкусная и ароматичная, непохожая на нашу русскую. Свежий воздух, на солнце. Чтение газет. В час дня обед, причем я ем не все блюда, а только те, которые, по предписанию доктора-немца, выбирает для меня Ольга. В 4 часа опять какао. В 7 ужин. Перед сном чашка чаю из земляники — это для сна. Во всем этом много шарлатанства, но много и в самом деле хорошего, полезного, например овсянка. Овсянки здешней я привезу с собой

Ольга уехала сейчас в Швейцарию, в Базель лечить свои зубы. В 5 час. вечера будет дома.

Меня неистово тянет в Италию. Я очень рад, что Ваня у нас, поклонись ему. Мамаше тоже поклонись. Что в женской гимназии? Варвара Константиновна не уходит? Бородулин жив? Сообщи Софье Павловне мой адрес пусть напишет мне про Бородулина.

У вас все благополучно, очень рад. Здесь я пробуду, вероятно, еще три недели, отсюда ненадолго в Италию, потом в Ялту, быть может, морем.

Пиши почаще. Скажи и Ване, чтобы писал. Будь здорова и благополучна, целую тебя.

Твой *А*.

Мой адрес: Германия, Badenweiler, Herrn Anton Tschechow.

Больше ничего не нужно.

816

К. П. ПЯТНИЦКОМУ

19 июня 1904, Баденвейлер

19 июня 1904.

Многоуважаемый Константин Петрович,

со 2-го мая я был очень болен, все время лежал в постели, и, как теперь понимаю, я не думал о том, о чем надлежало подумать именно мне, и потому во всей этой неприятной истории, хочешь не хочешь, большую долю вины я должен взять на себя[1]. Убытки я могу пополнить только разве возвратом 4500 руб., которые Вы

получите от меня в конце июля, когда я вернусь в Россию, и принятием на свою долю тех убытков, которые издание может понести от плохой продажи. Так я решил и убедительно прошу Вас согласиться на это.

Юридически можно решить все дело только таким образом: Вы подаете на меня в суд (на то я даю Вам свое полное согласие, веря, что это нисколько не изменит наших хороших отношений); тогда я приглашаю в качестве поверенного Грузенберга, и он уж от меня ведет дело с Марксом, требуя от него пополнения убытков, которые Вы понесли и за которые я отвечаю.

Итак: или мирным порядком я уплачиваю Вам 4500 и убытки, или же дело решается судебным порядком. Я стою, конечно, за второе. Все, что бы я теперь ни написал Марксу, бесполезно. Я прекращаю с ним всякие сношения, так как считаю себя обманутым довольно мелко и глупо, да и все, что бы я ни писал ему теперь, не имело бы для него ровно никакого значения.

Простите, что я в Вашу тихую издательскую жизнь внес такое беспокойство. Что делать, у меня всегда случается что-нибудь с пьесой, и каждая моя пьеса почему-то рождается в свет со скандалом, и от своих пьес я не испытываю никогда обычного авторского, а что-то довольно странное.

Во всяком случае, Вы не волнуйтесь очень и не сердитесь; я в худшем положении, чем Вы.

Мой адрес:

Германия, Badenweiler, Herrn Anton Tschechow.

Мне нездоровится. Крепко жму руку и остаюсь искренно Вас уважающий

А. Чехов.

817

Г. И. РОССОЛИМО

28 июня 1904, Баденвейлер

28 июня 1904 г.

Дорогой Григорий Иванович, а я к Вам с просьбой. Вы как-то рассказывали мне вечерком про свое путешествие мимо Афона, с Л. Л. Толстым, Вы шли из Мар-

селя в Одессу? На Австрийском Ллойде? Если это так, то ради создателя поскорее берите перо и пишите мне, в какой день пароход выходит из Марселя и в каком часу, сколько дней идет до Одессы, в какой час дня или ночи приходит в Одессу, можно ли на нем иметь комфорт, например каюту для меня и для жены, хороший стол, чистоту... вообще остались ли Вы сами довольны. Мне главным образом нужны спокойствие и все то, что страдающему одышкой потребно. Умоляю Вас, напишите! Напишите также цену билетов.

У меня все дни была повышена температура, а сегодня все благополучно, чувствую себя здоровым, особенно когда не хожу, т. е. не чувствую одышки. Одышка тяжелая, просто хоть караул кричи, даже минутами падаю духом. Потерял я всего 15 фунтов весу.

Здесь жара невыносимая, просто хоть караул кричи, а легкого платья у меня нет, точно в Швецию приехал. Говорят, везде очень жарко — по крайней мере на юге.

Итак, жду ответа с большим нетерпением. Простите, голубчик, за беспокойство, не сердитесь, авось и мне когда-нибудь удастся оплатить Вам тем же, утешаю себя этой мыслью... Что за отчаянная скучища этот немецкий курорт Баденвейлер!

Крепко жму руку, низко кланяюсь и шлю привет Вашей жене. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *А. Чехов.*

818

М. П. ЧЕХОВОЙ

28 июня 1904, Баденвейлер

28 июня 1904.

Милая Маша, здесь жара наступила жестокая, застала меня врасплох, так как у меня с собой все зимние костюмы, я задыхаюсь и мечтаю о том, чтобы выехать отсюда. Но куда? Хотел я в Италию на Комо, но там все разбежались от жары. Везде на юге Европы жарко. Я хотел проплыть от Триеста до Одессы на пароходе,

но не знаю, насколько это теперь, в июне — июле, возможно. Может ли Жоржик справиться, какие там пароходы? Удобные ли? Долго ли тянутся остановки, хорош ли стол и проч. и проч.? Для меня это была бы незаменимая прогулка, если только пароход хорош, а не плох. Жоржик оказал бы мне великую услугу, если бы в *мой счет* телеграфировал мне. Телеграмма должна быть такая: «Badenweiler Tschechow. Bien. 16. Vendredi». Это значит bien — пароход хорош, 16 — число дней путешествия, Vendredi — день отхода парохода из Триеста. Конечно, это я даю только форму телеграммы, и если пароход пойдет в четверг, то уже Vendredi писать не подобает.

Если будет немножко жарко, то это не беда: у меня будет костюм из фланели. А по железной дороге, признаться, я побаиваюсь ехать. В вагоне теперь задохнешься, особенно при моей одышке, которая усиливается от малейшего пустяка. К тому же от Вены до самой Одессы спальных вагонов нет, будет беспокойно. Да и по железной дороге приедешь домой скорей, чем нужно, а я еще не нагулялся.

Очень жарко, хоть раздевайся. Не знаю, что и делать. Ольга поехала в Фрейбург заказывать мне фланелевый костюм, здесь в Баденвейлере ни портных, ни сапожников. Для образца она взяла мой костюм, сшитый Дюшаром.

Питаюсь я очень вкусно, но неважно, то и дело расстраиваю желудок. Масла здешнего есть мне нельзя. Очевидно, желудок мой испорчен безнадежно, поправить его едва ли возможно чем-нибудь, кроме поста, т. е. не есть ничего — и баста. А от одышки единственное лекарство — это не двигаться.

Ни одной прилично одетой немки, безвкусица, наводящая уныние.

Ну, будь здорова и весела, поклон мамаше, Ване, Жоржу, бабушке и всем прочим. Пиши. Целую тебя, жму руку.

Твой *А.*

ПРИМЕЧАНИЯ

801

Гуревич Любовь Яковлевна (1866—1940) — критик, театровед и переводчица. В 1891—1898 гг. издавала и редактировала журнал «Северный вестник».

802

Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — один из основателей издательства «Посредник», близкий друг и единомышленник Л. Н. Толстого.

[1] Отдельные издания рассказов Чехова «Жена» и «Именины», вышедшие в издательстве «Посредник», М. 1893, в серии «Для интеллигентных читателей».

[2] В сборник вошли рассказы «Палата № 6», «Бабы», «Страх», «Гусев», изд. А. С. Суворина, СПб. 1893. В этом же году рассказ «Палата № 6» вышел также в издательстве «Посредник».

803

Репин Илья Ефимович (1844—1930) — художник. Познакомился с Чеховым, вероятно, в 1887 г., после чего они изредка встречались и переписывались. В 1910 г. Репин напечатал воспоминания о писателе (см. сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960). В 1899 г. Репин, по просьбе переводчика Д. Рош, нарисовал обложку для французского издания повести Чехова «Мужики». Известно только одно письмо Чехова Репину. Письма Репина Чехову опубликованы в книге: И. Е. Р е п и н, Письма к писателям и литературным деятелям, М. 1950.

[1] «Палата № 6».

[2] Репин показал Чехову, посетившему его в Петербурге в январе 1893 г., свою картину «Христос в Гефсиманском саду», спросив при этом, правильно ли, что он написал ночь лунной.

[3] Чехов имел в виду картину художника Н. Н. Ге «Христос в Гефсиманском саду», написанную в 1868—1869 гг.

[4] На всемирную выставку, открытие которой должно было состояться в апреле 1893 г. Поездка эта не состоялась.

304

[1] Чехов имел в виду фельетоны в «Новом времени» Н. Тембе «К вопросу о вегетарианстве (Из записок раввинов)», 1893, 1 февраля, и В. П. Буренина «Литературный вечер. Символический рассказ», 1893, 29 января; в последнем высмеивалось вегетарианство Лескова.

[2] Речь идет о названии литературного журнала, издание которого проектировали Чехов и Суворин. Предполагалось, что Чехов будет редактором журнала. См. письмо 307.

[3] Имеется в виду крах акционерного общества, основанного для постройки Панамского канала, сопровождавшийся скандальным процессом, вскрывшим продажность французских акционеров и французской буржуазной печати. Основатель общества Лессепс и другие руководители были отданы под суд и приговорены к пяти годам тюремного заключения. (Позднее приговор был кассирован.)

[4] Речь идет об О. П. Кундасовой и В. А. Глуховской-Павловской.

[5] А. Н. Плещеев, получивший миллионное наследство, выехал за границу.

[6] См. письмо 306 и прим. 3 к нему.

305

[1] Телеграмма Лаврова относительно заглавия повести, печатавшейся в «Русской мысли», не сохранилась.

[2] Повесть напечатана в февральской книжке «Русской мысли» под заглавием «Рассказ неизвестного человека».

306

Островский Иосиф Исаевич — врач, работавший в урочище Гомборы, Тифлисской губернии. Одноклассник Чехова по таганрогской гимназии.

[1] В письме от 17 января Островский просил Чехова оказать медицинскую помощь его знакомой, москвичке Е. В. Раковской.

[2] Н. И. Коробов.

[3] Островский писал Чехову по поводу его рассказа «Палата № 6»: «Лучшие интеллигенты, читавшие Ваш последний рассказ, приветствуют в нем переход с Вашей стороны от пантеизма к антропоцентризму, если можно так выразиться. Не скрою от Вас, что я не меньше других радуюсь этому. По моему крайнему разумению, все таланты и лучшие люди должны viribus unitis [соединенными силами] парализовать те препятствия, которые стоят на пути решения насущных человеческих вопросов. Нечего говорить о руководящей роли беллетристики в этом отношении во все времена».

307

[1] Речь идет о предполагавшемся издании журнала «Натуралист», издателем которого должен был быть Суворин, а редактором В. А. Вагнер.

[2] Чехов познакомился с Вагнером на даче в Богимове летом 1891 г.

[3] Суворин, вероятно, написал Чехову о некоторых «придворных сплетнях», о которых в те же дни сделал записи в своем дневнике (см. «Дневник А. С. Суворина», 1923, запись от 8 февраля 1893 г.).

[4] См. письмо 304 и прим. 2 к этому письму.

[5] В отчете о работе мелиховского временного медицинского участка за 1892 г. Чехов предлагал ввести санитарный надзор над фабриками и школами.

[6] В письмах от 4 и 6 февраля Чертков просил разрешения выпустить в издательстве «Посредник» рассказы Чехова «Страх», «Спать хочется», «В суде», «Володя» и «Тоска».

[7] См. прим. 3 к письму 300.

[8] Чехов послал в научно-литературный сборник «Путь-дорога» (СПб. 1893), выпускавшийся в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам, рассказ «Хористка».

[9] Имеются в виду произведения, напечатанные в январской и февральской книжках «Исторического вестника»: «Воспоминания клоуна Дурова», «Воспоминания В. А. Полторацкого», очерк П. И. Жудра «Катастрофа на Ладожском озере», статья Н. А. «Памяти М. С. Сабининой», очерк И. И. Ясинского «Не в Жорж-Зандии» и его же «Преддверие литературы (Странички из воспоминаний)».

[10] Очерк В. А. Поссе «На холере», подписанный инициалами В. П., напечатан в «Книжках Недели», 1893, январь и февраль, повесть Н. Юрьина «В надежде славы и добра» — там же, февраль.

[11] В газете «Врач», 1893, № 2, в отделе хроники напечатана заметка без подписи, принадлежавшая редактору журнала В. А. Манасеину по поводу очерков В. П. «На холере».

308

[1] В «Русской мысли», 1893, кн. 2, напечатана статья М. А. Протопопова «Письма о литературе. Письмо пятое, гл. 1», направленная против А. А. Суворина (сына А. С. Суворина) и «Нового времени». А. А. Суворин ездил в Париж в связи с появившейся в одной из парижских газет заметкой о том, что при раздаче панамских чеков (см. прим. 3 к письму 304) один чек в пятьсот тысяч франков получил сотрудник «Нового времени». Суворин пытался реабилитировать «Новое время», причем выступал от всей русской печати, не имея на то никаких полномочий.

Протопопов писал в своей статье: «С которых это пор мы, русские писатели, должны разделять с «Новым временем» ответственность за его действия? Разве мораль этой откровенной газеты — наша мораль, разве ее консервативно-либерально-прогрессивно-реакционное направление не есть ее исключительное достояние, поддерживаемое только двумя-тремя ничтожными листками? Наоборот, одной из первых забот всякого чистого органа и всякого честного писателя было до сих пор ревнивое отгораживание себя от всякого соседства с «Новым временем».

Чехов, не читавший еще статьи Протопопова, отвечает А. С. Суворину на его не дошедшее до нас письмо, в котором тот, очевидно, назвал эту статью «клеветнической»

[2] В «Новом времени», 1893, 10 февраля, напечатана тенденциозная рецензия Жителя (А. А. Дьякова) о выставке скульптора М. М. Антокольского, открывшейся в тот же день

в Петербурге в Академии художеств. 16 февраля 1893 г. в газете «Новости и биржевая газета» выступил В. В. Стасов, который писал о выставке знаменитого скульптора, получившей высокую оценку в России и за границей, как выдающемся явлении. Предположив, не без оснований, что Дьяков не был на выставке, а видел лишь фотографические снимки скульптур, Стасов заключил статью словами: «Укус клопа не опасен, только вонь от него отвратительна».

[3] Иллюстрированное издание «Палестина» в тридцати выпусках, с текстом А. А. Суворина, вышло в 1893 г.

[4] Фельетон А. А. Суворина «Из поездки в Париж» напечатан в «Новом времени», 1893, 12 января.

[5] А. А. Суворин прислал Чехову рукопись рассказа Ал. П. Чехова, требующую, по его словам, «стеснения».

[6] Повесть «Рассказ неизвестного человека». В февральской книжке «Русской мысли» ошибочно напечатано вместо «окончание следует» — «продолжение следует».

[7] Чехов был инициатором ежемесячных «обедов беллетристов», присутствовал же только на первом обеде, состоявшемся 12 января 1893 г.

309

[1] Роман А. С. Суворина «В конце века. Любовь», СПб. 1893.

[2] В Серпухове работал податным инспектором М. П. Чехов.

[3] Статья Бацевича в «Новом времени» не была напечатана.

[4] См. в томе 11 наст. издания письмо 208.

[5] Вероятно, о письме Суворина, посланном в «Русскую мысль». См. письмо 308.

[6] А. И. Эртель был учредителем столовых в Воронежской губернии во время голода в 1892 г.

[7] Эпилог этот остался неизвестным. Отдельным изданием повесть «Рассказ неизвестного человека» не была выпущена; в собрании сочинений напечатана без эпилога.

310

Эртель Александр Иванович (1855—1908) — беллетрист. Участвовал в революционном движении. В 80-х гг. был арестован и выслан из Петербурга. Жил в Твери, в Воронежской и других

губерниях. Управлял имениями. Знакомство Эртеля с Чеховым состоялось 3 марта 1893 г. на обеде у Лаврова.

[1] В письме от 6 марта А. И. Эртель писал Чехову: «Буду надеяться, что судьба вновь сведет нас и, кто знает, может быть, при более благоприятных условиях. А я с обычною мне бесцеремонностью скажу, что буду рад этому, потому что то представление о вас как о писателе, которое я уже имею, до известной степени совпало с тем представлением, которое получилось у меня при нашем личном знакомстве... хочу прислать вам книгу мою «Гардениных»,— конечно, не с целью заставить вас читать ее, но как посильное свидетельство моего уважения к писателю и, хочу думать, как начало наших «человеческих» отношений».

[2] Имеются в виду письма А. С. Суворина. По этому поводу Чехов 11 марта писал М. П. Чеховой: «Алексей Алексеевич Суворин дал пощечину Лаврову. И приезжал за этим. Значит, с Сувориным [А. С. Сувориным, с ведома которого произошел этот инцидент] у меня все уже кончено, хотя он и пишет мне хныкающие письма. Сукин сын, который бранится ежедневно и знаменит этим, ударил человека за то, что его побранили. Хороша справедливость. Гадко» (ПСС, т. 16). См. также прим. 1 к письму 308.

311

[1] Так Чехов в шутку называл своего отца (тремонтана — норд-ост в Италии).

[2] Ал. П. Чехов писал Чехову 31 марта: «Я не знаю содержания твоего письма старику Суворину, но знаю его последствия. Михаил Алексеевич и дофин [А. А. Суворин] оба вместе упрекают тебя в самой черной неблагодарности. Ты-де всем от первой нитки до последней, от денег и до славы обязан старику. Без него ты был бы нулем. Ты же в знак благодарности суешь свой нос в семейные дела и восстановляешь его против детей. Об этом у нас говорят в редакции громко, даже в моем присутствии...»

[3] М. Е. Чехов.

312

[1] См. книгу А. М. Скабичевского «История новейшей литературы», изд. Ф. Павленкова, СПб. 1891, гл. XII, стр. 215.

[2] Роман Поля Бурже «Космополис», изд. журн. «Русская мысль», М. 1893.

[3] К. И. Мамуна.

[4] См. прим. 4 к письму 303.

313

[1] Имеются некоторые данные о том, что Чехов писал пьесу из сибирской или сахалинской жизни. Сведения об этом проникли и в печать. В одном из писем к Чехову Л. Я. Гуревич прислала газетную вырезку: «Известный беллетрист Антон Чехов только что кончил новую комедию, героем которой является один из сосланных в Сибирь известных петербургских дельцов». После смерти Чехова в херсонской газете «Юг», 1904, 7 июля, была напечатана заметка, вероятно, со слов проживавшего в Херсоне бывшего сахалинского чиновника Фельдмана, что Чехов, будучи на Сахалине, писал пьесу, в которой вывел одно видное, служившее некогда на Сахалине лицо. Пьеса была озаглавлена «Генерал Кокет».

[2] «Остров Сахалин (Из путевых записок)» печатался первоначально в «Русской мысли», 1893, кн. X, XI, XII; 1894, кн. II, III, V и VI.

[3] Чехов познакомился с И. Н. Потапенко в 1889 г. в Одессе. В дальнейшем, при более близком знакомстве, мнение Чехова о Потапенко изменилось (см. письма 314 и 319).

[4] В Архиве Чехова (ЛБ) имеются письма В. А. Вагнера относительно предполагавшегося издания журнала «Натуралист». См. письмо 307 и прим. 1 к нему.

314

[1] Из писем П. А. Сергеенко к Чехову от 5 января и 26 марта 1893 г. видно, что Л. Н. Толстой выражал желание встретиться с Чеховым и ждал его, но первая встреча их состоялась лишь в августе 1895 г.

[2] Дело одесской фирмы по экспорту хлеба Дрейфус и К°, обвинявшейся в злоупотреблениях.

[3] См. прим. 4 к письму 313.

[4] О существовании волжского парохода «Антон Чехов» сообщил писателю В. А. Гольцев, прочитавший об этом в одной из волжских газет.

[5] Заметки И. Л. Щеглова о народном театре, разновременно появлявшиеся в журналах, в дополненном и переработанном виде изданы отдельной книгой — И. Щеглов, О народном театре, М. 1895.

[6] А. С. Суворин («Новое время», 1893, 4 августа) в «Маленьких письмах» рекомендовал воздержаться от заключения торго-

вого договора с Германией до тех пор, пока она сама его не запросит и не сделает выгодных предложений России.

[7] «Армия спасения» — религиозно-филантропическая организация, копирующая в своей структуре военную армию. В предыдущем письме Суворину от 2 августа 1893 г. Чехов писал: «... армию спасения, ее процессии, храм и проч. я видел на Цейлоне в городе Кэнди. Впечатление оригинальное, но давящее нервы. Не люблю» (ПСС, т. 16).

[8] См. прим. 5 к письму 304.

315

[1] Вероятно, книгу Г. Сенкевича «Письма из Африки», изд. Сойкина, СПб. 1893.

[2] *Бром, Мерилиз* — собаки Чехова.

[3] С. И. Шаховской.

316

[1] Ответ на письмо Мизиновой от 22 августа.

317

[1] Л. С. Мизинова.

318

[1] Телеграмма — отклик на получение известия о смерти П. И. Чайковского.

319

[1] Писем Чехова к Суворину, написанных между 24 августа и 11 ноября 1893 г., не имеется,— вероятно, они пропали.

[2] Во время приездов Чехова из Мелихова в Москву друзья и знакомые усиленно «чествовали» его, что дало повод прозвать писателя «Авеланом» — по имени адмирала Ф. К. Авелана, который командовал русской эскадрой, посланной в 1893 г. в Тулон по случаю заключения франко-русского союза, и которого в связи с этим много раз чествовали во Франции и в России (см. воспоминания Т. Л. Щепкиной-Куперник «А. П. Чехов» в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников», М. 1954).

[3] *Паскаль* — герой романа Э. Золя «Доктор Паскаль».

320

[1] Роман Г. Сенкевича «Без догмата» был подарен Чехову В. М. Лавровым в издании «Русской мысли».

321

[1] Чехов сократил текст романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо» для предполагавшегося издания его А. С. Сувориным (см. письмо 293 в т. 11 наст. издания и прим. 6 к этому письму). В Архиве Чехова (ЛБ) среди писем П. М. Свободина сохранилась карикатура, на ней изображен Чехов, сокращающий толстую книгу, и сидящий позади него Дюма, который, глядя на два издания своего романа — полное (Смирдина) и сокращенное (Суворина), — плачет. Книга не была издана.

[2] 13 декабря в Московском Малом театре состоялось первое представление пьесы И. Н. Потапенко «Жизнь».

[3] Паспорт был получен из медицинского департамента в Петербурге. Для получения его Чехову пришлось оформить поступление на службу в медицинский департамент младшим сверхштатным чиновником, с тем чтобы сразу же выйти в отставку (см. об этом статью Ал. П. Чехова «Первый паспорт Антона Павловича Чехова» в «Русском богатстве», 1911, кн. 3).

[4] Драма М. П. Старицкого «Ночь под Ивана Купала», поставленная украинской труппой П. К. Саксагонского в театре «Парадиз».

322

[1] Корректура повести «Бабье царство», печатавшейся в «Русской мысли».

[2] Рассказ «Володя большой и Володя маленький», напечатанный в «Русских ведомостях», 1893, 28 декабря, в последующих изданиях печатался только с стилистическими исправлениями; редакционные изъятия остались неизвестными.

323

[1] «Остров Сахалин».

[2] В «Маленьких письмах» («Новое время», 1893, 29 декабря) А. С. Суворин протестовал против гонений на старообрядцев.

[3] Водевиль «Он в отставке». Премьера состоялась 12 января 1894 г. в Александринском театре.

[4] Трагедия П. А. Сергеенко «Сократ» впервые напечатана в «Ежемесячных литературных приложениях к журналу «Нива», 1900, февраль и март.

[5] Вероятно, драма в пяти действиях В. П. Буренина «Смерть Агриппины».

[6] Роман «В конце века. Любовь» Суворин прислал Чехову в роскошном переплете с надписью: «Антону Павловичу Чехову непременно на добрую память от доброго и добродетельного автора. Суворин. 6 февр. 95».

[7] См. прим. 6 к письму 293 в т. 11 наст. издания и прим. 1 к письму 321.

[8] П. А. Гайдебуров умер 31 декабря 1893 г.

824

[1] Имеется в виду поездка на Сахалин и работа над книгой.

[2] 12 января — Татьянин день — традиционный праздник московского студенчества, проводившийся в ознаменование годовщины основания Московского университета.

825

[1] Фраза в кавычках — из авторского примечания к статье.

[2] Чехов в это время особенно интересовался психиатрией. И. И. Ясинский вспоминает о своих беседах с писателем в конце 1893 г., когда Чехов заканчивал рассказ «Черный монах». Он говорил Ясинскому, что его «крайне интересуют всякие уклоны так называемой души. Если бы я не сделался писателем, вероятно, из меня вышел бы психиатр...» (И. И. Ясинский, Роман моей жизни, М. 1926, стр. 268). Об этом же вспоминает Т. Л. Щепкина-Куперник. Чехов говорил ей в этот период: «Если хотите сделаться настоящим писателем... изучайте психиатрию, — это необходимо» (Т. Л. Щепкина-Куперник, Дни моей жизни, М. 1928, стр. 317).

[3] См. книгу М. П. Чехова «Вокруг Чехова. Встречи и впечатления», М. 1959, стр. 242—245.

[4] «Русская мысль» организовала в Москве чествование Д. В. Григоровича в связи с 50-летием его литературной деятельности. Чехова на юбилейном обеде не было. См. об этом воспоми-

пания И. Н. Потапенко в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960.

[5] Организованные в Петербурге по инициативе Чехова «обеды беллетристов» писатели назвали «Арзамасом», по наименованию литературного кружка 1815—1818 гг.

[6] На санитарном совете слушались годовые отчеты нескольких врачей, в том числе и Чехова, о работе медицинских пунктов за 1893 г.

[7] Речь профессора Ф. Ф. Эрисмана «Вегетарианизм перед лицом современной науки», читанная в первом общем собрании V съезда Общества русских врачей в Петербурге, напечатана в газете «Врач», 1894, № 1.

326

[1] Задуманный рассказ и пьеса не были написаны.

[2] Чехов, по-видимому, хотел прочесть книгу Л. Берне «Из дневника», которая вышла в издании Суворина.

327

[1] Чехов мог прочитать в начале 90-х гг. переведенные на русский язык книги М. Нордау «В поисках за истиной (Парадоксы)», П. 1891, «Вырождение», М. 1893, «Движение человеческой души», М. 1893, и «Болезнь века (роман)», М. 1893.

[2] Книгоиздатель Карл Малькомес прислал гонорар за перевод рассказа «Жена», сообщив при этом, что рассказ будет напечатан в V томе «Международной беллетристической библиотеки».

[3] Газета «Новости дня» провела интервью с писателями и художниками, чтобы выяснить их отношение к литературной конвенции. В конце февраля 1894 г. состоялось интервью Ракшанина с Чеховым, напечатанное в «Новостях дня», 1894, 1 марта, за подписью: Н. Р. Чехову было приписано отрицательное отношение к литературной конвенции.

329

[1] 4-е мая — день открытия психиатрической больницы в с. Покровском-Мещерском.

330

[1] Жена И. Н. Потапенко.

[2] После проверки счетов ошибка была обнаружена. См. письмо 333.

[3] М. Е. Чехов.

[4] В 1888 г., когда Чехов гостил у Суворина на его феодосийской даче, они часто ездили к Айвазовскому, жившему постоянно в Феодосии.

332

[1] Повесть «Три года».

[2] Роман П. Д. Боборыкина «Перевал» напечатан в «Русской мысли», 1894, кн. 1—6.

333

[1] В связи с вступлением на престол Николая II ожидались льготы для печати.

334

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1953) — беллетристка, поэтесса и переводчица. Правнучка актера М. И. Щепкина. Ее знакомство с Чеховым и переписка начались в 1893 г. Была близка со всей семьей Чеховых и часто гостила у них в Мелихове (см. «Чехов в воспоминаниях современников», М. 1954).

[1] Повесть Щепкиной-Куперник «Счастье» напечатана в «Книжках Недели», 1895, февраль — июль.

336

[1] Министерство земледелия рассылало землевладельцам опросные листы для учета размеров урожая, пахотной земли и т. д.

337

[1] Чехов писал это письмо у брата И. П. Чехова, жившего при школе на Новой Басманной улице.

[2] Рассказ Щепкиной-Куперник «Одиночество» напечатан в «Русской мысли», 1894, кн. XII.

[3] По поводу этих строк Щепкина-Куперник писала в воспо-

минаниях о Чехове: «Он напрасно поддразнивал меня этим: в том рассказе я ее [С. П. Кувшинникову] не описывала. Много лет спустя, когда ни ее, ни Левитана, ни д-ра Кувшинникова уже не было в живых, я действительно описала их историю в рассказе «Старшие», напечатанном в «Вестнике Европы».

338

Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864—1939) — писатель, друг и последователь Л. Н. Толстого. Первоначально сотрудник издательства «Посредник», а с 1897 г. его главный редактор и руководитель.

[1] «Рассказ старшего садовника» напечатан в «Русских ведомостях», 1894, 25 декабря. В этот день Горбунов-Посадов написал Чехову: «Только что прочел Ваш «Рассказ старшего садовника» и порадовался его прекрасной мысли... Надеюсь, что Вы разрешите нам издать это немедленно в народном издании... Было бы весьма хорошо, если бы в случае доброго согласия Вашего на народное издание... Вы сами изменили бы некоторые совсем непонятные для народа слова — более простыми. Если же Вам это некогда, то позвольте нам сделать это и прислать Вам для просмотра».

Рассказ в издательстве «Посредник» не вышел.

[2] При включении рассказа в сборник «На трудовом пути» (в 1901 г.) изъятые слова не были восстановлены.

[3] Чехов просил Горбунова-Посадова подыскать работу для писателя Ф. Ф. Тищенко, находившегося в тяжелом материальном положении. В письме Чехову Горбунов-Посадов обещал сделать для Тищенко «все возможное».

339

[1] Чехов организовал систематическую материальную помощь О. П. Кундасовой (см. письма 319 и 324), скрывая это от нее; при пересылке денег он говорил, что их дает в долг на длительный срок И. Д. Сытин.

[2] Кому предназначался адрес — не выяснено.

[3] Комедия В. Сарду и Э. Моро «Madame Sans Gêne», в переводе Ф. А. Корша, шла в театре Корша в сезон 1894—1895 г.

[4] Речь идет о сокращении Россией вывоза зерна за границу.

340

[1] В. В. Билибин писал пятиактную драму.

341

[1] В письме от 3 января Ал. П. Чехов писал о своем намерении посылать в «Русские ведомости» репортерские заметки.

[2] Ал. П. Чехов прислал брату рукопись своего рассказа «Отрешенные и уволенные» с просьбой послать его в какую-нибудь редакцию.

[3] Из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

[4] Ал. П. Чехов писал: «... если я когда-либо обращусь к тебе с просьбою, не смотри на это как на посягательство на твою протекцию. У меня этого и в уме нет. К тому же и слова «протекция» я не выношу и значения его терпеть не могу».

342

[1] 17 января 1895 г. состоялся прием Николаем II депутаций дворянства, земств и городов, которые ходатайствовали об участии народных представителей в государственном управлении; Николай II заявил на приеме, что некоторые земские собрания увлеклись «бессмысленными мечтаниями» и что он будет «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как его незабвенный покойный родитель».

[2] Выкинутые цензурой места из повести «Три года» неизвестны, так как в дальнейших изданиях они не были восстановлены.

[3] См. прим. 1 к письму 339.

343

[1] Очевидно, Суворин в письме Чехову высказал предположение, что в повести «Три года» Чехов изобразил в лице Рассудиной О. П. Кундасову, а в лице старика Лаптева — П. Е. Чехова.

[2] Вероятно, один из сборников своих рассказов.

[3] Книгу С. А. Андреевского «Защитительные речи», СПб. 1891.

[4] Роман «В конце века. Любовь». См. прим. 6 к письму 323.

344

Средин Леонид Валентинович (1860—1909) — врач, живший в Ялте по болезни. Чехов познакомился с ним в 1894 г.

[1] Средин прислал Чехову снимок с парохода «Березань», называвшегося раньше «Петербург»; на этом пароходе Чехов возвращался с Сахалина.

[2] «Остров Сахалин», выпускавшийся «Русской мыслью» отдельным изданием.

346

[1] В «Новом времени», 1895, 22 февраля, напечатано «Открытое письмо к Циону» А. С. Суворина по поводу книги И. Ф. Циона «M. Witte et les finances russes», Paris, 1895 («Господин Витте и русские финансы»), направленной против финансовой системы министра С. Ю. Витте. Суворин назвал книгу клеветнической, обвинив автора в подтасовке документов.

[2] Н. С. Лесков умер 21 февраля 1895 г.

[3] См. прим. 1 к письму 304.

[4] В завещании Лескова, датированном 2 декабря 1892 г., есть пункт: «По смерти моей прошу непременно вскрыть мое тело и составить акт вскрытия. Желаю это для того, чтобы могли быть найдены причины сердечной болезни, которою я долго страдал, при общем уверении врачей, что в сердце моем не было никакого болезненного состояния».

Незадолго до составления этого завещания, в ноябре 1892 г., Чехов посетил в Петербурге больного Лескова. Выслушав его, он нашел порок сердца и болезнь почек, о чем тогда же сказал Ф. Ф. Фидлеру.

[5] Шутка Чехова по поводу мужского псевдонима Е. Шавровой — «Е. Шавров» (Елизавет Воробей — см. «Мертвые души» Н. В. Гоголя).

347

[1] Шаврова прислала Чехову свой рассказ в рукописи и просила разрешить ее сомнения: «Тема рассказа кажется мне слишком смелой и, пожалуй, неудобной для печати и я так утомила свое внимание, что уже решительно не могу судить о структуре, форме, подробностях и прочем». (Письмо от 16 февр. 1895 г.)

[2] Деловыми бумагами Шаврова называла рукописи своих произведений.

348

Жиркевич (псевдоним: А. Нивин) Александр Владимирович (1857—1927) — военный юрист и писатель-беллетрист.

[1] Еще в декабре 1894 г. Жиркевич прислал Чехову свою поэму «Картинки детства», СПб. 1890. В письме от 25 февраля 1895 г. он выражал надежду, что Чехов прочтет его поэму и скажет о ней свое мнение.

[2] В «Историческом вестнике», 1895, т. 59, напечатано письмо В. В. Крестовского от 25 февраля 1892 г.; в нем он отвечает А. В. Жиркевичу на два вопроса: «1) надо ли составлять (писать) план большой вещи заранее или довольно его обдумать, а затем уже развивать план по мере писаний?» и «2) необходимо ли заставлять себя писать каждый день, не справляясь с настроением, или надо подкарауливать это благоприятное настроение?» Крестовский писал, что в процессе творческой работы нет и не может быть никаких твердо установленных рамок, никакого шаблона. Он советовал писать так, как пишется и как самому больше нравится. Но... «надо всегда, чтобы писатель имел что сказать свое и от себя, и только тогда он будет читаем. А для этого прежде всего нужна искренность вашего личного отношения к делу и к данному вопросу...».

349

[1] 12 и 13 марта у Чехова в Мелихове был доктор Н. И. Коробов.

[2] Имеется в виду отдельное издание «Острова Сахалина», выпускаемого «Русской мыслью».

[3] В «Историческом вестнике», 1895, т. 59, А. В. Амфитеатровым опубликованы записки неизвестной под названием «Таинственная корреспондентка». В предисловии Амфитеатров пишет: «Месяца два тому назад мне достались черновые записки неизвестной дамы, игравшей, как читатель увидит, весьма странную роль при дворе трех государей: Екатерины II, Павла I и Александра I. Рукопись несомненно написана в начале нынешнего столетия».

[4] В «Новом времени», 1895, 10 марта, напечатано одно из «Маленьких писем» Суворина, в котором он доказывал необходимость физического воспитания молодежи.

350

[1] Роман Д. С. Мамина-Сибиряка «Хлеб» напечатан в «Русской мысли», 1895, кн. I—VIII.

[2] «Хозяин и работник» — рассказ Л. Н. Толстого.

[3] См. прим. 1 к письму 342.

[4] В «Новом времени», 1895, 21 марта, в отчете «Праздник в честь князя Бисмарка» изложена речь генерала Вердера, председателя петербургской колонии германских подданных, в которой он сообщал, что Вильгельм отзывал его из России в Германию.

351

[1] Рассказ «Сфинкс» в рукописи.

352

[1] «Ганнеле» — пьеса Г. Гауптмана.

[2] «Романтики» — пьеса Э. Ростана в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник.

[3] В «Новом времени», 1895, 28 марта, напечатан фельетон С. И. Смирновой под заглавием «Что делать?», в котором она доказывала необходимость профессионального обучения девушек. По мнению автора, женщины должны найти применение своим силам в первую очередь в сельском хозяйстве, садоводстве.

353

[1] Жиркевич прислал Чехову свой рассказ «Против убеждения», напечатанный в мартовской книжке «Вестника Европы» за 1892 г. В письме от 15 марта 1895 г. он просил «сказать о нем возможно подробнее и бесцеремоннее...».

[2] В ответ на это замечание Жиркевич 10 апреля писал: «Относительно заглавия — Вы угадали, что не я его придумал! Заглавие дано покойным поэтом Апухтиным, который остался в восторге от рассказа, прочитанного ему мною в рукописи».

[3] Фраза из повести Чехова «Скучная история».

354

[1] Чехов имеет в виду постановки «Иванова» в Александринском театре и «Татьяны Репиной» в Малом театре в 1889 г.

[2] Боргезе — вилла в Риме, построенная в XVII в. Известна богатейшими собраниями произведений античного и нового искусства.

[3] Премьера пьесы Гауптмана «Ганнеле» в театре Литературно-артистического кружка в Петербурге.

[4] То есть окончанием японско-китайской войны 1894—1895 гг.

355

[1] Из XIV главы «Острова Сахалина», напечатанной в «Русской мысли».

[2] То есть в Троице-Сергиевскую лавру.

[3] См. прим. 1 к письму 339.

356

[1] А. Н. Турчанинова, в имении которой в Горках близ ст. Тройца Рыбинско-Бологовской ж. д. жил И. И. Левитан, известила Чехова о ранении художника, пытавшегося покончить жизнь самоубийством. «...Зная из разговоров, как Вы дружны и близки Левитану, я решилась написать Вам, прося немедленно приехать к больному». По получении этого письма и, вероятно, телеграммы Чехов выехал на ст. Тройца.

358

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — беллетрист, драматург, режиссер, один из основателей и руководителей Московского Художественного театра. Вместе с К. С. Станиславским им были поставлены в Художественном театре «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», «Иванов». В книге Немировича-Данченко «Из прошлого» (М. 1936) большое место уделено воспоминаниям о Чехове. Знакомство Немировича с Чеховым относится к началу 80-х гг., когда они оба сотрудничали в журнале «Будильник»; начало переписки — к 1888 г. Письма Немировича-Данченко к Чехову опубликованы в «Ежегоднике Московского Художественного

театра на 1944 г.», т. 1, М. 1946, из них тридцать девять писем в книге: Вл. Немирович-Данченко, Избранные письма, М. 1954.

[1] Эта повесть Немировича-Данченко была позднее напечатана в «Русской мысли» (1896, кн. 3—6) и в том же году вышла отдельным изданием.

359

[1] Постройка школы предполагалась в селе Талеж, близ Мелихова.

[2] Чехов писал пьесу «Чайка».

[3] В «Петербургской газете», 1895, 13 октября, напечатана рецензия Н. Nov (А. Р. Кугеля) «Театральное эхо» о спектакле Михайловского театра «Коварство и любовь». Исполнение Озеровой роли Луизы рецензент назвал «нелепым».

[4] «Петербургская газета», 1895, 20 октября, положительно отзывалась об удачной постановке пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы» в театре Литературно-артистического кружка (рецензия Н. Nov).

[5] «Маленькая крошка» — Л. И. Озерова.

[6] Пьеса И. Н. Потапенко «Чужие» готовилась к постановке в театре Литературно-артистического кружка. Премьера состоялась 24 октября 1895 г.

360

[1] *Фингал* — псевдоним И. Н. Потапенко.

[2] Пьеса «Чайка».

[3] Деньги для О. П. Кундасовой.

[4] См. письмо 359.

[5] См. прим. 6 к письму 359.

361

[1] «Чайка».

[2] В «Новом времени» о наводнении писал Ал. П. Чехов.

[3] Вероятно, А. С. Суворин предполагал поставить «Иванова» в театре Литературно-артистического кружка.

[4] «Параша-Сибирячка» — пьеса Н. А. Полевого, «Белый генерал» — пьеса Е. Залесовой.

[5] Статья А. С. Суворина из цикла «Маленькие письма», посвященная 40-летней годовщине артистической деятельности И. Ф. Горбунова, напечатана в «Новом времени», 1895, 16 ноября.

362

[1] В. Г. Короленко писал Чехову 14 февраля об организации литературного вечера в пользу семьи Г. И. Успенского и просил принять в нем участие.

[2] Чехов не был у В. М. Лаврова на праздновании годовщины «Русской мысли», так как задержался в Петербурге.

[3] Чехов посетил Л. Н. Толстого 15 февраля. См. об этом запись Чехова, т. 10, наст. издания, стр. 564.

363

Манучаров Давид Львович (1867—1942) — техник, железнодорожный служащий. Письмо печатается по тексту ЛН.

[1] Манучаров писал Чехову 26 февраля и просил помочь брату, бывшему студенту Петербургского университета, отбывавшему десятилетнее одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости и отправляемому поселенцем на о. Сахалин — «рекомендацией или чем-нибудь подобным».

364

Письмо печатается по тексту ЛН.

[1] В письме от 14 марта Манучаров спрашивал Чехова — подвергаются ли политические ссыльные на о. Сахалине телесным наказаниям и можно ли свободному человеку (например, ему) поселиться там с семьей и найти работу в области техники.

[2] Чехов 30 июля 1890 г. получил письменное разрешение посещать на о. Сахалине тюрьмы и поселения, собирать разные статистические сведения и материалы, необходимые для литературной работы о Сахалине. Одновременно начальником о. Сахалина было дано секретное предписание начальникам округов «иметь неослабное наблюдение за тем, чтобы Чехов не имел никаких сношений с ссыльнокаторжными, сосланными за государственные преступления, и административно сосланными, состоящими под надзором полиции».

[3] В книге «Остров Сахалин» упоминается «привилегированный ссыльный», который неофициально заведовал метеорологической станцией и одновременно был церковным старостой. Это был И. П. Миролюбов, автор книги «Восемь лет на Сахалине», СПб. 1901 (см. т. 10 наст. издания, стр. 169).

365

Тихонов (псевдоним: А. Луговой) Алексей Алексеевич (1853—1914) — писатель. В 1895 г., начав редактировать журнал «Нива», Луговой пригласил Чехова сотрудничать в журнале. К этому времени относится начало их знакомства и переписки.

[1] Ответ на письмо Тихонова от 25 марта 1896 г.

[2] О своих встречах с Чеховым В. А. Тихонов написал воспоминания (см. сборник «О Чехове», М. 1910).

[3] Собрание стихотворений А. А. Фета вышло в издании Маркса (в трех томах) только в 1901 г.

[4] Чехов имеет в виду Полное собрание стихотворений Я. П. Полонского в пяти томах, изд. А. Ф. Маркса, СПб. 1891.

366

Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1928) — писатель. С Чеховым познакомился в 1889 г. в Одессе. Позднее, в 1893 г., очень сблизился с ним, часто гостил у Чеховых в Мелихове. Потапенко в 1914 г. напечатал воспоминания о Чехове (см. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960).

[1] Чехов посылал «Чайку» в Петербург для представления в цензурный комитет.

[2] Повесть «Моя жизнь».

[3] П. А. Сергеенко писал трагедию из жизни Сократа.

367

[1] Рассказ Е. М. Шавровой в «Русской мысли», 1896, кн. 3.

[2] По получении этого письма Шаврова послала Чехову другой экземпляр оттиска рассказа «Бабье лето» с надписью: «A mon cher maître в знак глубокого почтения, признательности и других более теплых чувств от автора (Елизавет Воробей) 24 апреля 1896».

[3] Письмо написано на бумаге ярко-лилового цвета.

[4] На земском собрании в Серпухове («Неуважай-Корыто» — прозвище крепостного, см. «Мертвые души», Гоголя).

[5] У Чехова пропали рукописи нескольких рассказов Шавровой, которые потом были найдены на чердаке мелиховского дома.

368

[1] Персонажи рассказа Е. М. Шавровой, присланного Чехову на отзыв.

[2] См. прим. 5 к письму 367.

[3] См. прим. 2 к письму 367.

369

[1] «Пастор Санг» («Свыше нашей силы») — пьеса Бьернстерне-Бьернсона. В переводе на русский язык вышла в 1897 г.

[2] «Карла Бюринг» — пьеса Лауры Маргольм.

[3] Имеется в виду XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка в Н.-Новгороде.

370

[1] В июле 1896 г. Главное управление по делам печати вернуло Чехову пьесу «Чайка» для цензурных исправлений. Дальнейшие хлопоты о пьесе в цензуре взял на себя И. Н. Потапенко.

371

[1] Чехов оставил прежнее название повести «Моя жизнь» по просьбе Лугового, который написал ему 19 сентября: «В девяностых годах» мне кажется претенциозным и более подходящим для исторической повести».

[2] В письме от 1 сентября Луговой просил Чехова написать, как читатели относятся к «Ниве», что им нравится, что не нравится. «Мне это очень интересно с точки зрения ведения дела в будущем году. Я разумею читателя пестрого».

[3] Имеется в виду статья Вл. Соловьева «Поэзия Я. П. Полонского» в «Ежемесячных литературных приложениях к журналу «Нива», 1896, № 2 и 6.

[4] В «Ежемесячных литературных приложениях к журналу «Нива», 1896, № 4, 5, 7 и 8 напечатаны «Гигиенические беседы» Ф. Ф. Эрисмана.

372

[1] См. прим. 3 к письму 369.

[2] «Чайка» 17 октября 1896 г. готовилась к постановке в Александринском театре, в бенефис артистки Е. И. Левкеевой,

в день 25-летия ее сценической деятельности. При окончательном распределении ролей произошли изменения: Сорина играл В. Н. Давыдов, Дорна —М. И. Писарев, Заречную —В. Ф. Коммиссаржевская.

[3] Водевиль «Ваза».

[4] См. письмо 369 и прим. 2 к нему.

[5] Имеется в виду корреспонденция «Петербург» за подписью С. Т.

373

Семенкович Евгения Михайловна — жена помещика В. Н. Семенковича, соседа Чехова по Мелихову.

374

[1] Чехов приехал в Петербург в связи с постановкой в Александринском театре пьесы «Чайка».

375

[1] Провал пьесы «Чайка» в Александринском театре на первом спектакле 17 октября. См. прим. 1 к письму 377.

[2] В «Дневнике А. С. Суворина», М. 1923, имеется запись от 17 октября 1896 г.: «Вчера еще после генеральной репетиции он [Чехов— *Н. Г.*] беспокоился о пьесе и хотел, чтобы она не шла. Он был очень недоволен исполнением. Оно было действительно посредственное».

377

Суворина Анна Ивановна — жена А. С. Суворина. Чехов познакомился с ней в 1889 г. Имеются воспоминания Сувориной о встречах с Чеховым, опубликованные в сборнике «А. П. Чехов», Л. 1925.

[1] Чехов ушел из зрительного зала во время 2-го акта «Чайки», когда провал пьесы был уже очевиден. 17 октября А. С. Суворин записал в своем дневнике: «Сегодня «Чайка» в Александринском театре. Пьеса не имела успеха. Публика невнимательная, не слушающая, разговаривающая, скучающая. Я давно не видал такого представления. Чехов был удручен. В первом часу ночи приехала к нам его сестра, спрашивала, где он. Она беспокоилась. Мы послали к театру, к Потапенко, к Лев-

кеевой (у нее собирались артисты на ужин). Нигде его не было. Он пришел в 2 часа. Я пошел к нему, спрашиваю:

— Где Вы были?

— Я ходил по улицам, сидел. Не мог же я плюнуть на это представление. Если я проживу еще семьсот лет, то и тогда не отдам на театр ни одной пьесы. Будет. В этой области мне неудача.

Завтра в 3 часа хочет ехать. «Пожалуйста, не останавливайте меня. Я не могу слушать все эти разговоры».

[2] Имеется в виду первый спектакль «Иванова» в Александринском театре 31 января 1889 г., который прошел с большим успехом.

[3] Девиз «Comprendre — pardonner» (Понять — простить, *франц.*) был напечатан на почтовой бумаге, на которой писала А. И. Суворина.

378

[1] В петербургском ресторане Романова.

[2] В письме Суворин советовал Чехову внести небольшие изменения в пьесу.

[3] Потапенко телеграфировал Чехову после второго спектакля «Чайки» 22 октября: «Большой успех. После каждого акта вызовы, после четвертого — много и шумно. Коммиссаржевская идеальна, ее вызывали отдельно трижды. Звали автора. Объявили, что нет. Настроение прекрасное. Актеры просят передать тебе их радость».

[4] О каком деле идет речь, не выяснено.

379

Иорданов Павел Федорович — городской санитарный врач и член городской управы Таганрога. Позднее — городской голова в Таганроге.

[1] Вероятно, Чехов имел в виду корреспонденцию из Таганрога «Новое пожертвование Чехова», напечатанную в газете «Новости дня», 12 сентября 1896 г.

380

[1] В письме от 25 октября В. В. Билибин сообщал Чехову об успехе третьего спектакля «Чайки».

[2] В журнале «Осколки», 1896, № 43, напечатана карика-

тура Н. Н. Амалатбекова: Чехов, летящий на чайке, внизу в болоте стреляющие в него охотники (критики).

[3] Вероятно, «Каштанку».

381

Толстая Татьяна Львовна (1864—1950) — старшая дочь Л. Н. Толстого.

[1] Т. Л. Толстая писала Чехову, что вся их семья с нетерпением ждет его приезда в Ясную Поляну.

[2] «Чайка».

[3] О цензурных изменениях в повести «Моя жизнь» см. примечания в т. 8 наст. издания, стр. 517—521.

382

Павловский Иван Яковлевич (1853—1924) — писатель, переводчик и журналист, парижский корреспондент «Нового времени», печатавшийся под псевдонимом: «И. Яковлев». Переписка с Павловским, которого, как уроженца Таганрога, писатель знал еще с детства, возникла в связи с тем, что Чехов привлек его к сбору средств на памятник Петру I (открыт в 1894 г.) и организации музея в Таганроге (открыт в 1896 г.). В 1898 г., когда Чехов жил в Париже, они часто встречались. Письма Чехова Павловскому полностью опубликованы в журн. «Вопросы литературы», 1961, № 8. Печатается по тексту этого журнала.

[1] См. прим. 3 к письму 378 и прим. 1 к письму 380.

[2] Павловский обратился к Чехову с просьбой помочь напечатать в «Русской мысли» статью Винье д'Октона «Крестьянин во французской литературе». 7 ноября 1896 г. Чехов написал об этом Гольцеву.

383

[1] 7 ноября 1896 г. А. Ф. Кони писал Чехову о своем впечатлении от спектакля «Чайка»: «Я слышал (от Савиной), что отношение публики к этой пьесе Вас очень огорчило... Позвольте же одному из публики,— быть может, профану в литературе и драматическом искусстве, но знакомому с жизнью по своей служебной практике,— сказать Вам, что он благодарит Вас за глубокое наслаждение, данное ему Вашею пьесою. «Чайка» — произведение, выходящее из ряда по своему замыслу, по новизне мыслей,

по вдумчивой наблюдательности над житейскими положениями. Это сама жизнь на сцене с ее трагическими союзами, красноречивым бездумьем и молчаливыми страданиями,— жизнь обыденная, всем доступная и почти никем не понимаемая в ее внутренней жестокой иронии,— жизнь, до того доступная и близкая нам, что подчас забываешь, что сидишь в театре, и способен сам принять участие в происходящей перед тобою беседе. И как хорош конец!..»

[2] Имеются в виду рецензии о первом спектакле «Чайки», появившиеся в петербургских газетах 18 октября. В дневнике Н. А. Лейкина в этот день сделана запись: «Сегодня во всех газетах, кроме «Нового времени», торжественно заявляется о провале чеховской «Чайки», прямо торжественно и притом с каким-то особенным злорадством. Точь-в-точь будто поймали волка, который до поимки его задрал много скотины» («Литературное наследство», т. 68, М. 1960).

884

[1] «Чайка» напечатана в «Русской мысли», 1896, кн. 12.

885

[1] Ответ на письмо Вл. И. Немировича-Данченко от ноября 1896 г.

[2] Немирович-Данченко писал о личной жизни В. А. Гольцева.

886

[1] С. И. Шаховской.

[2] Отцу — П. Е. Чехову.

887

[1] В конце 1896 г. назревал конфликт между Россией и Англией в связи с захватнической политикой последней на Ближнем Востоке.

[2] Корреспонденция В. Н. Семенковича «Из Серпуховского уезда» о проведении шоссейной дороги от ст. Лопасни до села Хотунь и от Хотуни до Каширы напечатана в «Новом времени», 1896, 6 декабря, за подписью «Серпуховец».

[3] Пьеса «Дядя Ваня» была опубликована впервые в сборнике Чехова «Пьесы», СПб. 1897.

[4] В типографии Суворина печаталось седьмое издание сборника рассказов Чехова «Хмурые люди».

[5] Контракт на постановку «Чайки» в Александринском театре.

[6] Станция на пути из Петербурга в Москву.

[7] Одноактные пьесы для постановки в театре Литературно-артистического кружка.

389

[1] См. письмо 383 и прим. 1 к нему.

[2] Корректура печатавшегося в типографии Суворина сборника пьес Чехова.

[3] В письме от 27 октября Лейкин, сообщая Чехову об успехе второго и третьего спектаклей «Чайки», писал: «А как мы, друзья Ваши, во время первого представления «Чайки» негодовали на рецензентов! Они тотчас же после первого акта зашипели, забегали по коридорам и буфету, с апломбом восклицая: «Где тут действие! Где тут типы? Вода и вода»,— прямо подготовляя неуспех первого представления, ибо обращались с разговором к бенефисным завсегдатаям».

[4] В «Неделе», 1896, 27 октября, напечатана статья В. Г. «Мысли и встречи. IV», в которой автор писал о рецензиях на первый спектакль «Чайки»: «Кому какое зло мог сделать Чехов, кого обидеть, кому помешать, чтобы заслужить ту злобу, которая на него неожиданно кое-откуда выступила? Неужели для этого достаточно быть талантливым, любимым, знаменитым?..»

[5] В журнале «Театрал», 1896, № 5, напечатана статья С. Т. «Петербургские письма. Александринский театр. О первом спектакле «Чайки»: «Это было какое-то издевательство над автором и артистами, какое-то неистовое злорадство некоторой части публики, словно зрительный зал переполнен был на добрую половину злейшими врагами г. Чехова... Особенно злорадствовали строгие ценители и судьи из «пишущей» братии. Тут сводились личные счеты...»

[6] «Русский календарь», ежегодно выпускаемый А. С. Сувориным.

[7] В июле 1896 г. возобновились хлопоты об издании хирургического журнала (см. письма 359 и 360), в которых Чехов вновь принял деятельное участие. Название «Хирургия» Чехов посо-

ветовал дать журналу взамен прежнего названия — «Хирургическая летопись».

[8] «Банкроты» — пьеса Бьернстерна-Бьернсона. Шла в театре Литературно-артистического кружка.

[9] Этот замысел Чехов не осуществил. Собранный материал для книги он позднее предложил Н. М. Ежову. См. письмо 432.

390

[1] Чехов заведовал одним из участков по проведению всеобщей переписи населения в январе 1897 г.

[2] Прейскуранты нужны были Чехову для справочного отдела таганрогской библиотеки.

391

[1] Ответ на письмо Е. М. Шавровой от 31 декабря 1896 г.

[2] В это время Чехов, вероятно, писал повесть «Мужики».

[3] См. прим. 2 к письму 390.

392

[1] См. прим. 7 к письму 389.

[2] В «Новом времени», 1896, 24 декабря, напечатано одно из «Маленьких писем» Суворина, в котором он критикует передовые статьи нового издателя-редактора «Московских ведомостей» В. А. Грингмута.

[3] Имеется в виду статья из цикла «Маленькие письма» Суворина, «Новое время», 1896, 7 декабря. В ней автор выступает сторонником доброжелательного, мягкого отношения к учащейся молодежи. Вероятно, это «либеральное» письмо явилось откликом на правительственное сообщение по поводу студенческих беспорядков, которое Суворин считал «гуманным», так как в отношении некоторой части студентов было принято решение о смягчении наказаний.

393

[1] *«Кокоревское подворье»* — гостиница в Москве.

[2] *Эскориал* — монастырь в Испании, сооруженный в XVI в.

[3] См. прим. 3 к письму 82 в т. 11 наст. издания.

[4] *Студеная гора* — улица в г. Владимире.

395

[1] См. прим. 7 к письму 389.

[2] Объявление о выходе с 1897 г. журнала «Хирургия» и приеме подписки на него напечатано в «Новом времени», 1897, 16 января.

[3] Вскоре этот способ лечения рака был признан Обществом русских врачей им. Н. И. Пирогова недействительным.

[4] В «Новом времени», 1897, 8 января, напечатано рекламное объявление о выходе в Петербурге новой газеты «Луч», изд. А. Вольфа, под редакцией Вл. Чуйко.

[5] См. прим. 5 к письму 387.

396

[1] В здании Панаевского театра временно помещался театр Литературно-артистического кружка.

[2] Чехов был занят работой по переписи населения.

[3] Чехов, по договоренности с художником И. Э. Бразом, который писал портрет писателя, должен был приехать в Петербург. См. письма 402 и 404.

398

Яковенко Владимир Иванович (1857—1923) — известный психиатр, автор многих трудов по психиатрии, основатель и первый директор психиатрической больницы в селе Покровском-Мещерском Подольского уезда, которая в настоящее время носит его имя. В 1906 г. Яковенко, по требованию губернатора, был уволен с должности директора за политическую деятельность. Знакомство Чехова с Яковенко возникло на почве их врачебной и общественной деятельности в земстве и особого интереса писателя к психиатрии.

[1] Д. Н. Жбанков и В. И. Яковенко, избранные на VI съезде врачей в комиссию «для обоснования ходатайства этого съезда об отмене телесного наказания», напечатали в газете «Врач», 1897, № 4, «Письмо в редакцию», в котором просили читателей сообщить им факты из личных наблюдений и судебно-медицинской практики о тяжелых последствиях телесного наказания.

[2] Ссылка на статью Н. М. Ядринцева «Положение ссыльных в Сибири» («Вестник Европы», 1875, кн XI—XII).

[3] Написанная А. Ф. Кони биография доктора Гааза выпущена отдельной книгой под названием «Федор Петрович Гааз. Биографический очерк», СПб. 1897.

[4] Имеется в виду книга А. Ф. Кистяковского «Исследование о смертной казни», СПб. 1896.

399

[1] Чехов отвечал Мих. П. Чехову относительно постановки «Дяди Вани» в ярославском театре.

400

[1] Школа строилась в селе Новоселках близ Мелихова.

[2] См. прим. 5 к письму 387.

[3] Обыск был произведен в петербургской квартире В. Г. Черткова 2 февраля 1897 г., в связи с распространением им и другими последователями Л. Н. Толстого воззвания о помощи духоборам, которых, как сектантов, преследовало царское правительство.

401

[1] См. прим. 2 к письму 400.

[2] 9 марта 1897 г. открылся в Москве Всероссийский съезд сценических деятелей, созванный Русским театральным обществом. Проект здания народного театра был сделан архитектором Ф. О. Шехтелем.

[3] «Мужики».

402

[1] См. прим. 2 к письму 401.

406

[1] Проект постройки народного театра. См. письмо 401.

[2] Чехов ночевал в гостинице «Славянский базар». См. письмо 407.

408

Забавин Николай Иванович — учитель школы в Новоселках, выстроенной Чеховым.

[1] 25 марта, после возобновившегося легочного кровоизлияния, Чехова отвезли в клинику.

409

Ващук (по мужу Нейштадт) Римма Федоровна (1879—1958) — курсистка. Готовилась к педагогической деятельности.

Письмо печатается по тексту ЛН.

410

Печатается по тексту ЛН.

[1] Получив отзыв Чехова о своих рассказах, Ващук писала ему, что после «холодной воды», которую он вылил на ее «жаркие мечтания», она откажется от «милого удовольствия» писать рассказы и т. д. В следующем письме Чехову она просила извинить ее за эту резкость.

411

[1] Авилова посетила Чехова в клинике 26 марта.

412

[1] Л. Н. Толстой посетил Чехова в клинике 28 марта. См. письма 418 и 419.

[2] В «Петербургской газете» 30 марта 1897 г. напечатана заметка о состоявшемся в зале Павловой любительском спектакле, который прошел с большим успехом. Как видно из письма, в этом спектакле участвовала дочь Суворина Настя.

413

Браз Иосиф Эммануилович (1872—1936) — художник-портретист. Переписка и знакомство с Чеховым возникли в связи с тем, что Браз по заказу П. М. Третьякова должен был писать для его картинной галереи портрет А. П. Чехова.

[1] О посещении Чеховым Левитана см. письмо 402.

414

[1] Вероятно, Станиславский искал помещение для спектаклей Общества искусства и литературы.

415

[1] См. письмо 413.

[2] В типографии А. С. Суворина печатался сборник пьес А. П. Чехова. Вышел из печати в мае 1897 г.

416

[1] В апреле Иорданов телеграфировал в клинику Остроумова: «Убедительно прошу телеграфировать здоровье Чехова. Врач Иорданов».

417

[1] 4 июня отмечался день открытия психиатрической больницы в селе Покровском-Мещерском

418

[1] См. примечания к повести «Мужики» в т. 8 наст. издания.

[2] Книга М. О. Меньшикова «Думы о счастье» находилась в типографии, но вышла только в 1898 г.

[3] И. Л. Щеглов посетил Чехова в клинике 6 апреля.

419

[1] На съезде сценических деятелей. См. прим. 2 к письму 401.

[2] Статья Л. Н. Толстого «Что такое искусство» напечатана впервые в журнале «Вопросы философии и психологии», 1897, № 5, и 1898, № 1.

[3] В дневнике Л. Н. Толстого имеется следующая запись (5 января 1897 г.): «... дойдя до *его* [Нехлюдова.— *Н. Г.*] решения жениться, с отвращением бросил. Все неверно, выдумано, слабо... Едва ли кончу. Очень все испорчено». К продолжению и переделке романа «Воскресение» Толстой приступил только в июле 1898 г. Роман напечатан в журнале «Нива» в 1899 г. В 1900 г. вышел отдельным изданием.

420

Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920) — историк западноевропейской литературы и критик. С 1897 г. редактор русского отдела журнала «Cosmopolis», позднее редактор журнала «Мир божий». Батюшков — автор многих статей о Чехове и воспоминаний о нем: «Две встречи с А. П. Чеховым» («Солнце России», 1914, № 228 (25).

[1] Телеграмма не сохранилась.

[2] Батюшков обратился к Чехову с просьбой сотрудничать в журнале «Cosmopolis».

[3] Первоначально редактором русского отдела был С. Н. Сыромятников (Сигма). Со второго номера его сменил Батюшков.

421

[1] Книги Н. А. Лейкина, вышедшие в 1897 г.

[2] Выборы в Петербургскую городскую думу, где Лейкин в течение многих лет состоял гласным.

[3] Союз взаимопомощи русских писателей и ученых.

422

Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич (1874—1941) — по образованию юрист. Познакомился с Чеховым, будучи студентом, в сентябре 1894 г. в Одессе. Позднее он посылал Чехову на отзыв свои рассказы; в печати они не появились.

423

[1] Чехов был занят постройкой школы в Новоселках.

[2] П. И. Радзвицкий.

424

[1] Речь идет об отдельном издании повести «Мужики». В 1897 г. она вышла вместе с повестью «Моя жизнь».

[2] Выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина, который, высмеивая интеллигентов-либералов, писал, что их мечты о конституции легко сменяются мечтами о севрюжине с хреном (см. «Культурные люди», гл. I (1876).

[3] Под псевдонимом «Апокриф» в «Новом времени», 1897, 30 апреля, напечатана статья Ф. Э. Шперка «Из литературного дневника».

[4] Чехов встретился с В. Г. Короленко в редакции «Русской мысли». Нервное переутомление и бессонница возникли у Короленко после Мултанского процесса, где он выступал защитником (см. прим. 5 к письму 460), и смерти дочери.

[5] Комедия И. Л. Щеглова «Затерянный мудрец» напечатана в «Русском вестнике», 1897, кн. 6.

425

[1] В августе 1897 г. был международный съезд врачей.

[2] В письме от 28 апреля 1897 г. Константинов благодарил Чехова за хлопоты о пособии, которое он получил на поездку в Крым для лечения.

[3] Оттиск повести «Мужики» из апрельской книжки «Русской мысли» за 1897 г.

426

[1] Рукопись повести Е. М. Шавровой.

[2] Чехов присутствовал на экзамене в Чирковской школе, где он был попечителем.

[3] Пьеса Бьернстерне-Бьернсона. Шаврова предлагала ее поставить в Серпухове.

427

[1] Ал. П. Чехов 17 мая сообщал писателю, что едет вместе с психиатром Ольдерогге на Аландские острова, чтобы выбрать место под лечебницу-колонию для алкоголиков.

[2] Шутка. Вуков был классным наставником, а Гризодубов учителем таганрогской гимназии.

[3] Ал. П. Чехов в том же письме спрашивал брата, есть ли возможность поместить в «Русской мысли» статью о колонии для алкоголиков.

[4] Речь идет о брошюре Ал. П. Чехова «Алкоголизм и возможная с ним борьба», изданной Петербургским союзом трезвенников, СПб. 1897.

428

[1] В 1896 г. Чехов построил школу в селе Талеж, а в 1897 г.— в Новоселках.

[2] В «Новом времени», 1897, 17 мая, напечатана заметка, в которой говорилось: «... слухи и известия, сообщаемые в газетах о том, что Малый театр снят Литературно-артистическим кружком, лишен всякого основания».

[3] *П. П. Петух* — персонаж из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

[4] См. письмо 429.

[5] См. прим. 1 к письму 427.

[6] «Александр I» — книга Н. К. Шильдера, в 4-х томах, СПб. 1897—1898.

429

Коммиссаржевская Вера Федоровна (1864—1910) — драматическая артистка. В труппе Александринского театра состояла в 1896—1903 гг. Первая исполнительница роли Нины Заречной в «Чайке» Чехова. В 1904 г. основала свой театр в Петербурге.

[1] Чехов дал Коммиссаржевской жетон, который в третьем действии «Чайки» дарит Заречная Тригорину. Жетон этот был прислан ему Л. А. Авиловой (см. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960, стр. 234).

[2] Коммиссаржевская предполагала в свой бенефис в Астрахани поставить «Чайку». Это ее намерение не осуществилось.

430

[1] Н. А. Лейкин собирался прислать Чехову щенков.

[2] В. В. Билибин прислал Чехову свою книгу «Юмор и фантазия», СПб. 1897, изданную под псевдонимом: Диоген и И. Грэк (Диоген — псевдоним его в «Новостях», И. Грэк — в «Осколках»).

431

[1] Чехов ездил к И. И. Левитану, жившему в имении у Сергея Тим. Морозова, по Московско-Брестской ж. д.

[2] В типографии Суворина готовилось отдельное издание повести «Мужики».

432

[1] В «Русской мысли», 1897, кн. 5 и 6, напечатана статья А. И. Южина «Первый всероссийский съезд сценических деятелей, его резолюции и настроения».

[2] Чехов уезжал в Давидову пустынь, находившуюся недалеко от Мелихова.

[3] У Чехова был собран большой материал для задуманной книги о земских школах. Замысел этот остался неосуществленным. См. письмо 389.

433

Соболевский Василий Михайлович (1846—1913) — юрист, публицист. С 1892 г. редактор газеты «Русские ведомости». С Чеховым познакомился в 1890—1891 гг.

434

[1] Художник И. Э. Браз, приехав в Мелихово, с 5 июля начал писать портрет Чехова.

[2] В это издание вошли две повести: «Мужики» и «Моя жизнь».

[3] Газета «Мировые отголоски» в заметках от 5 и 12 июля писала о «Новом времени», как о лживой и беспринципной газете.

[4] В «Новом времени», 1897, 6 июля, напечатана заметка о возвращении из Парижа Л. Б. Яворской, где «ее пребывание не прошло незамеченным». (Газета «Soir» писала, что «В. Сарду желал бы видеть в руках Яворской главную женскую роль своей новой пьесы».) 8 и 10 июля сообщалось о выступлениях Яворской, с огромным успехом прошедших в Озерковском театре.

435

[1] Прозвище А. И. Южина-Сумбатова.

[2] Вл. И. Немирович-Данченко.

[3] С. П. Кувшинникова.

438

[1] Чехов послал в «Русские ведомости» рассказ «В родном углу».

439

[1] В сентябре 1898 г. исполнялось 200-летие Таганрога.

[2] В «Сборнике Т. Филиппова», СПб. 1896, напечатана статья «О деятельности и литературных заслугах Н. Ф. Щербины».

440

Хотяинцева Александра Александровна (1865—1942) — художница, хорошая знакомая семьи Чеховых. Воспоминания Хотяинцевой «Встречи с Чеховым» опубликованы в «Литературном наследстве», т. 68, М. 1960. Там же напечатаны ее карикатуры.

[1] Шутка.

[2] Чехов называл так маленькую комнату — спальню в мелиховском флигеле.

441

[1] Чехов принял деятельное участие в возобновившихся хлопотах об издании в Москве хирургического журнала (см. письма 359 и 360).

[2] «В родном углу» и «Печенег», посланные в «Русские ведомости».

442

[1] 16 ноября 1897 г. исполнялось 30-летие литературной деятельности Н. Н. Златовратского.

[2] Я. Л. Барсков в письме Чехову предлагал дать ему взаймы денег.

[3] По просьбе И. И. Левитана Серг. Т. Морозов выслал Чехову деньги взаймы.

[4] В письме Чехову от 17 октября 1897 г. Левитан убеждал его не отказываться от этих денег.

443

[1] См. прим. 2 к письму 441.

446

[1] Предполагавшаяся поездка в Алжир не состоялась.

[2] Дело Дрейфуса — провокационный процесс, начатый в конце 1894 г. французскими реакционными и антисемитскими кругами против офицера генерального штаба еврея Альфреда Дрейфуса. На основании подложных документов Дрейфус был обвинен в шпионаже и приговорен к пожизненной ссылке на Чертов остров. Через три года демократические круги Франции добились пересмотра дела. Пребывание Чехова во Франции в 1897—1898 гг. совпало со временем вторичного судебного разбирательства дела Дрейфуса, когда обвиняемый снова был осужден (см. прим. 1 к письму 454). Новая волна протеста передовых людей не только Франции, но и многих других стран достигла такого размаха, что правительство Франции было вынуждено уступить, и в сентябре 1899 г. Дрейфус был помилован, хотя и не оправдан. Лишь в 1906 г. он был полностью реабилитирован и восстановлен в правах.

447

[1] В «Новом времени», 1897, 31 октября и 10 декабря, напечатаны фельетоны Ив. Щеглова «Еще одно последнее сказание» и «Шемякин суд», в которых он критиковал Литературно-театральный комитет.

[2] А. Доде умер 4/16 декабря 1897 г.

448

[1] Брошюра Золя «L'affaire Dreyfus. La lettre à la jeunesse» («Дело Дрейфуса. Письмо к молодежи»). Paris, 1897.

[2] Была закончена постройка школы в Новоселках и при ней квартира для учителя.

449

[1] Чехов писал рассказ «Ионыч».

[2] В декабрьской книжке «Русской мысли» за 1897 г. в отделе «Иностранное обозрение» за подписью В. Г. напечатана заметка о выдающемся успехе М. М. Ковалевского, читающего лекции в Париже в College libre des scienses sociales (Высшая школа социальных наук).

450

[1] Чехов писал рассказ «У знакомых».

451

[1] «Единичные факты», за подписью «Фингал», «Новое время», 1897, 14 декабря. Потапенко писал о рассказе Ф. Ф. Тищенко «Хлеб насущный», который с предисловием Л. Н. Толстого напечатан в журнале «Русское обозрение», 1897, кн. 10.

452

[1] Л. С. Мизинова писала Чехову 18 декабря 1897 г.: «Я решила все-таки не бросать пения, а для того чтобы найти возможность заниматься им, хочу по получении денег из банка [Мизинова получила небольшое наследство.— *Н. Г.*] открыть небольшую мастерскую, которая даст мне возможность просуществовать, пока не кончу учиться».

[2] В. А. Эберле выступала в оперном театре С. И. Мамонтова.

453

[1] Рассказ «У знакомых» для журнала «Cosmopolis».

[2] Присланная затем Батюшковым корректура действительно была испещрена поправками, вставками; целые абзацы были заменены другим текстом.

454

[1] После пересмотра дела Дрейфуса (см. прим. 2 к письму 446) 30 декабря 1897 г. (11 января 1898 г. по н. ст.) ему снова был вынесен обвинительный приговор. Действительный виновник преступления майор Эстергази был оправдан, а разоблачивший его полковник Пиккар арестован, а затем выслан из Франции.

[2] 1/13 января 1898 г. Золя выступил в газете «L'Aurore» с открытым письмом к президенту республики Фору, озаглавленным «J'accuse» («Я обвиняю»). Золя открыто обвинял поименно всех лиц, а также генеральный штаб и военное министерство, подстроивших «дело Дрейфуса», в целом ряде преступных действий.

[3] Чехов иронизирует по поводу клеветнического утверждения реакционной и антисемитской печати. «Новое время», 1898, 3 января, в «Маленьких письмах» Суворина, направленных против Золя, сообщало о существовании еврейского синдиката, который «подкупит всех, кого можно подкупить, и не пожалеет никаких сумм, чтобы подкупить неподкупных».

[4] А. А. Хотяинцева.

[5] Статья «Что такое искусство». См. прим. 2 к письму 419.

455

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — юрист, историк и социолог. В 1887 г. был уволен из состава профессоров Московского университета и эмигрировал в Париж, где в 1901 г. основал Высшую русскую школу социальных наук. С Чеховым познакомился в 1897 г. Ковалевский написал воспоминания о встречах с Чеховым (см. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960).

[1] Ковалевский сообщал Чехову, что он заболел и не сможет ехать в Алжир.

[2] В том же письме Ковалевский сообщал о намерении «Revue blanche» напечатать перевод повести Чехова «Моя жизнь».

[3] Рассказ «У знакомых».

456

[1] П. Ф. Иорданов прислал Чехову снимки входа в таганрогскую библиотеку.

457

[1] «Гипнотизер», рассказ Е. М. Шавровой, присланный Чехову в рукописи.

[2] Шаврова сообщила Чехову, что она написала и отделывает рассказ «Идеал», который хочет послать в «Ниву».

[3] Вл. М. Чехов писал об О. М. Шавровой, приехавшей в Таганрог.

458

[1] См. прим. 2 к письму 453.

[2] Ф. Д. Батюшков писал, что он намеревается опубликовать свой доклад о повести «Мужики», прочитанный им в шекспиров-

ском кружке. Эта статья под заглавием «На расстоянии полувека. Бальзак, Антон Чехов и Владимир Короленко о крестьянах» напечатана в сборнике «Памяти Белинского», М. 1899.

[3] Чехов имеет в виду клеветнические и антисемитские телеграммы, статьи и заметки, которые печатались в «Новом времени» в январе 1898 г. о деле Дрейфуса и выступлении Золя.

459

[1] Прозвища знакомых Чехова по русскому пансиону в Ницце.

460

[1] В «Новом времени», 1898, 31 января, на первой странице напечатано объявление о выходе в свет февральской книжки «Cosmopolis» с рассказом Чехова «В гостях». Имя и фамилия автора напечатаны огромными буквами.

[2] См. прим. 2 к письму 454.

[3] Драка в палате произошла 10 (22) января 1898 г. между социалистами и монархистами во время выступления социалиста Жореса. См. об этом в корреспонденции И. Яковлева «Парижские настроения» («Новое время», 1898, 15 января).

[4] В «Маленьких письмах» («Новое время», 1897, 19 декабря) Суворин писал, что «лавры Вольтера не дают спать Эмилю Золя». Вероятно, об этом он писал и в письме Чехову. (Вольтером была организована кампания в защиту протестанта Жана Коласа, невинно осужденного и казненного в 1762 г. Благодаря статьям Вольтера, привлекшего на свою сторону общественное мнение Европы, Жан Колас был посмертно оправдан.)

[5] Летом 1896 г. В. Г. Короленко выступил на Мултанском процессе защитником группы крестьян-вотяков, ложно обвинявшихся в принесении человеческих жертв языческим богам.

[6] Бьернстерне-Бьернсон прислал письмо Эмилю Золя, в котором писал, что его выступление в защиту правого дела является заслугой перед человечеством.

[7] Закревский в статье «Золя» (за подписью: Срг. Печорин «Новости и биржевая газета», 1898, 27 января) писал, что Золя бросился в самый разгар борьбы с беззаветным мужеством и одержал победу.

461

[1] И. Э. Браз остался недоволен портретом Чехова, написанным в Мелихове летом 1897 г., и выразил желание писать его вторично. По согласованию с Третьяковым Браз приехал, как ему предложил Чехов, в Ниццу, где и написал тот портрет, который находится в Третьяковской галерее.

462

Чехова Ольга Германовна (1871—1950) — жена М. П. Чехова.

[1] Имеются в виду статьи и телеграммы, направленные против Золя и его сторонников, печатавшиеся в январе и феврале 1898 г. в «Новом времени». В номере от 18 февраля выступление Золя названо «грязной историей...».

[2] Состоявшийся в июле 1898 г. кассационный суд утвердил приговор первой инстанции, обвинившей Золя в диффамации и клевете по адресу французской армии и правительства и присудившей его к двенадцати месяцам тюремного заключения и штрафу в три тысячи франков, а редактора газеты «L'Aurore» Перрона к четырехмесячному заключению и штрафу в три тысячи франков.

463

[1] Чехов шутил по поводу закулисных интриг в театре Литературно-артистического кружка, связанных с отбором пьес для постановки, о чем ему 1 января 1898 г. писал Ал. П. Чехов.

[2] См. письмо 460. Письмо Суворина не сохранилось, но позднее брату Мих. Павловичу (см. письмо 610) Чехов сообщал, что Суворин ответил ему: «...нам писать друг другу более уже не о чем».

[3] В приложениях к «Новому времени» в 1897 и 1898 гг. печатался перевод романа Золя «Париж». Гонорара автору не платили, так как между Россией и Францией не было литературной конвенции.

464

[1] Чехов предполагал дать в «Русскую мысль» рассказ «Ионыч».

466

Васильева Ольга Родионовна — переводчица рассказов Чехова на английский язык. Познакомилась с Чеховым в 1898 г. в Ницце.

[1] *«Латаный»* — слово, встретившееся Васильевой при переводе рассказа «Егерь».

467

[1] Чехов хотел поговорить с Антокольским о возможности отлить в Париже, под наблюдением скульптора, статую Петра I для Таганрога.

468

[1] Имеется в виду рассказ «Неосторожность» (1887), который Чехов хотел дать для сборника в помощь голодающим.

[2] В «Русской мысли», 1898, кн. 3, напечатан рассказ А. Мирославича «Неделя в столице (Из дневника наивного дворянина)» и статья В. М-ского «Актер-романтик (По поводу пятидесятилетия со дня смерти П. С. Мочалова)».

469

[1] См. прим. 1 к письму 467.

[2] Отчет был выслан для таганрогской городской библиотеки.

470

[1] В 1896 г. в Брюсселе Бернард Лазар выпустил брошюру «La vérité sur l'affaire Dreyfus» («Правда о деле Дрейфуса»), которая послужила началом борьбы за пересмотр дела Дрейфуса.

471

Печатается по тексту ВЛ.

[1] Чехов дал Бернарду Лазару интервью для французской печати по поводу своего отношения к делу Дрейфуса. Как видно из письма, запись беседы с Лазаром, сделанная другим лицом, не удовлетворила Чехова.

[2] Речь идет об одноактной исторической пьесе И. Я. Павловского «Певец».

472

[1] По возвращении в Мелихово Чехов получил письмо от Вл. И. Немировича-Данченко, в котором он вторично просил разрешения поставить «Чайку» в Художественном театре: «Если ты не дашь, то зарежешь меня, так как «Чайка» единственная современная пьеса, захватывающая меня как режиссера, а ты единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром... Если хочешь, я до репетиций приеду к тебе переговорить о «Чайке» и моем плане постановки...»На первое письмо Вл. И. Немировича-Данченко от 25 апреля 1896 г., в котором он сообщал Чехову о создании в Москве Художественного театра и просил разрешения на постановку «Чайки» в этом театре, Чехов ответил отказом. (Ответ не сохранился.)

473

[1] В детстве писатель ездил в гости к своему деду Е. М. Чехову, управляющему имением графа М. И. Платова.

474

Сумбатов (псевдоним Южин) Александр Иванович (1857—1927) — драматург и артист. Режиссер и управляющий труппой Московского Малого театра, после Октябрьской революции директор Малого театра.

[1] Сумбатов приглашал Чехова к себе в имение, находившееся близ ст. Требуны Елецко-Валуйской ж. д.

[2] Чехов послал в «Ниву» рассказ «Ионыч», предназначавшийся раньше для «Русской мысли», а в «Русскую мысль»— «Человек в футляре».

[3] Вероятно, «Крыжовник» или «О любви», напечатанные в августовской книжке «Русской мысли».

[4] В Москве проектировалось открытие литературно-художественного клуба, Чехов был в числе членов-учредителей.

[5] Н. М. Ежов.

475

[1] См. письмо 443.

[2] Чехов был избран членом Союза взаимопомощи русских писателей и ученых на общем собрании 31 октября 1897 г. В дневнике А. С. Суворина имеется запись от 27 апреля 1898 г.: «... среди этого Союза оказалось несколько членов, которые говорили, что Чехова следовало забаллотировать за «Мужиков», где он будто представил мужиков не в том виде, как следует по радикальному принципу».

476

Больман Николай Андрианович — член Серпуховской земской уездной управы.

[1] С. И. Шаховским.

478

[1] См. письмо 482.

479

[1] Рассказы «Крыжовник» и «О любви».

480

[1] Персонаж из поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя.

[2] Это была третья школа, построенная Чеховым.

[3] Чехов имеет в виду статьи в «Новом времени» 26 и 29 июля о решении обвинительной палаты по делу подполковника Пиккара и отклонения кассационным судом жалобы защитника Золя — Лабори.

481

[1] Заметка о пятнадцатилетии службы в земской Кузьминской лечебнице врача Н. И. Невского напечатана в «Русских ведомостях» 11 августа 1898 г.

[2] Чехов рекомендовал для фабрики «Тверская мануфактура», принадлежавшей В. А. Морозовой, врача-хирурга А. Артемова.

482

[1] 28 августа — день рождения Л. Н. Толстого.

[2] Имеется в виду подготовка к открытию Художественного театра.

483

[1] Эти строки были вызваны письмом Л. А. Авиловой, которое она написала Чехову по прочтении рассказа «О любви» (см. Л. А. Авилова, А. П. Чехов в моей жизни, в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960).

484

[1] Чехов перед отъездом в Ялту был на репетициях «Чайки» и «Царя Федора Иоанновича» в Художественном театре.

485

[1] Вероятно, для подготавливаемого собрания сочинений.

[2] Двухсотлетие со дня основания Таганрога.

[3] Открытие памятника Петру I.

[4] В здании «Эрмитажа» шли спектакли Художественного театра.

486

[1] Вероятно, имеется в виду вынужденный отъезд В. Г. Черткова, основателя книгоиздательства «Посредник», в Англию. В связи с распространением им и другими последователями Л. Н. Толстого воззвания о помощи духоборам, которых как сектантов преследовало царское правительство, у него 2 февраля 1897 г. был произведен обыск.

[2] В издательстве «Посредник» печаталось повторное издание рассказа Чехова «Именины».

487

[1] Т. Л. Щепкина-Куперник сообщила Чехову, что Московский Малый театр хочет поставить водевиль «Медведь» и просит автора дать согласие и подписать условие.

[2] В воспоминаниях о Чехове Щепкина-Куперник рассказывает, что писатель «грозил» выдать ее замуж за журналиста Ежова (см. сб. «Чехов в воспоминаниях современников», М. 1952 и 1954).

[3] «Вечность в мгновении» — одноактная пьеса Щепкиной-Куперник.

[4] О происхождении этого выражения см. те же воспоминания Щепкиной-Куперник.

488

[1] В заключении к одному из московских фельетонов, которые вел в «Новом времени» Н. М. Ежов.

489

[1] Телеграмма не была напечатана. См. письмо 491.

[2] Чехов, очевидно, имеет в виду заметку в «Новом времени» 1 октября 1898 г., опровергающую сообщения одесских газет о том, что Суворин приглашает труппу Художественного театра на гастроли в Петербург, предоставляя ему на время великого поста театр Литературно-артистического кружка: «Считаем необходимым в интересе правды сказать, что Суворин не только не приглашал, но и не думал приглашать труппу Художественного театра в Петербург», так как «имеет все основания, чтобы предпочитать труппу Литературно-артистического кружка всякой другой частной труппе».

[3] Чехов был на репетиции трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» 14 сентября 1898 г. в здании «Эрмитажа», на которой роль Ирины исполняла О. Л. Книппер, роль Федора — И. М. Москвин, Годунова — А. Л. Вишневский, Шуйского — В. В. Лужский, Богдана Крюкова — А. Р. Артем.

[4] В середине октября 1898 г. Чехов ненадолго поселился у доктора И. Н. Альтшуллера, на даче Иванова.

490

[1] П. Е. Чехов умер 12 октября 1898 года в клинике после операции.

[2] П. Е. Чехов со дня приезда в Мелихово и до конца жизни делал ежедневные записи в лаконичной форме о всех событиях мелиховской жизни.

491

[1] В петербургских газетах: «Новом времени», «Новостях», «Биржевых ведомостях», «Петербургской газете», «Петербургском листке», «Сыне отечества» — 13 и 14 октября напечатаны заметки о большом успехе спектакля «Царь Федор Иоаннович», с Орленевым в главной роли, состоявшегося 12 октября в театре Литературно-артистического кружка. В московских газетах: «Русские ведомости» (16 октября), «Новости дня» (15 и 16 октября), «Курьер» (15 и 17 октября) — отмечался блестящий успех спектакля «Царь Федор Иоаннович», поставленного в Художественном театре 14 и 15 октября.

492

Печатается по тексту ВЛ.

[1] И. Я. Павловский писал Чехову 3 15 октября: «Я был в Петербурге, когда пришло известие об аресте Анри. Суворин тогда мне делал комплименты, говорил, что я «победил», и просил немедленно ехать в Париж и писать. Хотя я писал очень осторожно, ни одна статья не была помещена и газета опять вернулась к пошлостям». М. М. Ковалевский писал в своих воспоминаниях (неопубликованный вариант), что Чехов и ему рассказывал, как в ответ на его письмо о невиновности Дрейфуса Суворин ответил: «Вы меня убедили». «Никогда, однако,— прибавил Чехов,— Новое время» не обрушивалось с большей злобой на несчастного капитана, как в недели и месяцы, следовавшие за этим письмом».

493

[1] См. письмо 483.

[2] Рассказ Л. А. Авиловой. См. письмо 443.

[3] Знакомство В. С. Миролюбова с Авиловой состоялось. Ее рассказы стали появляться в «Журнале для всех».

494

[1] Участок в Аутке, которая тогда считалась пригородом Ялты.

495

[1] Постройке запроектированной железной дороги помешала война с Японией.

[2] Чехов приобрел продававшийся в Кучук-Кое маленький домик.

496

[1] В газете «Новости», 1898, 25 октября, напечатана телеграмма от специальных корреспондентов «Новостей» об ухудшении здоровья Чехова — «постоянный кашель, колебания температуры, временами кровохарканье».

[2] В селе Хреновом, Воронежской губ., Чехов был с Сувориным в феврале 1892 г., в связи с организацией помощи голодающим.

[3] Речь идет о любительском спектакле у управляющего Хреновским заводом в феврале 1892 г.

[4] К. С. Тычинкин писал Чехову 22 октября по поводу собрания сочинений: «...расчет на... полное собрание Вы немедленно получите, и образцы томов, но... путное ли Вы затеваете? Не хлопнете ли Вы этим себя по карману? Теперь Вы получаете за все книги ровно вдвое больше, чем можете получать тогда». Но 4 ноября Тычинкин уже телеграфировал Чехову: «Образцы готовы, посланы сегодня, при них письмо. Я переменил взгляд на полное собрание. Дело хорошее...»

497

Мерперт Яков Семенович — литератор, знакомый Чехова с 1898 г. Жил постоянно в Париже, где читал лекции по русской литературе.

[1] Речь идет о статье-лекции Мерперта о Ф. М. Достоевском, первую часть которой он прислал Чехову на отзыв.

498

[1] «Палата № 6» и «Жена» печатались в издательстве «Посредник», М. 1893.

[2] Горбунов писал Чехову, что Л. Н. Толстой заканчивает новую редакцию «Воскресения», которое будет напечатано

в «Ниве», и что гонорар за нее Толстой жертвует в пользу духоборов, переселяющихся в Канаду.

499

[1] Рассказ П. Е. Накрохина «Странник» в «Книжках Недели», 1898, № 11.

500

Пешков (М. Горький) Алексей Максимович (1868—1936). Познакомился с Чеховым в марте 1899 г. Переписка писателей началась в конце 1898 г.; она полностью опубликована. См. книгу «М. Горький и А. Чехов», М. 1951.

[1] Чехов отвечает на первое письмо Горького, вместе с которым он прислал Чехову свои книги: «Очерки и рассказы», тт. 1 и 2, изд. А. С. Дороватовского и А. Чарушникова, СПб. 1898.

[2] Горький писал Чехову, что Миролюбов сообщил ему о желании Чехова получить его книги.

501

[1] См. прим. 1 к письму 482.

[2] Заметка А. С. Суворина об исторической драме Н. Л. Пушкарева «Соломония и Елена», поставленной в Александринском театре в бенефис Дюжиковой. Сценический недостаток пьесы, по мнению Суворина, заключался, главным образом, в «обилии монологов, состоящих из общих мест и потому очень неинтересных и скучных».

502

[1] «По делам службы».

503

[1] У А. М. Шавровой.

[2] Рассказ Е. М. Шавровой.

504

[1] См. письмо 427 и прим. 1 к нему.

[2] В ноябре 1898 г. «Новое время» продолжало печатать клеветнические статьи и заметки о деле Дрейфуса.

505

[1] Северный фасад строившейся дачи в Ялте.

[2] Шутливое прозвище, данное Чеховым Е. М. Иловайской.

506

[1] Ответ на письмо Горького от второй половины ноября 1898 г.

[2] См. прим. 4 к письму 387.

507

Печатается по тексту ВЛ.

[1] Чехов имеет в виду статью Суворина «Маленькие письма», «Новое время», 1898, 20 ноября.

[2] Чехову об этом писал М. М. Ковалевский.

[3] См. прим. 1 к письму 495.

508

[1] Чехов получил телеграмму и письмо Щепкиной-Куперник о громадном успехе первого спектакля «Чайки» в Художественном театре, 17 декабря 1898 г.

[2] Имеется в виду стихотворение Щепкиной-Куперник «На кладбище», напечатанное в «Новом времени», 1898, 29 ноября.

509

Вишневский (Вишневецкий) Александр Леонидович (1861—1943) — артист Московского Художественного театра с 1898 г. В пьесах Чехова исполнял роли: Дорна в «Чайке», Войницкого в «Дяде Ване», Кулыгина в «Трех сестрах». Уроженец Таганрога, Вишневский знал Чехова с детства. Им написаны воспоминания о писателе: «Незабвенное» («Солнце России», 1914, № 228/25), «Клочки воспоминаний», изд. «Academia», Л. 1928, и др. Переписка Чехова с Вишневским началась со времени возникновения Художественного театра.

[1] Телеграмма от 19 декабря об огромном успехе «Чайки» в Художественном театре.

[2] Вл.И. Немирович-Данченко в письме от 18 декабря подробно писал Чехову о первом спектакле «Чайки».

510

Коновицер Ефим Зиновьевич — адвокат, соиздатель газеты «Курьер», знакомый Чехова.

[1] Коновицер писал 18 дек. Чехову о спектакле «Чайки». По его мнению, она режиссерски поставлена «изумительно», но игра некоторых артистов его не удовлетворила: «Безусловно слаба Чайка (Роксанова), Станиславский изобразил Тригорина оригинально, но не таким, каким Вы его написали».

[2] Спектакли «Чайки» после первого представления были прерваны из-за болезни О. Л. Книппер, игравшей роль Аркадиной.

511

[1] П. А. Сергеенко просил Чехова прислать книги с надписями во вновь открывающуюся в Коломне городскую библиотеку имени И. И. Лажечникова. Чехов послал записку с просьбой выдать его книги в книжный магазин «Нового времени».

[2] Сергеенко сообщил Чехову о желании петербургского книгоиздателя А. Ф. Маркса приобрести право собственности на сочинения Чехова и предложил писателю свои услуги для переговоров с Марксом по этому делу.

512

[1] 23 декабря 1898 г. отмечалось двадцатипятилетие литературной деятельности К. С. Баранцевича.

[2] Летом 1888 г. Баранцевич гостил у Чехова на даче, на Луке.

[3] Баранцевич просил Чехова прочесть его рассказ «Разговор», который вошел в книгу «Сказки жизни», СПб. 1898. Книга эта была послана Чехову с надписью: «Дорогому и любимому Антону Павловичу Чехову в знак глубокого уважения к его чудному таланту и на добрую память. Каз. Баранцевич. 18—I/I—99 г.».

513

[1] См. письмо 506.

[2] Горький писал Чехову в декабре 1898 г.: «Я самоучка, мне 30 лет. Не думаю, что я буду лучше чем есть и — дай бог удержаться на той ступени, куда я шагнул, это не высоко, но — будет с меня. И вообще я — фигура мало интересная».

[3] С конца 1898 г. петербургский журнал «Жизнь» сделался органом «легального марксизма». Редактором его стал В. А. Поссе, близкое участие в журнале принял М. Горький.

[4] Рассказ Е. Н. Чирикова «Чужестранцы» и В. В. Вересаева «Конец Андрея Ивановича», в котором Чехов находил сходство с Орловым из рассказа М. Горького «Супруги Орловы».

[5] Горький писал Чехову: «В Петербург жить — не поеду. Я не люблю больших городов и до литературы был бродягой».

514

Веселитская (псевдоним: Микулич) Лидия Ивановна (1857—1936) — писательница.

[1] Рассказ Л. И. Веселитской «Черемуха» напечатан в «Северном вестнике», 1898, № 1 и 2, и вошел в книгу ее рассказов: «Черемуха.— Новенькая.— Студент», СПб. 1898, которую она послала Чехову 2 февраля 1899 г.

515

[1] В. А. Тихонов прислал Чехову первую часть своего нового романа «Пустоцвет» под заглавием «В деревне», СПб. 1899.

[2] Шутка.

[3] В ночь под 6 января 1893 г. Чехов, Тихонов и Вас. И. Немирович-Данченко вместе возвращались с вечеринки, бывшей у П. П. Гнедича.

[4] См. т. 11 наст. издания, письмо 152 и прим. 2 к нему.

516

[1] Речь идет о договоре с А. Ф. Марксом — продаже ему литературной собственности на произведения Чехова.

[2] Рассказ Л. Л. Толстого «Мир дурак» напечатан в «Новом времени», 1899, 4 и 5 января.

[3] «Честное слово» — комедия А. С. Суворина.

[4] Корректура набранного в типографии А. С. Суворина 1-го тома собрания сочинений.

[5] 26 мая 1899 г. исполнялось сто лет со дня рождения А. С. Пушкина. Пушкинские дни в Ялте прошли в отсутствие Чехова.

517

[1] Чехов дал разрешение издателю М. В. Клюкину напечатать свой рассказ «Белолобый» в сборнике «Сказки жизни и природы русских писателей», Клюкин же выпустил этот рассказ также и отдельным изданием.

518

[1] Горький и Поссе просили Чехова дать рассказ в журнал «Жизнь». Горький в январе 1899 г. писал Чехову, что «Жизнь» особенно нуждается в его поддержке.

[2] В том же письме Горький писал Чехову: «Я — глуп, как паровоз. С десяти лет я стою на своих ногах, мне некогда было учиться, я все жрал жизнь и работал, а жизнь нагревала меня ударами своих кулаков и, питая меня всем хорошим и дурным, наконец — нагрела, привела в движение, и вот я — лечу. Но рельс подо мной нет, я свежо чувствую и не слабо, думать же не умею, — впереди ждет меня крушение... Момент, когда я зароюсь носом в землю, — еще не близок, да если б он хоть завтра наступил, мне все равно, я ничего не боюсь...»

519

[1] В. Ф. Коммиссаржевская в письме от начала февраля 1899 г. просила Чехова написать для «Нового времени» рецензию на перевод С. П. Нани отрывков из книги Ницше «Так говорит Заратустра», СПб. 1899, который получил в печати отрицательную оценку («Вестник Европы», 1899, № 1).

[2] Имеется в виду провал «Чайки» на первом спектакле в Александринском театре.

[3] Коммиссаржевская, продолжавшая играть в Александринском театре, писала Чехову: «Я играю без конца, играю вещи, очень мало говорящие уму и почти ничего душе, — последняя сжимается, сохнет, и если и был там какой-нибудь родничок, то он скоро иссякнет. Успех имею при этом огромный и силюсь тщетно понять, в чем дело».

520

[1] См. письмо 517.

[2] По поводу этой несохранившейся телеграммы Сергеенко писал Чехову: «Твоя фраза в телеграмме о том, что ты даешь слово не жить более 80-ти лет, была принята Марксом чистоганом и едва ли не испортила сделку».

521

[1] Артист киевского театра Н. Н. Соловцова Рощин-Инсаров был убит (8 января 1899 г.) из ревности декоратором театра К. Маловым.

522

[1] В письме от 18 декабря 1898 г. Чехов писал И. Я. Павловскому: «...имейте в виду, что один из издателей московского «Курьера» просил меня написать Вам, что он, «Курьер», будет очень рад Вашему сотрудничеству».

Павловский написал в ответ: «Я бы с радостью стал писать в газете, плюющей на все и всех, не человеконенавистнической. Но какое положение может мне дать «Курьер»? Есть ли у него средства продолжать серьезно делать нужные затраты и может ли он меня содержать? Сами Вы станете ли его поддерживать? Ответьте, пожалуйста, подробно. Я на распутье, и хотелось бы поскорее решиться раз и навсегда.

Если б я знал, что Вы принимаете участие в судьбе газеты, я бы не задумывался и отдал бы себя целиком».

523

[1] В письме от 5 января 1899 г. Чехов писал Мизиновой: «Вы говорите, что я не отвечаю на Ваши письма, но это неправда, я по Вашему тону чувствую, что мое письмо (последнее) дошло до Вас как раз вовремя». 14 января Мизинова с негодованием ответила: «...Зачем этот противный тон и желание оскорбить человека, уличая его во лжи, когда на это нет никакого основания».

[2] Газеты «Курьер».

[3] Е. М. Шаврова.

524

[1] Иорданов прислал Чехову снимки таганрогских видов.

[2] См. прим. 1 к письму 522.

[3] По требованию публики, присутствовавшей на первом спектакле «Чайки» в Художественном театре, Чехову была послана приветственная телеграмма.

525

[1] С. А. Толстая вела дела по изданию сочинений Л. Н. Толстого.

[2] Строительный материал для Мелиховской школы.

526

[1] Рецензия Урусова о втором представлении «Чайки» в Художественном театре напечатана в газете «Курьер», 1899, 3 января.

[2] См. прим. 3 к письму 524.

[3] Урусов напечатал в газете «Биржевые ведомости», 20 декабря 1898 г., заметку, в которой предлагал составить коллективным путем «Словарь Пушкина».

527

[1] Статья П. П. Гнедича «Чайка» г. Ан. Чехова» напечатана в «Новом времени», 1899, 18 января.

[2] Редакция Пушкинского сборника, издававшегося к столетию со дня рождения Пушкина, обратилась к Чехову с просьбой дать рассказ в сборник (вышел в июне 1899 г. с рассказом Чехова «Происшествие»).

[3] Чехов послал Я. Мерперту, принимавшему участие в постановке в Париже пьес русских авторов, комедию П. П. Гнедича «Горящие письма».

528

[1] «Сказка» Чехова напечатана в «Новом времени», 1888, 1 января. В собрание сочинений включена под названием «Без заглавия».

[2] Рассказ «Сказка» напечатан в «Новом времени», 1889,

1 января. В собрание сочинений включен с большими изменениями, под названием «Пари».

[3] Чехов начал сотрудничать в «Новом времени» в 1886 г.

[4] Как выяснилось позднее, это «объяснение» Суворина не соответствовало действительности. См. письмо 610.

[5] Имеется в виду письмо К. С. Тычинкина от 31 января 1899 г., в котором он писал о Суворине: «Всех он покорил под свою десницу и «создает» новые силы... по-прежнему только один Амфитеатров, на мой взгляд, талантливый человек, а все остальные, с Энгельгардтом во главе, все народ усердный, но с неба звезд не хватает».

[6] В январских номерах «Нового времени» печатались телеграммы о деле Дрейфуса.

[7] В «Новом времени», 1899, 11 января, напечатана статья М. Иванова «Музыкальные отголоски», в которой он пишет о большом успехе своей оперы «Забава Путятишна», поставленной в московском Новом театре.

[8] Петербуржец (Лялин) вел в «Новом времени» отдел «Маленькая хроника».

529

[1] Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание».

530

[1] Вл. И. Немирович-Данченко просил разрешения на постановку «Дяди Вани» в Художественном театре. См. прим. 1 к письму 533.

531

Маркс Адольф Федорович (1836—1904) — крупный петербургский издатель книг и журнала «Нива».

532

[1] Список рассказов был послан Н. М. Ежову, потерявшему его.

533

Орлов Иван Иванович (1851—1917) — земский врач. Заведовал Солнечногорской лечебницей Московского губернского земства. Чехов познакомился с ним, когда работал в Серпуховском земстве.

[1] Речь идет о пьесе «Дядя Ваня». Постановка ее предполагалась в Московском Малом театре в сезон 1899—1900 г. В феврале 1899 г. пьеса была передана на утверждение Литературно-театральному комитету, который нашел ее «достойной постановки» только «при условии изменения и вторичного представления в комитет». Чехов отказался переделать пьесу.

[2] См. письмо 495 и прим. 2 к нему.

[3] В ответ на телеграмму от исполнителей «Чайки» и публики, присутствовавшей на первом спектакле, Чехов послал телеграмму на имя Вл. И. Немировича-Данченко: «Передайте всем бесконечно и всей душой благодарен. Сижу в Ялте, как Дрейфус на острове Дьявола. Тоскую, что не с вами. Ваша телеграмма сделала меня здоровым и счастливым». Телеграмма эта напечатана в газете «Новости дня», 1898, 20 декабря.

[4] Орлов писал Чехову, что группа врачей задумала организовать «Солнечногорское общество попечения о санитарных и экономических нуждах населения участка», но устав общества, направленный министру через губернатора («гувернера»), не был утвержден. Орлов жаловался на серую деревенскую жизнь, на срыв всех общественных начинаний: «А тут копошатся учительницы и учителя наших земских школ, жаждущих живой воды в виде взаимного общения, учительских съездов... У, как бы много можно было бы сделать, если бы хоть немножечко у нас было свободы...»

535

[1] Позднее Чехов отзывался о произведениях В. В. Вересаева одобрительно. См. письмо 761.

536

[1] Имеются в виду картины В. М. Васнецова, выставленные в Академии художеств в 1899 г.

[2] В начале февраля 1899 г. в Петербургском университете началась студенческая забастовка, вызванная тем, что ректор

университета в оскорбительной для студентов форме сделал предупреждение о запрещении 8 февраля (день основания университета) «нарушать общественную тишину и порядок»; угрожал привлечь нарушителей порядка к суду по статьям уголовного кодекса. Торжественный акт 8 февраля все же был сорван студентами. Расходившимся по домам студентам, по заранее полученному приказу, преградила путь полиция. Сопротивлявшиеся были избиты нагайками. Последовавшие затем репрессии вызвали присоединение к забастовке студентов других петербургских, а затем и всех высших учебных заведений России.

[3] А. С. Суворин в своих «Маленьких письмах», напечатанных в «Новом времени» 21 и 23 февраля 1899 г., осуждал студентов и восхищался «великодушием и милостью» царя, назначившего комиссию для расследования причин студенческих забастовок.

[4] Писатель К. К. Случевский, начавший свою литературную деятельность в «Современнике» Чернышевского, позднее изменил свои общественно-политические взгляды и редактировал газету «Правительственный вестник».

[5] Чехов имел в виду открытое письмо Делина, парижского корреспондента петербургской газеты «Новости» («Одесский листок», 1899, 19 февраля, и перепечатано в московской газете «Курьер», 1899, 26 февраля).

537

[1] См. прим. 3 к письму 524.

[2] «Дядя Ваня».

538

[1] Рассказ «Смиренные (Картинка с натуры)» напечатан в «Русском богатстве», 1899, № 1.

539

[1] Эти рассказы были напечатаны в «Петербургской газете» в 1885 г.

[2] Имеется в виду съезд писателей в Петербурге, который предполагалось созвать осенью 1899 г. в связи с столетием со дня рождения Пушкина.

[3] См. прим. 1 к письму 538.

[4] «Маленькие письма» А. С. Суворина о студенческих беспорядках (см. прим. 2 и 3 к письму 536) вызвали резкое возмущение в либеральных и демократических кругах. «Новому времени» был объявлен общественный бойкот. Союз взаимопомощи русских писателей и ученых привлек Суворина к «суду чести».

540

[1] П. А. Сергеенко писал Чехову о голоде в Казанской губернии, заболеваниях крестьян цингой; он просил писателя организовать сбор средств и направлять их Н. Н. Юшковой в Норманку и П. В. Троицкой в Чистополь.

[2] С конца 1898 г. и в 1899 г. Чехов принимал деятельное участие в сборе средств для помощи голодающим детям крестьян Самарской губернии.

[3] В типографии А. С. Суворина оказались в запасе сотни несброшюрованных книг Чехова. Маркс считал, что если Чехов предоставляет Суворину право реализации этих изданий, он нарушает пункт 6 договора, что вынуждает Чехова платить неустойку. Вскоре было заключено соглашение между Марксом и Сувориным, которое дало Суворину право пустить в продажу оставшиеся книги Чехова.

[4] См. прим. 4 к письму 539.

541

[1] Писатель С. Я. Елпатьевский строил в Ялте дачу.

542

[1] Чехов устроил больного С. А. Епифанова в санаторий для хроников.

543

[1] По просьбе Чехова Л. А. Авилова организовала переписку рассказов Чехова, печатавшихся в «Петербургской газете»,— для включения в собрание сочинений.

[2] В «Петербургской газете», 1896, 20 октября, напечатано письмо в редакцию Л. А. Авиловой: «О «Чайке» г. Чехова», за подписью: Л. А-ва (она была на первом представлении «Чайки» и дала высокую оценку пьесы).

544

[1] Покупка Чеховым дома в Москве не состоялась.

[2] М. П. Чехова писала брату, что Вл. И. Немирович-Данченко имеет сведения об одобрении Литературно-театральным комитетом пьесы «Дядя Ваня», но для постановки в Малом театре он требует ее переделки. Немирович просил Чехова телеграммой запросить комитет о результатах заседания, отказаться от переделки и быстрее передать пьесу в Художественный театр. См. также прим. 1 к письму 533.

545

[1] Переписанные из «Петербургской газеты» ранние рассказы Чехова.

546

[1] А. С. Суворин не явился на состоявшийся над ним в Союзе писателей суд чести (см. прим. 4 к письму 539), а прислал письменное объяснение. Возникшая в связи с этим переписка между Союзом писателей и Сувориным распространялась им среди знакомых: под «оттиском» разумеется эта переписка. В дневнике Суворина имеется запись от 26 апреля 1899 г.: «Я писал Чехову. Послал ему свое объяснение суду чести. Он нашел его «мало выразительным».

[2] В корреспонденции из Парижа «Чернильная война» («Новое время») П. Важин передал разговор председателя французской палаты депутатов Дешавеля с генералом Бильдерлингом, якобы происходивший на траурном обеде после похорон президента республики Феликса Фора. Генерал Бильдерлинг прислал в газету опровержение («Новое время», 1899, 8 апреля).

[3] 2 апреля в газетах было напечатано обращение Л. Н. Толстого к издателям с просьбой не перепечатывать «Воскресение» из журнала «Нива» до тех пор, пока роман не будет окончен, иначе это поставило бы писателя в неловкое положение перед издателем «Нивы» А. Ф. Марксом. 4 апреля в «Русском слове» появилось открытое письмо редакции газеты к Марксу, упрекавшее его в том, что он «вынудил самого гр. Толстого» выступить с обращением, в этом же номере газеты напечатано «письмо в редакцию» читателя, в котором он сожалеет, что Толстой лишает возможности прочесть новый его роман читателей газет, не полу-

чающих «Нивы». 6 апреля в «Новом времени» напечатана корреспонденция по поводу этого инцидента, в которой Толстой взят под защиту.

547

[1] 1 мая, после окончания сезона, Художественный театр дал закрытый спектакль специально для Чехова, в помещении театра «Парадиз».

[2] Письма А. С. Суворина (см. письмо 546 и прим. 1 к нему).

549

[1] В своих воспоминаниях о Чехове (см. сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960) Л. А. Авилова рассказывает, что она была в Москве 1 мая проездом из Петербурга и на вокзале встретилась с писателем, которому передала упомянутый в письме рассказ. Название рассказа Авилова не приводит.

550

Печатается по тексту ВЛ.

[1] Чехов хотел переговорить с Сытиным об издании сочинений И. Я. Павловского.

[2] См. письмо 546.

[3] Газета «Россия».

551

[1] Рукопись перевода, сделанного Е. М. Шавровой.

[2] См. прим. 1 к письму 547.

[3] Роль Нины Заречной исполняла М. Л. Роксанова, роль Тригорина — К. С. Станиславский.

552

[1] «Свободный художник».

553

[1] Портреты писателей и копии с картин Бёклина Чехов выписал для таганрогского музея.

[2] П. Ф. Иорданов прислал Чехову на отзыв перевод на

французский язык 1-го акта «Чайки», сделанный таганрогским преподавателем французского языка.

[3] И. Я. Павловский писал Чехову в октябре 1898 г., что его отношения с «Новым временем» из-за дела Дрейфуса испортились настолько, что он «целый месяц считал себя вышедшим из газеты...».

[4] Суворин предложил Павловскому давать корреспонденции нейтрального характера, не затрагивающие политических тем.

[5] См. прим. 1 к письму 547.

[6] Постановки немецкого театра герцога Мейнингенского (режиссер Кронек) отличались стремлением к максимальной верности в воссоздании исторической эпохи, в частности в декорациях и костюмах, и к наибольшей естественности массовых сцен.

[7] Спектакли Художественного театра происходили в здании «Эрмитажа».

[8] А. Л. Вишневский исполнял роль Шамраева.

554

[1] В ознаменование столетия со дня рождения Пушкина в Москве состоялся ряд торжественных заседаний (в Московском университете, в Обществе любителей российской словесности, в Обществе любителей естествознания и др.), на которых выступали профессора А. Н. Веселовский, А. И. Чупров, В. В. Острогорский и др.

555

Книппер Ольга Леонардовна (1868—1959) — артистка Московского Художественного театра с 1898 г. В пьесах Чехова исполняла роли: Аркадиной в «Чайке», Елены Андреевны в «Дяде Ване», Маши в «Трех сестрах», Раневской в «Вишневом саде», Сарры в «Иванове». С 1901 г. жена Чехова. Опубликована переписка Чехова с Книппер (т. 1—в 1934 г. и т. 2 —в 1936 г.).

[1] По окончании театрального сезона Книппер уехала к брату на Кавказ.

556

[1] Горький писал Чехову в июне 1899 г.: «Фома мой становится для меня крокодилом каким-то. Я даже во сне его видел прошлый раз: лежит в грязи, щелкает зубами и свирепо

говорит: — что ты со мной, дьявол, делаешь? А что я делаю? Испорчу ему вид».

[2] Имеется в виду книга священника Г. С. Петрова «Евангелие как основа жизни», которую Горький рекомендовал Чехову.

558

[1] См. прим. 1 к письму 556.

560

[1] Всемирной выставке в Париже.

[2] По просьбе студента А. И. Синани Чехов хлопотал о переводе в Московский университет студента Вебера.

[3] Имеется в виду художник И. К. Айвазовский, живший постоянно в Феодосии и заботившийся о благоустройстве этого города.

[4] Точное название пьесы «Одинокие».

561

[1] В Художественном театре готовилась к постановке пьеса Чехова «Дядя Ваня».

[2] Повесть М. Горького «Фома Гордеев» печаталась в журнале «Жизнь» с февраля по сентябрь 1899 г.

562

[1] *Наденька* — вымышленное лицо, шутка.

564

[1] В Художественном театре шли репетиции пьесы Гауптмана «Одинокие», в которой роль Анны Мар исполняла О. Л. Книппер.

[2] Шуточное прозвище парохода, очищавшего морское дно.

565

Терентьева Мария Федоровна — учительница Мелиховской школы.

[1] Выражение, часто употреблявшееся Анисимовой.

566

[1] Чехов писал для «Русской мысли» повесть «Дама с собачкой».

[2] Вероятно, не был написан.

567

Ундольский Павел Васильевич — священник, учитель школы в селе Мухалатка близ Фороса (в Крыму). Переписка возникла в связи с постройкой школы в Мухалатке.

[1] Деньги были даны Чеховым, и школа выстроена в 1900 г.

568

[1] Рассказы, продолжающие эту «серию», не были написаны.

569

Грюнберг Юлий Осипович (1853—1900) — управляющий конторой издательства А. Ф. Маркса и журнала «Нива».

[1] Рассказ не был прислан.

570

[1] Осенью 1899 г. вышла брошюра «Отчет о деятельности Художественно-общедоступного театра за 1-й год (14 июля 1898 — 28 февраля 1899)».

572

[1] О. Л. Книппер писала Чехову, что ее смущает указание Станиславского по поводу последней сцены Астрова с Еленой: «Астров у него обращается к Елене, как самый горячий влюбленный, хватается за свое чувство, как утопающий за соломинку. По-моему, если бы это было так,— Елена пошла бы за ним, и у нее не хватило бы духу ответить ему: «Какой Вы смешной»... Он, наоборот, говорит с ней в высшей степени цинично и сам как-то даже подсмеивается над своим цинизмом. Правда или нет?»

[2] С. И. Шаховским.

[3] Реплика Репетилова из комедии Грибоедова «Горе от ума».

573

[1] Телеграмма послана в ответ на полученную Чеховым приветственную телеграмму Художественного театра 30 сентября 1899 г.: «...Перед открытием второго сезона встали прекрасные воспоминания прошлого вновь живы прежние восторги. Вся труппа единодушно потребовала послать привет дорогому другу нашего театра. С пожеланием поскорее видеть его среди нас Алексеев. Немирович-Данченко».

574

[1] Чехов писал рассказ «Калека», который и предполагал послать в «Неделю». Неизвестно, был ли окончен этот рассказ, но в печати он не появился. В рукописи сохранился небольшой отрывок рассказа (см. ПСС, т. IX, стр. 485). В дневнике Б. А. Лазаревского (неопубликованном) имеется запись о посещении им Чехова в Ялте 30 июня 1900 г.: «В кабинете мне бросилась в глаза начатая и, вероятно, оконченная, потому что на ней уже было заглавие, рукопись «Калека».

[2] Сборник рассказов П. И. Накрохина «Идиллия в прозе», СПб. 1899.

575

[1] О. Л. Книппер писала, что постановка в Художественном театре (29 сентября) трагедии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» не имела ожидаемого успеха.

[2] Постановка «Дяди Вани» в Петербурге не состоялась. См. письмо 591.

[3] Так в шутку называли Чехова в Художественном театре.

576

[1] П. И. Куркин, по просьбе Чехова, дал для спектакля «Дядя Ваня» в Художественном театре изготовленную им карту Серпуховского уезда с селом Мелиховом в центре.

577

[1] А Л. Вишневский писал, что в печати появились отзывы об удачном исполнении им роли Годунова в пьесе А. К. Толстого Смерть Иоанна Грозного».

578

Россолимо Григорий Иванович (1860—1928) — профессор Московского университета, невропатолог. Однокурсник Чехова по медицинскому факультету. Россолимо написал воспоминания о Чехове (см. сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960).

[1] На юбилейном товарищеском ужине врачей 8 мая 1899 г. было принято решение издать альбом портретов с автобиографиями врачей, окончивших медицинский факультет Московского университета в 1884 г., и образовать курсовое общество взаимопомощи. Подготовка альбома к изданию была поручена Г. И. Россолимо. Альбом издан в конце 1899 г.

579

[1] Вероятно, имеются в виду письмо Урусова от 5 января, в котором он восторженно отзывался о «Чайке», и его рецензия на постановку «Чайки» в Художественном театре, напечатанная в газете «Курьер», 1899, 3 января.

[2] Урусов просил разрешения напечатать пьесу «Леший», которую он назвал замечательным вариантом «Дяди Вани», в предполагавшемся новом издании — театральном журнале «Пантеон».

580

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) —артист и режиссер. В труппе Московского Художественного театра состоял с 1898 по 1902 г. В пьесах Чехова исполнял роли Треплева в «Чайке», Тузенбаха в «Трех сестрах». Известно только одно публикуемое здесь письмо Чехова к Мейерхольду. О судьбе остальных писем см. «Театральная жизнь», 1961, № 5. Письма Мейерхольда к Чехову опубликованы в «Литературном наследстве», т. 68, М. 1960.

Печатается по тексту ЛН.

[1] Мейерхольд в письме Чехову от 29 сентября 1899 г. просил помочь ему в работе над ролью Иоганнеса в пьесе Гауптмана «Одинокие». 23 октября он благодарил Чехова за присланную характеристику Иоганнеса: «Хоть Вы и коснулись только общих черт ее, но сделано это с таким мастерством, что образ Иоганнеса вырисовался совершенно ясно».

581

[1] Первый спектакль «Дяди Вани» в Художественном театре.

[2] В газете «Курьер», 1899, 27 октября, рецензент писал о сильном впечатлении, которое производит пьеса, но «там, указывал он, где сцена выходила из рамок деревенской жизни и начиналась драма, основанная на столкновении дяди Вани, Сони, Елены и других с эгоизмом профессора Серебрякова... там наступали моменты разочарования». В другой рецензии («Новости дня» от того же числа) говорилось, что «Последний аккорд спектакля... покрыв своей чрезвычайной силою все остальные впечатления, заставил забыть те недочеты, какие есть, конечно, и в самой пьесе Антона Чехова, и в постановке, и в исполнении ее на сцене».

[3] Это желание Чехова было исполнено Художественным театром, приехавшим в Крым на гастроли в апреле 1900 г.

[4] Капитану А. И. Зальца, брату А. И. Книппер.

583

[1] Описка Чехова — имелась в виду роль Елены в «Дяде Ване». О. Л. Книппер писала Чехову, что она недовольна своим исполнением этой роли: «...Играла я невообразимо скверно — почему? Многое понимаю, многое — нет. У меня сейчас столько мыслей, скачущих в голове,что ясно вряд ли расскажу... Дело, по-моему, вот в чем: меня заставили позабыть мой образ Елены, который режиссерам показался скучным, но который я целиком не играла. Обрисовывали мне ее совсем иначе, ссылаясь на то, что это необходимо для пьесы. Я долго боролась и до конца не соглашалась...»

[2] Вл. И. Немирович-Данченко телеграфировал Чехову после второго спектакля «Дяди Вани» 30 октября 1899 г.: «Второе представление. Театр битком набит. Пьеса слушается и понимается изумительно. Играют теперь великолепно. Прием — лучшего не надо желать. Сегодня я совершенно удовлетворен. Пишу. На будущей неделе ставлю пьесу 4 раза».

[3] Иоганнес — герой драмы Гауптмана «Одинокие».

584

[1] Афиша первого спектакля «Дяди Вани», на которой изображена декорация первого действия, счета Дяди Вани и портрет Чехова.

[2] То есть Вл. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому.

585

[1] Вексель Коншина, который купил Мелихово, но не расплатился за него.

586

Поссе Владимир Александрович (1864—1940) — журналист, фактический редактор журнала «Жизнь». О знакомстве с Чеховым Поссе рассказывает в своих воспоминаниях («Новый журнал для всех», 1908, № 2, и в книге «Мой жизненный путь», М. 1929).

[1] Чехов писал повесть «В овраге».

587

[1] См. письмо 588 и прим. 4 к нему.

[2] См. письмо 590.

588

[1] Горький прислал Чехову свою книгу «Очерки и рассказы», т. 3, изд. Дороватовского и Чарушникова, СПб. 1899.

[2] См. прим. 2 к письму 561.

[3] С. П. Дороватовский просил Чехова прислать портрет с автографом для издания критических очерков Евг. Соловьева (Андреевича) «Писатели-современники» в трех книгах. Первая книга должна была быть посвящена А. П. Чехову, вторая — К. С. Баранцевичу, третья — Горькому. Издание не осуществилось из-за болезни Е. А. Соловьева.

[4] Воззвание, написанное Чеховым, Горький напечатал со своим дополнением в газете «Нижегородский листок», 1899, 1 декабря.

589

Тараховский Абрам Борисович — журналист, сотрудник «Таганрогского вестника» и «Приазовского края» (псевдоним: Шиллер из Таганрога), позднее редактор «Приазовского края». Тараховский напечатал воспоминания о Чехове («Приазовский край», 1904, 7 июля, 1914, 2 июля, «Приазовская речь», 1910, 16 января).

[1] Касса взаимопомощи литераторов и ученых (Литфонд).

[2] Тараховский писал Чехову, что после публикации фельетонов о таганрогской жизни он получил много писем угрожающего характера: «Обещают и избить и убить. Ничего не поделаешь — запасся револьвером и ношу всегда с собой».

[3] См. письмо 588.

591

[1] См. письмо 588.

[2] М. П. Чехов просил помочь ему приобрести книгу Н. Н. Полевого «История русской словесности», изд. Маркса, СПб. 1900.

[3] Рецензии о спектаклях в ярославском театре, печатавшиеся в ярославской газете «Северный край», принадлежали М. П. Чехову.

592

[1] Немирович-Данченко просил Чехова задержать разрешение постановки «Дяди Вани» в Александринском театре, так как Художественный театр собирался поехать в Петербург с этой пьесой, о чем Чехов и писал режиссеру Карпову.

[2] См. прим. 2 к письму 581.

[3] И. Н. Игнатов в статье «Семья Обломовых» («Русские ведомости», 1899, 24 ноября) проводит параллель между Обломовым и действующими лицами пьесы «Дядя Ваня», у которых, по мнению автора, «обломовские черты сквозят в каждом шаге».

[4] Немирович-Данченко писал Чехову, что параллель с Обломовым «уже проводил весною» артист Художественного театра Шенберг (Санин).

[5] Речь идет о пьесе «Три сестры».

[6] «В овраге».

594

[1] Н. М. Ежов, с которым Иорданов летом 1899 г. посетил таганрогский и мариупольский заводы, в корреспонденции «По югу России», напечатанной в «Новом времени», 1899, 21 августа, перепутал данные об этих заводах, чем вызвал недовольство бельгийских акционеров; администрация таганрогского завода явилась к Иорданову с претензиями и просьбой «восстановить истину».

[2] Чехову, как школьному попечителю в Талеже и Новоселках, посылались жалобы на все школьные неурядицы. Еще в феврале 1899 г. писатель просил освободить его от обязанностей попечителя. Он писал Н. Н. Хмелеву: «...мне попечительство не по характеру, эти все дрязги, письма, которые я получил и получаю, все время давили меня, как кошмар» (ПСС, т. 18).

[3] Устав школы садоводства.

595

[1] Повесть «В овраге» напечатана в январской книжке Жизни» за 1900 г.

596

Куркин Петр Иванович (1858—1934) — земский врач. Работал в области санитарной статистики и гигиены, автор ряда трудов по этим вопросам. С Чеховым познакомился еще в студенческие годы. Сближение же и дружеские отношения возникли на почве земской деятельности в Серпуховском уезде. Куркину принадлежит статья «Антон Павлович Чехов как земский врач» («Общественный врач», 1911, № 4). Задуманная Куркиным книга воспоминаний о Чехове осталась незаконченной.

[1] Куркин прислал свою книгу «Материалы по болезненности и движению населения Московской губернии в 1895 и 1896 гг.», изд. Московского губернского земства, М. 1899.

[2] Куркин писал Чехову о своем решении в ряде очерков «популяризировать санитарную статистику». Все они напечатаны в «Русской мысли», 1900, кн. 5 и 8, под заглавием «Очерки санитарной статистики».

597

[1] Горький известил Чехова о том, что присланное им воззвание он напечатал в «Нижегородском листке» и «разослал по знакомым в Питер, Москву, Самару, Смоленск» (см. прим. 4 к письму 588).

[2] Повесть «В овраге».

[3] Рассказ М. Горького, напечатанный в «Нижегородском листке», 1899, 4 октября.

598

[1] Первый спектакль пьесы Г. Гауптмана «Одинокие» состоялся в Художественном театре 16 декабря 1899 г.

[2] См. письмо 580.

[3] В «Новом времени», 1899, 28 декабря, напечатана статья П. Перцова «Дядя Ваня» (Письмо из Москвы)», в которой исполнение этой пьесы Художественным театром названо «сверхталантливым». Рецензент выразил удивление по поводу сдержанного отношения к спектаклю московских зрителей.

[4] Повесть «В овраге» напечатана в январской книжке «Жизни» за 1900 г.

599

[1] Из Ялты уехали И. И. Левитан и М. П. Чехова.

[2] Название повести не установлено.

[3] Пьесу А. С. Суворина «Вопрос».

[4] 29 апреля 1899 г., в связи с исполнявшимся столетием со дня рождения А. С. Пушкина, был издан указ об учреждении при втором Отделении (русского языка и словесности) Академии наук Разряда изящной словесности. В январе 1900 г. на первых выборах в новый Разряд были избраны почетными академиками: Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. А. Потехин, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужников, А. А. Голенищев-Кутузов, В. С. Соловьев, К. К. Арсеньев и К. К. Романов.

[5] «Дополнительные статьи к ныне действующему положению об Отделении русского языка и словесности Академии наук», утвержденные президентом Академии.

[6] В «Новом времени» печатались статьи под заглавием «Мартиролог русских городов (обойденных железными дорогами)».

600

[1] Повесть «В овраге».

601

Санин (Шенберг) Александр Акимович (1869—1955) — артист и режиссер Московского Художественного театра с 1898 по 1902 и с 1917 по 1919 г. В 1921 г. уехал за границу с труппой С. П. Дягилева. Известно одно публикуемое здесь письмо Чехова Санину.

602

[1] Г. И. Россолимо спрашивал, можно ли дополнить присланную Чеховым автобиографию (см. письмо 578) сведениями об избрании писателя почетным академиком.

[2] Россолимо (бывший председателем отдела семейного воспитания педагогического общества) составлял образцовую детскую библиотеку. По его просьбе, для этой библиотеки Чехов послал «Белолобого» и «Каштанку».

603

[1] Шутка по адресу Вл. И. Немировича-Данченко.

[2] В августе 1899 г. Чехов и Книппер по дороге из Ялты в Бахчисарай проезжали мимо земской больницы в Кокозах. Увидевшие их врачи, в том числе и П. П. Розанов, стали кричать им и махать руками, пытаясь привлечь их внимание. Но Чехов и Книппер, приняв их за душевнобольных, проехали мимо (см. воспоминания О. Л. Книппер в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960).

604

[1] Незаконченная пьеса А. С. Суворина «Вопрос», присланная Чехову в рукописи. Издана в 1903 г.

605

[1] Глава эта осталась неизвестной.

[2] Ф. Д. Батюшков сообщал, что оригинал иллюстрации И. Е. Репина для обложки французского издания повести

«Мужики» художник сам вышлет Чехову. В настоящее время хранится в Таганрогском музее А. П. Чехова.

[3] Батюшков писал Чехову: «Продолжаю читать на женских курсах и порой опять ухожу интересами в «седую старину» западноевропейской жизни, но старина не разобщает меня с задачами современной эпохи. Только не знаешь, откуда чаять движения воды».

607

[1] 26 января 1900 г. Чехов послал телеграмму «Русской мысли»: «Журналу, 20 лет выражавшему лучшие стремления русской интеллигенции, и ее благородному представителю Виктору Александровичу, нашему другу, милому, доброму, родному человеку, шлю поздравления, сердечные пожелания счастья».

[2] В. А. Гольцев просил Чехова устроить в Ялте собиравшегося туда поехать «молодого ученого».

[3] Близ Старой Рузы в местечке Шелковка находилась дача В. А. Гольцева.

[4] Рассказ М. В. Крестовской «Вопль» напечатан в «Русской мысли», 1900, кн. 1 и 2.

[5] Повесть Д. Н. Мамина-Сибиряка «Около господ» напечатана в «Русской мысли», 1900, кн. 1, 3 и 4. Чехов, следовательно, мог прочесть только начало повести.

608

[1] Рукопись рассказа С. Н. Щукина. См. об этом воспоминания Щукина в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960.

609

[1] Е. М. Шаврова.

610

[1] Ответ на письмо М. П. Чехова, в котором он писал о своей встрече с А. С. и А. Н. Сувориными, просившими его «помирить» с Антоном Павловичем. М. П. Чехов привел в своем письме следующие слова Суворина по поводу изменившегося отношения к нему Чехова: «...Я знаю, отчего это случилось. Антоша не захотел простить моей газете ее направление...»

Мих. Павлович пытался уговорить Чехова «вернуть Суворину свое расположение».

[2] Суворин в разговоре с М. П. Чеховым уверял, что Чехов после первого представления «Чайки» в Александринском театре сразу уехал из Петербурга, а потом была «вдруг получена от него телеграмма из Торжка».

611

[1] «Гордиев узел» — роман И. Л. Щеглова, СПб. 1887.

[2] См. письмо 447 и прим. 1 к нему.

612

[1] В письме от 21—22 января 1900 г. Горький писал Чехову о своем впечатлении от посещения в Москве Л. Н. Толстого и о спектакле «Дядя Ваня» в Художественном театре: «Я не считаю ее перлом, но вижу в ней больше содержания, чем другие видят,— содержание в ней огромное, символическое, и по форме она вещь совершенно оригинальная, бесподобная вещь».

613

Пругавин Александр Степанович (1850—1913) — публицист, этнограф, исследователь раскола и сектантства. Переписка его с Чеховым касается главным образом сбора средств для детей крестьян Самарской губернии, пострадавших от неурожая. Участие в этом деле Чехова описано Пругавиным в статье «Из воспоминаний» (см. «Чеховский юбилейный сборник», М. 1910).

Начало публикуемого письма неизвестно.

[1] Пругавин подготавливал к печати книгу «Голодающее крестьянство» и просил у Чехова разрешения напечатать в ней некоторые его письма в «Комитет частного кружка для помощи детям крестьян Самарской губернии, пострадавших от неурожая».

614

[1] Речь идет о повести «В овраге», напечатанной в «Жизни», 1900, кн. 1.

[2] Повесть «На уроке».

615

[1] Речь идет о пьесе А. С. Суворина «Вопрос». См. письмо 604.

[2] В «Русском архиве» (1897, кн. 3) опубликована «Русалка» А. С. Пушкина. В отличие от известных текстов, в этой публикации есть конец шестой, седьмая, восьмая и девятая части драмы. В журнале сообщалось, что новые тексты воспроизведены по памяти Д. П. Зуевым, слышавшим их в исполнении Пушкина в ноябре 1836 г. в доме литератора Э. И. Губера. В печати выражались сомнения в принадлежности этого «окончания» Пушкину. В защиту записи Зуева выступил Ф. Е. Корш (см. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1898, т. III, кн. 3, и 1899, т. IV, кн. 1, 2, а также его книгу «Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева», СПб 1898—1899). Но и после его выступления подлинность окончания «Русалки» не была признана. После смерти Зуева один из его родственников печатно засвидетельствовал мистификацию «окончания».

В девяти «Маленьких письмах» («Новое время», 1900, 16—21 февраля и др.) Суворин доказывал, что эта запись — «сознательная и бездарная подделка под Пушкина», а исследование Корша «отыскивает доказательства чисто формальные, технические».

[3] Чехов имеет в виду одно из «Маленьких писем» Суворина («Новое время», 1900, 3 февраля) с выпадами против суда присяжных, которые оправдали Коновалову, обвинявшуюся в убийстве своего ребенка. Здесь Суворин напоминает о статье А-та по поводу того же судебного дела («Новое время», 1900, 18 января).

[4] Книгопродавец М. В. Клюкин выпустил «Воскресение» Л. Н. Толстого с сокращениями и произвольными изменениями глав.

[5] Под псевдонимом «Фома Неверный» печатался в «Новом времени» Г. А. Немиров.

616

[1] В «Нижегородском листке», 1900, 30 января, напечатана статья М. Горького «Литературные заметки. По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге» («Жизнь», январь)».

[2] Рассказ М. Горького, напечатанный в журнале «Жизнь», 1899, кн. 12.

[3] См. письмо 614.

[4] В № 1 журнала «Жизнь» за 1900 г. напечатаны «Провинциальные картинки» Е. Н. Чирикова, иллюстрация, изображавшая босяка с подписью «С Новым годом!» и рассказ Л. Я. Гуревич «Седок».

[5] Горький писал Чехову в начале февраля: «В Индию я не поеду, хотя очень бы это хорошо. И за границу не поеду. А вот пешечком по России собираюсь с одним приятелем...»

[6] Статья Д. Н. Жуковского «Певец декаданса», за подписью «Декадент», в «Петербургских ведомостях», 1900, 4 февраля.

617

[1] Чехов получил отдельное издание повести М. Горького «Фома Гордеев», которое вышло в серии «Библиотека «Жизни».

[2] См. письмо 614.

619

[1] Повесть М. Горького «Мужик» печаталась в журнале «Жизнь», 1900, № 3, 4. Осталась неоконченной.

620

[1] Пьеса П. А. Сергеенко «Сократ» напечатана в «Ежемесячных литературных приложениях к «Ниве», 1900, № 2 и 3.

[2] См. письмо 615 и прим. 2 к нему.

621

[1] Чехов выехал из Москвы в Ялту 17 мая.

[2] И. И. Левитан был тяжело болен.

622

Якубович (псевдоним: Мельшин) Петр Филиппович (1860—1911) — поэт, беллетрист и литературный критик. По «процессу 21» («Молодая народная воля») в 1887 г. был приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами. В 1896 г. Чехов послал ему в г. Курган, где Якубович жил на поселении, свою книгу «Остров Сахалин».

[1] Ответ на письмо Якубовича из Петербурга от 29 мая 1900 г., в котором он просил Чехова принять участие в подготавливаемом

сборнике, посвященном Н. К. Михайловскому, в связи с сорокалетием его литературно-публицистической деятельности. Сборник («На литературном посту», СПб. 1901) вышел без участия Чехова.

623

Петровский Андрей Иванович — журналист, автор нескольких рассказов, напечатанных в газете «Приазовский край».

624

[1] Горький в 1900 г. стремился поехать в Китай корреспондентом, в связи с вспыхнувшим там боксерским восстанием, и звал с собой Чехова: «Поедемте в Китай? Как-то раз, в Ялте, вы сказали, что поехали бы. Поедемте! Мне ужасно хочется попасть туда, и я думаю предложить себя кому-нибудь в корреспонденты».

(Письмо от июля 1900 г.)

625

[1] *Р.*— артистка Е. М. Раевская.

626

[1] Чехов провожал О. Л. Книппер, уехавшую из Ялты 5 августа, до Севастополя.

[2] 10 августа Чехов уехал в Гурзуф, чтобы, не отвлекаясь, писать пьесу «Три сестры».

627

[1] На Мал. Дмитровке жила М. П. Чехова.

628

[1] В Художественном театре готовилась к постановке пьеса-сказка А. Н. Островского «Снегурочка».

[2] «Три сестры».

630

[1] Описка в подлиннике.

[2] Первый спектакль «Снегурочки» в Художественном театре состоялся 24 сентября. Рецензенты отметили главным образом режиссерский успех спектакля.

[3] Роль Маши.

631

[1] Чехов послал Горькому книгу И. А. Данилова «В тихой пристани» (1898), которую в письме к нему от 28 сент. рекомендовал прочесть: «В тихой пристани» умная вещь. Только не следовало бы ее в виде дневника писать. Впечатление оставляет крупное».

632

[1] Чехов и Горький 27 октября смотрели в Художественном театре «Дядю Ваню» и 28 октября — «Чайку».

[2] Студент А. И. Синани, сын ялтинского книготорговца, окончил жизнь самоубийством.

[3] Описка в подлиннике.

633

Алексеев (псевдоним: Станиславский) Константин Сергеевич (1863—1938) — артист и режиссер, один из основателей и руководителей Московского Художественного театра. В пьесах Чехова исполнял роли: Тригорина в «Чайке», Астрова в «Дяде Ване», Вершинина в «Трех сестрах», Гаева в «Вишневом саде», Шабельского в «Иванове». С Чеховым познакомился в ноябре 1888 г., но переписка и более близкие отношения начались после того, как открылся Художественный театр, в котором шли пьесы Чехова. О встречах с Чеховым Станиславский рассказывает в своих воспоминаниях: «А. П. Чехов в Московском Художественном театре» (см. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960). Письма К. С. Станиславского А. П. Чехову опубликованы в «Ежегоднике Московского Художественного театра 1944 г.», т. 1, М. 1946.

[1] Постройка здания Художественного театра в Камергерском переулке (ныне проезд Художественного театра), по проекту Шехтеля, была начата в 1902 г.

[2] К. С. Станиславский писал, что С. А. Толстая устраивает благотворительный концерт, в котором просит Станиславского прочесть только что написанную Л. Н. Толстым повесть «Кто прав?» и «мечтает о сценах из «Трех сестер». Станиславский просил Чехова не давать разрешения на чтение: «Ваша пьеса, в которую я с каждой репетицией все больше и больше влюбляюсь, до того цельна, что я бы не мог выбрать отдельной сцены для чтения на концертных подмостках».

634

[1] Станиславский писал Чехову о репетициях «Трех сестер».

635

[1] Вишневский исполнял в пьесе «Три сестры» роль учителя Кулыгина.

636

[1] В Pension Russe жили киевские профессора: историк В. Н. Владимирский-Буданов и зоолог А. А. Коротнев.

[2] Имя и отчество доктора Эльсница.

637

Тихомиров Иосаф Александрович (1872—1908) — артист Художественного театра с 1898 по 1904 г. В пьесах Чехова исполнял роли Медведенко в «Чайке», Федотика в «Трех сестрах».

[1] А. А. Тихомирова служила в конторе Московского Художественного театра.

638

[1] Речь идет о заключительной сцене в пьесе «Три сестры».

639

Членов Михаил Александрович (1871—1941) — врач по кожным болезням. После Октябрьской революции — профессор Московского университета. С Чеховым познакомился в 1899 году. Статьи-воспоминания Членова о Чехове: «А. П. Чехов и медицина» и «А. П. Чехов и культура» — напечатаны в «Русских ведомостях», 1906, 5 апреля и 2 июля.

640

[1] О. Л. Книппер беспокоилась о здоровье Чехова.

[2] Чехов интересовался репетициями «Трех сестер».

641

[1] О. Л. Книппер писала Чехову: «Спорный пункт с Немировичем— 3-й акт, покаяние Маши. Мне хочется вести третий акт нервно, порывисто, и, значит, покаяние идет сильно, драматично, т. е. что мрак окружающих обстоятельств взял перевес над счастием любви. Немировичу же хочется этого счастия любви...»

642

[1] Слова Кулыгина в «Трех сестрах».

643

Андреева (Желябужская) Мария Федоровна (1872—1953)— артистка Московского Художественного театра с 1898 по 1906 г.; общественная деятельница. В пьесах Чехова исполняла роли: Нины Заречной в «Чайке», Ирины в «Трех сестрах» и Вари в «Вишневом саде». Письмо Андреевой Чехову опубликовано в книге: «М. Ф. Андреева», М. 1961.

[1] В роли Ирины.

[2] Поездка в Алжир не состоялась. Чехов с М. М. Ковалевским и А. А. Коротневым уехали в Италию.

645

Кондаков Никодим Павлович (1844—1925) — археолог и историк искусства. С 1898 г. ординарный академик по отделению русского языка и словесности. С Чеховым познакомился в 1898 г. в Ялте, где Кондаков проводил ежегодно несколько месяцев. Избранные письма Кондакова Чехову опубликованы в «Известиях Отделения литературы и языка Академии наук СССР», 1960, т. XIX, вып. 1.

[1] Чехов имеет в виду рецензию В. П. Буренина («Новое время», 1901, 9 февраля) на повесть П. Д. Боборыкина «Однокурсники». Буренин отрицательно отзывался о повести, но ему

понравилось «несколько справедливых критических замечаний по поводу не в меру прославляемой и восхваляемой «Чайки» г. Чехова». Популярность «подобного рода произведений» Буренин объяснял устраиваемой якобы в прессе «ловкой рекламой» Чехову.

[2] Кондаков писал, что, по слухам, М. М. Ковалевскому вновь будет разрешено чтение лекций в России.

[3] Ожидался приезд Художественного театра в Петербург.

646

[1] Чехов имел в виду А. А. и М. А. Сувориных.

647

[1] Телеграмма была дана во время встречи сотрудников журнала «Жизнь» с артистами Художественного театра.

[2] Двадцатипятилетие редактирования А. С. Сувориным «Нового времени».

648

[1] О. Л. Книппер писала, что в газете «Россия» ее «выругали» за исполнение роли Елены в «Дяде Ване».

[2] В петербургских газетах были хорошие отзывы об игре Санина в «Одиноких» Г. Гауптмана.

649

[1] Н. П. Кондаков прислал Чехову свою книгу «Современное положение русской народной иконописи», СПб. 1901.

[2] Кондаков написал Чехову о спектакле «Извозчик Геншель» Гауптмана: «Подобную бездарную игру, какую мне пришлось видеть, я видал, но столь наглой и бездарной пьесы, признаюсь, еще не видел»; с начала 2-го акта он ушел из театра.

[3] Определением синода Л. Н. Толстой был отлучен от церкви.

650

[1] См. письмо 647 и прим. 1 к нему.

[2] Рассказ для журнала «Жизнь».

651

[1] *Иванов* и *Львов* — действующие лица в пьесе «Иванов».

652

[1] Г. М. Чехов писал, что в Таганроге будут ставить «Трех сестер».

653

Зайцев Борис Константинович (р. в 1881 г.) — писатель. С 1922 г. живет за границей. С Чеховым познакомился в 1900 г. В газете «Речь», 1914, 2 июля, напечатаны воспоминания Зайцева о Чехове. Публикуемое письмо (телеграмма) к нему Чехова единственная.

[1] Черновой текст телеграммы — отзыв о рассказе Зайцева «Неинтересная история», прочитанном Чеховым в рукописи.

654

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — писатель. После Октябрьской революции эмигрант. Умер в Париже. С Чеховым познакомился в 1895 г. Дружеские отношения между писателями начались после второй встречи в 1899 г. Бунин несколько раз писал воспоминания о Чехове см. сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960. Задуманная им книга о Чехове осталась незаконченной. Черновая рукопись воспоминаний опубликована вдовой писателя (И. А. Бунин, А. П. Чехов, Нью-Йорк, 1955). Письма И. А. Бунина А. П. Чехову опубликованы в «Литературном наследстве», т. 68, М. 1960).

[1] Издательство «Скорпион» выпускало альманах «Северные цветы», в котором печатался рассказ Чехова «Ночью», переделанный из его старого рассказа «В море».

[2] В номере от 8 марта 1901 г.

655

[1] «Эдда Габлер» — пьеса Г. Ибсена.

[2] См. прим. 1 к письму 633.

[3] Чехову писали о происходивших студенческих волнениях, вызванных применением к студентам «временных правил», по которым за «чинение скопом беспорядков» студенты карались

исключением из высших учебных заведений и отдачей в солдаты. Особенно резкие протесты студенчества, требовавшего отмены «временных правил», начались после того, как в январе 1901 г. за организованную сходку были исключены из Киевского университета и отданы в солдаты 183 студента. Студенты на демонстрациях жестоко избивались, шли массовые аресты и ссылки (см. статью В. И. Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов» — Полное собр. соч., изд. 5-е, т. 4, 1959).

[4] В газетах печатались правительственные сообщения о демонстрациях в Харькове и Москве, о демонстрации 4 марта у Казанского собора в Петербурге, о закрытии Союза писателей, циркуляр министра внутренних дел губернаторам о мерах предупреждения и подавления «беспорядков» и т. д.

[5] «Михаэль Крамер» — пьеса Г. Гауптмана.

656

[1] Повесть Горького «Трое» печаталась в журнале «Жизнь», 1900, № 1 и 2, и 1901, № 1, 2, 3 и 4.

[2] В. А. Поссе писал Чехову 8 марта 1901 г.: «Серьезное теперь время, очень серьезное! Масса сосредоточенного страдания. Горький здесь, и страшно волнуется».

657

Федоров Александр Митрофанович (1868—1949) — беллетрист, драматург, поэт и переводчик. После Октябрьской революции уехал за границу. С Чеховым познакомился в 1901 г. Написанные Федоровым воспоминания о Чехове напечатаны в сборнике «Памяти А. П. Чехова», М. 1906.

[1] 3-й том Собрания сочинений Чехова, в издании А. Ф. Маркса.

[2] Федоров ждал от Чехова отзыва о своей пьесе «Старый дом», которая была принята к постановке в Художественном театре.

[3] Федоров обещал Чехову прислать книгу своих переводов «Ады Негри» и «еще кое-что из своих изданий».

658

[1] Горький был арестован в Н.-Новгороде и заключен в нижегородскую тюрьму 17 апреля 1901 г. Он обвинялся в приобре-

тении в Петербурге мимеографа для нижегородской социал-демократической организации.

[2] См. письмо 659 и прим. 2 к нему.

659

[1] Письмо В. А. Поссе от 7 мая, посланное из дома предварительного заключения.

[2] В. А. Поссе был арестован в апреле 1901 г. и в середине мая освобожден с запрещением в течение трех лет проживать в столичных губерниях, университетских городах и рабочих районах.

[3] Доктора Н. И. Долгополова.

[4] Майская книжка «Жизни» не вышла в свет. Журнал был приостановлен после выхода апрельской книжки, в которой напечатана «Песнь о Буревестнике» М. Горького; в июне правительственным постановлением издание журнала прекращено.

[5] Статья В. А. Поссе «Московский Художественный театр (По поводу его петербургских гастролей)», в апрельской книжке «Жизни» за 1901 г.

660

[1] Телеграмма.

661

[1] Чехов и Книппер 25 мая, после венчания, выехали в Н.-Новгород, где для них были взяты билеты на пароход до Пьяного бора (см. письмо 659). В Н.-Новгороде они навестили М. Горького.

663

[1] М. Горький писал пьесу «Мещане».

664

[1] Горький писал Чехову 27 июня: «Средин сказал мне кое-что о тех условиях, на которых Вы продали Марксу свои книги, и я предлагаю Вам вот что — пошлите-ка Вы этого жулика Маркса ко всем чертям. Пятницкий, директор «Знания», говорит, что Маркс, печатая Ваши книги по 40 000 в одно издание, давно уже

покрыл суммы, выплаченные Вам. Это грабеж, Антон Павлович! И не того же ради Вы силу Вашу растрачиваете, чтобы этот немец плодами ее пользовался. А посему я от лица «Знания» и от себя предлагаю Вам вот что: контракт с Марксом нарушьте, деньги, сколько взяли у него, отдайте назад и даже с лихвой, коли нужно. Мы Вам достанем, сколько хотите. Затем отдайте Ваши книги печатать нам, т. е. входите в «Знание» товарищем и издавайте сами».

[2] В связи с закрытием журнала «Жизнь» окончание повести «Трое» не было напечатано. «Трое» вышли отдельной книгой в издании «Знание».

665

[1] М. А. Членов писал Чехову: «Во мне почему-то твердо и основательно сидит предчувствие, что никогда мне не испытать того, что люди называют личным счастьем... Ну и бог с ним! Будем работать для науки и общих идей. Это, пожалуй, будет подороже личного счастья».

666

Садовская Ольга Осиповна (1850—1919) — артистка Московского Малого театра, жена М. П. Садовского.

[1] Весной 1901 г., при встрече с Чеховым, Садовская просила его написать для ее бенефиса пьесу. В письме от 3 августа она напоминала Чехову: «...Вы хотя не дали мне обещания, но заронили в мою душу маленькую искру надежды на то, что я могу с своим бенефисом быть счастливейшей актрисой в мире».

667

[1] Чехов посетил Л. Н. Толстого в Гаспре 12 сентября.

[2] Горький писал Чехову, что он подал прошение в департамент полиции о разрешении поехать в Крым.

[3] Горький заканчивал пьесу «Мещане».

[4] Горький ответил Чехову: «Конца «Троих» не имею. Разгром «Жизни» был так свиреп, что не осталось даже листочков, и я должен был просить типографию, в которой печатался журнал, чтобы мне прислали хоть один оттиск. Прислали — цензурный, весь в помарках. Я отправил его «Знанию».

[5] Чехов получил письмо переводчика М. Феофанова для передачи Горькому.

[5] Арзамас был намечен местом жительства Горького, так как департамент полиции предписал ему выехать из Н.-Новгорода в один из уездных городов губернии.

668

[1] 19 сентября 1901 г. в Художественном театре состоялся первый спектакль «Дикой утки» Г. Ибсена.

[2] Пьеса Г. Гауптмана «Михаэль Крамер».

669

[1] Чехов писал в «Журнал для всех» рассказ «Архиерей».

[2] «Мещане».

670

[1] «Мещане».

671

[1] «Обыкновенная женщина».

[2] В «Северном крае», 1901, 9 октября, напечатана рецензия об успешной постановке пьесы А. М. Федорова «Старый дом» в ярославском театре.

672

[1] См. прим. 1 к письму 633.

673

[1] Горькому было запрещено полицией проживание в Ялте, и Чехов прописал его у себя в Аутке, которая в то время считалась пригородом Ялты.

675

[1] В статье В. В. Розанова «Религиозно-философские собрания», напечатанной в «Новом времени», 1901, 9 декабря, сообщалось об открытии, с разрешения духовных властей, религиозно-философского общества, в числе членов-распорядителей которого был назван В. С. Миролюбов.

677

Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — с конца 90-х гг. был одним из организаторов и руководителей декадентского художественного объединения «Мир искусства». Возглавлявшийся Дягилевым журнал «Мир искусства» (1899—1904) настойчиво боролся против реалистических традиций передвижников. После 1906 г. Дягилев уехал за границу, где организовал выставки русской живописи и русскую балетную труппу.

[1] Дягилев просил Чехова ответить на ряд вопросов в связи с намерением одного из сотрудников «Мира искусства» написать статью о Чехове.

[2] В деревне Мелихово.

[3] Дягилев намеревался один из номеров «Мира искусства» посвятить памяти Левитана.

678

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт и переводчик. После Октябрьской революции эмигрировал. С Чеховым познакомился в 1898 г. Встречался с ним в Ялте и в Париже; написал воспоминания о Чехове. Напечатаны в парижской газете «Россия и славянство», 1929, 13 июля.

[1] Первый том собрания сочинений Эдгара По в переводе Бальмонта.

[2] Бальмонт интересовался, понравилась ли Толстому его книга стихотворений «Горящие здания».

[3] О какой книге изд-ва «Скорпион» идет речь — не выяснено.

679

[1] Чехов поздравляет Е. Н. Бартельс и В. Л. Книппера с обручением.

680

[1] Чехов получил две телеграммы от участников 8-го Пироговского съезда врачей: «Врачи-товарищи, члены VIII Пироговского съезда русских врачей, присутствующие сегодня в Художественном театре на представлении «Дяди Вани», шлют горячо любимому автору, своему дорогому товарищу выражение глубокого уважения и пожелание здоровья» и «Земские врачи глухих

углов России, видевшие в исполнении художников произведение врача-художника, приветствуют товарища и навсегда сохранят память об 11 января».

[2] Доктор Е. А. Осипов, который не был на спектакле по болезни, прислал Чехову следующую телеграмму: «Присоединяюсь к товарищам, от всей души желаю доброго здоровья Вам, глубокоуважаемый Антон Павлович, и долгого процветания Вашему чудному таланту».

681

[1] «Сосны» — рассказ И. А. Бунина, напечатанный в журнале «Мир божий», 1901, № 11.

683

[1] Н. Н. Соловцов умер 12 января 1902 г.

684

Телешов Николай Дмитриевич (1867—1957) — писатель. С Чеховым познакомился в 1888 г. Воспоминания Телешова о встречах с Чеховым см. в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960.

[1] Н. Д. Телешов задумал издание книги рассказов, которая «при объеме в триста с лишним страниц стоила бы всего 20 коп.» и таким образом «была бы доступной для самых широких слоев трудовой интеллигенции».

685

[1] Речь идет о пьесе А. В. Луначарского из эпохи Возрождения «Искушение».

[2] Рассказ И. А. Бунина «Осенью» и рассказ А. И. Куприна «В цирке» напечатаны в журнале «Мир божий», 1902, кн. 1.

[3] Квитанция на деньги, собранные А. Л. Вишневским в пользу ялтинского благотворительного общества.

[4] О. Л. Книппер написала Чехову о капустнике в Художественном театре — традиционном товарищеском эстрадном концерте, состоявшем из юмористических номеров.

686

Алексеева (псевдоним: Лилина) Мария Петровна (1866—1943)—артистка Московского Художественного театра с 1898 г., жена К. С. Станиславского. В пьесах Чехова исполняла роли: Маши и Нины Заречной в «Чайке», Сони в «Дяде Ване», Наташи в «Трех сестрах», Ани и Вари в «Вишневом саде». Письма Лилиной к Чехову опубликованы в «Ежегоднике Московского Художественного театра 1944 г.», т. 1, М. 1946.

[1] «На дне».

[2] Чехов отвечает на шутку Лилиной, будто К. С. Станиславский ухаживает за О. Л. Книппер.

687

[1] И. Н. Альтшуллер.

688

[1] Однокурсник Чехова и Россолимо по медицинскому факультету Московского университета, живший в Калуге, очутившись после тяжелой болезни в трудном материальном положении, обратился к товарищам за помощью.

689

[1] А. Ф. Маркс прислал карту острова Сахалина, которую предполагал напечатать в книге «Остров Сахалин».

690

[1] Куприн женился на М. К. Давыдовой, дочери издательницы журнала «Мир божий».

[2] Речь идет о здоровье Л. Н. Толстого. См. письмо 673.

[3] М. П. Чехова писала, что Членов «киснет», так как «не получает желаемого места».

691

[1] М. Е. Дарский исполнял роль Шейлока в пьесе Шекспира «Венецианский купец», которая шла в Художественном театре в 1898 г.

692

[1] М. А. Членов принимал деятельное участие в VIII Пироговском съезде врачей.

[2] См. прим. 1 и 2 к письму 680.

[3] Врачи, участники съезда, после спектакля «Дядя Ваня» (прим. 1 к письму 680) подарили Художественному театру фотографию с портрета Чехова работы художника И. Э. Браза. Портрет был помещен в фойе Художественного театра. Позднее заменен фотографическим портретом, сделанным Ф. О. Опитцем.

693

[1] Чехов послал в «Журнал для всех» рассказ «Архиерей».

694

Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1937) — фельетонист и беллетрист. Сотрудничал в органах различных политических направлений. В 1921 г. эмигрировал. С Чеховым познакомился в 80-е гг., когда они одновременно сотрудничали в журнале «Будильник». Амфитеатров много раз писал о Чехове. Наиболее обширные воспоминания в книге Амфитеатрова «Славные мертвецы» (Собр. соч., т. XIV, СПб. 1912).

[1] Амфитеатров был сослан в Минусинск за фельетон «Господа Обмановы» (сатиру, хотя и весьма поверхностную, на династию Романовых). После напечатания этого фельетона в «России», 1902, 13 января, газета была закрыта.

695

[1] Корректура рассказа «Архиерей», напечатанного в февральской книжке «Журнала для всех».

[2] В. С. Миролюбов телеграфировал Чехову 27 февраля об избрании Горького почетным академиком.

696

[1] «Собрание стихотворений», СПб. 1900.

[2] Д. М. Ратгауз прислал Чехову свою книгу «Песня любви и печали», СПб. 1902.

697

[1] В. Г. Короленко просил Чехова дать рассказ в сборник памяти Н. В. Гоголя; издание сборника не состоялось.

[2] Письмо Н. П. Кондакова от 12 марта.

[3] М. Горький был избран почетным членом Академии наук. Однако по указанию Николая II выборы были отменены на том основании, что Горький находился под следствием. В связи с этим в «Правительственном вестнике», 1902, 10 марта, а затем в ряде газет 12 марта было напечатано сообщение от имени Академии наук об отмене избрания Горького.

698

[1] Н. Д. Телешов известил Чехова, что 27 марта исполняется двадцатилетие литературной деятельности И. А. Белоусова и что этот день будет отмечен друзьями поэта в квартире Телешова.

699

[1] См. прим. к письму 698.

701

[1] Вероятно, Чехов имеет в виду несколько религиозно-философских статей, написанных Толстым, и его работу над «Хаджи-Муратом».

702

[1] В. Г. Короленко прислал Чехову копию своего заявления в знак протеста против отмены выборов М. Горького. Документ адресован председателю 2-го Отделения Академии наук А. Н. Веселовскому. Копию он просил передать М. Горькому и Л. Н. Толстому.

[2] В. Г. Короленко писал Чехову, что среди академиков возникали разные планы относительно ликвидации конфликта. Один из них заключался в том, чтобы «устранить действие 1035 ст., то есть хлопотать об окончании дела, а потом назначить опять выборы и выбрать вторично».

703

[1] См. прим. 1 к письму 702.

[2] В. Г. Короленко, приезжавший на несколько дней в Петербург в связи с академическим инцидентом, виделся там с О. Л. Книппер.

704

[1] Пьеса немецкого писателя Шляфа «Мейстер Эльце».

705

[1] Писатель С. Г. Скиталец.

[2] Короленко подал заявление об отказе от звания почетного академика 25 июля 1902 г. Через месяц такое же заявление было подано Чеховым (см. письмо 713).

706

[1] «На дне».

707

[1] После улучшения здоровья О. Л. Книппер Чехов ненадолго уехал с С. Т. Морозовым в его имение Усолье, до Н.-Новгорода по железной дороге, затем на пароходе по Волге и Каме до Перми (см. воспоминания А. Н. Сереброва (Тихонова) в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960).

710

[1] «На дне».

711

[1] 26 июля 1902 г. О. Л. Книппер писала К. С. Станиславскому из Любимовки, что Чехов уже полностью обдумал свою будущую пьесу («Вишневый сад»).

712

[1] 25 июля пьесу «На дне» привез Чехову в Любимовку врач А. Н. Алексин, гостивший у Горького в Арзамасе.

[2] «Мысль» Л. Н. Андреева напечатана в журнале «Мир божий», 1902, кн. 7.

714

[1] Описка в подлиннике.

715

[1] «Белая цапля. Сказка», М. 1901, и «Книга рассказов и стихотворений», М. 1902—сборник из произведений участников «сред».

[2] *«Среда»* — московский товарищеский кружок литераторов. Возник в 90-х гг. по инициативе Н. Д. Телешова, на квартире у которого главным образом и происходили собрания кружка.

716

[1] «Жильцы».

[2] Чехов не получил следуемых ему денег за продажу Мелихова.

717

А. Ф. Маркс прислал Чехову рукопись С. Сутугина (псевдоним О. Г. Эттингера) «Думы и мысли Ант. П. Чехова», которая представляла собой свод цитат из произведений Чехова, и просил дать о ней отзыв.

718

[1] 1 окт. — описка в подлиннике.

[2] А. И. Куприн прислал Чехову корректурный оттиск своего рассказа «На покое», печатавшегося в «Русском богатстве» (1902, ноябрь).

720

[1] Зашифрованный ответ на письмо П. И. Куркина. Здесь имелся в виду № 10 журнала «Освобождение», в котором напечатано заявление Чехова в Академию наук (см. письмо 713).

721

[1] Возможно, рассказ «Письмо», оставшийся незаконченным.

[2] В связи с двадцатипятилетием со дня смерти Н. А. Некрасова редакция газеты «Новости дня» обратилась с просьбой

к ряду литераторов написать «несколько строк» относительно того, разделяют ли они точку зрения Л. Н. Толстого, что Некрасов лишен поэтического дара, «отжил» и т. д. Ответ Чехова опубликован в «Новостях дня», 1902, 27 декабря: «Я очень люблю Некрасова, уважаю его, ставлю высоко, и если говорить об ошибках, то почему-то ни одному русскому поэту я так охотно не прощаю ошибки, как ему. Долго ли он еще будет жить, решить не берусь, но думаю, что долго, на наш век хватит; во всяком случае, о том, что он уже отжил или устарел, не может быть и речи».

722

[1] Вступление И. Н. Игнатова к «Литературной беседе», состоявшейся 10 декабря 1902 г. в московском Литературно-художественном кружке, было посвящено «сцене и зрителю». Игнатов говорил о том, что сцена приучает зрителя сдерживать свое взволнованное или возмущенное нравственное чувство и тем действует парализующе на волю. В этом — отрицательное влияние театра на зрителя. Заключение было сделано П. Д. Боборыкиным.

[2] В газете «Пермский край», 1902, 8 декабря, напечатана рецензия о постановке в местном театре, 6 декабря, пьесы «Дядя Ваня».

[3] «Слепые», «Там внутри», «Непрошенная».

[4] «Стихотворения», изд. О. Н. Поповой, СПб. 1903.

723

[1] Письмо о первом спектакле «На дне» в Художественном театре.

[2] «Промышленность и здоровье».

724

[1] В статье Д. В. Философова «Чайка» («Мир искусства», 1902, № 11) сопоставляются постановки пьесы в Александринском театре в 1896 и 1902 гг.

725

[1] Статья В. В. Розанова «25-летие кончины Некрасова».

[2] Рассказ был закончен Чеховым в феврале 1903 г. и послан

В. С. Миролюбову в «Журнал для всех», но в корректуре Чехов два раза переделывал «Невесту», и поэтому напечатана она была только в декабре 1903 г.

726

[1] Этот документ нужен был О. О. Грузенбергу для выяснения возможности расторгнуть договор Чехова с Марксом. См. письмо 664 и прим. 1 к нему.

[2] В 1903 г., уже без согласования с Чеховым, Маркс выпустил второе издание собрания сочинений Чехова, в виде приложения к журналу «Нива».

727

[1] Гославский писал Чехову, что Л. Н. Андреев, которого просили поговорить с Горьким об издании рассказов Гославского в «Знании», обещал это сделать, но сомневался в успехе, так как Горькому было известно, что Гославский «скверно говорил» о нем.

[2] Книга Е. П. Гославского «Путем-дорогою. Рассказы», М. 1902.

728

[1] Телеграмма по поводу присылки рассказа Чехова в «Мир божий». Рассказ не был написан Чеховым.

[2] «Журналу для всех» Чехов писал рассказ «Невеста».

[3] Статья симферопольского педагога В. П. Альбова «Два момента в развитии творчества А. П. Чехова (Критический очерк)» в журнале «Мир божий», 1903, кн. 1.

[4] В «Мире божьем», 1903, кн. 1, напечатана статья Ф. Д. Батюшкова «На дне» М. Горького в Московском Художественном театре».

729

[1] Из-за напечатанного в «Курьере», 1902, 13 декабря, стихотворения Скитальца «Гусляр» газета была, по распоряжению министра внутренних дел, приостановлена на три месяца.

[2] Чехов имеет в виду пьесу Г. Ибсена «Столпы общества», в которой роль консула Берника исполнял К. С. Станиславский и роль Лоны О. Л. Книппер.

730

[1] Эта постановка не состоялась.

[2] Первый том собрания сочинений Чехова. См. прим. 2 к письму 726.

731

[1] Вл. И. Немирович-Данченко писал Чехову 17 января о намечаемом репертуаре Художественного театра и выражал надежду, что к весне Чехов пришлет новую пьесу («Вишневый сад»).

732

[1] Двадцатипятилетие литературной деятельности.

[2] Рассказ «Невеста».

733

[1] Имеются в виду статьи А. В. Амфитеатрова, печатавшиеся в «Русском слове».

[2] Драматический театр, основанный В. Ф. Коммиссаржевской в Петербурге, просуществовал до конца ее жизни. Из пьес Чехова в нем были поставлены «Чайка», «Дядя Ваня» и водевиль «Свадьба».

735

[1] Рассказ Л. Н. Андреева «В тумане» напечатан в декабрьской книжке «Журнала для всех». Чехов писал Андрееву 2 января 1903 г., что этот рассказ — серьезный шаг вперед, что в нем «много спокойствия, авторской уверенности в своей силе» и «мало авторской нервности. Беседа отца с сыном сделана... спокойно, и за нее меньше не поставишь, как 5» (см. «Литературное наследство», т. 68, М. 1960).

В литературных кругах этот рассказ Андреева возбудил много толков. Автора обвиняли в чрезмерной мрачности и излишнем натурализме.

[2] Статья Ф. Д. Батюшкова «О Чехове» напечатана в «Петербургских ведомостях», 1903, 27 января.

736

Побединская Марианна Федоровна—жена врача. Участвовала в драматическом кружке в с. Голте, Херсонской губ., который ставил пьесу Чехова «Дядя Ваня». Роль Елены Андреевны исполняла Побединская.

[1] Чехов отвечает на письмо Побединской, в котором она спрашивала писателя, правильно ли ее понимание образа Елены Андреевны. «Елена Андреевна, жена профессора,— тип средней интеллигентной женщины, мыслящей и порядочной, или же это женщина апатичная, ленивая, не способная ни мыслить, ни даже любить? ... Я не могу примириться со вторым мнением... и смею надеяться, что мое понимание этой женщины, как человека разумного, мыслящего и даже несчастного от неудовлетворения своей настоящей жизнью,— правильно».

[2] 9 февраля должен был состояться спектакль с участием Побединской.

737

[1] Станиславский прислал Чехову золотой жетон с изображением чайки — эмблемы Художественного театра.

740

[1] О. Л. Книппер прислала Чехову посвященное ему стихотворение Чюминой. С некоторыми изменениями стихотворение это, под заглавием «В Крыму», вошло в сборник «На памятник Чехову. Стихи и проза», СПб. 1906.

[2] Г. В. Панова.

[3] 4 февраля в Московском литературно-художественном кружке К. Д. Бальмонт сделал вступление к «Литературной беседе» на тему «Чувство личности в поэзии». Остановился он главным образом на испанской и английской поэзии XVI и XVII вв.

742

[1] М. П. Лилина сообщала Чехову о заседании правления Художественного театра по поводу репертуара будущего сезона: «Одна грусть, пьес никаких... опять начали перебирать: «Месяц в деревне», «На всякого мудреца довольно простоты», «Ревизора», «Горе от ума», и окончательно ни на чем не порешили. Вся надежда: Чехов напишет и Горький напишет».

743

[1] См. прим. 2 к письму 735.

[2] Имеется в виду письмо С. А. Толстой, напечатанное в «Новом времени», 1903, 7 февраля, по поводу рассказа Л. А. Андреева «В тумане»; С. А. Толстая присоединяется к отзыву Буренина, расценивавшего этот рассказ в своей статье («Новое время», 1903, 31 января) как вредное, порнографическое произведение.

[3] Эта характеристика относится к деду Чехова по отцу, Егору Михайловичу Чехову, который был крепостным у помещика Черткова и выкупился на волю в 1841 г.

744

[1] А. А. Андреева просила Чехова прислать какой-нибудь рассказ для прочтения на публичном заседании Общества любителей российской словесности, посвященном памяти А. И. Урусова.

[2] «Невеста».

[3] Этот рассказ неизвестен.

[4] Письма Урусова к Чехову для готовившейся к изданию книги об Урусове.

745

[1] Речь идет об исполнявшейся О. Л. Книппер роли Лоны в пьесе Ибсена «Столпы общества».

[2] Предполагалось пригласить В. Ф. Коммиссаржевскую для исполнения роли Нины Заречной на четыре спектакля «Чайки», которые были намечены к постановке на петербургских гастролях Художественного театра.

746

[1] И. Н. Потапенко писал Чехову: «Я возвратился к старой мечте о своем журнале и собираю маленькую артель для издания его. Нас трое: Мамин-Сибиряк, Вас. Немирович-Данченко и я. Но мы желаем тебя, как четвертого».

[2] «Невеста».

748

[1] Чехов пишет о рассказе «Невеста».

749

[1] Все перечисленные книги Белоусова: «Малыши. Рассказы и стихотворения для детей», СПб. 1893, «Из песен о труде (Стихотворения)», М. 1897, «На воле (Стихотворения)», М. 1899, «Кобзарь» Шевченко в переводе и под редакцией Белоусова, М. 1900, «Искренние песни (Стихотворения)», М. 1902, — с дарственными надписями хранятся в Таганрогской городской библиотеке.

751

[1] Фельетон В. А. Гиляровского «Люди четвертого измерения (Вечер смеха и забавы)», по поводу реферата С. В. Потресова о символистах, напечатан в газете «Русское слово», 1903, 20 марта.

752

[1] В пьесе «Нахлебник» Артем должен был играть роль Кузовкина. Пьеса эта была поставлена в Художественном театре только в 1912 г.

753

[1] Чехов дал М. И. Чайковскому письма к нему П. И. Чайковского для книги «Жизнь Петра Ильича Чайковского», т. I—III, Москва — Лейпциг, изд. Юргенсона, 1900—1902.

[2] Пьесу «Где тонко, там и рвется» И. С. Тургенев написал в 1847 г.

[3] В № 5 журнала «Мир искусства» за 1903 г. напечатана статья В. Мейеровича «Столпы общества» в Художественном театре», в которой автор отмечает исполнение О. Л. Книппер роли Лоны.

754

[1] Эта резкая фраза по адресу Художественного театра была вызвана письмами О. Л. Книппер от 9 и 10 апреля 1903 г. Она сообщала о петербургских спектаклях «На дне», которые не имели успеха в противоположность огромному успеху этого спектакля в Москве: «На дне» принимали неважно очень. Пьеса не нравится большинству. Первые два акта и мы все играли почему-то враз-

брод... Ощущение от спектакля осталось неприятное» (9 апреля); «Пьесу все ругают, и публика и пресса... «Мещан» не будем играть. Вместо них «Дядю Ваню» (10 апреля). В это же время Чехов получил номер «Нового времени» от 9 апреля 1903 г., в котором была напечатана резко отрицательная рецензия А. С. Суворина о спектакле «На дне».

755

Смидович (псевдоним: Вересаев) Викентий Викентьевич (1867—1945) — писатель, врач. С Чеховым познакомился в 1903 г. в Ялте. О своих встречах с Чеховым написал воспоминания (см. сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960).

[1] Вересаев прислал Чехову свою книгу «Рассказы», т. 1, изд. 5-е, СПб. 1903, с надписью: «Любимому и уважаемому Антону Павловичу Чехову на добрую память от автора. Тула. 20/V.03».

[2] Вересаев, бывший в Ялте весной 1903 г. и читавший «Невесту» уже во второй корректуре, вспоминает: «Накануне, у Горького, мы читали в корректуре новый рассказ Чехова «Невеста» (он шел в миролюбовском «Журнале для всех»).

Антон Павлович спросил:

— Ну что, как вам рассказ?

Я помялся, но решился высказаться откровенно.

— Антон Павлович, не так девушки уходят в революцию. А такие девицы, как Ваша Надя, в революцию не идут.

Глаза его взглянули с суровой настороженностью.

— Туда разные бывают пути». («А. П. Чехов», в сб. «А. П. Чехов в воспоминаниях современников», М. 1960.)

[3] Юшкевич С. С., Сочинения, т. 1, СПб. 1903, и Гусев-Оренбургский С. И., Рассказы, СПб. 1903.

756

[1] К работе по редактированию беллетристического отдела «Русской мысли» Чехов фактически приступил весной 1903 г. Официально об этом было объявлено в октябрьской книжке журнала за 1903 г.

П. А. Сергеенко считал вполне возможным, что Л. Н. Толстой, зная об участии Чехова в редактировании «Русской мысли»,

даст в этот журнал свой новый рассказ «Хаджи-Мурат» («Хаджи-Мурат» появился в печати только после смерти Л. Н. Толстого).

757

[1] См. прим. 2 к письму 755.

758

Попова Анастасия Николаевна — петербургский врач.

[1] Имеется в виду рассказ «Сказка», напечатанный в «Новом времени» в 1889 г. В собрание сочинений включен под заглавием «Пари». Об изменениях, внесенных в этот рассказ, см. прим. в т. 6 наст. издания.

759

Рабинович (псевдоним: Шолом-Алейхем) Соломон Наумович (1859—1916) — еврейский писатель.

[1] Ответ на письмо Шолом-Алейхема, в котором он просил Чехова дать рассказ в издаваемый в Варшаве сборник на еврейском языке в пользу евреев, пострадавших от погрома в Кишиневе.

760

[1] Сочинениями Ежова Чехов называл условно, для конспирации, журнал «Освобождение», выходивший за границей и нелегально распространявшийся в России.

[2] Статья Горького «О кишиневском погроме» распространялась в России в виде литографированной прокламации. Напечатана в журнале «Освобождение», 1903, 2 июня.

761

[1] См. прим. 1 к письму 760.

762

[1] С. П. Дягилев приглашал Чехова быть редактором беллетристического отдела «Мира искусства».

[2] По проекту Дягилева Д. С. Мережковский должен был редактировать отдел критики «Мира искусства».

763

[1] Телеграмма. Приветствие в день пятидесятилетия В. Г. Короленко.

764

[1] «Вишневый сад».

[2] Чехов предполагал, что К. С. Станиславский будет исполнять роль Лопахина.

[3] Постройка крымской железной дороги, проект которой был разработан Н. Г. Гариным-Михайловским, не была осуществлена.

765

Лазаревский Борис Александрович (1871—1936) — писатель, по образованию юрист. Служил в военно-морском суде в Севастополе. Часто приезжал в Ялту, где встречался с Чеховым в 1898—1903 гг. Воспоминания Лазаревского о Чехове напечатаны в «Журнале для всех», 1905, № 7 и др.

[1] Книга Лазаревского «Повести и рассказы», М. 1903.

[2] Замечания Чехова относятся к рассказу «Доктор».

766

[1] Стихотворение «Гимн к солнцу» Бальмонт хотел напечатать в «Русской мысли».

[2] См. прим. 1 к письму 756.

[3] Книга К. Д. Бальмонта «Будем как солнце. Четверогласие стихий», «Скорпион», М. 1903.

767

Сулержицкий Леопольд (Лев) Антонович (1872—1916) — литератор и художник. С 1905 г. режиссер Московского Художественного театра и театральный педагог. С Чеховым познакомился, вероятно, в 1900 г.

[1] Сулержицкий написал статью о духоборах.

[2] В 1902 г. Сулержицкий был арестован по обвинению в принадлежности к партии РСДРП и заключен в московскую таганскую тюрьму, а затем, до суда, выслан в Подольскую губернию.

768

[1] Рукопись повести Семенова.

769

[1] Пьеса С. А. Найденова «Деньги», которую автор дал Художественному театру.

[2] Вл. И. Немирович-Данченко писал Чехову: «Интересно, что будет, когда Витте стал выше Плеве. Витте будет диктатором».

770

[1] См. письмо 769.

[2] «№ 13» и «Блудный сын» — двухактные пьесы Найденова.

771

[1] Вл. И. Немирович-Данченко в письме Чехову высказал свое отрицательное мнение о пьесе Найденова «Деньги».

[2] Немирович-Данченко писал Чехову: «На днях несколько артистов Малого театра с режиссером во главе очень горячо доказывали мне, что я обязан пьесы свои ставить у них. Кажется, они правы...»

772

[1] «Рассказ об одной женщине». Напечатан в «Русской мысли», 1903, кн. 11.

773

[1] «Вишневый сад».

774

[1] Имеется в виду роль Вари в «Вишневом саде».

[2] Чехов говорит здесь о роли Лопахина.

[3] Чехов предполагал, что А. Л. Вишневский будет исполнять роль Гаева.

775

[1] Вероятно, рассказ Семенова «В чем причина», который был послан Чехову вторично для исправления.

776

[1] Первое представление пьесы Шекспира «Юлий Цезарь» состоялось в Художественном театре 2 октября 1903 г.

777

[1] Гольцев писал Чехову об оплате его работы по редактированию рукописей для «Русской мысли»: «Меня просили предложить тебе покуда с 1 июля по двести рублей. Куда прикажешь их выслать».

778

Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — писатель. После Октябрьской революции эмигрировал. Воспоминания Чирикова о встречах с Чеховым, с которым он познакомился в 1898 г., напечатаны в «Биржевых ведомостях», 1914, 1 июля, и в сб. «Артисты Московского Художественного театра за рубежом», Прага, 1922.

[1] Речь идет о пьесе Чирикова «Евреи». Он писал о ней Чехову: «Драму я читал кое-кому, нравится, но нечего думать о постановке ее в России».

[2] Чириков просил Чехова дать рассказ для проектируемого сборника «молодых, не старше 50 лет, беллетристов...» и писал далее: «Но вы завели шуры-муры с бедной «Русской мыслью» и, верно, не дадите?! У Вас к этому органу есть какая-то слабость...»

[3] Народный дом был создан в Н.-Новгороде по инициативе местной интеллигенции.

779

[1] В конверт была вложена записка — распределение ролей в «Вишневом саде». Напечатана в конце письма.

[2] После «Невесты» рассказы Чехова в печати не появлялись. В Архиве писателя сохранились в рукописях неоконченные рассказы «Расстройство компенсации», «Письмо», «Калека»,

а также черновые записи, являющиеся набросками к неоконченному произведению.

[3] См. 3-е действие «Вишневого сада» (разговор Пищика с Трофимовым).

[4] Роли были распределены с некоторыми изменениями. Роль Ани исполняла М. П. Лилина, Вари — М. Ф. Андреева, Гаева — К. С. Станиславский, Лопахина — Л. М. Леонидов, Шарлотты — Е. П. Муратова, Епиходова — И. М. Москвин, Яши — Н. Г. Александров. А. Л. Вишневский остался без роли.

[5] Чехов внес некоторые изменения во 2-е действие «Вишневого сада» после того, как лично увидел постановку пьесы на сцене.

780

[1] Сб. «Знание».

[2] См. прим. к пьесе «Вишневый сад» в т. 9 наст. издания.

781

[1] По прочтении «Вишневого сада» К. С. Станиславский телеграфировал Чехову: «Сейчас только прочел пьесу. Потрясен. Не могу опомниться. Нахожусь в небывалом восторге. Считаю пьесу лучшей из всего прекрасного, Вами написанного. Сердечно поздравляю гениального автора. Чувствую, ценю каждое слово. Благодарю за доставленное уже и предстоящее большое наслаждение. Будьте здоровы. Алексеев».

[2] «Еженедельный журнал. Петербургский дневник театрала». Выходил с января 1904 г.

[3] В имении М. Ф. Якунчиковой, в Наро-Фоминском, где Чехов жил летом 1903 г.

[4] Н. Я. Давыдова обещала Чехову вырезать для него модель древнерусского городка, что она позднее выполнила.

782

[1] В газете «Новости дня», 1903, 19 октября, появилась заметка Н. Е. Эфроса «Вишневый сад», в которой изложено содержание «Вишневого сада» с искажениями.

783

[1] Чехов был избран единогласно «временным председателем» (то есть товарищем председателя) Общества любителей российской словесности 11 октября 1903 г., после смерти временного председателя Общества проф. А. И. Кирпичникова.

[2] В газете «Гражданин», 1903, 26 октября, напечатана рецензия «С дороги в Персию (Мелкие впечатления)», за подписью: Н. Б-ов. Рецензент считал, что театр не справился с пьесой Шекспира «Юлий Цезарь». По его словам, «Брут— Станиславский был Станиславским — Сатиным из «На дне», а Юлий Цезарь — Качалов был тот же Качалов — Барон того же «На дне».

[3] О распределении ролей в пьесе «Вишневый сад» см. прим. 4 к письму 779 и прим. 2 к письму 787.

784

[1] Письмо Станиславского содержало восторженный отзыв о «Вишневом саде».

[2] Станиславский телеграфировал Чехову после чтения «Вишневого сада» труппе Художественного театра: «Чтение пьесы труппе состоялось. Исключительный, блестящий успех. Слушатели захвачены с первого акта. Каждая тонкость оценена. Плакали в последнем акте. Жена в большом восторге, как и все. Ни одна пьеса еще не была принята так единодушно восторженно».

785

[1] Окончательное распределение ролей см. в прим. 2 к письму 787.

786

[1] Описки в рукописи «Вишневого сада» не было. Ошибка была допущена в газетной заметке.

[2] Станиславский писал Чехову: «Летом я записал фонографом рожок пастуха. Того самого, которого Вы любили в Любимовке... теперь этот валик очень пригодится».

[3] Станиславский начал свое письмо Чехову словами: «... вернулся домой после 18-го спектакля ненавистного мне «Цезаря».

787

[1] См. прим. 1 к письму 786.

[2] Чехов получил телеграмму от Немировича-Данченко следующего содержания: «Лопахин — Леонидов, Гаев — Алексеев, Лопахина он боится. Леонидов будет хорошо. Трофимов — Качалов, Пищик — Грибунин, Фирс — Артем, Епиходов — Москвин, Яша — Александров, прохожий — Громов, декламатор — Загаров, Раневская — Книппер, Дуняша — Халютина и Адурская. В остальных ролях голоса разбиваются, реши ты категорически: Аня — Лисенко, Косминская, Андреева, Лилина, Варя — Андреева, Лилина, Литовцева, Савицкая, Шарлотта — Лилина, Муратова, Помялова. Об этих трех ролях пришли свое мнение срочно телеграммой. Немирович-Данченко».

Эти роли исполняли: Аню — Лилина, Варю — Андреева, Шарлотту — Муратова.

[3] Чехов, вероятно, имеет в виду заметку в газете «Новости дня», 1903, 4 ноября, о постановке пьесы Бьёрнсона «Банкроты» в Новом театре.

788

[1] Станиславский написал Чехову, что С. С. Мамонтов уезжает в Японию корреспондентом от «Русского листка». В ответе на это письмо Чехова Станиславский сообщил, что Мамонтов поехал в Японию не от «Русского листка», а от «Русского слова».

789

Кигн (псевдоним: Дедлов) Владимир Людвигович (1856—1908) — беллетрист, публицист и критик. По образованию — юрист. Сотрудничал в журналах: «Русское богатство», «Север», «Нива» и других. Автор нескольких сборников рассказов и путевых очерков.

[1] Сборники рассказов Дедлова «Просто рассказы», СПб. 1902, и «Лирические рассказы», СПб. 1902.

[2] Книга рассказов П. Е. Накрохина «Идиллии в прозе», СПб. 1900.

790

[1] Ответ на письмо К. С. Станиславского о декорации 2-го акта «Вишневого сада».

792

[1] См. прим. 1 к письму 783.

793

[1] В письме от 8 декабря 1903 г. А. С. Лазарев-Грузинский просил Чехова возобновить обмен номерами журналов между «Русской мыслью» и «Будильником».

[2] В том же письме он сообщал: «Недавно я получил из Праги письмо с запросом, не могу ли прислать что-нибудь из своих последних вещей для перевода на чешский язык. Оказывается, что мои рассказы уже давно переводят на чешский язык...»

794

[1] Ф. Д. Батюшков просил Чехова сообщить, даст ли он рассказ в январскую или февральскую книжки «Мира божьего» на 1904 г.

796

[1] Первое представление «Вишневого сада» в Художественном театре. Чехов был недоволен постановкой своей пьесы. См. письмо 804 и прим. 2 к нему.

797

[1] Кигн-Дедлов просил Чехова помочь ему организовать продажу своих сочинений какому-нибудь издателю.

[2] В том же письме Кигн-Дедлов предлагал Чехову посмотреть перевод повести «Дуэль» на французский язык, сделанный Широлем (Париж, 1902).

798

[1] В письме Чехову А. Н. Веселовский сообщал, что Общество любителей российской словесности, в заседании от 24 января 1904 г., выразило сожаление, что состояние здоровья Чехова не позволило ему в нынешний приезд в Москву принять «более близкое участие» в работе Общества.

[2] На первом представлении «Вишневого сада» Художественным театром было организовано чествование Чехова в связи

с исполнившимся двадцатипятилетием его литературной деятельности. Здесь Чехов благодарил за приветствие, полученное от Общества любителей российской словесности.

799

[1] Авилова писала Чехову о своем проекте издания сборника с благотворительной целью.

801

[1] Речь шла о диагнозе, поставленном проф. Корсаковым племяннику О. Л. Книппер — Леве (Л. К. Книппер).

[2] Вероятно, Чехов имеет в виду заметку в газете «Приазовский край», 1904, 24 февраля, в которой сообщалось, что «по настойчивому желанию публики идет в третий (и последний) раз «Вишневый сад», имевший крупный художественный успех на сцене ростовского театра 21 и 22 февраля».

802

[1] Реплика Ани в пьесе «Вишневый сад», роль которой исполняла Лилина.

804

[1] Чехов предполагал приобрести дачу в Царицыно, так как врачи советовали ему в зимнее время жить под Москвой.

[2] Чехов неоднократно высказывал недовольство постановкой своих пьес в Художественном театре. А. Гладков записал следующие слова Мейерхольда: «... Его [Чехова] дружба со Станиславским и Немировичем-Данченко вовсе не была такой идиллической и безоблачной, как об этом пишут в отрывных календарях. Он со многим в театре не соглашался, многое прямо критиковал» (сб. «Тарусские страницы», Калуга, 1961, стр. 302). Халютина и Адурская — исполнительницы роли Дуняши в пьесе «Вишневый сад».

805

[1] В газете «Русь», 1904, 27 марта и 3 и 4 апреля, напечатаны статьи Амфитеатрова «Московский Художественный театр» и «Вишневый сад».

[2] «Редакционный день «Будильника». Напечатана в журнале «Будильник», 1885, № 12.

[3] Сборник т-ва «Знание» за 1903 г., кн. 1, СПб. 1904.

806

[1] Ответ на письмо Лазаревского из Владивостока, куда он был командирован в качестве судебного следователя.

807

[1] Сражение при Тюренчене 18 апреля.

809

Садовской Борис Александрович (1881—1952) — поэт. Печатался с 1901 г.

[1] Садовский принес Чехову на отзыв свою поэму «Прокаженный».

810

Пятницкий Константин Петрович (1864—1938) — один из основателей и руководителей издательского товарищества «Знание».

[1] Пятницкий сообщал, что вторая книга сборника «Знание», в которой напечатан «Вишневый сад», вышла и поступила в продажу, и просил не давать разрешения Марксу выпускать «Вишневый сад» раньше конца года.

812

Любимов Леонид Иванович — дьякон, преподаватель московских городских училищ.

[1] Л. И. Любимов просил Чехова оказать помощь в переводе его сына из Юрьевского университета в Московский.

813

[1] Чехов приехал в Баденвейлер 9 или 10 июня 1904 г.

816

[1] Ответ на письмо К. П. Пятницкого, в котором он пишет о том, что появление «Вишневого сада», изданного Марксом отдельной книгой, ценою в сорок копеек, одновременно со вторым

сборником «Знание», остановит продажу сборника и причинит издательству «Знание» значительные убытки.

На основании консультации с юристом О. О. Грузенбергом Пятницкий писал: «Маркс не имел никакого права распоряжаться пьесой, выпускать издание, печатать объявления и пр.. Это хищничество, не больше. Нужно было еще из Москвы послать определенный протест. Нужно было не просить, а требовать».

818

Последнее письмо Чехова.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА, УПОМИНАЕМЫХ В ПИСЬМАХ[1]

(в томах 11—12)

«Агафья»— **11:** 93, 120, *610*

«Анюта» — **11:** 71, 83, *606*

«Аптекарская такса» — **11:** 52, *601*

«Ариадна» — **12:** 87

«Архиерей» — **12:** 416, 423, 439, 440, *635*, *639*

«Бабье царство» — **12:** 37, *557*

«Бабы» —**12:** 549

«Баран» — см. «Беда»

«Барон» — **11:** 42, *600*

[Басня] — **11:** 551, 552, *682*

«Беглец» —**11:** 152, 375, *633*, *646*, *658*; **12:** 315

«Беда» —**11:** *657*

«Беда за бедой» —**11:** 37, *598*

«Без заглавия» —**12:** *604*

«Белолобый» —**12:** 254, 314, 353, 425, *602*, *621*

«Брак по расчету (*Роман в двух частях*)» —**11:** 49, *601*

«Бука» — см. «Необыкновенный»

«В ландо» —**11:** 32

«В море» — **12:** *631*

«В Москве» —**11:** 515, *677*

«В Москве на Трубе» — см. «В Москве на Трубной площади»

---

[1] Во всех указателях полужирным шрифтом обозначен том, обычным — страницы текста, курсивом — страницы примечаний; в указателе писем по адресатам обычным шрифтом обозначены номера писем.

В указателях произведений звездочкой обозначены произведения или издания, задуманные А. П. Чеховым, но не осуществленные; в квадратных скобках — произведения, не имеющие авторского названия.

«В Москве на Трубной площади» —**11**: 32, *598*
«В овраге»—**12**: 332, 333, 335, 342, 344, 345, 347—349, 354, 368, 369, 372, 425, *617—621*, *623*, *624*
«В родном углу» —**12**: 167, 168, 171, 174, 175, *584*, *585*
«В сарае» —**12**: 315
«В ссылке» —**11**: 553, *682*
«В суде» —**12**: 551
«В сумерках», сб.—**11**: 120—122, 143, 146, 155, 243, 262, 338, 371, 384, 419, 529, *608*, *616—620*, *623*, *657*; **12**: 232, 252, 276, 315
«Ванька» —**11**: *646*
«Ваня, мамаша, тетя и секретарь» — **11**: 23, *596*
«Ведьма» — **11**: 74, 78, 93, 120, *607*, *610*
«Великий человек»— см. «Попрыгунья»
«Верба» —**11**: 21, 22
«Верочка»—**11**: 120
«Весь в дедушку» —**11**: 27, *596*
«Вишневый сад» —**12**: 430, 459, 472, 475, 479, 481, 496, 497, 500—506, 508—521, 523, 525, 526, 530, 532, 533, 537, 539, *566*, *611*, *629*, *638*, *641*, *645*, *651*, *654*, *659*
«Воззвание о помощи приезжающим в Ялту туберкулезным больным» — **12**: 335, *617*
«Володя»—**11**: *657*; **12**: *551*
«Володя большой и Володя маленький» —**12**: *38*, *557*
«Вор» —**11**: 21
«Ворона» —**11**: 54, *601*
«Воры»—**11**: 403, 404, 411, 412, *664*, *665*
«Враги» —**12**: 486
* «Врачебное дело в России» —**11**: 47, 63, *600*, *603*
«Выигрышный билет» —**12**: 315
«Вынужденное заявление... Скоропостижная конская смерть, или Великодушие русского народа!»—**11**: 336, *652*, *653*

«Гадальщики и гадальщицы (*Подновогодние картинки*)» — **11**: *594*
«Генерал Кокет»—см. [Пьеса из сибирской жизни]
«Глупый француз» —**11**: 83
* «Гром и молния»—**11**: 300, *646*
«Гусев» —**11**: 472, *668*; **12**: *549*

«Дама с собачкой» —**12**: 311, 312, *613*
«Два скандала»—**11**: 42, *600*
«Двадцать шесть (*Выписки из дневника*)» —**11**: 21, *596*
«29-е июня» —**11**: 28
«Детвора» —**11**: *646*
«Детвора», сб.—**11**: 302, 475, *646*, *648*, *669*
«Дипломат» —**11**: 54, *602*
«До 29-го июня» — см. «Он понял!»
«Дом с мезонином» —**12**: 159
«Дома» —**11**: *646*
«Дорогие уроки» —**12**: 315
«Дуэль» —**11**: 480, 495—497, 501, 503, 509, 510, 513, 517,

529, *628*, *645*, *670*, *673*, *674*, *676*, *677*, *679*; **12**: 236, 527, *657*

«Дядя Ваня» —**12**: 116, 118, 231, 232, 241, 270, 273, 281, 287, 306, 309, 310, 316, 317, 320, 321, 327, 329, 331, 340, 341, 366, 375, 391, 398, 399, 461, 475, 510, *566*, *574*, *578*, *599*, *605—607*, *609*, *611*, *612*, *614—618*, *623*, *627*, *630*, *636*, *638*, *639*, *643*, *645*, *646*, *649*

«Егерь» —**11**: 77, *610*; **12**: 201, *591*

«Его первая любовь» — см. «Володя»

«Единственное средство (*A propos процесса Петерб. общества взаимного кредита*)» —**11**: 9, 10, *594*

«Жена» —**11**: 508, 510, 518, *675—677*; **12**: 6, 46, 234, *549*, *559*, *597*

«Жены артистов» —**11**: 42, *600*

«Живой товар»—**11**: 42, *600*

«Задача» —**11**: *621*

«Закуска (*Приятное воспоминание*)»— **11**: 21, *596*

«Заметки» — см. «Осколки московской жизни».

«Звери» —**11**: 61, *603*

«Иванов» — **11**: 150—152, 154, 156—164, 169, 177, 191, 253, 265, 300, 303, 305—313, 316—322, 324, 327, 340, 346, 366, *619—622*, *639*, *646—650*, *654*, *660*; **12**: 80, 91, 105, 116, 197, 316, 402, 425, 431, *566*, *567*, *572*, *627*, *631*

«Из дневника помощника бухгалтера» —**11**: 27, *596*

«Из дневника человека, «подающего надежды»—**11**: 31, *598*

«Из записной книжки старого педагога» —**11**: *684*

«Из копилки курьезов» —**11**: 52, *601*

«Из огня да в полымя» — **12**: 315

«Из Сибири» —**11**: 437, 438, 460, *666*, *667*

«Именины» —**11**: 247, 251, 256—260, 262, 275, 276, 291, 292, *637*, *638*, *640*, *641*; **12**: 6, 221, *549*, *594*

«Ионыч» —**12**: 180, 198, 210, *586*, *590*, *592*

«История одного торгового предприятия» —**11**: *684*

* «История полового авторитета» —**11**: 27, *596*

«К сведению мужей (*Научная статья*)» —**11**: 68, *604*

«Казак» —**11**: 124, *616*

«Калхас» — см. «Лебединая песня (Калхас)»

* «Калека» —**12**: 319, *614*, *653*

«Каштанка» — **11**: 199, 205, 261, 271, 292, 302, 502, 517, 531, 535, *624*, *631*, *641*, *645*, *677*; **12**: 109, 245, 276, 353, *573*, *621*

«Кляузник» — см. «Унтер Пришибеев»

* [Книга о земских школах] — **12**: 119, *576*

«Княгиня» —**11**: 293, 303, 329, *645*, *657*

«Козел или негодяй» —**11**: 27, *596*

«Козлы отпущения» —**12**: 282

«Кошмар» —**11**: 83, 93, *610*

«Красавицы» —**11**: 247, *638*; **12**: 315

«Красная горка» —**11**: 52, 601

«Крыжовник» —**12**: 213, 214, 313, *592*, *593*

«Кто виноват?» —**11**: 104, *613*

«Кухарка женится» —**11**: *610*, *646*

«Лебединая песня (Калхас)» —**11**: 96, 112, 191, 272, *611*, *614*, *628*, *641*

«Леший» — **11**: 264—268, 271, 272, 293, 325, 336, 338—340, 348, 349, 353, 355, 357, 367, 370, 373—375, 377, 379, 382, 385, 387, 389, 404, *641*, *654—660*, *680*; **12**: 129, 324, *615*

[Линтварева З. М.] —**11**: *634*

* [Маленький роман] —**12**: 312, *613*

«Маленький шантаж» — см. «Свадьба с генералом»

* «Мария Фальери» —**11**: *680*

«Медведь» — **11**: 194, 275, 280, 284, 286, 288, 291, 320, 502, *628*, *642*, *643*, *644*, *660*, *674*; **12**: 221, 431, *594*

«Месть» — **11**: 42, *600*

«Мечты» —**12**: 383

«Молодой человек» — **11**: 38, *598*

«Мороз» — **12**: 315

«Московские заметки» — см. «Осколки московской жизни»

«Московские лицемеры» — **11**: 263, *641*

«Мошенники поневоле (*Новогодняя побрехушка)*» —**11**: *594*

«Моя жизнь» —**12**: 95, 100, 109, 186, 351, *569*, *570*, *573*, *584*, *588*

«Муж» —**11**: 94, *610*

«Мужики» —**12**: 132, 145, 151, 153, 159, 272, 357, *549*, *576*, *578*, *580—584*, *588*, *593*, *622*

«На большой дороге» —**11**: 47, *600*

«На пути» —**11**: 103—105, 108, 111, *613*

«На чужбине» —**11**: 59, 61, *602*

«Надлежащие меры»—**11**: *610*

«Наивный леший (*Сказка)*» —**11**: 39, 40, *599*

* [Начатая, но оставленная повесть] —**11**: 586, *687*; **12**: 15

«Невеста» —**12**: 463, 466, 471, 478, 482, 485, 488, 490, 491, *644*, *645*, *647—649*, *653*

«Невинные речи», сб. —**11**: 159, 544

«Ненастье» —**12**: 315

«Необыкновенный» —**11**: 103, *613*

«Неосторожность» —**11**: 115, *615*; **12**: 202, *591*

«Неприятность» —**11**: 194, 220, *629*, *634*, *657*

«Нищие» —**12**: 315

«Ночью» — см. «В море»

«О вреде табака» —**11**: 69, 70, 83, *604*, *605*

«О любви» —**12**: 213, 214, 313, *592*, *593*

«О том, о сем» —**11**: 54, 601

«Об апреле *(Филологическая заметка)*» —**11**: 52, *601*

«Обыватели» — см «Попрыгунья»

«Обыватели» — см. «Учитель словесности»

«Огни» —**11**: 204, 206, 207, 211, 220, 221, 223, 248, 276, *631*, *632*, *634*

«Один из многих» —**11**: *653*

«Он и она» —**11**: 42, *600*

«Он понял!» —**11**: 28, 30, *597*

«Осенью» —**11**: 31, *598*, *600*

«Осколки московской жизни» — **11**: 29, 30, 32, 36, 37—39, 46, 49, 54, 59, 61, 63, *597—599*, *601—603*

«Остров Сахалин» —**11**: 476, 488—490, 501, 502, 505, *661*, *669*, *671*, *674*, *676*; **12**: 26, 32, 33, 35, 40, 67, 73, 119, 128, 425, 436, 494, 555, 557, 563, 564, 566, 568, *625*

«Отрава» — **11**: 74, *607*

«Отрывок» —**11**: *684*

«Ошибка» — см. «Неосторожность»

«Павлин в вороньих перьях» — см. «Ворона»

«Палата № 6» —**11**: 546, 552, 573, 577, *681*, *682*, *685*; **12**: 7, 15, 19, 139, 233, 234, 236, 243, *549—551*, *597*

«Панихида» —**11**: 70, 73, 93, *605*, *607*, *610*

«Пари» —**11**: 301, *624*, *646*; **12**: 266, 492, *605*, *650*

«Пассажир 1 класса» —**11**: 294

«Пережитое *(Психологический этюд)*» — **11**: *594*

«Перекати-поле *(Путевой набросок)*» — **11**: 140, *617*

«Perpetuum mobile»—**11**: 39, 40, *599*

«Персона» —**11**: 72, *606*

«Пестрые рассказы», сб. — **11**: 67, 72, 78, 94, 95, 97, 361, 422, 446, 490, 529, 544, *604*, *606*, *609—613*, *615*, *672*; **12**: 56, 58, 232, 245, 252, 276, 315, 329

«Петров день» — см. «Он понял!»

«Печенег» —**12**: 171, 174, 175, *585*

«Писатель» —**12**: 282

* «Письмо» —**12**: *642*, *653*

«По делам службы» —**12**: 237, 263, *598*

«По Сибири» — см. «Из Сибири»

«Попрыгунья» —**11**: 514, 525, 552, *646*, *649*, *676*

* «Портсигар» — **11**: 547, 554, *681*

«После театра» —**12**: 315

«Последняя могиканша»— **11**: 54, *602*

«Поцелуй» —**11**: 161, *622*
«Почерк по чину, или Метаморфоза подписи Карамболева» — **11**: 46, *600*
«Почта» —**11**: *657*
«Предложение» —**11**: 275, 334, 436, 480, *642*, *652*, *654*, *666*; **12**: 197
[Н. М. Пржевальский] — **11**: 271, 278, *641*
«Припадок» —**11**: 247, 259, 260, 263, 287, 288—290, 292, 297, 299, *633*, *638*, *640*, *641*, *644*, *646*, *657*
«Произведение искусства»— **11**: 104, *613*
«Происшествие» —**12**: *604*
«Протекция» —**11**: 30, *597*
«Прощение» —**11**: 39, *599*
«Психопаты» — **11**: *603*
* [Пьеса]—**12**: 44, *559*
* [Пьеса из сибирской жизни]—**12**: 25, *555*
«Пьесы», сб. —**12**: 116,142, *574*, *575*, *580*
«Пьяные»—**12**: 315

«Разговор с собакой» — **11**: *610*
«Рано!» —**11**: 119, *615*
* [Рассказ] —**11**: 293—296, *645*
* [Рассказ] —**12**: 44, *559*
* [Рассказ] —**12**: 482, *647*
«Рассказ госпожи NN» —**12**: 315
«Рассказ моего пациента» — см. «Рассказ неизвестного человека»
«Рассказ неизвестного человека» — **11**: 507, 510, 558, 573, 579, 580, *675*, *683*, *685*, *686*; **12**: 11, 17, 425, *550*, *553*
«Рассказ старшего садовника» —**12**: 59, *561*
«Рассказы», сб. — **11**: 205, 216, 224, 338, 384, *631*, *633*, *634*; **12**: 232, 276, 315, 328, 329
* «Рассказы из жизни моих друзей» — см. [Роман]
«Расстройство компенсации» — **12**: *653*
«Репетитор»—**11**: 37, *598*, *610*
«Речь и ремешок» —**11**: 49, *601*
* [Роман] —**11**: 153, 156, 168, 169, 186, 243, 255, 289, 320, 324, 326—328, 331, 332, 340, 348, 349, 357, *619*, *620*, *627*
«Руководство для желающих жениться (*Секретно*)» —**11**: 63, *603*
«Рыбья любовь» — **11**: *684*

«Сапоги всмятку» — **11**: 96, *611*
«Сапожник и нечистая сила»— **11**: 301, *646*
«Свадьба» —**11**: 401, 411
«Свадьба с генералом» —**11**: 46, *600*
«Сверхштатный блюститель» — см. «Унтер Пришибеев»
«Святою ночью» —**11**: 93, 282, *610*, *643*
«Сильные ощущения» —**12**: 315
«Сказка»—см. «Без заглавия»
«Сказка» — см. «Пари»
«Сказки Мельпомены», сб.— **11**: 42, *600*, *613*

«Скука жизни» —12: 266
«Скучная история»—**11**: 359, 362, 363, 365—367, 369, 374, 375, 378, *655—659*; **12**: 79, *565*
«Следователь»— **12**: 315
«Слова, слова и слова» — **11**: 21, *596*
«Случаи mania grandiosa (*Вниманию газеты «Врач»*)» — **11**: 9, *594*
Собрание сочинений, изд. А. Ф. Маркса — **12**: 259, 270, 275, 277, 313, 315, 364, 425, 494, *632*
Собрание сочинений, изд. А. Ф. Маркса, 2-е — **12**: *644*
Собрание сочинений, т. I, изд. А. С. Суворина —**12**: 252, *602*
«Событие» —**11**: *646*
* [Соломон] —**11**: 293, 340, *645*
«Сон золотых юнцов во время ноябрьского набора» —**11**: 46, *600*
«Сонная одурь» —**11**: *610*; **12**: 282
«Сорвалось» —**11**: 83
«Соседи» —**11**: 554, 577, *682*, *686*
«Спать хочется» —**11**: 177, *625*, *657*; **12**: *551*
«Средство от запоя» —**11**: 61, *603*
«Старый дом» —**11**: 156, *621*; **12**: 315
«Степь» —**11**: 164—166, 168, 170, 172, 174, 176—179, 181—185, 190, 194, 196, 197, 199, 204, 248, *608*, *622—627*, *629*, *631*, *637—639*, *644*
«Страх» —**12**: 15, *549*, *551*
«Страхи» —**12**: 315
«Супруга» —**12**: 219
«Счастье» —**11**: 201, *624*

«Татьяна Репина» —**11**: 324, 340, 348, *650*
«Темною ночью» —**11**: 9, *594*
«Тина» —**11**: 108—111, *613*, *614*
«Тиф»—**12**: 197
«То была она!»—**11**: 104, *613*
«Тоска» —**12**: 551
«Трагик» —**11**: 42, *600*
«Трагик поневоле» —**11**: 340, *653*, *658*; **12**: 176
«Три года» —**11**: 586, *592*, *687*; **12**: 15, 54, 57, 64, *560*, *562*
«Три сестры» —**12**: 334, 379—381, 384—395, 403, 415, *599*, *611*, *618*, *626—629*, *631*, *638*
«Тяжелые люди» —**12**: 266

«У знакомых» —**12**: 181, 184, 187, 191, *587*, *588*
«Убийство» —**12**: 87, 151
«Угроза» —**11**: 54, *601*
«Унтер Пришибеев» —**11**: 59, *602*
«Упразднили!» —**11**: 54, 55, *602*
«Учитель» —**12**: 266
«Учитель словесности» — **11**: 385, *660*

«Философские определения жизни» —**11**: *594*
«Финтифлюшки» —**11**: 54, *601*

«Фокусники» —**11**: 499, 500, 503, *674*

«Хмурые люди», сб.—**11**: 368, 370, 529, *657*; **12**: 56, 116, 232, 236, 315, *575*

«Холодная кровь» —**11**: 152, 156, *619*, *621*, *657*

«Хористка» —**12**: 315, *551*

«Хорошие люди» —**11**: 111, *614*

«Цветы запоздалые» —**11**: 42, *600*

* «Чад жизни» *(Пародия на пьесу Б. Маркевича «Чад жизни»)*—**11**: 38, *599*

«Чайка» —**12**: 86, 95, 99, 103—105, 111—113, 116, 118, 121, 158, 220, 243, 244, 255, 259—261, 264, 269, 279, 286, 294, 296—298, 316, 322, 408, 425, 475, 482, 483, 489, *566*, *567*, *569—575*, *583*, *592*, *594*, *599*, *600*, *602*, *604*, *606*, *608*, *611*, *615*, *623*, *627*, *629*, *630*, *638*, *645*, *647*

«Человек в футляре» —**12**: 210, 313, *592*

«Черный монах» —**12**: 26, 37, 43, *558*

«Шампанское» —**11**: 375, *657*, *658*

«Шведская спичка» —**11**: 32, 84, *608*

«Экзамен на чин» —**11**: 40, 41, 42, *600*

«Юбилей» —**12**: 468

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ПИСЬМАХ[1]

(в томах 11—12)

Абаринова Антонина Ивановна (1842—1901)—артистка Александринского театра. В пьесе Чехова «Чайка» исполняла роль Полины Андреевны —**11**: 288; **12**: 45, 101

Абрамова Мария Морицовна (1865—1892) — драматическая артистка — **11**: 364, 365, 387, *656*, *660*

Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836—1905) — драматург и беллетрист — **11**: 535

Авилова Лидия Алексеевна (о ней см. т. 11, стр. *679*) —**11**: 527, 528, 532, 533, 538—540, 551, 552, *680*; **12**: 67, 68, 133, 135, 136, 138, 166, 167, 173, 174, 211, 213, 217, 218, 227, 228, 268, 269, 271, 272, 277, 278, 282, 283, 286—288, 292, 528—530, *579*, *583*, *594*, *596*, *608*, *610*, *658*

«В дороге» — **11**: 538

«Вернулся» —**11**: 527, 528, 532, 533, *679*, *680*

«Власть» —**12**: 67

«Забытые письма»—**12**: 173, 174, 227

«Ко дню ангела» —**12**: 68

«На изломе» —**12**: 211

Агали — таганрогские знакомые Чеховых —**11**: 129

Агалины — см. Агали

Агафопод — см. Чехов Ал. П.

Агафопод Единицын — см. Чехов Ал. П.

Аграмов Михаил Васильевич (ум. в 1893 г.) — актер и режиссер театра Ф. А. Корша —**11**: 326

Адель — гувернантка детей Сувориных —**11**: 482

---

[1] Иностранные имена и названия даны в конце соответствующей буквы алфавита.

Адурская (Дурасевич) Антонина Федоровна — артистка; с 1901 по 1904 г. в труппе Художественного театра —**12**: 533, *656*, *658*

Айвазовский Иван Константинович (1817—1900) — художник —**11**: 231, 233, 234, 488, *635*; **12**: 52, 165, 305, *560*, *612*

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859)—**12**: 490, 492

«Детские годы Багрова-внука» —**12**: 490

«Семейная хроника» — **12**: 492

Александр Леонидович — см. Вишневский А. Л.

Александра Гавриловна— см. Архангельская А. Г.

Александров Владимир Александрович (1856—?) — драматург, по образованию юрист— **11**: 368

Александров Николай Григорьевич (1870—1930) — артист Художественного театра с 1898 г. В пьесах Чехова исполнял роли: работника в «Дяде Ване», Яши в «Вишневом саде», гостя в «Иванове», офицера, Ферапонта и Чебутыкина в «Трех сестрах» —**12**: 517, *654*, *656*

Алексеев С. А.— см. Найденов С. А.

Алексеев К. С.— см. Станиславский К. С.

Алексеев Игорь Константинович (род. в 1894 г.) —сын К. С. Станиславского —**12**: 451, 480, 497, 504

Алексеева Елизавета Васильевна (1841—1904) — мать К. С. Станиславского — **12**: 497

Алексеева Кира Константиновна (род. в 1891 г.) — дочь К. С. Станиславского —**12**: 451, 480, 497, 504

Алексеева М. П.— см. Лилина М. П.

Алексеева (Полянская) Ольга Павловна (1875—?) — артистка; с 1900 по 1904 г. в труппе Художественного театра — **12**: 514

Алексей—см. Долженко А. А.

Алексей Николаевич — см. Плещеев А. Н.

Алексей Петрович — см. Коломнин А. П.

Алексин Александр Николаевич (1863—1923) — врач, ялтинский знакомый Чехова — **12**: 385, 453, 513, *641*

Алфераки—таганрогский купец — **11**: 131, 141; **12**: 155

Альбов Вениамин Павлович (1871—?) — симферопольский педагог — **12**: 466

«Два момента в развитии творчества Чехова» — **12**: 466, *644*

Альбов Михаил Нилович (о нем см. т. 11, стр. *675*) —**11**: 71, 193, 194, 206, 216, 241, 323, 507, 508, 510, *605*, *630;* **12**: 5

Альбов М. и *Баранцевич* К.

«Вавилонская башня. История возникновения, существования и падения

одного фантастического общества» —**11**: 71, *605*

«*Альманах Стрекозы*» —**11**: 32, 84, *608*

Альтшуллер Исаак Наумович (1870—1943) — ялтинский врач, лечивший Чехова — **12**: 273, 284, 285, 345, 359, 434, 437, 468, 508, *595*, *638*

Амалатбеков Н. Н. — карикатурист — **12**: 109, *573*

Амфитеатров Александр Валентинович (о нем см. т. 12, стр. *639*) —**11**: 579, 583, 585, *686*, *687*; **12**: 267, 293, 338, 424, 439, 440, 534, 535, *564*, *605*, *645*

«Вишневый сад» — **12**: 534, *658*

«Господа Обмановы» — **12**: *639*

«Московский Художественный театр» — **12**: 534, *658*

«Таинственная корреспондентка» — **12**: 73, *564*

Амфитеатрова Иллария Владимировна — жена А. В. Амфитеатрова — **12**: 471, 535

Андерсен Ганс-Кристиан (1805—1875) — датский писатель — **12**: 353

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — писатель —**12**: 439, 453, 461, 465, 474, *641*, *644*

«В тумане» —**12**: 474, *645*

«Мысль» — **12**: 453, *641*

Андреев-Бурлак Василий Николаевич (1843—1888) — драматический артист и чтец — **11**: 20

Андреева Александра Алексеевна (1858—1926) — литератор —**12**: 481, 482, *647*

Андреева Мария Федоровна (о ней см. т. 12, стр. *629*) —**12**: 394, 395, 481, 511, 514, 518, 520, *654*, *656*

Андреевич (Соловьев) Евгений Андреевич (1867—1905) — критик и историк литературы

«Писатели-современники» — **12**: 335, *617*

Андреевский Сергей Аркадьевич (о нем см. т. 11, стр. *678*)— **11**: 297, 526, 527; **12**: 66, 562

«Защитительные речи» — **11**: 526, 527, *678*; **12**: 66, *562*

«Стихотворения» —**11**: 526, *678*

Андрей Алексеевич — см. Желябужский А. А.

Андрей Егорыч — почтмейстер в Воскресенске — **11**: 42, 43

Анемаиса — см. Чалеева А. Э.

Анисим Васильевич — см. Петров А. В.

Анисимова Александра Максимовна — учительница Тależской школы — **12**: 310, *612*

Анна Аркадьевна — см. Билибина А. А.

Анна Ивановна — см. Суворина А. И.

Анна Михайловна — см. Евреинова А. М.

Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902) — скульп-

тор — **12:** 16, 202—205, 208, 220, *552*, *591*

Апокриф — см. Шперк Э. Ф.

Аполлонский Роман Борисович (1865—1928) — артист Александринского театра. В пьесе Чехова «Чайка» исполнял роль Треплева — **12:** 101

Апулей Луций (II в.) — римский писатель и философ

«Золотой осел» — **12:** 34

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834)— всесильный временщик при Павле I и Александре I, сосредоточивший в своих руках все нити внутреннего управления страной — **12:** 59

Арбенин Николай Федорович (1863—1906) — артист, переводчик — **12:** 477

Аргутинский - Долгоруков Владимир Николаевич (о нем см. т. 12, стр. *581*) —**12:** 64, 149

«*Арзамас*» (1815—1818) — название литературного кружка. В него входили А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков и др.— **12:** 43

Аристархов — см. Введенский А. И.

Арсений — см. Щербаков.

Артем (Артемьев) Александр Родионович (1842—1914) — артист Художественного театра. В пьесах Чехова исполнял роли: Шамраева в «Чайке», Телегина в «Дяде Ване», Чебутыкина в «Трех сестрах» и Фирса в «Вишневом саде» — **12:** 223, 417, 452, 509, 531, *595*, *648*, *656*

«*Артист*» (1889—1894) — театральный, музыкальный и художественный журнал, издававшийся в Москве Ф. А. Куманиным — **11:** 404, 542, *672*, *673*, *681*; **12:** 63

Архангельская Александра Гавриловна — учительница, знакомая Линтваревых и Чеховых — **12:** 150

Архангельский Павел Арсентьевич (1852—?) — земский врач — **12:** 324

А — т — см. Петерсен В. К.

Аршаулов П. П.— помощник полицмейстера в Томске, автор нескольких литературных произведений — **11:** 439, 440, *666*

«Фатима»—**11:** 439, 440, *666*

Асикритов Даниил Михайлович — московский фотограф — **12:** 57

Астырев Николай Михайлович (1857—1894) — публицист и этнограф —**11:** 567

Атава (Терпигорев) Сергей Николаевич (1841—1895) — писатель — **12:** 25, 69, 89, 315

Ахмылов А. К. —заведующий книжным магазином «Нового времени» в Петербурге — **12:** 121

Ашешов Николай Петрович (1866—1923) — публицист и литературный критик —**12:** 331

Ашинов Н. И. — авантюрист, называвший себя ата-

маном вольных казаков —**11**: 327

Aloe — см. Чехов Ал. П.

«Amusant» — французский еженедельный юмористический журнал —**11**: 31

«L'Aurore» («Утренняя заря») — парижская газета, которой руководил французский политический деятель Ж. Клемансо, примыкавший в конце 90-х годов к радикал-социалистам — **12**: 176, *587*, *590*

Бабакай — см. Кальфа Б. О.

Бабакин Ваня — ученик Воскресенской школы, в которой учительствовал И. П. Чехов — **11**: 57

Баженов Николай Николаевич (1857—1923) — врач-психиатр —**12**: 460, 520

Бажин Николай Федорович (1844—1909) — беллетрист и критик — **11**: 207

Байо Шарль (Baïhaut Charles) — французский министр, осужденный в 1893 г. по делу о злоупотреблениях при постройке Панамского канала —**12**: 175, 176

«Impressions cellulaires» («Отрывочные впечатления») — **12**: 175, 176

Байрон Джордж (1788—1824) —**11**: 580, 583, *686*; **12**: 488

«Дон-Жуан» —**11**: 580

«Манфред» — **11**: 580, 581, *686*

Байрон — см. Суворин Б. А.

Бакалович Степан Владиславович (1857—?) — художник — **11**: 205

Бальзак Оноре (1799—1850) — **11**: 371; **12**: 200

Бальмонт Екатерина Алексеевна — переводчица, жена К. Д. Бальмонта —**12**: 149, 426, 478

Бальмонт Константин Дмитриевич (о нем см. т. 12, стр. *636*) —поэт и переводчик — **12**: 149, 420, 426, 446, 470, 478, 482, 497, 498, *646*

«Будем как солнце» — **12**: 498, *651*

«В безбрежности»—**12**:426

«Гимн к солнцу» — **12**: 498, *646*

«Горящие здания» —**12**: 446, *636*

Кальдерон (перевод) — **12**: 426, 446

По Эдгар (перевод) —**12**: 426, *636*

«Под северным небом»— **12**: 426

«Таинственные рассказы» —**12**: 426

«Тишина» —**12**: 426

Шелли, вып. 2 и 7 (перевод) — **12**: 426

Баранов Николай Михайлович (1836—1901) — нижегородский губернатор —**11**: 509, 520, *675*; **12**: 98

Баранцевич Казимир Станиславович (о нем см. т. 11, стр. *630*) —**11**: 71, 167, 176, 193, 202, 203, 206, 212, 213, 215, 216, 227, 239—241, 243, 261,

323, 326, 361, 406, 407, 475, 508, 549, *605*, *623*, *632*, *633*, *636*, *664*; **12:** 52, 246, 247, 350, *600*, *617*

«Раба» —**11:** 167, 215, *623*

«Разговор» — **12:** 247, *600*

«Сказки жизни» —**12:** 247, *600*

Барин — см. Киселев А. С.

Барсков Яков Лазаревич (1863—1937) — педагог-историк. В 90-х годах редактор журнала «Детский отдых» — **12:** 172, *585*

Бартельс Елена Ивановна (1880—?) — жена В. Л. Книппера —**12:** 427, *636*

Барятинский Владимир Владимирович — редактор-издатель газеты «Северный курьер» —**12:** 349

Баттистини Маттиа (1857—1928) — итальянский певец — **12:** 67

Батюшков Федор Дмитриевич (о нем см. т. 12, стр. *581*) —**12:** 147, 148, 181, 182, 184, 189, 190, 357, 458, 466, 467, 474, 525, *587*, *588*, *621*, *622*, *657*

«На дне» М. Горького в Московском Художественном театре» —**12:** 466, *644*

«На расстоянии полувека. Бальзак, Антон Чехов и Владимир Короленко о крестьянах» — **12:** 189, *589*

«О Чехове» —**12:** 474, *645*

Башкирцева Мария Александровна (1861—1884) —художница — **11:** 579, *686*

«Дневник» —**11:** 579, *686*

Бегичев Владимир Петрович (1838—1892) — директор императорских театров в Москве, отец М. В. Киселевой —**11:** 56—58, 111, 112, 296, *614*, *645*

«Жар-птица» —**11:** 112, *614*

Бежецкий — см. Маслов А. Н.

Безобразов Павел Владимирович (1859—1921) — историк византийской литературы— **12:** 198

Беккер Сарра — **11:** 60, *603*

Бёклин Арнольд (1827—1901) — швейцарский художник — **12:** 296, *610*

Белелюбский Николай Аполлонович (1845—1922) — инженер, профессор Института путей сообщения — **12:** 168, 169.

Беленовская Мария Дормидонтовна (Марьюшка) — прислуга Чеховых —**11:** 416, 435, 442, 448, 466, 564; **12:** 317, 332, 339, 410, 510, 513, 546

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) —**11:** 172; **12** : 207, 233

Беллами Эдуард (1850—1898) — американский писатель

«Looking backward» (В русском переводе—«Через сто лет», «Будущий век») — **11:** 473, *668*, *669*

Белоусов Иван Алексеевич

(о нем см. т. 11, стр. *617*) —**11**: 97, 144, 145, 187, 418, *612*, *627*; **12**: 442, 443, 485, *640*

«Из «Кобзаря» Шевченко и украинские мотивы»—**11**: 144, 145, *617*; **12**: 485, *648*

«Из песен о труде» —**12**: 485, *648*

«Искренние песни» —**12**: 485, *648*

«Малыши» —**12**: 485, *648*

«На воле» —**12**: 485, *648*

Беляев Агафон Федорович (1853—1934) — врач-ларинголог — **11**: 409

Белянкин Л. Л. — карикатурист, сотрудник юмористических журналов —**11**: 37

Бернанд Ф.-К. (1836—1917) — английский писатель-юморист — **11**: 295, 370, 509, *645*, *675*

Бернард Лазар (1865—1903) — французский публицист —**12**: 206, *591*

«La vérité sur l'affaire Dreyfus» («Правда о деле Дрейфуса»)—**12**: *591*

Берне Людвиг (1786—1837) — немецкий публицист и критик —**11**: 547; **12**: 44

«Из дневника»—**12**: 44, *559*

Бернштам Леопольд Адольфович (1859—1939) — скульптор — **12**: 205

Бертенсон Лев Бернардович (1850—1925) — петербургский врач, автор ряда научных работ — **11**: 121, 308

Бесчинский Александр Яковлевич (ум. в 1941 г.) —журналист, бывший таганрогский сосед Чеховых —**11**: 541

Бибиков Виктор Иванович (1863—1892) — писатель —**11**: 164, 212, 479, 549, *637*

Билибин Виктор Викторович (о нем см. т. 11, стр. *603*)—**11**: 22, 32, 37, 38, 40, 52, 65—73, 75, 84, 87, 101, 102, 105, 106, 113—115, 137, 163, 180, 271, 334, 335, 353, 383, 384, 472, 514, *598*, *604*, *605*, *652*; **12**: 61, 62, 108, 109, 158, 159, *562*, *572*, *583*

«Дневник приключений»—**11**: 37, *598*

«Осколки петербургской жизни» — **11**: 32, *598*

«У доктора» — **11**: 37, *598*

«Цитварный ребенок» — **11**: 335, *652*

«Юмор и фантазия» —**11**: *604*; **12**: 158, 159, *583*

Билибина Анна Аркадьевна—жена В. В. Билибина—**12**: 61, 62, 108

Бильдерлинг — генерал —**12**: 290, *609*

«*Биржевые ведомости*» (1861—1917) — ежедневная «политическая, общественная и литературная» газета — **11**: 287, *644*; **12**: *596*, *604*, *653*

Бирон Эрнст-Иоганн (1690—1772) — временщик при императрице Анне Иоанновне; не занимая официальных постов, оказывал огромное влияние на государственные дела страны—**12**: 59

Бирштедт (псевдоним: Кобчик) А. А. — писатель-юморист — **11**: 73, *606*

Бисмарк Отто (1815—1898)— государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии— **11**: 209, 330

Бичер-Стоу Гарриет (1811—1896) — американская писательница —**11**: 8, 9, *593*

«Хижина дяди Тома» —**11**: 8, 9, *593*

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — писатель —**11**: 108, 271, 364—366, 515, 516, *656*; **12**: 54, 178, 199, 202, 373, 460, 486, *629*, *643*

«Нирвана» —**12**: 486

«Однокурсники»—**12**: *629*

«Перевал» — **12**: 54

«Труп» —**12**: 486

Б — ов Н.

«С дороги в Персию» —**12**: 514, *655*

Богданов Анатолий Петрович (1834—1896) — зоолог и антрополог, профессор Московского университета —**11**: 499, 500, *674*

Богданов Н. А. — художник-иллюстратор, сотрудник журнала «Осколки» —**11**: 40

Богданович Петр Кириллович (1858—1903) — ялтинский врач — **12**: 489

Богемский — см. Чехов М. П.

Бокль Генри-Томас (1821—1862) — английский историк— **11**: 518

Больман Николай Андрианович (о нем см. т. 12, стр. *593*) —**12**: 212

Боньe Софья Павловна — ялтинская знакомая Чехова, помогала ему в работе по оказанию помощи приезжающим в Ялту туберкулезным больным —**12**: 404, 512, 543

Бородавкин — петербургский купец, ссыльный на Сахалине —**11**: 464, 471

Бородулин Василий Андреевич — ялтинский врач —**12**: 231, 543

Боткин П. — литератор— **11**: 585, *687*

Боткин Сергей Петрович (1832—1889) — профессор Военно-медицинской академии, основатель русской школы клинической медицины —**11**: 206, 269, 373, 388, *661*

Боттичелли Сандро (1444—1510) — итальянский художник — **12**: 80

Браз Иосиф Эммануилович (о нем см. т. 12, стр. *579*) —**12**: 132, 140, 162, 194, 195, 201, 202, 229, 438, *577*, *584*, *590*, *639*

Брандт Эдуард Карлович (1839—1891) — зоолог, академик —**11**: 501

Бродский Александр Давидович — литератор —**11**: 21

Брунов — художник-иллюстратор, сотрудник журнала «Осколки» — **11**: 147, *618*

«Будильник» (1873—1917)— московский еженедельный «сатирический журнал с карикатурами». Чехов сотрудничал

в нем в 1881—1887 гг.—**11**: 11, 25, 29, 31, 33, 35, 43, 59, 60, 62, 85, 86, 93, 96, 97, 101, 103, 113, 261, *596*, *598*, *607*, *612*, *613*, *615*, *625*, *643*; **12**: 275, 424, 534, *566*, *656*, *657*, *659*

Буйлов Афанасий Дмитриевич — бухгалтер конторы «Петербургской газеты» —**11**: 75, 106, 107

Бунаков — уфимский помещик —**11**: 336, *652*

Бунге Николай Хрисанфович (1823—1895) — министр финансов в 1881—1886 гг., с 1887 г. председатель комитета министров. С 1890 г.— академик — **12**: 500

Бунин Иван Алексеевич (о нем см. т. 12, стр. *631*) —**11**: *610*; **12**: 404, 443, 465, 525, 526, 534, *637*

«Осенью» —**12**: *637*

«Сосны» —**12**: *637*

«Чернозем» —**12**: 534

Бурджалов Георгий Сергеевич (1869—1924) — артист Художественного театра с 1898 г. — **12**: 327, 511

Буре П. — владелец часового фирменного магазина в Москве —**12**: 117, 127

Буренин Виктор Петрович (1841—1926) — реакционный критик, фельетонист «Нового времени» —**11**: 65, 149—151, 153, 161, 180, 181, 191, 196—198, 206, 251, 253, 262, 288, 298, 323, 332, 347, 349, 409, 469, 475, 478, 535, 582, *615*, *619*, *626*, *629*, *631*, *644*, *650*, *651*, *654*, *669*; **12**: 9, 16, 40, 69, 396, 424, 480, 523, *550*, *558*, *629*, *630*, *647*

«Критические очерки» — **11**: 150, 197, 206, 475, *615*, *619*, *629*, *631*, *651*, *669*

«Литературный вечер»—**12**: *550*

«Медея» — **11**: 286, *644*

«Смерть Агриппины» —**12**: *558*

Бурже Поль (1852—1935)—французский писатель — **11**: 341—343, 349, 351, 352, 374, 387, 388, *653*, *660*, *661*; **12**: 23, 80, *554*

«Космополис» —**12**: 23, 80, *554*

«Ученик» — **11**: 341—343, 349, 351, 352, 374, 375, 388, *653*, *661*

Бурлак — см. Андреев-Бурлак В. Н.

Бьернстерне-Бьёрнсон (1832—1910) — норвежский драматург —**12**: 193, *582*, *589*, *656*

«Банкроты» —**12**: 119, 520, *576*, *656*

«Пастор Санг» («Свыше нашей силы») —**12**: 97, *570*

«Перчатка» —**12**: 155

[Письмо] —**12**: 193, *589*

Быков Петр Васильевич (о нем см. т. 11, стр. *682*) —**11**: 553, *682*

Былим-Колосовский Евгений Дмитриевич — помещик, владелец имения Богимово близ г. Алексина —**11**: 488, 549 *682*

В. Г. «Мысли и встречи»—**12**: 118, *575*

Вагнер Владимир Александрович (1849—1934) — зоолог, автор ряда научных работ—**11**: 498, 500, 501; **12**: 13, 14, 27, *551*, *555*

Вагнер Николай Петрович (1829—1907) — зоолог и писатель. Автор популярных в свое время «Сказок Кота-Мурлыки» —**11**: 326, 501, *650*

Вальтер Владимир Григорьевич — врач-бактериолог, знакомый Чехова по таганрогской гимназии. В 90-х и 900-х годах жил в Ницце. Писал рассказы, которые печатались в русских журналах и газетах под псевдонимом: «Томатов» и «Вл. Вольный». Письма к нему Чехова остались неизвестными—**12**: 280, 526

Вальяно — таганрогский коммерсант, миллионер, разбогатевший на контрабандной торговле—**11**: 53

Ваня — см. Чехов И. П.

Вареников — помещик, сосед Чехова по имению —**11**: 557, 558; **12**: 30

Варламов Константин Александрович (1848—1915) —артист Александринского театра —**11**: 340; **12**: 101

Варя — см. Эберле В. А.

Варя—см. Соболевская В. В.

Василевский Ипполит Федорович (1850—1920) —фельетонист, редактор журнала «Стрекоза» —**12**: 336

Василий, о. — таганрогский священник —**11**: 128, 129, 135

Василий Иванович — см. Федоров В. И.

Василиса — см. Киселева А. А.

Васильев — врач в Ростове-на-Дону —**12**: 129

Васильев С.— см. Флеров С. В.

Васильева Ольга Родионовна (о ней см. т. 12, стр. *591*) — **12**: 64, 201, 391, 392

Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926) — художник —**12**: 278, 295, 386, *606*

Вашук Римма Федоровна (о ней см. т. 12, стр. *579*) —**12**: 137, 138

Введенский Арсений Иванович (1844—1909) — критик и библиограф. Печатался в «Северном вестнике», «Вестнике Европы» и других журналах под псевдонимом «Аристархов» —**11**: 204, 208, 212, 241, 529, *631*, *632*

Вейнберг Павел Исаевич (1846—1904) — эстрадный рассказчик —**11**: 179, 554, *625*

Вейнберг Петр Исаевич (1830—1908) — литературовед, поэт и переводчик, председатель Литературно-театрального комитета —**11**: 297, *640*, *646*; **12**: 365, 432

«Практика сценического искусства» —**11**: 297, *646*

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — библиограф и

историк литературы —**12**: 14, 123, 261

«Русские книги» —**12**: 123, 124, 261, 262

Вера Дмитриевна — владелица Русского пансиона в Ницце — **12**: 167

Вера Ефимовна — см. Голубинина В. Е.

Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич (о нем см. т. 12, стр. *649*) —**12**: 248, 255, 277, 490, 491, 494, *601*, *606*

«Конец Андрея Ивановича» —**12**: *601*

«Лизар» —**12**: 494

«Рассказы», т. 1 —**12**: *649*

«Рассказы», т. 2—**12**: 494

Вернеры, Евгений Антонович и Михаил Антонович, бр.— издатели журналов «Друг детей» и «Сверчок» —**11**: 202, *630*

Веселитская (Микулич) Лидия Ивановна (о ней см. т. 12, стр. *601*) — **12**: 106, 145, 249, 250, 299, 319, 362

«Черемуха» —**12**: 250, *601*

Веселовский Александр Николаевич (1838—1906) — историк литературы, академик. С 1899 г. председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук —**12**: 446, 453, 454, *640*

Веселовский Алексей Николаевич (1843—1918) — историк западноевропейской литературы, профессор. С 1901 по 1904 г. председатель Общества любителей российской словесности — **12**: 523, 524, 528, *611*, *657*

«Вестник Европы» (1866—1918) — ежемесячный исторический и литературный журнал, выходил в Петербурге — **11**: 282, 306, 348, 353, 397, 410, 413, *632*, *654*, *673*; **12**: 106, 123, 373, *561*, *565*

«Вестник иностранной литературы» (1891—1916) — ежемесячный журнал, выходил в Петербурге —**11**: 487, *671*

«Весь Петербург» — справочное издание —**12**: 357

Виктор Александрович — см. Гольцев В. А.

Вильгельм II (1859—1941)— германский император —**12**: 75, 192, *565*

Виноградов Константин Федорович (1852—?) — петербургский прокурор, знакомый Чехова —**11**: 231, 397, 469, *635*

Вирхов Рудольф (1821—1902) — немецкий ученый, патолог и антрополог —**11**: 269, 571

Висковатов Павел Александрович (1842—1905) — профессор Дерптского университета — **11**: 509, *675*

Висновская Мария — артистка —**11**: 492, *672*

Витте Иван Германович (1854—1905) — врач-хирург Серпуховского городского медицинского участка —**12**: 230, 274, 345

Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — министр финансов в 1893—1903 гг.—**12**: 68, 89, 171, 204, *563*, *652*

Вишневецкий —см. Вишневский А. Л.

Вишневский Александр Леонидович (о нем см. т. 12, стр. *599*)—12: 223, 244, 246, 264, 298, 304, 317, 321, 322, 327, 330, 331, 334, 379, 380, 388, 389, 392, 394, 422, 432, 448, 450—452, 479, 504, 509, 512, 514, 515, 520, *595*, *611*, *614*, *628*, *637*, *652*, *654*

Владимир Григорьевич — см. Вальтер В. Г.

Владиславлев Михаил Петрович (1827—1909) — певец-тенор, артист Большого театра —**11**: 58, 280

Владиславлев Сергей Михайлович — томский архитектор, сын М. П. Владиславлева —**11**: 436

Водовозова Мария Ивановна — заведовала беллетристическим отделом журнала «Начало» —**12**: 254

«*Вокруг света*» (1885—1917) — московский журнал «путешествий и приключений на суше и на море» —**11**: 112

Волгина Софья Петровна — артистка —**12**: 226

Волкова Ю. В.— владелица книжного магазина и библиотеки в Ялте —**12**: 306

«*Волна*» (1884—1886) — московский еженедельный «художественно-литературный журнал» —**11**: 38, 270, *599*

Волынский — см. Флексер А. Л.

Волькенштейн Лев Филиппович — адвокат, товарищ Чехова по таганрогской гимназии — **12**: 12

Волькенштейн Михаил Филиппович — присяжный поверенный, одноклассник Чехова по таганрогской гимназии —**12**: 12

Вольтер Франсуа-Мари-Аруэ (1694—1778) —**11**: 221; **12**: 193, 200, *589*

Воронцов (криптоним: В. В.) («эпоховцы») Василий Павлович (1847—1918) — экономист и публицист —**11**: 227, 228, 273, *642*

Воронцов — трактирщик в Мелихове —**12**: 115

Воскресенский С.— см. Щукин С. Н.

«*Врач*» (1880—1901) — еженедельная медицинская газета. Выходила в Петербурге —**11**: *634*; **12**: 42, 128, *552*, *577*

Всеволожский Иван Александрович (1835—1909) — директор императорских театров в 1881—1899 гг.—**11**: 369, *657*

«*Всемирная иллюстрация*» (1869—1898) — петербургский еженедельный журнал —**11**: 102, 212, 538, 553, *612*, *638*, *682*; **12**: 134

«*Вся Россия*» — справочное издание —**12**: 106

Вуков Павел Иванович — классный наставник в таганрогской гимназии —**12**: 155, 245, *582*

Вучина Николай Степано-

вич — учитель греческой школы в Таганроге —**11**: 79

Вышеславцев А. В.—**11**: 394, 397

«Очерки пером и карандашом» —**11**: 394, 397

Вышнеградский И. А. (1832—1895) — член Государственного совета, министр финансов — **12**: 274

Гааз Федор Петрович (1780—1853) — главный врач московских тюрем, добившийся благодаря исключительной настойчивости смягчения условий содержания заключенных —**12**: 128, 193

Габорио Эмиль (1833—1873) — французский писатель, автор детективных романов —**11**: 108, 349, 379, *659*

«Господин Лекок» —**11**: 379, *659*

Гаврилка — см. Хрущев-Сокольников Г. А.

Гаврилов Иван Егорович — московский купец, у которого служил П. Е. Чехов, отец писателя —**11**: 149, 315, *592*, *637*

Гадон Владимир Сергеевич— полковник, адъютант московского генерал-губернатора — **12**: 512

Гаевский Виктор Павлович (1826—1888) — библиограф — **11**: 348

Гайдебуров Василий Павлович (1866—?) — журналист, после смерти отца, П. А. Гайдебурова, редактор-издатель газеты «Неделя» —**12**: 121

Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893) — редактор-издатель газеты «Неделя» —**12**: 41, *558*

Галилей Галилео (1564—1642) —**11**: 350

Галкин-Враской Михаил Николаевич (о нем см. т. 11, стр. *661*)— **11**: 389, 392, 394, 400, 463, 469, 570, *662*

Гамбурцева Людмила Васильевна —знакомая Чехова по Звенигороду —**11**: 97

Гарин-Виндинг Дмитрий Викторович (ум. в 1921 г.)— драматический артист и литератор, печатавшийся под фамилией Д. Гарин — **12**: 221

Гарин-Михайловский Николай Георгиевич (1852—1906) — писатель, инженер — **11**: 579, *686*; **12**: 496, 505, 506, 512, 520, *651*

«Несколько лет в деревне» —**11**: 579, *686*

Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888) — писатель —**11**: 115, 202, 206, 247, 289, 290, 407, 583, *630*, *631*, *637*

Гаршин Евгений Михайлович (1860—1931) —педагог и критик, рецензент «Биржевых ведомостей» —**11**: 287, *644*

Гаршина Екатерина Степановна (1828—1897)— мать В. М. и Е. М. Гаршиных —**11**: 201

Гауптман Гергарт (1862—1946) — немецкий писатель, драматург —**12**: 305, 401

«Ганнеле» —**12**: 76, 82, 144, 160, *565*, *566*
«Извозчик Геншель» —**12**: 401, *630*
«Михаэль Крамер» —**12**: *632*, *635*
«Одинокие» —**12**: 305, 325, 326, 330, 348, 375, 376, 384, 408, 502, *612*, *615*, *616*, *620*, *630*

Ге Николай Николаевич (1831—1894)— художник —**12**: 8, *550*
«Христос в Гефсиманском саду» —**12**: *550*

Ге-ге —см. Былим-Колосовский Е. Д.

Гей—см. Гейман Б. В.

Гейман Б. В. (псевдоним: Гей) —переводчик. Заведовал иностранным отделом газеты «Новое время» —**11**: 200, 401

Гейне Генрих (1797—1856)— **12**: 44, 296

Геймбрук О. В. — баронесса, ссыльнокаторжная на о. Сахалине —**11**: 463

Геннадий — архиерей, сухумский епископ —**11**: 236

Герцен Александр Иванович (1812—1870)—**11**: 172

Гете Иоганн-Вольфганг (1749—1832) —**11**: 80, 340, 351, 478, *625*, *670*; **12**: 296
«Фауст» —**11**: 83, 340, 515; **12**: 47, 432
«Эгмонт» — **11**: 178, 213, *625*

Гибенет Б.— киевский полицмейстер, отец Л. Б. Яворской —**12**: 76

Гиляй — см. Гиляровский В. А.

Гиляровский Владимир Алексеевич (1853—1935) — поэт, беллетрист и журналист. Печатался, главным образом, под псевдонимом: «Дядя Гиляй»— **11**: 47, 52, 58—60, 72, 84, 87, 101, 163, 228, 328, 512, 523, 524, 551, *602*, *606*, *635*, *651*; **12**: 306, 487, *648*
«Люди четвертого измерения» —**12**: 487, *648*
«Трущобные люди» —**11**: 228, *635*

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэтесса— **12**: 200
«Зеркала» —**12**: 200

Гиршман Леонард Леопольдович (1839—1921) — окулист, профессор Харьковского университета —**12**: 185, 188

Гладков Н. П.— помещик — **12**: 30

Глама-Мещерская Александра Яковлевна (1859—1942) — артистка театра Ф. А. Корша. В последние годы жизни — театральный педагог —**11**: 20, 159, 160, 252, 284, 289, *621*

Глебова (Мусина-Пушкина) Дарья Михайловна — знакомая семьи Чеховых; с 1901 года артистка Александринского театра —**11**: 284, 414, 416, 475, *665*, *669*; **12**: 157

Гликерия Николаевна — см. Федотова Г. Н.

Глинка Г.— сын баронессы

Икскуль, знакомый Чехова — **11**: 469, *668*

Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — **11**: 234, *635*, *636*

«Руслан и Людмила» (опера) — **11**: 234

Глуховская-Павловская Вера Андреевна — врач в Серпуховском уезде — **11**: 566; **12**: 10, *550*

Гнедич Петр Петрович (1855—1925) — беллетрист и драматург, в 1901—1908 гг. заведовал репертуарной частью Александринского театра — **11**: 383; **12**: 116, 238, 265, 266, *604*

«Горящие письма» — **12**: 116, 266, *604*

«Чайка» г. Антона Чехова» — **12**: 265, *604*

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — **11**: 158, 170, 183, 192, 229, 257, 337, 416, 516, 526, 543, *665*, *674*; **12**: 353, 518, *640*

«Выбранные места из переписки с друзьями» — **11**: 504, *674*

«Женитьба» — **11**: 337; **12**: 91, 232, 480

«Коляска» — **11**: 337

«Мертвые души» (Манилов, Мижуев, Ноздрев, Неуважай-Корыто, П. П. Петух, Плюшкин) — **11**: 203, 434, *620*; **12**: 96, 157, 214, *563*, *569*

«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — **11**: 203

«Ревизор» — **11**: 158, 337, 434, 451, 455, *621*, *643*; **12**: 50, 130, 480, *646*

«Страшная месть» — **11**: 229

Голике Роман Романович — владелец типографии, соиздатель с Н. А. Лейкиным журнала «Осколки» — **11**: 68, 71, 113, 121, 163, 384

Голицын (псевдоним: Муравлин) Дмитрий Петрович (1860—1917) — писатель — **11**: 216, 299

Голохвастов Павел Дмитриевич (1839—1892) — писатель — **11**: 42, 580

Голохвастова Ольга Андреевна (ум. в 1894 г.) — писательница, жена П. Д. Голохвастова — **11**: 108

Голубинина Вера Ефимовна — преподавательница ялтинской женской гимназии — **12**: 263

Гольден Н. — см. Чехова Н. А.

Гольцев Виктор Александрович (1850—1906) — публицист, литератор, редактор журнала «Русская мысль» — **11**: 277, 329, 533, *642*; **12**: 16, 18, 32, 38, 39, 54, 113, 114, 135, 146, 147, 173, 180, 181, 199, 213, 214, 311, 312, 346, 359, 360, 363, 422, 454, 470, 471, 497, 499, 502, 503, 505—507, 526, 537, *555*, *573*, *574*, *622*, *653*

«Девятая симфония» — **11**: 277, *642*

Гомер (между XII—VIII вв. до н. э.) —**11**: 108

Гончаров Иван Александрович (1812—1891) —**11**: 9, 337, 339, 348, *654*; **12**: 353

«Нарушение воли» —**11**: 348, *654*

«Обломов» —**11**: 337, 396; **12**: 341, *618*

«Фрегат «Паллада» —**11**: 9; **12**: 353

Горбунов Иван Федорович (1831—1895) — писатель и актер, известен как автор и рассказчик сцен из народного быта —**11**: 40, 405, *599*, *664*; **12**: 91, *567*

«Белая зала» —**11**: 405, *664*

«На реке» —**12**: 117

«От мирового» —**11**: 40, *599*

Горбунов-Посадов Иван Иванович (о нем см. т. 12, стр. *561*) —**12**: 7, 59, 60, 220, 221, 233, 234, 486, 487, *597*

Гордон Давид Моисеевич — владелец водолечебницы в Таганроге —**12**: 337

Горев Федор Петрович (1850—1910) — артист Московского Малого театра —**11**: 301, 305; **12**: 165

Горева Елизавета Николаевна (1859—1917) — драматическая артистка. В 1889—1890 гг. имела свой театр в Москве —**11**: 364, 366, 373, *656*

Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) —министр внутренних дел в 1895—1899 гг.— **12**: 130

Горленко (псевдоним Гославского) Василий Петрович (1853—1907) — критик, сотрудник «Нового времени» и «Русского обозрения» —**11**: 166, *623*

Городецкий Даниил Михайлович — ялтинский издатель и книготорговец —**11**: 361, 384, 452, *660*

Горький М. (Пешков) Алексей Максимович (о нем см. т. 12, стр. *598*)—**12**: 235, 241, 242, 247—249, 254, 255, 266, 283, 284, 286, 291, 292, 294, 300, 302, 303, 306—309, 333, 335, 347, 352, 357, 358, 366, 367, 371—375, 379, 382, 385, 386, 401, 402, 405, 407, 409, 411—415, 417, 418, 420—423, 427—430, 433, 435, 437, 439, 442, 443, 445, 447—450, 452—454, 462, 464, *599*, *601*, *602*, *611*, *612*, *617*, *620*, *623—627*, *632—635*, *639—641*, *644*, *646*, *647*, *649*

«В степи» —**12**: 241, 248, 266, 291, 309, 347

«Двадцать шесть и одна» — **12**: 372, *624*

«Кирилка» —**12**: 248

«Литературные заметки. По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В овраге» —**12**: 371, *624*

«Мальва» —**12**: 242, 291

«Мещане» —**12**: 379, 414, 417, 427, 452, 474, 484, 489, *634*, *635*, *649*

«Мой спутник» —**12**: 347, 367, 484

«Мужик» —**12**: 375, *625*

«На дне» —**12**: 430, 448, 449, 452, 458, 466, 484, 488, 489, 500, 516, 518, 521, *642—644*, *648*, *649*, *655*
«На плотах» —**12**: 242, 248, 266
«О кишиневском погроме» —**12**: 493, *650*
Очерки и рассказы, тт. 1 и 2 —**12**: *598*
Очерки и рассказы, т. 3 — **12**: 335, *617*
«Песня о Буревестнике» — **12**: *633*
«Сирота» —**12**: 347
«Супруги Орловы» —**12**: 248, *601*
«Трое» —**12**: 401, 405, 412, 415, 484, *632*, *634*
«Фома Гордеев» —**12**: 300, 302, 306, 308, 335, 367, 371, 374, *611*, *612*
«Челкаш» —**12**: 484
«Человек» —**12**: 534
«Ярмарка в Голтве» —**12**: 235, 291

Гославский Евгений Петрович (о нем см. т. 11, стр. *681*) —**11**: 542—544; **12**: 294—296, 334, 337, 338, 465, 466, *644*
«Богатей» —**11**: 542, *681*
«Путем-дорогою» —**12**: *644*
«Свободный художник» — **12**: 294—296, *610*
«Солдатка» («В разлуке») —**11**: 542, 543, *681*

Готберг Яков Матвеевич — репортер «Нового времени» — **11**: 149, 244

Градов-Соколов Леонид Иванович (1845—1890) — артист театра Ф. А. Корша, позднее — Александринского. В пьесе Чехова «Иванов» исполнял роль Косых —**11**: 69, 163, *622*

Градовский Григорий Константинович (1842—1920) — публицист —**11**: 251

«*Гражданин*» (1882—1914) — крайне реакционная газета, издававшаяся в Петербурге князем В. П. Мещерским — **11**: 190, 324, *628*, *650*, *653*; **12**: 461, 514, *655*

Гребенка Евгений Павлович (1812—1848) — писатель —**12**: 234
«Доктор» —**12**: 234

Греков И. (юный автор) — воронежский учитель —**11**: 517
«Нищие духом» —**11**: 517

Грибоедов Александр Сергеевич (1794—1829)
«Горе от ума» —**11**: *673*; **12**: 480, *613*, *646*

Грибунин Владимир Федорович (1873—1933) — артист Художественного театра с 1898 г. В пьесах Чехова исполнял роли: Чебутыкина и Ферапонта в «Трех сестрах», Симеонова-Пищика в «Вишневом саде», Косых в «Иванове», Телегина в «Дяде Ване», фельдшера в инсценировке рассказа «Хирургия» и следователя в инсценировке рассказа «Злоумышленник» — **12**: 509, 517, *656*

Григоревич — таганрогский дьякон —**11**: 128

Григорович Дмитрий Васильевич (о нем см. т. 11, стр. *607*) —**11**: 65, 70, 76—79, 88, 90—92, 103, 116—119, 121, 122, 165, 167—170, 179, 254—256, 284, 299, 317, 329, 357, 366, 369, 373, 374, 377, 379, 473, 476, 481, 557, 582, 583, 585—587, *605*, *608*, *609*, *615*, *616*, *623*, *639*, *646*, *657*, *659*, *686*; **12**: 36, 43, 75, 109, 165, 178, *558*

«Гуттаперчевый мальчик»— **11**: 582, *686*

«Не по хорошу мил,— по милу хорош» —**11**: 254, *639*

«Сон Карелина» («Петербург прошлого времени») — **11**: 116—119, *615*, *616*

Гризодубов — учитель таганрогской гимназии —**12**: 155, *582*

Грингмут Владимир Андреевич (1851—?) —редактор газеты «Московские ведомости» —**12**: 122, *576*

Громов Михаил Аполлинариевич (ум. в 1919 г.) —артист Художественного театра с 1899 по 1906 г. В пьесах Чехова исполнял роли Соленого в «Трех сестрах» и Прохожего в «Вишневом саде» —**12**: 517, *656*

Грузенберг Оскар Осипович (1866—?) — адвокат —**12**: 464, 544, *644*, *660*

Грузинский А.— см. Лазарев-Грузинский А. С.

Грюнберг Юлий Осипович (о нем см. т. 12, стр. *613*) —**12**: 314, 315, 328, 329, 383

Гумбольдт Александр (1769—1859) — немецкий ученый, путешественник—**11**: 398, *663*

Гуревич Любовь Яковлевна (о ней см. т. 12, стр. *549*) — **11**: 489, 518, *671*; **12**: 5, 51, 372

«Седок» —**12**: 372, *625*

Гурлянд Илья Яковлевич (1868—?) — в период переписки с Чеховым студент Демидовского юридического лицея в Ярославле, позднее профессор лицея—**11**: 414, *687*

«Утро нотариуса Горшкова» —**11**: 387

Гусев-Оренбургский Сергей Иванович (род. в 1867 г.) — писатель —**12**: 491

«Рассказы» —**12**: *649*

Гюго Виктор (1802—1885)— **12**: 200

Давыдов

«Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» —**11**: 400

Давыдов Владимир Николаевич (псевдоним Ивана Николаевича Горелова) (1849—1925) —артист. Играл в театре Ф. А. Корша в Москве, затем в Александринском театре в Петербурге. Первый исполнитель заглавной роли в пьесе

Чехова «Иванов» —**11:** 112, 152, 157, 159, 160, 163, 164, 167, 183, 194, 288, 300, 304, 311, 316, 320, *621*, *646*; **12:** 101, 105, 106, 132, 320, *571*

Давыдов Всеволод Васильевич — редактор журнала «Зритель» —**11:** 10, 75, 85, *594*, *619*

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, партизан Отечественной войны 1812 г.—**11:** 582

Давыдова Александра Аркадьевна (ум. в 1902 г.)— издательница журнала «Мир божий» —**12:** 437

Давыдова — см. Куприна М. К.

Давыдова Наталья Яковлевна — художница—**12:** 512, *654*

Далматов Василий Пантелеймонович (1852—1912) — артист Александринского театра —**11:** 301, 311; **12:** 119

Далькевич М. М.— карикатурист, сотрудник журнала «Осколки» —**11:** *660*

Данилин —см. Данилов И. А.

Данилов (Фрибес) И. А. «В тихой пристани» —**12:** 385, *627*

Данилов В. К. — врач, однокурсник Чехова по медицинскому факультету —**12:** 435

Дарвин Чарльз (1809—1882) —**11:** 17, 149, 416

Дарская О. М. — см. Шаврова О. М.

Дарский (Шавров) Михаил Егорович (1865—1930) — артист. В 1898—1899 гг. играл в Художественном театре — **12:** 437, *638*

Дарья Карловна — см. Шехтель Д. К

Дезяткин А. В. — железнодорожный служащий — **11:** 115

Дедлов — см. Кигн-Дедлов В. Л.

Деконор Д. В. (мировой судья) —**11:** 242, *636*

Делин Михаил (Deline Michel) —**12:** 279, *607*

«Дело» (1866—1888) — петербургский ежемесячный «литературно-политический» журнал —**11:** 87

Демаков В. Ф. — владелец типографии, в которой печатался журнал «Северный вестник» —**11:** 327

Деманж (Démange) —адвокат —**12:** 191, 192

Денис — см. Фонвизин Д. И.

Денисенко — врач в г. Брянске —**12:** 125

Дерулед Поль (1846—1914)— французский политический деятель и поэт-шовинист —**12:** 279

Дершау — баронесса, знакомая Чехова по Ницце —**12:** 190, 202

«Детский отдых» (1881—1907) — петербургский ежемесячный журнал для детей—**11:** 97—99, *611*, *612*

Дешанель Поль (1856—1922) — французский полити-

ческий деятель. В течение многих лет председатель палаты депутатов —**12**: 290, *609*

«Дешевая библиотека» — книжная серия, издававшаяся А. С. Сувориным—**11**: 103, 320, *648*, *669*

Джепаридзе — таганрогский офицер —**11**: 132

Дидон Анри (1840—?) —доминиканский монах, французский проповедник и писатель —**12**: 8

«Иисус Христос» —**12**: 8

Диккенс Чарльз (1812—1870)

«Посмертные записки Пиквикского клуба» (Пиквик) —**11**: 82, *608*

Диоген (ок. 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ —**11**: 504

Диоген —см. Билибин В. В.

Дистерло Р. А.

«О безвластии молодых писателей (Новогодние размышления)» —**11**: 166, *623*

Дмитриев (псевдоним: Барон Галкин) Андрей Михайлович — писатель и переводчик, член редакции журнала «Зритель» —**11**: 25, 32, 74

«Дно» — см. «Биржевые ведомости»

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) —**11**: 420

Додэ Альфонс (1840—1897) — французский писатель —**11**: 192, 250, 311, 548, *647*, *681*; **12**: 178, 179, 187

«Джек» —**11**: 311, *647*

«После развода» —**11**: 548, *681*

Додэ Эрнест (1837—?)— французский писатель, брат А. Додэ —**11**: 250

Долгов Никтополион Васильевич — пианист —**11**: 79

Долгополов Нифонт Иванович (1857—1922) — нижегородский врач —**12**: 408, 409, *633*

Долженко Алексей Алексеевич (1866—1942) — двоюродный брат Чехова —**11**: 27, 435, 442, 456, 466, 485; **12**: 21

Долженко Иван Алексеевич —**12**: 21

Долженко Федосья Яковлевна — тетка Чехова —**11**: 26, 27, 90, 97, 140, 435, 442, 466, 470, 485, 511—513, 522, *666*, *668*, *676*

Домашева Мария Петровна (1875—1952) — артистка театра Литературно-артистического кружка —**12**: 87, 117, 197

Доровато́вский Сергей Павлович (1854—1921) — издатель —**12**: 335, *598*, *617*

Дорошевич Влас Михайлович (1864—1920) — фельетонист —**12**: 424

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) —**11**: 12, 192, 324, 492; **12**: 233, 463, *597*

«Преступление и наказание» —**12**: 55

Дрейфус Альфред (1859—1935) — французский офицер,

ложно обвиненный в государственной измене—**12**: 177, 185, 189, 191—193, 205, 214, 243, 261, 297, 340, 455, *586*, *587*, *589*, *591*, *596*, *598*, *605*, *611*

Дрейфус и К° — фирма по экспорту хлеба — **12**: 28, *555*

Дришка—см. Глебова Д. М.

Дроздова Мария Тимофеевна (1871—1960) — художница, приятельница М. П. Чеховой —**12**: 203

Дрюмон Эдуард (1844—1917) — французский реакционный журналист, редактор газеты «La libre parole» («Свободное слово») —**12**: 192

Дузе Элеонора (1858 — 1924) — итальянская драматическая артистка —**12**: 194

Дурново Иван Николаевич (1830—1903)— министр внутренних дел, с 1895 г. председатель комитета министров —**11**: 519; **12**: 500

Дуров Владимир Леонидович (1863—1934) — цирковой актер и дрессировщик —**12**: 15

«Воспоминания клоуна Дурова» —**12**: *552*

Дучинский — почтовый чиновник на Сахалине —**12**: 116

«Сахалино» —**12**: 116

Дьяков (псевдонимы: Житель, Незлобин) Александр Александрович (1845—1895)— реакционный публицист, постоянный сотрудник «Нового времени» —**11**: 379, 469, 511, 569, *606*; **12**: 16, 21, *552*, *553*

Дьяконов Александр Федорович — инспектор таганрогской гимназии —**11**: 133; **12**: 245

Дьяконов Петр Иванович (1855—1908) — хирург, профессор Московского университета —**12**: 87, 118

Дюжикова Антонина Михайловна (1853—1918) —артистка Александринского театра. В пьесе «Чайка» играла роль Аркадиной —**12**: 101, *598*

Дюковский Михаил Михайлович — инспектор московского мещанского училища, близкий знакомый семьи Чеховых —**11**: 161, 209, 261, 285, 418, *632*, *641*

Дюма А., отец (1803—1870) — французский писатель.

«Граф Монте-Кристо» — **11**: 573, *685*; **12**: 36, 38, 40, *557*

«Кин, или Гений и беспутство» —**11**: 319, *648*

Дягилев Сергей Павлович (о нем см. т. 12, стр. *636*)—**12**: 325, 425, 462, 463, 495, 496, *621*, *650*

Евлалия — см. Амфитеатрова И. В.

Евреинов — брат А. М. Евреиновой —**11**: 290

Евреинова Анна Михайловна (о ней см. т. 11, стр. *651*)—**11**: 205, 207, 211, 212, 247, 251—253, 288, 298, 326—328,

332, 348, 359, 362, 363, 382, 383, *651*, *655*, *659*

Еврипид (ок. 480—406 гг. до н. э.)— древнегреческий драматург

«Медея» — **11**: 381

«Европейская библиотека» (1881—1883) — московский еженедельный «журнал иностранных романов и повестей» —**11**: 173

Евтушевский Андрей Павлович — брат Л. П. Чеховой— **12**: 135

Евтушевский Вениамин Андреевич — племянник Л. П. Чеховой —**12**: 134

Егоров Евграф Петрович — земский начальник в Нижегородской губ., бывший артиллерийский офицер, знакомый Чехова по Воскресенску —**11**: 518—523, *677*, *678*

«Ежемесячные литературные приложения к «Ниве» — **12**: 100, 109, *570*

Ежов Николай Михайлович (о нем см. т. 11, стр. *621*) — **11**: 43, 148, 157, 158, 264, 274, 275, 286, 384, 390, 402, 403, 410, 411, 418, 465, 498, 509, 514, 515, 583, 585, *641*, *642*, *661*, *664*, *665*, *673*, *675*, *687*; **12**: 24, 73, 108, 127, 128, 160, 161, 210, 222, 285, 305, 318, 343, *576*, *592*, *595*, *605*, *619*

«Енотовый мопс» —**12**: 116

«Звезды»—**11**: 403, 410, *664*, *665*

«Леля»—**11**: 264, *641*

«Мелкие натуры» —**11**: 509, *675*

«Облака» и другие рассказы» —**11**: 583, 585, *621*, *687*

«Пощечина» —**11**: *642*

«По югу России» —**12**: *619*

«Пытка» —**11**: 498, *673*

«Русалка» —**11**: 390, *661*

«Фокусы графа Коржинского» —**11**: 403, *664*

Екатерина II (1729—1796)— **11**: 365, 490; **12**: 80, *564*

Екатерина Великая — см. Иловайская К. М.

«Екатеринбургская неделя» (1879—1896) — еженедельная газета —**11**: 420

Елизавет Воробей — см Шаврова Е. М.

Елизавета (1843—1916) — румынская королева, автор нескольких литературных произведений, напечатанных под псевдонимом: Кармен Сильва —**11**: 395, *662*

Елизавета Александровна— гувернантка детей Киселевых —**11**: 280, 486

Е-ни — см. Ежов Н. М.

Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854—1933) — писатель и врач —**12**: 280, 281, 285, *608*

Епифанов Сергей Алексеевич — поэт. Печатался в юмористических журналах «Будильник», «Зритель» и др.—**12**: 222, 335, *608*

Еремеев Иван Васильевич— таганрогский врач, знакомый Чехова —**11**: 89, 124, 129, 132—134

Ермолова Мария Николаевна (1853—1928) —**11**: 300, 304, 305, 392, 531

Желтов И. М. — московский книготорговец и издатель —**11**: 37

Желябужский Андрей Алексеевич — муж М. Ф. Андреевой —**12**: 395

«Женское дело» (1899—1900) — петербургский ежемесячный литературный журнал —**12**: 235

Живчик — см. Петров А. В.

«Жизнь» (1897—1901) — ежемесячный литературно-научный и политический журнал, выходил в Петербурге —**12**: 248, 254, 255, 306, 309, 332, 335, 338, 342, 347—349, 354, 369, 372, 373, 425, *601*, *602*, *612*, *617*, *625*, *630*, *632—634*

Жиркевич Александр Владимирович (о нем см. т. 12, стр. *564*) —**12**: 72, 73, 78, 79

«Картинки детства» —**12**: 72, *564*

«Против убеждения» —**12**: 78, *565*

Житель — см. Дьяков А. А.

Жорж — см. Чехов Г. М.

Жудра П. И. —**12**: 15

«Катастрофа на Ладожском озере» —**12**: 15, *552*

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт —**11**: 24

Жуковский Д. Е. — журналист —**12**: 372

«Певец декаданса» —**12**: 372, *625*

Журавлев Алексей—**11**:39, *599*

«Певец под застрехою» —**11**: 39, *599*

«Журнал для всех» (1896—1906) — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал, выходил в Петербурге—**12**: 208, 228, 338, 425, 466, 471, 488, *596*, *635*, *639*, *644*, *645*, *649*

Забавин Николай Иванович — (о нем см. т. 12, стр. *578*) —**12**: 136, 137, 180

Забелин — звенигородский помещик —**11**: 79, *608*

Зайцев Борис Константинович (о нем см. т. 12, стр. *631*) —**12**: 403

«Неинтересная история»—**12**: *631*

Закревский Игнатий Платонович — журналист, сотрудник газеты «Новости и биржевая газета» —**12**: 193, *589*

«Золя» —**12**: 193, *589*

Залесова Е.

«Белый генерал» —**12**: 91, *567*

Зальца Александр Иванович (ум. в 1905 г.) — капитан, дядя О. Л. Книппер —**12**: 328, 354, 532, 536, *616*

Зальца Карл Иванович (ум. в 1907 г.) — врач, дядя О. Л. Книппер — **12**: 412, 532

Заньковецкая Мария Константиновна (1860—1934) —

украинская драматическая артистка —**11**: 153, 220, 550, *620*; **12**: 38
Захарьин Григорий Антонович (1829—1895) — терапевт, профессор Московского университета —**11**: 114, 269, 373, 388, 409, 529
Званцева Елизавета Николаевна (1868—1922) — художница — **12**: 474
Зембулатов Василий Иванович — товарищ Чехова по таганрогской гимназии и Московскому университету —**11**: 17; **12**: 12
Зембулатова — жена В. И. Зембулатова —**11**: 129
Земский — книготорговец — **11**: 40
Зиберов —одноклассник Чехова по таганрогской гимназии —**12**: 12
Зина — см. Никитская З. А.
Златовратский Николай Николаевич («эпоховцы») (1845—1911) — писатель —**11**: 273, 407, *642*; **12**: 172, 174, *585*
«Знание» — сборник —**12**: 510, 537, *654*, *659*, *660*
«Знание» — книгоиздательское товарищество —**12**: 465, 539, *633*, *634*
Золя Эмиль (1840—1902)— **11**: 96; **12** 34, 185, 189—193, 196, 197, 204—206, 214, 455, 587—590, *593*
«Доктор Паскаль» —**12**: 34, *556*
«I'accuse» («Я обвиняю»)— **12**: *587*
«L'affaire Dreyfus. La lettre á la jeunesse» («Дело Дрейфуса. Письмо к молодежи»)—**12**: 179, *586*
«Париж» («Paris») —**12**: 197, 200, *590*
«Зритель» (1881—1885)—московский иллюстрированный литературно-художественный юмористический журнал — **11**: 10, 26, *594*, *619*; **12**: 275

Ибсен Генрик (1828—1906)
«Дикая утка»—**12**: 415, 443, *635*
«Столпы общества» —**12**: 468, 482, 516, 521, *644*, *647*
«Эдда Габлер» —**12**: 375, 404, *631*
Иван Германович — см. Витте И. Г.
Иван Корнилович — см. Коврейн И. К.
Иваненко Александр Игнатьевич — музыкант-флейтист, близкий знакомый семьи Чеховых —**11**: 79, 229, 371, 415, 416, 421, 442, 448, 452, 455, 466, 512, 549, 562, 565, *657*; **12**· 30, 41, 73, 260, 264, 510
Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — художник —**12**: 400
Иванов Иван Иванович (1862—1939) — историк литературы и критик —**12**: 43, 341
Иванов Михаил Михайлович (1849—1927) — композитор, музыкальный критик «Нового времени» —**12**: 144, 267

«Забава Путятишна» —12: *605*

«Музыкальные отголоски» —12: *605*

Иванюков Иван Иванович (1844—1912) — экономист, сотрудник «Русских ведомостей» и «Русской мысли» —12: 187

Игнатов Илья Николаевич (1858—1921) — критик и публицист, врач по образованию—12: 341, 460, *643*

«Семья Обломовых» —12: *618*

Игрэк, И. Грэк — см. Билибин В. В.

Икскуль Варвара Ивановна (1850—1929) — баронесса. Имея связи в бюрократических сферах, оказывала иногда помощь литераторам —11: 463, 469, *667*

Иллария Владимировна — см. Амфитеатрова И. В.

Иловайская Капитолина Михайловна — владелица дачи в Ялте, знакомая Чехова — 12: 231, 237, 240, 265, 325, *599*

Иннокентий Алексеевич — см. Никитин И. А.

Иоллос Григорий Борисович — публицист, берлинский корреспондент «Русских ведомостей» —12: 541, 542

Иорданов Павел Федорович (о нем см. т. 12, стр. *572*) —11: 132; 12: 107, 108, 110, 123, 142, 143, 168, 187, 188, 199, 200, 203—205, 207—209, 219, 220, 261, 262, 296—298, 342—344, 434, 435, *580*, *588*, *604*, *610*, *619*

Ираклий — иеромонах, миссионер на Сахалине —11: 476

«*Искра*» (1859—1873) — сатирический журнал, выходивший в Петербурге —11: 49, *632*

«*Исторический вестник*» (1880—1917) — петербургский ежемесячный историко-литературный журнал—11: 621; 12: 15, 73, 75, 350, *552*, *564*

«*Impacatus*» — псевдоним критика журнала «Северный вестник», настоящая фамилия не раскрыта —11: 249

Казанский Иван Павлович—студент —11: 462, 488

Казимир-Перье Жан-Поль-Пьер (1847—1907) — французский реакционный политический деятель. В 1894 — 1895 гг. — президент Французской республики —12: 205

Кайгородов Дмитрий Никифорович (1846—1924) — фенолог, профессор Лесного института в Петербурге —11: 383

Каллаш Владимир Владимирович (1866—1918)—историк литературы и педагог, секретарь Общества любителей российской словесности —12: 514

Кальфа Бабакай Осипович—подрядчик — 12: 537

Камбуровы — знакомые Чехова по Таганрогу —11: 129, 130, 134

Канаев Александр Николае-

вич (о нем см. т. 11, стр. *595*)— **11**: 19—21, *596*

Канова Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор —**11**: 483

Карабчевский Николай Платонович (1851—1925) — адвокат —**12**: 488

Каразин Николай Николаевич (1842—1908) — художник-иллюстратор и беллетрист-этнограф —**12**: 224

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, историк —**11**: 24

Карно Сади (1837—1894) — президент Французской республики с 1887 г. —**11**: 209

Карпов Евтихий Павлович (1857—1926) — драматург, режиссер Александринского театра, затем театра Литературно-артистического кружка в Петербурге —**11**: 289, 479, *670*; **12**: 102, 116, 376, 536, *618*

«Вольная пташка» —**11**: 289

«Жрица искусства» —**11**: *670*

«Крокодиловы слезы»—**11**: 289

«На земской ниве» —**11**: 289

Картамышев В. П. — редактор газеты «Сибирский вестник» —**11**: 428, 435, 439

Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — реакционный публицист, редактор журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости»— **11**: 42, 306, *600*; **12**: 274

Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875—1948) — артист Художественного театра с 1900 г. В пьесах Чехова исполнял роли: Тузенбаха в «Трех сестрах», Трофимова в «Вишневом саде», Астрова в «Дяде Ване» и Иванова в «Иванове» —**12**: 433, 452, 509, *655*, *656*

Качиловский — таганрогский врач —**11**: 33

Кеннан Джордж (1845—1924) — американский журналист —**11**: 398, 520, *663*

Кигн (псевдоним: Дедлов) Владимир Людвигович (о нем см. т. 12, стр. *656*) —**11**: 486; **12**: 44, 521, 522, 527, *657*

«Лирические рассказы» — **12**: 521, *656*

«Просто рассказы» —**12**: 521, *656*

Кирилл (827—869) и *Мефодий* (ум. в 885 г.) — славянские просветители, проповедники христианства —**11**: 52, 53, *601*

Киселев Алексей Сергеевич — помещик, земский начальник. В его имении Бабкино под Москвой Чеховы жили летом 1885—1887 гг. —**11**: 57, 58, 98, 100, 112, 161, 279, 280, 486, 519, *671*; **12**: 179

Киселев С. А. (Сережа) — сын А. С. и М. В. Киселевых — **11**: 96, 98, 100, 112, 121, 252, 279, 280, 474, *639*, *643*, *669*

Киселева А. А. (Саша) —дочь А. С. и М. В. Киселевых —**11**:

98, 100, 112, 121, 280, 427, 486, 551, 552, *682*

Киселева Мария Владимировна (о ней см. т. 11, стр. *611*) —**11**: 57, 96—100, 107—112, 120, 121, 142, 279, 280, 485, 486, *613, 614, 643;* **12**: 179

«Калоши» —**11**: 98, 99

«Ларька» —**11**: 107, 108

Киселевский Иван Платонович (1839—1898) — артист Александринского театра до 1886 г., затем театра Корша—**11**: 160, 163, 164, 311, *621*

Кистяковский А. Ф.—**12**: 128

«Исследование о смертной казни» —**12**: 128, *578*

Кичеев Николай Петрович (1848—1890) — журналист и переводчик. В начале 80-х годов был редактором журнала «Будильник» —**11**: 21; **12**: 534

Кичеев Петр Иванович (1845—1902) — поэт и театральный рецензент, сотрудник мелкой прессы —**11**: 24, 161, 162, *596, 622*

Кланг Иван Иванович — художник-иллюстратор и редактор-издатель иллюстрированных журналов «Москва» (1882—1883) и «Волна» (1884—1886) —**11**: 38, 145, *599*

Климентова (Муромцева) Мария Николаевна —певица—**12**: 332

Клюкин Максим Васильевич — московский книготорговец и издатель —**12**: 254, 371, *602, 624*

Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — историк, профессор Московского университета —**12**: 130

«Книжки «Недели» (1878—1901) — ежемесячный журнал, выходивший в виде приложения к газете «Неделя» —**11**: *685*; **12**: 15, 41, *552, 598*

Книппер Анна Ивановна (1850—1919) — профессор Московской консерватории по классу пения, мать О. Л. Книппер —**12**: 328, 354, 448, *616*

Книппер (Нардов) Владимир Леонардович (1876—1942) — певец и режиссер Большого театра. Брат О. Л. Книппер —**12**: 427, 506, *636*

Книппер Константин Леонардович (1866—1924) — инженер-путеец, брат О. Л. Книппер —**12**: 456, 505, 520

Книппер Лев Константинович (Лева) (р. в 1898 г.) — племянник О. Л. Книппер — **12**: 532, *658*

Книппер Ольга Леонардовна (о ней см. т. 12, стр. *611*) —**12**: 223, 264, 299, 303, 307—310, 315—321, 327—330, 332, 334, 342, 348, 349, 354, 355, 377, 380—384, 387—389, 392—396, 398, 399, 404, 405, 407, 411, 412, 416, 420—422, 427, 430—434, 437, 438, 443, 445—456, 459—461, 464, 467—474, 477, 478, 480—483, 487—490, 496, 499—501, 504—515, 517, 519—522, 530—534, 536, 543, 546, *595, 600, 612*—

614, 616, 621, 626, 629, 630, 633, 637, 638, 641, 644, 646—648, 656, 658

Кнох Вильгельм Андреевич — петербургский врач — **11**: 191

Кобчик—см. Бирштедт А. А.

Ковалевская Софья Васильевна (1850—1891) — математик, первая в мире женщина-профессор, член-корреспондент Петербургской академии наук —**11**: 480

Ковалевский Александр Онуфриевич (1840—1901) — зоолог, академик —**11**: 501

Ковалевский Максим Максимович (о нем см. т. 12, стр. *588*) —**12**: 165, 167, 168, 170, 174, 175, 178, 180, 182, 186—188, 190, 192, 194, 198, 201, 204, 280, 396, *586*, *596*, *599*, *629*, *630*

«Происхождение современной демократии» — **12**: 200

[Сочинения] —**12**: 187

Коврейн Иван Корнилович — земский врач в с. Хатунь Серпуховского уезда — **11**: 578; **12**: 230, 274

Колесов Федор Иванович — заведующий книжными магазинами «Нового времени» — **12**: 215

Коломнин Алексей Петрович (ум. в 1900 г.) —адвокат, один из директоров Литературно-артистического кружка в Петербурге, зять А. С. Суворина —**11**: 143, 504, 567, 568, *619*; **12**: 77, 125, 127, 217, 301, 397

Коломнины Вера Алексеевна и Надежда Алексеевна —дочери А. П. Коломнина —**12**: 223, 225, 226, 231, 232

Колосовский — см. Былим-Колосовский Е. Д.

«Колосья» (1884—1893) — петербургский ежемесячный «научно-литературный» журнал —**11**: 68, *604*

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — поэт — **11**: 169

Кольцов А. И. —ялтинский врач —**12**: 274, 285

Комитет грамотности — общественная организация, возникшая в 1845 г. при Вольном экономическом обществе с целью распространения грамотности в России. В 1896 г. был закрыт царским правительством —**11**: 522, 531

Коммиссаржевская Вера Федоровна (о ней см. т. 12, стр. *583*) —**12**: 108, 112, 113, 157, 158, 255, 256, 472, 473, 483, *571*, *572*, *602*, *645*, *647*

Кондаков Никодим Павлович (о нем см. т. 12, стр. *629*)— **12**: 252, 263, 273, 278, 281, 350, 376, 396, 397, 400, 401, 424, 442, 444, *630*, *640*

«Современное положение русской народной иконописи» —**12**: 400, 401, *630*

Кондратьев Алексей Михайлович (1846—1913) — ре-

жиссер Малого театра —**12**: 176, 281

Кондратьев Иван Максимович (ум. в 1924 г.) — секретарь Общества русских драматических писателей и оперных композиторов —**11**: 205, 368, *667*

Кони Анатолий Федорович (о нем см. т. 11, стр. *669*) — **11**: 476—478, 526; **12**: 111, 112, 118, 128, 129, 185, *573*, *620*

«Федор Петрович Гааз. Биографический очерк»— **12**: 128, *578*

Коновицер Евдокия Исааковна, урожденная Эфрос — приятельница М. П. Чеховой —**11**: 97, 151; **12**: 244

Коновицер Ефим Зиновьевич (о нем см. т. 12, стр. *600*) —**12**: 244, 258, 260, 363

Кононович Владимир Осипович — генерал, начальник острова Сахалин —**11**: 463, 473, 498, *674*

Константин Семенович — см. Тычинкин К. С.

Константин Сергеевич — см. Станиславский К. С.

Константин Федорович — см. Виноградов К. Ф.

Константинов — студент — **12**: 153, *582*

Корнеев Яков Алексеевич — врач, владелец дома на Садово-Кудринской в Москве, в котором жила семья Чеховых —**11**: 125, 139

Коробов Николай Иванович — врач, однокурсник Чехова по Московскому университету —**11**: 132; **12**: 12, 127, 128, 523, *551*, *564*

Короленко Владимир Галактионович (о нем см. т. 11, стр. *620*) —**11**: 68, 115, 150, 151, 153, 154, 164—166, 169, 182, 183, 185, 186, 188, 193, 203, 206, 208, 211, 216, 234, 248, 254, 273, 288, 291, 323, 326, 358, 362—364, 390, 520, 581, *604*, *622*, *626*, *627*, *632*, *633*, *638*, *655*, *656*, *669*; **12**: 91, 92, 152, 223, 242, 281, 283, 441, 442, 445—447, 496, 498, *568*, *589*, *620*, *640*, *641*, *651*

«Лес шумит» —**11**: 390

«Очерки и рассказы» —**11**: 153, 166, *620*, *623*

«По пути» — **11**: 165, 182, 183, 186, *626*

«Рассказы о бродягах». 1. «Соколинец» — **11**: 68, 166, *604*

«С двух сторон» — **11**: *656*

«Смиренные» —**12**: 281, 283, *607*

Коротнев Алексей Алексеевич (1854—1915) — профессор-зоолог Киевского университета —**12**: 186, *628*, *629*

Корреджио (1494—1534) — итальянский художник —**12**: 23, 80

Корсаков Николай Сергеевич (1852—1925) — врач по детским болезням, профессор —**12**: 530, *658*

Корф Андрей Николаевич — приамурский генерал-губернатор — **12**: 93

Корш Нина Федоровна — дочь Ф. А. Корша, знакомая семьи Чеховых — **12**: 260

Корш Федор Адамович (1852—1921) — основатель и владелец драматического театра в Москве — **11**: 96, 112, 151, 152, 154, 156, 159, 161, 252, 277, 286, 289, *621*; **12**: 62, 81, 141, 260, 381, *561*

Корш Федор Евгеньевич (1843—1915) — филолог, академик — **12**: 369, 376, *624*

«Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева» — **12**: *624*

«*Космополис*» («Cosmopolis») (1896—1898) — «ежемесячный международный журнал», издававшийся на четырех языках. Основан в Париже в 1896 г. «Русский отдел» выходил в Петербурге с 1897 г. сначала под редакцией С. Н. Сыромятникова, с мая 1897 г.— Ф. Д. Батюшкова — **12**: 147, 148, 181, 187, 191, *581*, *589*

Коссович Варвара Самсоновна — ялтинский врач-окулист — **12**: 477

Костя — см. Виноградов К. Ф.

Костя — см. Книппер К. Л.

Кочетов Е. Л. — журналист, сотрудник «Нового времени» — **11**: 152, 350

Кошева Бронислава Эдуардовна — артистка театра Ф. А. Корша. В «Иванове» исполняла роль Бабакиной — **11**: 163, *622*

Кравцов Гавриил Павлович — помещик, владелец хутора «Рагозина балка» — **11**: 133, 138

Крамсаков Иван Федорович — учитель арифметики и географии в таганрогской гимназии — **12**: 244, 298

Крамской Иван Николаевич (1837—1887) — художник — **11**: 205, 206, *631*

«*Красный цветок*» — литературный сборник в память В. М. Гаршина — **11**: 202, 203, 212, *630*, *632*, *633*, *637*

Крассо Марк Федорович — врач, одноклассник Чехова по таганрогской гимназии — **12**: 12

Крашенинников Степан Петрович (1711—1755) — исследователь Камчатки — **11**: 400

«Полное собрание ученых путешествий по Сибири» — **11**: 400

Крашенинников Николай Александрович (1878—1941) — писатель — **12**: 502, 503

«Рассказ об одной женщине» — **12**: 502, *652*

Крестовская Мария Всеволодовна (1862—1910) — писательница и артистка — **12**: 42, 360, *622*

«Вопль» — **12**: 360, *622*

Крестовский Всеволод Вла-

димирович (1840—1895) — писатель —**12**: 72, 73, *564*

Кривобок — полтавский помещик —**11**: 230

Кропотов — управляющий казенной палатой в Ярославле —**12**: 402

Крузенштерн Иван Федорович (1770—1846)—**11**: 394, 397

Атлас —**11**: 394, 397

Крутовский В. М. —садовод —**12**: 272

Крылов (псевдоним: В. Александров) Виктор Александрович (1838—1906) — драматург —**11**: 222, 286, 333, 489, 585, *687*; **12**: 41

«Очерки театрального дела в Европе» —**11**: 585, *687*

Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — **11**: 82, 219

«*Крымский курьер*» (1898—1907) — ежедневная ялтинская газета —**12**; 253, 512

Кувшинников Дмитрий Павлович — врач, муж С. П. Кувшинниковой —**11**: 454; **12**: *561*

Кувшинникова — помещица —**11**: 545

Кувшинникова Софья Петровна (1847—1907) — художница —**11**: 458, 545, 552, 558, 560, 561, *646*, *681—683*; **12**: 59, 164, *561*, *584*

Кугель Александр Рафаилович (1863—1928) —театральный критик. Печатался под псевдонимом «Homo Novus»—**12**: 398, 511, *567*

Кузе-Сан — японский консул—**11**: 466

Кузнецов — антрепренер увеселительного заведения «Salon de variété» —**11**: 46

Кузьмин Василий Иванович — профессор-хирург —**11**: 436

Кукушкин — опереточный певец, одноклассник Чехова по таганрогской гимназии — **12**: 12

Кулаков А.—**11**: 105, *613*

«Газету издавать задумал (Из провинциального быта)»—**11**: *613*

Куманин Федор Александрович (1855—1896) — издатель журнала «Артист» —**11**: 404, *664*

Кундасова Зоя Петровна — сестра О. П. Кундасовой — **12**: 269

Кундасова Ольга Петровна — математик. Работала некоторое время в московской обсерватории, за что и прозвана Чеховым «астрономкой»— **11**: 415, 416, 418, 421, 435, 442, 458, 465, 475, 480—482, 498, 551, 556, 566, 570, 586, 587, *666*, *670*, *683*, *684*, *687*; **12**: 10, 26, 34, 40, 41, 60, 65, 66, 83, 88, 89, 130, 164, 172, 269, 317, 363, 422, *550*, *561*, *562*, *567*

Куприн Александр Иванович (1870—1938) — **12**: 283, 407, 437, 457, 476, *638*

«Булавин» —**12**: 476

«В цирке» —**12**: 432, 457, *637*

«На покое» —**12**: 457, *642*

«Ночлег» —**12**: 476

Куприна Мария Карловна (род. в 1881 г.) — жена А. И. Куприна —**12**: 437, 457, *638*

Курепин Александр Дмитриевич (1847—1891) —московский журналист. С 1882 г.— редактор журнала «Будильник». Позднее сотрудничал в «Новом времени» —**11**: 162, 503, 504, 516, *611*, *622*, *677*; **12**: 222, 534

Куркин Петр Иванович (о нем см. т. 12, на стр. *619*) —**11**: 578, *683*; **12**: 321, 345, 346, 428, 458, 459, 462, 540, *642*

«Материалы по болезненности и движению населения Московской губернии в 1895 и 1896 гг.»— **12**: *619*

«Очерки санитарной статистики» —**12**: 345, 346, *619*

«Курьер» (1897—1904) — ежедневная московская газета —**12**: 253, 258, 267, 341, 363, 461, 467, *596*, *603*, *604*, *607*, *615*, *616*, *644*

Кусмауль Адольф — немецкий врач-терапевт —**11**: 549

Л.— см. Луначарский А. В.

Лабори Фердинанд—адвокат, защитник Э. Золя по делу А. Дрейфуса — **12**: *593*

Лавров Вукол Михайлович (о нем см. т. 11, стр. *665*) —**11**: 412—414, 558, 573, *611*, *665*, *683*; **12**: 11, 16, 18, 19, 32, 35, 36, 54, 92, 113, 180, 198, 199, 260, 280, 360, 454, *550*, *554*, *557*, *568*

Лаврова Софья Федоровна — жена В. М. Лаврова —**12**: 198, 199

Ладожский Н. — см. Петерсен В. К.

Лазарев-Грузинский Александр Семенович (о нем см. т. 11, стр. *625*) — **11**: 106, 145, 148, 157, 179, 180, 269—271, 275, 380—382, 384, 395, 401, 402, *641*, *659*, *663*, *664*; **12**: 73, 108, 524, 525, *657*

«В усадьбе» —**11**: 270

«Первый урок» —**11**: 270, *641*

«Побег» —**11**: 402, *663*, *664*

«Старый друг» —**11**: 380, 381, *659*

Лазаревский Борис Александрович (о нем см. т. 12, стр. *651*)—**12**: 369, 497, 535, 536, *614*, *659*

«Доктор» —**12**: 497, *651*

«На уроке» —**12**: *623*

«Повести и рассказы» —**12**: 497, *651*

Ламанский Владимир Иванович (1833—1914) — филолог, профессор Петербургского университета, академик —**12**: 376

Ландсберг К. Х.— ссыльный на о. Сахалине —**11**: 463

Лассаль Фердинанд (1825—1864) — немецкий социалист— **12**: 44

Лаур Александр Алексеевич (1854—1901) — врач-гомеопат, драматург и журналист — **12**: 366

Лебедев
«Индийская легенда» —**11**: 515, *677*

Лебедев Александр Игнатович (1826—1898) — художник-карикатурист и гравер, сотрудник юмористических журналов —**11**: 145, 147, *618*

Лев XIII — римский папа (1878—1903) —**12**: 80

Левенберг — журналист мелкой прессы —**11**: 82

Левинский Владимир Дмитриевич (1849—?) —редактор юмористического журнала «Будильник» —**11**: 66, 103, 283

Левитан Адольф Ильич (1859—1933) — художник-жанрист, брат И. И. Левитана —**11**: 55, *602*

Левитан Исаак Ильич (1860—1900) —**11**: 55, 56, 58, 109, 139, 162, 405, 415, 416, 476, 481, 485, 492, 493, 545, 551, 558, *602*, *617*, *646*, *664*, *670*, *684*; **12**: 64, 120, 132, 133, 140, 172, 173, 317, 349, 377, 425, *561*, *566*, *579*, *583*, *585*, *620*, *625*, *636*

Левитский Михаил Александрович — судебный пристав в Серпухове —**12**: 26

Левкеева Елизавета Ивановна (1851—1904) —артистка Александринского театра — **12**: 101, *570—572*

Лейкин Николай Александрович (о нем см. т. 11, стр. *593*) **11**: 9—11, 18, 19, 21—23, 25—32, 34, 36—55, 59—63, 65, 67, 70—76, 83, 84, 86, 87, 89, 94, 95, 100—107, 112—116, 121, 123, 124, 136—139, 145—148, 158, 159, 163, 180, 181, 198, 199, 214—216, 272, 283, 294, 324, 337, 353, 354, 383—385, 445, 446, 471—473, 539, 559, 560, *594—607*, *609*, *611*, *612—615*, *618*, *621*, *630*, *633*, *642*, *643*, *660*, *668*; **12**: 14, 73, 83—85, 118, 148, 149, 158, 159, *574*, *581—583*
«Апраксинцы Биржевые артельщики (Сцены и очерки)» —**11**: 63, *603*
«В гостях у турок» —**12**: 148
«Записки Полкана» —**12**: 148
«Затравкин (Краткий роман в документах)» — **11**: 37, *598*
«Из переписки сельского учителя» —**11**: 75, *607*
«Караси и щуки» —**11**: 28, *596*
«Кум-пожарный» — **11**: 294, *645*
«Кустодиевский» —**11**: 40, *599*
«Неполированный и полированный» —**11**: 31, *598*
«Новая соперница» — **11**: 31, *598*
«После светлой заутрени»— **11**: 19, *595*
«Праздничный» —**11**: 103, *613*
«Птица» — **11**: 19, *595*
«Саврасы без узды» —**11**: 19, *595*
«Самоглот · Загребаевы (Краткий современный

роман в документах)» — 11: 38, *599*
«Сатир и нимфа, или Похождения Трифона Ивановича и Акулины Степановны» — 11: 215, *633*
«Стукин и Хрустальников» — 11: 215, *633*
«Христова невеста» — 11: 199, *630*

Лейкин Федя — приемный сын Н. А. Лейкина — 11: 84, 95, 124, 159, 354, 385, 446, 472, *611*; 12: 85, 149, 159

Лейкина Прасковья Никифоровна — жена Н. А. Лейкина — 11: 84, 95, 107, 124, 159, 354, 385, 446, 472; 12: 85, 149, 159

Леман Анатолий Иванович (1859—1913) — беллетрист, автор руководства по игре на бильярде и струнных инструментах — 11: 212, 273

Ленин Владимир Ильич (1870—1924)
«Отдача в солдаты 183-х студентов» — 12: *632*

Ленская Лидия Николаевна — жена А. П. Ленского — 11: 261, 296, 297, 304, 394, 405, 485, *646*

Ленский Александр Павлович (о нем см. т. 11, стр. *645*) — 11: 196, 253, 259, 261, 283, 296, 297, 299, 302, 304, 320, 341, 395, 405, 485, 534, *646*

Лентовский Михаил Валентинович (1843—1906) — артист, режиссер и антрепренер — 11: 12, *599*

Леонидов Леонид Миронович (1873—1941) — артист Художественного театра с 1903 г. В пьесах Чехова играл роли: Соленого и Вершинина в «Трех сестрах», Лопахина в «Вишневом саде», Калхаса в «Калхасе» и Боркина в «Иванове» — 12: 515, 517, 531, *654*, *656*

Леонтьев-Щеглов Иван Леонтьевич (о нем см. т. 11, стр. *622*) — 11: 163, 164, 166, 167, 169, 175—182, 187, 188, 192—194, 196, 199, 204, 206, 211, 213, 214, 221—224, 232, 233, 248, 249, 252, 253, 261, 288, 289, 294, 301, 319, 321—323, 326, 334—336, 348, 349, 355, 365, 375, 376, 387, 391, 406—408, 469, 470, 474—476, 489, 490, 529, 535, 536, 546, 551, 554, 567, 575—577, *622—628*, *633—635*, *639*, *650*, *652*, *654*, *658*, *661*, *664*, *671*, *680*, *686*; 12: 9, 10, 29, 88, 106, 122, 123, 145, 152, 178, 257, 272, 365, 366, 411, 522, 526, *555*, *580*
«В горах Кавказа» — 11: 223, *622*, *634*
«Гордиев узел» — 11: 192, 193, 223, 376, *654*, *658*; 12: 365, *623*
«Господа театралы» — 11: 322, 323, *650*
«Гремучая змея» — 11: 193
«Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования» — 11: 163, 193,

223, 252, 334, 365, 489, *622*, *639*, *652*, *658*, *671*
«Еще одно последнее сказанье (по адресу Литературного комитета)» — 12: *586*
«Жареный гвоздь»—11: *626*
«Затерянный мудрец» —12: 152, *582*
«Идиллия» —11: 182, 193, *626*
«Кожаный актер» —11: 376, *658*
«Мамаево нашествие» — 11: 489, *671*
«Миньона» —11: 164, 175, 180, 193, *622—624*
«Настя» —11: 348, 349, *654*, *658*
«Неудачный герой» —11:*626*
«Около истины» —11: 536, 546, 576, *680*, *686*
«Первое сражение» —11: *626*
«Поручик Поспелов» —11: 193, *626*
Рассказы — 11: 181, *626*
«Русский мыслитель. Избранные мысли и отрывки из сочинений Гоголя, его писем и воспоминаний о нем» —11: 193, *628*
«Театральный воробей» — 11: 232, *634*, *635*
«Шемякин суд» — 12: *586*
Лепешкина Лидия Васильевна — жена С. И. Шаховского — 12: 332
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 11: 171, 240, 294, *658*, *664*, *675*; 12: 116, 390, 529
«Бородино» —12: 62, 116
«Бэла» —11: *658*
«Герой нашего времени» — 11: 294; 12: 488
«Демон» —11: *675*
«Тамань» —11: 171
Лесевич Владимир Викторович (1837—1905) — реакционный философ —11: 383, *660*
Лесков Андрей Николаевич — офицер, сын Н. С. Лескова — 12: 269
Лесков Николай Семенович (1831—1895) —11: 34, 42, 198, 537, *597*, *598*, *680*; 12: 9, 69, 75, *563*
«Запечатленный ангел» — 11: 30, *597*
«Легендарные характеры» —11: 537, *680*
«Сказ о тульском левше и о стальной блохе (Цеховая легенда)» —11: *598*
Лессепс Фердинанд (1805—1894) — французский предприниматель, делец, возглавлял строительство Суэцкого и Панамского каналов —12: 10, *550*
Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1821) — немецкий писатель —11: 336, 349, *652*, *673*
«Гамбургская драматургия» —11: *673*
«Натан Мудрый» —11: 336, *652*
Лешковская Елена Константиновна (1864—1925) —

артистка Московского Малого театра —**11**: 301; **12**: 502

Лидия Ивановна — см. Веселитская Л. И.

Лидия Стахиевна — см. Мизинова Л. С.

Лидия Федоровна — см. Михайлова Л. Ф.

Лилина Мария Петровна (о ней см. т. 12, стр. *638*)—**12**: 387, 391, 429, 433, 434, 451, 476, 478—481, 497, 503, 504, 509, 516, 518, 519, 531, *646*, *654*, *656*, *658*

Лиля — см. Сахарова Е. К.

Линтварев Георгий Михайлович (1865—1943)—пианист, позднее земский деятель, сын А. В. Линтваревой — **11**: 220, 227, 235, 243, 273, 279, 290, 320, 332, 435, 442, *634*, *643*, *661*, *666*

Линтварев Павел Михайлович (1861—1911) — земский деятель, сын А. В. Линтваревой —**11**: 219, 227, 235, 237, 257, 442, *634*

Линтварева Александра Васильевна (1833—1909) — владелица усадьбы Лука возле г. Сумы Харьковской губ., где Чеховы жили летом 1888—1890 гг. —**11**: 218, 235, 261, 354, 435, 442, *634*

Линтварева Антонида Федоровна — жена П. М. Линтварева —**11**: 227, 235

Линтварева Елена Михайловна (1852—1922) (о ней см. т. 11, стр. 218—219) —**11**: 225, 235, 244—246, 259—261, 278, 279, 435, 436, 442, 562, 563, *634*, *635*, *640*, *666*

Линтварева Зинаида Михайловна (1857—1891) — врач, дочь А. В. Линтваревой —**11**: 218, 235, 435, 442, *634*

Линтварева Наталья Михайловна (о ней см. т. 11, стр. 219) —**11**: 226, 235, 421, 435, 442, 443, 511, 512, 548—550, 562—564, *634*, *676*; **12**: 150, 151, 240

Линтваревы —**11**: 225, 227, 228, 246, 249, 257, 259, 273, 346, 356, 357, 392, 421, 430, 448, 452, 456, *634*, *635*, *684*

«*Листок*»—см. «Московский листок».

Литвинов Иван Михайлович (1844—1906) — цензор драматических сочинений в Главном управлении по делам печати —**12**: 99

Литературное общество — см. Русское литературное общество

Литературно - театральный комитет — комитет при дирекции казенных театров —**11**: 288, 319, 348, *641*, *642*, *654*, *658*, *659*; **12**: 365, *606*, *609*

Литературный фонд —неофициальное название «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», учрежденного в 1850 г. в Петербурге —**11**: 114, 174, *614*, *678*; **12**: 532, *618*

Лихачев Владимир Иванович (1837—1906) — гласный петер-

бургской городской думы —**11**: 340, *653*

Лихачев Владимир Сергеевич (1849—1910) — поэт, драматург, переводчик —**11**: *630*, *632*

Лобода Иван Иванович — таганрогский купец, родственник Чеховых —**11**: 128—130, 135; **12**: 169

Лободины — семья И. И. Лободы —**11**: 130, 134

Лопе де Вега (1562—1635) — испанский поэт и драматург — **11**: 108

Лоти Пьер (1850—1913) — французский писатель—**12**: 200

Луговой — см. Тихонов (Луговой) А. А.

Лужский Василий Васильевич (1869—1931) — артист Художественного театра с 1898 г. В пьесах Чехова исполнял роли: Сорина в «Чайке», Серебрякова в «Дяде Ване», Андрея в «Трех сестрах», Лебедева в «Иванове», Гаева, Симеонова-Пищика и Фирса в «Вишневом саде» —**12**: 223, 327, 427, 514, 515, 518, *595*

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — журналист и критик; общественно-политический деятель; драматург — **12**: 432, *637*

«Искушение» —**12**: 432, *637*

«Луч» (1890—1897 и 1899—1903) — ежедневная «политическая, литературная и общественная» газета. До ноября 1896 г. — издатель-редактор С. С. Окрейц. С ноября 1896 г.— издатель Ал. Вольф, редактор Вл. Чуйко. С этого времени выходила с подзаголовком: «бесцензурная политическая и общественная газета» —**12**: 125, *577*

Любимов — врач —**12**: 178

Любимов Александр Леонидович — студент-медик, сын Л. И. Любимова —**12**: 540

Любимов Леонид Иванович (о нем см. т. 12, стр. *659*) — **12**: 540

Людмилочка — см. Гамбурцева Л.

Лялин (псевдоним: Петербуржец) Василий Сергеевич (1854—1909) — журналист. Вел отдел «Маленькая хроника» в «Новом времени» —**12**: 267, *605*

«La libre parole» («Свободное слово») —французская реакционная газета —**12**: 176

Маклаков Василий Алексеевич (1870—?) — адвокат, член II, III и IV Государственной думы — **12**: 387

Маковский Владимир Егорович (1846—1920) — художник-передвижник —**11**: 218

Максим — работник на даче М. Ф. Якунчиковой, где Чехов жил летом 1903 года —**12**: 512

Максим Белинский — см. Ясинский И. И.

Максимович Георгий Анд-

реевич — студент, ялтинский знакомый Чехова —**12:** 360

Малкиель — владелец дома в Москве, в котором помещался Пушкинский театр — **11:** 20

Малкиель Софья Самойловна — детская писательница, знакомая Чеховых —**11:** 492

Мальтус Томас Роберт (1766—1834) — английский реакционный экономист. По его «теории» низкий жизненный уровень трудящихся масс объяснялся не социальными причинами, а слишком быстрым ростом населения—**11:** 113

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852—1912)— писатель —**11:** 207, 419; **12:** 75, 83, 242, 483, *565*, *647*

«Около господ»—**12:** 360, *622*

«Хлеб» —**12:** 75, *565*

Мамонов —граф —**11:** 490

Мамонтов Савва Иванович (1841—1918) — крупный промышленник, меценат, основатель первого частного оперного театра в Москве —**12:** 183, *587*

Мамонтов Сергей Саввич (1865—1915) — литератор, знакомый Чехова —**12:** 317, 521, *656*

Мамуна Клара Ивановна — знакомая Чеховых —**11:** 557, 561, 564, *683*; **12:** 23, *554*

Мамышев Василий Семенович — судебный следователь в Звенигороде —**11:** 113, 277, 379, 394, *614*

Манассеин Вячеслав Александрович (1841—1901) —врач, профессор Военно-медицинской академии, основатель и редактор газеты «Врач» —**12:** 15, *552*

Манучаров Давид Львович (о нем см. т. 12, стр. *568*) —**12:** 92, 93

Манучаров Иван Львович (1861—1909) — народоволец — **12:** 92

Маня —см. Ходаковская Мария

Маргольм Лаура —**12:** 102

«Карла Бюринг» —**12:** 98, *570*

Мария Андреевна — см. Потапенко М. А.

Мария Дмитриевна — см. Федорова М. Д.

Мария Никифоровна — повариха, член афонского братства —**11:** 133

Мария Петровна — см. Лилина М. П.

Мария Тимофеевна — см. Дроздова М. Т.

Мария Федоровна — см. Андреева М. Ф.

Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884) — реакционный журналист и беллетрист —**11:** 38, 42, *599*, *600*

«Бездна» —**11:** 42, *599*, *600*

«Перелом» —**11:** 42, *600*

«Чад жизни» —**11:** 38, *599*

Маркова Елена Константиновна — знакомая Чехова по Звенигороду —**11:** 79, 98.

Маркова Елизавета Константиновна — см. Сахарова Е. К.

Маркони Франческо (1855—

1916) — итальянский певец — 12: 67

Маркс Адольф Федорович — (о нем см. т. 12, стр. *605*) — 11: *640*, *682*; 12: 94, 245, 251, 253, 256, 258, 259, 262—272, 274—277, 279, 283, 287, 292, 300, 311, 313, 314, 316, 329, 333, 339, 340, 349, 353, 363, 364, 373, 412, 431, 436, 456, 464, 467, 486, 494, 510, 513, 527, 532, 537, 538, 544, *569*, *601*, *603*, *608*, *609*, *613*, *632—634*, *638*, *642*, *644*, *659*

Маркс Карл (1818—1883) — 11: 219, 518

«Капитал» — 11: 219

Марлит Евгения (1825—1887) — популярная немецкая писательница — 11: 108

Мартенс Федор Федорович (1845—1909) — юрист и дипломат, профессор международного права Петербургского университета — 12: 16

Мартынов Николай Авенирович (1842—1913) — художник — 12: 533

Мартынова Елизавета Михайловна (1868—?) художница — 12: 195

Марфа Ивановна — см. Морозова М. И.

Марфочка — см. Морозова М. И.

Марфуша — работница Чеховых — 12: 332, 410

Марьюшка — см. Беленовская М. Д.

Маслов (Бежецкий) Алексей Николаевич (1852—?) — писатель — 11: 104, 143, 149, 150, 161—163, 180, 181, 206, 234, 244, 252, 253, 263, 284, 289, 295, 296, 323, 326, 349, 386, 395, 397, 401, 411, 469, 475, 511, *613*, *626*, *639*, *643*, *644*, *660*, *663*; 12: 522

«Военные на войне» — 11: 104, 181, *613*

«На пути» — 11: 252, *613*, *639*

«Перчатка» — 11: 104

«Расстрелянный» — 11: 104, *613*

«Рай Магомета» — 11: 104, *613*

«Севильский обольститель» — 11: 284, 289, 295, 296, 395, 397, 401, 411, *643*, *644*, *663*

«Семейная трагедия» — 11: 386, *660*

Махорина Мария Ивановна — певица — 12: 332

Мачтет Григорий Александрович (1852—1901) — писатель — 11: 215, 413

Маша — см. Шакина М. Т.

Медведев Лев Михайлович (1865—1904) — поэт и беллетрист, сотрудник юмористических журналов — 11: 48, 49

Медведева Надежда Михайловна (1832—1899) — артистка Малого театра — 11: 301, 336, *652*

Медведкина — фельдшерица — 12: 385

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (о нем см. т. 12, стр. *615*) — 12: 325—327, 348, 418

Меланья — мелиховская крестьянка, мать М. Т. Шакиной —**12**: 331

Мелин Жюль (1838—1925)— французский политический деятель, в 1896—1898 гг. премьер-министр —**12**: 206

Меллер — поручик, топограф —**11**: 455, 456

Мельшин Петр Филиппович (о нем см. т. 12, стр. *625*) —**12**: 282, 377, 378

Менделевич Родион Абрамович (1866—1927) — поэт, сотрудник юмористических изданий —**11**: 60

Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — **11**: 343

Меньшиков Михаил Осипович (о нем см. т. 11, стр. *685*)— **11**: 535, 574, 575, *680*; **12**: 144, 145, 216, 234, 235, 237, 238, 249, 250, 298, 299, 318, 319, 360—362, *580*

«Думы о счастье» —**12**: 145, *580*

«О чтении» —**11**: 574, *685*

Меньшиков Яков Михайлович (Яша) (1888—1953) —сын М. О. Меньшикова —**12**: 145, 249, 250, 298, 299, 362

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — писатель-декадент. После Октябрьской революции — эмигрант— **11**: 198, 251, 281, 282, 291, 483, 580, *629*, *638*, *643*, *644*; **12**: 9, 423, 495, *650*

«Прошла гроза» —**12**: 9

«Старый вопрос по поводу нового таланта» —**11**: 281, 282, 291, *638*, *643*, *644*

«Уж дышит оттепель и воздух полон лени...» —**11**: *629*

Мерперт Яков Семенович (о нем см. т. 12, стр. *597*) —**12**: 208, 233, 266, 293

Мерсье Огюст (1833—1921) — французский военный министр, один из главных инициаторов дела Дрейфуса —**12**: 305

Метерлинк Морис (1862—1949) — бельгийский писатель-символист —**12**: 162, 163 461

«Les aveugles» («Слепые»)— **12**: 162, 163, *643*

«L'intruise» («Непрошеная») —**12**: 162, *643*

«Aglavaine et Sèlysette» («Аглавена и Селизета») —**12**: 162, *643*

Мечников Илья Ильич (1845—1916) — ученый, биолог —**12**: 503

Мизинова Лидия Стахиевна (о ней см. т. 11, стр. *672*) — **11**: 415, 416, 418, 421, 435, 442, 448, 452, 465, 476, 485, 492, 493, 532, 544—546, 557—562, 564, 565, *666*, *669*, *679*, *681*, *683*, *684*; **12**: 30—32, 38, 39, 47—49, 53, 55, 103, 104, 115, 163—165, 172, 173, 183, 184, 218, 219, 228, 229, 259—261, 316, 317, 362, 363, *556*, *587*, *603*

Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — итальян-

ский художник, скульптор, архитектор и поэт —**12**: 23

Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский экономист и философ —**11**: 518

«Мир божий» (1892—1906)— ежемесячный литературный и научно-популярный журнал либерального направления. Выходил в Петербурге —**12**: 437, 466, 467, 471, *581*, *637*, *638*, *641*, *644*, *657*

«Мир искусства» (1898—1904) — декадентский художественно-иллюстрированный журнал, выходивший в Петербурге —**12**: 462, 474, 489, 495, 496, *636*, *648*, *650*

Миров—см. Миролюбов В. С.

«Мировые отголоски» (1897—1898) — петербургская реакционная газета —**12**: 163, *584*

Миролюбов Виктор Сергеевич (1860—1939) — певец московского Большого театра (до 1897 г.), выступал под фамилией Миров. С 1898 г. —редактор-издатель ежемесячного «Журнала для всех» —**11**: *611*; **12**: 48, 228, 235, 284, 300, 338, 408, 416, 417, 423, 425, 439, 463, 478, 479, 485, 491, 492, *596*, *598*, *635*, *639*, *644*

Миронов — таганрогский подрядчик —**11**: 244, *637*

Миронович — ростовщик — **11**: 60, *602*, *603*

Мирославич Андрей
«Неделя в столице» —**12**: 203, *591*

«Мирской толк» (1879—1884) — еженедельный журнал «общественной жизни, политики и литературы», издававшийся Н. Л. Пушкаревым —**11**: 42, 173, *600*

Митрофан Нилович — см. Ремезов М. Н.

Митрофанов Дмитрий Васильевич — петербургский врач—**11**: 194

Митрофанова Ольга Аполлоновна — жена Д. В. Митрофанова —**11**: 194

Митя — родственник А. С. Суворина —**11**: 531

Михаил Нилович — см. Альбов М. Н.

Михаил Петрович — см. Владиславлев М. П.

Михайлов Михаил Адольфович (1843—1914) — артист театра Литературно-артистического кружка —**12**: 117, 119, 176

Михайлов — см. Шеллер А. К.

Михайлова Лидия Федоровна — сельская учительница, знакомая Чехова по Луке —**11**: 279

Михайловский-Гарин — см. Гарин-Михайловский Н. Г.

Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — литературный критик и публицист, идеолог либерального народничества —**11**: 211, 248, 249, 257, 283, 308, 378, 383, 499, *631*, *638*, *660*, *674*; **12**: 350, 377, 378, *626*

«Письма о разных разностях» — **11**: 499, *674*

Михневич (псевдоним: Коломенский Кандид) Владимир Осипович (1841—1899) —журналист —**11**: 298

Мицкевич Адам (1798—1855) —**11**: 455

Миша — см. Чехов М. П.

Мольер Жан-Батист (1622—1673) — **11**: 183, 366, *626*, *656*; **12**: 200

«Мещанин во дворянстве»— **11**: 183, *626*

«Мизантроп» —**11**: 366, *656*

Мопассан Ги де (1850—1893) — **11**: 479, *670*

«Франсуаза» —**11**: 479, *670*

Морозов Михаил Абрамович — владелец фабрики «Тверская мануфактура», староста Успенского собора в Москве —**12**: 161, 162

Морозов Савва Тимофеевич (1862—1905) — крупный фабрикант, был одним из директоров Московского Художественного театра —**12**: 448, 456, 511, 519, *641*

Морозов Сергей Тимофеевич — фабрикант, брат С. Т. Морозова —**12**: 159, *583*, *585*

Морозова Варвара Алексеевна (ум. в 1917 г.) — жена В. М. Соболевского —**11**: 522; **12**: 166, 168, 175, 177, 202, 279, 280, 281, *593*

Морозова Марфа Ивановна (рожд. Лобода) — тетка Чехова —**11**: 134; **12**: 169

«Морской сборник» (1848—1947) —ежемесячный журнал —**11**: 391, 397, 400

Москвин Иван Михайлович (1874—1946) — артист Художественного театра с 1898 г. В пьесах Чехова исполнял роли Родэ в «Трех сестрах», Епиходова в «Вишневом саде» и Львова в «Иванове» —**12**: 223, 433, 509, 514, 516, 517, *595*, *654*, *656*

«Московские ведомости» (1756—1917) — реакционная газета —**11**: 150, 162, 174, 280, *622*, *643*; **12**: *576*

«Московский листок» (1881—1917) — ежедневная газета — **11**: 21, 38, 101, 162, *599*, *612*, *622*; **12**: 43, 273

М—ский В.

«Актер-романтик (по поводу пятидесятилетия со дня смерти П. С. Мочалова)» —**12**: 203, *591*

Мочалов Павел Степанович (1800—1846) —артист —**12**: 203

Муравлин — см. Голицын Д. П.

Муратова Елена Павловна (1874—1921) — артистка Художественного театра с 1901 г. В пьесах Чехова исполняла роли: Марии Васильевны и Марины в «Дяде Ване», Шарлотты в «Вишневом саде», Авдотьи Назаровны в «Иванове» —**12**: 517, 531, *654*

Мурзаки — знакомая Чехова по Русскому пансиону в Ницце —**12**: 190, 202

Мусина-Пушкина — см. Глебова Д. М.
Мясницкий (псевдоним Барышева Ивана Ильича) (1854—1911) — писатель, сотрудник юмористических журналов — **11**: 39, *599*; **12**: 208
«Жена его степенства» — **11**: *599*

Н. А.
«Памяти М. С. Сабининой» — **12**: 15, *552*
«Наблюдатель» (1882 — 1902) — петербургский ежемесячный журнал — **11**: 87, 107, 111, *613*, *632*
Надежда Ивановна — см. Средина Н. И.
Наденька — дочь А. И. и Г. А. Хрущевых-Сокольниковых — **11**: 27
Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) — поэт — **11**: 115, 116, 149, 150, 581, *615*, *651*
Назарьева (псевдоним: Н. Левин) Капитолина Валериановна (1847—1900) — писательница — **12**: 379
Найденов (Алексеев) Сергей Александрович (1869—1922) — драматург — **12**: 456, 499 — 501, 526, *652*
«Блудный сын» — **12**: 501, *652*
«Деньги» — **12**: 499, 502, *652*
«Дети Ванюшина» — **12**: 437
«Жильцы» — **12**: 456, *642*
«№ 13» — **12**: 501, *652*
Накрохин Прокофий Егорович (1850—1903) — писатель — **12**: 319, 522
«Идиллии в прозе» — **12**: 522, *614*, *656*
«Стихия» — **12**: 319
«Странник» — **12**: 319
Наполеон I (1769—1821) — **11**: 282, 293, 513
Наполеон III (1808—1873) — **11**: 293
Нарышкина Елизавета Алексеевна — председательница «Женского благотворительного попечительства о ссыльно-каторжных» и «Общества попечения о семьях ссыльных» — **11**: 476
Наср-Эддин (1831—1896) — персидский шах — **11**: 314
Настя — см. Суворина А. А.
Наталья Александровна — см. Чехова Н. А.
Наталья Яковлевна — см. Давыдова Н. Я.
Наумов Алексей Аввакумович (1840—1895) — художник
«Дуэль Пушкина» — **12**: 252, 253
«Начало» — журнал «легальных марксистов», выходивший в Петербурге в 1899 г. под редакцией П. Струве и М. Туган-Барановского; после выхода четырех книжек (пяти номеров) был закрыт царским правительством — **12**: 254
Невежин Петр Михайлович (1841—1919) — драматург и беллетрист
«Вторая молодость» — **11**: 340, *653*

Невельской Геннадий Иванович (1813—1876) — исследователь Дальнего Востока. В 1849—1855 гг. проводил исследования в районе о. Сахалина —**11**: *663*; **12**: 82

«Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России» —**11**: *663*

«*Неделя*» (1868—1901) — петербургская еженедельная газета либерального направления —**11**: 166, 175, 321, 533, 535, 574, 575, 577, *623*, *649*, *680*, *685*, *686*; **12**: 57, 118, 235, 237, 263, 319, 362, *575*, *580*, *614*

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) —**12**: 233, 459, *642*, *643*

Некрасов Николай Филиппович — священник села Васькина —**11**: 571, *684*; **12**: 161, 162

Нелли — см. Маркова Елена К.

Немиров (псевдоним: Фома Неверный) Григорий Александрович (1847—1905) — историк и экономист. Печатался в «Новом времени» — **12**: 371, *624*

Немирович-Данченко Василий Иванович (1848—1936) — писатель —**12**: 168, 170, 171, 174, 176, 185, 250, 251, 483, *601*, *647*

Немирович-Данченко Владимир Иванович (о нем см. т. 12, стр. *566*) — **11**: 389, 465, 480, *687*; **12**: 40, 86, 112—114, 164, 207, 210, 217, 219, 220, 223, 244, 269, 270, 287, 296, 330—334, 340—342, 365, 381, 384, 387, 389, 390, 407, 414, 415, 420, 427, 449, 450, 461, 464, 469, 472, 488, 502, 504, 506, 508, 512, 514, 516—520, 532, 533, *567*, *574*, *584*, *592*, *600*, *605*, *606*, *609*, *614*, *616*—*618*, *621*, *645*, *652*, *656*, *658*

«Губернаторская ревизия» —**12**: 86, *567*

Немирович-Данченко Екатерина Николаевна (1858—1938) — жена Вл. И. Немировича-Данченко — **12**: 86, 113, 114, 164, 207, 270, 334, 342, 381, 389, 407, 450

Неупокоев Аркадий Ильич (1848—1906) — конторщик типографии Суворина, позднее—управляющий типографией — **11**: 372, 395, 490; **12**: 162, 267

Нефедов Филипп Диомидович (1838—1902) — писатель и этнограф —**11**: 271

«*Нива*» (1870—1918) — еженедельный «иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни». Издавался в Петербурге фирмой А. Ф. Маркса —**11**: 267, *595*, *625*; **12**: 94, 180, 189, 210, 258, 314, 338, 456, 464, 469, 470, 527, *569*, *570*, *580*, *592*, *598*, *605*, *609*, *610*, *613*, *644*, *656*

«*Нижегородский листок*» (1894—1918) — ежедневная газета —**12**: 371, 411, *617*, *620*, *624*

Никитин Иннокентий Алексеевич — ученик технического училища, проехавший вместе с Чеховым часть пути по Сибири — **11**: 451, 458

Никитская Зинаида Алексеевна — экономка в семье А. И. Книппер — **12**: 448

Николай — слуга в семье Сувориных — **11**: 497

Николай I —(1796—1855) — **12**: 233

Николай Николагвич — см. Соколовский Н. Н.

Никулина Надежда Алексеевна (1845—1923) — артистка Московского Малого театра — **11**: 297, 298, 301, 302, 305

Нилус Петр Александрович (1869—1943) — художник — **12**: 443

Ницше Фридрих (1844—1900) — реакционный немецкий философ — **12**: 69, 73, 80

«Так говорит Заратустра» — **12**: *602*

«*Нищие духом*» — см. Греков И.

Новиков — артист, арендатор ялтинского театра — **12**: 354

«*Новое время*» (1868—1917) — реакционная газета, выходившая в Петербурге — **11**: 36, 65, 70, 73, 74, 84, 87, 90, 92, 93, 96, 105, 106, 113, 135, 143, 146, 149, 154, 162, 174, 182, 191, 194, 196, 198, 199, 206, 220, 247, 252, 255, 278, 286, 287, 289, 293, 295, 301, 302, 330, 390, 402, 404, 408, 441, 491, 496, 499, 510—512, 515, 516, 518, 520, 521, 532, 579, *605—607*, *615*, *617*, *619*, *620—622*, *625*, *626*, *628*, *629*, *631*, *638*, *641*, *644*, *647*, *650—653*, *658*, *660*, *661*, *663—665*, *668—670*, *672*, *673*, *675—679*, *685—687*; **12**: 16, 51, 157, 163, 178, 179, 186, 189, 191, 196, 197, 214, 225, 239, 240, 243, 255, 266, 267, 283, 284, 293, 297, 318, 348, 359, 364, 395, 397, 398, 402, 423, 424, 463, 489, 492, *550*, *552*, *553*, *555*, *563—565*, *567*, *573*, *574*, *576*, *577*, *582—584*, *586—590*, *593*, *595*, *596*, *598*, *602*, *604*, *605*, *607—611*, *619*, *620*, *624*, *629*, *635*, *647*, *649*, *650*

«*Новороссийский телеграф*» (1875—1900) — ежедневная одесская газета — **11**: 344

«*Новости*» (1880—1906) — либеральная газета, выходившая в Петербурге — **11**: 71, 150, 509, *603*, *605*, *632*, *653*, *673*, *675*; **12**: 159, 193, 349, *553*, *583*, *589*, *596*, *597*, *607*

«*Новости и биржевая газета*» — см. «Новости»

«*Новости дня*» (1883—1906) — ежедневная «политическая, общественная и литературная» газета, выходившая в Москве — **11**: *593*, *594*, *652*; **12**: 43, 108, 341, 361, 436, 461, 512, 518, *572*, *596*, *642*, *643*, *654*, *656*

«*Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки*» (1897—1909) — петербургский ежемесячный журнал — **12**: 432

«Новь» (1884—1898) — двухнедельный журнал, выходивший в Петербурге —**11**: 95, *610*

Нордау Макс (1849—1923) — немецкий публицист —**12**: 46, *559*

Нотович Осип Константинович (1849—1914) —журналист, издатель газеты «Новости» —**11**: 251; **12**: 168

Ньютон Исаак (1643—1727) —**11**: 80

Оболенский (Ленский) (1832—1910) Павел Дмитриевич — артист Александринского театра —**11**: 479

Оболенский Леонид Егорович (1845—1906) — критик-публицист, один из редакторов «Русского богатства» —**11**: 111

«Обо всем. Критическое обозрение (Молодые таланты г. Чехов и г. Короленко)» —**11**: 111

Оболонский Николай Николаевич — доктор, близкий знакомый Чехова —**11**: 337, 371, 377, *652*, *658*

Общество искусства и литературы — учреждено в Москве в 1888 г. К. С. Станиславским, Ф. Л. Сологубом, А. Ф. Федотовым и Ф. П. Коммиссаржевским —**11**: 280, *679*, *680*; **12**: *579*

Общество любителей российской словесности — учреждено в 1811 г. при Московском университете —**11**: 116, *626*; **12**: 219, 514, 523, 524, 528, *611*, *647*, *655*, *657*

Общество русских драматических писателей и оперных композиторов — учреждено в 1874 г. А. Н. Островским и В. И. Родиславским для защиты авторских прав драматургов и композиторов —**11**: 286, 290, 304, 316, 332, 336, 348, 355, 366, 368, 502, *647*, *648*, *651*, *654*, *656*, *660*, *667*, *674*

Овсянников — учитель таганрогской гимназии —**12**: 298

«Одесские новости» (1884—1917) — ежедневная газета — **12**: 470, 512

«Одесский вестник» (1887—1893) — ежедневная газета — **11**: 101

Озерова Людмила Ивановна — артистка театра Литературно-артистического кружка —**12**: 87, 130, 144, *567*

Окрейц Станислав Станиславович (1834—?) — реакционный публицист, издатель газеты «Луч» —**11**: 111, *614*

Ольга — см. Книппер О. Л.

Ольга Андреевна — см. Голохвастова О. А.

Ольга Леонардовна — см. Книппер О. Л.

Ольга Петровна — см. Кундасова О. П.

Омон — театр Омона в Москве — **12**: 210, 430

Опитц Франц Осипович — московский фотограф —**12**: 438, 507, *639*

Орленев (Орлов) Павел Николаевич (1869—1932) — в 90-х годах артист театра Литературно - артистического кружка —**12**: 117, *596*

Орлов Иван Иванович (о нем см. т. 12, стр. *606*) — **12**: 272—274, 284, 285

Орлов-Давыдов С. В. —граф, владелец имения «Отрада» вблизи Мелихова —**11**: 571; **12**: 84

Орлова-Давыдова М. В. — жена С. В. Орлова-Давыдова —**11**: 571

Орловский Яков Сергеевич — чиновник, знакомый Чехова —**11**: 139

Ортманс — издатель журнала «Космополис» —**12**: 147, 148

«Освобождение» (1902 — 1905) — русский журнал, выходивший два раза в месяц под редакцией П. Б. Струве в Штутгарте, затем в Париже. В России распространялся нелегально —**12**: 459, 493, 494, *642*, *650*

Осипов Евграф Алексеевич — врач. Заведовал губернским санитарным бюро в Москве —**12**: 280, 428, *637*.

«Осколки» (1881—1916) — еженедельный юмористический журнал, издававшийся в Петербурге —**11**: 9, 10, 22, 25, 28, 29, 31, 34, 36, 38—40, 42, 43, 45, 47, 49, 51, 53, 59—63, 75, 86, 96, 101, 106, 107, 113, 120, 145—148, 157, 163, 383, *593*, *594*, *596—607*, *613*, *615*, *617*, *618*, *625*, *632*, *660*, *684*; **12**: 109, 202, 213, 275, *572*, *583*

Островская Надежда Николаевна (1842—1924) — детская писательница, сестра драматурга А. Н. Островского —**11**: 372, 373, 379, 395, 411

Островский Александр Николаевич (1823—1886) — **11**: 38, 216, 323, 325, 372, 534, *635*, *650*, *680*

«Гроза» —**11**: 325, *650*

«На всякого мудреца довольно простоты» —**12**: *646*

«Пучина» —**11**: 534, *680*

«Снегурочка» — **12**: 382, 384, *626*, *627*

Островский Иосиф Исаевич (о нем см. т. 12, стр. *551*) — **12**: 12, 13

Островский Петр Николаевич (1839—1906) — брат А. Н. Островского. Был известен в литературных кругах как талантливый критик, но мало печатался — **11**: 177, 179, 196—198, 208, 364, 366, 372, 373, 379, 395, 401, 411, *629*, *656*

Остроумов Алексей Алексеевич (1844—1908) — врач-терапевт, профессор Московского университета — **12**: 136, 137, 145, 153, 492, 503, *580*

Павел, о. — таганрогский священник — **11**: 134; **12**: 22

Павленков Флорентий Федорович (1839—1900) — книгоиздатель — **11**: 371; **12**: 199

Павловская Эмилия Карловна (1853—1935) — артистка Московского Большого театра — **12**: 183

Павловский Иван Яковлевич (о нем см. т. 12, стр. *573*) — **12**: 110, 111, 168, 171, 204, 206, 210, 214, 226, 227, 233, 242, 243, 258, 259, 261, 293, 297, *596*, *603*, *610*, *611*

«Парижские настроения» — **12**: *589*

«Певец» — **12**: 206, *591*

Пальмин Лиодор Иванович (1841—1891) — поэт, сотрудник сатирического журнала «Искра», позднее «Осколков» — **11**: 22, 28, 38, 40, 42, 46, 47, 53, 62, 63, 67—70, 72, 101—103, 106, 115, 116, 210, 301, 303, 318, 361, 385, *597*, *599*, *604*, *605*, *611—613*

«Журналу «Волна» — **11**: *599*

«На смерть Аксакова» — **11**: 70, *605*

Пальмина Пелагея Евдокимовна — жена Л. И. Пальмина — **11**: 102, *612*

«Памяти В. М. Гаршина», сборник — **11**: 211, 243, 247, 260, 287, 288, 292, 321, *632*, *633*, *637*, *638*, *640*, *644*

Панов Николай Захарович (1871—1916) — художник. Написал в 1903 г. портрет Чехова (карандаш) — **12**: 505, 506

Панова Глафира Викторовна — артистка Московского Малого театра с 1887 г. и Петербургского театра драмы с 1895 по 1897 г. — **12**: 76, 477, *646*

Пассек Евгений Вячеславович — юрист и журналист — **12**: 534

Пастухов Николай Иванович (1831—1911) — издатель газеты «Московский листок», автор бульварных романов — **11**: 25, 53; **12**: 273

Пати де Клам — см. Paty de Clam

«Пермский край» (1901—1906) — ежедневная газета — **12**: 461

Перье-Казимир — см. Казимир-Перье

Петенкоффер Макс (1838—1901) — немецкий врач-гигиенист — **11**: 382

«Петербургская газета» (1867—1917) — ежедневная политическая и литературная газета — **11**: 47, 48, 50, 54, 55, 59, 60, 62, 64, 70, 75, 83, 87, 90, 96, 100, 102, 106, 107, 124, 135, 137, 156, 174, 177, 303, 336, 377, *598*, *601—605*, *621*, *625*, *659*, *664*; **12**: 87, 140, 148, 268, 286, 398, *567*, *579*, *596*, *607—609*

«Петербургские ведомости» (1728—1917) — ежедневная газета — **11**: 117, *615*; **12**: 284, 474, *625*, *645*

«Петербургский дневник театрала» (1903—1905) — еже-

недельная «театрально-литературная газета», издававшаяся А. А. Плещеевым с конца 1903 г.— **12:** 511

Петербуржец — см. Лялин В. С.

Петерсен (псевдонимы: А—т, Н. Ладожский) Владимир Карлович (1842—1906) — военный инженер, журналист, сотрудник «Нового времени» — **11:** 117, 149, 191, 511, *615*, *619*; **12:** 369, *624*

Петипа Мариус (1855—1919)—артист Александринского театра до 1887 г. С 1887 г. артист театра Ф. А. Корша — **11:** 284, 296, *643*

Петр I (1672—1725) — **12:** 205, *573*, *591*

Петр Захарович — таганрогский знакомый Чехова — **11:** 130

Петр Иванович — см. Куркин П. И.

Петров — ялтинский знакомый Чехова — **11:** 359

Петров Анисим Васильевич — таганрогский полицейский чиновник — **11:** 86, 133, 134, *609*

Петров Григорий Спиридонович (1867—1925) — священник, сотрудничал в газете «Русское слово» —**12:** 294, 300

«Евангелие как основа жизни» — **12:** 305, *612*

Петров Петр Васильевич — муж двоюродной сестры Чехова Екат. Мих. Чеховой — **11:** 6, 8, 564

Петров Фирс Анисимович — сын А. В. Петрова — **11:** 134

Петровский — студент, гостивший у Линтваревых летом 1888 г.— **11:** 227

Петровский — книготорговец — **12:** 14

Петровский Андрей Иванович (о нем см. т. 12, стр. *626*)— **12:** 378

Пешель Оскар (1828—1875)

«Народоведение» —**11:** 439, *666*

Пешков А. М.— см. Горький

Пешков Максим Алексеевич (Максим) (1897—1934) — сын М. Горького — **12:** 291, 379, 385, 405, 412, 415, 418, 448, 449, 453

Пешкова Екатерина Павловна (род. в 1878 г.) — жена М. Горького — **12:** 379, 385, 405, 409, 411, 412, 415, 418, 448, 449, 453, 512

Пешкова Катя (1901—1906)— дочь М. Горького — **12:** 412, 415, 418, 448, 449, 453

Пиккар (Picquart) Мари-Жорж (1854—1914) — французский генерал. С 1895 г. руководил отделом контрразведки французского генерального штаба и обнаружил в 1896 г. документы, свидетельствовавшие о невиновности Дрейфуса и о шпионской деятельности майора Эстергази — **12:** 192, *587*, *593*

Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — хирург и ана-

том, профессор Медико-хирургической академии в Петербурге — **11**: 269

Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — **11**: 351, 537, *680*

«Пушкин и Белинский» — **11**: 537, *680*

Писарев Модест Иванович (1844—1905) — артист Александринского театра — **11**: 20; **12**: 101, 255, *571*

Писемский Алексей Феофилактович (1820—1881) — писатель — **12**: 23, 40

«Плотничья артель» — **12**: 23

Платов М. И. — граф, в имении которого дед Чехова, Егор Михайлович Чехов, был управляющим — **12**: 209, *592*

Плевако Федор Никифорович (1843—1908) — московский адвокат — **12**: 33

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — министр внутренних дел и шеф жандармов — **12**: 447, *652*

Плещеев Александр Алексеевич (1859—1918) — журналист и драматург, сын А. Н. Плещеева — **11**: 205, 207, *631*; **12**: 208, 511

Плещеев Алексей Николаевич (о нем см. т. 11, стр. *624*) — **11**: 164—166, 170, 173, 174, 176—179, 181—183, 185—188, 195—199, 203—205, 207, 208, 210—213, 216, 220, 222, 224—228, 242, 243, 246—249, 251, 252, 256—259, 261, 272, 273, 287, 288, 290, 291, 298, 319—321, 328, 331—333, 346—348, 352, 356—360, 362—368, 374, 376—378, 383, 390—392, 394, 399, 468, 470, 472, 473, 481, 549, 554, *627*, *630—632*, *635—638*, *640—642*, *648*, *655*, *656*, *658*, *659*, *661*, *662*, *682*; **12**: 10, 30, 33, 208, *550*

Плещеев Николай Алексеевич — офицер, младший сын А. Н. Плещеева — **11**: 205, 228, 321, *648*

Плещеева Елена Алексеевна — дочь А. Н. Плещеева — **11**: 188, 272, 359, *625*

По Эдгар (1809—1849)

«Необыкновенные рассказы» — **11**: 122

Победимская Марианна Федоровна (о ней см. т. 12, стр. *646*) — **12**: 475

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор синода — **12**: 130, 274

Погожев А. В. (1853—1913) — санитарный врач, редактор журнала «Промышленность и здоровье» — **12**: 459, 462

«Пожарный» (1892—1894) журнал, выходил в Петербурге — **11**: 541, *594*, *681*

Покровский Федор Николаевич — священник, преподаватель таганрогской гимназии, давший Чехову прозвище «Антоша Чехонте» — **11**: 128, 134, *607*

Полеваев Петр — знакомый Н. П. Чехова — **11**: 459

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — писатель и журналист

«Параша Сибирячка» — **12:** 91, *567*

Полевой Петр Николаевич (1839—1902) — историк литературы — **12:** 340

«История русской словесности» — **12:** 340, *618*

Поленц, фон, Вильгельм (1861—1903) — немецкий писатель — **12:** 519

«Крестьянин» — **12:** 519

Полетика Василий Аполлонович (1823—1888) — горный инженер, заводчик. Издатель газет «Биржевые ведомости» и «Молва» — **11:** 272

Политковская Екатерина Яковлевна — писательница и певица — **11:** 50, 98, *601*

Полонский Яков Петрович (о нем см. т. 11, стр. *623*) — **11:** 170—173, 194, 195, 199—201, 205, 254, 479, 481, *620*, *624*, *630*

«Крутые горки» — **11:** 171, 201, *624*

«У двери» — **11:** 171, 194, *624*

Полтавцев Евгений Николаевич (ум. в 1892 г.) — артист театра Ф. А. Корша — **11:** 326

Полторацкий В. А.

«Воспоминания В. А. Полторацкого» — **12:** 15, *552*

Поля — горничная Чеховых — **12:** 469

«*Помощь голодающим*» — сборник — **11:** 508, 512, *674—676*

Помялова Александра Ивановна — артистка Художественного театра с 1898 по 1905 г. В пьесе Чехова «Дядя Ваня» исполняла роль Марины — **12:** 517, *656*

Помяловский Николай Герасимович (1835—1863) — писатель — **11:** 192, 216

Попов (псевдоним: Эльпе) Лазарь Константинович (1851—?) — журналист, сотрудник «Нового времени», вел в газете отдел «Научный фельетон» — **11:** 149, 338, 349

Попова Анастасия Николаевна (о ней см. т. 12, стр. *650*) — **12:** 492, *650*

Попудогло Федор Федосеевич (ум. в 1883 г.) — беллетрист и драматург, друг Чехова в студенческие годы — **11:** 33, *598*

Порфирьев В. И. — художник-карикатурист, сотрудник «Осколков» и других иллюстрированных изданий — **11:** 53, *601*

«*Посредник*» — книгоиздательство — **12:** 6, 7, 220, 221, 336, 486, *549*, *551*, *561*, *594*, *597*

Поссарт Эрнст (1841—1921) — немецкий актер-трагик, гастролировавший в России — **11:** 581, *686*

Поссе Владимир Александрович (о нем см. т. 12, стр. *617*) — **12:** 255, 332, 333, 338, 344, 345, 351, 352, 368, 369, 373, 374, 401, 402, 407, 408, *601*, *602*, *632*, *633*

«Московский Художественный театр. По поводу его петербургских гастролей» — **12:** 408, *633*

«На холере» — **12:** 15, *552*

Потапенко Игнатий Николаевич (о нем см. т. 12, стр. *569*) — **11:** 576; **12:** 26, 28, 31, 35—41, 48, 50, 51, 53, 54, 64, 83, 88, 90, 95, 99—101, 103, 105, 106, 116, 139, 166, 182, 199, 200, 203, 223, 242, 295, 358, 363, 483—485, *555*, *567*, *569—572*, *587*, *647*

«Букет» — **12:** 116

«Единичные факты» — **12:** 182, *587*

«Жизнь» — **12:** 36, 37, *557*

«Чужие» — **12:** 88, 90, *567*

Потапенко Мария Андреевна — жена И. Н. Потапенко— **12:** 66, 103

Потехин Алексей Антипович (1829—1908) — драматург и беллетрист, заведующий репертуарной частью Петербургских казенных театров — **11:** 311, *657*; **12:** *620*

Похлебина Александра Алексеевна — пианистка, педагог— **12:** 260

«*Почин*» — сборник Общества любителей российской словесности. Вышел в 1895 г.— **12:** 219, 220

Правдин Осип Андреевич (1846—1921) — артист Малого театра — **11:** 301

«*Правительственный вестник*» (1869—1917) — официальная газета, издававшаяся в Петербурге при Главном управлении по делам печати — **12:** 534, *607*, *640*

Прево Марсель (1862—1941)— французский писатель —**12:** 200

«*Приазовский край*» (1891—1917) — ежедневная газета, выходившая в Ростове-на-Дону — **12:** 337, *618*, *626*, *658*

Прокофьев Василий Алексеевич — журналист, репортер «Нового времени» — **11:** 149

«*Промышленность и здоровье*» (1902—1903) — петербургский ежемесячный журнал, «вестник профессиональной гигиены, фабричного и санитарного законодательства». Издатель А. В. Погожев — **12:** 459, *643*

Протопопов Михаил Алексеевич (1848—1915) — литературный критик и публицист— **11:** 249, 252, 291, 358, *639*, *655*; **12:** 15, 16

«Письма о литературе» — **12:** *552*

Пругавин Александр Степанович (о нем см. т. 12, стр. *623*) — **12:** 367, 368

«Голодающее крестьянство» — **12:** *623*

Псалти М. Н.— таганрогский знакомый Чехова — **11:** 89; **12:** 135

«*Путь-дорога*» — научно-литературный сборник, вышел в 1893 г. — **12:** 465, *551*

Путята Николай Аполлонович — журналист и переводчик — **11:** 79, 173, 174, 182, 194, *628*; **12:** 222

Пушкарев Корнелий — брат Н. Л. Пушкарева — **11:** 237

Пушкарев Николай Лукич (1841—1906) — поэт и драматург, издатель журналов «Свет и тени», «Мирской толк», «Европейская библиотека» — **11**: 39, 50; **12**: 236, *598*

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — **11**: 116, 171, 234, 265, 486, 487, 491, 537, 580, *641*; **12**: 79, 233, 252, 253, 268, 529, *602*, *607*, *611*, *620*, *624*

«Борис Годунов» — **12**: 252, 263

«Воспоминание» — **11**: *671*

«Евгений Онегин» — **11**: 275, 294, 486, 537

«Капитанская дочка» — **11**: 171

«Опять на родине» — **12**: 252

«Полтава» — **11**: *641*

«Русалка» — **12**: 369, *624*

«Станционный смотритель» — **11**: 491

Пушкинский сборник — **12**: 265, 279, *604*

«*Пчелка*» (1881—1889) — еженедельный журнал с карикатурами, выходивший в Одессе — **11**: 53

Пьер Бобо — см. Боборыкин П. Д.

Пятницкий Константин Петрович (о нем см. т. 12, стр. *659*) — **12**: 464, 465, 538, 543, 544, *633*

Paty de Clam (Пати де Клам) — французский полковник — **12**: 192

«*Le petit Niçois*» («Обитатель Ниццы») — распространенная ниццская газета, основанная в 1880 г. — **12**: 194

Picquart — см. Пиккар

Pince-nez — см. Киселева М. В.

«*La plume*» («Перо») — французский журнал — **11**: 531, *679*

Р. — см. Раевская Е. М.

Рабинович С. Н. — см. Шолом-Алейхем

Радзвицкий Петр Игнатьевич — врач-окулист — **12**: 150, *581*

Раевская (Иерусалимская) Евгения Михайловна (1855—1932) — артистка Художественного театра с 1898 г. В пьесах Чехова исполняла роли Полины Андреевны в «Чайке», Марии Васильевны в «Дяде Ване», Анфисы в «Трех сестрах» и Зинаиды Саввишны в «Иванове» — **12**: 380, *626*

«*Развлечение*» (1859—1917) — еженедельный литературный и юмористический журнал — **11**: 49, 59, 62, 145, 270, *601*, *602*; **12**: 222, 335

Райский (псевдоним: Ближнев) В. А. — писатель — **11**: 372, *658*

«По краю пропасти (Семейство Снежиных)» — **11**: 372, *658*

Ракшанин Николай Осипович (1858—1903) — журналист — **11**: *687*; **12**: 46, *559*

Рассохин Сергей Федорович — издатель «Театральной библиотеки» (литографирован-

ные издания) — **11**: 290, 304, 321, 404, *614*, *646*, *650*

Ратгауз Даниил Максимович (1868—1937) — поэт — **12**: 441, *639*

«Песня любви и печали», сборник — **12**: 441, *639*

«Собрание стихотворений» — **12**: 441, *639*

Рахман Захар — врач, одноклассник Чехова по таганрогской гимназии — **12**: 13

Рачинский Сергей Александрович (1833—1922) — деятель в области народного образования, профессор Московского университета, сторонник религиозного воспитания детей — **11**: 535, 536

Рейтлингер Эдмунд Рудольфович — директор таганрогской гимназии с 1873 г. — **12**: 134, 135

Религиозно-философское общество — возникло в конце 1901 г. Членами совета Общества состояли: епископ Сергий, Д. С. Мережковский, В. С. Миролюбов, В. В. Розанов, В. А. Тернавцев — **12**: 423, *635*

Ремезов Митрофан Нилович (1835—1901) — член редакции «Русской мысли» — **11**: *611*; **12**: 32, 199

Репин Илья Ефимович (о нем см. т. 12, стр. *549*) — **11**: 205, 404, 405, 582, *638*, *651*; **12**: 8, 357, *550*, *621*

«Христос в Гефсиманском саду» — **12**: *550*

Ржевская Л. Ф. — владелица частной гимназии в Москве — **11**: 512, *612*, *616*

Род (Rod) Эдуард (1857—1910) — французский писатель — **11**: 495, *673*

«Les trois coeurs» («Три сердца») — **11**: 495, *673*

Родзевич — журналист, сотрудник мелкой прессы — **11**: 82

«Родник» (1882—1917) — ежемесячный журнал для детей. Выходил в Петербурге — **11**: 280, *611*

Рожанский (Секар) А. В. — певец, выступал в оперном театре С. И. Мамонтова в Москве — **12**: 218

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — критик и публицист, сотрудник «Нового времени» — **12**: 156, 423

«25-летие кончины Некрасова» — **12**: *643*

«Религиозно-философские собрания» — **12**: *635*

Розанов — директор «Русского агентства в Ницце» — **12**: 186

Розанов Павел Григорьевич (о нем см. т. 11, стр. *602*) — **11**: 58, 59

Розанов Павел Петрович — ялтинский врач — **12**: 355, *621*

Розен Ю.

«Дурной человек» — **11**: 251, *638*

Роксанова Мария Людомировна (1874—1958) — артистка Художественного театра с 1898 по 1902 г. В пьесе Чехова

«Чайка» исполняла роль Нины Заречной — **12**: 316, 322, *600*, *610*

Роман Романович — см. Голике Р. Р.

Ромбро — таганрогский врач — **11**: 132

«Россия» (1883—1885) — еженедельный журнал, выходивший в Москве — **11**: 49

«Россия» (1899—1902) — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге П. Сазоновым при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова — **12**: 293, 338, 359, 424, *610*, *630*, *639*

Россолимо Григорий Иванович (о нем см. т. 12, стр. *615*) — **12**: 322—324, 353, 354, 435, 544, 545, *621*, *638*

Россолимо Мария Сергеевна — жена Г. И. Россолимо — **12**: 545

Ростан Эдмон (1868—1918)

«Романтики» — **12**: 77, *565*

Рош Дени (Denis Roche) (1868—1951) — французский писатель, переводчик Чехова — **12**: 243, *549*

Рошфор — графиня-помещица — **11**: 480, 488, *670*, *671*

Рошфор Анри (1830—1913) — французский публицист и политический деятель. Издатель реакционной газеты «La libre parole» — **12**: 176, 178

Рощин-Инсаров (Пашенный) Николай Петрович (1861—1899) — артист театра Ф. А. Корша в Москве, затем театра Н. Н. Соловцова в Киеве — **12**: 257, *603*

Рубенс Петер Пауль (1577—1640) — фламандский художник — **12**: 80

«Русская мысль» (1880—1917) — ежемесячный литературно-научный журнал. Выходил в Москве — **11**: 95, 96, 152, 181, 253, 362, 412, 533, 558, 573, 585, *610*, *611*, *615*, *620*, *639*, *642*, *656*, *661*, *665*, *672*, *683*, *687*; **12**: 15, 19, 37, 43, 54, 57, 58, 63, 64, 75, 87, 96, 111, 113, 126, 155, 203, 210, 213, 297, 311, 471, 491, 507, 524—526, 536, *550*, *552—555*, *557*, *558*, *563—569*, *573*, *574*, *582*, *584*, *586*, *590—592*, *613*, *622*, *649*, *653*, *657*

«Русская старина» (1870—1918) — ежемесячный исторический журнал, выходивший в Петербурге — **11**: 397, 408, 410

«Русские ведомости» (1863—1918) — московская ежедневная «общественно-политическая газета» — **11**: 36, 59, 72, 101, 152, 329, 512, *606*, *642*, *651*, *665*, *674*; **12**: 15, 38, 39, 59, 60, 62, 63, 174, 175, 258, 341, 388, 404, 533, 541, *562*, *584*, *585*, *593*, *596*, *618*, *665*

«Русский архив» (1863—1917) — московский ежемесячный историко-литературный журнал — **11**: 400

«Русский вестник» (1856—1906) — ежемесячный литературный и политический журнал реакционного направления. Издавался в Петербурге

М.Н. Катковым и П. М. Леонтьевым — **11**: 577, *600*; **12**: *582*

«*Русский календарь*» — изд. А. С. Суворина — **11**: 371, *641*, *658*; **12**: 118, *575*

«*Русский листок*» (1890—1906) — ежедневная газета, выходившая в Петербурге — **12**: 521, *656*

«*Русский театр*» — московское книгоиздательство — **11**: 12

«*Русское богатство*» (1880—1918) — ежемесячный журнал либерально-народнического направления. Выходил в Петербурге — **11**: 111, *595*, *682*; **12**: 281, 441, 498, *557*, *607*, *642*, *656*

Русское литературное общество — учреждено в Петербурге в 1886 г. — **11**: 284, 297, 298, 317, 321, *646*, *649*

«*Русское обозрение*» (1890—1898) — московский ежемесячный «литературно-политический и научный» журнал — **11**: 533, 537, 555, *680*, *681*; **12**: *587*

«*Русское слово*» (1894 — 1917) — ежедневная газета, выходившая в Москве — **12**: 471, *609*, *645*, *656*

«*Русское судоходство торговое и промысловое на реках, озерах и морях*» (1886—1918) — ежемесячный петербургский журнал — **11**: 115

Руссо Жан-Жак (1712—1778)
«Исповедь» — **12**: 188

«*Русь*» (1880—1886) — славянофильская газета, выходившая в Москве — **11**: 42

«*Русь*» (1903—1908) — ежедневная умеренно-либеральная газета, выходившая в Петербурге. Издатель-редактор А. А. Суворин — **12**: 534, *658*

Рыбаков Константин Николаевич (1856—1916) — артист Московского Малого театра — **12**: 502

Рыбчинская Наталья Дмитриевна (ум. в 1920 г.) — артистка театра Ф. А. Корша в 1883—1889 гг. В «Иванове» исполняла роль Саши, в «Медведе» роль Елены Ивановны — **11**: 284, 286, 288, *644*

Рыкалова Надежда Васильевна (1824—1914) — артистка Московского Малого театра — **11**: 301

Рыков И. — директор скопинского банка — **11**: 47—50, 442, *600*

«*Le rire*» («Смех») — французский юмористический журнал — **12**: 190

«*Russie*», издание Larousse'a — **12**: 200

С. Т.
«Петербург» — **12**: 102, *571*
«Петербургские письма. Александринский театр» — **12**: 118, *575*

Сабашникова А. В. — издательница журнала «Северный вестник» до 1890 г. — **11**: 179, 290, 291, *625*, *630*, *644*

Саблин Михаил Алексеевич (1842—1898) — сотрудник ре-

дакции «Русских ведомостей»— **12**: 39, 48, 171

Савва Иванович — см. Мамонтов С. И.

Савельев Дмитрий Тимофеевич — врач, товарищ Чехова по таганрогской гимназии и Московскому университету — **12**: 12

Савельева Евгения Иасоновна — жена Д. Т. Савельева — **11**: 129, 130

Савина Мария Гавриловна (1854—1915) — артистка Александринского театра. В пьесах Чехова исполняла роли: Саши в «Иванове» и Аркадиной в «Чайке» — **11**: 288, 291, 300, 305, 311, 316, 318, 319; **12**: 101, 468, *573*

Сади-Карно — см. Карно Сади

Садовская Ольга Осиповна (о ней см. т. 12, стр. *634*)—**11**: 301; **12**: 413, 414

Садовской Борис Александрович (о нем см. т. 12, стр. *659*)— **12**: 538

«Прокаженный» — **12**: 538, *659*

Садовский Михаил Прович (1847—1910) — артист Московского Малого театра — **11**: 301, 304; **12**: 414, *634*

Сазонов Г. П. (1857—?) — редактор газеты «Россия» в 1899—1902 гг.— **12**: 424

Сазонов Николай Федорович (1843—1902) — артист Александринского театра — **11**: 311, *657*; **12**: 101, 444

Сазонова — см. Смирнова С. И.

Салиас Евгений Андреевич (1841—1908) — писатель, автор исторических романов — **11**: 181

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — **11**: 72, 96, 170, 207, 248, 341, 347, 516, *597*, *606*, *631*, *632*, *653*; **12**: 95, 527, *581*

«Благонамеренные речи» — **12**: 95

«Дневник провинциала в Петербурге» — **11**: 516; **12**: *581*

«Еще переписка» — **12**: 95

«Культурные люди» — **12**: *581*

«Праздный разговор» —**11**: 72, *606*

«Тряпичники-очевидцы» (Подхалимов) — **11**: 30, *597*

Сальвини Томазо (1829—1916) — итальянский артист-трагик. Гастролировал в России — **11**: 253

Самарова Мария Александровна (1852—1919) — артистка Художественного театра с 1898 г. В пьесах Чехова исполняла роли: Марины в «Дяде Ване», Анфисы в «Трех сестрах» и Зинаиды Саввишны в «Иванове» — **12**: 452

Санин (Шенберг) Александр Акимович (о нем см. т. 12, стр. *621*) — **12**: 341, 352, 399, *618*, *630*

Сарду Викторьен (1831—

1908) — французский драматург — **11**: 354, 480, *670*

«Термидор» — **11**: 480, 481, *670*

Сарду В. и *Моро* Э.

«Madame Sans Gêne» — **12**: 61, 76, *561*

Сафо — см. Кувшинникова С. П.

Сафонов Петр Васильевич — генерал, отец С. П. Кувшинниковой — **11**: 436, *666*

Сахарова (Маркова) Елизавета Константиновна — знакомая Чеховых по Звенигороду — **11**: 58, 59, 98

Саша — см. Киселева А. А.

Саша —см. Селиванова А. Л.

Сашечка Филе — см. Сумбатов-Южин А. И.

Сборник памяти Гаршина — см. «Красный цветок»

«Сборник Т. Филиппова» — **12**: 106, 169, *585*

Свенцицкий Викентий Антонович — врач — **12**: 133

«Сверчок» (1886—1891) — юмористический журнал. Издавался в Москве братьями Вернерами — **11**: 85, 86, 93, 101, *615*; **12**: 275, 287

«Свет» (1882—1917)— петербургская газета — **12**: 349

«Свет и тени» (1878—1884)— московский еженедельный «художественный и карикатурный» журнал — **11**: 24, 173, *593*, *596*

Светлов Николай Владимирович (ум. в 1909 г.) — артист театра Ф. А. Корша — **11**: 251, *638*

Свешников Николай Иванович (1839—1899) — букинист— **12**: 155

Свияжский — помещик — **12**: 122

Свободин (Козиенко) Павел Матвеевич (1850—1892) — артист Александринского театра. В пьесах Чехова исполнял роли: Шабельского в «Иванове», Светловидова в «Калхасе» и Ломова в «Предложении» — **11**: 20, 324, 331, 347, 355, 356, 369, 370, 374, 377, 393, 496, 555, 556, 570, 572, 576, *657*, *658*, *673*, *683*, *685*; **12**: 36, *557*

Святловский В. В.— врач— **11**: 580, *686*

«Как живут и умирают врачи» — **11**: 580, *686*

Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857—1914) — товарищ министра внутренних дел и шеф жандармов — **12**: 408

«Север» (1888—1914) — еженедельный литературно-художественный журнал, выходил в Петербурге — **11**: 152, 181, 505, 514, 538, *646*, *648*, *675*, *676*, *679*; **12**: 50, *656*

«Северный вестник» (1885—1898) — ежемесячный литературно-научный и политический журнал, выходил в Петербурге — **11**: 68, 95, 152, 164, 165, 170, 172, 174, 176, 178, 179, 181—183, 185—188, 190, 195, 196, 198, 199, 204, 207, 243, 247, 248, 252, 255, 260,

272, 275, 281, 282, 290, 302, 320, 327, 333, 341, 358, 369, 377, 378, 382, 404, 413, 489, 500, 507, *604*, *610*, *624*, *626*, *629—631*, *633*, *635*, *637*, *639*, *642*, *644*, *648*, *651*, *653*, *655*, *659*, *660*, *673*, *675*, *676*; **12**: 51, *549*, *601*

«Северный край» (1898—1905) — ежедневная газета, выходившая в Ярославле — **12**: 340, 364, 420, *618*, *635*

«Северный курьер» (1899—1900) — ежедневная газета либерального направления, выходившая в Петербурге — **12**: 338, 349, 350

«Сезон» — сборник — **11**: 112

Селиванов Гавриил Парфентьевич — служащий коммерческого банка в Таганроге. В его владение перешел таганрогский дом разорившегося П. Е. Чехова — **11**: 127, *617*

Селиванова Александра Львовна (Саша) — племянница Г. П. Селиванова, близкая знакомая семьи Чеховых — **11**: 127

Семашко Мариан Ромуальдович — музыкант-виолончелист, знакомый семьи Чеховых в 80-х годах — **11**: 347, 371, 415, 418, 442, 448, 451, 452, 485, 557, *654*, *657*

Семенкович Владимир Николаевич — инженер, помещик, сосед Чехова по Мелихову — **12**: 116, *571*, *574*

«Из Серпуховского уезда» — **12**: *574*

Семенкович Евгения Михайловна (о ней см. т. 12, стр. *571*) — **12**: 102, 103

Семенов — **12**: 499, *653*

«В чем причина?» — **12**: 499, *653*

Сенкевич Генрик (1846 — 1916) — польский писатель — **12**: 54, 80

«Без догмата» — **12**: 36, *557*

«Письма из Африки» — **12**: 30, *556*

«Семья Поланецких» — **12**: 80

Сеньобос Ш.

«Политическая история современной Европы» — 12:208

Сервантес Мигель (1547—1616) — испанский писатель

«Дон - Кихот» — **11**: 9

Сергеенко Петр Алексеевич (1854—1930) — беллетрист и публицист. Учился в таганрогской гимназии одновременно с Чеховым — **12**: 12, 28, 31, 40, 51, 74, 95, 98, 114, 216, 266, 275, 283, 284, 286, 374, 464, 491, 527, *555*, *569*, *600*, *603*, *608*, *649*

«Сократ» — **12**: 40, 95, 376, *558*, *569*, *625*

Сергей Александрович — см. Найденов С. А.

Сергей Николаевич — см. Худеков С. Н.

Сергей Саввич — см. Мамонтов С. С.

Сергий, о. — епископ, ректор Петербургской духовной академии — **12**: 423

«Сибирский вестник» (1885—

1905) — ежедневная газета, выходившая в Томске — **11**: 428, 439

Сибирякова — вдова миллионера Сибирякова — **11**: 324, 347, 513

Сигма — см. Сыромятников С. Н.

Симов Виктор Андреевич (1858—1935) — художник, декоратор Художественного театра с 1898 г.—**12**: 519

Симонов Александр Максимович — редактор газеты «Екатеринбургская неделя», родственник Чеховых — **11**: 420, 421

Синани Абрам Исаакович (ум. в 1900 г.) — студент, сын И. А. Синани — **12**: 386, *612*, *627*

Синани Исаак Абрамович (ум. в 1917 г.) — владелец книжного магазина в Ялте — **11**: 452; **12**: 224, 230, 238, 285, 307

Сиротинин Владимир Александрович — врач — **11**: 560

Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910) — критик — **11**: 212, 241, 494, 526, *610*, *673*; **12**: 16, 23, *554*

«История новейшей литературы» — **11**: 494; **12**: 23, *554*

Скальковский Константин Аполлонович (1843—1906) — горный инженер и журналист, сотрудник «Нового времени»— **11**: 496, *673*; **12**: 116

Скиталец (Петров) Степан Гаврилович (1869—1941) — писатель—**12**: 412, 447, 453, 467, 469, *641*, *644*

«Гусляр» — **12**: *644*

Склифосовский Николай Васильевич (1836—1904) — хирург, профессор Московского университета — **12**: 87, 89

Слепцов Василий Алексеевич (1836—1878) — писатель — **12**: 347

«Словарь Пушкина» (проектировавшееся издание) — **12**: 264, *604*

«Словарь русского языка» — **12**: 476, 477

Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэт и журналист. С 1891 г. главный редактор «Правительственного вестника» — **12**: 279, *607*

Слюнин — петербургский врач — **11**: 191

Смагин Александр Иванович (о нем см. т. 11, стр. *678*) — **11**: 226, 511, 522, 523, 544, *676*

Смагин Сергей Иванович — брат А. И. Смагина — **11**: 226, 227

Смагина Елена Ивановна — сестра А. И. и С. И. Смагиных — **11**: 227

Смагины — **11**: 225—228, 347, 356, 358, *678*

Смидович — см. Вересаев В. В.

Смирнова Н.— художница, родственница К. С. Станиславского — **12**: 451

Смирнова (Сазонова) Софья

Ивановна (1852—?) — журналистка, сотрудница «Нового времени» — **11**: 584, 585; **12**: 77, 122, *565*

«Что делать?» — **12**: *565*

Снегирев Владимир Федорович (1847—1916) — врач-гинеколог, профессор Московского университета — **11**: 506

Соболевская Варя — дочь В. М. Соболевского — **12**: 177, 280, 281

Соболевская Наташа — дочь В. М. Соболевского — **12**: 280, 281

Соболевский Василий Михайлович (о нем см. т. 12, стр. *584*) — **11**: 522; **12**: 62, 161, 162, 167, 168, 174—177, 185, 202, 215, 279—281, 538, 541, 542

Соболевский Г. В. (Глеб) — сын В. М. Соболевского — **12**: 280, 281

Соковнин Н. М. — помещик, петербургский знакомый Чехова — **11**: 355, 364, *655*

Соколовский Николай Николаевич (1864—1920) — профессор Московской консерватории по классу гармонии, друг семьи Книппер — **12**: 330, 354

Сократ (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ — **11**: 166, 221; **12**: 40

Солдатенков Кузьма Терентьевич (1818—1901) — московский книгоиздатель — **12**: 87

Соловцов Николай Николаевич (1856—1902) — артист театра Ф. А. Корша, антрепренер Киевского театра — **11**: 252, 284, 286, 288, 326, *644*; **12**: 388, 431, *603*, *637*

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — поэт и философ-идеалист — **12**: 100, *570*, *620*

«Поэзия Я. П. Полонского» — **12**: 100, 101, *570*

Соловьев Михаил Петрович — с 1896 года начальник Главного управления по делам печати — **12**: 123

Соловьева Ольга Михайловна — владелица имения Суук-Су, знакомая Чехова — **12**: 505

Соломон (X в. до н. э.) — **11**: 109, 273, 340, *645*

«Экклезиаст» — **11**: 340

Сорохтин Н. П. — художник, владелец Мелихова до Чехова — **11**: 530, 534, 556, *679*

Софокл (ок. 497—406 до н. э.) — древнегреческий драматург — **12**: 208

Софья Ивановна — см. Смирнова С. И.

Софья Петровна — см. Кувшинникова С. П.

Союз писателей — Союз взаимопомощи писателей и ученых — **12**: 148, 149, 211, 289, *581*, *593*, *609*

Спасович Владимир Данилович (1829—1906) — юрист и писатель — **11**: 526

«Среда» — московский товарищеский кружок литераторов. Возник в 90-х годах по инициативе писателя Н. Д. Телешова — **12**: 455, *642*

Средин Александр Валентинович — художник — **12**: 416, 470, 506

Средин А. Л. (Анатолий)— сын Л. В. Средина—**12**: 416, 481

Средин Леонид Валентинович (о нем см. т. 12, стр. *563*)— **12**: 67, 152, 153, 307, 345, 347, 371, 375, 385, 386, 411, 415, 416, 421, 479, 507, 513, *633*

Средина З. Л. (Зина) — дочь Л. В. Средина — **12**: 416

Средина Мария Григорьевна — жена А. В. Средина — **12**: 478

Средина Надежда Ивановна — мать А. В. и Л. В. Срединых — **12**: 386

Средина Софья Петровна — жена Л. В. Средина — **12**: 416, 512

Сталь фон Гольштейн — зять А. Н. Плещеева — **11**: 554, *682*

Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (о нем см. т. 12, стр. *627*) — **12**: 141, 219, 220, 223, 320, 326, 331, 341, 342, 365, 380, 382, 386, 387, 391—393, 415, 417, 427, 430, 433, 434, 450—453, 468, 475, 476, 480, 481, 496, 497, 504, 508, 509, 511, 514—523, 533, *566*, *580*, *600*, *610*, *613*, *614*, *617*, *638*, *641*, *644*, *646*, *651*, *654—656*, *658*

Станюкович Константин Михайлович (1843—1903) — писатель — **12**: 88

Старицкий Михаил Петрович (1840—1904)

«Ночь под Ивана Купала»— **12**: 38, *557*

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — художественный и музыкальный критик — **11**: 378, 582, *651*, *659*; **12**: 16, 165, 174, *553*

«По поводу Всемирной выставки» — **11**: 378, *659*

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк и публицист, редактор-издатель журнала «Вестник Европы» — **12**: 78

Стахович Михаил Александрович (1861—1923) — помещик, орловский губернский предводитель дворянства —**12**: 106

Стебут Иван Александрович (1833—1923) — **11**: 383

«Основы полевой культуры» — **11**: 383, *659*

Степанов Алексей Степанович (1858—1923) — художник — **11**: 292, *631*, *641*

«*Стоглав*» — календарь, издававшийся А. А. Сувориным — **11**: 277, 375, *658*

«*Стрекоза*» (1876—1908) — еженедельный художественно-юмористический журнал, издававшийся в Петербурге — **11**: 28, 29, 32, 53, 200, 261, 529, *597*; **12**: 275, 286

Стриндберг Август (1849—1912) — шведский писатель

«Графиня Юлия» — **12**: 294

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — экономист и

публицист, в 90-х годах «легальный марксист» — **12**: 254

Суворин Алексей Алексеевич (1862—?) — старший сын А. С. Суворина от первого брака. С конца 80-х годов вместе с отцом руководил «Новым временем». В 1903 г. основал свою газету «Русь» умеренно-либерального направления — **11**: 239, 250, 253, 268, 270, 272, 275, 277, 336, 350, 375, 391, 395, 408—410, 440, 498, 501, 502, 504, 512, 535, 538, 580, *636*, *652*, *662*, *664*, *686*; **12**: 16, 18, 21, 27, 28, 163, 262, 397, *552—554*, *630*

«Из поездки в Париж» — **12**: 16, *553*

«Палестина» — **12**: 16, 262, *553*

Суворин Алексей Сергеевич (о нем см. т. 11, стр. *606*) — **11**: 32, 65, 70, 73—75, 78, 87, 92, 103—106, 108, 111, 113, 120—123, 143, 149—153, 155, 159, 190, 191, 199, 205, 206, 217—222, 231—233, 235, 236, 243, 246, 249—255, 257, 261—269, 271, 272, 274—277, 280—313, 316—321, 324, 325, 328—331, 333, 335—343, 347—352, 354, 355, 357, 369—375, 378, 379, 385—390, 393—395, 397—401, 403, 408—412, 417, 437—441, 458, 460—469, 472—475, 478—481, 486—491, 495—504, 508—513, 515—518, 520, 524, 525, 530, 531, 534—538, 546—551, 553—557, 565—573, 577—587, *593*, *598*, *607*, *617*, *620*, *631*, *634*, *639*, *641*, *642*, *644—648*, *650*, *652—654*, *658*, *659*, *662—664*, *666*, *669*, *670*, *675*, *677*, *678*, *679*, *682*, *684*, *685*, *687*; **12**: 8—11, 13—19, 21—30, 33—47, 49—53, 55, 56, 58, 60, 61, 64—66, 68, 69, 73—77, 80—83, 85—91, 97—99, 101—106, 115—119, 121, 122, 124—127, 129—132, 136, 139—144, 151, 152, 156, 157, 159, 160, 162, 163, 165, 166, 171, 175—178, 185, 186, 191—194, 210, 215—217, 223—227, 231, 232, 236, 237, 243, 251—253, 258, 266, 267, 269, 276, 278, 279, 283, 284, 289—291, 293, 301, 302, 304, 305, 315, 328, 329, 349—351, 355—357, 363, 364, 369—371, 375, 376, 397, 398, 402, 424, 464, 490, 493, 494, 523, *550—557*, *562—564*, *567*, *571*, *572*, *575*, *576*, *580*, *583*, *589*, *590*, *593*, *595—599*, *605*, *607—610*, *622*, *624*, *649*

«Божий человек» — см. «Мать Ивана Грозного»

«Вопрос» — **12**: 355, 356, 369, *620*, *621*, *624*

«В конце века. Любовь» — **11**: 524, 525, *678*; **12**: 18, 66, *553*, *558*, *562*

«Еще о подделке «Демона» — **11**: 509, *675*

«История одной ночи» — **11**: 304, *647*

«Маленькие письма» — **11**: 479, 508, 531, *670*, *675*, *679*; **12**: *555*, *557*, *564*, *567*, *576*, *588*, *589*, *599*, *607*, *608*, *624*

«Мать Ивана Грозного» — 11: 304, *647*
«Новый роман» — 11: *653*
«Он в отставке» — 12: *558*
«Открытое письмо к Цибону»—12: *563*
«Письмо в редакцию» — 11: 340, *653*
«Подделка поэмы «Демон»— 11: 509, *675*
«Счастливые мысли» — 11: 295, 296
«Татьяна Репина» — 11: 221, 222, 292, 297—302, 304, 305, 309, 310, 320, 336, 340, 393, 479, *634*, *645—648*, *650*, *652*, *662*; 12: 80, 226, 355, *566*
«Московские присловья» — 11: *677*

Суворин А. С. и *Буренин* В. П.
«Медея» — 11: 286, *644*

Суворин Борис Алексеевич (Боря) —сын А. С. Суворина — 11: 206, 222, 249, 253, 284, 292, 302, 325, 330, 338, 352, 371, 439, 469, 479, 481, 491, 496, 497, 498, 501, 531, 547, *639*; 12: 56, 58, 66, 77, 90, 98, 102, 122, 125, 132, 144, 152, 157, 160, 166, 176, 178, 194, 232, 253, 279, 302, 305, 349, 357, 371, 376, 397

Суворин Вячеслав Алексеевич (ум. в 1889 г.) — сын А. С. Суворина от первого брака — 11: 243, *636*

Суворин Михаил Алексеевич (1858—1936) — сын А. С. Суворина от первого брака. Заведовал книжными киосками на железнодорожных станциях от книготорговой фирмы А. С. Суворина — 11: 338, 375; 12: 21, 75, 397, *554*, *630*

Суворина Анастасия Алексеевна (Настя) — дочь А. С. Суворина — 11: 206, 222, 253, 277, 284, 292, 302, 305, 325, 330, 338, 352, 371, 439, 469, 479, 481, 491, 496, 497, 498, 501, 547, *631*, *670*; 12: 56, 58, 66, 77, 90, 98, 102, 122, 125, 132, 140, 144, 152, 157, 160, 166, 176, 178, 194, 232, 253, 279, 302, 305, 349, 357, 371, 376, 397, *579*

Суворина Анна Ивановна (о ней см. т. 12, стр. *571*) — 11: 113, 199, 206, 222, 231, 234, 235, 253, 261, 277, 284, 302, 305, 312, 325, 330, 335, 338, 341, 352, 371, 372, 374, 387, 403, 439, 440, 462, 464, 469, 479, 480, 481, 488, 491, 496, 497, 498, 501, 503, 504, 516, 547, 578, 579, 580, *631*, *659*; 12: 10, 11, 38, 40, 41, 43, 45, 47, 53, 56, 58, 65, 66, 77, 90, 98, 102, 104—106, 121, 122, 125, 132, 140, 144, 152, 157, 160, 166, 176, 178, 194, 232, 253, 279, 302, 305, 349, 357, 364, 371, 376, 397, 494, *572*, *622*

Суворина Евгения Константиновна — жена А. А. Суворина — 11: 350, 503

«*Судоходство*» — см. «Русское судоходство торговое и промышленное на реках, озерах и морях»

Сулержицкий Леопольд (Лев) Антонович (о нем см. т. 12, стр. *651*) — **12**: 498, 499, *652*

Сумбатов (Южин) Александр Иванович (о нем см. т. 12, стр. *592*)—**11**: 259, 301, 303, 378, 379, 480, 523, *640*, *647*, *659*, *670*; **12**: 112, 160, 164, 199, 200, 209, 210, 240, 270, 341, 484, 485, *584*

«Арказановы»— **11**: 309, *647*

«Первый всероссийский съезд сценических деятелей, его резолюции и настроения» — **12**: 160, *584*

«Цепи» — **11**: 259, 309, *640*, *647*

Сумбатова Мария Николаевна — жена А. И. Сумбатова-Южина — **12**: 210

Сутугин С.— см. Эттингер О. Г.

Сыромятников (Сигма) Сергей Николаевич — сотрудник «Нового времени» — **12**: 147, 362, *581*

Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934) — книгоиздатель и книготорговец. Издатель газеты «Русское слово» — **12**: 37, 66, 83, 119, 122, 123, 126, 131, 213, 215, 293, *561*, *610*

Таганрогская городская библиотека — **11**: 422, 666; **12**: 110, 113, 168, 187, 188, 199, 200, 208, 288, 297, 322, 336, 341, 343, 385, 429, 435, *591*, *648*

«Таганрогский вестник» — (1882—1917) — ежедневная газета — **12**: 107, 262, *618*

Таганрогский музей — **12**: 168, 204, 297, 434

Тараховский Абрам Борисович (о нем см. т. 12, стр. *618*)— **12**: 336, 337, 343

Тарнани Иван Егорович — владелец молочной фермы в Ялте — **12**: 467

Тарновская Прасковья Николаевна (ум. в 1910 г.) — врач, автор работ по антропологии и психиатрии, общественная деятельница — **11**: 234

Татаринова Фанни Карловна (1863—1923) — ялтинская знакомая Чехова — **12**: 468, 472

Татищев Сергей Спиридонович (1846—1906) — историк и публицист, сотрудник «Нового времени» — **11**: 298, 408, 571

Таубе — екатеринбургский полицмейстер — **11**: 420

Таубе Юлий Романович — врач-терапевт — **12**: 537

Тауш — майор, начальник немецкой тайной полиции — **12**: 192

Театр М. М. Абрамовой (Москва) — драматический театр, существовал в течение сезона 1889—1890 года. Позднее, сохраняя прежнее название, перешел во владение Товарищества артистов — **11**: 364, 385, *656*, *660*

Театр Александринский — императорский драматический театр в Петербурге. Основан в 1832 году. После Октябрьской

революции Государственный театр драмы имени А. С. Пушкина — **11:** 286, 302, *635*, *647*, *648*, *653*, *654*, *670*; **12:** 132, 255, 310, 316, *558*, *566*, *570—572*, *575*, *583*, *598*, *602*, *618*, *623*, *643*

Театр Большой (Москва) — **11:** 581

Театр Бомарше (Париж) — **11:** 325, *650*

Театр герцога Мейнингенского — немецкий драматический театр; труппа сформирована герцогом Мейнингенским в конце 60-х годов. Театр гастролировал по Европе, в 1885 и 1890 годах приезжал в Россию — **12:** 298, *611*

Театр Е. Н. Горевой — драматический театр в Москве, существовал в течение сезона 1889—1890 года — **11:** 363—366, *654*

Театр Ф. А. Корша — драматический театр, основан антрепренером Ф. А. Коршем в Москве в 1882 году — **11:** 20, 275, 284, 286, 289, 296, 326, 345, *396*, *599*, *621*, *628*, *638*, *639*, *644*, *648*; **12:** 61, 76, 77, 141, *561*

Театр Литературно-артистического кружка — драматический театр. Основан в 1895 году в Петербурге, назывался также Суворинским театром и Малым театром, в помещении которого находился до 1901 года — **12:** 87, 176, *566*, *567*, *576*, *590*

Театр М. В. Лентовского — театр оперетты в Москве, помещался в саду «Эрмитаж» — **11:** *599*

Театр Малый (Москва) — **11:** 158, 291, 370, 393, 534, *621*, *629*, *645—648*, *663*, *670*, *681*; **12:** 141, 157, 221, 256, 270, 273, 281, 298, 477, 502, *557*, *566*, *583*, *592*, *594*, *606*, *634*, *652*

Театр Панаевский (Петербург) — **12:** 126, 131, *577*

Театр Пушкинский — первый частный театр в Москве. Основан А. А. Бренко в 1880 году, существовал два года в доме Малкиеля — **11:** 20

Театр Солодовниковский — театр в пассаже Солодовникова (Москва), на сцене которого ставились любительские спектакли **12:** 141

Театр Художественный — см. Художественный театр

«*Театр и искусство*» (1897—1918) — еженедельный иллюстрированный журнал; выходил в Петербурге — **12:** 511

«*Театрал*» (1895—1898) — московский еженедельный иллюстрированный журнал — **12:** 102, 118, *575*

Телешов Николай Дмитриевич (о нем см. т. 12, стр. *637*) — **12:** 431, 432, 442, 455, 460, 476, 477, *640*, *642*

«Белая цапля» — **12:** 455, *642*

«В сочельник» — **12:** 455

«Именины» — **12:** 477

«На тройках» — **12**: 477
«Песня о слепых» — **12**: 455
«Фантастические наброски» — **12**: 477

Терентьева Мария Федоровна (о ней см. т. 12, стр. *612*)— **12**: 310, 311

Терпигорев — см. Атава

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843—1920) — естествоиспытатель-дарвинист, ботаник-физиолог — **11**: 499, 500, *674*
«Пародия науки» — **11**: 499, 500, *674*

Тимофеев В. Ф.— профессор химии в Технологическом институте, друг семьи Линтваревых — **11**: 263, *641*

Тихомиров Дмитрий Иванович (1844—1915) — педагог, редактор журнала «Детское чтение» — **12**: 311, 312

Тихомиров Иосаф Александрович (о нем см. т. 12, стр. *628*) — **12**: 390, *628*

Тихомиров Лев Александрович (1852—1923) — до 1881 г. видный член партии «Народная воля», впоследствии ренегат, видный монархист — **11**: 308, *647*
«Почему я перестал быть революционером» — **11**: 308, *647*

Тихомирова Александра Александровна — служащая в конторе Художественного театра — **12**: 390, *628*

Тихонов (Луговой) Алексей Алексеевич (о нем см. т. 12, стр. *569*) — **11**: 322, 326, *649*, *651*; **12**: 94, 100, 101, *570*

Тихонов Владимир Алексеевич (о нем см. т. 11, стр. *648*)— **11**: 222, 321, 322, 325, 326, 354—356, 376, 504, 505, 514, 525, 528, 529, 538, *649*, *650*, *655*, *675*, *679*; **12**: 50, 94, 250, 251, 257, *601*
«Без кормила и весла» — **11**: 355, *655*
«В деревне» — **12**: *601*
«Пустоцвет» — см. «В деревне»

Тициан Вечеллио ди Кадоре (1477—1576)—итальянский художник — **11**: 483; **12**: 23

Тищенко Федор Федорович (1858 — ?)— писатель —**12**: 60, 182, *561*
«Хлеб насущный» —**12**: *587*

Толстая Софья Андреевна (1844—1919) — жена Л. Н. Толстого — **12**: 262, 386, 480, 481, *604*, *628*, *647*
[Письмо в «Новое время» по поводу рассказа Л. Н. Андреева «В тумане»]— **12**: 480, 481

Толстая Татьяна Львовна (о ней см. т. 12, стр. *573*) — **12**: 109, 290

Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — поэт, драматург и беллетрист
«Грешница» — **12**: 517
«Смерть Иоанна Грозного» — **12**: 320, *614*

«Царь Федор Иоаннович» — 12: 223, 226, *594—596*

Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — министр внутренних дел с 1882 г. — **11**: 341, *653*

Толстой Лев Львович (1871—1945) — сын Л. Н. Толстого — **12**: 8, 252, 544

«Мир — дурак» — **12**: 252, *601*

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — **11**: 109, 111, 167, 170, 192, 222, 234, 258, 373, 387, 388, 391, 404, 419, 422, 479, 487, 504, 505, 513, 515, 516, 519, 529, 543, 580, *639*, *651*, *652*, *660*, *670*, *678*; **12**: 14, 19, 28, 29, 46, 51, 52, 60, 64, 80, 85, 87, 92, 101, 109, 131, 139, 145, 146, 182, 186, 216, 234, 250, 264, 282, 286, 290, 291, 295, 360—362, 371, 401, 412, 414, 416, 420, 421, 423, 426, 428, 432—435, 437, 439, 442—445, 491, 529, *549*, *561*, *568*, *578—580*, *587*, *594*, *597*, *598*, *604*, *609*, *620*, *623*, *628*, *630*, *634*, *636*, *638*, *640*, *643*, *649*, *650*

«Анна Каренина» — **11**: 275, 290, *640*, *652*; **12**: 17, 116

«Власть тьмы» — **11**: 167, 422; **12**: 87, 91, 458, *567*

«Война и мир» — **11**: 513

«Воскресение» — **12**: 146, 290, 306, 361, 371, *580*, *597*, *609*, *624*

«Крейцерова соната» — **11**: 391, 395, 473, 505, *661*, *670*, *675*

«Кто прав?» — **12**: *628*

«Плоды просвещения» — **12**: 83

«Послесловие к «Крейцеровой сонате» — **11**: 504, *670*, *674*; **12**: 350

«Семейное счастье» — **12**: 360

«Смерть Ивана Ильича» — **11**: 253, *639*

«Хаджи-Мурат» — **12**: *640*, *650*

«Хозяин и работник» — **12**: 75, *565*

«Холстомер» — **11**: 504, *674*

«Что такое искусство?» — **12**: 146, 186, *580*, *588*

Толстопятов Михаил Александрович — минеролог, профессор Московского университета — **11**: 122, *616*

Торо Генри Давид (1817—1862) — американский писатель — **11**: 154, *620*

«В лесу» — **11**: 154, *620*

Третьяковы Иван Владимирович и Леонид Владимирович — товарищи Ал. П. Чехова — **11**: 16, 17, 26, *595*

Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — основатель картинной галереи в Москве — **12**: 132, *579*, *590*

Трефолев Леонид Николаевич (о нем см. т. 11, стр. *632*) — **11**: 76, 208—210, *607*

Троицкая П. В. — **12**: 283, *608*

Троша — см. Линтварева Н. М.

«*Труд*» (1889—1895) — журнал «Вестник литературы и

науки» («Приложение к журналу «Всемирная иллюстрация»), выходил ежемесячно — **11**: 533, *681*; **12**: 9

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — **11**: 9, 19, 83, 104, 109, 139, 170, 193, 293, 305, 373, 516, 580, *651*, *686*; **12**: 14, 17, 52, 192, 487

«Ася» — **12**: 17

«Где тонко, там и рвется» — **12**: 488, *648*

«Дворянское гнездо» — **12**: 17

«Дон-Кихот и Гамлет» — **11**: 9

«Дым» — **12**: 17

«Жид» — **11**: 104

«Затишье» — **12**: 17

«Месяц в деревне» — **12**: 480, 487, *646*

«Накануне» — **12**: 17, 44

«Нахлебник» — **12**: 487, *648*

«Новь» — **11**: *651*

«Отцы и дети» — **12**: 17, 341, *562*

«Провинциалка» — **12**: 487

«Рудин» (Пигасов) — **11**: 309, 580, *686*

«Собака» — **12**: 17

Турлыгин Яков Прокофьевич (1858—1909) — художник, знакомый Чехова — **11**: 27

Тычинкин Константин Семенович — заведовал выпуском еженедельников «Нового времени», позднее заведующий типографией А. С. Суворина — **12**: 160, 232, 236, 239, 266, 267, 301, 397, 402, *597*, *605*

Тышко Р. И. — знакомый Чехова по Воскресенску — **11**: 58

«*Le Temps*» — французская газета — **12**: 226, 242, 259

«*Times*» — английская газета — **11**: 520

Унанов — одноклассник Чехова по таганрогской гимназии — **12**: 12

Ундольский Павел Васильевич (о нем см. т. 12, стр. *613*) — **12**: 312, 313

Урусов Александр Иванович (о нем см. т. 11, стр. *679*) — **11**: 297, 517, 531, 532, *680*; **12**: 231, 232, 264, 265, 270, 482, *604*, *615*, *647*

«Notule sur l'actualité Russe» (О повести «Дуэль») — **11**: 531, 532, *679*

«Второе представление «Чайки» — **12**: 264, 324, *604*

Усатов Дмитрий Андреевич (ум. в 1913 г.) — артист Большого театра (тенор) — **12**: 280

Успенский Глеб Иванович (1843—1902) — писатель — **11**: 170, 520, *631*, *664*, *669*; **12**: 92, *568*

«Живые цифры (Из записок деревенского обывателя)» — **11**: 204, *631*

Успенский Сергей Павлович — земский врач, звенигородский знакомый Чехова — **11**: 58

Уткина Л. Н. — издательница журнала «Будильник» — **11**: 24, *596*

Фаист — таганрогский часовой мастер — **11**: 133
Фамильянт — таганрогский врач — **11**: 132
Фаусек Виктор Андреевич (1861—1910) — профессор зоологии — **11**: 501
Федоров Александр Митрофанович (о нем см. т. 12, стр. *632*) — **12**: 406, 419, 420, 461
«Обыкновенная женщина»—**12**: 419, 420, 461, *635*
«Старый дом» — **12**: 406, 420, *632*, *635*
«Стихотворения» — **12**: 461, *643*
Федоров Василий Иванович— бухгалтер серпуховской земской управы — **12**: 230
Федоров М. П. — официальный редактор «Нового времени» и книжной серии «Дешевая библиотека» — **11**: 103, 150
Федоров (Юрковский) Федор Александрович (о нем см. т. 11, стр. *648*) — **11**: 305, 311, 317—319
Федорова Мария Дмитриевна — сотрудница редакции «Северного вестника» — **11**: 328, 362, 383
Федосья Яковлевна — см. Долженко Ф. Я.
Федотов Александр Филиппович (1841—1895) — театральный деятель, артист и режиссер Малого театра, директор основанного им «Драматического училища А. Ф. Федотова» — **11**: 492, 561, 564
Федотова Гликерия Николаевна (1846—1925) — артистка Малого театра — **11**: 16, 301; **12**: 290, 321, 331
Ферапонтов — московский книготорговец и издатель — **11**: 91, *609*
Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892) — поэт — **12**: 94, 116, *569*
Фефела — см. Пальмина П. Е.
Фидлер Федор Федорович (1859—1918)—литератор, переводчик русских поэтов на немецкий язык — **12**: 95, *563*
Филиппов Сергей Николаевич (1863—1910) — театральный рецензент и беллетрист — **11**: 389, 403, *664*
Филиппов Тертий Иванович (1825—1899)— публицист, был связан с славянофилами, знаток и пропагандист русской народной песни, с 1889 г. государственный контролер — **12**: 169
Филиппыч — см. Федотов А. Ф.
Философов Дмитрий Владимирович (1872—?) — критик и публицист, сотрудник журналов «Мир искусства», «Новый путь» и др.— **12**: 463
«Чайка» — **12**: 462, *643*
Фирс — см. Петров Ф. А.
Фишер И. Э.
«Сибирская история» — **11**: 403
Флексер (псевдоним: Волынский) Аким Львович (1863 — 1926) — литературный критик,

идеолог декадентства — **11**: 489, 518, *671*; **12**: 308

Флеров (псевдоним: С. Васильев) Сергей Васильевич (1841—1901) — журналист, театральный рецензент — **11**: 280, 531, *622*, *643*

Флобер Густав (1821—1880) — **11**: 517

Флоринский В.— московский врач — **12**: 164

Флоринский Николай Михайлович — ординатор томской университетской клиники — **11**: 436

Фома Неверный — см. Немиров Г. А.

Фонвизин Денис Иванович (1744—1792) — **11**: *667*

Фоти Константин Георгиевич (о нем см. т. 11, стр. *666*) — **11**: 422

Фофанов Константин Михайлович (1862—1911) — поэт — **11**: 169, 407, 416, *664*; **12**: 24, 426

Фохт Александр Богданович (1848—1930) — профессор по кафедре патологической анатомии Московского университета — **12**: 347

Фрейсине Шарль-Луи (1828—1923) — французский государственный деятель. Был председателем совета министров — **11**: 209

«*Figaro*» («Фигаро») — французская газета — **12**: 166

Хавкин Владимир Маркович (1860—1930) — врач-бактериолог, ученик Пастера. В 1897 г. в Бомбее ввел противочумную прививку — **12**: 127, 304

Халютина Софья Васильевна (1875—1960) — артистка Художественного театра с 1898 г. В пьесах Чехова исполняла роли: Наташи в «Трех сестрах», Шарлотты и Дуняши в «Вишневом саде» — **12**: 517, *656*, *658*

Харитоненко — сахарозаводчик в Сумах — **11**: 436

Харкеевич Варвара Константиновна (ум. в 1932 г.) — начальница ялтинской женской гимназии, знакомая Чехова — **12**: 240, 263, 543

Хилков Дмитрий Александрович (1850—1914) — князь, толстовец — **12**: 130

«*Хирургическая Летопись*» — см. «Хирургия»

«*Хирургия*» (1897—1914) — московский ежемесячный журнал — **12**: 87, 89, 118, 122, 125, 171, *575*, *576*, *577*

Хирьяков Александр Модестович (1863 — 1946) — журналист, толстовец. Работал в издательстве «Посредник» — **12**: 6, 7

Хлопов Николай Афанасьевич (о нем см. т. 11, стр. *627*) — **11**: 188—190, 196, *628—629*

«На лоне природы» — **11**: 196

«Одиннадцатый» — **11**: 188, 189, 190, 196, *628*, *629*

Хлудова — вдова московского купца Хлудова — **11**: 97, 100, *612*

Ходаковская Мария — таганрогская знакомая Чеховых — **11**: 130, 136

Ходаковский — таганрогский знакомый Чехова — **11**: 130

Холёва Н. И.— заведующий репертуарной частью театра Литературно - артистического кружка — **12**: 197

Холмская Зинаида Васильевна (1866—1936) — артистка Александринского театра —**12**: 102

Хотяинцева Александра Александровна (о ней см. т. 12, стр. *585*) — **11**: *616*; **12**: 169, 170, 185, 190, 201, 202, *588*

Хрущев-Сокольников Гавриил Александрович (1845 — 1890) — сотрудник мелких журналов, автор исторических и уголовных романов — **11**: 27

Хрущева-Сокольникова Анна Ивановна — первая жена Ал. П. Чехова — **11**: 15, 18, 35, 156, 163, 190, 191, *597*, *615*

Худеков Сергей Николаевич (1837—1929) — журналист, издатель «Петербургской газеты» — **11**: 48—51, 61, 62, 64, 100—102, 301, 348, 402, 533, *600*, *601*

Худекова (рожд. Страхова) Надежда Алексеевна — жена С. Н. Худекова — **11**: 533, 539

Художественный театр — **12**: 219, 223, 246, 269, 270, 297, 298, 307, 309, 318, 334, 341, 348, 352, 372, 374—376, 384, 386, 396, 405, 414—417, 420, 421, 428, 434, 440, 449, 452, 457, 458, 461, 472, 473, 479, 480, 483, 499, 504, 514, 517, 521, 525, *566*, *592*, *594—596*, *599*, *604*, *605*, *609—616*, *618*, *620*, *621*, *623*, *626—628*, *630*, *632*, *635*, *637—639*, *643*, *645—648*, *651—653*, *655*, *657*, *658*

Царенко — военный чиновник в Таганроге — **11**: 130

Цинциннат (род. ок. 519 г. до н. э.) — римский политический деятель и полководец — **11**: 323, 540

Цион Илья Фаддеевич (1842—1912) — профессор, в 80-х годах жил в Париже — **12**: 68, *563*

«M. Witte et les finances russes» («Господин Витте и русские финансы») — **12**: *563*

Цукки Вирджиния — итальянская балерина. С 1885 г. состояла в труппе Мариинского театра (Петербург) — **11**: 308, *647*

Чайковский Модест Ильич (о нем см. т. 11, стр. *662*) — **11**: 368, 392, 393, 404, 405, *656*, **12**: 33, 488, 490, *648*

«Жизнь Петра Ильича Чайковского» — **11**: *662*; **12**: 488, *648* «Симфония» — **11**: 392, 393, 404, *662*

Чайковский Петр Ильич (о нем см. т. 11, стр. *656*) — **11**: 220, 368, 369, 371, 373, 404, 405, *657*, *662*; **12**: 33, 488, *556*, *648*

«Евгений Онегин» (опера) — **11:** 373; **12:** 441
«Снова, как прежде, один» — **12:** 441
Чалеева Аменаиса Эрастовна — экономка Былим-Колосовского в имении Богимово — **11:** 549, *682*
Чемоданов Михаил Михайлович (1856—1908) — врач-одонтолог и художник-карикатурист, сотрудник юмористических журналов — **11:** 147
Червинский Федор Алексеевич (о нем см. т. 11, стр. *672*) **11:** 494, *672*, *673*
«В глуши» — **11:** 494, *673*
Черемис Михаил — мальчик, служивший в лавке П. Е. Чехова — **11:** *637*; **12:** 21
Черинов Михаил Петрович (1838—1905) — врач-терапевт, профессор Московского университета — **12:** 360
Чермный (псевдоним Чермана) Аполлон Николаевич (ум. в 1911 г.) — писатель — **12:** 24
Черниговец-Вишневский Федор Владимирович — журналист — **11:** 38
Чернов — см. Эйнгорн А.Я.
Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — **11:** 170; **12:** *607*
Чертков Владимир Григорьевич (о нем см. т. 12, стр. *549*) — **11:** 567; **12:** 6, 7, 14, 20, 130, 131, 389, *578*, *594*
Чертков Григорий Иванович (1828—1884) — **12:** 20
Черткова Елизавета Ивановна (1831—1922) — мать В. Г. Черткова — **12:** 130
Чехов Александр Павлович (о нем см. т. 11, стр. *594*) — **11:** 7, 11—18, 22—28, 30, 31, 33—35, 53, 54, 64—66, 72, 75, 84—88, 92, 93, 95, 97, 101, 103, 105, 111—115, 122, 132, 142, 143, 148—156, 158—163, 190, 191, 199, 243—246, 249—251, 262, 263, 283, 313—316, 333, 334, 340, 344—346, 356, 396, 443, 444, 448, 482, 501, 510, 511, 540, 541, 579, *593—597*, *606—610*, *615*, *617—620*, *628*, *637*, *638*, *652*, *653*, *662*, *674*, *676*, *681*; **12:** 20—22, 56, 62, 63, 91, 103, 155—157, 163, 176, 177, 197, 198, 214, 215, 239, 266, 267, 358, 359, 397, *553*, *554*, *557*, *562*, *567*, *582*, *590*
«Алкоголизм и возможная с ним борьба» — **11:** *594*; **12:** 155, *582*
«Город будущего» — **11:** 92, *610*
«Копилка» — **11:** 333, 340, 344, 345, 346, *652*, *653*
«На маяке» — **11:** 142, 143, *617*
«Отрешенные и уволенные» — **12:** 63, *562*
«Пасхальная ночь» — **11:** 26
«Первый паспорт Антона Павловича Чехова» — **12:** *556*
«Платон Андреич» — **12:** 197
«Письмо» — **11:** 249, *638*
«С иголочки» — **11:** 64, 65
«Сестренка» — **11:** 14, *595*
«Сомнамбула» — **11:** 27, 86, *596*

«Трубка» — **11**: 18, 26

Чехов Антон Александрович (Антон, Тотоша) (1886—1922) — сын Ал. П. Чехова от первого брака — **11**: 114, 334, 346, 396, 444, 511, 541, *652*, *662*; **12**: 163, 198

Чехов Владимир Владимирович — врач-психиатр — **12**: 492

Чехов Владимир Иванович (Володя) (1894—1917) — сын И. П. Чехова — **12**: 253, 256, 264

Чехов Владимир Митрофанович (Володя) (1874—1949) — двоюродный брат Чехова — **11**: 89, 126—128, 133, 135; **12**: 163, 189, 220, 403, *588*

Чехов Георгий Митрофанович (1870—1943) — двоюродный брат Чехова — **11**: 8, 89, 126—128, 133—135; **12**: 22, 134, 135, 403, 546, *631*

Чехов Григорий Михайлович — двоюродный брат Чехова — **11**: 6, 7, 245

Чехов Егор Михайлович — дед Чехова — **11**: 263; **12**: 481, *592*, *647*

Чехов Иван Павлович (о нем см. т. 11, стр. *671*) — **11**: 8, 24, 57, 66, 90, 91, 97, 135, 263, 371, 416, 435, 442, 446, 452, 455, 458, 465, 466, 475, 482, 483, 492, 498, 522, 537, 550, 579, *616*, *641*, *657*, *669*, *673*; **12**: 21, 26, 214, 224, 225, 244, 253, 254, 256, 264, 353, 410, 539, 546

Чехов Митрофан Егорович (о нем см. т. 11, стр. *609*) — **11**: 12, 24, 88—92, 112, 126—129, 131, 134, 135, 142, 422, 540, *595*, *596*, *616*, *634*, *676*; **12**: 22, 52, *554*

Чехов Михаил Александрович (Миша) (1891 — 1952) — сын Ал. П. Чехова от второго брака, драматический артист — **11**: 501, 511, 541, *674*; **12**: 198

Чехов Михаил Михайлович (о нем см. т. 11, стр. *592*) — **11**: 5—8

Чехов Михаил Павлович (о нем см. т. 11, стр. *593*) — **11**: 8, 9, 16, 17, 24, 55—58, 64, 79, 85, 91, 93, 97, 98, 131, 142, 198—200, 211, 229, 236—239, 248, 382, 392, 403, 416, 422, 425, 434, 442, 446, 448, 465, 466, 480, 485, 487, 507, 522, 530, 539, 541, 547, 557, 579, *609*, *611*, *612*, *632*, *635*, *636*, *659*, *661*, *667*, *671*; **12**: 23, 26, 31, 81, 82, 102, 104, 115, 129, 144, 195—197, 214, 229—231, 338—340, 363, 364, 397, 398, 402, 403, 424, 425, *553*, *558*, *578*, *590*, *618*, *622*, *623*

«Ваза» — **12**: 102, 144, *571*

«Вокруг Чехова» — **12**: 43, *558*

«За двадцать минут до звонка» — **12**: 102

Чехов Николай Александрович (Коля) (1884—1918) — сын Ал. П. Чехова от первого брака — **11**: 114, 191, 334, 346, 396, 444, 511, 541, *652*, *662*; **12**: 163, 198

Чехов Николай Павлович (о нем см. т. 11, стр. *608*) — **11**: 7, 11—16, 21, 24, 25, 36, 42, 47, 49, 50, 57, 58, 63, 66, 79—83, 86, 88, 91, 95, 97, 101, 103,

105, 134, 143, 150, 162, 191, 246, 263, 285, 304, 330, 331, 333, 335, 337, 339, 341, 344, 346, 348, 349, 353, 354, 356, 357, 360, 419, 421, 522, *595*, *596*, *600*, *615*, *637*, *641*, *651—653*, *655*, *666*, *667*; **12**: 12, 287, 288

«Мессалина» — **11**: 134

«Типы наших увеселительных мест» — **11**: 47, *600*

Чехов Павел Егорович (1824—1898) — отец Чехова — **11**: 7, 14, 15, 27, 30, 35, 91, 97, 113, 122, 263, 415, 418, 435, 442, 448, 455, 456, 466, 485, 540, 545, *592*, *617*, *637*, *667*; **12**: 9, 15, 55, 65, 115, 224—231, 234, *562*, *574*, *595*

Чехов Сергей Михайлович (Сережа) (род. в 1901 г.) — сын М. П. Чехова — **12**: 398, 424

Чехова Александра Митрофановна — двоюродная сестра Чехова — **11**: 89, 127; **12**: 135, 403

Чехова Александра Михайловна — двоюродная сестра Чехова — **11**: 8

Чехова Анна Ивановна — жена М. М. Чехова — **12**: 410

Чехова Евгения Михайловна (Женя) (род. в 1898 г.) — дочь М. П. Чехова — **12**: 195, 197, 231, 340, 364, 424

Чехова Евгения Яковлевна (1835—1919) — мать Чехова — **11**: 5—7, 9, 14, 27, 30, 35, 56, 88, 89, 91, 97, 151, 156, 235, 242, 334, 335, 344, 349, 358, 392, 415, 418, 421, 422, 442, 446, 452—456, 464—466, 485, 539, 540, *592*, *593*, *665*, *667*; **12**: 9, 55, 115, 137, 196, 224—227, 229, 230, 234, 235, 260, 264, 288, 299, 311, 332, 339, 354, 358, 364, 366, 385, 403, 409, 410, 424, 433, 437, 456, 537, 543, 546

Чехова (Петрова) Екатерина Михайловна — двоюродная сестра Чехова — **11**: 6—8, *592*

Чехова Елена Митрофановна — двоюродная сестра Чехова — **11**: 127; **12**: 135, 403

Чехова Елизавета Михайловна — двоюродная сестра Чехова — **11**: 6—8

Чехова Людмила Павловна — тетка Чехова, жена Митр. Е. Чехова — **11**: 89, 126, 127, 133, 134, 141; **12**: 135, 403

Чехова Мария (1883—1884) — дочь Ал. П. Чехова — **11**: 11, 18, 23, 31, 35, *595*, *597*

Чехова Мария Павловна (о ней см. т. 11, стр. *616*) — **11**: 7, 9, 16, 24, 56, 66, 97, 100, 103, 124—136, 138—142, 151, 161, 229—231, 233—235, 279, 286, 302, 312, 332, 349, 358, 392, 396, 414—436, 441—444, 446—452, 455—460, 466, 475, 476, 481—485, 493, 522, 525, 539, 561—565, *593*, *596*, *635*, *643*, *646*, *665*, *667*, *672*, *678*, *684*; **12**: 9, 31, 53—55, 77, 85, 103, 104, 106, 139, 145, 151, 160, 165, 170, 179, 180, 190, 202, 203, 207, 214, 222, 224—230, 234—236, 239, 240, 260, 262—264, 287, 288, 298, 299, 309—312, 331, 332, 339, 340, 348, 364, 377, 380, 389, 409, 410, 424, 427,

431, 433, 436, 437, 454, 460, 464, 467, 482, 496, 499, 501, 505, 508, 513, 533, 537, 542, 543, 545, 546, *554*, *609*, *620*, *626*, *638*

Чехова Наталья Александровна — вторая жена Ал. П. Чехова — **11**: 313, 315, 334, 346, 396, 444, 511, 541; **12**: 22, 103, 198

Чехова Ольга Германовна (о ней см. т. 12, стр. *590*) — **12**: 231, 340, 364, 398, 403, 424

Чехова (Андреева) Софья Владимировна (1872—1950) — жена И. П. Чехова — **12**: 225, 253, 256, 264

Чириков Евгений Николаевич (о нем см. т. 12, стр. *653*) — **12**: 248, 255, 277, 372, 507, 508

«Друзья гласности» — **12**: 508

«Евреи» — **12**: 507, 508, 512, 513, *653*

«Провинциальные картинки» — **12**: *625*

«Пьесы» — **12**: 508

«Чужестранцы» — **12**: *601*

Чирикова Новелла — дочь Е. Н. Чирикова — **12**: 507

Читау Мария Михайловна (1860—1935) — артистка Александринского театра. Первая исполнительница роли Маши в пьесе Чехова «Чайка» — **12**: 101

Членов Михаил Александрович (о нем см. т. 12, стр. *628*) — **12**: 391, 392, 413, 437—439, 503, *634*, *638*, *639*

Чмырев Николай Андреевич (ум. в 1886 г.) — сотрудник газеты «Московский листок» — **11**: 14

Чюмина Ольга Николаевна (1862—1909) — поэтесса — **12**: 477, *646*

«В Крыму» — **12**: *646*

Шабельская Александра Станиславовна (1845 — ?) — писательница — **12**: 58

Шаврова Анна Михайловна — сестра Е. М. Шавровой — **12**: 238, *598*

Шаврова Елена Михайловна (о ней см. т. 11, стр. *672*) — **11**: 491, 492, 505—507, 532, *675*, *679*, *680*; **12**: 57, 69—71, 76, 95—97, 117, 120, 121, 154, 155, 160, 188, 189, 238, 239, 260, 362, *563*, *569*, *570*, *576*, *582*, *588*, *598*, *603*, *610*, *622*

«Аспид» — **12**: 238

«Бабье лето» — **12**: 95, 97, *569*

«У гадалки» — **11**: 491, *672*

«Гипнотизер» — **12**: 188, *588*

«Идеал» — **12**: 188, *588*

«Маленькая барышня» — **11**: 532

«Ошибка» — **11**: 491, 492

«Сфинкс» — **12**: *565*

Шаврова Ольга Михайловна — артистка (по сцене Оленина), сестра Е. М. Шавровой — **12**: 160, 189, 263, *588*

Шакина Мария Тимофеевна (Маша) — прислуга в семье Чеховых, сначала в Мелихове, затем в Ялте и в Москве — **12**: 330—332, 410, 474

Шаляпин Федор Иванович (1873—1938) — **12:** 218

Шанявская Л. А. — жена генерала А. Л. Шанявского, основавшего в Москве и передавшего городу народный университет. Знакомая Чехова по Ницце — **12:** 177

Шапиро Константин Александрович— петербургский фотограф — **11:** 324, 550; **12:** 72

Шаповалов Лев Николаевич (архитектор) (1871—1957) — строитель дачи Чехова в Ялте — **12:** 230

Шапошников Александр Константинович — служащий в севастопольском банке, знакомый Чехова — **12:** 505

Шаршавина — **11:** 336, *652*

Шаховская Н. С. (Наташа)— дочь С. И. Шаховского —**12:** 58

Шаховской Сергей Иванович — князь, помещик, сосед Чехова по Мелихову —**11:** 560, 561, 573, *685*; **12:** 115, 317, 332, 342, *574*, *593*, *613*

Шаховской Федор Петрович (1797 —1829) — декабрист — **11:** *685*

Шверер — врач, лечивший Чехова в Баденвейлере —**12:** 541, 543

Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) —**11:** 144, 219, *617*

Шекспир Вильям (1564—1616) — **11:** 9, 108, 322, 402, 407, 491, 574, *629*, *659*; **12:** 23, 29, 208, 529

«Венецианский купец» — **12:** 437, *638*

«Гамлет» — **11:** 477, 582; **12:** 36, 79, 91, 432

«Король Лир» —**11:** 381; **12:** 341

«Макбет» (Леди Макбет)— **11:** 379, *659*; **12:** 387

«Отелло» —**11:** 196, 234, 253, 261, 286, 484, *629*, *640*; **12:** 91, 432

«Юлий Цезарь» —**12:** 500, 505, 507, 510, 514, 517, 519, 521, *653*, *655*

Шеллер (псевдоним: Михайлов) Александр Константинович (1838—1900) —писатель —**11:** 309

Шереметьев А. Д. — граф, издатель журнала «Пожарный» —**11:** 541, *681*

Шерер-Кестнер (1833—1899) — французский прогрессивный политический деятель и ученый-химик —**12:** 192

Шехтель Дарья Карловна — мать Ф. О. Шехтеля — **11:** 119

Шехтель Федор (Франц) Осипович (о нем см. т. 11, стр. *615*) — **11:** 68, 69, 72, 74, 91, 119, 120, 143, 162, *606*; **12:** 119, 120, 132, 133, 135, 210, 391, *578*, *627*

Шиллер Фридрих (1759—1805) — **11:** *656*; **12:** 296

«Дон-Карлос» —**11:** 366, *656*

«Коварство и любовь» —**12:** *567*

Шильдер Н. К.

«Александр I» — **12:** 157, 187, 200, 208, *583*

Шишкин Иван Иванович (1832—1898) — художник — **11:** 582
Шляф
«Мейстер Эльце» — **12:** 446, *641*
Шмидт — поручик, попутчик Чехова во время поездки его на о. Сахалин — **11:** 455, 456
Шолом-Алейхем (псевдоним Соломона Наумовича Рабиновича) (о нем см. т. 12, стр. *650*) — **12:** 493
Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ-идеалист — **11:** 218
Шпажинский Ипполит Васильевич (1844—1917) — драматург — **11:** 158, *621*
«Княгиня Куракина» — **11:** 158, *621*
Шперк (псевдоним: Апокриф) Федор Эдуардович — **12:** 152
«Из литературного дневника» — **12:** *582*
Шремпф — таганрогский гимназический врач — **11:** 133
Штакельберг — знакомый Л. С. Мизиновой — **11:** 557
Штраух Максим Августович — московский врач-гинеколог — **12:** 447, 448, 451, 532
Шубинский Николай Петрович — присяжный поверенный, муж М. Н. Ермоловой — **11:** 531; **12:** 75
Chirol (Широль) — переводчик — **12:** 527, *657*
Щепкина - Куперник Татьяна Львовна (о ней см. т. 12, стр. *560*) — **12:** 57, 59, 65, 210, 212, 221, 222, 243, 338, *556*, *558*, *565*, *594*, *595*, *599*
«Вечность в мгновении» — **12:** 221, *595*
«Монастырь»—см. «На кладбище»
«На кладбище»—**12:** 243, *599*
«Одиночество» — **12:** 59
«Старшие» — **12:** *561*
«Счастье» — **12:** 57
Щербак Алексей Викторович (1848—1894) — врач Добровольного флота, сопровождавший неоднократно партии ссыльных на Сахалин. Автор очерков о Сахалине — **11:** 469, 473, 474, 502, *674*
Щербаков Арсений — работник на даче Чехова в Ялте — **12:** 331, 345, 410, 478, 510, 513, 537
Щербина Н. Ф. (1821—1869) — поэт — **12:** 169
Щукин Сергей Николаевич (1873—1931) — священник аутской церкви в Ялте, учитель и литератор
«Глупости Ивана Ивановича» — **12:** 362, *622*
Щуровский Владимир Андреевич (1852 — ?) — московский врач-терапевт — **12:** 434

Эберле Варвара Аполлоновна — певица, знакомая Чеховых — **12:** 48, 49, 53, 55, 173, 183, 363, *587*
Эгмонт — см. Гете

Эдисон Томас (1847 — 1931) — **11:** 265

Эйнгорн (Чернов) Аркадий Яковлевич — оперный певец, одноклассник Чехова по таганрогской гимназии — **12:** 12

Эккерман Иоганн Петер (1792—1854) — немецкий писатель, личный секретарь Гете

«Разговоры Гете, собранные Эккерманом» — **11:** 478, *670*

«Экклезиаст» — см. Соломон — «Экклезиаст»

Эльпе — см. Попов Л. К.

Эльсниц (Oelsnitz) Александр Леонтьевич — врач, знакомый Чехова по Ницце — **12:** 280, *628*

Эмили — гувернантка детей Сувориных — **11:** 338; **12:** 58, 90, 102, 160

Эмиль Пуп — см. Сергеенко П. А.

Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893) — публицист — **11:** 520

Энгельгардт Николай Александрович (1866—?) — критик и публицист, сотрудник «Нового времени» — **12:** 156, *605*

«Эпоха» — журнал, начавший выходить в 1888 г. и после первого номера прекративший свое существование — **11:** 228, 273, 278, *642*

Эпштейн Вера Михайловна и Роза Михайловна — таганрогские знакомые братьев Чеховых — **11:** 7

Эрбер С. И. — художник-иллюстратор, сотрудник «Осколков» — **11:** 145, 147, *618*

Эрисман Федор Федорович (1842—1915) — русский ученый-гигиенист — **11:** 382; **12:** 43, *559*

«Вегетарианизм перед лицом современной науки» — **12:** 43, *559*

«Гигиенические беседы» — **12:** *570*

Эртель Александр Иванович (о нем см. т. 12, стр. *553*) — **12:** 19, 20, 145, 146, 242, *554*

«Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» — **12:** 20, *554*

«Духовидцы» — **12:** 43

Эстергази — майор французской армии, совершивший преступление, в котором был обвинен Дрейфус — **12:** 192, 205, *587*

Эттингер (Сутугин) О. Г. — журналист — **12:** 456

«Думы и мысли Ант. П. Чехова» — **12:** 456, *642*

Эфрос Евдокия Исааковна — см. Коновицер Е. И.

Эфрос Николай Ефимович (1867 — 1923) — журналист, театральный критик, редактор журнала «Семья» — **12:** 459, 461, 508, 512, 513, 518

«Вишневый сад» — **12:** *654*

Эчегарай Хозе — **11:** 296, *645*

«Великий Галеотто» — **11:** *645*

Южаков Сергей Николаевич (1849—1910) — публицист-на-

родник. Вел в журнале «Северный вестник» отдел «Политическая летопись» — **11:** 378, 383, *660*

«Южное обозрение» (1896—1906) — ежедневная одесская газета — **12:** 429

«Южный край» (1880—1917) — ежедневная харьковская газета — **11:** 101

Юзефович А. А.—редактор газеты «Южный край» — **11:** 328

Юрасов Николай Иванович—русский вице-консул в Ментоне — **12:** 167, 174, 280, 526

Юргенсон — ученик рисовальной школы Штиглица, сотрудник «Осколков» — **11:** 145, 147, *618*

«Юридическая летопись» (1880—1892) — петербургский ежемесячный журнал — **11:** 494

«Юридический вестник» (1867—1869, 1871—1892) — московский ежемесячный журнал — **11:** 494

Юрковский — см. Федоров Ф. А.

Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888) — литературный и театральный деятель. С 1888 года — председатель Общества русских драматических писателей и оперных композиторов — **11:** 305, 332, *651*

Юрьин Н.

«В надежде славы и добра»—**12:** 15, 552

Юст Е. М. — см. Шаврова Е. М.

Юхонцев — **11:** 442

Юшкевич Семен Соломонович (1868—1927) — писатель—**12:** 491

Сочинения, т. I — **12:** *649*

Юшкова Н. Н.— **12:** 283, *608*

Яворская Лидия Борисовна (1872—1921) — драматическая артистка — **12:** 61, 65, 76, 81, 82, 163, *584*

Яденька — см. Янова Н. С.

Ядринцев Н. М.

«Положение ссыльных в Сибири» — **12:** 128, *578*

Якоби Валериан Иоаннович (1834—1902) — художник, знакомый Чехова по Ницце — **12:** 165, 168, 170, 174, 180

«Дорогой гость» — **12:** 180

«Ледяной дом» — **12:** 180

Яков Алексеевич — см. Корнеев Я. А.

Яковенко Владимир Иванович (о нем см. т. 12, стр. *577*) — **12:** 49, 128, 129

«Письмо в редакцию» — **12:** 128, *577*

Яковлев Н.— см. Павловский И. Я.

Якубович — см. Мельшин П. Ф.

Якунчикова Мария Федоровна — владелица дачи в Наро-Фоминском, где Чехов жил летом 1903 года—**12:** 467, 512, *654*

«Ялтинская справочная газета» (1888—1893) — ежедневная газета — **11:** 361

«Ялтинский листок» — см. «Ялтинская справочная газета»

Янов Александр Степанович (1857—1918) — художник, товарищ Н. П. Чехова — **11**: 426

Янова Мария Степановна — сестра художника А. С. Янова, знакомая Чеховых — **11**: 96, 111, 139, 141

Янова Надежда Степановна — сестра А. С. Янова, знакомая Чеховых — **11**: 96, 97, 111, 141

Ярон (псевдоним: И. Старов) Иван Григорьевич (ум. в 1919 г.) — автор комедий и водевилей — **11**: 12, *595*

Ярон (псевдоним: Марк Волохов) Марк Григорьевич — сотрудник бульварной прессы — **11**: 12, *595*

Ярцев Григорий Федорович (1858 — 1918) — художник, ялтинский знакомый Чехова — **12**: 371

Ясинский (псевдоним: Максим Белинский) Иероним Иеронимович (1850—1931) — беллетрист и журналист.— **11**: 164, 182, 191, 193, 207, 412, 538, 539, 586, *626*, *681*, *686*; **12**: 15, 35, 118, *552*, *558*

«Не в Жорж-Зандии» — **12**: 15, *552*

«Пожар» — **11**: 182, *626*

«Преддверие литературы (Странички из воспоминаний)» — **12**: *552*

Яша — см. Меньшиков Я. М.

Яшенька — см. Янова М. С.

Яшеньки — см. Янова М. С. и Янова Н. С.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

Авиловой Л. А.— **11**: 266, 270, 274, 282; **12**: 345, 403, 405, 407, 411, 437, 443, 475, 478, 483, 493, 529, 532, 535, 539, 543, 545, 549, 799, 800

Алексееву (Станиславскому) К. С.— **12**: 633, 638, 682, 711, 737, 764, 784, 786, 788, 790

Алексеевой (Лилиной) М. П.—**12**: 686, 742, 774, 802

Алексееву (Найденову) С. А.—**12**: 770

Альбову М. Н.— **11**: 252, 254

Амфитеатрову А. В.— **12**: 694, 805

Андреевой А. А.— **12**: 744

Андреевой М. Ф.— **12**: 643

Андреевскому С. А.— **11**: 265

Аргутинскому - Долгорукову В. Н.— **12**: 422

Бальмонту К. Д.— **12**: 678, 704, 766

Баранцевичу К. С.— **11**: 98, 104, 118; **12**: 512

Батюшкову Ф. Д.— **12**: 420, 450, 453, 458, 605, 719, 728, 794

Белоусову И. А.— **11**: 63; **12**: 699, 749

Билибину В. В.— **11**: 31, 32; **12**: 340, 380

Больману Н. А.— **12**: 476

Бразу И. Э.— **12**: 413, 461

Бунину И. А.— **12**: 654, 681, 795

Быкову П. В.— **11**: 283

Васильевой О. Р.— **12**: 466

Ващук Р. Ф.— **12**: 409, 410

Веселитской (Микулич) Л. И.— **12**: 514

Веселовскому Александру Н.— **12**: 713

Веселовскому Алексею Н.— **12**: 792, 798

Вишневскому (Вишневецкому) А. Л.— **12**: 509, 577, 584, 625, 635, 642

Галкину-Враскому М. Н.— **11**: 193
Гиляровскому В. А.— **12**: 751
Гнедичу П. П.— **12**: 527
Гольцеву В. А.— **12**: 317, 322, 406, 449, 479, 566, 607, 674, 732, 768, 772, 775, 777
Горбунову-Посадову И. И.— **12**: 338, 486, 498, 750
Горькому М.— см. Пешкову (М. Горькому) А. М.
Гославскому Е. П.— **11**: 276; **12**: 552, 590, 727
Григоровичу Д. В.— **11**: 36, 54, 78, 87, 125
Гуревич Л. Я.— **12**: 301
Грюнбергу Ю. О.— **12**: 569, 582, 629

Дедлову — см. Кигну-Дедлову В. Л.
Дягилеву С. П.— **12**: 677, 724, 762

Евреиновой А. М.— **11**: 156, 175, 188
Егорову Е. П.— **11**: 261
Ежову Н. М.— **11**: 71, 194; **12**: 397, 432, 488, 542

Жиркевичу А. В.— **12**: 348, 353

Забавину Н. И.— **12**: 408
Зайцеву Б. К.— **12**: 653

Иорданову П. Ф.— **12**: 379, 394, 416, 439, 456, 465, 469, 470, 473, 475, 524, 553, 594, 687

Канаеву А. Н.— **11**: 7
Кигну-Дедлову В. Л.— **12**: 789, 797
Киселевой М. В.— **11**: 43, 44, 50, 56, 135, 237
Книппер О. Л.— **12**: 555, 559, 562, 564, 570, 572, 575, 576, 581, 583, 593, 598, 603, 621, 626—628, 630, 634, 636, 640, 641, 644, 647, 648, 655, 658, 672, 673, 679, 683, 685, 691, 700, 707, 716, 721, 722, 726, 729—731, 733, 735, 740, 743, 745, 752—754, 776, 779—783, 787, 801, 803, 804, 807
Ковалевскому М. М.— **12**: 455
Коммиссаржевской В. Ф.— **12**: 429, 519, 734
Кондакову Н. П.— **12**: 645, 649, 701
Кони А. Ф.— **11**: 231; **12**: 383
Коновицеру Е. З.— **12**: 510
Коробову Н. И.— **12**: 791
Короленко В. Г.— **11**: 69, 76, 107; **12**: 362, 538, 697, 702, 703, 763
Куприну А. И.— **12**: 718,738
Куркину П. И.— **12**: 596, 680, 720, 723, 813

Лаврову В. М.— **11**: 208; **12**: 305, 320, 464, 714
Лазаревскому Б. А.— **12**: 765, 806
Лазареву - Грузинскому А. С.— **11**: 84, 130, 187, 201; **12**: 793
Лейкину Н. А.— **11**: 4, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15—24, 27—29,

33, 35, 38, 42, 45, 46, 48, 49, 52, 53, 58, 60, 64, 65, 72, 106, 170, 174, 189, 217, 227, 287; **12**: 356, 357, 421, 430

Ленскому А. П.—**11**: 144, 204

Леонтьеву-Щеглову И. Л.— **11**: 75, 77, 81, 85, 89, 92, 105, 109, 114, 153, 161, 184, 205, 226, 229, 272, 295; **12**: 393, 521, 611, 796

Линтваревой Е. М.— **11**: 127, 134

Линтваревой Н. М.— **11**: 256, 280, 289; **12**: 423

Любимову Л. И.— **12**: 812

Манучарову Д. Л.— **12**: 363, 364

Марксу А. Ф.— **12**: 531, 534, 568, 689, 717, 811

Мейерхольду В. Э.— **12**: 580

Меньшикову М.О.— **11**: 294; **12**: 418, 499, 502, 554, 574, 608

Мерперту Я. С.— **12**: 497

Мизиновой Л. С.— **11**: 242, 277, 278, 286, 288, 290; **12**: 315, 316, 328, 331, 435, 442, 452, 484, 494, 523, 571, 609

Миролюбову В. С.— **12**: 669, 675, 693, 695, 725, 741, 748, 757

Московскому Художественному театру — **12**: 573

Немировичу-Данченко Вл.И.— **12**: 358, 384, 385, 472, 530, 587, 592, 709, 769, 771, 785

Орлову И. И.— **12**: 533, 541

Островскому И. И.— **12**: 306

Павловскому И. Я.— **12**: 382, 471, 492, 507, 522, 550

Петровскому А. И.— **12**: 623

Пешкову (М. Горькому) А. М.—**12**: 500, 506, 513, 518, 547, 548, 551, 556, 558, 561, 563, 588, 597, 612, 616, 619, 624, 631, 656, 661, 663, 664, 667, 670, 705, 706, 708, 710, 712

Плещееву А. Н.— **11**: 80, 82, 83, 86, 88, 94, 95, 99, 101, 103, 110—112, 119, 121, 123, 126, 132, 138, 140, 151, 159, 167, 172, 173, 176—178, 185, 195

Победимской М. Ф.— **12**: 736

Полонскому Я. П.— **11**: 79, 93, 97

Поповой А. Н.— **12**: 758

Поссе В. А.— **12**: 586, 595, 600, 614, 617, 618, 650, 659

Потапенко И. Н.— **12**: 366, 370, 451, 746

Пругавину А. С.— **12**: 613

Пятницкому К. П.— **12**: 810, 816

Рабиновичу (Шолом-Алейхему) С. Н.—**12**: 759

Ратгаузу Д. М.—**12**: 696

Репину И. Е.—**12**: 303

Розанову П. Г.—**11**: 26

Россолимо Г. И.—**12**: 578, 602, 688, 817

Санину (Шенбергу) А.А.— **12**: 601

Садовской О. О.— **12**: 666

Садовскому Б. А.—**12**: 809

Семенковичу Е. М.—12: 373
Сергеенко П. А.— 12: 511, 540, 756
Смагину А. И.— 11: 262
Смидовичу (Вересаеву) В. В.— 12: 755
Соболевскому В. М.— 12: 433, 438, 444, 446, 481, 537, 814
Средину Л. В.—12: 344, 425, 632, 668
Сувориной А. И.— 12: 377
Суворину А. С.— 11: 34, 47, 57, 100, 108, 116, 124, 128, 129, 131, 133, 136, 137, 139, 141—143, 145 — 147, 149, 154, 157, 158, 162—165, 168, 169, 180, 182, 183, 186, 190—192, 197, 199, 200, 202, 206, 207, 214, 222, 223, 225, 228, 232, 233, 238—240, 244—249, 253, 257, 259, 260, 263, 268, 271, 273, 279, 281, 284, 285, 291—293, 296—300; 12: 304, 307—309, 312—314, 319, 321, 323—327, 329, 330, 333, 336, 339, 342, 343, 346, 349, 350, 352, 354, 355, 359—361, 369, 372, 378, 387, 389, 392, 395, 396, 400, 401, 412, 414, 415, 417, 424, 428, 431, 434, 436, 441, 445, 447, 454, 460, 482, 489, 491, 496, 501, 516, 536, 546, 557, 560, 599, 604, 615, 620, 760, 761
Сулержицкому Л. А.—12: 767
Сумбатову (Южину) А.И.— 12: 474, 747

Тараховскому А. Б.—12: 589
Телешову Н. Д.—12: 684, 698, 715, 739
Терентьевой М. Ф.—12: 565
Тихомирову И. А.— 12: 637
Тихонову (Луговому) А.А.— 12: 365, 371
Тихонову В. А.—11: 152, 155, 171, 250, 258, 264, 267; 12: 515
Толстой Т. Л.—12: 381
Трефолеву Л. Н.—11: 102

Ундольскому П. В.— 12: 567
Урусову А. И.— 11: 269; 12: 526, 579

Федорову А. М.—12: 657, 671
Федорову-Юрковскому Ф. А.— 11: 150
Фоти К. Г.—11: 212

Хлопову Н. А.—11: 90
Хотяинцевой А. А.—12: 440, 459, 467

Чайковскому М. И.—11: 196, 203; 12: 318
Чайковскому П. И.—11: 179, 181
Червинскому Ф. А.—11: 243
Черткову В. Г.—12: 302
Чеховой Е. Я.—11: 220, 224; 12: 660
Чеховой М. П.—11: 59, 61, 113, 115, 209—211, 213, 215, 218, 219, 221, 230, 234, 236; 12: 332, 374, 375, 448, 468, 490, 505, 525, 544, 585, 662, 690, 808, 815, 818

Чеховой О. Г. и Чехову М. П.—12: 462
Чехову Ал. П.—11: 5, 9, 14, 30, 39, 41, 51, 62, 66—68, 70, 73, 74, 91, 120, 122, 148, 160, 166, 198, 216, 255, 275; 12: 311, 341, 427, 463, 480, 504, 528, 606
Чехову Г. М.—12: 404, 652
Чехову И. П.—11: 235; 12: 517, 520
Чехову М. Е.—11: 40
Чехову М. М.—11: 1, 2
Чехову М. П.—11: 3, 25, 96, 117; 12: 376, 386, 399, 462, 495, 591, 610, 646, 651, 676
Чехову Н. П.—11: 37
Чирикову Е. И.—12: 778

Чле́нову М. А.—12: 639, 665, 692, 773

Шавровой Е. М.—11: 241, 251; 12: 335, 347, 351, 367, 368, 388, 391, 426, 457, 503
Шехтель Ф. О.—11: 55; 12: 390, 402, 457

Щепкиной-Куперник Т. Л.—12: 334, 337, 477, 487, 508

Эртелю А. И.—12: 310, 419

Южину — см. Сумбатову А. И.

Яковенко В. И.—12: 398
Якубовичу (Мельшину) П. Ф.— 12: 622

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА

(в томах 1—10)

Агафья (1886) — **4**: 48, *534*

Актерская гибель (1886)— **3**: 460, *540*

Альбом (1884) — **2**: 231, *568*

Анна на шее (1895) — **8**: 12, *506*

Антрепренер под диваном. *Закулисная история* (1885) — **3**: 384, *531*

Анюта (1886) — **3**: 477, *542*

Аптекарша (1886) — **4**: 220, *546*

Ариадна (1895) — **8**: 60, *512*

Архиерей (1902) — **8**: 450, *559*

Бабы (1891) — **6**: 365, *523*

Бабье царство (1894) — **7**: 322, *537*

Баран и барышня. *Эпизодик из жизни «Милостивых государей»* (1883) — **1**: 475, *574*

Барон (1882) — **1**: 406, *568*

Барыня (1882) — **1**: 289, *565*

Беглец (1887) — **5**: 370, *523*

Беда (1886) — **4**: 473, *566*

Беда (1887) — **5**: 429, *528*

Без заглавия (1888) — **6**: 5, *491*

Беззаконие (1887) — **5**: 267, *515*

Беззащитное существо (1887) — **5**: 92, *498*

Без места (1885) — **3**: 328, *527*

Безнадежный. *Эскиз* (1885)— **3**: 53, *493*

Белолобый (1895) — **8**: 25, *508*

Бенефис соловья. *Рецензия* (1883) — **1**: 542, *579*

Беседа пьяного с трезвым чертом (1886) — **3**: 457, *540*

Беспокойный гость (1886) — **4**: 252, *549*

Благодарный. *Психологический этюд* (1883) — **1**: 468, *574*

Брак по расчету. *Роман в двух частях* (1884) — **2**: 312, *578*

Брак через 10—15 лет (1885) — **3**: 333, *527*

Братец (1883) — **1**: 497, *575*

Брожение умов. *Из летописи одного города* (1884) — **2**: 241, *569*

Бумажник (1885) —**3**: 90, *498*

В аптеке (1885) — **3**: 154,*505*

В бане (1885) — **3**: 29, *490*

В вагоне (1881) — **1**: 61, *560*

В вагоне. *Разговорная перестрелка* (1885) — **3**: 185, *509*

В ландо (1883) — **2**: 62, *553*

В море. *Рассказ матроса* (1883) — **2**: 92, *557*

В Москве (1891) — **10**: 427, *615*

В Москве на Трубной площади (1883) — **2**: 100, *559*

В наш практический век, когда, и т. д. (1883) — **1**: 486, *575*

В номерах (1885) — **3**: 70, *496*

В овраге (1900) — **8**: 411, *553*

В пансионе (1886) — **4**: 176, *544*

В Париж! (1886) — **4**: 71, *537*

В потемках (1886) — **4**: 327, *554*

В почтовом отделении (1883) — **2**: 88, *557*

В приюте для неизлечимо больных и престарелых (1884) — **2**: 302, *577*

В родном углу (1897) — **8**: 240, *531*

В рождественскую ночь (1883) — **2**: 146, *562*

В сарае (1887) — **5**: 312, *519*

В ссылке (1892) — **7**: 88, *519*

В суде (1886) — **4**: 370, *558*

В усадьбе (1894) — **7**: 404, *540*

В цирульне (1883) — **1**: 458, *573*

Ванька (1884) — **2**: 173, *563*

Ванька (1886) — **4**: 501, *568*

Вверх по лестнице (1885) — **3**: 118, *502*

Ведьма (1886) — **4**: 15, *532*

Верба (1883) — **1**: 514, *577*

Верочка (1887) — **5**: 72, *496*

Весной (1886) — **4**: 77, *537*

Весь в дедушку (1883) — **2**: 21, *546*

Винт (1884) — **2**: 285, *573*

Вишневый сад. *Комедия в четырех действиях* (1903—1904)— **9**: 607, *701*

Водевиль (1884)—**2**: 245, *570*

Волк (1886) — **4**: 63, *536*

Володя (1887) — **5**: 210, *509*

Володя большой и Володя маленький (1893) — **7**: 275, *535*

Вор (1883) — **1**: 518, *577*

Ворона (1885) — **3**: 93, *499*

Воры (1890) — **6**: 334, *521*

Восклицательный знак. *Святочный рассказ* (1885) — **3**: 394, *532*

Враги (1887) — **5**: 31, *494*

Встреча (1887) — **5**: 126, *500*

Выигрышный билет (1887)— **5**: 114, *499*

Герой-барыня (1883) — **2**: 9, *545*

Глупый француз (1886) — **3**: 473, *542*

Говорить или молчать. *Сказка* (1884) — **2**: 224, *567*

Гордый человек. *Рассказ* (1884) — **2**: 226, *568*

Горе (1885) — **3**: 343, *528*

Господа обыватели. *Пьеса в двух действиях* (1884) — **2**: 317, *578*

Гость. *Сценка* (1885) — **3**: 194, *510*

Грешник из Толедо. *Перевод с испанского* (1881) — **1**: 86, *561*

Гриша (1886) — **4**: 107, *540*

Гусев (1890) — **6**: 351, *522*

Дама с собачкой (1899) — **8**: 389, *549*

Дамы (1886) — **4**: 130, *541*

Дачники (1885) — **3**: 111, *502*

Дачница (1884) — **2**: 236, *569*

Два газетчика. *Неправдоподобный рассказ* (1885) — **3**: 263, *520*

Двадцать девятое июня. *Рассказ охотника, никогда в цель не попадающего* (1882) — **1**: 258, *564*

Два письма (1884) — **2**: 201, *566*

Два скандала (1882) — **1**: 392, *567*

Двое в одном (1883) — **1**: 437, *571*

Делец (1885) — **3**: 208, *511*

День за городом. *Сценка* (1886) — **4**: 169, *544*

Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало (1883) — **2**: 5, *545*

Детвора (1886) — **3**: 427, *536*

Дипломат. *Сценка* (1885) — **3**: 73, *496*

Длинный язык (1886) — **4**: 347, *555*

Дневники (1890—1903) — **10**: 563, *629*

Добродетельный кабатчик. *Плач оскудевшего* (1883) — **2**: 43, *551*

Добрый знакомый (1882) — **1**: 413, *568*

Добрый немец (1887) — **5**: 45, *494*

Доктор (1887) — **5**: 330, *520*

Дома (1887) — **5**: 104, *499*

Дом с мезонином. *Рассказ художника* (1896) — **8**: 86, *515*

[Донесение] (1885) — **3**: 52, *493*

Дорогая собака (1885) — **3**: 310, *525*

Дорогие уроки (1887) — **5**: 417, *527*

Дочь Альбиона (1883) — **2**: 46, *552*

Дочь коммерции советника. *Роман* (1883) — **2**: 80, *556*

Драма (1887) — **5**: 240, *513*

Драма на охоте. *Истинное происшествие* (1884) — **2**: 354, *584*

Драматург (1886) — **4**: 466, *565*

Дура, или Капитан в отставке. *Сценка из несуществую-*

щего водевиля (1883) — **2**: 59, *553*

Дурак. *Рассказ холостяка* (1883) — **1**: 491, *575*

Душечка (1899) — **8**: 346, *544*

Дуэль (1891) — **6**: 379, *524*

Дядя Ваня. *Сцены из деревенской жизни в четырех действиях* (1890) — **9**: 482, *688*

Егерь (1885) — **3**: 174, *507*

Единственное средство. *A propos процесса Петерб. общества взаимного кредита* (1883) — **1**: 444, *572*

Елка (1884) — **2**: 347, *583*

Жалобная книга (1884) — **2**: 199, *566*

Жена (1892) — **7**: 5, *513*

Жених и папенька. *Нечто современное. Сценка* (1885) — **3**: 188, *510*

Женское счастье (1885) — **3**: 233, *514*

Женщина без предрассудков. *Роман* (1883) — **1**: 462, *573*

Жены артистов. *Перевод... с португальского* (1881) — **1**: 72, *560*

Живая хронология (1885) — **3**: 21, *489*

Живой товар. *Посвящается Ф. Ф. Попудогло* (1882) — **1**: 311, *565*

Жизнь в вопросах и восклицаниях (1882) — **1**: 97, *561*

Жизнь прекрасна! *Покушающимся на самоубийство* (1885) — **3**: 60, *494*

Жилец (1886) — **4**: 413, *561*

Житейская мелочь (1886) — **4**: 351, *556*

Житейские невзгоды (1887) — **5**: 146, *503*

За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь (1880) — **1**: 10, *556*

За яблочки (1880) — **1**: 31, *559*

Заблудшие (1885) — **3**: 169, *507*

Забыл!! (1882) — **1**: 92, *561*

Загадочная натура (1883) — **1**: 502, *576*

Задача (1887) — **5**: 378, *523*

Заказ (1886) — **4**: 477, *566*

Закуска. *Приятное воспоминание* (1883) — **1**: 528, *578*

Записные книжки (1891—1904) — **10**: 437, *616*

Затмение луны. *Из провинциальной жизни* (1884) — **2**: 289, *574*

Зеленая Коса. *Маленький роман* (1882) — **1**: 107, *562*

Зеркало (1885) — **3**: 399, *533*

Зиночка (1887) — **5**: 323, *520*

Злой мальчик (1883) — **2**: 34, *550*

Злоумышленник (1885) — **3**: 180, *508*

Злоумышленники. *Рассказ очевидцев* (1887) — **5**: 318, *520*

Знакомый мужчина (1886) — **4**: 141, *542*

Знамение времени (1883) — **2**: 87, *557*

И прекрасное должно иметь пределы (1884) — **2**: 309, *578*

Иван Матвеич (1886) — **4**: 9, *531*

Иванов. *Драма в четырех действиях* (1887—1889) — **9**: 216, *668*

Идиллия — увы и ах! (1882) — **1**: 403, *568*

Из воспоминаний идеалиста (1885) — **3**: 139, *504*

Из дневника одной девицы (1883) — **2**: 90, *557*

Из дневника помощника бухгалтера (1883) — **2**: 18, *546*

Из записной книжки старого педагога (1892) — **7**: 98, *521*

Из записок вспыльчивого человека (1887) — **5**: 272, *515*

Из огня да в полымя (1884)— **2**: 274, *573*

Из Сибири (1890)—**10**: 7, *577*

Именины (1888) — **6**: 183, *503*

Индейский петух. *Маленькое недоразумение* (1885) — **3**: 277, *522*

Интеллигентное бревно. *Сценка* (1885) — **3**: 133, *503*

Интриги (1887) —**5**: 386, *524*

Ионыч (1898) — **8**: 315, *540*

Исповедь (1883) — **1**: 440, *571*

Исповедь, или Оля, Женя, Зоя. *Письмо* (1882) — **1**: 100, *561*

История одного торгового предприятия (1892) — **7**: 84, *519*

К свадебному сезону. *Из записной книжки комиссионера* (1885) —**3**: 251, *516*

Казак (1887) — **5**: 161, *505*

Калхас (1886) — **4**: 424, *562*

Каникулярные работы институтки Наденьки N. (1880) — **1**: 17, *557*

Канитель (1885) — **3**: 57, *494*

Капитанский мундир (1885)— **3**: 9, *487*

Каштанка. *Рассказ* (1887) — **5**: 463, *530*

Клевета (1883) — **2**: 104, *559*

Княгиня (1889) — **6**: 258, *515*

Кое-что об А. С. Даргомыжском (1885) — **3**: 88, *498*

Комик (1884) — **2**: 167, *563*

Контрабас и флейта. *Сценка* (1885) — **3**: 293, *524*

Конь и трепетная лань (1885) — **3**: 203, *511*

Корреспондент (1882) — **1**: 128, *562*

Кот (1883) — **1**: 538, *578*

Который из трех. *Старая, но вечно новая история* (1882) — **1**: 266, *565*

Кошмар (1886) — **4**: 86, *538*

Красавицы (1888) — **6**: 174, *502*

Крест (1883) — **1**: 467, *574*

Кривое зеркало. *Святочный рассказ* (1883) — **1**: 428, *569*

Критик (1887) — **5**: 184, *507*

Крыжовник (1898) — **8**: 294, *537*

Кто виноват? (1886) — **4**: 496, *568*

Кулачье гнездо (1885) — **3**: 78, *496*

Кухарка женится (1885) — **3**: 237, *515*

Лебединая песня. *Драматический этюд в одном действии*

Ревнитель (1883) — **1**: 473, *574*

Репетитор (1884) — **2**: 176, *564*

Репка. *Перевод с детского* (1883) — **1**: 481, *574*

Речь и ремешок (1884) — **2**: 321, *579*

Розовый чулок (1886) — **4**: 291, *551*

Роман с контрабасом (1886) — **4**: 207, *545*

Руководство для желающих жениться. *Секретно* (1885) — **3**: 299, *524*

Русский уголь. *Правдивая история* (1884) — **2**: 253, *571*

Рыбье дело. *Густой трактат по жидкому вопросу* (1885) — **3**: 114, *502*

Рыбья любовь (1892) — **7**: 100, *521*

Рыцари без страха и упрека (1883) — **1**: 511, *576*

Ряженые (1883) — **1**: 431, *570*

Ряженые (1886) — **10**: 403, *614*

С женой поссорился. *Случай* (1884) — **2**: 239, *569*

Самообольщение. *Сказка* (1884) — **2**: 234, *569*

Сапоги (1885) — **3**: 100, *500*

Сапожник и нечистая сила (1888) — **6**: 242, *512*

Сборник для детей (1883) — **2**: 120, *560*

Свадьба (1887) — **5**: 363, *522*

Свадьба. *Сцена в одном действии* (1889—1890) — **9**: 321, *677*

Свадьба с генералом. *Рассказ* (1884) — **2**: 329, *580*

Светлая личность. *Рассказ «идеалиста»* (1886) — **4**: 343, *555*

«Свидание хотя и состоялось, но...» (1882) — **1**: 122, *562*

Свирель (1887) — **5**: 342, *521*

Свистуны (1885) — **3**: 214, *512*

Святая простота. *Рассказ* (1885) — **3**: 362, *529*

Святою ночью (1886) — **4**: 118, *540*

Сельские эскулапы (1882) — **1**: 146, *563*

75 000 (1884) — **2**: 162, *563*

Серьезный шаг (1886) — **4**: 233, *547*

Сильные ощущения (1886) — **4**: 135, *541*

Симулянты (1885) — **3**: 144, *504*

Сирена (1887) — **5**: 336, *520*

Скверная история. *Нечто романообразное* (1882) — **1**: 248, *564*

Скорая помощь (1887) — **5**: 253, *514*

Скрипка Ротшильда (1894) — **7**: 364, *539*

Скука жизни (1886) — **4**: 192, *545*

Скучная история. *Из записок старого человека* (1889) — **6**: 271, *516*

Следователь (1887) — **5**: 197, *508*

Слова, слова и слова (1883) — **1**: 525, *578*

Служебные пометки (1885) — **3**: 24, *489*

Случаи «mania grandiosa»

Вниманию газеты «Врач» (1883) — 1: 447, *572*
Случай из практики (1898) — 8: 334, *543*
Случай из судебной практики (1883) — 1: 499, *576*
Случай с классиком (1883) — 1: 534, *578*
Смерть чиновника (1883) — 2: 28, *550*
Событие (1886) — 4: 460, *565*
Совет (1883) — 1: 471, *574*
Сон. *Святочный рассказ* (1885) — 3: 388, *531*
Сон репортера (1884) — 2: 189, *565*
Сонная одурь (1885) — 3: 281, *522*
Соседи (1892) — 7: 103, *522*
Средство от запоя (1885) — 3: 286, *523*
Спать хочется (1888) — 6: 10, *492*
Справка (1883) — 2: 53, *552*
Староста. *Сценка* (1885) — 3: 223, *513*
Старость (1885) — 3: 337, *527*
Старый дом. *Рассказ домовладельца* (1887) — 5: 391, *525*
Статистика (1886) — 4: 382, *559*
Стена (1885) — 3: 243, *515*
Степь. *История одной поездки* (1888) — 6: 16, *493*
Страдальцы (1886) — 4: 295, *551*
Стража под стражей. *Сценка* (1885) — 3: 120, *503*
Страх. *Рассказ моего приятеля* (1892) — 7: 181, *528*
Страхи (1886) — 4: 213, *545*
Страшная ночь (1884) — 2: 340, *581*
Студент (1894) — 7: 375, *539*
Суд (1881) — 1: 67, *560*
Супруга (1895) — 8: 5, *505*
Сущая правда (1883) — 2: 31, *550*
Счастливчик (1886) — 4: 145, *543*
Счастье (*Посвящается Я. П. Полонскому*) (1887) — 5: 224, *511*

Тайна (1887) — 5: 156, *504*
Тайный советник (1886) — 4: 151, *543*
Талант (1886) — 4: 309, *552*
Тапер (1885) — 3: 317, *526*
Темнота (1887) — 5: 49, *494*
Темною ночью (1883) — 1: 449, *572*
Темпераменты. *По последним выводам науки* (1881) — 1: 57, *559*
Теща-адвокат (1883) — 1: 531, *578*
Тина (1886) — 4: 394, *560*
Тиф (1887) — 5: 139, *502*
То была она! (1886) — 4: 523, *570*
Толстый и тонкий (1883) — 2: 72, *554*
Торжество победителя. *Рассказ отставного коллежского регистратора* (1883) — 1: 482, *574*
Тоска (1886) — 3: 437, *537*
Трагик (1883) — 2: 75, *555*
Трагик поневоле. (*Из дачной*

жизни.) Шутка в одном действии (1889—1890) — **9**: 315, *676*
Три года (1895) — **7**: 419, *542*
Три сестры. *Драма в четырех действиях* (1901) — **9**: 533, *693*
Трифон (1884) — **2**: 215, *567*
Тряпка. *Сценка* (1885) — **3**: 354, *529*
Тссс!.. (1886) — **4**: 430, *562*
Ты и вы. *Сценка* (1886) — **4**: 266, *549*
Тысяча одна страсть, или Страшная ночь. *Роман в одной части с эпилогом. Посвящаю Виктору Гюго* (1880) — **1**: 27, *558*
Тяжелые люди (1886) — **4**: 357, *556*

У знакомых. *Рассказ* (1898) — **8**: 261, *533*
У постели больного (1884) — **2**: 323, *580*
У предводительши (1885) — **3**: 16, *488*
Убийство (1895) — **8**: 31, *509*
Удав и кролик (1887) — **5**: 179, *507*
Умный дворник (1883) — **1**: 488, *575*
Унтер Пришибеев (1885) — **3**: 258, *517*
Упразднили! (1885) — **3**: 82, *496*
Устрицы (1884) — **2**: 324, *580*
Утопленник. *Сценка* (1885) — **3**: 210, *511*
Учитель (1886) — **4**: 244, *548*
Учитель словесности (1894) — **7**: 379, *539*
Ушла (1883) — **1**: 454, *572*

Финтифлюшки (1885) — **3**: 98, *500*
Фокусники (1891) — **10**: 415, *615*

Хамелеон (1884) — **2**: 268, *572*
Хирургия (1884) — **2**: 258, *571*
Хитрец (1883) — **1**: 505, *576*
Холодная кровь (1887) — **5**: 398, *525*
Хористка (1886) — **4**: 238, *547*
Хорошие люди (1886) — **4**: 449, *564*
Хороший конец (1887) — **5**: 307, *519*
Художество (1886) — **3**: 407, *534*

Цветы запоздалые. *Посвящается Н. И. Коробову* (1882) — **1**: 346, *566*
Циник (1885) — **3**: 373, *530*

Чайка. *Комедия в четырех действиях* (1896) — **9**: 426, *681*
Человек в футляре (1898) — **8**: 280, *535*
Черный монах (1894) — **7**: 288, *536*
Чтение. *Рассказ старого воробья* (1884) — **2**: 211, *567*
Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.? (1880) — **1**: 8, *556*
Чужая беда (1886) — **4**: 260, *549*

Шампанское. *Рассказ проходимца* (1887) — **5**: 11, *491*

Шведская спичка. *Уголовный рассказ* (1883) — **2**: 125, *561*

Шило в мешке (1885) — **3**: 368, *530*

Шуточка (1886) — **4**: 43, *534*

Экзамен на чин (1884) — **2**: 249, *570*

Юбилей. *Шутка в одном действии* (1891) — **9**: 411, *680*

Юбилей (1886) — **4**: 489, *567*

Язык до Киева доведет (1884) — **2**: 294, *575*

Ярмарка (1882) — **1**: 282, *565*

Ярмарочное «итого» (1884) — **2**: 272, *573*

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА *)

Том	*Стр.*	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
1	149	2 св.	палкус	палку с
1	196	6 сн.	тепершней	теперешней
1	466	1 сн.	Лицо	Лица
1	554	1 сн.	прижизненными	прижизненным
2	376	18 сн.	приведение	привидение
3	471	11 св.	Чечевицы	Чечевица
4	180	1 сн.	fler	fleur
4	181	2 сн.	randez	rendez
4	571	2 св.	1886	1887
5	344	3 сн.	из год в год	из года в год
6	31	2 св.	Нужо	Нужно
6	352	вклейка	Аспит	Апсит
7	549	5 сн.	405	404
8	156	18 св.	с полу	в полу
8	438	16 сн.	зарыдала.	зарыдала. —
9	326	1 сн.	chere	chère
9	383	1 сн.	do mestique	domestique
9	397	15 св.	счастье	о счастье
9	491	20 св.	нагнуть	нагнуться
9	688	8 св.	1889	1899
11	579	2—3 св.	ничего и, пожалуй,	ничего подобного не было в литературе в этом роде по тону и, пожалуй,

* Указанные опечатки в бо́льшей части тиража каждого тома исправлены.

СОДЕРЖАНИЕ

1893

301. Л. Я. Гуревич. *9 января* 5
302. В. Г. Черткову. *20 января* 6
303. И. Е. Репину. *23 января* 8
304. А. С. Суворину. *5 февраля* 9
305. В. М. Лаврову. *9 февраля* 11
306. И. И. Островскому. *11 февраля* 12
307. А. С. Суворину. *13 февраля* 13
308. А. С. Суворину. *24 февраля* 15
309. А. С. Суворину. *4 марта* 18
310. А. И. Эртелю. *11 марта* 20
311. Ал. П. Чехову. *4 апреля* 20
312. А. С. Суворину. *26 апреля* 22
313. А. С. Суворину. *28 июля* 25
314. А. С. Суворину. *7 августа* 28
315. Л. С. Мизиновой. *13 августа* 30
316. Л. С. Мизиновой. *1 сентября* 31
317. В. А. Гольцеву. *24 октября* 32
318. М. И. Чайковскому. *27 октября* 33
319. А. С. Суворину. *11 ноября* 33
320. В. М. Лаврову. *13 ноября* 35
321. А. С. Суворину. *18 декабря* 36
322. В. А. Гольцеву. *28 декабря* 38

1894

323. А. С. Суворину. *2 января* 39
324. А. С. Суворину. *10 января* 41
325. А. С. Суворину. *25 января* 42
326. А. С. Суворину. *16 февраля* 43
327. А. С. Суворину. *27 марта* 45
328. Л. С. Мизиновой. *27 марта* 47
329. А. С. Суворину. *9 мая* 49
330. А. С. Суворину. *15 августа* 50
331. Л. С. Мизиновой. *18 сентября* 53
332. М. П. Чеховой. *22 сентября* 54
333. А. С. Суворину. *27 ноября* 55
334. Т. Л. Щепкиной-Куперник. *28 ноября* . . . 57
335. Е. М. Шавровой. *4 декабря* 57
336. А. С. Суворину. *12 декабря* 58
337. Т. Л. Щепкиной-Куперник. *24 декабря* . . . 59
338. И. И. Горбунову-Посадову. *31 декабря* . . . 59

1895

339. А. С. Суворину. *10 января* 60
340. В. В. Билибину. *18 января* 61
341. Ал. П. Чехову. *19 января* 62
342. А. С. Суворину. *19 января* 64
343. А. С. Суворину. *21 января* 65
344. Л. В. Средину. *14 февраля* 67
345. Л. А. Авиловой. *15 февраля* 67
346. А. С. Суворину. *25 февраля* 68
347. Е. М. Шавровой. *28 февраля* 70
348. А. В. Жиркевичу. *10 марта* 72
349. А. С. Суворину. *16 марта* 73
350. А. С. Суворину. *23 марта* 74
351. Е. М. Шавровой. *25 марта* 76
352. А. С. Суворину. *30 марта* 76
353. А. В. Жиркевичу. *2 апреля* 78
354. А. С. Суворину. *13 апреля* 80
355. А. С. Суворину. *18 апреля* 82
356. Н. А. Лейкину. *5 июля* 83
357. Н. А. Лейкину. *29 августа* 84

358. Вл. И. Немировичу-Данченко. *6 октября* . . 86
359. А. С. Суворину. *21 октября* 86
360. А. С. Суворину. *26 октября* 88
361. А. С. Суворину. *21 ноября* 90

1896

362. В. Г. Короленко. *19 февраля* 91
363. Д. Л. Манучарову. *5 марта* 92
364. Д. Л. Манучарову. *21 марта* 93
365. А. А. Тихонову (Луговому). *29 марта* . . . 94
366. И. Н. Потапенко. *8 апреля* 95
367. Е. М. Шавровой. *18 или 19 апреля* 95
368. Е. М. Шавровой. *28 апреля* 96
369. А. С. Суворину. *20 июня* 97
370. И. Н. Потапенко. *11 августа* 99
371. А. А. Тихонову (Луговому). *13 сентября* . . 100
372. А. С. Суворину. *23 сентября* 101
373. Е. М. Семенкович. *29 сентября* 102
374. М. П. Чеховой. *12 октября* 103
375. М. П. Чеховой. *18 октября* 104
376. М. П. Чехову. *18 октября* 104
377. А. И. Сувориной. *19 октября* 104
378. А. С. Суворину. *22 октября* 105
379. П. Ф. Иорданову. *23 октября* 107
380. В. В. Билибину. *1 ноября* 108
381. Т. Л. Толстой. *9 ноября* 109
382. И. Я. Павловскому. *9 ноября* 110
383. А. Ф. Кони. *11 ноября* 111
384. Вл. И. Немировичу-Данченко. *20 ноября* . . 112
385. Вл. И. Немировичу-Данченко. *26 ноября* . . 113
386. М. П. Чехову. *27 ноября* 115
387. А. С. Суворину. *2 декабря* 115
388. Е. М. Шавровой. *2 декабря* 117
389. А. С. Суворину. *14 декабря* 118
390. Ф. О. Шехтелю. *18 декабря* 119

1897

391. Е. М. Шавровой. *1 января* 120
392. А. С. Суворину. *4 января* 121

393. И. Л. Леонтьеву-Щеглову. *5 января* 122
394. П. Ф. Иорданову. *6 января* 123
395. А. С. Суворину. *11 января* 124
396. А. С. Суворину. *17 января* 126
397. Н. М. Ежову. *23 января* 127
398. В. И. Яковенко. *30 января* 128
399. М. П. Чехову. *4 февраля* 129
400. А. С. Суворину. *8 февраля* 129
401. А. С. Суворину. *1 марта* 131
402. Ф. О. Шехтелю. *7 марта* 132
403. Л. А. Авиловой. *18 марта* 133
404. Г. М. Чехову. *18 марта* 134
405. Л. А. Авиловой. *22 марта* 135
406. В. А. Гольцеву. *23 марта* 135
407. Л. А. Авиловой. *24 марта* 136
408. Н. И. Забавину. *27 марта* 136
409. Р. Ф. Ващук. *27 марта* 137
410. Р. Ф. Ващук. *28 марта* 138
411. Л. А. Авиловой. *28 марта* 138
412. А. С. Суворину. *1 апреля* 139
413. И. Э. Бразу. *4 апреля* 140
414. А. С. Суворину. *4 апреля* 141
415. А. С. Суворину. *7 апреля* 142
416. П. Ф. Иорданову. *15 апреля* 142
417. А. С. Суворину. *15 апреля* 143
418. М. О. Меньшикову. *16 апреля* 144
419. А. И. Эртелю. *17 апреля* 145
420. Ф. Д. Батюшкову. *21 апреля* 147
421. Н. А. Лейкину. *24 апреля* 148
422. В. Н. Аргутинскому-Долгорукову. *28 апреля* 149
423. Н. М. Линтваревой. *1 мая* 150
424. А. С. Суворину. *2 мая* 151
425. Л. В. Средину. *2 мая* 152
426. Е. М. Шавровой. *17 мая* 154
427. Ал. П. Чехову. *20 мая* 155
428. А. С. Суворину. *20 мая* 156
429. В. Ф. Коммиссаржевской. *20 мая* 157
430. Н. А. Лейкину. *21 мая* 158
431. А. С. Суворину. *21 июня* 159
432. Н. М. Ежову. *21 июня* 160
433. В. М. Соболевскому. *24 июня* 161

434. А. С. Суворину. *12 июля* 162
435. Л. С. Мизиновой. *18 сентября* 163
436. А. С. Суворину. *1 октября* 165
437. Л. А. Авиловой. *6 октября* 166
438. В. М. Соболевскому. *17 октября* 167
439. П. Ф. Иорданову. *31 октября* 168
440. А. А. Хотяинцевой. *31 октября* 169
441. А. С. Суворину. *1 ноября* 171
442. Л. С. Мизиновой. *2 ноября* 172
443. Л. А. Авиловой. *3 ноября* 173
444. В. М. Соболевскому. *20 ноября* 174
445. А. С. Суворину. *24 ноября* 175
446. В. М. Соболевскому. *4 декабря* 176
447. А. С. Суворину. *14 декабря* 177
448. М. П. Чеховой. *14 декабря* 179
449. В. А. Гольцеву. *15 декабря* 180
450. Ф. Д. Батюшкову. *15 декабря* 181
451. И. Н. Потапенко. *18 декабря* 182
452. Л. С. Мизиновой. *27 декабря* 183

1898

453. Ф. Д. Батюшкову. *3 января* 184
454. А. С. Суворину. *4 января* 185
455. М. М. Ковалевскому. *8/20 января* 186
456. П. Ф. Иорданову. *9 января* 187
457. Е. М. Шавровой. *19 января* 188
458. Ф. Д. Батюшкову. *23 января* 189
459. А. А. Хотяинцевой. *2 февраля* 190
460. А. С. Суворину. *6 февраля* 191
461. И. Э. Бразу. *8 февраля* 194
462. О. Г. Чеховой и М. П. Чехову. *22 февраля* . 195
463. Ал. П. Чехову. *23 февраля* 197
464. В. М. Лаврову. *25 февраля* 198
465. П. Ф. Иорданову. *9 марта* 199
466. О. Р. Васильевой. *20 марта* 201
467. А. А. Хотяинцевой. *23 марта* 201
468. М. П. Чеховой. *28 марта* 202
469. П. Ф. Иорданову. *16 апреля* 203
470. П. Ф. Иорданову. *21 апреля* 205

471. И. Я. Павловскому. *28 апреля/10 мая* 206
472. Вл. И. Немировичу-Данченко. *21 мая* . . . 207
473. П. Ф. Иорданову. *25 июня* 207
474. А. И. Сумбатову (Южину). *6 июля* 209
475. Л. А. Авиловой. *10 июля* 211
476. Н. А. Больману. *14 июля* 212
477. Т. Л. Щепкиной-Куперник. *22 июля* 212
478. Л. А. Авиловой. *Между 23 и 27 июля* 213
479. В. А. Гольцеву. *28 июля* 213
480. Ал. П. Чехову. *30 июля* 214
481. В. М. Соболевскому. *8 августа* 215
482. А. С. Суворину. *24 августа* 215
483. Л. А. Авиловой. *30 августа* 217
484. Л. С. Мизиновой. *21 сентября* 218
485. П. Ф. Иорданову. *21 сентября* 219
486. И. И. Горбунову-Посадову. *24 сентября* . . 220
487. Т. Л. Щепкиной-Куперник. *1 октября* . . . 221
488. Н. М. Ежову. *2 октября* 222
489. А. С. Суворину. *8 октября* 223
490. М. П. Чеховой. *14 октября* 224
491. А. С. Суворину. *17 октября* 225
492. И. Я. Павловскому. *20 октября* 226
493. Л. А. Авиловой. *21 октября* 227
494. Л. С. Мизиновой. *24 октября* 228
495. М. П. Чехову. *26 октября* 229
496. А. С. Суворину. *27 октября* 231
497. Я. С. Мерперту. *29 октября* 233
498. И. И. Горбунову-Посадову. *9 ноября* . . . 233
499. М. О. Меньшикову. *15 ноября* 234
500. А. М. Пешкову (Максиму Горькому). *16 ноября* 235
501. А. С. Суворину. *16 ноября* 236
502. М. О. Меньшикову. *26 ноября* 237
503. Е. М. Шавровой. *28 ноября* 238
504. Ал. П. Чехову. *28 ноября* 239
505. М. П. Чеховой. *2 декабря* 240
506. А. М. Пешкову (М. Горькому). *3 декабря* . . 241
507. И. Я. Павловскому. *3 декабря* 242
508. Т. Л. Щепкиной-Куперник. *26 декабря* . . . 243
509. А. Л. Вишневскому. *26 декабря* 244
510. Е. З. Коновицеру. *26 декабря* 244

1899

511. П. А. Сергеенко. *1 января* 245
512. К. С. Баранцевичу. *2 января* 246
513. А. М. Пешкову (М. Горькому). *3 января* . . . 247
514. Л. И. Веселитской. *4 января* 249
515. В. А. Тихонову. *5 января* 250
516. А. С. Суворину. *17 января* 251
517. И. П. Чехову. *18 января* 253
518. А. М. Пешкову (М. Горькому). *18 января* . . . 254
519. В. Ф. Коммиссаржевской. *19 января* 255
520. И. П. Чехову. *20 января* 256
521. И. Л. Леонтьеву (Щеглову). *20 января* . . . 257
522. И. Я. Павловскому. *21 января* 258
523. Л. С. Мизиновой. *22 января* 259
524. И. Ф. Иорданову. *25 января* 261
525. М. П. Чеховой. *27 января* 262
526. А. И. Урусову. *1 февраля* 264
527. П. П. Гнедичу. *4 февраля* 265
528. Ал. П. Чехову. *5 февраля* 266
529. Л. А. Авиловой. *5 февраля* 268
530. Вл. И. Немировичу-Данченко. *8 февраля* . . 269
531. А. Ф. Марксу. *16 февраля* 270
532. Л. А. Авиловой. *18 февраля* 271
533. И. И. Орлову. *22 февраля* 272
534. А. Ф. Марксу. *25 февраля* 274
535. Л. А. Авиловой. *26 февраля* 277
536. А. С. Суворину. *4 марта* 278
537. В. М. Соболевскому. *5 марта* 279
538. В. Г. Короленко. *5 марта* 281
539. Л. А. Авиловой. *9 марта* 282
540. П. А. Сергеенко. *17 марта* 283
541. И. И. Орлову. *18 марта* 284
542. Н. М. Ежову. *18 марта* 285
543. Л. А. Авиловой. *23 марта* 286
544. М. П. Чеховой. *29 марта* 287
545. Л. А. Авиловой. *6 апреля* 288
546. А. С. Суворину. *24 апреля* 289
547. А. М. Пешкову (М. Горькому). *25 апреля* . 291

548. А. М. Пешкову (М. Горькому). *25 апреля* . . 291
549. Л. А. Авиловой. *27 апреля* 292
550. И. Я. Павловскому. *5 мая* 293
551. А. М. Пешкову (М. Горькому). *9 мая* 294
552. Е. П. Гославскому. *11 мая* 294
553. П. Ф. Иорданову. *15 мая* 296
554. М. О. Меньшикову. *4 июня* 298
555. О. Л. Книппер. *16 июня* 299
556. А. М. Пешкову (М. Горькому). *22 июня* . . . 300
557. А. С. Суворину. *26 июня* 301
558. А. М. Пешкову (М. Горькому). *27 июня* . . . 302
559. О. Л. Книппер. *1 июля* 303
560. А. С. Суворину. *19 августа* 304
561. А. М. Пешкову (М. Горькому). *24 августа* . . 306
562. О. Л. Книппер. *3 сентября* 307
563. А. М. Пешкову (М. Горькому). *3 сентября* . 308
564. О. Л. Книппер. *9 сентября* 309
565. М. Ф. Терентьевой. *10 сентября* 310
566. В. А. Гольцеву. *15 сентября* 311
567. П. В. Ундольскому. *17 сентября* 312
568. А. Ф. Марксу. *28 сентября* 313
569. Ю. О. Грюнбергу. *28 сентября* 314
570. О. Л. Книппер. *29 сентября* 315
571. Л. С. Мизиновой. *30 сентября* 316
572. О. Л. Книппер. *30 сентября* 317
573. Московскому Художественному театру. *1 октября* 318
574. М. О. Меньшикову. *2 октября* 318
575. О. Л. Книппер. *4 октября* 319
576. О. Л. Книппер. *7 октября* 320
577. А. Л. Вишневскому. *8 октября* 321
578. Г. И. Россолимо. *11 октября* 322
579. А. И. Урусову. *16 октября* 324
580. В. Э. Мейерхольду. *Октябрь* 325
581. О. Л. Книппер. *30 октября* 327
582. Ю. О. Грюнбергу. *1 ноября* 328
583. О. Л. Книппер. *1 ноября* 329
584. А. Л. Вишневскому. *3 ноября* 330
585. М. П. Чеховой. *11 ноября* 331
586. В. А. Поссе *19 ноября* 332
587 Вл. И. Немировичу-Данченко. *24 ноября* . . . 333

588. А. М. Пешкову (М. Горькому). *25 ноября* . . . 335
589. А. Б. Тараховскому. *26 ноября* 336
590. Е. П. Гославскому. *1 декабря* 337
591. М. П. Чехову. *3 декабря* 338
592. Вл. И. Немировичу-Данченко. *3 декабря* . . 340
593. О. Л. Книппер. *8 декабря* 342
594. П. Ф. Иорданову. *11 декабря* 342
595. В. А. Поссе. *20 декабря* 344
596. П. И. Куркину. *23 декабря* 345

1900

597. А. М. Пешкову (М. Горькому). *2 января* . . . 347
598. О. Л. Книппер. *2 января* 348
599. А. С. Суворину. *8 января* 349
600. В. А. Поссе. *11 января* 351
601. А. А. Санину (Шенбергу). *14 января* 352
602. Г. И. Россолимо. *21 января* 353
603. О. Л. Книппер. *22 января* 354
604. А. С. Суворину. *23 января* 355
605. Ф. Д. Батюшкову. *24 января* 357
606. Ал. П. Чехову. *25 января* 358
607. В. А. Гольцеву. *27 января* 359
608. М. О. Меньшикову. *28 января* 360
609. Л. С. Мизиновой. *29 января* 362
610. М. П. Чехову. *29 января* 363
611. И. Л. Леонтьеву (Щеглову). *2 февраля* . . . 365
612. А. М. Пешкову (М. Горькому). *3 февраля* . . 366
613. А. С. Пругавину. *5 февраля* 367
614. В. А. Поссе. *5 февраля* 368
615. А. С. Суворину. *12 февраля* 369
616. А. М. Пешкову (М. Горькому). *15 февраля* . . 371
617. В. А. Поссе. *15 февраля* 373
618. В. А. Поссе. *29 февраля* 374
619. А. М. Пешкову (М. Горькому). *6 марта* . . 375
620. А. С. Суворину. *10 марта* 375
621. О. Л. Книппер. *20 мая* 377
622. П. Ф. Якубовичу (Мельшину). *14 июня* . . . 377
623. А. И. Петровскому. *19 июня* 378
624. А. М. Пешкову (М. Горькому). *12 июля* . . . 379
625. А. Л. Вишневскому. *5 августа* 379

626. О. Л. Книппер. *9 августа* 380
627. О. Л. Книппер. *5 сентября* 381
628. О. Л. Книппер. *15 сентября* 382
629. Ю. О. Грюнбергу. *24 сентября* 383
630. О. Л. Книппер. *28 сентября* 384
631. А. М. Пешкову (М. Горькому). *16 октября* . . 385
632. Л. В. Средину. *1 ноября* 385

1901

633. К. С. Алексееву (Станиславскому). *2 января* 386
634. О. Л. Книппер. *2 января* 387
635. А. Л. Вишневскому. *6 января* 388
636. О. Л. Книппер. *6 января* 389
637. И. А. Тихомирову. *14 января* 390
638. К. С. Алексееву (Станиславскому). *15 января* 391
639. М. А. Членову. *19 января* 391
640. О. Л. Книппер. *20 января* 392
641. О. Л. Книппер. *21 января* 393
642. А. Л. Вишневскому. *25 января* 394
643. М. Ф. Андреевой. *26 января* 394
644. О. Л. Книппер. *7 февраля* 395
645. Н. П. Кондакову. *20 февраля* 396
646. М. П. Чехову. *22 февраля* 397
647. О. Л. Книппер. *26 февраля* 398
648. О. Л. Книппер. *1 марта* 399
649. Н. П. Кондакову. *2 марта* 400
650. В. А. Поссе. *3 марта* 401
651. М. П. Чехову. *5 марта* 402
652. Г. М. Чехову. *8 марта* 403
653. Б. К. Зайцеву. *9 марта* 403
654. И. А. Бунину. *14 марта* 404
655. О. Л. Книппер. *18 марта* 404
656. А. М. Пешкову (М. Горькому). *18 марта* . . 405
657. А. М. Федорову. *25 марта* 406
658. О. Л. Книппер. *26 апреля* 407
659. В. А. Поссе. *21 мая* 408
660. Е. Я. Чеховой. *25 мая* 409
661. А. М. Пешкову (М. Горькому). *28 мая* 409
662. М. П. Чеховой. *2 июня* 409
663. А. М. Пешкову (М. Горькому). *8 июня* . . . 411

664. А. М. Пешкову (М. Горькому). *24 июля* . . 412
665. М. А. Членову. *24 июля* 413
666. О. О. Садовской. *9 августа* 413
667. А. М. Пешкову (М. Горькому). *24 сентября* . 414
668. Л. В. Средину. *24 сентября* 415
669. В. С. Миролюбову. *19 октября* 416
670. А. М. Пешкову (М. Горькому). *22 октября* . 417
671. А. М. Федорову. *3 ноября* 419
672. О. Л. Книппер. *6 ноября* 420
673. О. Л. Книппер. *17 ноября* 421
674. В. А. Гольцеву. *11 декабря* 422
675. В. С. Миролюбову. *17 декабря* 423
676. М. П. Чехову. *17 декабря* 424
677. С. П. Дягилеву. *20 декабря* 425

1902

678. К. Д. Бальмонту. *1 января* 426
679. О. Л. Книппер. *5 января* 427
680. П. И. Куркину. *13 января* 428
681. И. А. Бунину. *15 января* 428
682. К. С. Алексееву (Станиславскому). *20 января* 429
683. О. Л. Книппер. *20 января* 430
684. Н. Д. Телешову. *20 января* 431
685. О. Л. Книппер. *31 января* 432
686. М. П. Алексеевой (Лилиной). *3 февраля* . . 433
687. П. Ф. Иорданову. *6 февраля* 434
688. Г. И. Россолимо. *6 февраля* 435
689. А. Ф. Марксу. *8 февраля* 436
690. М. П. Чеховой. *8 февраля* 436
691. О. Л. Книппер. *9 февраля* 437
692. М. А. Членову. *13 февраля* 438
693. В. С. Миролюбову. *20 февраля* 439
694. А. В. Амфитеатрову. *27 февраля* 439
695. В. С. Миролюбову. *8 марта* 440
696. Д. М. Ратгаузу. *10 марта* 441
697. В. Г. Короленко. *19 марта* 441
698. Н. Д. Телешову. *21 марта* 442
699. И. А. Белоусову. *21 марта* 442
700. О. Л. Книппер. *31 марта* 443

701. Н. П. Кондакову. *2 апреля* 444
702. В. Г. Короленко. *19 апреля* 445
703. В. Г. Короленко. *20 апреля* 445
704. К. Д. Бальмонту. *7 мая* 446
705. А. М. Пешкову (М. Горькому). *2 июня* 447
706. А. М. Пешкову (М. Горькому). *11 июня* . . 447
707. О. Л. Книппер. *18 июня* 448
708. А. М. Пешкову (М. Горькому). *24 июня* . . . 449
709. Вл. И. Немировичу-Данченко. *25 июня* . . 449
710. А. М. Пешкову (М. Горькому). *17 июля* . . . 450
711. К. С. Алексееву (Станиславскому). *18 июля* . 451
712. А. М. Пешкову (М. Горькому). *29 июля* . . . 452
713. А. Н. Веселовскому. *25 августа* 453
714. В. М. Лаврову. *8 сентября* 454
715. Н. Д. Телешову. *14 сентября* 455
716. О. Л. Книппер. *18 сентября* 455
717. А. Ф. Марксу. *23 октября* 456
718. А. И. Куприну. *1 ноября* 457
719. Ф. Д. Батюшкову. *6 ноября* 458
720. П. И. Куркину. *4 декабря* 458
721. О. Л. Книппер. *14 декабря* 459
722. О. Л. Книппер. *17 декабря* 460
723. П. И. Куркину. *24 декабря* 462
724. С. П. Дягилеву. *30 декабря* 462
725. В. С. Миролюбову. *30 декабря* 463

1903

726. О. Л. Книппер. *9 января* 464
727. Е. П. Гославскому. *10 января* 465
728. Ф. Д. Батюшкову. *11 января* 466
729. О. Л. Книппер. *11 января* 467
730. О. Л. Книппер. *20 января* 468
731. О. Л. Книппер. *23 января* 469
732. В. А. Гольцеву. *26 января* 470
733. О. Л. Книппер. *26 января* 471
734. В. Ф. Коммиссаржевской. *27 января* 472
735. О. Л. Книппер. *1 и 2 февраля* 473
736. М. Ф. Победимской. *5 февраля* 475
737. К. С. Алексееву (Станиславскому). *5 февраля* 475

738. А. И. Куприну. *7 февраля* 476
739. Н. Д. Телешову. *7 февраля* 476
740. О. Л. Книппер. *9 февраля* 477
741. В. С. Миролюбову. *9 февраля* 478
742. М. П. Алексеевой (Лилиной). *11 февраля* . . 479
743. О. Л. Книппер. *11 февраля* 480
744. А. А. Андреевой. *14 февраля* 481
745. О. Л. Книппер. *17 февраля* 482
746. И. Н. Потапенко. *26 февраля* 483
747. А. И. Сумбатову (Южину). *26 февраля* . . . 484
748. В. С. Миролюбову. *27 февраля* 485
749. И. А. Белоусову. *15 марта* 485
750. И. И. Горбунову-Посадову. *19 марта* 486
751. В. А. Гиляровскому. *23 марта* 487
752. О. Л. Книппер. *23 марта* 487
753. О. Л. Книппер. *24 марта* 488
754. О. Л. Книппер. *15 апреля* 489
755. В. В. Смидовичу (Вересаеву). *5 июня* 490
756. П. А. Сергеенко. *11 июня* 491
757. В. С. Миролюбову. *12 июня* 491
758. А. Н. Поповой. *17 июня* 492
759. С. Н. Рабиновичу (Шолом-Алейхему). *19 июня* 493
760. А. С. Суворину. *29 июня* 493
761. А. С. Суворину. *1 июля* 494
762. С. П. Дягилеву. *12 июля* 495
763. В. Г. Короленко. *15 июля* 496
764. К. С. Алексееву (Станиславскому). *28 июля* . 496
765. Б. А. Лазаревскому. *28 июля* 497
766. К. Д. Бальмонту. *5 августа* 497
767. Л. А. Сулержицкому. *16 августа* 498
768. В. А. Гольцеву. *18 августа* 499
769. Вл. И. Немировичу-Данченко. *22 августа* . . 499
770. С. А. Алексееву (Найденову). *29 августа* . . . 500
771. Вл. И. Немировичу-Данченко. *2 сентября* . 502
772. В. А. Гольцеву. *3 сентября* 502
773. М. А. Членову. *13 сентября* 503
774. М. П. Алексеевой (Лилиной). *15 сентября* . . 503
775. В. А. Гольцеву. *18 сентября* 505
776. О. Л. Книппер. *27 сентября* 505
777. В. А. Гольцеву. *6 октября* 506

778. Е. Н. Чирикову. *7 октября* 507
779. О. Л. Книппер. *14 октября* 508
780. О. Л. Книппер. *17 октября* 510
781. О. Л. Книппер. *21 октября* 511
782. О. Л. Книппер. *25 октября* 512
783. О. Л. Книппер. *30 октября* 514
784. К. С. Алексееву (Станиславскому). *30 октября* 515
785. Вл. И. Немировичу-Данченко. *2 ноября* . . 516
786. К. С. Алексееву (Станиславскому). *5 ноября* . 518
787. О. Л. Книппер. *7 ноября* 519
788. К. С. Алексееву (Станиславскому). *10 ноября* 520
789. В. Л. Кигну-Дедлову. *10 ноября* 521
790. К. С. Алексееву (Станиславскому). *23 ноября* 522
791. Н. И. Коробову. *23 ноября* 523
792. А. Н. Веселовскому. *11 декабря* 523
793. А. С. Лазареву-Грузинскому. *13 декабря* . . 524
794. Ф. Д. Батюшкову. *21 декабря* 525

1904

795. И. А. Бунину. *8 января* 525
796. И. Л. Леонтьеву (Щеглову). *18 января* . . . 526
797. В. Л. Кигну-Дедлову. *24 января* 527
798. А. Н. Веселовскому. *2 февраля* 528
799. Л. А. Авиловой. *7 февраля* 528
800. Л. А. Авиловой. *14 февраля* 529
801. О. Л. Книппер. *27 февраля* 530
802. М. П. Алексеевой (Лилиной). *Февраль* 531
803. О. Л. Книппер. *3 марта* 532
804. О. Л. Книппер. *10 апреля* 533
805. А. В. Амфитеатрову. *13 апреля* 534
806. Б. А. Лазаревскому. *13 апреля* 535
807. О. Л. Книппер. *22 апреля* 536
808. М. П. Чеховой. *22 мая* 537
809. Б. А. Садовскому. *28 мая* 538
810. К. П. Пятницкому. *31 мая* 538
811. А. Ф. Марксу. *31 мая* 539
812. Л. И. Любимову. *2 июня* 540
813. П. И. Куркину. *12 июня* 540
814. В. М. Соболевскому. *12 июня* 541
815. М. П. Чеховой. *16 июня* 542

816. К. П. Пятницкому. *19 июня* 543
817. Г. И. Россолимо. *28 июня* 544
818. М. П. Чеховой. *28 июня* 545

Примечания 549

Указатель произведений А. П. Чехова, упоминаемых в письмах (в томах 11—12) 661

Указатель имен и названий, упоминаемых в письмах (в томах 11—12) 669

Указатель писем по адресатам 750

Указатель произведений А. П. Чехова (в томах 1—10) 755

Опечатки и исправления к Собранию сочинений А. П. Чехова 768

Антон Павлович
ЧЕХОВ

Собрание сочинений, т. 12

Редактор *В. Титова*
Художественный редактор *И. Жихарев*
Технический редактор *Ф. Артемьева*
Корректор *Т. Козменко*

*

Сдано в набор 19/X 1962 г. Подписано к печати 1/II 1963 г. Бумага 84×108[1]/₃₂— 24,5 печ. л. 40,18 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 36,11+1 вкл.= 36,16 л. Тираж 575 000 (1 завод 200 000) экз. Заказ № 3470.
Цена 1 р. 5 к.

Издательство
„Художественная литература".
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати.
Москва, Ж-54, Валовая, 28